

21 $\frac{214}{191}$

T 1

ms $\frac{201-04}{1324}$

U $\frac{214}{191}$

НАРОДЫ ЗЕМЛИ

Вып. V.

2/203
И

H 59

82 H

Библ. Александра Николаевича
Виноградова, Б. Кромы
Народы

9/10
Н. 29.

Земли

801-09
1328

У 214
191

Географическіе очерки жизни челоѣка на землѣ

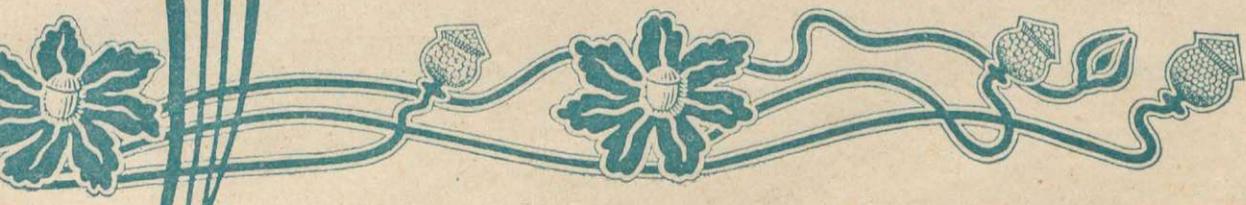
подъ редакціей

Александра Бетрогорскаго

ДИРЕКТОРА ТЕНИШЕВСКАГО УЧИЛИЩА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

Томъ I

Изданіе
Т-ва „Общест. Польза“
Спб., В. Подъяч., 39.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Марта 1903 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Каждому изъ насъ присуще стремленіе узнать, какъ живетъ человѣкъ въ различныхъ концахъ земного шара; всѣмъ интересно и поучительно познакомиться съ природой, среди которой приходится жить человѣку, съ тѣмъ, какъ онъ съ нею борется, и какое вліяніе эта борьба оказываетъ на весь его внутренній и внѣшній укладъ жизни.

Для удовлетворенія этой потребности очень много сдѣлано въ истекшемъ столѣтіи: множество ученыхъ и путешественниковъ обогатили наши знанія о человѣкѣ большимъ количествомъ любопытнѣйшихъ фактовъ. Этнографическая литература растетъ съ каждымъ днемъ, но, при всемъ томъ, читателю-не специалисту весьма трудно удовлетворить свою любознательность. Въ нашей литературѣ ощущается недостатокъ въ такомъ популярномъ сочиненіи, которое отвѣтило бы на запросы въ указанномъ нами направленіи. Этою цѣлью задается предпринимаемое нами изданіе.

Мы желали бы дать нашей семьѣ и школѣ краткое, но по возможности ясное и живое, описаніе жизни главнѣйшихъ народовъ земли. Рядомъ связанныхъ очерковъ мы имѣли въ виду ввести читателей въ изученіе образа жизни человека среди различныхъ условій природы, познакомить съ нравами и обычаями разныхъ народовъ, съ ихъ бытомъ и государственнымъ устройствомъ, занятіями, жилищами, одеждой и т. п. явленіями жизни, иллюстрируя все это многочисленными, наиболѣе характерными, рисунками.

Весь матеріалъ распредѣлится по частямъ свѣта, приблизительно слѣдующимъ образомъ: Австралія и Океанія—10 лист., Африка—15, Америка—20, Азія—25, Европа—50 (въ томъ числѣ на Россію—25 лист.). Къ изданію будутъ приложены 4 раскрашенныя таблицы и помѣщено до 1000 иллюстрацій; довольно значительная часть ихъ взята изъ новѣйшаго нѣмецкаго изданія *Die Völker der Erde von Dr. Kurt Lampert*. Текстъ составленъ заново по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ источникамъ; перечень сотрудниковъ будетъ опубликованъ при каждомъ томѣ.

А. Я. Острогорскій.

Оглавление I-го тома.

Австралія

(сост. Э. Пименова).

СТРАН.

Глава I.	Открытие Австралии. — Португальские моряки. — Путешествие Кука. — Колонія ссыльных. — Первые австралийские поселенцы. — Столкновение съ дикарями. — Голодь въ колоніи. — Появление свободныхъ колонистовъ. — Открытіе золота. — Развитие промышленности. — Земледѣліе и овцеводство. — Успѣхи Австраліи	1
„ II.	Климатъ Австраліи. — Поверхность австралийскаго материка. — Растительность. — Внутреннія области. — Животный міръ Австраліи. — Перемѣны, внесенныя европейцами	10
„ III.	Первобытные обитатели Австраліи. — Одежда дикарей. — Раскрашивание кожи. — Украшенія. — Общины дикарей. — Взаимныя отношенія. — Совѣтъ стариковъ. — Умственные способности дикарей. — Бумерангъ. — Вооруженіе дикаря. — Положеніе женщины у чернокожихъ. — Бракъ. — Отношеніе къ дѣтямъ. — Вѣра въ духовъ. — Колдуны. — Отыскиваніе виновника смерти. — Похороны. — Муміи дикарей. — Людоѣдство. — Ночныя собранія „Корробори“. — Пѣсни дикарей. — Борбоби. — Защитницы побѣжденнаго. — Отношеніе между туземцами и европейцами. — Гибель расы	22
„ IV.	Прежде и теперь. — Добываніе золота. — Развитие сельскаго хозяйства. — Желѣзные дороги. — Расходъ на просвѣщеніе. — Первая англійская колонія. — Австралийскіе штаты. — Отношеніе между колоніями и Англійей. — Управление колоній. — Возрастаніе экономическаго благосостоянія — Планъ союза. — Учрежденіе федеральнаго совѣта. — Австралийская республика. — Федеральный парламентъ. — Связь съ Англійей. — Положеніе народа и его права. — Развитие Австраліи. — Телеграфныя станціи въ пустынь. — Штатъ Викторія. — Мельбурнь. — Баллааратъ. — Австралийская чаща. — Сидней. — Засуха и наводненія. — Квинслендъ. — Западная Австралія. — Южная Австралія. — Сѣверная территория. — Австралийскій народъ	40

Океанія

(сост. Э. Пименова).

Глава I.	Дѣленіе острововъ. — Тасманія. — Новая Гвинея. — Климатъ и природа. — Папуасы. — Характеръ населенія. — Оригинальныя жилища. — Религіозныя вѣрованія. — Отношенія къ женщинамъ и дѣтямъ. — Меланезійскіе острова и ихъ населеніе. — Новая Каледонія. — Людоѣдство — Острова Фиджи. — Жители острововъ; ихъ качества и недостатки. — Распространеніе людоѣдства. — Похороны живого короля. — Торговля и промышленность	51
„ II.	Новая Зеландія. — Природа острововъ. — Чудеса Новой Зеландіи. — Татуированныя скалы. — Кипящій вулканъ. — Природныя печи. — Растительность. — Фауна Новой Зеландіи. — Киви. — Моа. — Превращеніе Новой Зеландіи. — Первое посѣщеніе европейцевъ. — Недружелюбіе дикарей. — Маорисы. — Татуировка. — Религія. — Легенды маорисовъ. — Происхожденіе маорисовъ. — Деревни и обычаи жителей. — Взглядъ маорисовъ на людоѣдство. — Характеръ маорисовъ. — Оригинальный способъ привѣтствія. — Отношеніе къ европейцамъ. — Первые европейскіе поселенцы. — Торговля головами. — Войны. — Маорійскій Наполеонъ. — Вайтангскій договоръ. — Десятилѣтняя война. — Секта „Чау-Чау“. — Королевская земля. — Современное положеніе Новой Зеландіи	76

- Глава III.** Гавайскіе или Сандвичевы острова. — Вулканическія явленія, растительность и климатъ. — Населеніе. — Трагическая судьба Кука. — Нравы и обычаи гавайцевъ. — Религія. — Храмы, убѣжища. — Характеръ гавайцевъ. — Поэтическія наклонности. — Островъ Гаваи — Плаваніе въ водопадѣ. — Мауна Лоа и Килауэа. — Островъ Молокай. — Король Камеамеа I. — Истребленіе войска изверженіемъ. — Конецъ языческой эры. — При соединеніе къ Соединеннымъ Штатамъ. — Острова Самоа — Природа острововъ. — Жители Самоа. — Операция татуировки. — Характеръ жителей. — Сидячій танецъ — Отношенія къ женщинамъ. — Жилища. — Религія. — Легенда о сотвореніи міра. — Успѣхи миссіонеровъ. — Борьба за преобладаніе. — Архипелагъ Тонга или Дружбы. — Характеръ населенія. — Микронезія. — Маріанскіе или Разбойничьи острова. — Послѣдствія испанскаго владычества. — Архипелагъ Палао. — Туземное населеніе. — Каролинскіе острова. — Маршалскіе острова и архипелагъ Джильберта. — Острова Таити и ихъ населеніе. — Отдаленные архипелаги. — Островъ Питкэрнъ. — Маленькая республика. — Острова Пасхи. — Удивительные памятники

97

Малайскай архипелагъ

(сост. Л. Купріянова).

- Глава I.** Природа и климатъ. — Вулканическая дѣятельность. — Растительность и животный міръ — Первые торговья сношенія съ европейцами. — Остъ-Индская Компанія голландцевъ и ея господство на архипелагѣ 133
- ” **II.** Населеніе архипелага. — Малайцы, ихъ различныя племена. — Внѣшній видъ, характеръ, занятія, обычаи, языкъ, религія и культура. — Дикари Малайскаго архипелага. — Даяки. 139
- ” **III.** Господство голландцевъ и ихъ колониальная система. — Вліяніе ея на малайцевъ. — Культура кофе, сахара, табака и др. растений. — Торговля архипелага. — Управление. — Главнѣйшіе города. — Португальскія и англійскія владѣнія на архипелагѣ и полуостровѣ Малаккѣ 150

Индокитай

(сост. Н. Березинъ).

- Сіамцы. — Аннамиты. — Туземцы Камбоджи и Кохинхины — Бирманцы. — Филиппинскіе острова 156

Китай

(сост. Н. Березинъ).

- Глава I.** Историческій очеркъ Китая 171
- ” **II.** Географическій очеркъ Китая 173
- ” **III.** Внѣшность и характеръ китайцевъ 177
- ” **IV.** Китайская деревня и китайскіе крестьяне. — Китайскій городъ и его населеніе 189
- ” **V.** Чай и его культура. 197
- ” **VI.** Китайская семья. — Китайская школа и экзамены на ученые степени. 200
- ” **VII.** Религіозныя вѣрованія китайцевъ 207
- ” **VIII.** Императорскій дворъ и чиновники 212

Жители подвластныхъ Китаю странъ

(сост. Н. Березинъ).

- Монголы. — Страна. — Монголы: ихъ типъ, одежда, жилища, характеръ, средства жизни, пища. — Общественный строй. — Религія и духовенство. 221
- Жители Тибета. — Страна. — Тангуты: дѣленіе народа, типъ, жилища, одежда, образъ жизни, пища, характеръ и нравы 230
- Ламаизмъ. — Обряды и суевѣрія. — Духовенство. — Монастыри. — Далай-лама 238
- Жители Манчжуріи 248
- Корейцы 246

Японія

(сост. Е. Булгакова).

- Глава I.** Возрастающая популярность японцевъ за послѣднее время. — Внѣшніе успѣхи Японіи. — Первое знакомство европейцевъ съ Японіей и торговья сношенія между японскими и европейскими купцами. — Дѣятельность іезуитовъ и изгнаніе иностранцевъ. — Переворотъ 1867 года. — Причины этого переворота — въ прошломъ Японіи. — Исторія Японскаго государства 257

Глава II.	Климатъ Японіи. — Поверхность Японскихъ острововъ. — Растительность. — Сѣверная, средняя и южная полоса. — Животный міръ Японіи	263
„ III.	Коренные жители Японіи—айно. — Ихъ занятія, жилище, одежда, вѣрованія и образъ жизни. — Два типа японцевъ. — Выносливость представителей низшихъ классовъ. — Одежда японцевъ и ихъ жилища. — Внутренняя жизнь японца. — Пристрастіе къ ваннѣ. — Простота нравовъ. — Контрастъ между европейской и туземной частью города. — Положеніе японской женщины. — Воспитаніе гейши. — Бракъ. — Японскія дѣти. — Театръ и зрѣлище. — Религіозныя празднества. — Религія японцевъ	270
„ IV.	Прежде и теперь. — Обрабатывающая и добывающая промышленность. — Сельское хозяйство. — Экономическое положеніе японскаго крестьянина. — Желѣзныя дороги. — Народное образованіе. — Положеніе самураевъ и даймю въ пореформенное время. — Мѣстное самоуправленіе. — Японская конституція. — Государственный бюджетъ. — Отношеніе Японіи къ Корей. — Сильный ростъ японскихъ городовъ. — Токио. — Киото. — Осака—центръ японской промышленности. — Кобе и Хіого. — Иокогама. — Города о. Сикокъ и Кіу-Сіу. — Нагасаки. — Сѣверъ Японіи. — Характеристика японцевъ	284

Индія

(сост. Э. Пименова).

Глава I.	Разнообразіе климата и природы Индіи. — Естественныя богатства Индіи. — Растительный и животный міръ. — Населеніе Индіи; его разнородность. — Арійцы и дравиды. — Коларійскія племена. — Касты и ихъ значеніе.	297
„ II.	Управленіе англичанъ. — Господствующіе языки. — Древняя литература. — Древняя религія индусовъ. — Ея измѣненія. — Другія религіи и секты. — Взаимныя отношенія послѣдователей этихъ религій	301
„ III.	Долина Кашмира. — Гималаи. — Пенджабъ и его населеніе. — Непаль. — Храмы и факіры. — Раджпутана. — Ея населеніе. — Обычай убійства дочерей. — Сати. — Племя боліевъ	305
„ IV.	Бенгальская низменность. — Свойства ея климата и природы. — Священная рѣка. — Важнѣйшіе города. — Бенаресь, Калькута и др. — Черная яма. — Орисса. — Человѣческія жертвоприношенія. — Ассамъ. — Населеніе Ассамы и центральныхъ провинцій	312
„ V.	Бомбей. — Башни молчанія. — Приютъ для животныхъ. — Подземныя храмы. — Деканъ. — Горы Нильгири и обитающія въ нихъ племена. — Жители Малабарскаго берега.	320
„ VI.	Цейлонъ. — Его природа. — Первобытныя племена. — Сингалезы, тамилы и ведды. — Положеніе англичанъ въ Индіи и ихъ вліяніе	325

Народы Ирана и Малой Азіи

(сост. Н. Березинъ).

Глава I.	Прошлое Ирана, его природа и населяющіе его народы	331
„ II.	Происхожденіе, внѣшній видъ и характеръ персіянъ. — Одежда, жилища, семейная обстановка и домашній бытъ. — Тегеранъ	336
„ III.	Семья. — Религія и духовенство. — Погребеніе. — Религіозныя мистеріи. — Шахъ и его правительство.	348
IV.	Авганы. — Балуджи. — Арабы. — Палестина и Сирія. — Малая Азія. — Курды. — Армяне	356

Глава I.

Открытие Австралиі. — Португальскіе моряки. — Путешествіе Кука — Колонія ссыльныхъ. — Первые австралийскіе поселенцы. — Столкновенія съ дикарями. — Голодь въ Колоніи. — Появленіе свободныхъ колонистовъ. — Открытіе золота. — Развитіе промышленности. — Земледѣліе и овцеводство. — Успѣхи Австралиі.

Далеко отъ Европы, среди громаднаго океана, омывающаго берегъ Азіи, Африки и Америки, затерялся цѣлый чудный міръ, крайне своеобразный и непохожій на другія части свѣта. Безчисленное множество острововъ, большихъ и малыхъ, цѣпью окружають самый маленькій материкъ земнаго шара, пятую часть свѣта, Австралію. Многія тысячелѣтія лежалъ этотъ материкъ, заброшенный въ океанѣ, дикій и пустынный, невѣдомый остальному міру. Европейцы узнали о его существованіи лишь долго спустя послѣ того, какъ была открыта Америка. Но кому собственно принадлежитъ честь открытія пятой части свѣта — Австраліи, съ достовѣрностью неизвѣстно. Очень вѣроятно, что малайцы, обитатели остъ-индскихъ острововъ, отправляясь на охоту за трепангами, которыхъ они доставляли на китайскіе рынки, доходили на своихъ судахъ до береговъ Австраліи, но изъ европейскихъ народовъ португальцы первые достигли австралийскаго материка. Отважные и смѣлые португальскіе моряки рыскали по всѣмъ морямъ, отыскивая кратчайшій путь на Востокъ, соблазняя ихъ своими богатствами, или-же разыскивая новыя страны и новые источники богатства. Хотя въ этомъ стремленіи ничего не было возвышеннаго, но благодаря ему сдѣланы были многія великія открытія. Первый, посѣтившій сѣверный берегъ Австраліи, былъ португалець Мануэль-Годинха ди Эредіа, но такъ какъ португальцы не желали дѣлиться съ другими народами выгодами этого открытія, то они сохраняли его втайнѣ, такъ что въ 16 вѣкѣ имѣлись лишь весьма смутныя свѣдѣнія объ этой новой части свѣта. Также точно поступали и испанцы, скрывавшіе свои открытія, и только, когда другіе народы, голландцы и англичане, вступили съ ними въ соревнованіе на морѣ, изслѣдованіе новыхъ странъ стало дѣлать болѣе быстрые успѣхи. Голландцы утвердились на Явѣ и оттуда уже совершали свои экскурсіи въ разныя другія страны. Встрѣтивъ на своемъ пути большой австралийскій материкъ, голландцы назвали его Новой Голландіей, и это названіе оставалось за нимъ почти до новѣйшаго времени.

Однако дѣло изслѣдованія Австраліи подвигалось впередъ очень мало, такъ какъ страна эта, казалось, не оправдывала надеждъ, возлагавшихся на нее смѣлыми мореплавателями и не представлялась имъ такимъ золотымъ дномъ, какимъ оказывались другія открытыя ими страны. Прошло почти сто лѣтъ, прежде чѣмъ снова было обращено вниманіе на Австралію, и только въ концѣ 17 вѣка, со времени знаменитаго путешествія англичанина Джемса Кука, началось серьезное изслѣдованіе австралийскаго материка. Кукъ первый объѣхалъ восточ-

ный берегъ Австраліи на протяженіи 4000 верстъ и описалъ его, и только благодаря ему эта часть материка сдѣлалась въ послѣдствіи англійскою колоніей.

Джемсъ Кукъ, тогда еще мало извѣстный молодой человѣкъ, былъ командированъ въ 1767 г. лондонскимъ географическимъ обществомъ въ Великій океанъ для наблюденія одного очень рѣдкаго небеснаго явленія. Кукъ, прибывъ на островъ Таити, успѣшно выполнилъ это порученіе и вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовалъ и описалъ этотъ прелестный островъ. Оттуда онъ поплылъ дальше, къ Новой Зеландіи, составилъ карту этихъ острововъ и затѣмъ направился къ берегамъ Австраліи. Долго Кукъ плылъ вдоль неизвѣстнаго материка, отыскивая удобную гавань, но вездѣ онъ видѣлъ лишь обрывистыя скалы, о которыя разбивались волны, и вдали горы, казавшіяся ему голубыми. Но наконецъ въ одномъ мѣстѣ скалы разступились, и Кукъ увидѣлъ бухту, куда и вошелъ со своимъ кораблемъ.

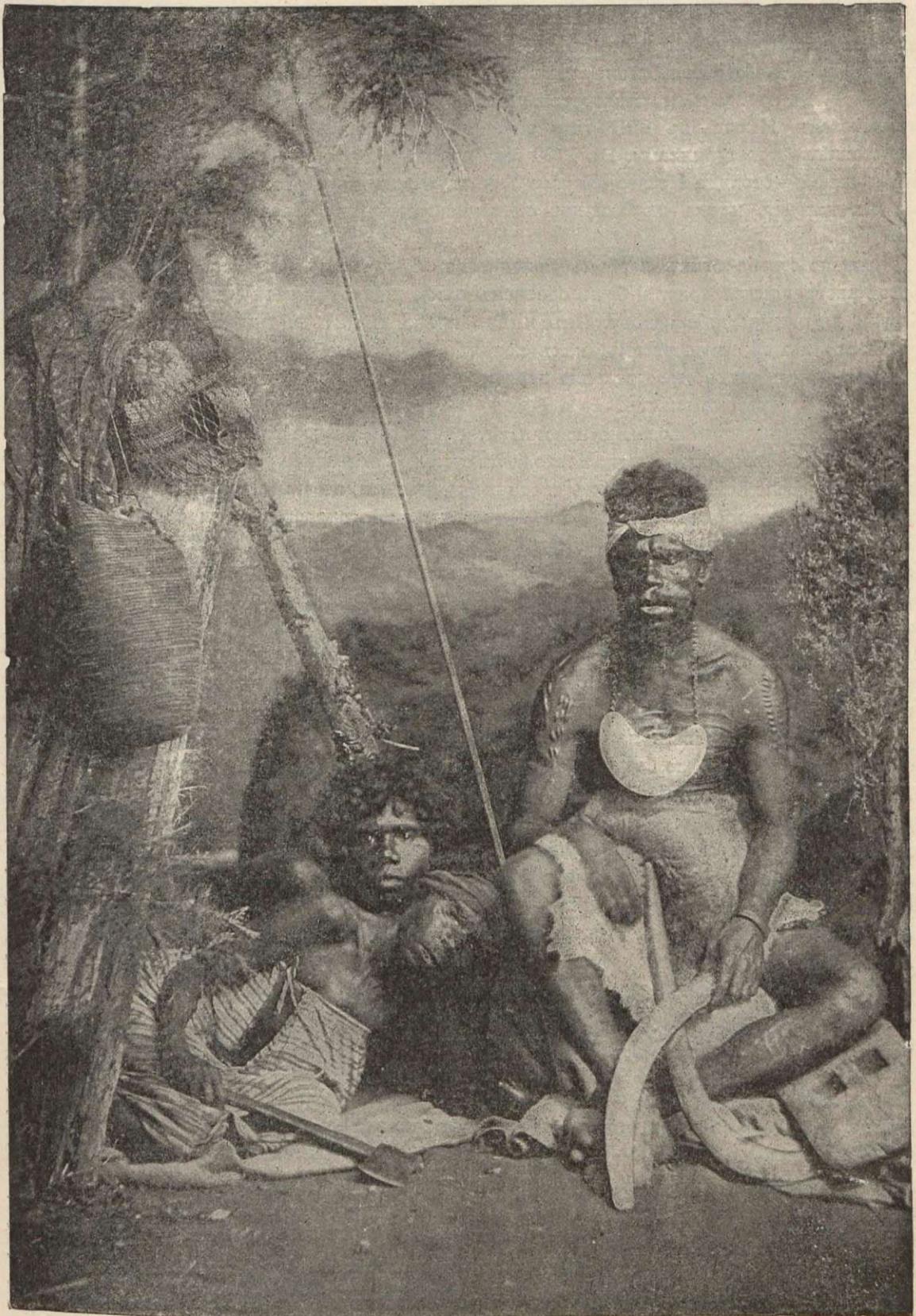
Однако высадка на берегъ не обошлась безъ приключеній. Въ бухтѣ оказались туземцы, которые не захотѣли пустить европейцевъ на берегъ и, точно предчувствуя, что появленіе бѣлыхъ на ихъ землѣ грозитъ имъ гибелью, они рѣшили защищать до послѣдней крайности свою родину отъ этихъ пришельцевъ. Но силы оказались неравными, и выстрѣлъ дробью заставилъ ихъ разбѣжаться въ разныя стороны.

Вступивъ на австралійскій берегъ, Кукъ со своими товарищами пришелъ въ восторгъ и изумленіе отъ всего того, что онъ тамъ увидѣлъ. Все было необычайно въ этой удивительной странѣ. Птицы, звѣри, растенія — все это не было похоже на то, что онъ видѣлъ въ другихъ странахъ. Особенно его поразило количество неизвѣстныхъ ему растеній, и потому онъ назвалъ эту бухту Ботани-бей, т. е., по англійски, „бухта ботаники“.

Во время своего дальнѣйшаго путешествія у береговъ Австраліи Кукъ подвергся очень серьезной опасности. Корабль его наскочилъ на коралловый рифъ и получилъ такія поврежденія, что о дальнѣйшемъ плаваніи не могло быть и рѣчи. Пришлось заняться починкой корабля, и Кукъ воспользовался этою остановкою, чтобы изслѣдовать мѣстность, а когда корабль былъ починенъ, то онъ поплылъ дальше, вдоль берега, и такимъ образомъ могъ осмотрѣть его на большомъ протяженіи. Этотъ никому неизвѣстный берегъ, никѣмъ изъ европейцевъ не виданный, онъ назвалъ Новымъ Южнымъ Уэльсомъ и объявилъ его владѣніемъ англійскаго короля.

Прошло шестнадцать лѣтъ. Объ открытомъ Кукомъ новомъ материкѣ никто не думалъ, и европейцы не стремились туда. Но наступило время, когда въ Англійи вспомнили объ этомъ открытіи и пожелали извлечь изъ него пользу.

Въ очень старые годы изгнаніе было самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ въ Англійи. Наказанному, впрочемъ, предоставлялось самому избрать мѣсто изгнанія, и ставилось лишь условіемъ его удаленіе изъ той провинціи, гдѣ онъ совершилъ свое преступленіе. На Нормандскихъ островахъ, Гернсеѣ и Джерсеѣ, еще не такъ давно существовалъ обычай ссылать своихъ преступниковъ въ Англійю, т. е. провинившагося и осужденнаго на изгнаніе высаживали въ Соутсгэмптонъ и затѣмъ предоставляли ему отправляться, куда онъ хочетъ: только на Нормандскіе острова онъ не смѣлъ болѣе возвращаться. Однако съ теченіемъ времени такой способъ изгнанія началъ становиться очень неудобнымъ, и англійское правительство стало подумывать о томъ, куда бы ссылать своихъ преступниковъ. Удобнымъ для этого мѣстомъ оказались американскія колоніи, и Англійя начала ссылать туда своихъ преступниковъ, которыхъ отдавали въ рабство плантаторамъ. Такъ продолжалось до конца 18-го вѣка, когда американскія колоніи отдѣлились отъ Англійи и составили самостоятельное государство-республику Соединенныхъ Штатовъ. Англійя уже больше не могла сбывать туда своихъ преступниковъ, и вотъ, отыскивая новыя мѣста для ссылки, англійское правительство вспомнило вдругъ объ открытіи Кука. Въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше? Берега Австраліи были очень удалены отъ Англійи, а населявшіе ихъ туземцы были безсильны; слѣдовательно, сопротивленія съ ихъ стороны нечего было опасаться. Трудно было найти болѣе удобное мѣсто для колоніи

Туземець Австраліи съ женой и матерью (С. Квинслендъ).

ссылныхъ и даже то, что берега Австраліи, по заявленію самого же Кука, были бесплодны, и онъ не нашель тамъ никакихъ съѣдобныхъ плодовъ и злаковъ, казалось въ Англіи весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ, такъ какъ бесплодіе страны должно было отнять у ссылныхъ охоту къ побѣгамъ, и, слѣдовательно, не было нужды такъ сторожить ихъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. И вотъ въ 1787 году рѣшено было отправить въ Австралію 11 кораблей, нагруженныхъ преступниками. Въ 1789 году эти корабли вошли въ бухту, гдѣ теперь лежитъ Сидней—столица Новаго Южнаго Уэльса, и такимъ образомъ преступники, осужденные на каторгу, и ихъ тюремщики сдѣлались первыми европейскими колонизаторами Австраліи.

Однако судьба этихъ первыхъ колонистовъ была очень плачевна. Губернаторъ этой первой австралійской колоніи былъ облеченъ такою властью, какая еще никогда не давалась въ руки ни одному губернатору. Онъ имѣлъ право казнить и миловать и распоряжаться ссылными и ихъ имуществомъ, какъ хотѣлъ. Въ далекой Англіи мало интересовались судьбою новой колоніи, предоставляя первому ея губернатору, морскому капитану Филиппу, устраиваться, какъ онъ знаетъ.

Когда первые подневольные колонисты, около 1000 человекъ, высадились на берегъ, то немедленно обнаружилось, какъ плохо была организована эта первая экспедиція. Надо было устраивать поселеніе, а между тѣмъ среди ссылныхъ почти не было ремесленниковъ. Нашелся всего только одинъ каменщикъ да нѣсколько столяровъ, и они сейчасъ же были сдѣланы надсмотрщиками работъ, остальные же были раздѣлены на партіи и подъ присмотромъ конвойныхъ прочищали лѣса, прокладывали дороги и т. п. Ссылныхъ дѣлили на три разряда: испытуемыхъ, каторжныхъ и безнадежныхъ. Первые работали на устраиваемыхъ казенныхъ фермахъ или же отдавались въ неволю свободнымъ поселенцамъ, которыхъ однако было очень мало. Вторые работали, прикованные другъ къ другу цѣпями, а третьихъ—безнадежныхъ, переправляли въ болѣе отдаленныя мѣста, сначала на островъ Норфолькъ, а затѣмъ на островъ Вандименову землю или Тасманію.

При такихъ условіяхъ первая колонія не могла, конечно, развиваться и процвѣтать. Подневольный трудъ рѣдко бываетъ производителенъ, а тутъ онъ еще ухудшался тѣмъ, что ссылные достигали Австраліи изнуренные длиннымъ переходомъ на плохо приспособленныхъ парусныхъ судахъ, гдѣ они терпѣли большія лишенія, вслѣдствіе плохой пищи, духоты и т. п. и гдѣ ихъ порою сковывали цѣпями всѣхъ вмѣстѣ и такъ держали во время пути. Смертность между ними была ужасная, и часто только половина отправленныхъ изъ Англіи достигала Австраліи. Но и тамъ судьба ихъ была не лучше; изнурительныя работы и очень скудная пища, дурное обращеніе, которое имъ приходилось терпѣть, быстро уносили ихъ въ могилу. Доведенные до отчаянія жестокостями своихъ начальниковъ, несчастные пробовали бунтовать, но бунтъ ихъ быстро усмирался при помощи топора и петли.

Таковы были первые шаги англійскихъ колонистовъ въ Австраліи. Вскорѣ къ разнаго рода внутреннимъ затрудненіямъ присоединились еще столкновенія съ чернокожими туземцами. Вначалѣ австралійскіе дикари отнеслись довольно дружелюбно къ пришельцамъ. Они съ несказаннымъ изумленіемъ смотрѣли на европейскія суда, принимая ихъ то за морскихъ чудовищъ, то за гигантскихъ птицъ, паруса они считали крыльями, а спущенныя на воду лодки — дѣтенышами. Наболѣе смѣлые изъ дикарей бросались въ воду и подплывали къ лодкамъ. Впослѣдствіи одинъ изъ дикарей, подружившійся съ европейцами, рассказывалъ, что страхъ ихъ еще увеличился, когда они увидали лица и одежду бѣлыхъ людей. Европейцы, разумѣется, старались еще болѣе укрѣпить въ нихъ этотъ спасительный страхъ и почтеніе. Нѣсколько корабельныхъ пушекъ были свезены на берегъ, заряжены на глазахъ дикарей, и затѣмъ изъ нихъ были произведены выстрѣлы. Дикари съ ужасомъ видѣли, какъ падали вдали деревья отъ дѣйствія снарядовъ. Европейцы показали имъ также дѣйствіе ружейныхъ пуль, стрѣляя въ полугаевъ, сидящихъ на деревьяхъ. Дикари были поражены и

рѣшили, что снаряды ружей и пушекъ—это слуги бѣлыхъ людей, которыхъ они посылаютъ исполнять свои порученія.

Благодаря почтенію, которое европейцы внушали дикарямъ, эти послѣдніе не позволяли себѣ

Австралійская женщина съ ребенкомъ.

никакихъ враждебныхъ выходокъ, а подарки, розданные имъ, даже располагали ихъ въ пользу бѣлыхъ людей. Но, къ сожалѣнію, это мало по малу измѣнилось, вслѣдствіе частыхъ несправедливостей и притѣсненій, которыя приходилось терпѣть дикарямъ отъ поселенцевъ. Дикари потеряли терпѣніе и, набравшись смѣлости, стали производить отдѣльные набѣги и нападенія

на европейцевъ и, наконецъ, даже сдѣлали большой набѣгъ и убили нѣсколькихъ европейцевъ заразъ. Такъ какъ дикари становились все смѣлѣе и враждебнѣе, то губернаторъ счелъ нужнымъ выступить противъ нихъ съ военною силою и прогналъ ихъ подальше отъ колоніи. Съ этого момента война между чернокожими и бѣлыми была окончательно объявлена. Эта война продолжается и до сихъ поръ и окончится только тогда, когда прежніе обитатели австралійскаго материка или будутъ уничтожены совсѣмъ, или же сольются съ европейцами. Чернокожая австралійская раса постепенно совсѣмъ исчезаетъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на примѣръ на Вандименовой землѣ, не осталось уже ни одного туземца.

Но вскорѣ колонистамъ стала угрожать другая, еще худшая опасность, нежели вражда туземцевъ, это — голодъ. Колонія была снабжена припасами всего на нѣсколько мѣсяцевъ, и такъ какъ нельзя было ожидать, что посѣянный хлѣбъ дастъ сразу хорошей урожай, то колонистамъ обѣщано было, что къ началу слѣдующаго года будутъ доставлены имъ новые запасы на кораблѣ изъ Англіи. Но объ этомъ обѣщаніи, должно быть, забыли, потому что ожидаемый корабль съ припасами не пришелъ, и губернаторъ рѣшилъ послать свой собственный корабль на мысъ Доброй Надежды, гдѣ въ то время была голландская колонія, и добыть оттуда запасы муки. Корабль счастливо совершилъ это путешествіе и привезъ 127,000 ф. муки, такъ что голодъ на время былъ устраненъ. Однако, когда наступило время жатвы, и всѣ надежды оказались обманутыми, потому что хлѣбъ совсѣмъ не уродился, то положеніе колоніи сдѣлалось критическимъ. Всѣ ея обитатели, не исключая и губернатора Филиппа, были посажены на голодную порцію. Всѣ овцы и весь рогатый скотъ, привезенный въ колонію для разведенія и устройства сельскаго хозяйства, мало по малу были съѣдены.

Приближалась зима 1790 г. Напрасно колонисты всматривались вдаль, ожидая увидѣть на горизонтѣ парусъ корабля, который долженъ придти изъ Англіи съ припасами. Напрасно утѣшали они себя мыслью, что корабль этотъ долженъ явиться съ огромными запасами муки, мяса и т. д. Тщетныя надежды! На горизонтѣ ничего не было видно, по прежнему разстился только пустынный океанъ.

Когда съѣденъ былъ скотъ, то колонисты стали пробовать добывать пищу рыбной ловлей и охотой, но и та и другая приносили очень мало. Рыбы становилось въ бухтѣ все меньше, а дикія птицы улетѣли подальше. Дѣло дошло до того, что колонисты стали разыскивать коренья и водоросли и пробовали ими утишить муки голода.

Губернаторъ страдалъ отъ голода такъ же, какъ и другіе. Однако по торжественнымъ днямъ онъ, какъ и прежде, приглашалъ своихъ служащихъ къ столу, но только предупреждалъ ихъ, чтобы они приносили съ собою свою порцію хлѣба и солонины, такъ какъ ему нечѣмъ угощать ихъ. Къ несчастью лучшей корабль, находившійся у него въ распоряженіи и посланный имъ на островъ Норфолькъ, въ надеждѣ, что тамъ хлѣбъ уродился лучше, разбился въ пути, и такимъ образомъ губернаторъ лишенъ былъ возможности послать за помощью въ одну изъ ближайшихъ голландскихъ колоній, въ Батавію или на мысъ Доброй Надежды.

Несчастнымъ подневольнымъ колонистамъ, разумѣется, приходилось хуже всего. Они страдали не только отъ голода, но и отъ дурного обращенія, и это заставляло многихъ искать спасенія въ бѣгствѣ и скрываться внутрь материка. Но тамъ ихъ ожидала еще худшая участь: они попадали въ руки туземцамъ, которые съѣдали ихъ, или же погибали въ австралійской пустынѣ отъ голода и жажды. Впрочемъ, нѣкоторымъ удалось всетаки спастись и даже сдѣлаться вождями дикарей. Были и такіе, которые пускались на лодкахъ въ открытый океанъ и тамъ погибали. Только въ одномъ случаѣ двумъ мужчинамъ и одной женщинѣ удалось добраться до берега послѣ долгаго и опаснаго путешествія, но тамъ ихъ схватили, посадили въ тюрьму и при первомъ удобномъ случаѣ вернули въ колонію.

Между тѣмъ въ колоніи положеніе становилось все хуже и хуже. Съѣстные припасы совершенно истощились, и населенію начала грозить голодная смерть. Но, къ счастью, въ это время прибыли наконецъ корабли изъ Англіи съ запасами провизіи. Велика была радость

въ колоніи, когда вдали на горизонтѣ показался парусъ, и колонисты различили англійскій флагъ. Съ той поры изъ Англіи стали аккуратно отправлять корабли съ припасами, и опасность голодной смерти исчезла. Однако еще долго въ колоніи продолжались такіе порядки, которые мѣшали ея процвѣтанію, хотя съ теченіемъ времени число вольныхъ поселенцевъ возрасло. Англійское правительство старалось всячески поощрять желающихъ переселиться въ Австралію, но таковыхъ находилось все таки очень мало. Въ 1793 г. едва нашлись пять семействъ, которыя согласились отправиться туда, и это были первые свободные переселенцы въ Австраліи. Англійское правительство, обрадовавшись, что нашлись такіе смѣльчаки, не только предоставило имъ даровой переѣздъ и полное содержаніе на своемъ суднѣ, но еще снабдило ихъ съѣстными припасами на два года и разрѣшило имъ пользоваться каторжниками, какъ даровыми рабочими.

Несмотря однако на такія соблазнительныя условія, примѣръ первыхъ пяти переселенцевъ съ ихъ семьями не находилъ много подражателей, и новый губернаторъ началъ раздавать землю своимъ офицерамъ, солдатамъ и отбывшимъ наказаніе каторжникамъ, для того чтобы они устраивали свое хозяйство. Такимъ образомъ число свободныхъ колонистовъ постепенно увеличилось, и тогда уже стали прибывать изъ Англіи новые свободные поселенцы. Ихъ, конечно, не могли удовлетворять порядки колоніи, и они стали добиваться введенія въ ней какихъ нибудь законовъ, которые бы ограничивали деспотичную власть губернатора. Мало-по-малу начали строиться города, школы, церкви и развиваться скотоводство и земледѣліе, но нравы въ колоніи оставались все таки очень грубыми и дикими, убійства и грабежи составляли обычное явленіе, и мирные граждане не могли считать себя въ безопасности. Только въ первой половинѣ 19 вѣка въ положеніи австралійскихъ колоній произошла перемѣна: было введено мѣстное управленіе и назначенъ законодательный совѣтъ изъ семи человекъ. Губернаторъ пересталъ пользоваться безконтрольною властью и долженъ былъ руководствоваться мнѣніями Совѣта Семи. Кромѣ того въ колоніи былъ введенъ судъ присяжныхъ, и такимъ образомъ были устранены многія изъ прежнихъ злоупотребленій.

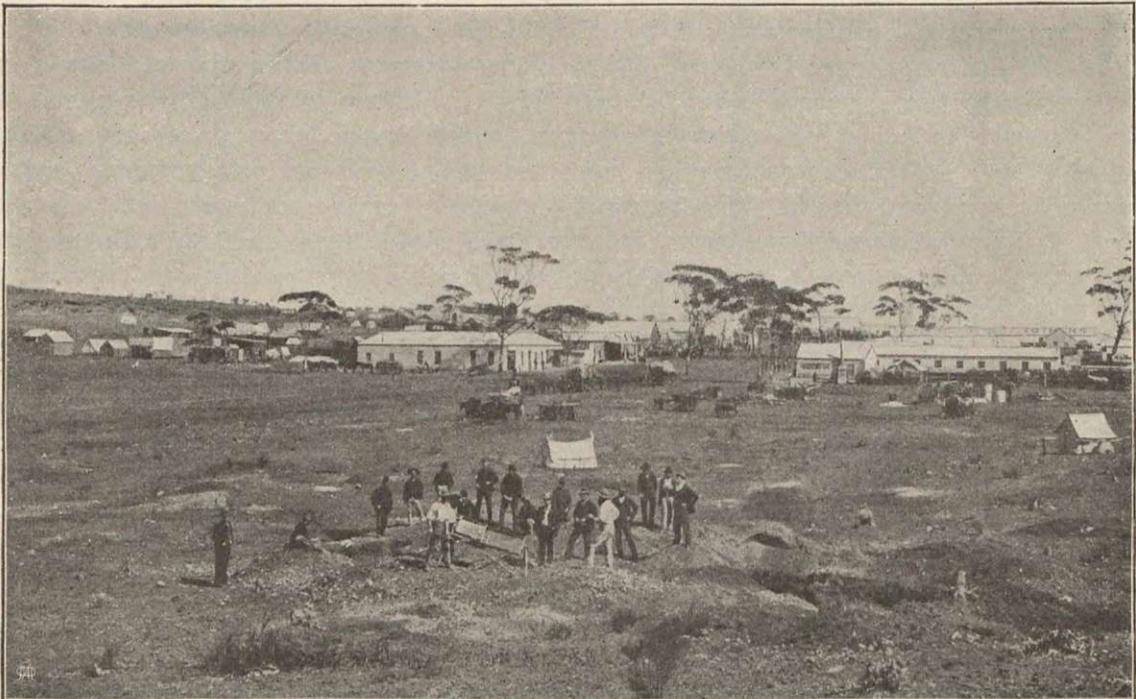
Такъ прошло 60 лѣтъ. Въ этотъ первый періодъ своего существованія австралійскія колоніи развивались довольно медленно и не достигли особеннаго процвѣтанія. Мы уже указали на причины этого медленнаго развитія. Но въ 1851 году произошла крупная перемѣна въ жизни колоній. Въ этомъ году въ Австраліи было открыто золото.

Это важное открытіе сразу измѣнило судьбу страны. Австралія перестала служить мѣстомъ подневольной ссылки, и европейцы бросились туда искать богатства и счастья. Неизвѣстная, полудикая и пустынная страна очень быстро превратилась, благодаря этому открытію, въ самую культурную и самую свободную страну въ мірѣ.

Вѣсть о находкѣ золота въ горахъ, близъ города Сиднея, съ быстротою молніи распространилась по всему міру, и со всѣхъ концовъ свѣта стали стекаться въ Австралію предприимчивые люди и разные искатели приключеній, соблазняемые призракомъ золота. Населеніе страны возрасло необыкновенно быстро. Въ одинъ мѣсяць, на примѣръ, 20,000 человекъ, гонимые жаждою наживы, прошли по дорогѣ въ золотonosный округъ, а въ годъ число это дошло до 150,000. Въ Сиднеѣ и въ другихъ городахъ Австраліи люди, увлеченные разсказами о золотыхъ россыпяхъ, бросали свою работу, фермы и т. п. и устремлялись къ Голубымъ горамъ, на западномъ склонѣ которыхъ находилось золото. Фермеры и фабриканты, рабочіе которыхъ разбѣжались, обратились было къ губернатору съ просьбою, чтобы онъ запретилъ подъ страхомъ строгаго наказанія разыскивать золото, но губернаторъ не снизошелъ къ ихъ просьбѣ, и въ концѣ концовъ они сами помчались вслѣдъ за своими рабочими искать золото. Правда, многіе хозяева разорились послѣ этого, но еще большее число людей обогатилось, и колонія быстро достигла большого процвѣтанія. Точно по мановенію волшебнаго жезла въ мѣстности, которая была совершенно пустынной до этого времени, выросли многочисленные, цвѣтушіе города и возникали хорошія дороги.

А золота было дѣйствительно много. Золотоносный песокъ лежалъ почти на поверхности земли, такъ что никакихъ усилій не нужно было, чтобы добывать его. Иногда попадались самородки въ нѣсколько десятковъ фунтовъ вѣсомъ, и часто случалось, что одного-двухъ дней работы было достаточно, чтобы сдѣлать человѣка богатымъ.

Высылка преступниковъ въ Австралію прекратилась, и подневольные переселенцы замѣнились свободными людьми. Внезапный приливъ этихъ людей въ страну, увеличившій ея населеніе, въ то же время подѣйствовалъ благоприятнымъ образомъ на развитіе всѣхъ отраслей промышленности. Золотоискатели нуждались въ разныхъ предметахъ первой необходимости и съѣстныхъ припасахъ, и это послужило для многихъ такимъ же источникомъ дохода, какъ и исканіе золота. Ремесленники, земледѣльцы, скотоводы, торговцы находили прекрасный сбытъ своимъ издѣліямъ. Одинъ сапожникъ, напримѣръ, очень быстро обогатился, продавая

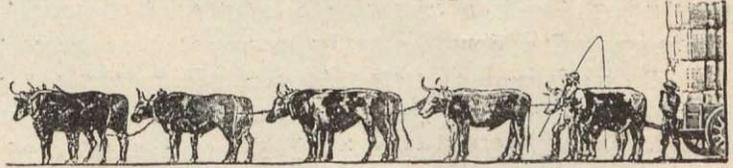

Золотые пріиски въ Зап. Австраліи.

золотоискателямъ сапоги собственной работы. Когда же золотые пріиски начали истощаться, и уже недостаточно было заступа, чтобы копать песокъ, и оловянной чашки, чтобы промывать его, а потребовались для этого разные усовершенствованныя машины, то многіе изъ золотоискателей занялись другими промыслами. Особенно выгоднымъ оказалось разведеніе овецъ. Огромныя, солончаковыя степи Австраліи были очень удобны для этого, тѣмъ болѣе что въ Австраліи нѣтъ опасныхъ хищныхъ животныхъ, которыя могли бы разорять стада.

Климатъ Австраліи также способствовалъ процвѣтанію овцеводства, и поэтому многіе переселенцы, получившіе отъ правительства даромъ или за ничтожную плату огромные участки земли, занялись этимъ промысломъ и быстро начали богатѣть. И до сихъ поръ овцеводство составляетъ одну изъ главныхъ отраслей промышленности въ Австраліи, и овцеводы или „скваттеры“—какъ ихъ называютъ тамъ—пользуются большимъ вліяніемъ въ странѣ, такъ какъ составляютъ самый богатый классъ людей. Владѣльцы безчисленныхъ стадъ, пасущихся на обширныхъ равнинахъ Австраліи, обитаютъ теперь въ роскошныхъ виллахъ,

гдѣ нибудь посреди своихъ обширныхъ владѣній. Стада находятся на попеченіи пастуховъ, которые цѣлыми днями бродятъ съ ними по пустыннымъ равнинамъ и живутъ въ простыхъ шалашахъ, въ обществѣ своихъ собакъ и овецъ. Бѣдняги подолгу не видятъ человѣческаго лица, не слышатъ человѣческаго голоса. Одичалые въ своемъ уединеніи, они влчатъ печальное существованіе, и только наступленіе времени стрижки овецъ вноситъ нѣкоторое разнообразіе въ ихъ житіе. Тогда они гонятъ свои стада къ обширнымъ сараямъ, гдѣ собираются нѣсколько десятковъ рабочихъ. Тамъ съ утра до вечера щелкаютъ ножницы, шерсть прессуется, туки накладываются на телѣжку и отвозятся на ближайшую станцію для отправки въ ближайшій портъ, и оттуда уже шерсть развозится по всему свѣту. Но кончается это, и для пастуха наступаетъ снова прежнее однообразное существованіе.

Перевозка шерсти.

Однако и земледѣліе также начало быстро развиваться въ Австраліи, когда населеніе ея увеличилось, и люди, привлеченные въ страну наживы, вынуждены были, вслѣд-

Артезианскій колодець въ Ричмондѣ (Квинслендѣ).

ствіе истощенія золотыхъ пріисковъ, искать другихъ источниковъ дохода. Хлѣбныя поля, нивы, фруктовые сады, виноградники скоро покрыли береговья полосы Австраліи, особенно въ юго-восточной ея части. Конечно, огромныя песчанья или каменистья пространства до сихъ поръ еще остаются пустынными, но все таки много земли оказалось годной для произрастанія полезныхъ растений, и земледѣліе теперь процвѣтаетъ въ Австраліи не менѣ

овцеводства. Астралійская пшеница вывозится въ настоящее время въ Европу, и такъ какъ въ Австраліи жатва наступаетъ тогда, когда у насъ бываетъ зима, то пшеница доставляется оттуда въ Европу какъ разъ къ тому времени, когда запасы хлѣба уже начинаютъ истощаться. Между тѣмъ и въ другихъ мѣстахъ Австраліи также начали открывать золото, и всюду это вызывало такое же оживленіе, какъ и въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ; населеніе прибывало, промышленность увеличивалась, возникали новые города, строились дороги и т. п. Вездѣ, слѣдовательно, въ каждой области Австраліи, открытіе золота являлось крупнымъ событіемъ, вызывавшимъ поворотъ въ исторіи страны.

Въ настоящее время въ Австраліи добываются и другіе минералы, кромѣ золота, но важнѣйшею отраслью промышленности является все таки не добыча золота или другихъ минераловъ, а скотоводство, и нигдѣ, ни въ какой странѣ, нѣтъ такого количества овецъ, рогатаго скота и лошадей, какъ въ Австраліи. Въ одно столѣтіе картина Австраліи совершенно измѣнилась. Властная рука человѣка произвела огромныя превращенія въ странѣ. Пустыни, заросшія колючимъ кустарникомъ, обратились въ пастбище и пашни, по непроходимымъ же раньше пространствамъ пролагаютъ теперь желѣзныя и шоссейныя дороги, соединяющія заселенныя области Австраліи. Промышленность и благосостояніе страны все возрастаютъ, и населеніе ея, состоящее почти исключительно изъ однихъ только англичанъ, сдѣлавшихся хозяевами Австраліи, можетъ съ полнымъ основаніемъ гордиться успѣхами своего новаго отечества. Мы увидимъ дальше, насколько Австралія въ самое короткое время уже успѣла опередить Европу въ своемъ развитіи.

Глава II.

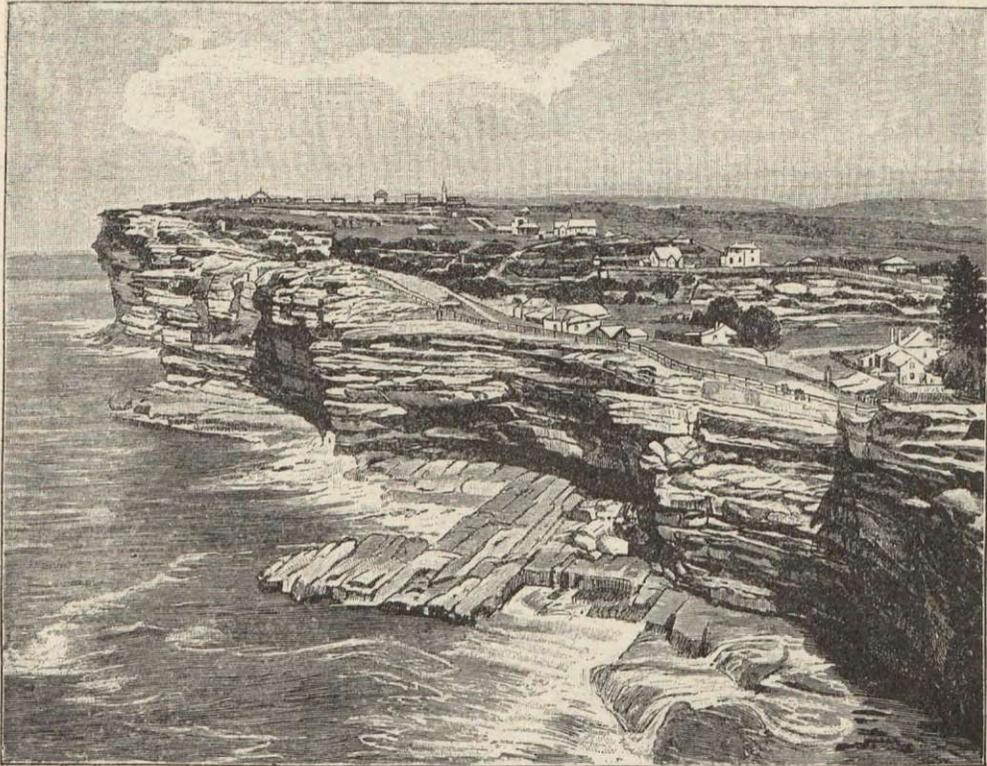
Климатъ Австраліи. — Поверхность австралійскаго материка. — Растительность. — Внутреннія области. — Животный міръ Австраліи. — Перемѣны, внесенныя европейцами.

Какъ по своимъ очертаніямъ, такъ и по устройству своихъ береговъ и своему климату Австралія представляетъ прямую противоположность Европѣ. Въ Австраліи нѣтъ высокихъ горъ, нѣтъ заливовъ, глубоко врѣзывающихся въ материкъ, нѣтъ плодородныхъ долинъ, орошаемыхъ разливами рѣкъ. Вслѣдствіе необычайной сухости своего климата Австралія орошается очень плохо. Рѣкъ въ Австраліи такъ мало, какъ ни въ одной части свѣта, а судоходныхъ рѣкъ нѣтъ совсѣмъ. Дожди выпадаютъ въ изобиліи только на побережья, и чѣмъ далѣе отъ берега, тѣмъ они становятся рѣже, такъ что въ центрѣ Австраліи встрѣчаются мѣстности, гдѣ круглый годъ не выпадаетъ ни одной капли дождя, и небо вѣчно остается безоблачнымъ. Вообще многія мѣстности Австраліи страдаютъ отъ бездождія. Во время засухи, даже самая большая рѣка Австраліи принимаетъ видъ ручья, другія же рѣки совсѣмъ высыхаютъ или же превращаются въ лужи и болота, такъ какъ большая часть воды испаряется, и остаются только иль и трава. Конечно, такія засухи представляютъ большое бѣдствіе для жителей, губятъ и хлѣбъ и скоть, и австралійскіе фермеры очень страдаютъ отъ этого. Однако климатъ Австраліи, несмотря на его чрезмѣрную сухость, надо все-таки считать очень здоровымъ. Эпидемическія болѣзни почти неизвѣстны, и смертность въ Австраліи гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Здоровый климатъ составляетъ, по мнѣнію австралійскихъ колонистовъ, огромное преимущество этой части свѣта. Говорятъ, будто въ Австраліи средняя продолжительность жизни больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и между австралійцами даже существуетъ повѣрье, будто старики, высадившись на австралійскомъ берегу, снова становятся молодыми.

Австралійскій лѣсъ.

Поверхность австралийскаго материка представляет холмистую однообразную равнину, которая оканчивается къ морю крутыми скалистыми берегами и только кое гдѣ (на сѣверо-западномъ берегу и на берегу залива Карпентарія) переходитъ въ низменность. Въ восточной части Австраліи тянется невысокая горная цѣпь, отлого спускающаяся къ внутренней сторонѣ материка и круто — къ морю. Эта цѣпь мѣстами вплотную подходитъ къ берегу океана, мѣстами же отступаетъ отъ него на многіе десятки верстъ и образуетъ цѣлый рядъ долинъ, орошаемыхъ небольшими рѣчками. Самый высокій хребетъ — это Австралійскіе Альпы, откуда беретъ начало самая большая рѣка Австраліи, Муррей. Въ этой дикой горной мѣстности возвышается гора Костюшко, покрытая снѣгомъ во время австралийской зимы, т. е. съ мая по ноябрь. Горныя породы, изъ которыхъ состоятъ Австра-

Скалистый берегъ восточной Австраліи.

лійскіе Альпы, указываютъ на древность ихъ происхожденія. Мѣстами встрѣчаются потухшіе вулканы, и въ кратерахъ, сохранившихъ правильную форму, иногда находятся весьма глубокія озера. Одно таксе озеро — „Голубое озеро“ въ южной Австраліи, имѣетъ въ глубину 206 метровъ. Между берегомъ океана и Австралійскими Альпами, далѣе къ сѣверу тянется горная цѣпь, которая называется Голубыми горами, такъ какъ горы эти имѣютъ голубоватый оттѣнокъ, если смотрѣть на нихъ изъ Сиднея. Эти горы очень красивы; изрѣзанныя глубокими извилистыми лощинами и зіяющими безднами, онѣ почти недоступны, и проходъ черезъ этотъ хребетъ сопряженъ съ большими опасностями для жизни. Въ юго-западной части, горы эти мѣстами поросли густымъ лѣсомъ, мѣстами же состоятъ изъ обнаженныхъ угрюмыхъ скалъ, представляющихъ фантастическія очертанія. Какъ съ этихъ горъ, такъ и съ вершинъ Австралійскихъ Альпъ открывается чудный видъ: вдали синѣетъ океанъ, а внизу разстилается прекрасная мѣстность покрытая роскошною расти-

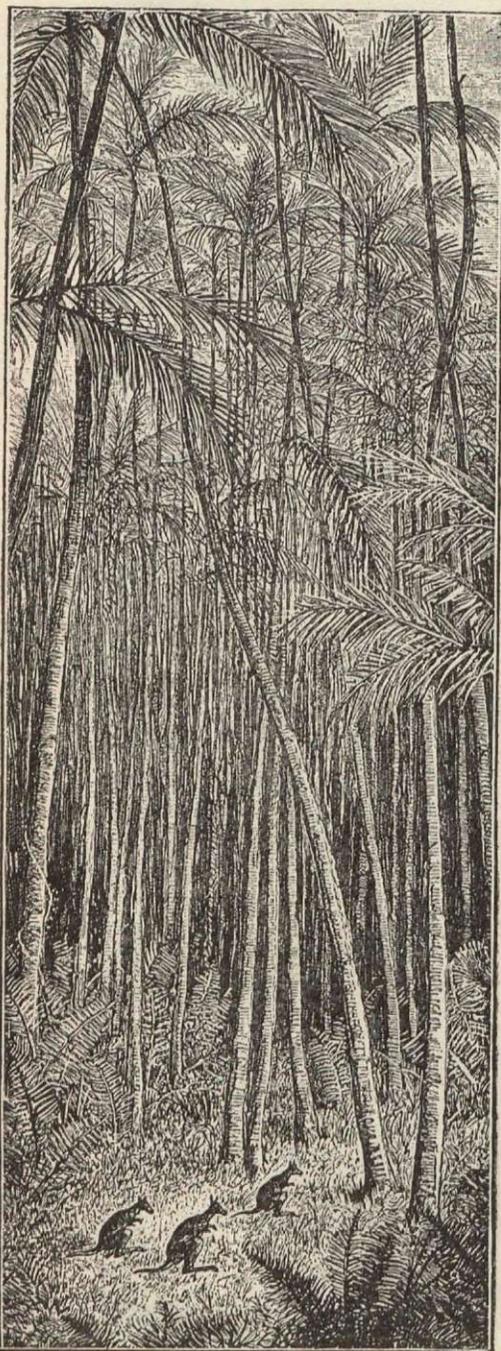

Травяное дерево.

Эвкалипты.

тельностью. Австралийскіе Альпы, въ юго-восточной своей части, также образуютъ почти непроходимыя, поросшія густымъ лѣсомъ горы.

Растительность Австраліи, конечно, находится въ зависимости отъ обилія дождей, по-

Пальмовый лѣсъ въ Квинслендѣ.

этому она сосредоточивается преимущественно на береговой полосѣ, внутри гористыхъ мѣстностей. Тамъ она дѣйствительно достигаетъ великолѣпія и поражаетъ не только своею роскошью, но и своею своеобразностью. Вообще австралийская флора не похожа на флору другихъ частей свѣта. Австралийскія деревья должны приспособляться къ условіямъ климата, должны переносить знойную засуху, которая лишь временно прерывается благодѣтельными дождями. Вотъ почему въ Австраліи преобладаютъ деревья съ мелкими, выемчатыми листьями, дающими мало тѣни, но за то испаряющими мало влаги. Самое распространенное дерево Австраліи — это эвкалиптъ, образующій громадныя лѣса и поражающій своими исполинскими размѣрами. Въ Австраліи водится до 120 видовъ этого замѣчательнаго дерева. Эвкалиптъ вѣчно зеленъ; онъ пускаетъ глубоко въ землю свои корни, отыскивая нужную ему влагу, и поэтому, даже тогда, когда прекращаются дожди, и всѣ растенія стоятъ сожженные палящими лучами солнца, эвкалиптъ какъ ни въ чемъ не бывало возвышаетъ свою зеленую главу, усыпанную свѣжераспустившимися цвѣтами.

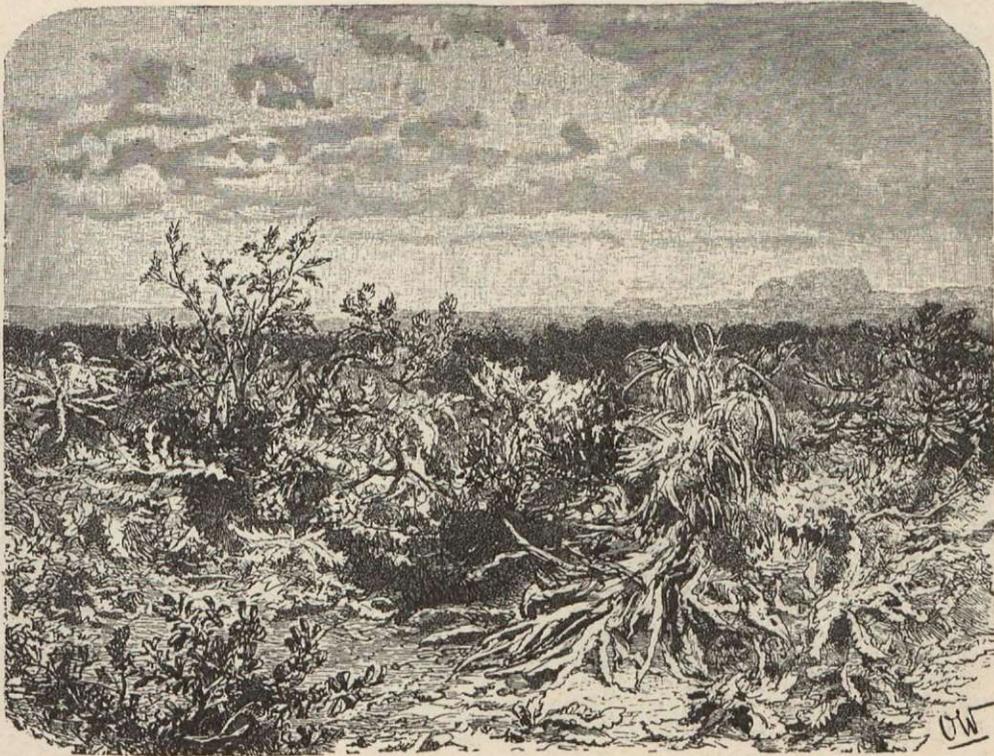
Но еще болѣе приспособливаются къ климату Австраліи казуарины. Это странное дерево вовсе не имѣетъ листьевъ, а вмѣсто нихъ тонкія длинныя зеленыя вѣточки, которыя свѣшиваются внизъ, точно вѣтви плакучей ивы или березы. Въ числѣ австралийскихъ растений встрѣчаются также въ большомъ количествѣ акаціи, но листья ихъ совсѣмъ иные, чѣмъ у тѣхъ акацій, которыя такъ знакомы намъ, и только по устройству цвѣтка можно догадаться, что имѣешь дѣло съ акаціей; вмѣсто же изящныхъ листьевъ австралийская акація имѣетъ только черенокъ, въ видѣ сухой кожистой пластинки, прикрѣпленной вертикально и снабженной съ обѣихъ сторонъ устьицами.

Громадныя эвкалиптовые лѣса Австраліи нисколько не похожи на лѣса другихъ тропическихъ странъ. Высокія, часто громадныхъ размѣровъ деревья, не дающія почти никакой тѣни, от-

стоятъ другъ отъ друга такъ далеко, что между ними можно проѣхать въ экипажѣ. Такой лѣсъ напоминаетъ паркъ, расчищенный рукою человѣка. Внизу, подъ деревьями, разстилается лугъ, покрытый зеленымъ ковромъ, усыпаннымъ цвѣтами въ дождливое время года,

на которомъ прежде паслись стада кенгуру, а теперь пасутся овцы. Многіе изъ этихъ прекрасныхъ лѣсовъ въ настоящее время истреблены скотоводами съ цѣлю увеличенія луговъ. Опасались сначала, что истребленіе лѣсовъ усилитъ засуху и вредно отразится на лугахъ — ничуть не бывало. Луга даже улучшились послѣ вырубкі лѣсовъ, такъ какъ корни эвкалиптовъ отнимали у земли влагу; дождей же выпадаетъ не меньше, чѣмъ прежде, до вырубкі лѣсовъ.

Въ горныхъ ущельяхъ Австраліи и въ приморскихъ долинахъ встрѣчаются гигантскіе эвкалипты. Ихъ колоссальная величина свидѣтельствуеетъ объ ихъ сказочной древности. Это нѣмые свидѣтели протекшихъ тысячелѣтій, можетъ быть, самые старые представители растительнаго царства. Въ окрестностяхъ Мельбурна найденъ эвкалиптъ — высотой въ 500 англійскихъ футовъ.

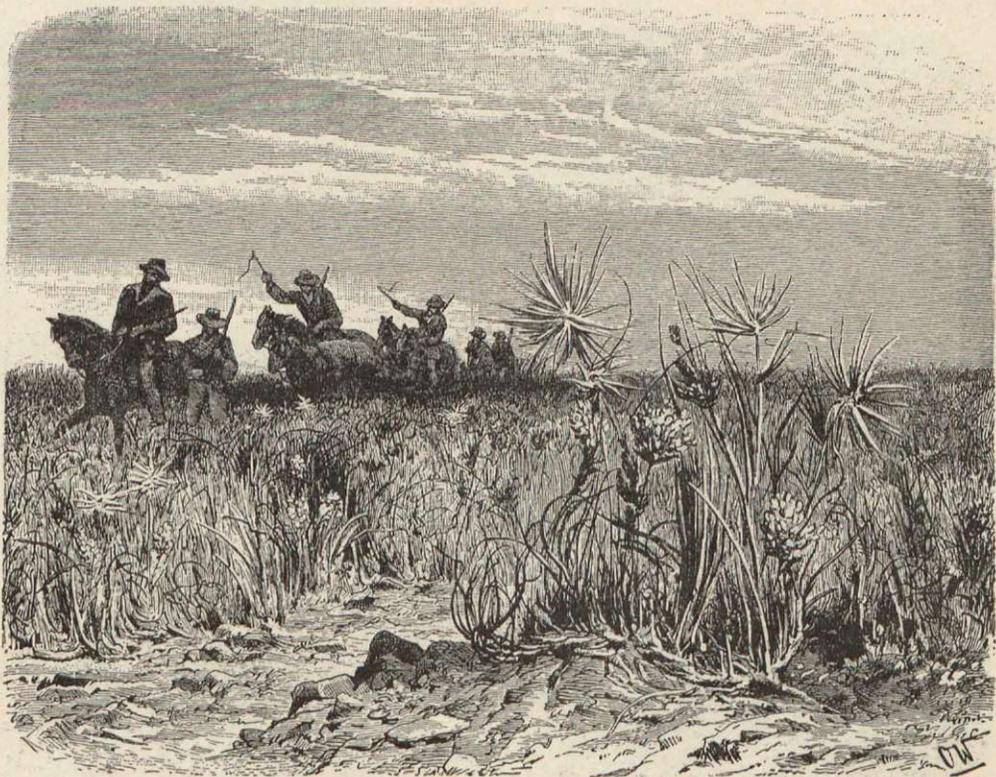
Чаша скруба.

Совершенно иной характеръ имѣютъ сухія равнины Австраліи, заросшія кустарникомъ, образующимъ порою совершенно непроходимую чашу. Такія чаши называются въ Австраліи „скрубъ“, и нигдѣ въ другой части свѣта не увидишь ничего подобнаго. Онѣ состоятъ изъ низкорослыхъ эвкалиптовъ и акацій, густо сплетающихся между собою, и часто тянутся на многіе десятки и даже сотни верстъ, образуя непреодолимое препятствіе для путешественниковъ и затрудняя ихъ движенія. „Скрубъ“ растетъ въ совершенной пустынѣ на пескѣ или глинѣ и нисколько, повидимому, не страдаетъ отъ отсутствія воды. Издали пространства, заросшія скрубомъ, производятъ очень унылое впечатлѣніе. Въ нихъ царитъ безмолвіе смерти, не видно ни птицъ, ни насѣкомыхъ, и лишь ящерицы изрѣдка проползаютъ между кустарникомъ. Но въ дождливое время скрубъ поразительно измѣняется. Тусклый и однообразный зеленоватый оттѣнокъ, который имѣютъ мѣстности, покрытыя скрубомъ, исчезаетъ, колючки покрываются цвѣтами, иногда очень красивыми и яркими, прилетаютъ птицы,

появляются насѣкомья, и скрубъ стоитъ въ своемъ роскошномъ уборѣ, совершенно неузнаваемый. Но недолго онъ красуется въ своемъ пышномъ нарядѣ; цвѣты опадаютъ, почва высыхаетъ, и снова, какъ прежде, скрубъ погружается въ безмолвіе и принимаетъ свой унылый, однообразный видъ.

На восточномъ берегу Австраліи, по теченію рѣкъ, въ долинахъ и по берегу моря, встрѣчаются очень красивые лѣса изъ разнообразныхъ деревьевъ, съ яркими и темными листьями, ползучими растеніями, орхидеями и мхами. Прелестныя пальмы и удивительной красоты и величины папоротники придаютъ этимъ лѣсамъ совершенно тропическій характеръ.

Въ равнинахъ Австраліи почти не водится съѣдобныхъ растеній, хотя австралійскіе дикари и находятъ для себя какіе-то сѣмена и корни, которыми питаются или, вѣрнѣе,

Странствіе по зарослямъ колючаго спинифекса.

заполняютъ свой желудокъ, чтобы успокоить щемящее чувство голода. Между прочимъ, они употребляютъ во время длинныхъ переходовъ листья одного растенія „личури“, измельченные въ порошокъ. Это растеніе не только подкрѣпляетъ ихъ, но обладаетъ свойствомъ возбуждать воинственный пылъ во время сраженій, поэтому они очень цѣнятъ его.

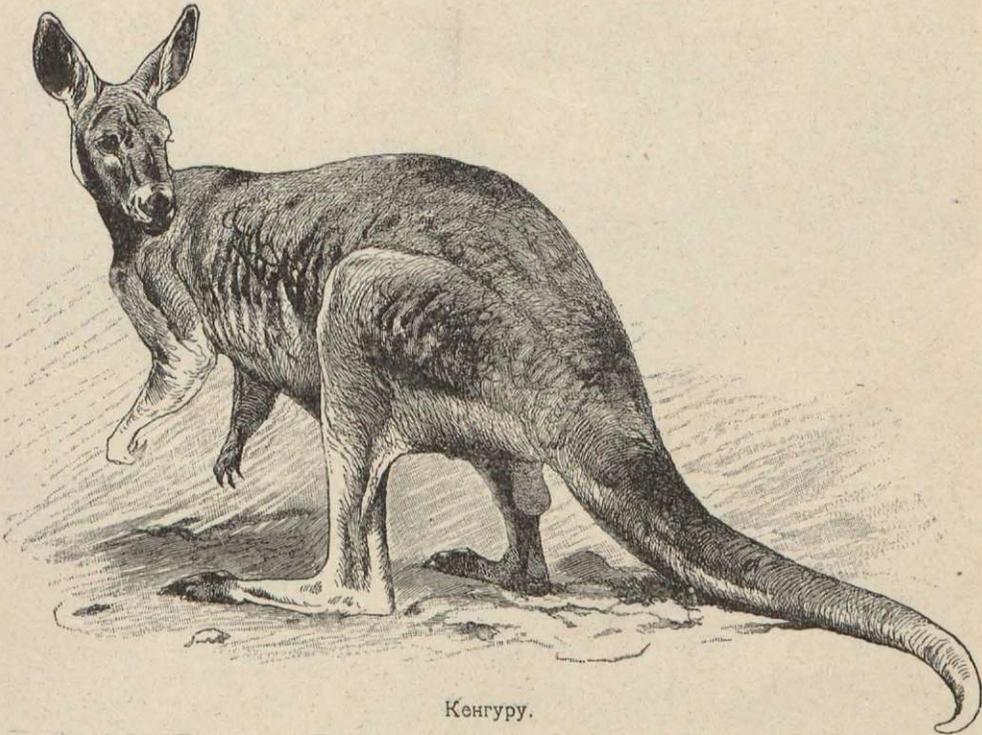
Изъ травъ во внутренней Австраліи наиболѣе замѣчательна трава кенгуру, такая высокая, что въ ней нельзя разсмотрѣть человѣка, ѣдущаго верхомъ на лошади, и „свиная трава“, покрывающая всѣ бесплодныя песчаныя пространства. Въ настоящее время, впрочемъ, въ Австраліи разводятся всѣ европейскіе плоды и овощи; по количеству и качеству они не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Внутренняя часть Австраліи, въ противоположность ея окраинамъ, представляетъ соланчаковыя степи и пустыни, до сихъ поръ еще мало изслѣдованныя. Страшный зной, который царитъ здѣсь большую часть года, и отсутствіе воды затрудняютъ изслѣдованіе

этой области, и немало уже погибло смѣлыхъ и предприимчивыхъ путешественниковъ, желавшихъ во что бы то ни стало проникнуть въ нее.

Въ австралійской пустынѣ, какъ и въ Сахарѣ, существуютъ дюны — песчаные бугры, съ изумительною правильностью слѣдующіе другъ за другомъ. Эти дюны, по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, имѣютъ страшный видъ, и трудно безъ содроганія переходить черезъ нихъ. Они сплошь состоятъ изъ краснаго песку, отблескъ котораго не умѣряется ничѣмъ и производитъ какое-то гнетущее и непріятное впечатлѣніе на непривычнаго человѣка.

Животный міръ Австраліи отличается также особенностями, какъ и растительный. Онъ служитъ наиболѣе яркимъ доказательствомъ, что австралійскій материкъ въ теченіи неисчислимаго количества вѣковъ оставался обособленнымъ и отдѣленнымъ отъ Азіи. Мы не встрѣчаемъ въ Австраліи почти ни одного представителя животнаго царства сѣвернаго полушарія. Въ Австраліи нѣтъ ни толстокожихъ, ни жвачныхъ животныхъ, ни одного вида

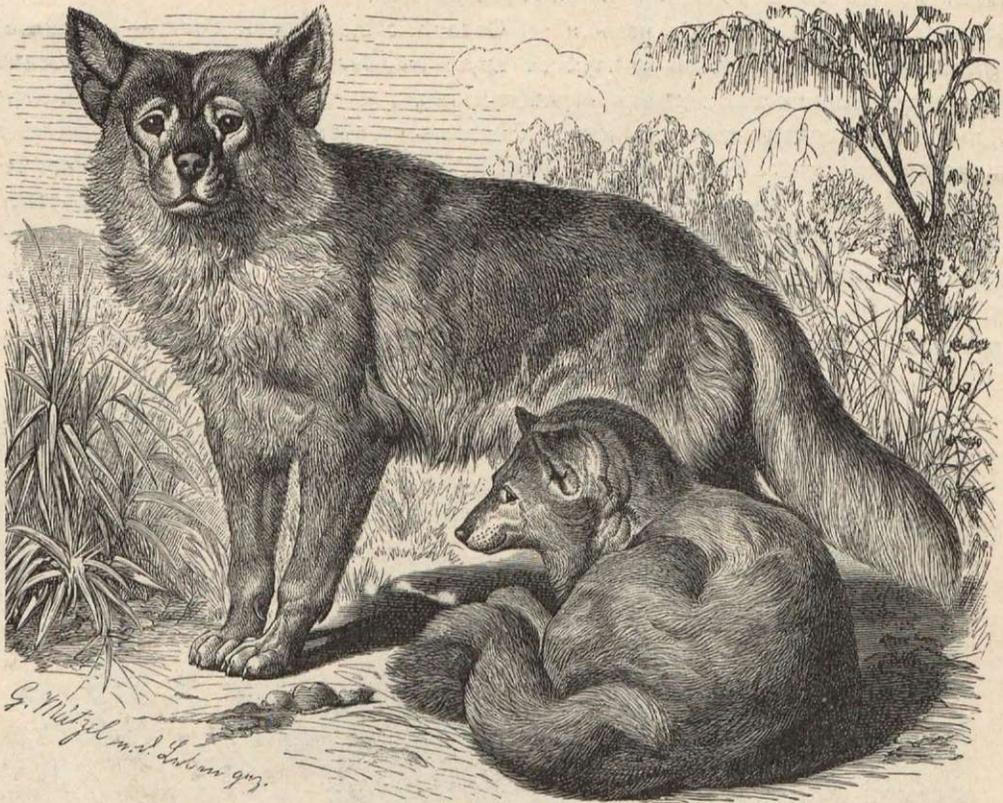

Кенгуру.

обезьянъ или животныхъ кошачей породы. Только крысы, мыши, да полудикая собака-динго — животное средней величины между лисицей и волкомъ, единственный врагъ овечьихъ стадъ — напоминаетъ животныхъ другихъ частей свѣта. Но динго навѣрное завезенъ былъ въ Австралію первыми переселенцами, такъ какъ кости этого животнаго находятъ въ пещерахъ съ человѣческими костями. Всѣ же остальные представители животнаго царства въ Австраліи принадлежатъ къ сумчатымъ, которыя уже не встрѣчаются нигдѣ, кромѣ Америки, гдѣ еще водятся различные виды двуутробокъ.

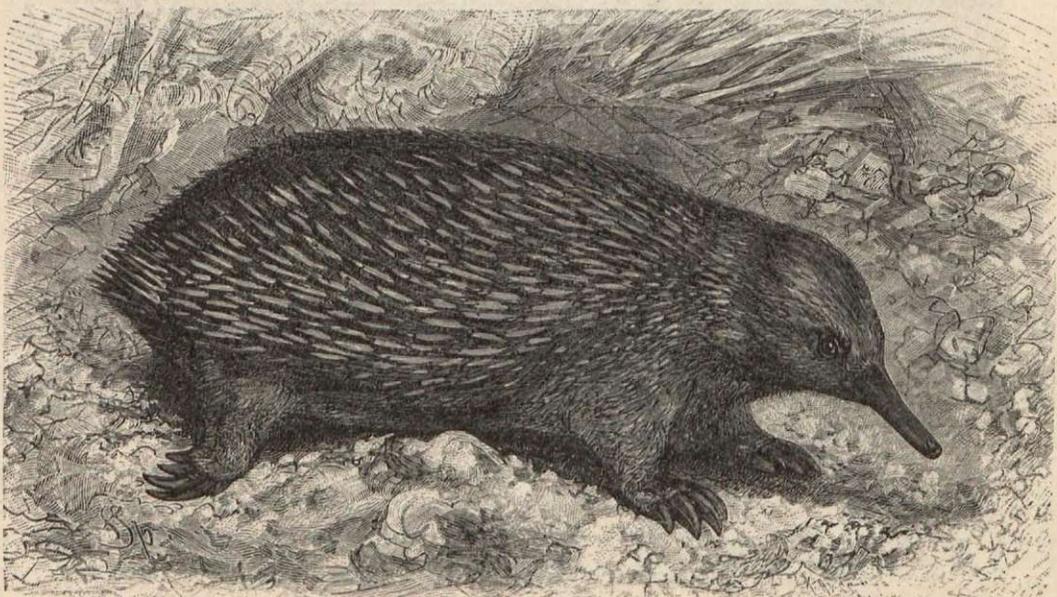
Самое большое и распространенное изъ сумчатыхъ животныхъ Австраліи — это кенгуру, которое бываетъ очень разнообразной величины. Большой красный кенгуру достигаетъ болѣе полутора метра вышины, другія же породы не превышаютъ величины кролика или даже крысы. Это настоящія дѣти знойной и сухой Австраліи, такъ какъ могутъ оставаться безъ воды очень долгое время и, повидимому, вообще очень мало въ ней нуждаются. Что касается пищи, то они также очень неприхотливы и довольствуются тощей сухой травой. Движенія ихъ необыкновенно быстры и проворны; они словно летаютъ по воздуху, такъ громадны

ихъ прыжки. и такъ какъ они дѣтей своихъ носятъ съ собою въ сумкѣ, т. е. въ складкѣ,

Динго.

имѣющейся у нихъ на животѣ, то они всегда готовы къ бѣгству, при первомъ тревожномъ признакѣ. Австраліи́скіе колонисты преслѣдуютъ кенгуру за то, что они поѣдаютъ траву,

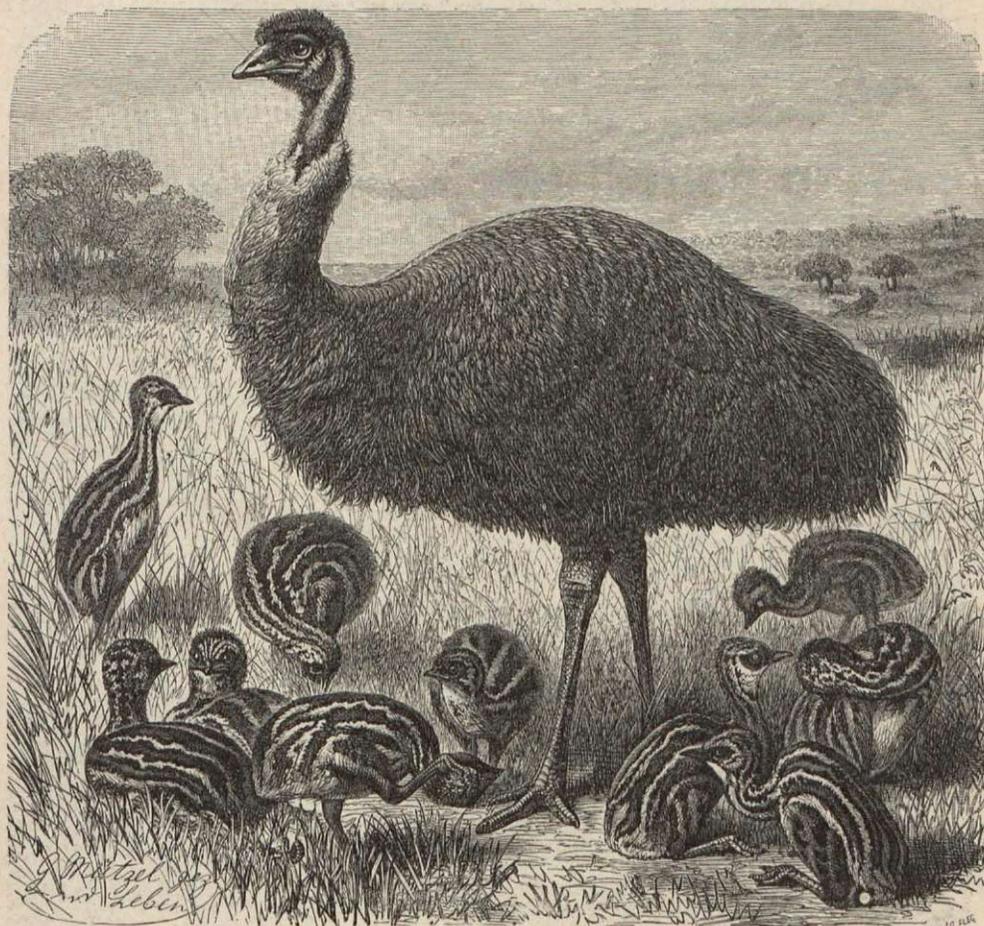

Австралі́йская иглистая ехидна.

которая годится для овечьихъ стадъ, и поэ́тому безжалостно истребляютъ этихъ животныхъ,

тѣмъ болѣе, что охота на кенгуру составляетъ одно изъ любимыхъ развлеченій въ Австраліи.

Въ Австраліи водится 160 породъ сумчатыхъ животныхъ, ведущихъ самый разнообразный образъ жизни. Одни изъ нихъ ночные хищники, напримѣръ, тилацинъ или сумчатый волкъ, впрочемъ, теперь почти не встрѣчающійся на австралійскомъ материкѣ, другіе — грызуны, травоядные и насѣкомоядные. Общее между ними только то, что самки ихъ имѣютъ на животѣ складку — сумку, въ которой вынашиваютъ своихъ дѣтенышей. Но безспорно самыя странныя изъ животныхъ Австраліи, не встрѣчающіяся болѣе нигдѣ въ свѣтѣ, это

Эму.

утконось и ехидна или муравьиный ежъ. Еще недавно не знали, къ какому классу причислить этихъ животныхъ и причисляли ихъ къ птицамъ. Но теперь извѣстно, что они кормятъ молокомъ своихъ дѣтенышей, хотя и несутъ яйца, какъ птицы. Исслѣдователь Беннетъ поѣхалъ въ Австралію единственно только съ цѣлю изучить хорошенько это рѣдкое животное, относительно котораго распространялись самыя сбивчивыя свѣдѣнія. Ему удалось произвести очень цѣнныя наблюденія надъ утконосами, которыхъ онъ держалъ нѣкоторое время въ неволѣ. Голова этого удивительнаго млекопитающаго болѣе похожа на голову утки, нежели звѣря, на что указываетъ и самое названіе, данное ему. Ехидна же видомъ похожа на нашего ежа и также покрыта иглами, только значительно больше, и не имѣетъ зубовъ, а нѣчто вродѣ птичьяго клюва, и тонкій червеобразный языкъ, при помощи котораго она ловитъ муравьевъ и проглатываетъ ихъ.

Птицы Австраліи не представляютъ такихъ рѣзкихъ особенностей, какъ звѣри, что вполнѣ понятно. Океанъ не могъ служить для нихъ препятствіемъ, и онѣ перелетали съ острова на островъ и залетали въ Австралію изъ Индійскаго Архипелага. Поэтому виды австралійскихъ птицъ представляютъ больше разнообразія, но и между ними встрѣчаются такія, которыя водятся только въ Австраліи. Великаномъ среди австралійскихъ птицъ является Эму — австралійскій страусъ, столь безжалостно истребляемый охотниками, что

Пятнистый шалашникъ.

теперь онъ становится рѣдкостью, и лишь вдали отъ европейскихъ поселеній можно встрѣтить еще этихъ гигантскихъ птицъ, которыя бродятъ небольшими стаями по равнинамъ Австраліи.

Интересны по своимъ нравамъ „талегаллы“, видомъ похожіе на индѣйку, и „шалашники“ или атласныя птицы, вполнѣ заслуживающія свое названіе, такъ какъ ихъ синія перья блестятъ какъ атласъ. Талегалла не высидываетъ своихъ яицъ какъ всѣ другія птицы, а укладываетъ ихъ подъ кучею хвороста, листьевъ и вѣточекъ растеній, которыя она сгребаетъ вмѣстѣ. Теплота, развивающаяся при гніеніи стеблей и листьевъ, бываетъ вполнѣ достаточна для того, чтобы изъ яицъ вылупились птенчики, которые тотчасъ же весело разбѣгаются во всѣ стороны и начинаютъ сами о себѣ заботиться. Шалашница за-

мъчательна тѣмъ, что она строитъ красивую бесѣдку изъ травы камушковъ и стебельковъ

Лироховость.

и украшаетъ ее перьями попугая, раковинами и разными блестящими и яркими вещицами,

которыя она иногда приносит издалека. Эта бесѣдка, однако, вовсе не служить для высиживанія яицъ, а для игръ и прогулокъ. Птицы иногда по цѣлымъ днямъ бѣгають вмѣстѣ и рѣзвятся около этой бесѣдки.

Въ Австраліи водится еще особая порода зимородка. Эта птица имѣетъ яркое, пестрое опереніе и отличается необыкновеннымъ любопытствомъ. Путешественники не разъ бывали поражены, услышавъ странный хохотъ въ австралійскомъ лѣсу, и, только изслѣдовавъ хорошенько, они убѣждались, что эти звуки, похожіе на смѣхъ человѣка, издаетъ зимородокъ, какъ будто насмѣхающійся надъ ними.

Но славу и гордость Австраліи составляютъ черные лебеди, менуры или лирохвостки, зеленые голуби и великолѣпные попугаи, которые отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ и яркостью красокъ. Эти яркія, блестящія птицы необыкновенно оживляютъ мѣстность, сверкая своими ослѣпительными красками въ темной листвѣ деревьевъ.

Европейцы, вступивъ въ Австралію, конечно, произвели большія перемѣны въ ея животномъ мірѣ. Повсюду, гдѣ возникали ихъ поселенія и гдѣ земледѣлецъ начиналъ воздѣлывать землю, туземныя животныя погибали въ борьбѣ съ человѣкомъ; они или совершенно истреблялись или вытѣснялись во внутрь страны. Ловушки, порохъ, пули, ядъ сдѣлали свое дѣло. Но на мѣсто прежнихъ обитателей явились новыя, ввезенныя колонистами, полезныя животныя: лошади, овцы, козы, свиньи и т. д. Европейцы даже позаботились о томъ, чтобы развести специальную охотничью дичь въ Австраліи. Въ горныхъ мѣстностяхъ разведены ангорскія козы, а также европейская лѣсная дичь. Верблюды уже совершенно акклиматизировались въ Австраліи и не разъ приносили пользу экспедиціямъ внутрь страны. Однако, европейцы сдѣлали промахъ, ввезя нѣкоторыхъ животныхъ въ Австралію, на примѣръ, зайцевъ и кроликовъ, которые до такой степени размножились, что составляютъ уже настоящій бичъ для земледѣльцевъ, и въ настоящее время изыскиваются уже разныя средства, чтобы истребить ихъ.

Итакъ, въ настоящее время фауна Австраліи уже мало отличается отъ фауны другихъ странъ свѣта, и только сохранившіеся виды прежнихъ ея обитателей указываютъ на то, чѣмъ она была раньше.

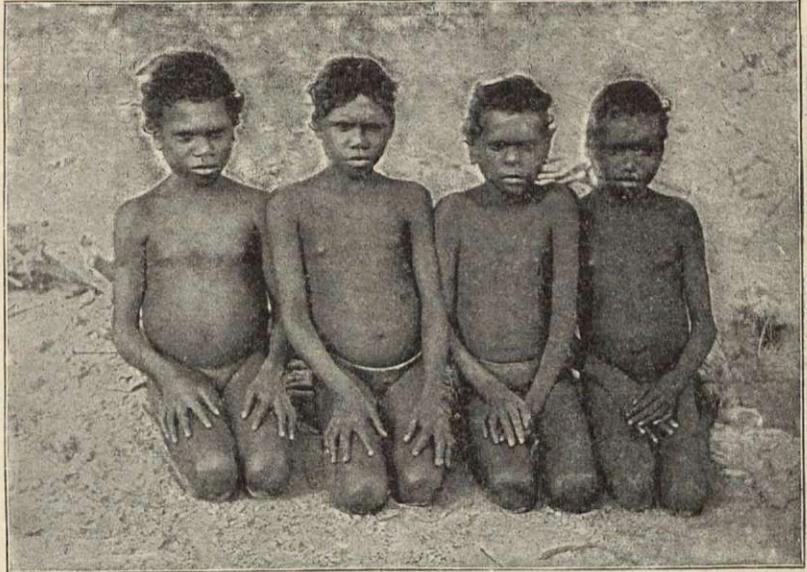
Глава III.

Первобытные обитатели Австраліи. — Одежда дикарей. — Раскрашиваніе кожи. — Украшенія. — Общины дикарей. — Взаимныя отношенія. — Совѣтъ стариковъ. — Умственные способности дикарей. — Бумерангъ. — Вооруженіе дикаря. — Положеніе женщины у чернокожихъ. — Бракъ. — Отношеніе къ дѣтямъ. — Вѣра въ духовъ. — Колдуны. — Отыскиваніе виновника смерти. — Похороны. — Муміи дикарей. — Людоѣдство. — Ночныя собранія „Корробори“. — Пѣсни дикарей. — Борьба. — Защищницы побѣжденнаго. — Отношеніе между туземцами и европейцами. — Гибель расы.

Когда европейцы впервые подошли на своихъ судахъ къ австралійскому берегу, то сначала онъ показался имъ необитаемымъ и пустыннымъ. Только высадившись въ заливъ Ботанибей на берегъ, Кукъ и его товарищи увидѣли туземцевъ. Это были чернокожіе и совершенно голые люди, довольно отталкивающей наружности. Средняго роста, съ густыми всклокоченными волосами, очень худые, съ впалыми глазами, безпокойно и дико смотрящими изъ-подъ нависшихъ бровей, толстыми безобразными губами и широкимъ придавленнымъ носомъ, они произвели очень непріятное впечатлѣніе на европейцевъ, тѣмъ болѣе, что кожа ихъ, смазанная какимъ-то жиромъ, издавала отвратительный запахъ.

Что это за народъ и какъ онъ попалъ въ Австралію, — никто съ достовѣрностью не знаетъ. Многіе ученые думаютъ, что австралійцы составляютъ совершенно отдѣльное племя людей и притомъ самое несчастное изъ всѣхъ человѣческихъ племенъ, стоящее на самой низкой ступени развитія. Племена австралійцевъ, хотя и разсѣянныя на значительномъ

пространствѣ по всему австралійскому континенту, обнаруживаютъ все таки большое сходство между собою по типу и языку, и поэтому-то ихъ и причисляютъ къ одной и той же особой группѣ человѣческаго рода, отличающейся отъ туземнаго населенія другихъ острововъ и азіатскаго материка. Различія, существующія между ними, объясняются условіями ихъ жизни; племена, обитавшія въ плодородныхъ, прибрежныхъ мѣстностяхъ, отличались сильнымъ сложениемъ, тѣ же, которыя жили въ центральныхъ безводныхъ областяхъ Австраліи и владели жалкое существованіе, роаясь въ землѣ, чтобы найти какіе нибудь съѣдобные корни и каплю

Дѣвочки съ рѣки Эндеверъ (С. Квинслендъ).

воды, конечно имѣли очень жалкій, изнуренный видъ и казались хилыми, несчастными созданиями. Между ними встрѣчались и такія жалкія существа, которыя, за неимѣніемъ прѣсной воды, пили морскую воду, совершенно такъ же, какъ и ихъ собаки. Вѣчно голодные, они только и думали о томъ, какъ бы добыть что-нибудь съѣдобное. Конечно, при такихъ условіяхъ трудно ожидать отъ австралійца какой-либо разборчивости въ пищу, и, дѣйствительно, онъ ѣстъ все, что попало до гусеницъ включительно и даже лакомится насекомыми, которыхъ находить въ своей собственной

Туземцы съ рѣки Эндеверъ (С. Квинслендъ).

косматой прическѣ. Жители безводныхъ и бесплодныхъ равнинъ Австраліи отстаютъ не только въ физическомъ, но и въ умственномъ и нравственномъ отношеніи отъ своихъ бо-

лѣе счастливыхъ родичей, обитающихъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ они находятъ въ изобиліи воду и пищу. Отъ этого и путешественники, смотря по тому, съ какимъ племенемъ

Мужчина и женщина съ рѣки Эндеверъ (С. Квинслендъ).

имъ приходилось встрѣчаться, весьма различно описывали австралійцевъ. Одни изображали ихъ какъ существа, могущія внушать только одно отвращеніе — нѣчто среднее между чело-

вѣкомъ и обезьяной и даже болѣе приближающееся къ этой послѣдней. Другіе же, наоборотъ, расхваливали ихъ врожденное благородство, пронизательность, разсудительность и храбрость. И тѣ и другіе были правы до нѣкоторой степени, такъ какъ, безъ сомнѣнія, условія жизни австралійцевъ вліяли какъ на ихъ физическое состояніе, такъ и на умственныя ка-

Туземныя женщины съ рѣки Эндеверъ (С. Квинслендъ).

чества. Голодъ, жажда, томящій жаръ и необходимость вести постоянно бродячій образъ жизни, въ вѣчныхъ поискахъ пищи и воды, мѣшали развитію австралійцевъ, и поэтому они

до сихъ поръ еще не вышли изъ своего первобытнаго состоянія и остаются въ самомъ первоначальномъ періодѣ каменнаго вѣка, изъ котораго другіе дикіе народы давно уже вышли. Австралійцы не до-развились еще до умѣнья выдѣлывать посуду изъ глины, строить жилища и готовить лукъ и стрѣлы. Свое оружіе они дѣлаютъ изъ дерева и камня, а отъ непогоды укрываются во временныхъ шала-

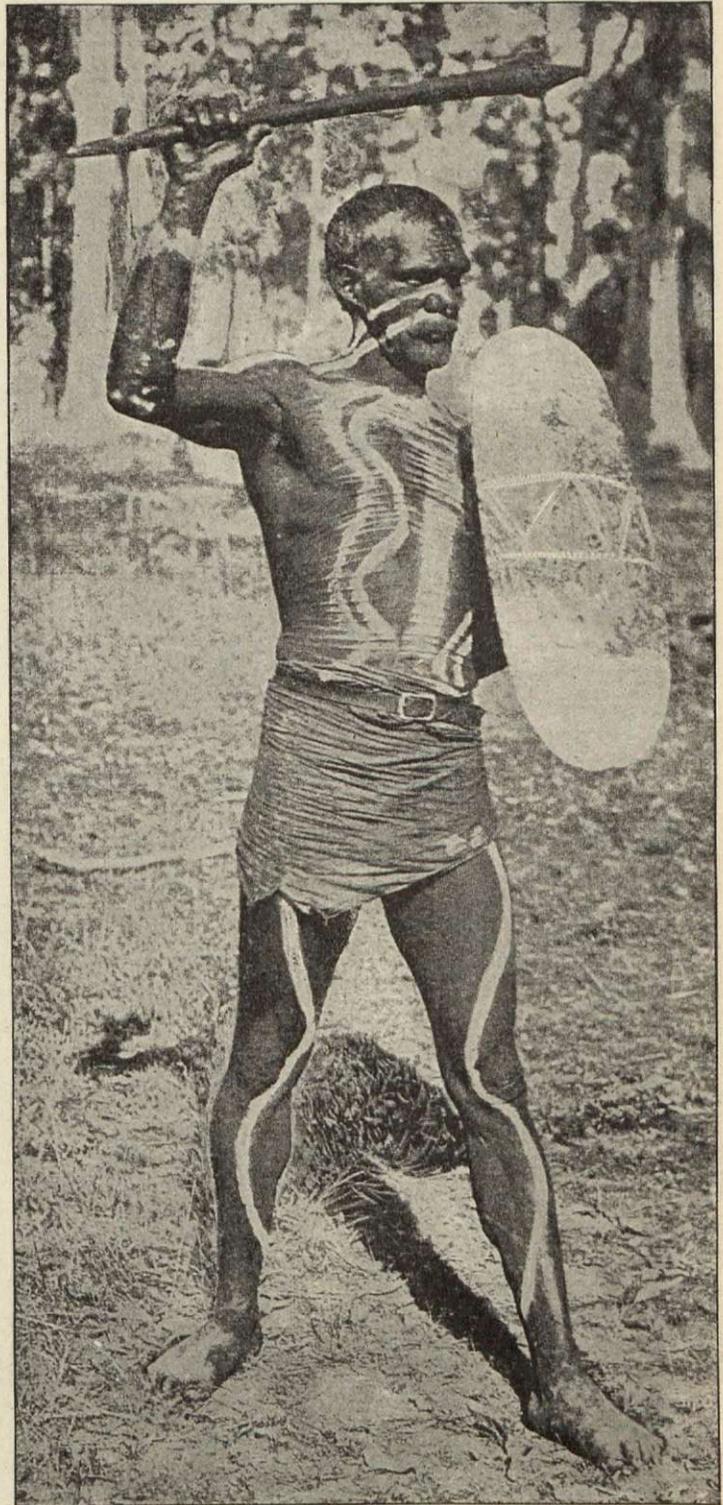
шахъ, сдѣланныхъ изъ вѣтвей и коры. Австралійскіе дикари не носятъ никакой одежды, такъ какъ чувство стыдливости имъ совсѣмъ незнакомо. Только въ Южной Австраліи, гдѣ

климатъ болѣе холодень, дикари устраиваютъ себѣ одежду изъ шкуръ животныхъ; въ жаркихъ же областяхъ нѣкоторые изъ нихъ носятъ поясъ, сплетенный изъ травы, мочалы, человѣческихъ волосъ или шерсти животныхъ, но это дѣлается ими скорѣе для украшенія, нежели для прикрытія наготы. Въ юго-восточной Австраліи мужчины носили вокругъ тѣла родъ кольца изъ собственныхъ волосъ, украшеннаго, если была возможность, перьями эму. Это кольцо они затягивали какъ можно ту же, и оно служило имъ „поясомъ отъ голода“.

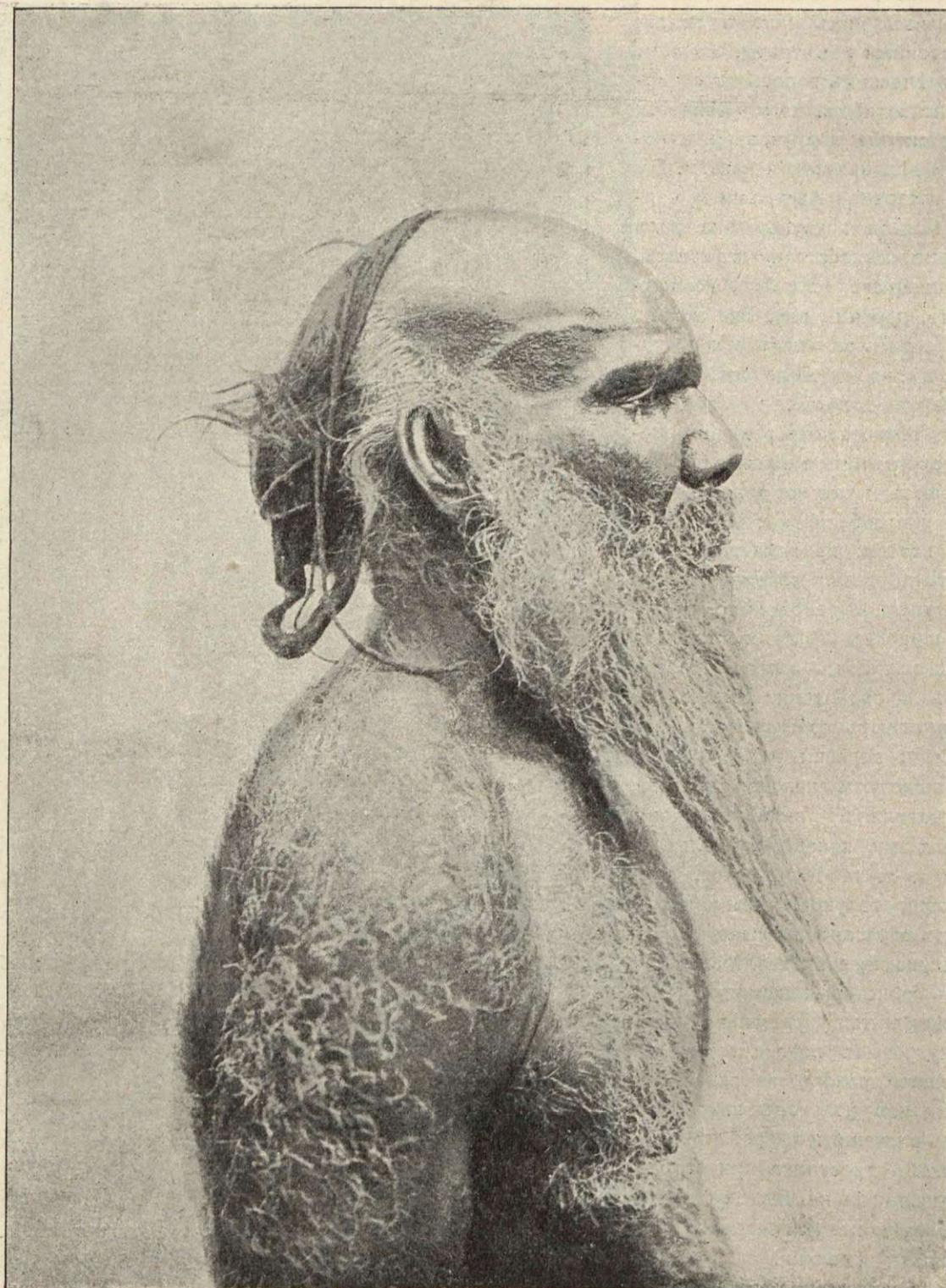
Точно также ради украшенія австралійскіе дикари раскрашиваютъ и татуируютъ свою кожу, употребляя для этой цѣли три краски: красную глину, известь и уголь. Особенно любятъ они украшать себѣ лицо, проводя широкую бѣлую полосу отъ одного уха къ другому, черезъ носъ и обѣ щеки. Иногда они скручиваютъ себѣ волосы при помощи веревки и все вмѣстѣ окрашиваютъ красной краской, прибавляя въ видѣ украшенія перья эму, какаду, собачьи хвосты и т. п. Разумѣется, видъ дикаря, разукрашеннаго подобнымъ образомъ, производитъ отталкивающее впечатлѣніе.

Нѣкоторыя племена любятъ носить шитыя украшенія изъ перламутровыхъ раковинъ, зубовъ, клешней раковъ, а также браслеты изъ волоконъ какого нибудь растенія и ожерелья изъ кусочковъ тростника или соломы, нанизанныхъ на бичевку, но другія, повидимому, презираютъ подобныя украшенія.

Словно дикіе звѣри рыщутъ австралійскіе дикари съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за пищей и ночуютъ тамъ, гдѣ застанетъ ихъ ночь. Они ведутъ настоящую бродячую жизнь животныхъ,

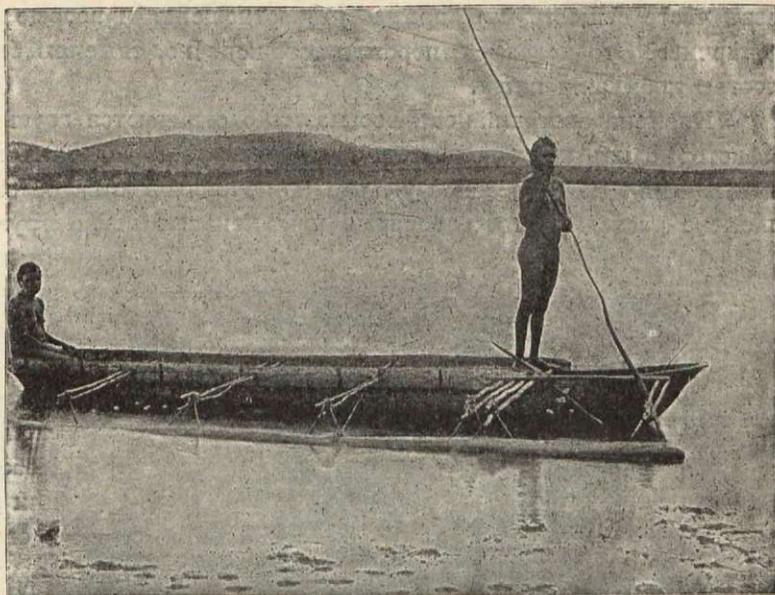

Туземець съ рѣки Твидъ.

Старец изъ племени Арунта.

и о какомъ нибудь государственномъ устройствѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи при такой жизни, и каждый глава семьи является неограниченнымъ властелиномъ надъ своими близкими. Природа Австраліи, большею частью неблагоприятная для нихъ, вынуждаетъ австралийцевъ къ разсѣянію, но въ то же время укрѣпляетъ связь между членами одной и той же семейной общины. Каждая такая община заявляетъ притязанія на опредѣленные участки земли, гдѣ члены ея охотятся

Туземцы съ рѣки Эндеверъ (С. Квинслендъ) въ челнѣ.

Туземець изъ племени Воркіи (р. Джильберта)

сообща и разыскивають съѣдобные корни и плоды. Но бываетъ, что и отдѣльная семья заявляетъ свои права на какой нибудь участокъ лѣса, ручей и т. д. Не смотря на бродячій образъ жизни, каждая такая община имѣетъ всетаки опредѣленные мѣста стоянокъ, куда она всегда возвращается. Среди австралийцевъ, членовъ одной и той же семейной общины, чувство солидарности довольно сильно развито. Они всегда дѣлятся другъ съ другомъ всѣмъ, что достаютъ, каждымъ кускомъ. Если случится кому нибудь изъ нихъ на удачной охотѣ убить большого кенгуру, то всѣ члены его общины принимаютъ участіе въ пиршествѣ. Если европеецъ подаритъ что нибудь съѣстное дикарю, то дикарь непременно подѣлится этимъ со своими родичами, вмѣстѣ они разведутъ огонь, напекутъ лепешекъ изъ подаренной муки и будутъ ѣсть ихъ. Такое добросердечіе дикарей часто поражало европейцевъ и разбивало всѣ ихъ разсчеты. Однако, между отдѣльными племенами австралий-

цевъ часто существуютъ враждебныя отношенія и вообще къ чужимъ они относятся недоувѣрчиво. Это недоувѣріе порождается, конечно, тяжелою борьбой за существованіе, трудностью добыванія пищи.

Племена австралійцевъ весьма мало отличаются другъ отъ друга по внѣшнему виду. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются вліяніемъ, такъ какъ имъ приписывается особенное могущество или же особенное умѣнье готовить крѣпкое оружіе — бумерангъ. Отдѣльныя племена распадаются на большее или меньшее число группъ или родовъ, причемъ всѣ

Туземець изъ племени Воркіи (р. Джильберта).

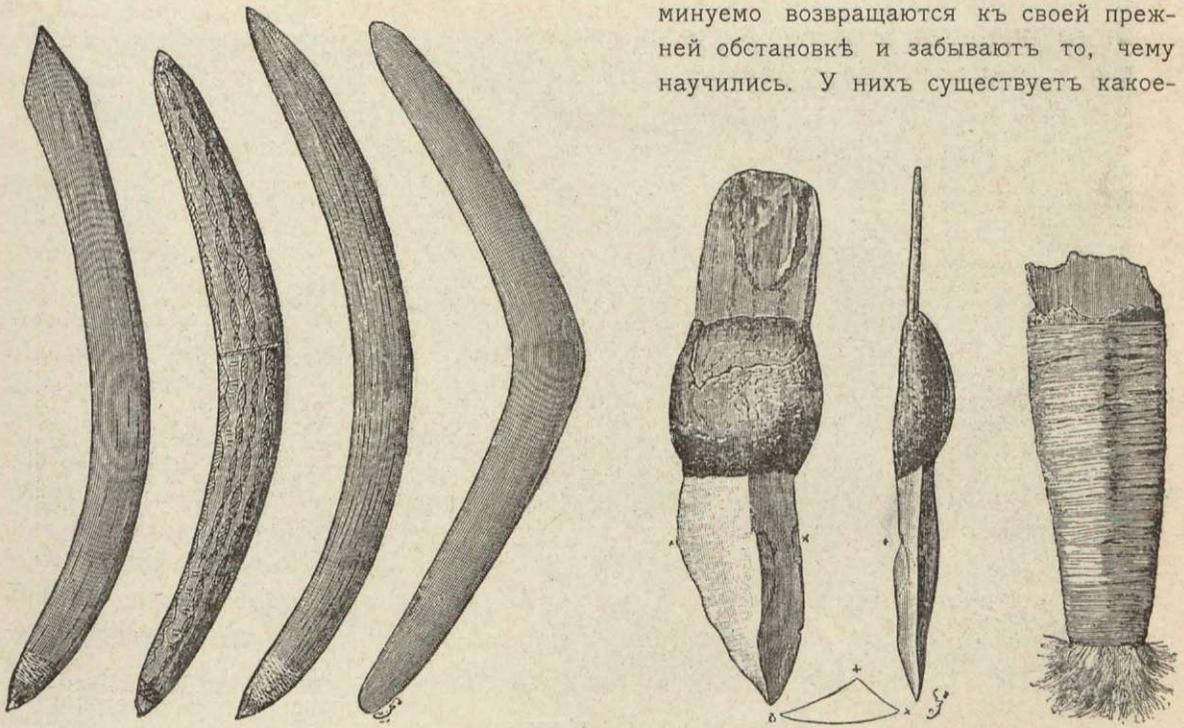
члены одного рода, мужчины и женщины, считаются какъ бы одною семьей и не имѣютъ права заключать между собою браки. Каждая такая семейная группа имѣетъ свой знакъ, называемый „кобонгъ“. Кобонгомъ можетъ быть животное или растеніе, которое считается покровителемъ рода. Австраліецъ ни за что не станетъ убивать животного, покровителя своего рода, и не станетъ вырывать растеніе, если это растеніе—„кобонгъ“ его рода.

Каждый родъ имѣетъ своего выборнаго начальника, который и служить представителемъ этого рода. Ему поручается улаживать споры и распредѣлять охотничью добычу. Обыкновенно на эту должность выбирается самый старый, самый сильный и ловкій изъ членовъ рода. Если нужно, то онъ можетъ призвать на помощь совѣтъ стариковъ. Эти собранія имѣютъ судебный характеръ и называются обыкновенно для обсужденія какихъ либо проступковъ. Иногда, если возникаетъ споръ между двумя племенами, то созываются такія собранія съ обѣихъ сторонъ, и они вмѣстѣ рѣшаютъ споръ.

Убийство наказывается смертью. Друзья убитаго требуютъ выдачи преступника и закалываютъ его копьями. Если же убійца умретъ раньше исполненія надъ нимъ этой казни или же спасется бѣгствомъ, то за него расплачивается его ближайшій родственникъ. При менѣ важныхъ преступленіяхъ считается достаточнымъ пораненіе виновника, но у нѣкоторыхъ племенъ даже воровство и клевета наказываются смертью. Другимъ наказаніемъ служитъ изгнаніе изъ племени, а также метаніе копій въ преступника, которому дается впрочемъ небольшой щитъ для отраженія ударовъ.

Неблагопріятныя жизненныя условія австралійцевъ и ихъ образъ жизни, конечно, не могли способствовать развитію ихъ умственныхъ и душевныхъ качествъ. Въ этомъ отношеніи они, пожалуй, стоятъ на болѣе низкой ступени, нежели всѣ другіе дикари. Однако, все же

ихъ умственныя способности не такъ уже ничтожны, какъ это думаютъ нѣкоторые писатели, ставящіе ихъ чуть ли не на одну степень съ орангутангомъ. Напримѣръ, австралійцы прекрасно знаютъ звѣздное небо и положеніе созвѣздій, которыя они называютъ именами своихъ героевъ, и съ большою точностью узнаютъ время по движенію луны и звѣздъ. Миссіонеры и другія лица, которые стараются просвѣтить несчастныхъ невѣжественныхъ дикарей, увѣряютъ, что они далеко не лишены способностей. Они быстро научаются объясняться по французски и англійски, очень легко запоминаютъ слова, и въ миссіонерскихъ школахъ, гдѣ дѣти австралійскихъ чернокожихъ сидятъ на скамьѣ вмѣстѣ съ дѣтьми бѣлыхъ колонистовъ, послѣднія въ своихъ успѣхахъ часто оказываются далеко позади своихъ чернокожихъ товарищей. Но у дикарей, привыкшихъ къ бродячей жизни, не хватаетъ, повидимому, устойчивости; они неминуемо возвращаются къ своей прежней обстановкѣ и забываютъ то, чему научились. У нихъ существуетъ какое-

Бумеранги.

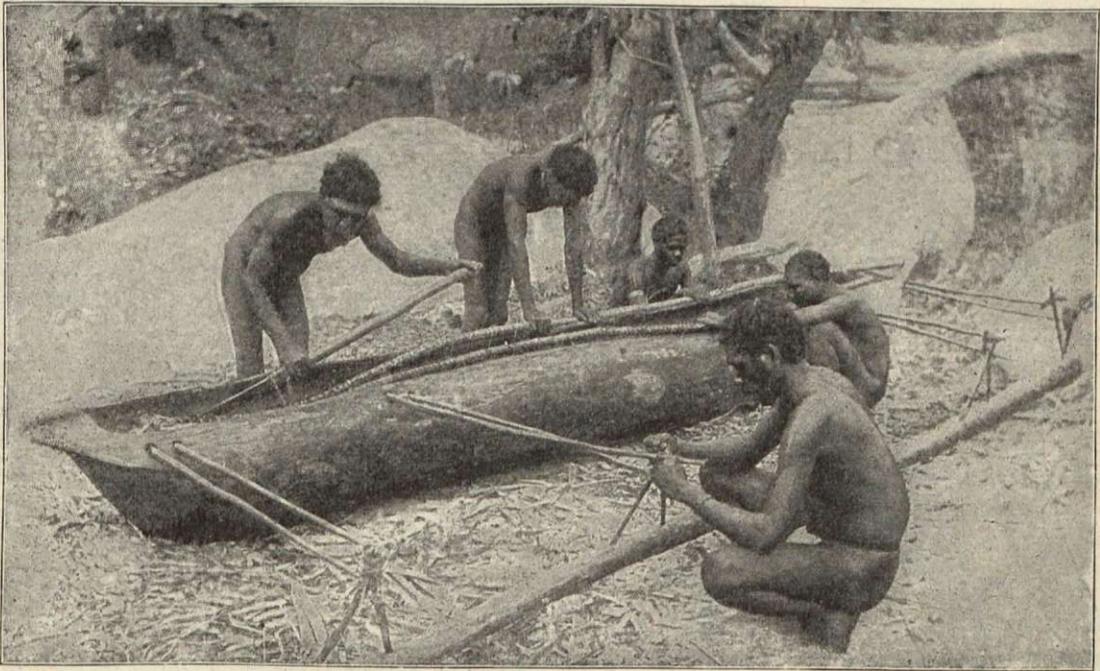
Каменные орудія.

то непреодолимое отвращеніе къ порядку, къ цивилизованной жизни, и даже тѣ изъ нихъ, которые, повидимому, приобрѣли достаточныя познанія и достигли благосостоянія, все таки, въ одинъ прекрасный день, бросаютъ все и возвращаются къ своему племени. Такіе случаи бывали не разъ, и лишь очень немногіе изъ чернокожихъ, воспитанныхъ миссіонерами, ведутъ теперь осѣдлую жизнь и занимаются сельскимъ хозяйствомъ.

Раньше полагали, что австралійскіе дикари не имѣютъ никакого понятія о письмѣ. Это мнѣніе оказалось несправедливымъ. У австралійцевъ найдены палочки, покрытыя разными рисунками животныхъ, растений и прямыми и косыми линиями. Эти разрисованныя палочки служатъ для передачи свѣдѣній или сообщеній; напримѣръ, они передавались заключеннымъ, чтобы извѣстить ихъ о приготовляющемся освобожденіи. Племена, объявляющія войну, посылаютъ другъ другу такія извѣщенія. Посланный, имѣющій въ рукахъ такую палочку, пользуется полною безопасностью; онъ можетъ безнаказанно переходить черезъ чужія владѣнія, и даже во время войны его личность считается неприкосновенной.

Умственныя способности австралійцевъ, конечно, всего больше проявляются въ ихъ

обычныхъ занятіяхъ, охотѣ, рыбной ловлѣ, приготовленіи оружія. Тутъ они обнаруживаютъ замѣчательную наблюдательность и изобрѣтательность, и хотя они и не додумались до изобрѣтенія лука и стрѣлы, но придумали необыкновенно остроумный метательный снарядъ—бумерангъ, который летитъ, описывая спиральные круги, къ намѣченной цѣли и, нанеся ударъ, возвращается обратно. Дикарь, искусно владѣющій этимъ оружіемъ, можетъ придавать ему любое направленіе. Для усиленія удара дикарь ударяетъ бумерангомъ плашмя о землю—онъ отскакиваетъ и поднимается до значительной высоты. Австралійскіе туземцы могутъ убивать бумерангомъ птицъ или мелкихъ млекопитающихъ на разстояніи 200 шаговъ. На войнѣ бумерангъ опасенъ тѣмъ, что почти невозможно опредѣлить въ ту минуту, когда видишь его въ воздухѣ, куда онъ направится и гдѣ упадетъ. Бумеранги бываютъ различной формы и величины.

Австралійскіе дикари за постройкой челнока.

Кромѣ бумеранга оружіемъ австралійскаго дикаря служитъ топоръ, копье и деревянная палица; онъ имѣетъ кромѣ того щитъ для защиты руки и отраженія ударовъ. Каменный топоръ служитъ дикарю для дѣланія надрѣзовъ на гладкихъ и крѣпкихъ стволахъ деревьевъ, на которые онъ потомъ влѣзаетъ съ помощью веревки, обвивающей стволъ. Женщины же всегда имѣютъ при себѣ палку для копанія, съ толстымъ заостреннымъ концомъ, которымъ они выкапываютъ изъ земли съѣдобные корни.

Европейцы, впервые увидѣвшіе бумерангъ, чрезвычайно заинтересовались этимъ оружіемъ. Путешественникъ Перронъ д'Аркъ, присутствовавшій на охотѣ дикарей, такъ описываетъ его:

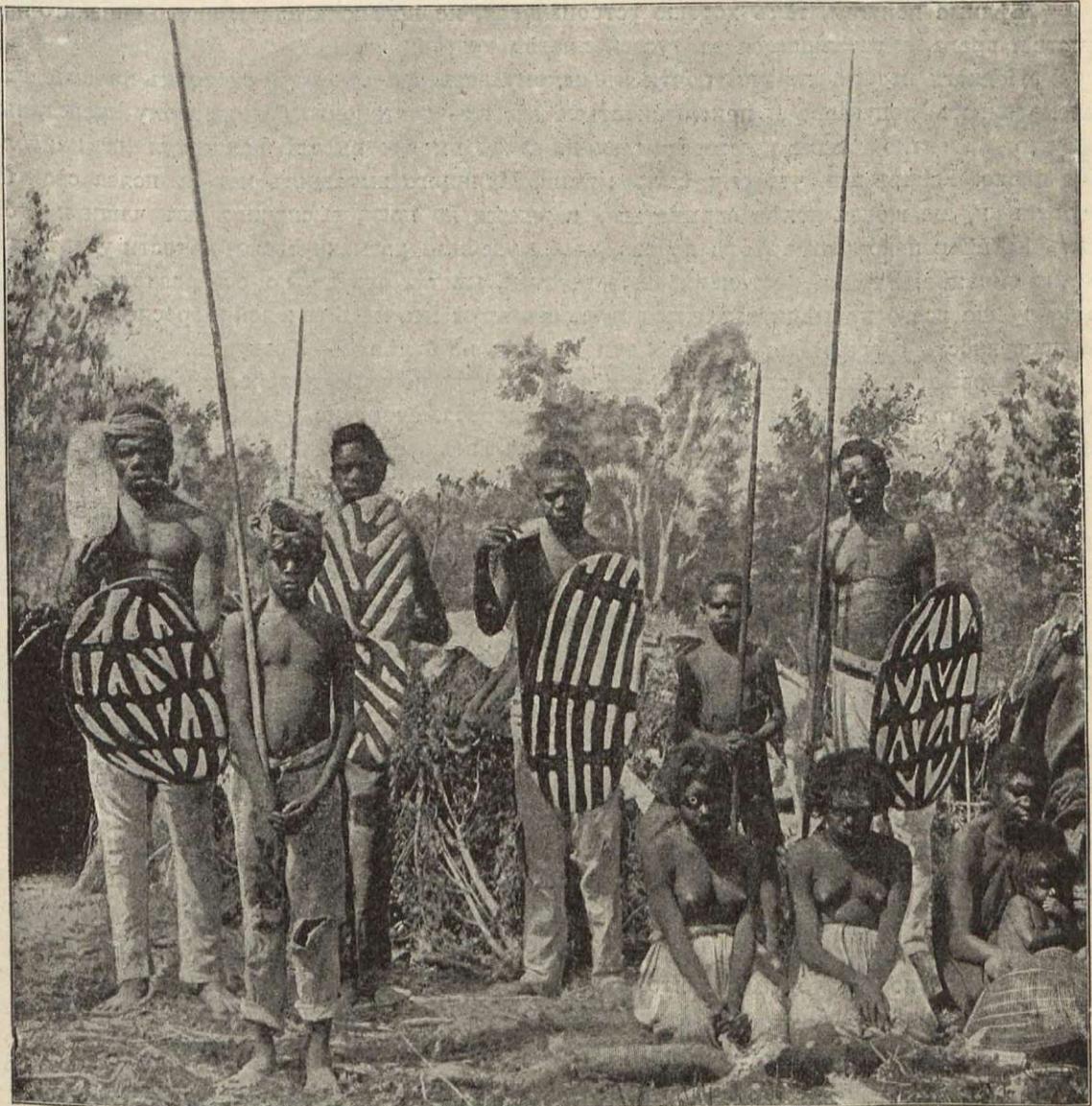
„Я лежалъ въ своемъ шалашѣ, — скрываясь отъ невыносимой жары, когда дикарь Муллинго явился звать меня на охоту за какаду. Я взглянулъ на него и удивился, потому что въ рукахъ у него не было никакого оружія, и только за поясомъ торчаль у него какой-то небольшой кусокъ дерева коричневаго цвѣта, плоскій и съ нѣсколькими нарѣзами на полированной поверхности.

— Чѣмъ же ты будешь убивать какаду? спросилъ я.

— Бумерангъ, отвѣтилъ онъ, указавъ на этотъ кусокъ дерева.

Я съ радостью принялъ его приглашеніе, такъ какъ давно желалъ видѣть охоту съ оружіемъ, о которомъ слышалъ тысячи всевозможныхъ разсказовъ.

„Мы пришли на берегъ Нирръ-Габи и расположились въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка, часто выходящая изъ береговъ, наполняла избыткомъ своихъ водъ множество маленькихъ озеръ, которыя сверкали теперь на солнцѣ среди окружавшей ихъ зелени.

Туземцы, вооруженные копьями и щитами.

„За часъ до наступленія сумерекъ, когда палящіе солнечные лучи уже теряютъ свою силу, вокругъ озеръ начинаютъ собираться розовые попугаи. Многочисленные стада ихъ располагаются на деревьяхъ, гдѣ они намѣреваются предаться спокойному сну послѣ дневныхъ тревогъ и заботъ. Мы залегли въ траву и стали поджидать ихъ. Скоро послышался страшный шумъ приближавшейся стаи этихъ большихъ попугаевъ. Стая пролетѣла къ одному изъ озеръ и, опустившись тамъ, покрыла словно снѣгомъ всѣ деревья, окаймлявшія берега воды.

„Муллинго сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ и тотчасъ же направился къ тому мѣсту, гдѣ опустилось стадо. Онъ поползъ на животѣ, какъ змѣя, въ высокой травѣ, среди колючихъ кустовъ, употребляя всевозможныя уловки, чтобы какъ можно ближе подкрасться къ попугаямъ, которые, считая себя въ полнѣйшей безопасности, предавались всевозможнымъ забавамъ и играмъ. Шумъ былъ невообразимый. Они кричали, свистѣли, щебетали, перелетали съ дерева на дерево; выбравъ, наконецъ, одно дерево, они размѣстили часовыхъ и, пожелавъ другъ другу покойной ночи, стали приготовляться къ ночлегу.

„Бѣдные попугаи, такъ хорошо устроившіеся, не предполагали конечно близкаго присутствія врага, спрятавшагося въ густой листвѣ кустарника.

„Подходя незамѣченнымъ почти къ самому дереву, чернокожій охотникъ началъ долго разсматривать попугаевъ и прислушиваться къ ихъ постепенно затихавшему щебетанью, для того, вѣроятно, чтобы удостовѣриться, на какой именно высотѣ находится ихъ наибольшее число. Узнавъ все, что ему было нужно, Муллинго вытащилъ изъ-за пояса свой бумерангъ и, не желая долѣе скрываться, поднялся на ноги, выскочилъ изъ чащи и отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ отъ дерева, чтобы удобнѣе размахнуться и нанести ударъ какъ можно сильнѣе. Затѣмъ, остановившись въ томъ мѣстѣ, откуда, по его расчетамъ, можно было лучше всего прицѣлиться, онъ повертѣлъ оружіемъ надъ головой и бросилъ его прямо на поверхность озера. Приготовленія эти длились не болѣе 3—4 секундъ.

„Розовые попугаи, встрепенувшіеся сначала при первомъ появленіи человѣка, теперь неподвижно глядѣли на него съ высоты своего дерева, очевидно не понимая, зачѣмъ этотъ человѣкъ подбѣгаетъ къ озеру и бросаетъ въ воду свою палку. Но недоумѣніе ихъ продолжалось недолго: бумерангъ полетѣлъ къ водѣ только для того, чтобы, коснувшись ея поверхности, отскочить съ удвоенною скоростью. Дѣйствительно, поднявшись снова вверхъ и описавъ въ воздухѣ множество круговъ, бумерангъ съ зловѣщимъ шумомъ влетѣлъ въ самую середину сидѣвшихъ, тѣсно прижавшихся другъ къ другу попугаевъ. То дѣйствіе, которое произвелъ этотъ ударъ въ массѣ обезумѣвшихъ птицъ, можно безъ преувеличенія сравнить съ картечнымъ зарядомъ, попавшимъ въ самую середину батальона солдатъ. Болѣе пятнадцати штукъ птицъ сдѣлались нашею добычею.

„Когда мы возвращались домой съ этой удачной охоты и проходили по равнинѣ, покрытой кое-гдѣ невысокимъ кустарникомъ, то совершенно неожиданно, въ нѣсколькихъ шагахъ впереди, мы вдругъ услышали шорохъ, и вслѣдъ затѣмъ испуганный вомбатъ выскочилъ изъ своего убѣжища и безъ оглядки бросился отъ насъ бѣжать.

„Муллинго, слышавъ шумъ, тотчасъ же схватилъ свое вѣрное оружіе и, увидавъ звѣрька, бросилъ бумерангъ вдоль поверхности земли, такъ чтобы оно рикошетомъ попало въ него. Отскочивъ отъ земли, бумерангъ съ быстротою пули настигъ сзади убѣгающаго со всѣхъ ногъ звѣря, который упалъ съ перебитыми ногами.

„Тутъ я вполнѣ убѣдился, что бумерангъ одно изъ самыхъ полезныхъ орудій для австралійца. Болѣе удобный для переноски, чѣмъ копье, не внушающій съ виду никакихъ опасеній, легкій, онъ едва замѣтенъ для противника, такъ какъ своимъ цвѣтомъ почти не отличается отъ темнокоричневой кожи дикаря. Но разумѣется это оружіе можетъ быть опаснымъ лишь тогда, когда имъ умѣютъ владѣть въ совершенствѣ. Дикарь приучается къ этому съ ранней молодости. Я постоянно видѣлъ на лужайкахъ, возлѣ шалашей, какъ группы чернокожихъ мальчугановъ съ утра до вечера упражняются бумерангомъ; цѣлью имъ служить чучело казуара, насаженное на палку, или пень, который изображаетъ сидячаго кенгуру. Молодые дикари неутомимо упражняются въ искусствѣ метать бумерангъ и стараются всѣми силами перещеголять другъ друга“.

Какъ ни печально существованіе австралійскаго дикаря, но жизнь его жены еще печальнѣе. Австралійская женщина не что иное, какъ раба, и должна исполнять самыя тяжелыя работы. Семейная жизнь австралійскихъ дикарей соотвѣтствуетъ ихъ низкому

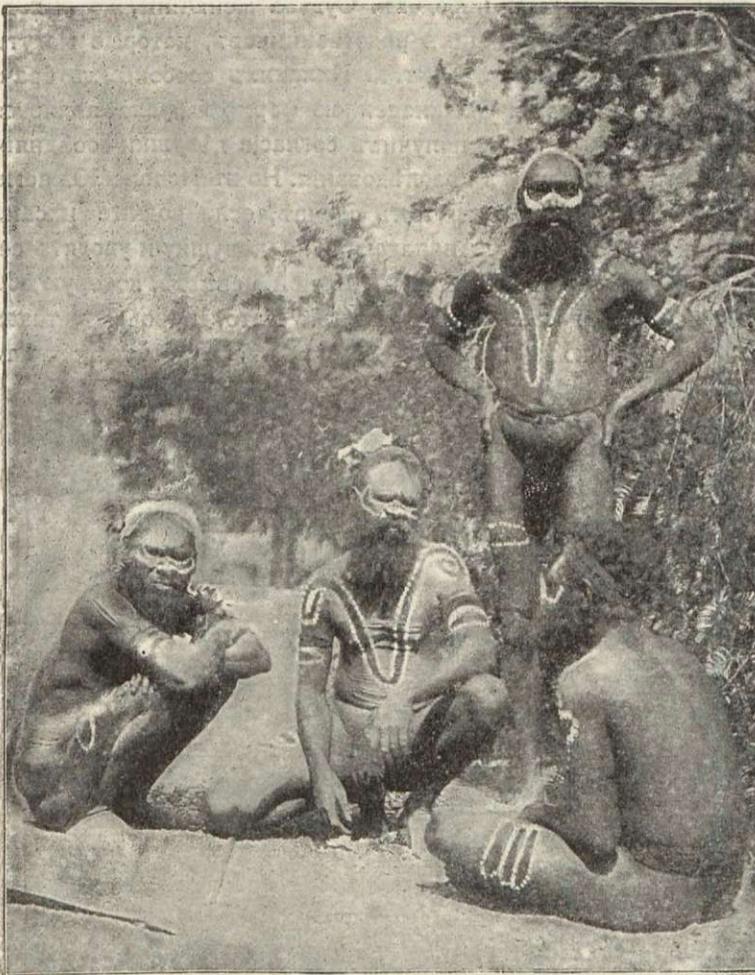
умственному развитію. Многоженство встрѣчается вездѣ, гдѣ нѣтъ недостатка въ пищѣ, и гдѣ дикарь можетъ прокормить много женъ. Но положеніе этихъ женъ очень незавидное, что, впрочемъ, наблюдается почти у всѣхъ дикихъ народовъ. Судьба женщины, до выхода ея замужъ, всецѣло находится въ рукахъ ея ближайшихъ родственниковъ, которые могутъ располагать ею какъ вздумается: продать ее, вымѣнять и т. д. Никакихъ особенныхъ брачныхъ церемоній у австралійцевъ не существуетъ. Обыкновенною формою брака является похищеніе женщины. У нѣкоторыхъ племенъ юноша, получивъ согласіе дѣвушки сосѣдняго племени, уводитъ ее въ лѣсъ, какъ будто спасаясь отъ преслѣдованія. Но въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ устраивается настоящее похищеніе, даже и въ томъ случаѣ, если родные и сама дѣвушка не противятся браку. Женихъ и его близкіе нападаютъ на дѣвушку и уводятъ ее. Родные невѣсты вступаются, завязывается жаркая схватка, и бѣдной невѣстѣ, которую обѣ стороны отнимаютъ другъ у друга, сильно достается при этомъ. Часто, впрочемъ, такая схватка бываетъ притворной, и если на долю женщины попадетъ нѣсколько ударовъ, то

Туземная хижина на берегу Крика.

она считаетъ это вполне обыкновеннымъ дѣломъ. Бываетъ, что дикарь, высмотрѣвъ себѣ дѣвушку въ сосѣднемъ племени, подкрадывается къ ней и, оглушивъ ее ударомъ, волочитъ ее за собой, таща за руку, съ такою силою и поспѣшностью, что дѣвушка попадаетъ въ шалашъ своего будущаго мужа и повелителя вся окровавленная и въ синякахъ. Въ другихъ случаяхъ женщина покупается, вымѣнивается или получается въ подарокъ какъ какая-нибудь вещь. У племенъ, у которыхъ существуетъ бракъ черезъ покупку, мужчина, желающій получить дѣвушку, обращается къ ея родственникамъ черезъ чье либо посредство. Приходятъ родственники обѣихъ сторонъ и размѣщаются въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ, невѣсту съ женихомъ отводятъ въ большую хижину, а родственники въ это время поютъ и пляшутъ. На слѣдующій вечеръ повторяется то же самое, и послѣ того бракъ считается заключеннымъ. Если невѣста еще слишкомъ молода (у нѣкоторыхъ племенъ дѣвочки выходятъ замужъ 10—12 лѣтъ), то женихъ отводитъ ее къ родителямъ на нѣкоторое время и велитъ ей чаще натираться жиромъ, чтобы она скорѣе росла. Но какъ бы ни досталась жена дикарю, посредствомъ ли похищенія или покупки, участь ея всегда бываетъ незавидна. На ней лежатъ всѣ домашнія

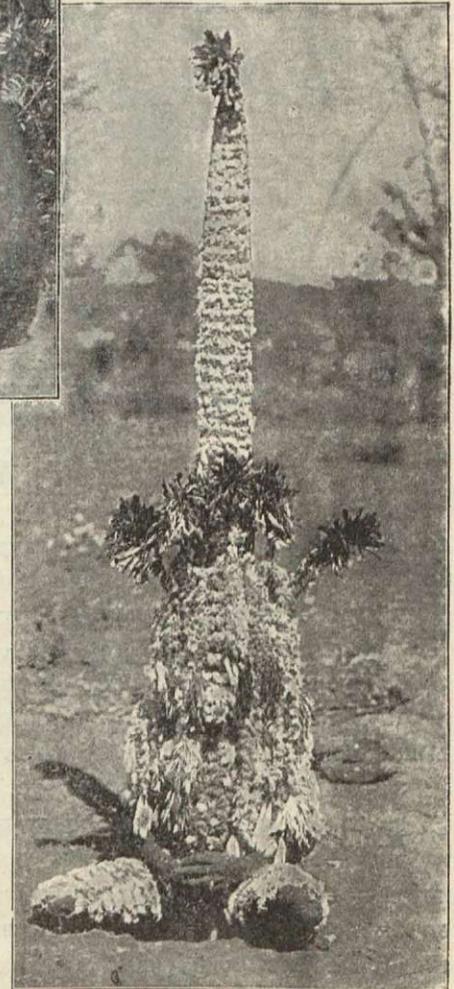
работы, устройство ночлега, постройка шалаша, приготовление пищи, отыскивание съдоб-

Туземцы изъ племени Арунта.

ныхъ кореньевъ и воды для питья. Ея мужъ и повелитель занимается только охотой, и если охота была удачна, то жена приготовляетъ для него кушанье изъ убитой дичи, но сама не смѣетъ къ нему притронуться. Она получаетъ только объѣдки. Дикарь изрѣдка бросаетъ ей какую-нибудь кость, которую она ловить на лету, какъ собака.

Когда дикарь перекочевываетъ на другое мѣсто,

Туземець, нарядившійся для пляски (Центральная Австралія).

то всѣ свои пожитки онъ взваливаетъ на плечи своей жены, на спинѣ которой помѣщаются и маленькія дѣти. Нагруженная такимъ образомъ, австралийская женщина несетъ кромѣ того въ рукахъ тлѣющую головню изъ костра. Добываніе огня—дѣло нелегкое, и поэтому австралиецъ всегда беретъ съ собою такую головню, чтобы долго не возиться съ разведеніемъ костра.

Австралийскимъ дикарямъ нельзя отказать въ нѣжныхъ чувствахъ къ дѣтямъ. Если ребенокъ умираетъ, то мать нерѣдко таскаетъ его трупъ до полного разложенія, а впослѣдствіи носить его кости въ мѣшкѣ, на которомъ спитъ. Нерѣдко можно видѣть отцовъ, которые заботливо ведутъ за руку или несутъ утомившихся дѣтей. Но тѣмъ не менѣе тяжелыя жизненныя условія австралийскихъ дика-

рей, недостаточность ухода и присмотра ведутъ за собою большую смертность дѣтей; кромѣ того дѣтоубійство очень распространено у австралійцевъ. Оставленные же въ живыхъ дѣти всегда пользуются хорошимъ обращеніемъ; ихъ никогда не бьютъ, и они вырастаютъ на свободѣ, какъ маленькія животныя, всюду слѣдуя по пятамъ за старшими.

Когда ребенокъ начинаетъ ходить — ему дается имя, но, при достиженіи имъ возмужалости, ему даются новыя имена. По выходѣ изъ дѣтскаго возраста, для мальчика—будущаго воина—начинается рядъ испытаній, очень мучительныхъ. Самый распространенный обычай—это выбиваніе переднихъ зубовъ—одного или двухъ. Затѣмъ юноши подвергаются разнымъ истязаніямъ, ударамъ, татуировкѣ и голоданію. Все это, вѣроятно, имѣетъ цѣлью закалять юношу, приучить его переносить боль, не выказавъ ни однимъ движеніемъ своего страданія, но тѣмъ не менѣе очень часто организмъ юношей расшатывается послѣ перенесенныхъ ими мучительныхъ испытаній, и они вскорѣ погибаютъ. Женщины также подвергаются истязаніямъ. У нѣкоторыхъ племенъ имъ тоже выбиваютъ зубы или отрѣзываютъ палецъ. Часто это дѣлается въ память какого нибудь событія.

Если юноша счастливо перенесетъ всѣ испытанія, то онъ считается взрослымъ и становится равноправнымъ членомъ племени и можетъ искать себѣ жену. Для дѣвочки же, съ выходомъ ея изъ дѣтскаго возраста, оканчивается единственное счастливое время ея жизни. Мы уже говорили, какъ печальна участь женщины въ австралійской семьѣ. Однако, путешественникамъ приходилось наблюдать всетаки нѣжную любовь между взрослыми дѣтьми и матерью. Даже сыновья иногда заботливо относятся къ своей старой и слабой матери, хотя такіе случаи рѣдки. У нѣкоторыхъ племенъ дочь, чтобы почтить память умершей матери, приготовляетъ изъ ея черепа сосудъ, изъ котораго всегда пьетъ.

Трудно рѣшить, есть ли какая нибудь религія у австралійскихъ дикарей. Они вѣрятъ, что есть злые духи, которыхъ надо бояться или стараться умиловить, но у нихъ нѣтъ ни жрецовъ, ни храмовъ, ни какихъ либо религіозныхъ обрядовъ. Такъ какъ они думаютъ, что злые духи боятся огня, то всегда зажигаютъ костеръ у своего шалаша, даже въ жару. Но хотя у австралійскихъ дикарей нѣтъ жрецовъ, у нихъ всетаки есть колдуны—обыкновенно пожилые люди, которые занимаются врачеваніемъ, заклинаніями и разысканіемъ виновниковъ смерти. Дикари, вѣрящіе, что весь міръ наполненъ духами и привидѣніями, конечно, не могутъ обойтись безъ колдуновъ, тѣмъ болѣе, что они не признаютъ естественной смерти, кромѣ смерти въ сраженіи, и смерть отъ болѣзни приписываютъ колдовству. Поэтому, если умираетъ дикарь, то его родственники прежде всего стараются узнать, гдѣ находится злой врагъ, наславшій на него смерть. У нѣкоторыхъ племенъ ближайшій родственникъ проводитъ съ умершимъ первую ночь, приложивъ голову къ трупу, чтобы получить отъ него указанія. На слѣдующій день трупъ выносится на носилкахъ, и друзья умершаго, которые несутъ его, называютъ при этомъ имена разныхъ лицъ и наблюдаютъ, не сдѣлаетъ ли трупъ какого нибудь движенія, указывающаго направленіе, гдѣ находится его врагъ. Иногда дикарь передъ смертью называетъ того, кто его околдовалъ, т. е., по повѣрью дикарей, тайно похитилъ у него почечный жиръ. Послѣ его смерти, друзья его отправляются тайкомъ мстить убійцѣ. Они ночью подкрадываются къ нему, убиваютъ его, затѣмъ отрѣзываютъ у него надпочечный жиръ и довольные приносятъ его своему племени. Умершій считается отомщеннымъ, но такое убійство часто служитъ поводомъ къ кровавой мести со стороны родственниковъ убитаго, а иногда ведетъ даже къ войнѣ между племенами.

Послѣ розыска предполагаемаго убійцы производится погребеніе, которое бываетъ надъ землей или подъ землей. Самый простой способъ надземнаго погребенія — это помѣщеніе трупа въ дупло дерева. У нѣкоторыхъ же племенъ трупъ зашивается въ кору и подвѣшивается на деревѣ на высотѣ трехъ метровъ. На самой оконечности мыса Уоркъ находится общее костехранилище одного племени. Оно помѣщается на скалистомъ возвышеніи, надъ пропастью и окружено ободкомъ изъ камней. Внизу бушуетъ море, и выборъ

этого мѣста для кладбища указываетъ, что дикари не лишены поэтическаго чувства. У другихъ племенъ такія общія костехранилища устраиваются въ отдаленномъ лѣсу.

Но не всѣ кости предаются землѣ. Черепа, напримѣръ, служатъ сосудами для питья; матери же обыкновенно носятъ при себѣ кости своихъ умершихъ дѣтей. У одного племени трупъ поджаривается и высушивается; родственники-же умершаго, въ то время, когда совершается эта операція, воютъ, не переставая, день и ночь. Высушенный трупъ они таскаютъ всюду съ собой, какъ драгоценность. Если же труповъ накопится много, то болѣе старыя муміи подвѣшиваются на вѣтвяхъ дерева, на такой высотѣ, чтобы собаки не могли ихъ достать.

Печаль по умершемъ выражается всегда очень шумно. Мужчины и женщины, ближайшіе родственники умершаго, наносятъ себѣ раны; женщины до крови царапаютъ себѣ

Погребеніе надъ землей.

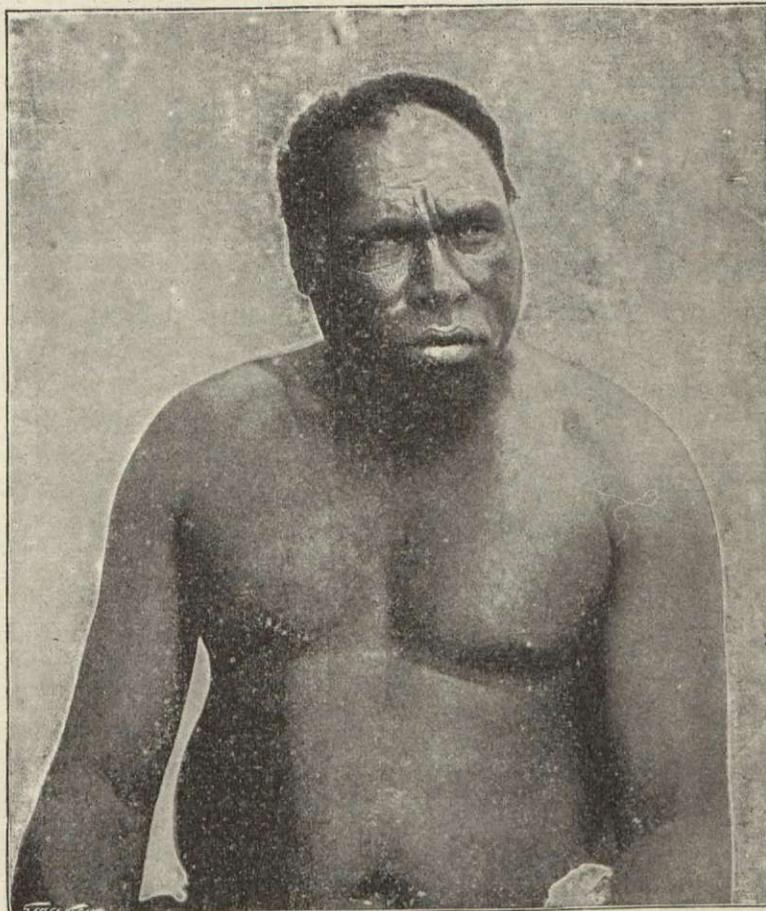
лицо ногтями и жгутъ себѣ тѣло, а мужчины наносятъ себѣ такіе удары, что кровь льется ручьемъ. Имя умершаго никогда больше не произносится, а если произносится, то шепотомъ. Тотъ, кто носитъ одинаковое съ нимъ имя, перемѣняетъ его на другое.

У нѣкоторыхъ племенъ похороны сопровождаются людоедствомъ. Если умираетъ мужчина въ цвѣтъ лѣтъ или юноша, то родственники и друзья его считаютъ своею обязанностью съѣсть его, чтобы выразить ему свою любовь. Въ Южной Австраліи умершій ребенокъ съѣдается родителями, братьями и сестрами. Кромѣ того, почти у всѣхъ австралійскихъ племенъ существуетъ обычай съѣдать своихъ убитыхъ враговъ. Тутъ людоедство вызывается желаніемъ получить силу и мужество врага, а также вѣрою, что въ такомъ случаѣ духъ врага не можетъ мстить. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, австралійцы съѣдаютъ только незначительную часть тѣла врага и чаще всего почечный жиръ, которому приписывается таинственная сила, такъ какъ онъ считается мѣстопребываніемъ

души чело́вѣка. Глаза убитаго врага также пожираются, на томъ основаніи, что въ нихъ сверкала ярость во время битвы.

Въ дни полнолунія австралійскія племена собираются вмѣстѣ ночью на какой нибудь лѣсной полянѣ, и тамъ мужчины танцуютъ какой-то священный танецъ подъ аккомпаниментъ барабановъ и пѣнія женщинъ. Эти ночныя собранія называются „карробари“, и значеніе ихъ до сихъ поръ остается загадочнымъ для европейцевъ. Мужчины заранѣе готовятся къ этому празднеству; они сидятъ цѣлый день въ кустарникѣ, и жены растираютъ имъ тѣло жиромъ и разрисовываютъ разными красками, такъ что они получаютъ по истинѣ дьявольскій видъ. Когда наступаетъ ночь, женщины разводятъ огромный ко-

стеръ и, усѣвшись на землю въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, начинаютъ какую-то заунывную пѣсню, аккомпанируя себѣ на барабанѣ, затѣмъ въ извѣстный моментъ изъ кустовъ выскакиваютъ дикари съ копьями въ рукахъ, хватаютъ пылающія головни и начинаютъ исполнять дикій танецъ, кружиться, кривляться на всѣ лады, стучать и потрясать оружіемъ и т. д. Впрочемъ, всѣ эти движенія они исполняютъ одновременно и по командѣ распорядителя. Отъ времени до времени они оглашаютъ воздухъ дикими, странными криками, бросая на землю головни съ такою силой, что искры разлетаются во всѣ стороны, а потомъ затагиваютъ какую-нибудь пѣсню, состоящую большею частью изъ повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, или же повѣствующую о какихъ-нибудь ге-

Туземець съ острова принца Уэльскаго.

ройскихъ подвигахъ или продѣлкахъ духовъ. Иногда изображается охота, при чемъ одни изъ участвующихъ берутъ на себя роль кенгуру, динго или эму, а другіе—преслѣдующихъ охотниковъ. Мимика у дикарей чрезвычайно выразительная, и они всегда умѣютъ все изобразить жестами, если у нихъ не хватаетъ словъ, и хотя въ ихъ пѣсняхъ заключается не много словъ и одни и тѣ же слова повторяются постоянно подъ монотонный напѣвъ, но эти немногія слова большею частью выражаютъ какое-нибудь сильное чувство и впечатлѣніе. Подобная же сила выраженія замѣчается и въ легендахъ австралійцевъ, ихъ разсказахъ о герояхъ и призракахъ; хорошіе разсказчики у нихъ пользуются большимъ почетомъ, и они цѣлыми часами готовы слушать ихъ.

Кромѣ „карробари“ у нихъ бываютъ еще другія собранія — „борбоби“, на которыхъ

они улаживаютъ всѣ свои споры съ оружіемъ въ рукахъ, посредствомъ поединка. На эти собранія дикари также являются разукрашенными и вооруженными. Племена сходятся въ опредѣленномъ мѣстѣ, и изъ толпы выходятъ воины въ полномъ вооруженіи, которые и начинаютъ сражаться. Они очень ловко отражаютъ удары щитами, при чемъ конечно толпа издаетъ воинственные крики. Поединокъ продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ противниковъ, уставъ сражаться, не объявитъ себя побѣжденнымъ.

Воинъ съ острова принца Уэльскаго въ боевомъ нарядѣ.

Женщины принимаютъ большое участіе въ этихъ поединкахъ, тѣмъ болѣе, что очень часто поединокъ рѣшаетъ ихъ судьбу, т. е. онѣ становятся постояннымъ побѣдителемъ. Онѣ внимательно слѣдятъ за ходомъ борьбы, поднимаютъ оружіе и подаютъ сражающимся. Старухи помѣщаются позади сражающихся и, ударяя своими палками въ землю, бѣснуются и кричатъ какъ безумныя, возбуждая своими дикими криками воиновъ такъ, что тѣ, несмотря на потъ, который струится съ нихъ ручьями, удваиваютъ свои усилія. Когда одинъ изъ нихъ объявляетъ себя побѣжденнымъ, то старухи бросаются къ нему и протягивая надъ его головою свои палки, кричатъ: „Не убивайте его! Не убивайте!..“

Можно было бы ожидать, что послѣ такой ожесточенной борьбы многіе будутъ купаться въ крови. Ничуть не бывало. Серьезныя пораненія бываютъ очень рѣдко; обыкновенно дѣло кончается небольшими царапинами, и споръ считается улаженнымъ.

Несмотря на всѣ тяжелыя условія своей жизни, австралійскіе дикари не чувствовали себя несчастными, пока не явились европейцы, особенно въ прибрежныхъ областяхъ, гдѣ не было недостатка въ пищѣ. Кенгуру и другія дикія животныя водились въ большомъ количествѣ, и австралійскіе дикари рѣдко голодали. Каждое племя охотилось только на своей землѣ, и вообще дикари честно соблюдали это правило, не позволяя себѣ посягать на чужую собственность. Но европейцы, поселившись въ Австраліи, чуть-ли не съ перваго

шага начали враждовать съ туземцами. Много разъ вражда эта вызывала яростное и открытое истребленіе дикарей. Европейскіе колонисты охотились на дикарей, какъ на дикихъ звѣрей, считая всѣ средства позволительными. Число австралійскихъ дикарей и такъ было невелико, но съ появленіемъ европейцевъ оно стало быстро уменьшаться. „Бѣлые люди“ вытѣсняли ихъ изъ ихъ прежнихъ владѣній и вынуждали ихъ отступать далѣе въ пустыню, гдѣ они порою даже кончали жизнь самоубійствомъ, чтобы не умереть съ голоду. Полное исчезновеніе первобытной австралійской расы вѣроятно составляетъ теперь лишь вопросъ времени.

Захвативъ земли туземцевъ, европейцы принялись уничтожать лѣса и истреблять кенгуру, и это было смертнымъ приговоромъ для австралійцевъ, такъ какъ охота на кенгуру составляетъ главный источникъ ихъ существованія. Такимъ образомъ число австралійскихъ туземцевъ непрерывно уменьшается, они вырождаются и вымираютъ, и вѣроятно недалеко время, когда не останется въ Австраліи ни одного представителя ея прежняго коренного населенія, и австралійская раса перейдетъ въ область прошедшаго. Въ настоящее время насчитывается не болѣе 7—8 тысячъ австралійцевъ, тогда какъ европейцевъ — болѣе 4-хъ милліоновъ. Насколько возрастаетъ европейское населеніе, настолько уменьшается туземное. Несмотря на то, что теперь уже прекратились варварства, которымъ прежде подвергались австралійцы со стороны пришельцевъ, завладѣвшихъ ихъ родиной, и что австралійское правительство и миссіонеры стараются спасти дикарей отъ вымиранія, приспособить ихъ къ новымъ условіямъ и цивилизовать ихъ, несчастные австралійцы, загнанные въ пустыню, лишенные собственности и во всемъ стѣсненные, быстро вымираютъ. Даже тѣ, которые посѣщали школы и повидимому нѣсколько цивилизовались, рано или поздно все таки возвращаются къ своимъ родичамъ, въ пустыню, и сбросивъ съ себя европейское платье, ведутъ съ ними ту жизнь, которая намъ представляется такой жалкой и несчастной.

Австралійскіе дикари, конечно, не могутъ примириться съ тѣмъ, что бѣлые завладѣли ихъ землей, но бороться съ ними не имѣютъ силъ и только отъ времени до времени мстятъ имъ отдѣльными нападеніями, убійствами и уводомъ скота. Но и европейцы не остаются въ долгу и жестоко отплачиваютъ имъ за это. Такимъ образомъ вражда никогда не прекращается. Одинъ изъ дикарей сказалъ губернатору западной Австраліи: „Зачѣмъ вы, бѣлые люди, пріѣхали на корабляхъ въ нашу землю и убиваете бѣдныхъ чернокожихъ, которые даже не понимаютъ, чего вы отъ нихъ хотите. Мы не знаемъ и не можемъ понять, почему одинъ человѣкъ имѣетъ болѣе права на звѣрей, травы и корни, нежели другой. Если голодные чернокожіе убьютъ вашу овцу, чтобы утолить свой голодъ, то вы, бѣлые люди, стрѣляете въ нихъ; если бѣдныя, голодныя женщины, привыкшія выкапывать каждый съѣдобный корень, являются на ваше картофельное поле и, выдернувъ картофель, прячутъ его въ свой мѣшокъ, то вы убиваете ихъ. Ну и мы будемъ брать у васъ жизнь за жизнь.“

Такъ погибаетъ австралійская раса, и врядъ ли что нибудь можетъ спасти ее теперь. Жалкая утварь, оружіе и украшенія австралійцевъ — все это тщательно сохраняется теперь въ музеяхъ, для того чтобы остались хоть какіе нибудь слѣды существованія первобытныхъ чернокожихъ обитателей Австраліи.

Глава IV.

Прежде и теперь. — Добываніе золота. — Развитіе сельскаго хозяйства. — Желѣзныя дороги. — Расходъ на просвѣщеніе. — Первая англійская колонія. — Австралійскіе штаты. — Отношенія между колоніями и Англійей. — Управленіе колоній. — Возрастаніе экономическаго благосостоянія. — Планъ союза. — Учрежденіе федеральнаго совѣта. — Австралійская республика. — Федеральный парламентъ. — Связь съ Англійей. — Положеніе народа и его права. — Развитіе Австраліи. — Телеграфныя станціи въ пустынь. — Штатъ Викторія. — Мельбурнь. — Баллааратъ. — Австралійская чаща. — Сидней. — Засуха и наводненія. — Квинслендъ. — Западная Австралія. — Южная Австралія. — Сѣверная территорія. — Австралійскій народъ.

Лѣтъ 50 тому назадъ путешествіе въ Австралію представлялось довольно рискованнымъ предпріятіемъ, на которое рѣшались обыкновенно люди, намѣревавшіеся навсегда порвать со своей родиной и переселиться въ новую страну, гдѣ они надѣялись найти свое счастье. Золото больше всего привлекало переселенцевъ въ эту часть свѣта, ученые же интересовались ею, какъ своеобразною страной, флора и фауна которой находятся въ первобытномъ состояніи. Но, по мѣрѣ развитія австралійской промышленности, открытія минеральныхъ богатствъ Австраліи и распространенія скотоводства, сношенія Европы съ Австраліей стали разрастаться, а когда были построены быстроходныя суда, то Австралія перестала быть „неизвѣстною страной“, и въ ней появились даже европейскіе туристы *), не говоря уже о массѣ торговцевъ, промышленниковъ и другихъ лицъ, отправляющихся туда для устройства разныхъ торговыхъ предпріятій или завязыванія сношеній съ тамошними торговыми фирмами. Производительность Австраліи все болѣе разрастается, и она поставляетъ теперь въ Европу шерсть, пшеницу, мясо и металлы въ огромномъ количествѣ, но съ свей стороны служить для Европы очень важнымъ мѣстомъ сбыта произведеній ея фабричной промышленности.

Добываніе золота попрежнему остается однимъ изъ важнѣйшихъ промысловъ австралійскаго населенія, и на золотыхъ приискахъ Австраліи работаютъ болѣе 100,000 человекъ. Кромѣ золота добываются и другіе минералы, и добыча мѣди даже можетъ поспорить съ золотомъ. Согласно официальнымъ свѣдѣніямъ, горная промышленность Австраліи приноситъ въ годъ почти четверть мильярда рублей. По колоніямъ производство золота распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ 1899 году было добыто золота:

въ Южномъ Уэльсѣ	на 17,518 руб.
„ Викторіи	„ 34,180 „
„ Квинслендѣ	„ 28,381 „
„ Южной Австраліи	„ 790 „
„ Западной Австраліи	„ 62,467 „

Несмотря на то, что добыча золота послужила толчкомъ къ промышленному развитію Австраліи и доставила ея колоніямъ необходимые капиталы, тѣмъ не менѣе теперь золотой промыселъ начинаетъ уже мало-по-малу отступать на второй планъ въ виду развитія другихъ отраслей промышленности, въ особенности же скотоводства и земледѣлія.

Австралія оказалась страной, наиболѣе удобной для скотоводства. Въ ней находится около одной четверти всего количества овецъ, которыя пасутся на земномъ шарѣ, да и вообще число головъ рогатаго скота и лошадей въ Австраліи, приходящихся на одного жителя, больше, чѣмъ въ какой либо другой странѣ. Просторъ австралійскихъ равнинъ способство-

*) Изъ Лондона въ Мельбурнь теперь можно доѣхать въ 40 дней.

валъ расширенію скотоводства, которое развивалось въ Австраліи съ неимовѣрною быстротой и только въ послѣднее время земледѣліе начало нѣсколько отгѣснять его, тѣмъ болѣе, что засухи послѣднихъ лѣтъ очень пагубно отразились на скотѣ.

Въ вывозной торговлѣ Австраліи производство овечьей шерсти занимаетъ такое же важное мѣсто, какъ и вся горная промышленность, включая добываніе золота. Въ 1899 году, напримѣръ, шерсти вывезено на 235 милліон. рублей. За послѣдніе годы начало развиваться мясное производство. Вывозъ мясныхъ продуктовъ (замороженного мяса и консервовъ) достигъ въ 1897 году цифры въ 30 милліон. рублей. Увеличивается также вывозъ другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства: яицъ, масла, сыра и свинины, и главнымъ мѣстомъ для сбыта всѣхъ этихъ сѣстныхъ припасовъ служитъ Англія.

По мѣрѣ развитія земледѣлія въ австралійскихъ колоніяхъ увеличивался вывозъ австралійской пшеницы. Больше всего земледѣліе развито въ Викторіи, которая одна поставляетъ около трети всего количества пшеницы, вывозимой изъ Австраліи. Площадь воздѣлываемой земли въ Австраліи увеличилась за тридцать лѣтъ въ восемь разъ. Но какъ ни поражаетъ своею быстротой промышленный ростъ этой страны, все-таки она еще не достигла настоящаго развитія въ этомъ отношеніи. Въ нѣдрахъ Австраліи еще скрыты несмѣтныя богатства, и для разработки ихъ не хватаетъ рабочихъ рукъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно земледѣлія: лишь незначительная часть годной подъ посѣвы земли обрабатывается, но для расширенія сельскаго хозяйства число рабочихъ рукъ также оказывается недостаточнымъ. Тѣмъ не менѣе уже теперь внѣшняя торговля Австраліи превышаетъ по своимъ оборотамъ внѣшнюю торговлю Россіи, хотя населеніе Австраліи въ 30 разъ меньше населенія Россіи.

Очень важнымъ препятствіемъ, съ которымъ пришлось бороться развитію австралійской промышленности, было отсутствіе естественныхъ путей сообщенія. Въ противоположность другимъ странамъ, гдѣ сооруженіе желѣзныхъ дорогъ вызывается развитіемъ промышленности и торговли и постройка ихъ обѣщаетъ быть выгоднымъ предпріятіемъ, вслѣдствіе чего за нее и берутся разныя частныя лица и акціонерныя общества, не боящіяся затрачивать на это дѣло свои капиталы и рассчитывающія на вѣрный доходъ — въ Австраліи дороги строились для заселенія совершенно пустынныхъ мѣстностей и должны были сами служить разсадниками культуры и промышленности, которая до ихъ проведенія не существовала въ странѣ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ нечего было и думать о доходахъ съ желѣзныхъ дорогъ, и постройка этихъ дорогъ по необходимости была государственнымъ предпріятіемъ. Ихъ строили правительства колоній, которыя, впрочемъ, находятся подъ контролемъ общественнаго мнѣнія и печати въ Австраліи, и такъ какъ они должны всегда и во всемъ отдавать отчетъ парламенту и народу, то вполне естественно, что постройка желѣзныхъ дорогъ производилась ими разумно и экономно. Теперь австралійскія желѣзныя дороги, простирающіяся на 23,000 верстъ (къ концу 1899 года), приносятъ казнѣ очень крупныя доходы.

Разумѣется, по мѣрѣ того, какъ увеличивались доходы страны, возрастали и ея государственныя расходы. На одно только народное просвѣщеніе тратится въ Австраліи около 22 милліоновъ р. въ годъ, т. е. почти столько же, сколько и въ Россіи, населеніе которой больше чѣмъ въ двадцать разъ превышаетъ населеніе Австраліи. Но благодаря этимъ крупнымъ затратамъ на народное образованіе безграмотность въ Австраліи сдѣлалась очень рѣдкимъ явленіемъ. Къ концу 1899 года въ Австраліи существовало 8,343 первоначальныхъ школы, гдѣ обучалось 736,778 дѣтей обоого пола, не считая частныхъ и церковныхъ школъ. Общій уровень благосостоянія Австраліи выше, чѣмъ въ Европѣ, и распределеніе богатствъ равномернѣе.

Когда Кукъ, въ апрѣлѣ 1770 года, впервые увидѣлъ восточный берегъ Австраліи, мимо котораго онъ плылъ на парусахъ, то ему показалось, что его очертанія напоминаютъ Южный Уэльсъ въ Англіи; поэтому онъ и назвалъ открытый имъ берегъ этимъ именемъ. Впослѣдствіи, когда англійское правительство рѣшило устроить колоніи ссыльныхъ на австралій-

скомъ берегу, то оно присвоило названіе, данное Кукомъ этому берегу, всей области, прилегающей къ первому англійскому поселенію. Такимъ образомъ Новый Южный Уэльсъ былъ первою и самою обширною британскою колоніей въ Австраліи; другія колоніи были основаны позднѣе: Западная Австралія въ 1829 г. и Южная — въ 1834 г. Впослѣдствіи, когда прекратилась высылка преступниковъ въ Австралію, и насильственные переселенцы замѣнились вольными, отъ первоначальной колоніи Новаго Южнаго Уэльса отдѣлились двѣ области: Викторія и Квинслендъ (земля королевы), которыя и образовали самостоятельныя колоніи. Въ настоящее время на австралійскомъ материкѣ находится пять большихъ колоній: Западная Австралія, Южная Австралія, Квинслендъ, Новый Южный Уэльсъ и Викторія. Всѣ эти колоніи представляютъ самостоятельныя государства или „штаты“, образующія между собою союзъ, находящійся подъ верховнымъ покровительствомъ Англии.

Въ теченіе первыхъ 60 лѣтъ австралійскія колоніи развивались очень медленно, и первые колонисты въ Австраліи претерпѣвали много бѣдъ. Но, когда измѣнились условія: было открыто золото и въ Австралію стали стекаться энергичные и предприимчивые люди, население ея возрасло и вмѣстѣ съ этимъ стала развиваться промышленность, то австралійскія колоніи необыкновенно быстро превратились въ цвѣтушія маленькія государства, съ такимъ прекраснымъ устройствомъ во многихъ отношеніяхъ, что даже старыя европейскія государства теперь могутъ позавидовать имъ. Менѣе чѣмъ въ 50 лѣтъ Австралія сдѣлала такіе успѣхи, что уже приобрѣла вліяніе среди странъ міра и заинтересовала Европу своими нововведеніями въ области государственнаго устройства.

Разростаясь и сближая свои границы, австралійскія колоніи, конечно, должны были съ теченіемъ времени почувствовать необходимость болѣе тѣснаго сближенія другъ съ другомъ ради защиты общихъ интересовъ. Въ началѣ каждая колонія жила своею самостоятельною жизнью, и между ними происходили даже споры и столкновенія, которыя Англія, какъ верховная владѣтельница колоній, должна была улаживать. Впрочемъ, и между Англійей и колоніями отношенія были довольно натянутыми, и можно было ясно замѣтить, что колоніи стремятся отдѣлиться отъ Англии и стать самостоятельными государствами. Но раздоры, существовавшіе между ними, мѣшали имъ привести въ исполненіе это намѣреніе, а Англія, понимая, что для нея выгоднѣе, если колоніи будутъ ссориться между собою, — такъ какъ въ такомъ случаѣ она скорѣе сохранитъ свою власть надъ ними, — предоставляла имъ пререкаться другъ съ другомъ, вмѣшиваясь только тогда въ ихъ дѣла, когда это было безусловно необходимо для предотвращенія могущей вспыхнуть между ними гражданской войны.

Каждая колонія имѣла самостоятельное управленіе, устроенное по англійскому образцу, т. е. она управлялась парламентомъ, состоящимъ изъ двухъ палатъ, верхней и нижней. Первая состояла изъ представителей зажиточныхъ классовъ населенія, во второй же засѣдали представители народа, которыхъ выбираетъ все населеніе. Зависимость отъ Англии выражалась въ томъ, что въ каждой колоніи находился особый губернаторъ, назначаемый англійскимъ правительствомъ, кромѣ того всѣ свои рѣшенія парламентъ колоніи долженъ былъ представлять на утвержденіе англійскаго правительства. Такое управленіе было съ самаго начала введено въ колоніяхъ, какъ только онѣ достигли извѣстнаго развитія. Учрежденіе парламента повело за собой образованіе партій, т. е. люди одинаковыхъ взглядовъ группировались вмѣстѣ и добивались преобладанія въ парламентѣ. Прежде всего, какъ только въ колоніяхъ были учреждены парламенты, онѣ стали требовать, чтобы Англія прекратила высылку преступниковъ въ Австралію. Когда же въ этой странѣ расширилось производство золота и шерсти, то возникъ споръ относительно введенія таможенныхъ пошлинъ: однѣ стояли за таможенныя пошлины, другія же были противъ нихъ.

Между тѣмъ населеніе колоній все увеличивалось, и такъ какъ оно состояло преимущественно изъ рабочихъ классовъ, а родовой аристократіи тамъ не было, то, разумѣется, вліяніе народа все усиливалось. Сначала въ Южной Австраліи, потомъ въ Викторіи, рабочіе,

вмѣстѣ съ приверженцами народной партіи, т. е. демократами, добились въ парламентѣ принятія такихъ законовъ, которые расширяли права народа и увеличивали число его представителей въ парламентѣ, вслѣдствіе чего зажиточные классы, капиталисты, лишились своего исключительнаго преобладанія и вліянія на дѣла колоніи. Кромѣ того въ Южной Австраліи право участія въ парламентскихъ выборахъ было распространено и на женщинъ, такъ что и онѣ подавали свои голоса такъ же, какъ и мужчины, когда происходило избраніе депутатовъ, т. е. народныхъ представителей, въ парламентъ.

По мѣрѣ того, какъ колоніи развивались въ политическомъ отношеніи, возрастало также ихъ экономическое благосостояніе. Маленькія поселенія превратились въ большіе прекрасные города, которые могли поспорить съ европейскими столицами. Австралія начала отправлять въ Европу свои продукты: овечью шерсть, золото и др. металлы и т. д. Населеніе увеличилось какъ вслѣдствіе того, что людей рождалось больше, нежели умирало, такъ и вслѣдствіе постояннаго наплыва переселенцевъ, которыхъ привлекалъ въ Австралію не только призракъ золота, но и высокая заработная плата и хорошія условія работы.

Австралійскія колоніи вначалѣ больше всего старались оградить свою независимость другъ отъ друга. Каждая изъ нихъ имѣла отдѣльный бюджетъ (смету расходовъ и доходовъ), отдѣльныя таможи и отдѣльную сѣть желѣзныхъ дорогъ, совершенно не принимая во вниманіе своихъ сосѣдей. Однако мало-по-малу въ нѣкоторыхъ колоніяхъ стало пробуждаться сознаніе, что для нихъ выгоднѣе было бы прекратить свои домашнія распри и сплотиться вмѣстѣ, чтобы давать отпоръ притязаніямъ метрополіи, т. е. Англій. Въ 1860 г. представители Новаго Южнаго Уэльса, Викторіи, Южной Австраліи и острова Тасманіи, представляющаго отдѣльную колонію, собрались вмѣстѣ въ Мельбурнѣ (столицѣ Викторіи) для обсужденія плана образованія союза-федерации колоній. Но совѣщанія представителей кончились ничѣмъ, такъ какъ Викторія требовала для себя особенныхъ преимуществъ, которыхъ другіе не хотѣли ей дать.

Въ то время идея союза колоній имѣла еще очень немного приверженцевъ. Каждая колонія дѣйствовала отдѣльно и при помощи своего представителя въ Лондонѣ поддерживала свои частныя интересы, ни мало не заботясь объ интересахъ другихъ. Однако спустя нѣсколько лѣтъ общіе торговые интересы колоній заставили ихъ подумать объ учрежденіи федеральнаго (союзнаго) совѣта, который защищалъ бы ихъ. Вопросъ объ учрежденіи такого совѣта былъ предложенъ на разрѣшеніе каждой колоніи отдѣльно. Было объявлено всеобщее голосованіе по этому вопросу, и весь народъ долженъ былъ принимать въ немъ участіе и высказаться за или противъ учрежденія такого совѣта. Побѣда осталась за приверженцами федерации, такъ какъ большинство высказалось въ пользу ея. Въ столицѣ Южной Австраліи, Аделаидѣ избрано было собраніе, которому поручено было выработать уставъ новой конституціи, т. е. основныхъ государственныхъ законовъ, для австралійской федерации. Это было въ 1897 г., а въ 1899 г. австралійцы внесли свой проектъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Англій.

Конечно, эти притязанія австралійцевъ, желавшихъ во что бы то ни стало составить самостоятельное государство, были не по вкусу Англій, и англійское правительство отвѣтило сначала отказомъ, но настойчивость австралійцевъ взяла верхъ, и Англія вынуждена была уступить. Съ 1-го января 1901 года пять австралійскихъ колоній и островъ Тасманія составляютъ союзъ—Соединенные Штаты Австраліи или австралійскую республику (*The Commonwealth of Australia*). Въ настоящее время законодательная власть въ Соединенныхъ Штатахъ Австраліи принадлежитъ федеральному парламенту, члены котораго выбираются всѣмъ населеніемъ страны. Этотъ парламентъ рѣшаетъ вопросы, одинаково важные для всѣхъ штатовъ и колоній. Онъ руководитъ торговыми сношеніями съ другими государствами, устанавливаетъ таможенныя пошлины, устраиваетъ государственные займы, завѣдуетъ чеканкой монеты, выпускомъ бумажныхъ денегъ, почтой, телеграфомъ, рыбными ловлями и производитъ перепись населенія. Но законы, принятые этимъ парламентомъ, все-таки должны быть

утверждены королею Англии. Это правило остается в силе для сохранения формальной зависимости колоний от Англии. Генерал-губернатор колоний также назначается английским королем, что, впрочем, несколько не препятствует полной самостоятельности австралийских штатов.

Но если формальная зависимость колоний от Англии очень слаба, зато их более тесно связывает множество взаимных интересов. Австралия сбывает в Англию продукты своего сельского хозяйства, помогает ей своим войском, как это было в южно-африканской войне; Англия же охраняет ее своим флотом и защищает ее торговые интересы при помощи своих консулов и посланников в других странах.

Не нуждаясь в содержании огромного войска, на что тратятся громадные суммы в европейских государствах, Австралия быстрее развивается и теперь уже представляет самую передовую страну в мире. Во всей Австралии введено даровое и обязательное народное образование. Права всех австралийских граждан одинаковы, и в важнейших государственных вопросах народ при помощи всеобщего голосования постановляет свое решение. Положение рабочих в Австралии лучше, чем в других странах, и они не имеют особых поводов жаловаться на свою судьбу. Во всех колониях установлен восьмичасовой рабочий день и заработная плата высока, особенно в Виктории, где многие рабочие—собственники своих жилищ и все прошли через первоначальные школы. Разумеется, бедность существует и там, но она не составляет такого повсеместного явления, как в других странах. Грязной нищеты совсем незаметно, и каждый путешественник, побывавший в Австралии, неизменно бывает поражен любовью народа к порядку и высоким уровнем его благосостояния, а также отсутствием рабской покорности, которая замечается в беднейших классах стран Старого Света. Австралийский рабочий всегда вежлив с теми, кто с ним обращается вежливо, но не подобострастен и сознает свое значение, как свободный и равноправный гражданин австралийских штатов, имеющий право голоса в управлении страны.

Итак производительные силы Австралии, ее торговля и благосостояние растут с каждым годом. Пустыни ее, покрытые колючим кустарником (спинифексом), превращаются мало-помалу в луга и поля, а вода извлекается из недр земли при помощи артезианских колодцев (см. рис. на стр. 16 и 9). Всего больше страдает Австралия от отсутствия естественных путей сообщения. Западная Австралия, например, сообщается с другими колониями только через море, так как на материк ее отделяют от них пустыни, путешествие через которые до сих пор еще составляет один из величайших и опасных подвигов, немедленно заносимых в летописи географической науки. Но другие колонии уже связаны между собою сетью железных дорог, и, быть может, недалеко время, когда непроходимая доселе пустынная область Австралии прорвет железный путь. Ведь удалось же провести телеграф через всю Австралию к северу, к порту Дарвина! На протяжении 2000 верст тянется телеграфная проволока через австралийскую пустыню, а вблизи ручьев (криков) или возле артезианских колодцев устроены станции, состоящие из каменного здания, обнесенного высокою стеной с железными воротами. Это делается из предосторожности, так как дикари часто нападают на уединенные поселения, и обитатели их всегда должны быть готовы к обороне. Жизнь на этих станциях в пустыне, конечно, далеко не привлекательна, но, к счастью, человек обладает хорошим свойством привыкать и приспосабливаться ко всему.

Самая богатая и самая многолюдная из австралийских колоний—это Виктория, названная так в честь английской королевы, хотя по величине она и меньше других. Климат ее менее жаркий, чем климат других австралийских колоний. Все европейские растения превосходно растут в этой колонии, и особенно выгодным оказалось разведение

пшеницы, табаку и винограда. Земледѣліе и скотоводство процвѣтають, а открытіе золота, конечно, еще болѣе увеличило благосостояніе колоніи.

Столица Викторіи—Мельбурнъ, еще недавно совсѣмъ незначительный городъ, теперь одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ и первый въ Австраліи по количеству населенія (500,000) и по торговому значенію. Говорятъ, что онъ, какъ древній Римъ, выстроенъ на семи холмахъ, а роль Тибра играетъ маленькая рѣчка Ярра-Ярра. Путешественникъ, въ первый разъ пріѣзжающій въ Мельбурнъ, обыкновенно бываетъ пораженъ великолѣпіемъ этого города, его прекрасными набережными и зданіями. Очень красить городъ то, что онъ не состоитъ изъ сплошныхъ построекъ, а представляетъ цѣлую группу предмѣстій, отдѣленныхъ другъ отъ друга полями и парками. Мельбурнцы гордятся своими великолѣпными зданіями, для сооруженія которыхъ они не жалѣютъ никакихъ расходовъ. Музеи, церкви, банки, дворецъ губернатора, парламентъ, университетъ, построенный на частныя средства, пожертвованныя однимъ богатымъ скотоводомъ—„скваттеромъ“,—все это роскошныя зданія, которыя могли бы служить украшеніемъ любой европейской столицы. Въ Мельбурнѣ есть прекрасная обсерваторія и четыре театра. Настоящую же гордость Мельбурна составляютъ его общественныя сады и особенно ботаническій садъ, восхищающій посѣтителей красотой своего устройства и богатствомъ и разнообразіемъ растительности. Публичная бібліотека Мельбурна, имѣющая уже болѣе 100,000 томовъ, открыта для всѣхъ, и ежегодно въ ней перебываетъ около 270,000 человекъ. Къ бібліотекѣ примыкаетъ читальня, въ которой получаютъ газеты всего міра на всевозможныхъ языкахъ, и промышленный музей, въ которомъ читаются лекціи по химіи, минералогіи, телеграфному и инженерному искусству.

Въ Мельбурнѣ сосредоточивается почти треть всего населенія Викторіи, другіе города не столь густо населены, а къ востоку отъ Мельбурна, въ гористой части колоніи, поселенія встрѣчаются рѣдко. Но Баллааратъ-городъ, выстроенный золотопромышленниками въ пустынномъ мѣстѣ, насчитываетъ теперь уже 40,000 жителей. Это городъ, построенный на почвѣ, про которую говорятъ, что „каждая крошка ея прошла сквозь рѣшето рудокопа“. Городъ окруженъ вилами, рощами, садами, и даже въ окрестностяхъ его находится искусственное озеро.

Европейцы, поселившись въ Австраліи, постепенно видоизмѣнили не только характеръ страны, создавъ по ея берегамъ и долинамъ цвѣтушіе города, но внесли огромныя перемѣны въ ея животномъ и растительномъ мірѣ, распространяя въ ней европейскія растенія и европейскіе животныя. Однако за предѣлами поселеній австралійская природа сохраняется еще въ первобытной чистотѣ. Одинъ изъ путешественниковъ рассказываетъ, что онъ, отправившись гулять въ окрестностяхъ Сиднея, и самъ не замѣтилъ, какъ очутился въ дѣвственномъ австралійскомъ лѣсу, гдѣ огромные стволы навалившихся деревьевъ и разбросанныя въ какомъ-то дикомъ безпорядкѣ скалы, нагроможденныя другъ на друга, преградили ему путь. Повернувъ назадъ, онъ попалъ въ необыкновенно густую чащу кустарника. Но ему казалось, что направленіе, взятое имъ, совершенно правильное. Каково же было его удивленіе, когда онъ вышелъ на берегъ съ совершенно противоположной стороны и далеко отъ парходной пристани, гдѣ онъ высадился. Опасаясь снова заблудиться, онъ уже не рискнулъ забираться въ чащу, а пошелъ вдоль берега, карабкаясь по скаламъ, и, наконецъ, добрался до пристани, порядочно изранивъ себѣ руки и ноги и изорвавъ въ куски свое платье.

Опасность заблудиться въ подобной австралійской чащѣ очень велика, гораздо больше, чѣмъ въ обыкновенномъ лѣсу. Даже люди, многіе годы прожившіе въ такой мѣстности и, повидимому, хорошо изучившіе ее, все-таки могутъ сбиться съ дороги. Чрезвычайное однообразіе деревьевъ, вѣроятно, является главною причиною, почему человекъ такъ легко теряетъ направленіе въ подобной чащѣ. Самое ужасное въ такихъ случаяхъ, что заблудившійся быстро теряетъ свои силы вслѣдствіе страшной жары, жажды и отсутствія какихъ бы то ни было съѣдобныхъ плодовъ для утоленія голода. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ заблудился

пастухъ съ одной станціи, отстоящей въ 50 миляхъ отъ Сиднея. Онъ отправился искать лошадь и, когда на станціи замѣтили, что онъ не вернулся, то хозяинъ взялъ съ собою нѣсколькихъ чернокожихъ и еще двухъ пастуховъ и отправился искать вмѣстѣ съ ними пропавшаго. Чернокожіе прежде всего стали разыскивать его слѣды, но прошло нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ они наконецъ убѣдились, что напали на настоящій слѣдъ. Они искали его по слѣдамъ цѣлыхъ шесть дней и наконецъ нашли, къ счастью, еще живого. Еслибъ не эти чернокожіе, то пастухъ врядъ ли былъ бы спасенъ. Нѣсколько разъ дикари указывали европейцамъ на его слѣды тамъ, гдѣ европейцы ровно ничего не могли замѣтить. Напримѣръ, они указали имъ на одно мѣсто, сказавъ, что тутъ заблудившійся упалъ на колѣни, и даже указали мѣсто, гдѣ онъ искупался въ потокѣ. Дѣйствительно, по близости на деревѣ была найдена свѣже вырѣзанная надпись: „Боже, жалься надо мною!“ и тутъ же лежала разломанная трубка. Какъ рассказывалъ потомъ пастухъ, онъ именно на этомъ мѣстѣ замѣтилъ, что заблудился. Бѣдняга былъ найденъ въ очень плачевномъ состояніи и разсудокъ его настолько пошатнулся вслѣдствіе вынесенныхъ имъ страданій, что его пришлось потомъ помѣстить въ больницу для душевно-больныхъ.

Подобные случаи нерѣдки въ поселеніяхъ, и особенно дѣти часто бываютъ жертвою своей неосторожности и плохого надзора. Горе бѣдняжкамъ, если, играя, они случайно заберутся въ такую чашу! Они уже никогда не могутъ найти дороги назадъ.

Сидней (450,000 жит.), столица Новаго Южнаго Уэльса, лежащаго къ сѣверу отъ Викторіи, самый древній городъ Австраліи. Сто лѣтъ — это очень длинный періодъ въ исторіи Австраліи; Сидней же былъ первымъ европейскимъ поселеніемъ на австралійскомъ берегу. Но въ первое десятилѣтіе своего существованія это была убогая деревня, построенная въ лѣсной прогалинѣ, на оконечности мыса, а теперь это большой городъ, соперничающій съ Мельбурномъ по своему значенію и торговлѣ. Жители Сиднея называютъ его „Королевою юга“ и, по мнѣнію всѣхъ побывавшихъ въ Сиднеѣ путешественниковъ, онъ вполне заслуживаетъ это названіе. „Невозможно описать красоты гавани Сиднея, восклицаетъ одинъ англійскій путешественникъ. — Я не видалъ ничего привлекательнѣе. Ни Неаполь, ни Ріо-Жанейро, ни Лиссабонъ не заключаютъ въ себѣ столько прелести.“

Пріѣзжающіе въ Сидней съ моря всегда бываютъ поражены необыкновенною красотой залива Джаксона, на южномъ берегу котораго лежитъ городъ. Передъ ними открывается точно сказочный міръ, когда они вступаютъ въ этотъ заливъ черезъ скалистые ворота, представляющія входъ въ океанъ. Вслѣдствіе извилистаго побережья, городъ чрезвычайно разбросанъ и живописенъ. Темно-сѣрыя скалы, окаймляющія заливъ, смѣняются зеленѣющими лугами, кустарниками и лѣсами, и все это отражается въ лазурной поверхности спокойныхъ водъ залива, надъ которымъ разстилается ясный лазурный сводъ небесъ. По всѣмъ берегамъ залива разсѣяны прелестныя виллы, утопающія въ зелени и цвѣтахъ. Да и самый городъ не похожъ на другіе города Австраліи, такъ какъ онъ неправильно и широко раскинулся по холмамъ. Рукава моря, скалы и утесы раздѣляютъ городъ на цѣлый рядъ отдѣльныхъ городковъ, непохожихъ другъ на друга. Съ каждой улицы открываются прелестныя виды на рейдъ, съ его заливчиками, садами и лѣсами. Въ Сиднеѣ множество парковъ и лужаекъ.

Какъ торговый городъ, Сидней имѣетъ большое преимущество передъ Мельбурномъ, потому что онъ занимаетъ центральное положеніе въ Австраліи и кромѣ того обращенъ лицомъ къ населеннымъ странамъ, тогда какъ Мельбурнъ — къ покрытой льдами Антарктической области. Сидней, такъ же какъ и Мельбурнъ, имѣетъ музеи, прекрасный университетъ и ботаническій садъ, а зоологическая станція на одной изъ бухтъ, сосѣднихъ съ городомъ, основана извѣстнымъ русскимъ путешественникомъ Миклухой-Маклаемъ.

Вода въ Сиднеѣ проведена изъ озера Георга, находящагося къ юго-западу отъ города въ Австралійскихъ Альпахъ. Но во время засухи бываетъ, что и въ этомъ водоемѣ не оказывается воды. Вообще засуха является ужаснымъ бѣдствіемъ для Австраліи: трава тогда

обращается въ пыль, рѣки и озера высыхаютъ, и вся растительность погибаетъ. Люди и животныя страдаютъ невыразимо, и эти страданія еще усиливаются, если къ засухѣ присоединяется горячій вѣтеръ, который дуетъ изъ внутренней области материка. По счастью, такой вѣтеръ продолжается не болѣе 24—36 часовъ, но и этого бываетъ достаточно, чтобы причинить ужасныя страданія людямъ. Воздухъ страшно накаляется и наполняется тончайшею пылью, и температура достигаетъ 50° по Реомюру, такъ что дышать становится невозможно. Однако послѣ такого вѣтра обыкновенно бываетъ гроза и такой ливень, что по улицамъ города устремляются потоки воды, и дѣло не обходится безъ несчастныхъ случаевъ. Мосты, заборы, стѣны — все бываетъ снесено, но зато черезъ нѣсколько дней послѣ этого почва, растрескавшаяся отъ засухи, снова покрывается зеленымъ ковромъ.

Такое же дѣйствіе оказываютъ и ливни, которые бываютъ во время австралийской зимы. Въ нѣсколько дней мѣстность совершенно преобразуется, рѣки выходятъ изъ береговъ, заливаютъ все, и наблюдались случаи, что вода достигала трехъэтажныхъ домовъ. Городъ Виндзоръ, лежащій недалеко отъ Сиднея, постигло такое бѣдствіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вода совершенно покрыла все; ни одного дома, ни одного дерева не было видно, и можно было проѣхать прямо на лодкѣ надъ городомъ, до ближайшаго и наиболѣе доступнаго пункта Голубыхъ горъ. Нечего и говорить, что наводненіе это причинило страшныя опустошенія во всемъ округѣ. Погибло много людей, и многіе разорились, но австралийскіе поселенцы—энергичный народъ и никогда не падаютъ духомъ. Уцѣлѣвшіе жители пострадавшаго округа снова принялись за дѣло, и черезъ нѣсколько лѣтъ уже не оставалось слѣдовъ бѣдствія, которое обрушилось на страну. Но, конечно, жители нисколько не обезпечены отъ повторенія подобной катастрофы, такъ какъ климатъ Австраліи отличается крайностями, и тамъ бываетъ то засуха, то ливни. Австралийскіе колонисты однако умѣютъ приспособляться къ этимъ капризамъ австралийскаго климата и извлекаютъ пользу изъ ливней, собирая избытокъ воды въ огромные искусственные бассейны, изъ которыхъ вода распредѣляется потомъ посредствомъ каналовъ по всей мѣстности и орошаетъ поля въ періодъ засухи.

Отдѣлившаяся отъ Новаго Южнаго Уэльса часть, лежащая къ сѣверу, Квинслендъ (земля королевы) обладаетъ болѣе жаркимъ, тропическимъ климатомъ, и вслѣдствіе этого она менѣе густо населена. Но приморскія долины этой колоніи отличаются плодородіемъ, а внутри страны находятся прекрасныя пастбища. Кромѣ того, Квинслендъ богатъ мѣсторожденіями золота; разрабатывается также мѣдь, олово и каменный уголь. Столица Квинсленда, Брисбенъ, не отличается красотой. Среди низенькихъ кирпичныхъ и деревянныхъ домиковъ выдѣляется только красивое зданіе парламента. Въ Брисбенѣ 100,000 жителей.

Самая большая, но въ то же время самая пустынная колонія Австраліи—это Западная Австралія. Пожалуй, это единственная австралийская колонія, въ которой численность европейскаго населенія настолько незначительна, что чернокожіе туземцы, можетъ быть, даже составляютъ большинство. Во всякомъ случаѣ они преобладаютъ въ сѣверо-западной части этой колоніи, гдѣ европейцевъ мало. Вообще западный берегъ Австраліи привлекаетъ мало колонистовъ. Сухость климата, бесплодіе почвы, соленость воды, служащей для питья, и обиліе ядовитыхъ растений дѣлаютъ эту мѣстность непригодной для колонизаціи, и только открытіе въ ней мѣсторожденій золота привлекло туда переселенцевъ, и населеніе колоніи послѣ этого увеличилось. Въ Западной Австраліи до сихъ поръ находятся мѣстности мало изслѣдованныя, и вся эта колонія вообще нѣсколько уединена отъ другихъ колоній, съ которыми ее раздѣляютъ труднопроходимыя пустыни. Столица этой колоніи, Пертъ расположенъ при устьѣ Лебяжьей рѣки и теперь имѣетъ 30,000 жителей, благодаря золотымъ пріискамъ, вызвавшимъ приливъ переселенцевъ. Главное занятіе жителей колоніи все-таки составляетъ скотоводство, несмотря на то, что обиліе ядовитыхъ растений часто губитъ скотъ, да и динго, которыхъ водится много въ Западной Австраліи, также производятъ немалыя опустошенія въ стадахъ. Тѣмъ не менѣе разведеніе рогатаго скота и лошадей настолько увеличи-

лось въ послѣднее время, что лошадей даже стали вывозить въ Индію. Всякая же другая промышленность въ этой колоніи находится еще въ зачаточномъ состояніи.

Въ настоящее время особенное вниманіе обращено на самую сѣверную часть Западной Австраліи, гдѣ находится округъ Кимберлей. До открытія золота въ этомъ округѣ онъ былъ почти необитаемъ. Но когда искатели золота открыли этотъ драгоцѣнный металлъ въ гористой мѣстности по теченію рѣки Фицроя, то толпа золотопромышленниковъ устремилась туда, и по рѣкѣ, и на берегу заливовъ быстро выросли поселенія. Тогда оказалось, что вся эта область очень плодородна и хорошо орошается, но раньше англійскіе колонисты не рѣшались селиться тамъ по причинѣ очень жаркаго климата, потому что весь округъ лежитъ въ тропическомъ поясѣ.

Почти равный по величинѣ Западной Австраліи, штатъ Южная Австралія, въ значительной своей части также представляетъ мало изслѣдованную и почти необитаемую пустыню. Такова область, находящаяся къ западу отъ большихъ соленыхъ озеръ, которыя тянутся вдоль границы. Къ востоку отъ рѣки Муррей по направленію къ границѣ штата Викторія встрѣчаются большіе участки скруба, гдѣ, конечно, не существуетъ никакихъ поселеній. Вообще же Южная Австралія страдаетъ отъ недостатка воды, такъ какъ кромѣ Муррея во всей колоніи нѣтъ ни одной рѣчки, сколько нибудь заслуживающей такого наименованія. Климатъ Южной Австраліи отличается большими колебаніями, такъ что колонія періодически подвергается засухѣ, и жители ея часто страдаютъ отъ горячихъ сухихъ вѣтровъ, дующихъ изъ внутренней части австралійскаго материка, точно изъ доменной печи.

Ни въ одной изъ другихъ колоній не было положено такъ много труда на устройство водохранилищъ, артезианскихъ колодцевъ и простыхъ колодцевъ, какъ въ Южной Австраліи. Несмотря на то, что большая часть этой страны имѣетъ бесплодную почву, зачастую пропитанную солью и непригодную для земледѣлія, жители ея все таки разводятъ пшеницу въ значительныхъ размѣрахъ и пользуются каждымъ плодороднымъ уголкомъ. Огородничество также очень распространено въ Южной Австраліи, такъ что торговля земледѣльческими продуктами процвѣтаетъ. Разведеніе виноградниковъ оказалось очень удачнымъ, и получаемое вино приравняется къ испанскимъ и рейнскимъ винамъ.

Почти все населеніе Южной Австраліи группируется въ южной области между нижнимъ теченіемъ Муррея и восточнымъ берегомъ залива Спенсера. Столица колоніи — Аделаида имѣетъ 150,000 жителей; это образцовый городъ по своему устройству. Онъ лежитъ по берегамъ небольшой и часто пересыхающей рѣчки Торренсъ, въ 12 километрахъ отъ залива Св. Винцента, и такъ какъ городу постоянно угрожалъ недостатокъ воды, то были израсходованы милліоны на устройство обширныхъ водохранилищъ въ сосѣднихъ горахъ. Въ Аделаидѣ есть университетъ, и вообще здѣсь сосредоточивается вся умственная жизнь колоніи. Кромѣ Аделаиды нѣтъ большихъ городовъ въ колоніи, и въ ней одной сосредоточено болѣе трети всего населенія Южной Австраліи.

Исторія Южной Австраліи отличается отъ исторіи другихъ австралійскихъ колоній въ томъ отношеніи, что въ ея основаніи участвовали только свободные колонисты, такъ какъ на ея берега не былъ высаженъ ни одинъ ссыльный. Въ 1836 году подъ большимъ эвкалиптомъ, растущимъ на берегу, состоялось провозглашеніе Южной Австраліи самостоятельной колоніей. На этомъ эвкалиптѣ, теперъ уже засохшемъ, имѣется соотвѣтственная надпись въ память этого событія. Годовщина основанія колоніи составляетъ національный праздникъ, и въ этотъ день жители толпами стекаются къ старому эвкалипту. Но заселеніе этой колоніи совершалось очень медленно, и только открытіе богатыхъ мѣдныхъ рудниковъ оказало такое же вліяніе, какъ и открытіе золотыхъ пріисковъ въ другихъ колоніяхъ, и привлекло въ Южную Австралію множество промышленниковъ и искателей приключеній.

Сѣверная часть Австраліи, такъ называемая „Сѣверная Территорія“, вмѣстѣ съ землею Александра, черезъ которую тянется телеграфъ, проложенный съ невѣроятными усиліями и

соединяющей столицу Южной Австралии—Аделаиду съ портомъ Дарвина на сѣверномъ берегу, еще заселена очень мало. Въ 1891 году въ этой области насчитывалось жителей всего 4898 человекъ. Между тѣмъ эта страна имѣетъ будущность, такъ какъ она очень плодородна и пригодна для разведенія южныхъ продуктовъ, напр. хлопчатой бумаги, сахарнаго тростника, кофе и т. д. Но слишкомъ жаркій климатъ служилъ до сихъ поръ главнымъ препятствіемъ заселенія этой области. И теперь еще четыре пятыхъ ея населенія состоитъ изъ китайцевъ, которые замѣняютъ здѣсь бѣлыхъ рабочихъ, разгружаютъ корабли, готовятъ землю подъ плантаціи, прокладываютъ дороги и вообще производятъ всѣ работы.

Земля Александры, прилегающая къ Сѣверной Территоріи, мало изслѣдована и почти совсѣмъ необитаема. Небольшіе поселки, которые встрѣчаются въ ней, группируются около телеграфныхъ станцій.

Европейскіе колонисты, ставши хозяевами австралийскаго материка, сдѣлали, какъ мы видимъ, чрезвычайно много для процвѣтанія Австраліи. Благодаря имъ Австралія стала цивилизованнымъ промышленнымъ государствомъ, передовою страной, получившей теперь всемірное значеніе. Единственнымъ темнымъ пятномъ на европейской колонизаціи Австраліи является вымираніе ея коренныхъ обитателей, чернокожихъ дикарей. Туземная раса постоянно уменьшается, вымираетъ, и скоро ея исторія сдѣлается достояніемъ прошлаго. Въ настоящее время, говоря о населеніи Австраліи, приходится имѣть въ виду только ея пришлое населеніе, которое уже становится кореннымъ. Возникаетъ новый австралийскій народъ отличающійся многими чертами отъ своихъ соотечественниковъ—англичанъ, которые были его родоначальниками.

Къ началу 1900 года, когда была произведена послѣдняя перепись, это пришлое населеніе Австраліи уже превышало четыре милліона (4,482,980). Такъ какъ населеніе Австраліи преимущественно англійскаго происхожденія, то, конечно, нравы, учрежденія, языкъ—все это остается англійскимъ. Наиболѣе вліятельный классъ австралийскаго населенія—это скотоводы, или „скваттеры“, какъ ихъ называютъ въ Австраліи. Въ первое время эти скваттеры, принадлежавшіе, конечно, къ числу смѣлыхъ и предприимчивыхъ поселенцевъ, поселились гдѣ нибудь по берегамъ рѣки и, расчистивъ топоромъ и огнемъ участокъ земли, пасли на немъ свое стадо, которое быстро увеличивалось. Продукты своего хозяйства скваттеръ самъ отвозилъ въ ближайшій городъ и тамъ обмѣнивалъ ихъ на предметы необходимости для своего дома и семьи. Но, по мѣрѣ развитія колоній, жизнь скваттеровъ перемѣнилась. Скотоводство разрослось и начало приносить большіе доходы—скваттеры богатыли и вскорѣ заняли въ колоніяхъ первенствующее мѣсто. Въ настоящее время ихъ оттѣсняють земледѣльцы и оспариваютъ у нихъ преобладаніе. Земледѣлецъ и скваттеръ стали врагами, тѣмъ болѣе, что большая часть земли въ Австраліи находится въ рукахъ скваттеровъ. Скваттеръ—это настоящій владѣтельный князь, а его подданные—угрюмые и одичавшіе въ уединеніи пастухи. Однако теперь во многихъ штатахъ Австраліи преобладающимъ вліяніемъ на управленіе страной пользуются не богачи скваттеры, а рабочіе классы. Путешественники признають, что рабочіе Австраліи—развитой народъ и что они хорошо освѣдомлены въ политикѣ и общественныхъ дѣлахъ, и поэтому не разъ случалось, что простой рабочій, бывшій депутатомъ парламента, становился министромъ и непосредственно отъ кирки и заступа переходилъ къ министерскому портфелю. Въ Австраліи такіе факты не удивляютъ никого и, обратившись снова въ простого рабочаго, бывшій министръ спокойно принимается за прежнее дѣло.

Печать англійскаго происхожденія, конечно, еще очень замѣтна на австралийскомъ населеніи, но новая среда и условія жизни уже произвели нѣкоторые перемѣны. Новое поколѣніе австралийцевъ—сильные и крѣпко сложенные люди, обладающіе болѣе открытымъ и веселымъ характеромъ, нежели англичане. Австралийцы не связаны никакими укоренившимися и вѣковыми предрасудками, взглядами и обычаями, которые такъ часто мѣшаютъ

европейскимъ народамъ, не останавливаясь и не колеблясь, идти впередъ по пути прогресса. Никакія соображенія, стѣсняющія дѣйствія европейскихъ государствъ, взаимныя отношенія и соперничество не могутъ препятствовать австралійцамъ идти во многихъ случаяхъ новыми путями и удаляться отъ своихъ согражданъ Стараго Свѣта. Они вводятъ такія нововведенія въ своемъ государственномъ устройствѣ, на которыя европейцы взираютъ съ удивленіемъ и любопытствомъ. Ничто не связываетъ австралійцевъ, и поэтому, хотя Австралія еще молодая страна, и вся ея исторія обнимаетъ не болѣе одного столѣтія, но она уже успѣла сдѣлать такъ много въ области законодательства, ввела у себя такія прекрасныя мѣропріятія, облегчающія положеніе рабочихъ классовъ и устанавливающія равноправіе всѣхъ гражданъ, въ томъ числѣ и женщинъ, — такъ много сдѣлала для распространенія народнаго образованія, для обезпеченія стариковъ и немощныхъ и уничтоженія нищеты, что старая Европа, гордая своею многовѣковою цивилизаціей, могла бы, пожалуй, многому поучиться у этой юной страны. Немудрено, что австралійцы гордятся своею страной, гордятся каждымъ городомъ, который на ихъ глазахъ выросъ изъ земли, и не хотятъ, чтобы ихъ называли „колонистами“, а съ гордостью называютъ себя австралійцами — молодымъ народомъ, которому принадлежитъ будущее!

Э. Пименова.

ОКЕАНІЯ.

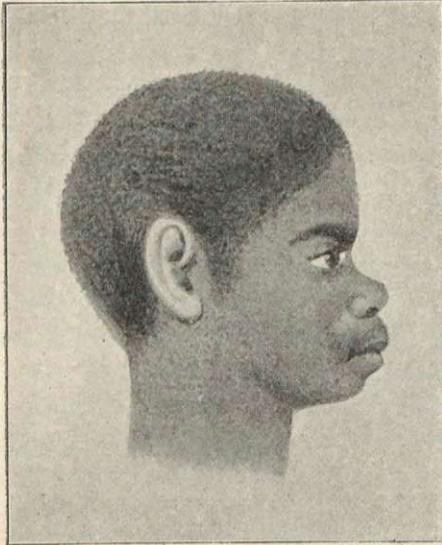
Глава I.

Дѣленіе острововъ. — Тасманія. — Новая Гвинея. — Климатъ и природа. — Папуасы. — Характеръ населенія. — Оригинальныя жилища. — Религіозныя вѣрованія. — Отношенія къ женщинамъ и дѣтямъ. — Меланезійскіе острова и ихъ населеніе. — Новая Каледонія. — Людоѣдство. — Острова Фиджи. — Жители острововъ; ихъ качества и недостатки. — Распространеніе людоѣдства. — Похороны живого короля. — Торговля и промышленность.

Тысячи острововъ, разсѣянныхъ въ Тихомъ океанѣ, словно вѣнцомъ окружаютъ австралийскій материкъ, образуя большія и маленькія группы, которыя принято дѣлится на Микронезію, Меланезію и Полинезію, сообразно ихъ различному населенію. Все вмѣстѣ, это царство острововъ называется Океаніей, въ противоположность Австраліи. Острова, принадлежащіе къ Микронезійской группѣ, очень малы, и многіе изъ нихъ даже необитаемы. Меланезійскіе острова, къ которымъ причисляется большой островъ Новая Гвинея, преимущественно вулканическаго происхожденія, и на многихъ изъ нихъ до сихъ поръ еще есть дѣйствующіе вулканы. Эта группа острововъ по величинѣ и количеству населенія самая значительная. Къ Полинезійскимъ причисляются всѣ лежащія далѣе къ востоку отъ Австраліи группы острововъ, изъ которыхъ самая большая — Гавайскіе или Сандвичевы острова. Новая Зеландія представляетъ отдѣльную группу, хотя населеніе ея и принадлежитъ къ Полинезійской расѣ. Высокіе острова, чисто вулканическаго происхожденія, представляютъ быть можетъ верхушки погрузившагося въ океанъ материка; другіе же, низменные, большею частью являются продуктомъ коралловыхъ образований. За исключеніемъ Новой Зеландіи, почти вся остальная часть Океаніи находится въ жаркомъ поясѣ, но климатъ острововъ гораздо мягче климата странъ Старога свѣта, лежащихъ въ томъ же поясѣ, и притомъ одинъ изъ самыхъ здоровыхъ. Многіе изъ этихъ острововъ чрезвычайно живописны и поражаютъ роскошью своей растительности. По величинѣ же и количеству населенія отдѣльныя группы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Меланезія: Новая Гвинея	14,673	геогр. кв. миль и	837,000	жителей.
Остальная группа острововъ	2,650	"	"	643,000 "
Полинезія: Гавайскіе острова	307	"	"	90,000 "
Другія группы	182	"	"	112,000 "
Микронезія	64	"	"	97,000 "
Новая Зеландія	4,923	"	"	800,000 "

Такимъ образомъ вся Океанія обнимаетъ пространство въ 22,800 кв. миль съ 2,579,000 жителей, изъ которыхъ болѣе милліона принадлежитъ теперь къ бѣлой расѣ.

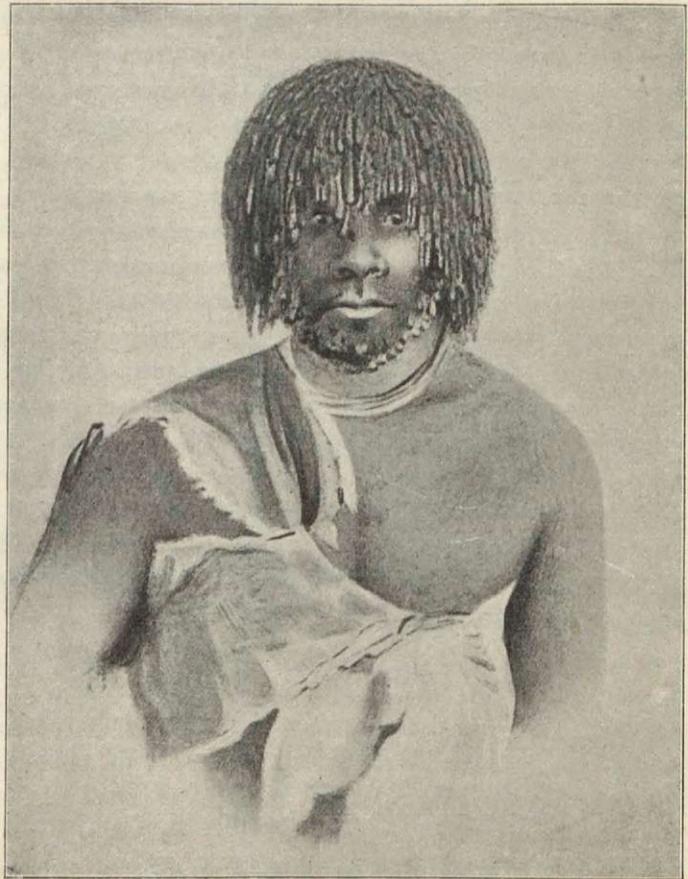

Молодой тасманецъ.

австралийскаго материка и назвалъ открытую имъ землю по имени своего ближайшаго начальника, губернатора голландской Индіи, Антона Ванъ Димена. Прошло однако болѣе ста лѣтъ послѣ этого открытія, прежде чѣмъ европейцы посѣтили снова Тасманію и узнали наконецъ, что это не часть австралийскаго материка, а островъ, и притомъ почти равный по величинѣ Цейлону. Это — прелестная страна, обладающая здоровымъ и приятнымъ климатомъ и изобилующая водой. Горные склоны покрыты великолѣпными эвкалиптами, а въ ущельяхъ растутъ такіе удивительные древовидные папоротники, какіе врядъ ли можно встрѣтить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Фауна острова преимущественно австралийская, т. е. преобладаютъ сумчатые животныя, при чемъ въ Тасманіи еще сохранились такіе виды, которые уже исчезли въ Австраліи, на примѣръ: „тилацинъ“, сумчатый волкъ, сильное и кровожадное животное, причинявшее не мало хлопотъ первымъ поселенцамъ Тасманіи. Теперь, постоянное и систематическое преслѣдованіе заставило

Отдѣльно отъ всего островнаго міра лежитъ прелестный островъ Тасманія, прежде называвшійся Вандименовою землей, и представляющій какъ бы обломокъ Австраліи, отдѣленный отъ нея проливомъ верстъ въ двѣсти шириной. Чудный, дикій ландшафтъ этого гористаго острова, покрытаго густымъ, темнымъ лѣсомъ, привелъ въ восторгъ голландскаго мореплавателя Тасмана (именемъ котораго теперь и названъ островъ), случайно открывшаго его въ 1642 году. Островъ казался совершенно необитаемымъ, и, только сойдя на берегъ, люди Тасмана замѣтили зарубки, сдѣланныя, очевидно, кремневымъ топоромъ на стволѣ одного дерева. Зарубки эти отстояли почти на сажень одна отъ другой, и люди Тасмана изъ этого заключили, что обитатели новооткрытой земли должны быть исполинскаго роста. Это напугало ихъ и заставило поскорѣе вернуться на корабль.

Тасманъ однако не зналъ, что онъ открылъ островъ. Онъ думалъ, что это южная оконечность

Тасманецъ.

этихъ животныхъ удалиться вглубь острова, въ горы. Тилацинъ—ночное животное, и лишь съ наступленіемъ сумерекъ оно становится смѣлымъ и дерзкимъ, и встрѣчаться безоружнымъ съ нимъ опасно.

Что касается коренного населенія Тасманіи, то оно исчезло безъ остатка. Это были тѣ же австралійцы и вели такой же бродячій образъ жизни. Несмотря на то, что они жили на островѣ, они даже не умѣли строить лодокъ, ходили безъ всякой одежды, и единственнымъ оружіемъ у нихъ были копья и дубины, такъ какъ бумерангъ былъ имъ неизвѣстенъ.

Первыя встрѣчи европейцевъ съ первобытными обитателями Тасманіи не носили враждебнаго характера. Туземцы выказывали миролюбіе и даже готовность служить европейцамъ, но это продолжалось недолго. Англичане основали у устья рѣки Дервень, на мѣстѣ нынѣшняго города Гобарта, колонію ссыльныхъ въ 1810 году, и вскорѣ между этими насильственными переселенцами и коренными обитателями острова возникла ожесточенная вражда. Колонисты первые вызвали ее, такъ какъ однажды, увидѣвъ большую толпу туземцевъ и заподозривъ ее во враждебныхъ намѣреніяхъ, выстрѣлили въ нее и уложили на мѣстѣ чело-

вѣкъ 15 дикарей, женщинъ и дѣтей. Оказалось, что дикари не питали никакихъ враждебныхъ замысловъ и просто-напросто отправились на охоту за кенгуру, и эта роковая ошибка колонистовъ по-

Труганина, послѣдняя женщина-туземка на о. Тасманіи.

Вильямъ Ланней, послѣдній туземецъ на о. Тасманіи.

родила смертельную ненависть къ нимъ дикарей, которые не пропускали случая жестоко мстить имъ. Впрочемъ, и колонисты вели себя ничуть не лучше. Въ ихъ глазахъ чернокожіе туземцы стояли нисколько не выше вредныхъ обезьянъ, и поэтому было позволительно ихъ истреблять всякими способами. Такой взглядъ на чернокожихъ людей породилъ возмутительныя жестокости, къ которымъ прибѣгали колонисты для расправы съ ними. Устраивались настоящія облавы на туземцевъ, и, благодаря такому систематическому истребленію, островъ Тасманія былъ совершенно „очищенъ“ отъ туземцевъ. Послѣдніе туземцы, преслѣдуемые какъ дикіе звѣри, были захвачены на оконечности одного возвышеннаго мыса въ декабрь 1834 года, и событіе это было торжественно отпраздновано колонистами. Плѣнныхъ туземцевъ, въ числѣ 200 человекъ, перевезли съ ихъ родины на другой островъ и хотя тамъ выстроили имъ хижины, давали съѣстные припасы, и миссіонеры заботились о нихъ, стараясь наставлять ихъ въ христіанской вѣрѣ, но туземцы, лишеныя родины, быстро вымирали. Послѣ десяти лѣтъ въ живыхъ осталось не болѣе 12 мужчинъ и 22 женщинъ. Тогда надъ ними сжалились и опять вернули ихъ на родину, но слишкомъ поздно. Въ 1869 году умеръ послѣдній мужчина, а въ 1876 году послѣдняя женщина—представитель-

ница первобытнаго населенія Тасманіи. Итакъ немного болѣе 60 лѣтъ оказалось достаточнымъ временемъ для исчезновенія цѣлаго населенія, численность котораго опредѣлялась ко времени поселенія европейцевъ въ 7,000 человекъ.

Въ настоящее время островъ Тасманія входитъ въ составъ Австралійской федераціи и пользуется самоуправленіемъ. На островѣ есть два города, соединенные желѣзной дорогой: сѣверный — Лаунчестоунъ и южный — Гобартъ-тоунъ, остальные же поселенія Тасманіи представляютъ лишь хорошенькія деревушки, утопающія въ зелени садовъ. Населеніе Тасманіи, исключительно европейское, достигаетъ 200,000. Вездѣ разстилаются прекрасныя поля и луга и превосходныя фруктовые сады. Плодовъ родится такая масса, что ихъ не успѣваютъ собирать, и большая часть ихъ сгниваетъ, свалившись на землю. Производительность Тасманіи очень велика. Кромѣ земледѣльческихъ продуктовъ и фруктовъ, отсюда вывозится шерсть и много минераловъ: золото, олово, желѣзо, мѣдь, свинецъ и т. д. Каменный уголь также водится въ изобиліи. Только западная часть острова почти необитаема, такъ какъ тамъ преобладаютъ скалы, совершенно обнаженныя или покрытыя густою чащей низкаго кустарника, черезъ которую пробраться можно не иначе, какъ съ топоромъ въ рукахъ. Но именно въ этой негостепріимной области и находятся мѣсторожденія золота и др. металловъ, что и заставляеть людей селиться тамъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія.

Къ сѣверу отъ австралійскаго материка лежитъ большой и весьма причудливой формы островъ Новая Гвинея, внутренность котораго до сихъ поръ еще не вполне изслѣдована европейцами, хотя прошло уже болѣе 300 лѣтъ со времени его открытія. Открытіе этого острова произошло, какъ и многія другія географическія открытія, случайно: мореплаватели были бурей пригнаны къ берегамъ Новой Гвинеи. Португалецъ Менезесъ, случайно попавшій такимъ образомъ въ Новую Гвинею въ 1526 году, пробылъ тамъ около мѣсяца. Онъ назвалъ островъ малайскимъ словомъ „Папуа“, что означаетъ „курчавый“, такъ какъ его поразила прическа туземцевъ, названіе же „Новой Гвинеи“ было дано этому острову другимъ путешественникомъ, опять таки вслѣдствіе сходства, которое онъ нашелъ между жителями этого острова и обитателями Африканской Гвинеи. Очень долго Новая Гвинея считалась сѣвременною окраиной Австралійскаго материка, и только въ 1606 г. испанецъ Торресъ нашелъ проливъ, названный его именемъ, который отдѣляетъ этотъ островъ отъ австралійскаго материка.

Первый европеецъ, доказавшій возможность болѣе продолжительнаго пребыванія на островѣ среди его дикихъ обитателей, былъ англійскій путешественникъ и естествоиспытатель Уоллесъ, который прожилъ три съ половиною мѣсяца на островѣ, съ тремя слугами малайцами. За нимъ уже послѣдовали другіе путешественники и изслѣдователи, а также миссіонеры, которые много способствовали ознакомленію европейцевъ съ этою дикою страной.

Климатъ Новой Гвинеи рѣзко отличается отъ климата лежащаго напротивъ острова материка Австраліи. Тамъ царитъ сухость, въ Новой же Гвинее преобладаетъ влажность, и въ дождливое время года весь островъ окутывается туманною завѣсой, не пропускающею даже жгучихъ лучей тропическаго солнца. Густыя непроницаемыя лѣса, задерживающіе испаренія, и огромныя болота обусловливають появленіе лихорадокъ, вслѣдствіе чего климатъ Новой Гвинеи и считается очень нездоровымъ для европейцевъ. Но даже туземцы, привыкшіе къ климату, страдаютъ въ дождливое время года отъ вредныхъ испареній новогвинейскихъ болотъ.

Необычайная влажность и теплота воздуха содѣйствуютъ плодородію почвы. Дѣйствительно, Новая Гвинея отличается богатствомъ и роскошью своей растительности. Весь островъ покрытъ густымъ первобытнымъ лѣсомъ, и пространства, лишеныя деревьевъ, очень неве-

лики. Лѣса Новой Гвинеи приводили въ изумленіе путешественниковъ. Нерѣдко гигантскія деревья, покрытыя и переплетенныя ліанами, спускаются къ самому морю и свѣшиваются надъ нимъ, но густая тѣнь, царящая въ такомъ лѣсу, не даетъ развиваться травѣ внизу. Къ преобладающимъ видамъ растительнаго царства принадлежатъ папоротники и вѣрныя пальмы, удивительно красивыя. Многіе продукты растительнаго царства уже теперь служатъ предметомъ вывоза, какъ, напр., строительный лѣсъ, саго, мускатный орѣхъ и т. д. Бананы, сахарный тростникъ и табакъ произрастаютъ въ дикомъ состояніи.

Фауна Новой Гвинеи напоминаетъ австралійскую, такъ какъ въ ней преобладаютъ сумчатые животныя. Нѣкоторые виды этихъ животныхъ, впрочемъ, водятся только въ Новой

Группа тасманійцевъ.

Гвинеѣ, напр., живущія на деревьяхъ кенгуру. Самымъ полезнымъ животнымъ для новозеландцевъ служатъ свиньи, которыхъ они разводятъ мѣстами въ большомъ количествѣ. Но особеннымъ богатствомъ, красотой и оригинальностью отличается въ Новой Гвинеѣ царство пернатыхъ. Райскія птицы, которыя водятся почти исключительно только въ Новой Гвинеѣ, не имѣютъ себѣ подобныхъ по красотѣ; затѣмъ очень хороши также голуби и попугаи, поражающіе яркостью и изяществомъ своего оперенія, а яркія и красивыя бабочки, перелетающія съ цвѣтка на цвѣтокъ, сверкаютъ разноцвѣтными красками, словно горсть драгоценныхъ камней, брошенныхъ въ воздухъ.

Жители Новой Гвинеи, называемые вслѣдствіе своей курчавой косматой прически, папуасами, представляютъ наиболѣе чистую расу меланезійцевъ, къ которой принадлежатъ также и обитатели острововъ Фиджи, архипелага Бисмарка, Соломоновыхъ острововъ, Ново-

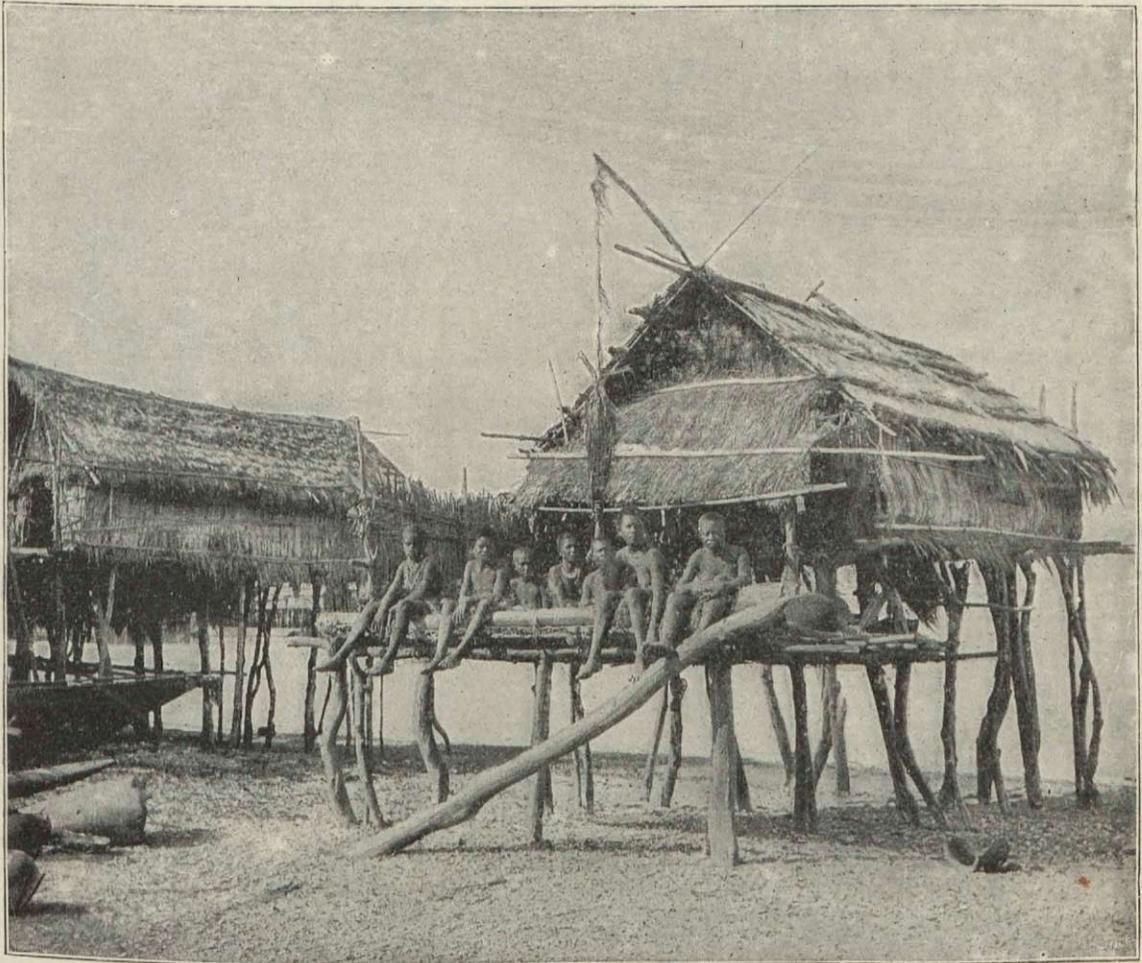
гебридскихъ, Санта-Круцъ и Новой Каледоніи. Цвѣтъ кожи у папуасовъ, чаще всего, темнокрасный или черный, напоминающій чернила, хотя между туземцами встрѣчаются и лица съ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Волосы, густые и жесткіе, вьются большими кудряшками и у взрослыхъ достигаютъ значительной длины, образуя шевелюру, которая составляетъ гордость и славу папуаса. Лицо у мужчинъ покрыто курчавой бородой, и руки, ноги и грудь также обросли волосами. Ростъ и сложеніе папуасовъ хорошіе, и черты лица довольно правильны, носъ прямой и даже съ небольшимъ горбомъ, а не приплюснутый, какъ у негровъ, но кажется широкимъ, вслѣдствіе раздутыхъ ноздрей, губы же очень толстыя и отвороченныя. Наружность отдѣльныхъ племенъ, впрочемъ, не всегда бываетъ, одинакова, и есть между ними племена очень большого роста, другіе же совсѣмъ маленькіе, но у всѣхъ у нихъ одинаковые курчавые волосы.

Новогвинейскіе папуасы ходятъ, обыкновенно, безъ всякой одежды, но за то выказываютъ особенное вниманіе къ своей причeskѣ, которая представляетъ иногда въ высшей степени замысловатое сооруженіе, украшенное бамбуковыми гребнями, перьями птицъ, кусками костей и т. п. Вообще, что касается одежды, то папуасы, повидимому, оправдываютъ замѣчаніе ученаго Пешеля, что чѣмъ темнѣе цвѣтъ кожи, тѣмъ менѣе одѣты люди. Дѣйствительно, обитатели Меланезіи гораздо болѣе скудно одѣты, нежели обитатели Полинезій съ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Большею частью вся одежда меланезійца заключается въ плетеное или сдѣланное изъ коры поясъ, а у женщины она состоитъ изъ передника, сдѣланнаго изъ травы и листьевъ пальмы или пандануса. Однако, папуасы очень любятъ украшать себя. Они прокалываютъ себѣ носъ и уши и продѣваютъ въ нихъ кости различныхъ животныхъ, бамбуковыя палочки и перья птицъ, а на шею и руки надѣваютъ кольца, обручи, ожерелья и т. п. Очень распространенъ между ними обычай татуировки, причѣмъ они, такъ же какъ и австралійцы, производятъ на кожѣ насѣчки, съ цѣлью образованія выпуклыхъ рубцовъ. Любятъ они также расписывать себѣ лицо, грудь и руки, причѣмъ отдають предпочтеніе красному цвѣту. То, что они считаютъ красивымъ, дѣлаетъ ихъ наружность отталкивающей и ужасной для европейца, особенно тогда, когда они, собираясь на войну, натирають свое тѣло черною землей, придающей ему графитообразный блескъ, и раскрашиваютъ его бѣлыми, желтыми, красными и черными полосами.

Относительно характера папуасовъ замѣчается большое разногласіе во мнѣніяхъ путешественниковъ. Одни считаютъ папуасовъ кроткимъ и гостепріимнымъ племенемъ, другіе же говорятъ, что они коварны, свирѣпы и злы. Къ европейцамъ они выказываютъ большую недоувѣрчивость, что, впрочемъ, вполне объясняется тѣмъ, что европейскіе корабли, пристававшіе къ берегамъ Новой Гвинеи, причиняли имъ много зла. Очень часто, впрочемъ, причиною столкновеній бывали недоразумѣнія. Вообще же папуасы отличаются впечатлительностью и легко приходятъ въ возбужденіе по малѣйшему поводу. Характерною чертой папуасовъ является также напыщенная гордость и хвастовство. Случается, на примѣръ, что женщина, почувствовавшая себя оскорбленной какимъ-нибудь выраженіемъ, усаживается на площади въ деревнѣ и проливаетъ потоки слезъ, раздражаясь жалобами и цѣлымъ потокомъ ругательствъ и угрозъ. Мужчина, обиженный пріятелемъ, взбирается на холмъ и кричитъ: „Война! Война! Развѣ никто не хочетъ меня убить, чтобы я оказался вмѣстѣ съ тѣнью моего отца?“. Самоубійства изъ-за оскорбленной гордости также случаются тамъ очень часто, а месть иногда дѣлается главною цѣлью жизни папуаса. Чтобы не забыть о необходимости мести, онъ ставитъ у себя на виду палку или кладетъ камень, который бы постоянно напоминалъ ему объ этомъ. Если кто либо изъ папуасовъ отказывается отъ пищи и удаляется отъ пляски, то врагъ его долженъ остерегаться. Свое желаніе мстить папуасъ выражаетъ также въ своей причeskѣ, такъ чтобы всякій понималъ, что онъ задумалъ мстить, если увидитъ, что волосы у него скручены длиннымъ пучкомъ и висятъ на спинѣ. На конецъ крыши своего дома папуасъ вѣшаетъ связку табаку, который будетъ выкурень только надъ

трупомъ врага. Если папуасъ хочетъ мстить за смерть своего родственника, то онъ вѣшаетъ его окровавленное платье надъ своею постелью, чтобы оно всегда служило ему напоминаніемъ о злодѣяніи, за которое онъ долженъ отмстить.

Цѣпкость, ловкость и проворство папуасовъ не разъ приводили въ изумленіе европейцевъ. Они необыкновенно искусно бѣгаютъ и прыгаютъ по вѣтвямъ манжовыхъ деревьевъ, которыя мѣстами почти сплошною полосой тянутся вдоль моря и растутъ на болотистой, илистой топкой почвѣ, почти непроходимой ни для человѣка, ни для животнаго, особенно по той причинѣ, что корни манжовыхъ деревьевъ такъ перепутаны между собой и перепле-

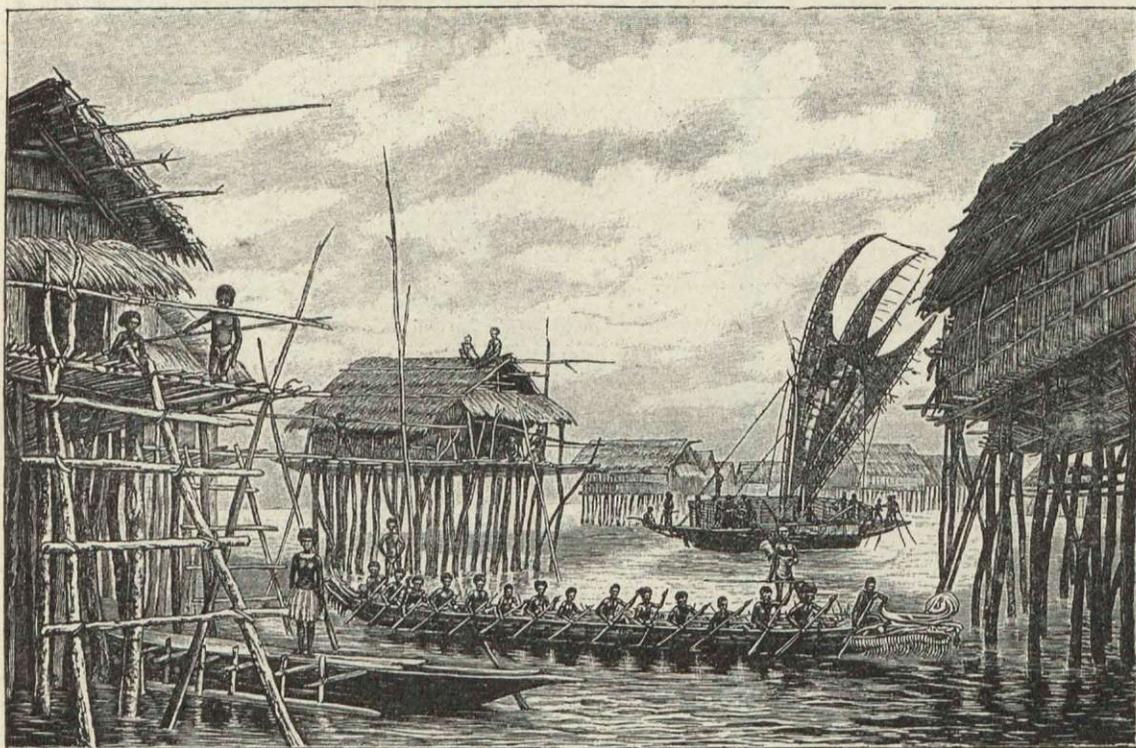

Хижины на водѣ.

тены ліанами, что безъ топора нельзя сдѣлать и шага. Кромѣ того, во время прилива лѣса эти заливаются водой, а во время отлива они непроходимы по своей топкости. Но папуасы, которымъ нужно достигнуть воды, чтобы отправиться на рыбную ловлю, не останавливаются передъ этимъ препятствіемъ. Ежедневно, по нѣскольку разъ, они пробираются черезъ топкую береговую полосу, заросшую манжовымъ лѣсомъ, перепрыгивая по вѣтвямъ деревьевъ, очень высоко надъ землею, тамъ, гдѣ вѣтви деревьевъ, сплетаясь между собой, образуютъ сплошной куполь. Упражняясь съ раннего дѣтства въ такомъ способѣ передвиженія, папуасы съ ловкостью обезьянъ быстро перебираются по вѣткамъ, неся притомъ на спинѣ какой нибудь грузъ. Папуасы очень любятъ свои манжовые лѣса, представляющіе большія удобства для

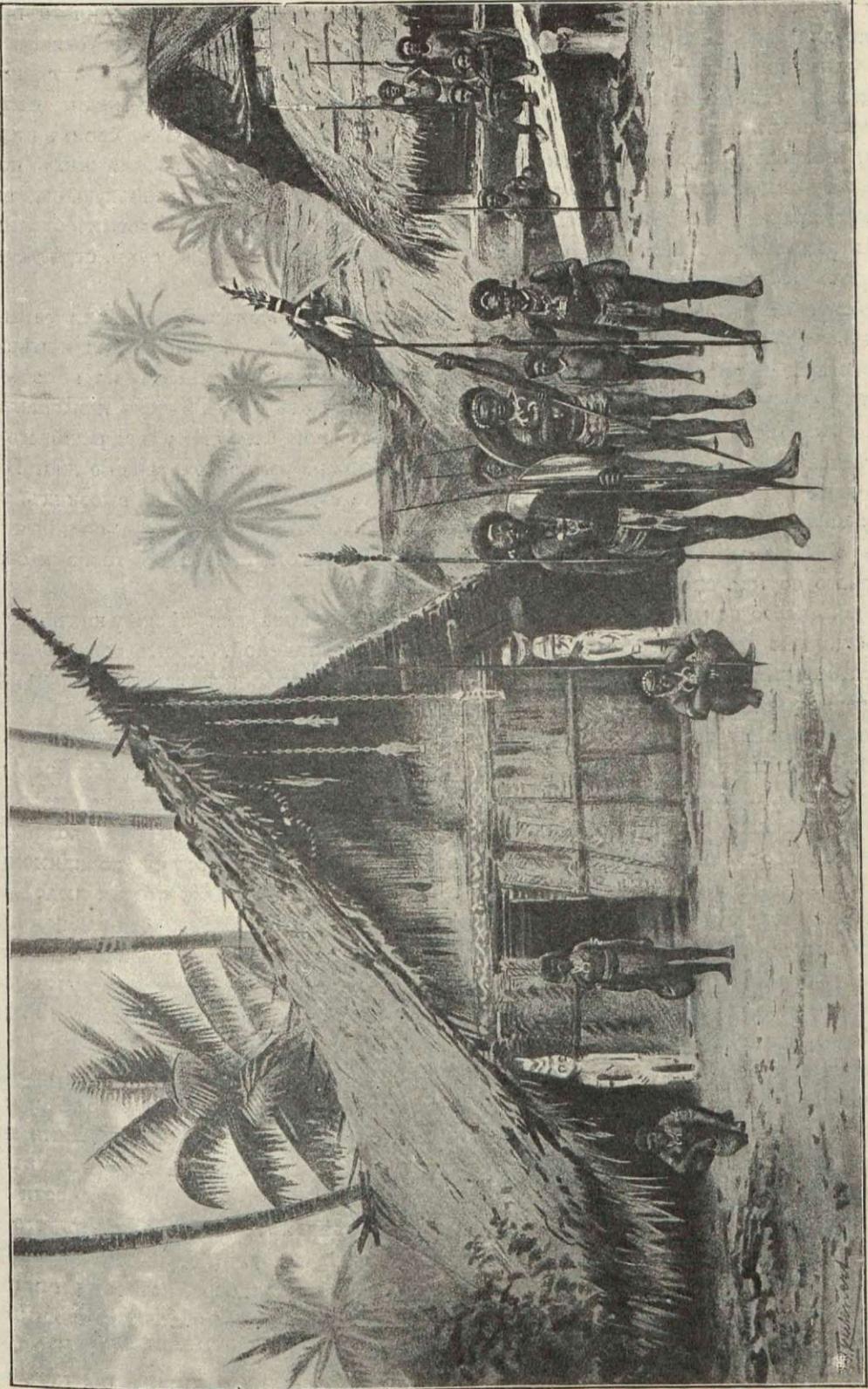
укрывательства отъ нападенія или отъ погони; поэтому они и деревни свои строятъ или посреди лѣса или возлѣ него, чтобы, въ случаѣ нужды, можно было укрыться въ немъ на деревьяхъ.

Ни у одного дикаго народа мореходное искусство не достигаетъ такого развитія и распространенія, какъ у обитателей Меланезіи и Полинезіи. Большая часть этихъ дикихъ племенъ—настоящіе моряки. Въ Новой Гвинее можно найти самыя разнообразныя суда, начиная отъ плота, но больше всего распространены лодки—„праэ“, сдѣланныя изъ выдолбленныхъ древесныхъ стволовъ, которые приводятся въ движеніе веслами. Постоянная опасность опрокинуться заставляетъ папуаса научиться плавать и нырять, и въ этомъ искусствѣ онъ, пожалуй, не имѣетъ соперниковъ.

Свайныя постройки на Новой Гвинее.

Папуасы живутъ обыкновенно въ деревняхъ, которыя состоятъ иногда изъ 1,500 хижинъ. Жилища у нихъ довольно разнообразны, но особенно характерны тѣ, которыя воздвигаются на столбахъ изъ бамбука и напоминаютъ древнія свайныя постройки, найденныя въ средней Европѣ. Художественныя способности папуасовъ, выражающіяся въ искусной и причудливой рѣзбѣ, которою они украшаютъ свое оружіе и утварь, сказываются также и въ постройкѣ жилищъ, высокими крышамъ которыхъ они зачастую придаютъ живописныя формы. Очень часто крыша походитъ на лодку и весь домъ напоминаетъ порою опрокинутую ладью на подпоркахъ. Стѣны, сплетенныя изъ тростника, нерѣдко совсѣмъ закрыты снаружи низко спускающеюся крышей, а внутри украшены красивыми узорами. Обыкновеннымъ матеріаломъ для постройки хижинъ служитъ тростникъ и пальмовыя листья. Полъ въ свайныхъ постройкахъ дѣлается изъ поперечныхъ балокъ, толщиной въ руку, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи полметра, и надо обладать большою ловкостью, чтобы перепрыгивать черезъ такіе промежутки, въ противномъ случаѣ, если хижина построена на водѣ, можно взять

Деревня Сіеръ на Новой Гвинее.

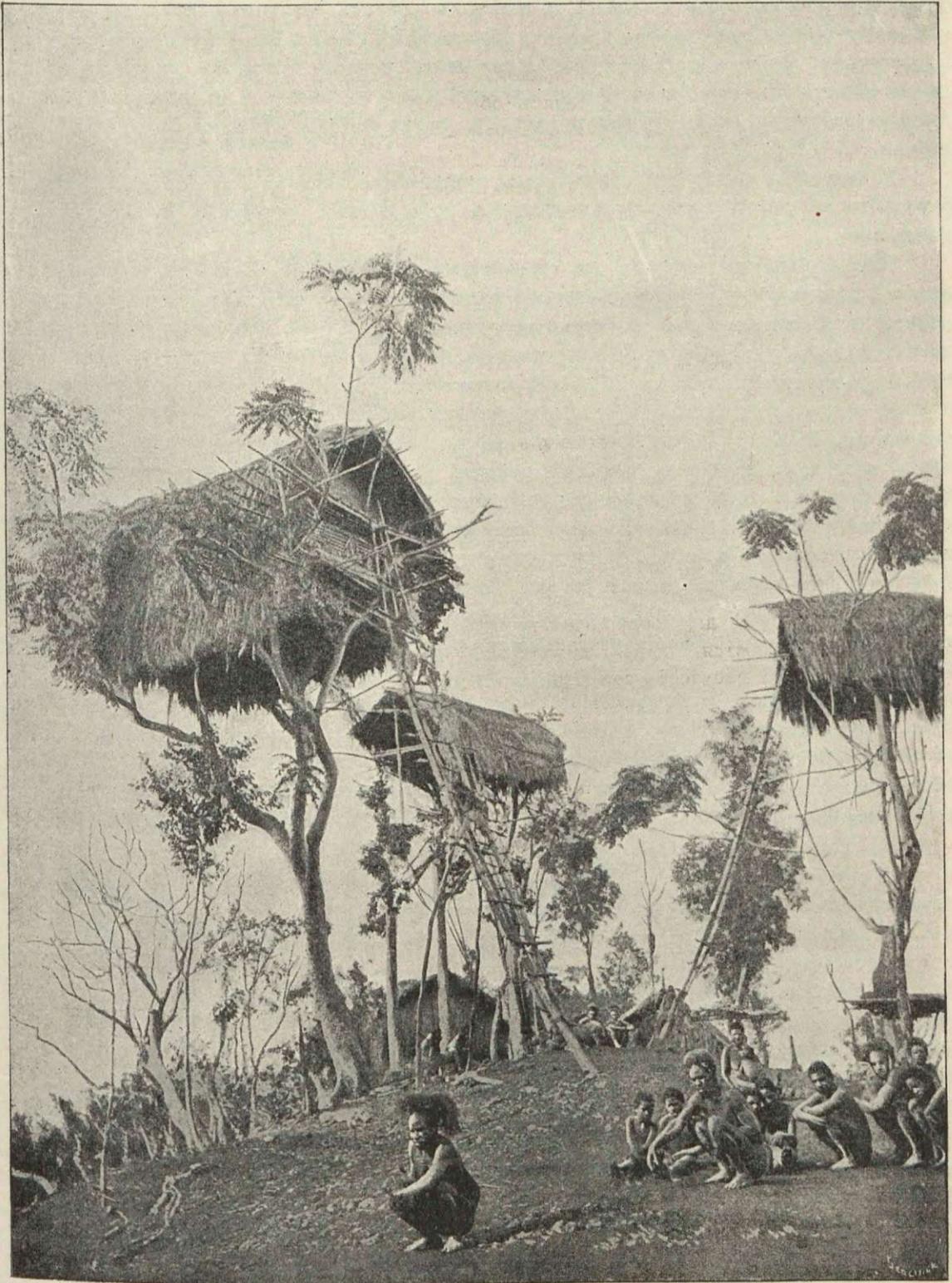
совсѣмъ нежелательную ванну. Окно въ такой хижинѣ нѣтъ, и свѣтъ въ нее проникаетъ черезъ двери. Внутренность ново-гвинейской хижины не представляетъ ничего привлекательнаго для европейца вслѣдствіе нечистоплотности ея обитателей. Полъ устланъ искусно сплетенными циновками, скрывающими огромныя щели между балками, куда легко можно провалиться, если кто недостаточно знакомъ съ постройкою хижины. Конечно, папуасы не нуждаются ни въ какой мебели и сидятъ обыкновенно на корточкахъ на своихъ циновкахъ, а доски, покрытыя двумя или тремя кокосовыми циновками, служатъ для нихъ постелью, подъ голову они кладутъ пучекъ травы, вмѣсто подушки, или же маленькую подставку, на которую опираются затылкомъ, чтобы не смять прически. Корзина съ толстымъ слоемъ земли служитъ для очага, а бамбуковыя трости, глиняные сосуды, копья, лукъ, стрѣлы и пики дополняютъ убранство хижины.

Частыя войны на Новой Гвинее и другихъ островахъ Меланезіи вызвали тамъ особый способъ постройки хижины. Хижины эти, называемыя „вако“, назначены для помѣщенія по крайней мѣрѣ 12 лицъ и устраиваются въ вѣтвяхъ большихъ деревьевъ, на высотѣ иногда тридцати метровъ. Стволъ дерева тщательно очищается отъ всѣхъ вѣтокъ и выглаживается. Въ эти древесныя хижины ведетъ лѣстница изъ лианъ или бамбука; у подножій же дерева воздвигается обыкновенно другая хижина, для пребыванія въ ней въ теченіе дня. Въ нѣкоторыхъ даже сухихъ мѣстностяхъ Новой Гвинее дома строятъ на очень высокихъ, тонкихъ и перекрещивающихся жердяхъ, и эти воздушныя жилища висятъ словно орлиныя гнѣзда, на высотѣ 15 метровъ, поражающія своею оригинальностью и какъ будто готовыя свалиться отъ перваго порыва сильнаго вѣтра.

Очень часто встрѣчаются въ деревняхъ общія жилища для нѣсколькихъ семействъ, Такіе общинные дома отличаются отъ другихъ своею величиной. Кромѣ того въ деревняхъ строятся большіе дома для собраній и пріемовъ, а также сараи для храненія лодокъ, которые обыкновенно украшаются рѣзьбой, живописью и черепами.

Главную пищу папуасовъ составляютъ продукты растительнаго царства: саго, кокосовые орѣхи и всякаго рода съѣдобныя корни. Животную пищу доставляютъ имъ преимущественно свиньи, а также рыба. Между прочимъ папуасы умѣютъ коптить свиное мясо такъ же, какъ и рыбу. Соли у нихъ нѣтъ, и они замѣняютъ ее, когда нужно, морскою водою. Прежде людоедство господствовало въ Новой Гвинее почти повсемѣстно, но теперь, повидимому, этотъ ужасный обычай исчезъ, хотя отъ времени до времени и сообщаются случаи людоедства, но слухи эти не всегда бываютъ тщательно провѣрены. Охота и въ особенности рыбная ловля составляютъ главное занятіе ново-гвинейцевъ, которые отправляются на рыбную ловлю въ опредѣленные дни цѣлою общиной, и добыча поровну дѣлится между всѣми членами племени. Для предводительства рыболовными экспедиціями также выбираются выдающіеся люди, какъ и для военныхъ походовъ.

Папуасы чрезвычайно суевѣрны, какъ и всякій народъ, стоящій на такой низкой ступени развитія. При постройкѣ дома, лодки и т. п., они наблюдаютъ за полетомъ и пѣніемъ птицъ и другими явленіями, которыя представляются имъ дурными или хорошими предзнаменованіями. Религія меланезійцевъ заключается въ одушевленіи природы и въ вѣрѣ въ духовъ, которыхъ они призываютъ, чтобы извлечь изъ нихъ пользу для себя. Въ опасности меланезіецъ обращается къ духу отца или дѣда, въ полной увѣренности, что призывъ его будетъ услышанъ. У нѣкоторыхъ племенъ есть смутное понятіе о двухъ могущественныхъ духахъ, управляющихъ міромъ: одинъ изъ нихъ духъ зла, другой духъ добра, которому и приносятся жертвы. Въ хижинѣ папуаса есть вездѣ домашнее божество—небольшой деревянный идолъ, изображенный съ большою головою, разинутымъ ртомъ и длиннымъ носомъ. Это божество называется „корваръ“, и у нѣкоторыхъ племенъ играетъ весьма важную роль, такъ какъ ни одна церемонія, бракъ, рожденіе или погребеніе не могутъ обойтись безъ него. Кромѣ того по всей Меланезіи широко распространено поклоненіе камнямъ, и едва ли можно найти свя-

Хижины на деревѣ (Нов. Гвинея).

щенное мѣсто безъ священнаго камня. На многихъ островахъ Меланезіи изготовляются изъ камня идолы, а рыболовы поклоняются стоячимъ камнямъ. Маленькія изображенія предковъ изъ камня привязываются обыкновенно рыболовами къ сѣтямъ, для удачи при рыбной ловлѣ. Священными мѣстами у меланезійцевъ считаются могилы, мѣста, гдѣ хранятся черепа и другіе остатки предковъ, и затѣмъ уединенныя мѣста въ лѣсахъ и на морскомъ берегу, на горныхъ вершинахъ и въ пещерахъ, которыя, по ихъ мнѣнію, особенно охотно посѣщаются духами.

У папуасовъ существуетъ судъ Божій, напримѣръ: испытаніе кипяткомъ. Противники опускаютъ по локоть руки въ кипяткъ, и тотъ, у кого сдѣлаются пузыри, считается виновнымъ.

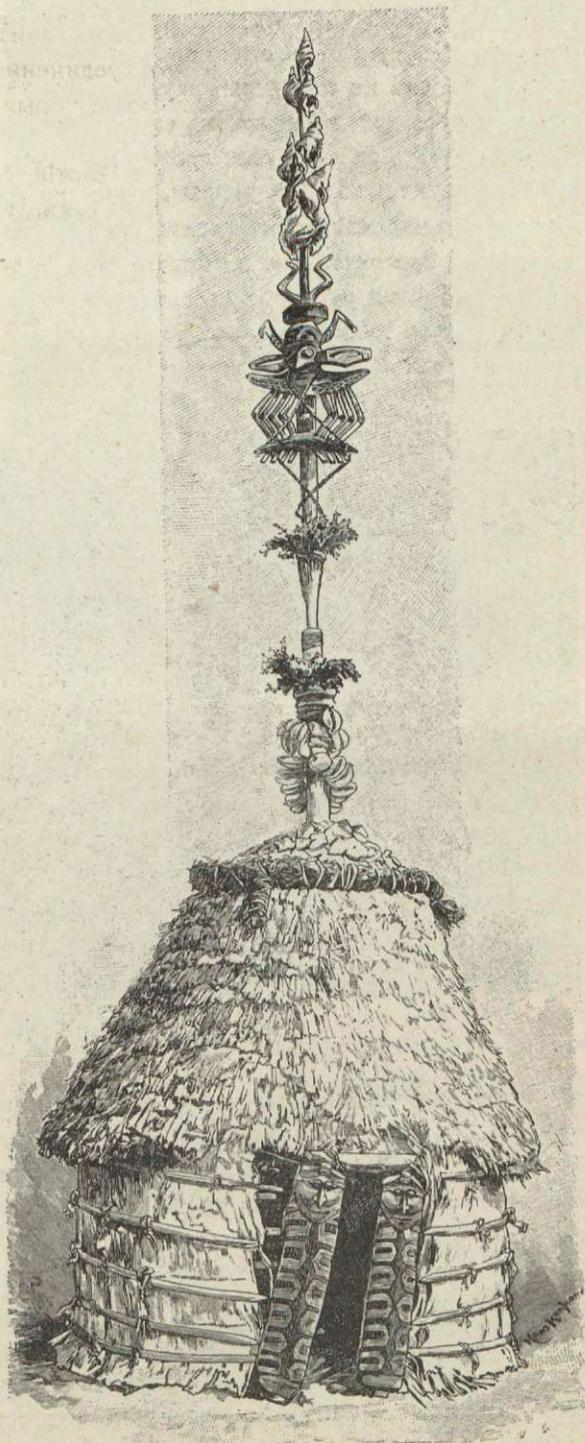
Ново-гвинейскіе папуасы не соединяются вмѣстѣ и не образуютъ государства. Въ деревнѣ папуасовъ пользуется нѣкоторою властью старшина, которымъ считается старѣйшій членъ, но власть эта большею частью непрочная и временная, старшина не взымаетъ никакихъ податей и не имѣетъ лучшаго жилища, чѣмъ прочіе, и даже не носитъ никакого особеннаго украшенія. Въ папуасской семьѣ глава—мужъ, который беретъ себѣ столько женъ, сколько въ состояніи прокормить, и пріобрѣтаетъ ихъ посредствомъ покупки, уплачивая за каждую изъ нихъ извѣстное количество рабовъ, товаровъ и жизненныхъ припасовъ. Конечно, заплативъ за жену, папуасъ смотритъ на нее какъ на свою собственность и не церемонится съ нею, возлагая на нее всѣ домашнія работы. Во время же переселеній онъ, какъ и австраліецъ, превращаетъ свою жену въ вьючное животное, наваливая ей на плечи весь свой домашній скарбъ. Но къ дѣтямъ папуасъ относится очень хорошо, хотя дѣтубійство у нихъ сильно распространено. Къ остальнымъ же, живымъ дѣтямъ они чувствуютъ всегда самую горячую привязанность. Смерть такого ребенка всегда вызываетъ величайшее горе. Если умираетъ сынъ въ юношескомъ возрастѣ, то тѣло его подвѣшивается въ корзинѣ на подставкахъ, и подъ нимъ мать поддерживаетъ огонь до тѣхъ поръ, пока трупъ не высохнетъ и голова не отдѣлится отъ туловища. Тогда тѣло хоронятъ, а голова приносится въ хижину и тамъ черепъ высушивается, уши и носъ замѣняются вырѣзанными изъ дерева, а вмѣсто глазъ вставляются окрашенныя зерна какихъ нибудь плодовъ. Такая же честь оказывается и черепамя другимъ членовъ семействъ. Они становятся домашними божествами, и къ нимъ обращаются за совѣтомъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Если же случается, что погибаетъ который нибудь изъ членовъ семьи, отважный воинъ, то домашнія божества призываются къ отвѣту, и имъ дѣлается строгій выговоръ. На кладбищѣ папуасской деревни Дорэ, въ Новой Гвинее, можно видѣть мавзолеи съ изображеніями идоловъ, въ другихъ же мѣстахъ могилы убираются только черепами убитыхъ враговъ.

Европейцы часто упрекаютъ ново-гвинейцевъ въ хитрости и коварствѣ, которыя свойственны имъ, какъ и всѣмъ папуасамъ, но въ то же время они отдаютъ должную справедливость ихъ мужеству и умственнымъ способностямъ, которыя далеко не такъ незначительны, какъ это можно было бы думать, судя по степени ихъ развитія. Ихъ пѣсни и легенды указываютъ на существованіе у нихъ поэтическаго чувства, а украшенія утвари, оружія и домовъ подтверждаютъ, что они далеко не лишены художественнаго вкуса и способностей. На способность къ рисованію указываетъ то, что, въ первый разъ въ жизни увидѣвъ карандашъ и бумагу, папуасы сразу научались ихъ употребленію и принимались рисовать разныя фигуры звѣрей и т. д.

Большимъ преимуществомъ папуасовъ передъ ихъ сосѣдями австралійцами, которые стоятъ гораздо ниже ихъ въ умственномъ отношеніи, является развитіе у нихъ торговли, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣновая торговля достигла большихъ размѣровъ, жители облеклись уже въ одежды изъ ситцевыхъ матерій. Но потребности папуасовъ еще очень ограничены, и поэтому торговыя сношенія европейцевъ съ ново-гвинейцами еще не достигли большого развитія.

Новая Гвинея находится во владѣніи трехъ государствъ: Голландіи, Англіи и Германіи. Голландцамъ принадлежитъ западная часть острова, англичанамъ южная, а нѣмцамъ сѣверо-восточная, но все таки большая часть острова находится еще во власти туземцевъ, и многія области его никогда не посѣщались европейцами. Въ 1877 году русскій путешественникъ Миклуха Маклай открылъ заливъ Астролябіи въ сѣверо-восточной части Новой Гвинеи и прожилъ тамъ 17 мѣсяцевъ среди туземцевъ, съ которыми у него образовались весьма дружескія отношенія. Это племя папуасовъ принадлежитъ къ наименѣе цивилизованнымъ. Когда Миклуха Маклай познакомился съ ними, то не только имъ не были извѣстны металлы, и они изготовляли всѣ свои орудія изъ камня, раковинъ и дерева, но они даже не знали искусства добыванія огня. Если у одного изъ папуасовъ гасли тлѣющіе угли, то онъ отправлялся къ сосѣду и занималъ у него огонь, и вообще одна деревня папуасовъ одолжалась у другой горячими углями. Старіки рассказывали Миклухѣ Маклаю про такія времена, когда огонь былъ еще неизвѣстенъ, и мясо приходилось ѣсть сырымъ, вслѣдствіе чего развивалась болѣзнь десенъ. Весьма возможно, что въ мѣстахъ, куда еще не проникали европейцы, ново-гвинейскіе папуасы остаются до сихъ поръ на такой низкой степени развитія. Берегъ Новой Гвинеи, открытый Маклаемъ, названъ его именемъ.

Другіе острова Меланезійскаго архипелага напоминаютъ Новую Гвинею богатствомъ и разнообразіемъ своей растительности, а также своею фауной. Скалы горъ покрыты сплошь массою лѣсовъ, и даже на простыхъ коралловыхъ меляхъ растутъ большія деревья. Сѣмена были занесены туда вѣтромъ, теченіемъ или птицами и пустили ростки подъ вліяніемъ обилія дождевой влаги. Общій видъ всѣхъ этихъ острововъ живописенъ. Населеніе ихъ одного происхожденія съ папуасами Новой Гвинеи, но не такое чистое, и среди него уже встрѣчаются представители другихъ типовъ, полинезійскаго и малайскаго. Однако племена, живущія внутри острововъ, до сихъ поръ еще мало извѣстны. Всѣ островитяне большею частью хорошо сложены. Волосы у всѣхъ густые и курчавые и цвѣтъ

Священная хижина на Нов. Каледоніи.

кожи темно-коричневый. У нѣкоторыхъ племень сильно выдаются зубы, что придаетъ имъ нѣсколько жестокое и скотское выраженіе. Татуировка распространена повсемѣстно и производится такимъ же способомъ, какъ и въ Австраліи, т. е. порѣзами кожи, съ цѣлью образованія выпуклыхъ рубцевъ. Всѣ меланезійцы очень много обращаютъ вниманія на свою наружность, купаются ежедневно и разрисовываютъ свое тѣло краснымъ цвѣтомъ, если только у нихъ не случится траура, во время котораго имъ запрещено мыться. Но особенно много заботъ они посвящаютъ своимъ волосамъ, изъ которыхъ сооружаютъ на головѣ цѣлыя башни. Уходъ за волосами требуетъ у нихъ столько времени, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старухи сбриваютъ себѣ волосы, чтобы не возиться съ ними. Находящіеся еще въ дикомъ состояніи меланезійцы не носятъ одежды, но напяливаютъ на себя всевозможныя украшенія, ожерелья, браслеты и т. п., протыкаютъ носовую перегородку и продѣваютъ въ нее шнурокъ съ нанизанными раковинами и также поступаютъ съ ушами. Счастливые въ сраженіяхъ воины носятъ гирлянды изъ человѣческихъ зубовъ, позвонковъ, суставовъ пальцевъ, а на грудь вѣшаютъ себѣ бедреную кость. Войны между жителями непрерывны. Часто война

Мальчики съ о. Нов. Гвинея.

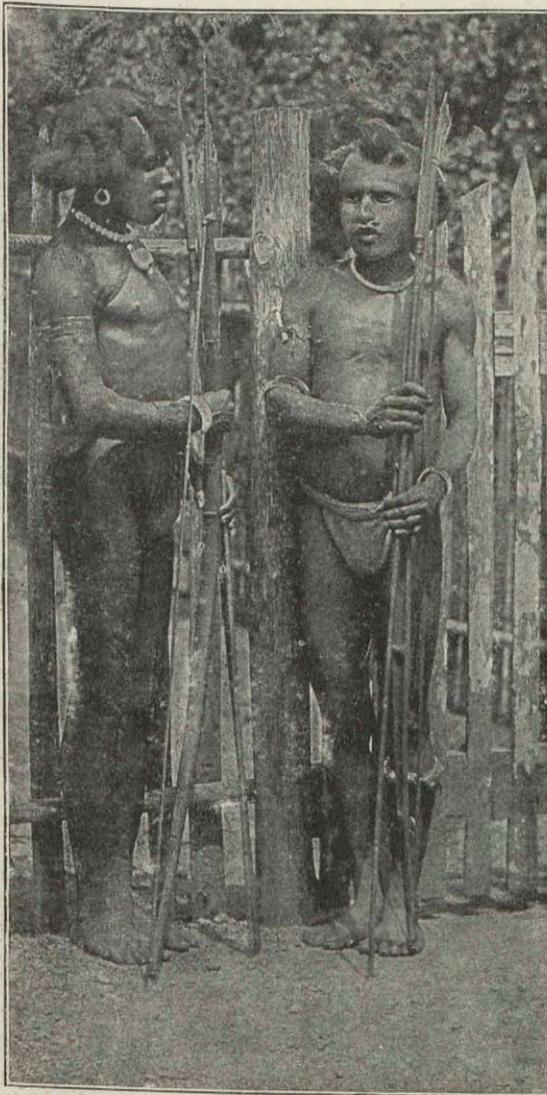
затѣвалась только изъ-за того, что нужны головы для украшенія дома начальника и военныхъ лодокъ или же потому, что нужны плѣнные для жертвоприношенія по случаю какого нибудь торжественнаго праздника. Иногда поводомъ къ принесенію такихъ жертвъ служитъ смерть начальника племени. На многихъ меланезійскихъ островахъ еще сохраняется обычай людоедства, и хотя начальники меланезійскихъ племень

не очень дурно обращаются со своими невольниками, но эти несчастные всегда могутъ ожидать, что при спускѣ лодки или празднованіи побѣды, они будутъ убиты и съѣдены. Впрочемъ, вліяніе европейцевъ уже заставило многія племена меланезійцевъ отказаться отъ этого ужаснаго обычая, а тѣ, которые еще соблюдаютъ его, обыкновенно старательно скрываютъ это отъ европейцевъ.

На меланезійскихъ островахъ можно встрѣтить самые разнообразныя типы построекъ; деревни, возведенныя на сваяхъ, подобныя тѣмъ, какія существовали въ Европѣ около трехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, плавучіе дома — лодки и хижины, устроенныя на деревьяхъ, въ которыя влѣзаютъ при помощи бревна съ зарубками. Въ каждой деревнѣ непременно есть большая хижина, наиболѣе тщательно выстроенная и разукрашенная, которая служитъ для собраній мужчинъ племени. Лодки, на которыхъ меланезійцы проводятъ большую часть своей жизни, часто поражаютъ европейцевъ своею художественной отдѣлкой, требующею много труда и терпѣнія, въ особенности же если принять во вниманіе, что инструменты для работы у меланезійцевъ самые первобытные. Эти лодки бываютъ всегда украшены разными фигурами, изображающими духовъ покровителей, такъ искусно поставленными, чтобы они могли защи-

щать воиновъ отъ вражескихъ стрѣль. Внутри же лодки обыкновенно выложены перламутромъ и драгоценнымъ деревомъ.

Островитяне Меланезіи не только отличные моряки и рыболовы, но кромѣ того они хорошіе земледѣльцы. Уходомъ за полями и рощами кокосовыхъ и саговыхъ пальмъ, а также плетениемъ циновокъ и изготовлениемъ глиняной посуды, обыкновенно, занимаются женщины, мужчины же готовятъ домашнія орудія и оружіе. Теперь уже всѣ побережные жители меланезійскихъ острововъ употребляютъ огнестрѣльное оружіе, и только племена, обитающія во внутреннихъ областяхъ, остаются

Воины изъ племени Арфакъ (Нов. Гвинея).
народы земли.

Дѣвушки съ о. Нов. Гвинея.

еще въ каменномъ вѣкѣ. Разнообразіе нарѣчій, на которыхъ говорятъ меланезійцы, очень велико, но всѣ они, очевидно, происходятъ отъ одного и того же корня. Впрочемъ, на всѣхъ островахъ прибрежные жители говорятъ по англійски.

У всѣхъ меланезійцевъ женщины считаются низшими существами и не смѣютъ принимать участія въ религиозныхъ церемоніяхъ. Религія меланезійцевъ заключается въ почитаніи злыхъ и добрыхъ духовъ и великихъ явленій природы. Кромѣ того, они почитаютъ тѣхъ животныхъ, которыхъ боятся; такъ что на нѣкоторыхъ островахъ боготворятъ акулу, на другихъ же крокодила. Если акула погнѣится за какимъ нибудь человѣкомъ, но ему удастся избѣжать ея зубовъ, то его снова бросаютъ въ море, чтобы утишить гнѣвъ священнаго животнаго. У меланезійцевъ существуютъ какія-то тайныя религиозныя общества, совершающія таинственные обряды и, вслѣдствіе этой таинственности, наводящія страхъ и пользующіяся вліяніемъ на жителей. Странные священные танцы, исполняемые членами этихъ обществъ, называются „дукъ-дукъ“, и всѣ исполнители надѣваютъ специально приготовленныя для этого случая и раскрашенныя маски изъ череповъ. Церемоніи эти, обы-

Туземець съ о. Нов. Ирландія.

меланезійцевъ своими обманами и падали на деревню, забирали въ плѣнь жителей и продавали ихъ на отдаленныя плантаціи. Разумѣется, туземцы мстили имъ за это, и зачастую страдали отъ этого невинные, потерпѣвшіе кораблекрушеніе, на которыхъ туземцы смотрѣли какъ на свою добычу и... пожирали ее! Особенно прославились своею кровожадностью и своими людоедскими нравами обитатели Новогвинейскаго архипелага, но теперь людоедство сохранилось лишь на немногихъ островахъ, мало посѣщаемыхъ бѣлыми.

Одинъ изъ самыхъ значительныхъ острововъ Меланезіи—Новая Каледонія, названный такъ Кукомъ, обращенъ Франціей въ мѣсто для ссылки преступниковъ. Онъ былъ присоединенъ къ Франціи въ 1853 г., послѣ того, какъ высадившіеся на него французскіе мореплаватели, потерпѣвшіе крушеніе, были съѣдены туземцами. Новая Каледонія отличается удивительно здоровымъ климатомъ и очень плодородною почвой, но во внутреннихъ частяхъ острова есть еще совсѣмъ пустынный мѣста. Деревни туземцевъ расположены

кновенно, происходятъ въ извѣстное, заранее опредѣленное, время, но въ нихъ никто не можетъ принимать участія, кромѣ посвященныхъ, и если кто нибудь подсмотреть или проболтается о томъ, что совершается на этихъ церемоніяхъ, тотъ наказывается смертью. Такая же участь ожидаетъ и того, кто во время танца потеряетъ свою маску, такъ что можетъ быть узнанъ другими.

Несмотря на свирѣпыя нравы туземцевъ и людоедство, отважные католическіе и протестантскіе миссіонеры все таки рѣшались поселяться въ разныхъ мѣстахъ Меланезійскаго архипелага. Не разъ совершались избіенія миссіонеровъ, и имъ приходилось спасаться бѣгствомъ, но они все таки возвращались. Впрочемъ, большею частью, тѣ изъ нихъ, которые относились къ туземцамъ справедливо и доброжелательно, не могли на нихъ жаловаться. Обыкновенно, сами европейцы первые возбуждали противъ себя жестокостями. Не разъ бывало, что европейцы на-

Туземець съ Соломоновыхъ остр.

очень живописно и утопаютъ въ густой зелени кустовъ и деревьевъ. Вообще вся мѣстность производитъ мирное и пріятное впечатлѣніе и, казалось бы, что въ такомъ прекрасномъ здоровомъ климатѣ, посреди такой чудной природы, люди должны жить мирно и счастливо. Между тѣмъ, именно, обитатели такихъ красивыхъ долинъ, подъ теплымъ южнымъ небомъ, большею частью отличаются кровожадностью и предаются людоедству, какъ въ этомъ можно было убѣдиться на многихъ островахъ Тихаго Океана. Туземцы Новой Каледоніи, принадлежащіе къ меланезійской расѣ и называемые французами „канаками“ (канаки—значить „люди“ на туземномъ языкѣ), также не составляли исключенія. Они долго сохраняли свои ужасные обычаи людоедства и въ свое время оказали мужественное сопротивление французамъ, завладевшимъ ихъ островомъ. Теперь они уже окончательно покорились своей участи и стали быстро уменьшаться и вымирать. Впрочемъ, уменьшеніе населенія Новой

Туземецъ съ Соломоновыхъ остр.

Туземцы съ о. Нов. Ирландія (Архип. Бисмарка) съ длинными копьями и черепахов. украшениями на груди.

Каледоніи частью было вызвано постоянными кровавыми столкновениями, которыя происходили между племенами, и всегда сопровождались избиеніями и людоедскими пиршествами. Павшіе въ битвахъ враги всегда пожирались, тѣла ихъ равномерно распредѣлялись между воинами, а они, въ свою очередь, раздавали его кусками членамъ своихъ семействъ. Туземцы Новой Каледоніи, до прибытія первыхъ европейскихъ моряковъ, никогда не видѣли никакого другого мяса, кромѣ человеческого, и увидѣвъ у матросовъ куски бычачьяго мяса, подумали, что это было мясо какого-нибудь великана.

Канаки очень неохотно идутъ на службу къ бѣлымъ, и ихъ не прельщаютъ никакія обѣщанія. Поэтому-то колонисты обвиняютъ ихъ въ закоренѣлой лѣности и стараются достать рабочихъ съ другихъ острововъ, и даже изъ Китая. Благодаря этому въ Новой Каледоніи образуется теперь смѣшанное населеніе. Канаки, впрочемъ, держатся поодаль отъ этихъ пришельцевъ и не сливаются съ ними. Они воздѣлываютъ свои

земли, сажаютъ маисъ, маньокъ или таро, и во время земледѣльческихъ работъ играютъ на особенныхъ инструментахъ, въ родѣ флейты, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, музыка помогаетъ растеніямъ расти.

Свободныхъ колонистовъ въ Новой Каледоніи пока еще мало и преобладаютъ ссыльные, а затѣмъ чиновники и солдаты. До сихъ поръ Новая Каледонія причиняетъ Франціи только расходы, несмотря на то, что плодородная почва и минеральныя богатства (золото и никель) могли бы сдѣлать ее доходною колоніей. Очень вѣроятно, что ея развитію мѣшаютъ особенныя условія, которыя всегда создаются въ колоніи ссыльныхъ. Больше половины всѣхъ живущихъ на островѣ европейцевъ (около 7 тысячъ) сосредоточены въ Нумеѣ—единственномъ городѣ и столицѣ Новой Каледоніи.

Большой архипелагъ острововъ Фиджи или Фити также населенъ меланезійцами, но не чистокровными, какъ въ Новой Гвинееѣ, а съ примѣсью полинезійской расы. Фиджійцы высоки и сильны, очень темнаго цвѣта, и на головѣ у нихъ такая же шапка волосъ, какъ у папуасовъ. Еще очень недавно они ходили почти голыми, но теперь носятъ европейскую одежду, рубашки, юбки или блузы, и драпируются въ одѣяла.

Военный танецъ на о. Фиджи.

Архипелагъ Фиджи состоитъ изъ 255 острововъ и островковъ, изъ которыхъ только 80 обитаемы, остальные же островки едва возвышаются надъ водой. Самые большіе острова архипелага—„Фити-Леву“ и „Вануа-Леву“ вулканическаго происхожденія и очень живописны. Море тутъ изобилуетъ коралловыми рифами, такъ что плаваніе въ этомъ архипелагѣ очень опасно для судовъ, но на островахъ имѣются хорошія гавани, куда суда могутъ укрыться во всякое время, даже тогда, когда свирѣпствуетъ ураганъ. Растительность острововъ тропическая, но такихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, какіе существуютъ въ другихъ областяхъ Меланезіи, на островахъ Фиджи нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растительность напоминаетъ австраійскую, по берегамъ Карпентарскаго залива, такъ какъ преобладаютъ деревья со скудной листвою, казуарины и акаціи. Фауна, какъ и на всѣхъ островахъ Тихаго океана, не богата видами, и высшихъ млекопитающихъ совсѣмъ не водится, и только со времени поселенія европейцевъ были завезены на острова европейскія домашнія животныя, которыя прекрасно акклиматизировались.

Острова Фиджи были открыты въ 1643 году Тасманомъ, но только въ 1827 г. этотъ архипелагъ былъ впервые изслѣдованъ Дюмонъ д'Юрвиллемъ. Однако, фиджійцы не жили уединенною жизнью и еще до прибытія европейцевъ они находились въ постоянныхъ сно-

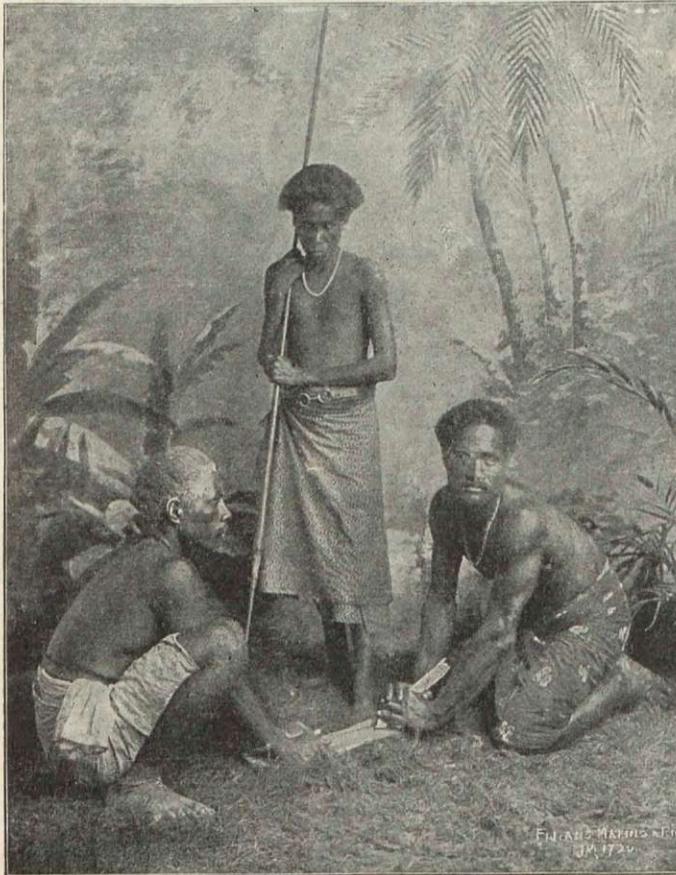

Женщины съ о. Мота (Ново-Гебридск. о-ва).

Воины на о. Нов. Британія.

шеніяхъ съ жителями острововъ Тонга или Дружбы, принадлежащими къ полинезійской расѣ. Повидимому, между обоими народами существовало взаимное уваженіе. Фиджійцы считались лучшими воинами, а обитатели Тонга внушали къ себѣ уваженіе своимъ умственнымъ развитіемъ. Кажется, они пріѣзжали на острова Фиджи за строевымъ лѣсомъ для своихъ лодокъ, и эти сношенія привели къ тому, что жители Тонга поселялись въ Фиджи и смѣшивались съ ними. Вслѣдствіе этого смѣшенія съ болѣе развитою полинезійскою расой, фиджійцы отличаются отъ другихъ меланезійскихъ племенъ своимъ живымъ умомъ и умѣніемъ разсуждать, такъ что, несмотря на всю ихъ дикость, съ ними можно разговаривать. Характеръ ихъ представляетъ необыкновенную смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ, и при этомъ у нихъ особенно выступаютъ дурныя стороны меланезійскаго характера.

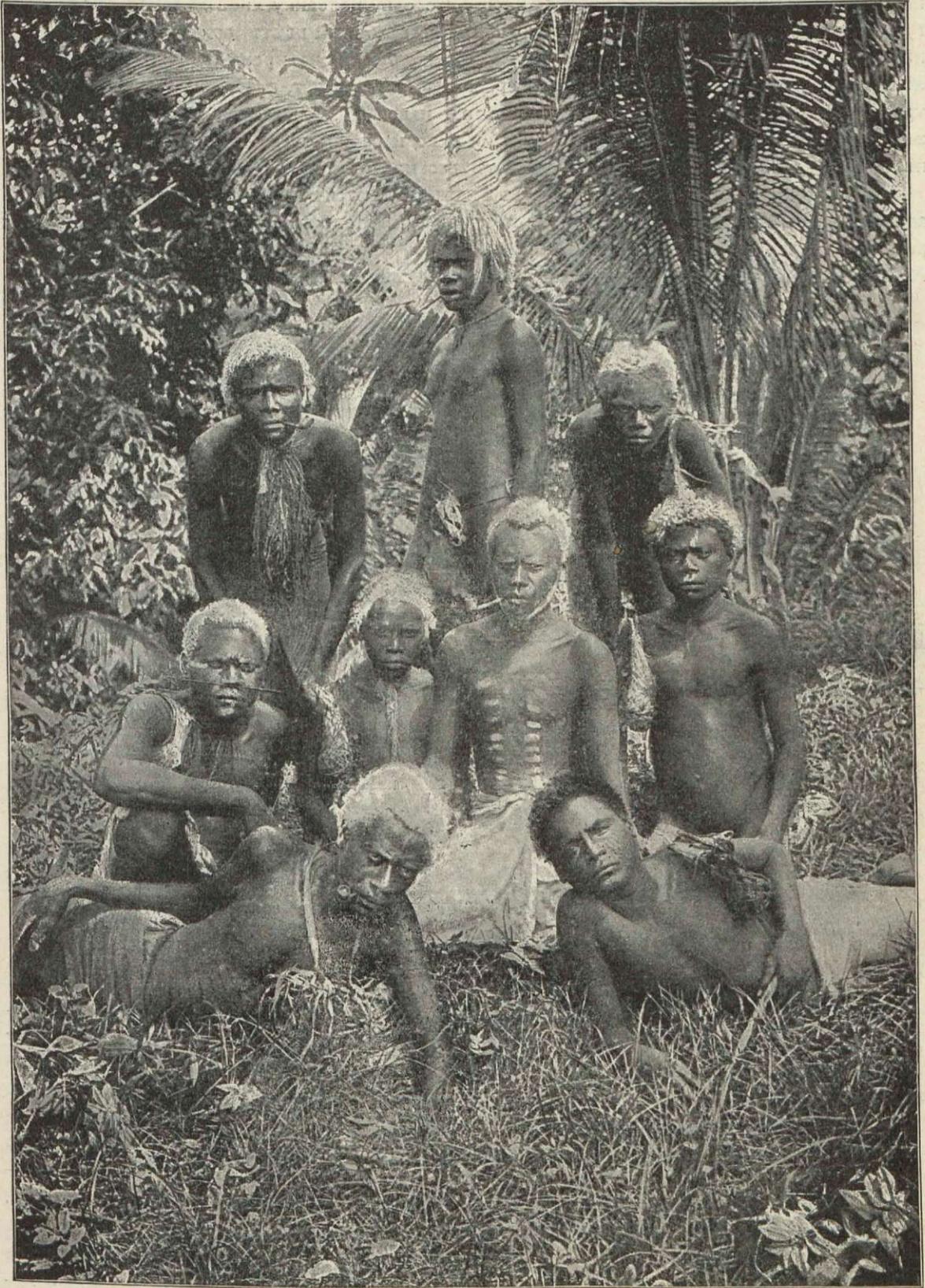

Туземцы о. Фиджи занятые добываніемъ огня.

Они мстительны, жестоки и легко возбуждаются, но съ другой стороны они способны, ловки, трудолюбивы и, если не находятся подъ вліяніемъ воинственныхъ возбужденій, то бываютъ довѣрчивы, чистосердечны, добродушны и веселы. Кромѣ того, они всегда очень гостепріимны, вѣжливы и великодушны. По словамъ одного путешественника, въ ихъ языкѣ нѣтъ слова, означающаго давать взаймы, а только слово—давать, такъ какъ они всегда готовы дать другому то, что онъ проситъ и чего у него нѣтъ. Они гораздо сдержаннѣе и скромнѣе своихъ сосѣдей полинезійцевъ, которые отличаются распушенностью.

До прибытія европейцевъ весь нарядъ фиджійцевъ состоялъ изъ пояса „мало“, который спускался сзади двумя длинными концами, образовывавшими у знатныхъ жителей порою длинный шлейфъ. Поясъ дѣлается изъ особой мѣстной ткани, называемой „тапа“. Женщины же не имѣли права носить тапу и дѣлали поясъ изъ во-

локонъ одного растенія, которыя спускались въ видѣ бахромы, образуя нѣчто вродѣ юбки. Этотъ нарядъ назывался „лику“. Въ настоящее время, какъ мы уже говорили, туземцы острововъ, находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ европейцами, носятъ европейскія матеріи и нѣчто вродѣ европейскаго наряда. По свидѣтельству многихъ путешественниковъ, этотъ нарядъ имѣетъ не къ лицу, и они кажутся гораздо красивѣе и оригинальнѣе въ своемъ національномъ костюмѣ „мало“ и „лику“. Фиджійцы вообще довольно красивое племя. Черты лица у нихъ правильны, глаза блестящіе, зубы прекрасные; они всѣ хорошо сложены, высоки и стройны, но ихъ безобразитъ привычка раскрашивать себѣ лицо а также ужасающая прическа, образующая волосяную шапку, тугую какъ войлокъ, изобилующую насѣкомыми. Особенно они любятъ красный цвѣтъ. Иногда они все лицо раскрашиваютъ въ красный

Туземцы съ о. Нов. Британія.

цвѣтъ, оставляя только носъ чернымъ, иногда же одну половину лица дѣлаютъ бѣлой, другую черной, или одинъ только носъ окрашиваютъ въ бѣлый цвѣтъ, оставляя все лицо чернымъ. Нѣкоторые щеголи все лицо разрисовываютъ себѣ четырехъ-угольниками, попеременно раскрашивая ихъ то чернымъ, то краснымъ цвѣтомъ и т. п. Мужчины гораздо больше тратятъ времени и красокъ на свое украшеніе и вообще занимаютъ собой болѣе, нежели женщины, которыя только татуируютъ себѣ лицо и руки, чтобы они были красивѣе. Понятія о красотѣ, какъ мы видимъ, бываютъ весьма различны.

Въ настоящее время жители острововъ Фиджи считаются христіанами. Первые миссіонеры явились на эти острова въ 1835 году, и съ тѣхъ поръ католики и протестанты усиленно старались обратить въ свою вѣру фиджійцевъ. Въ 1897 году насчитывалось на этихъ островахъ 95,000 протестантовъ и 10,000 католиковъ. Но разумѣется фиджійцы не вполне отказались

Травяная хижина на о. Фиджи.

отъ многихъ своихъ прежнихъ вѣрованій и не могутъ считаться настоящими христіанами. Прежняя ихъ религія заключалась главнымъ образомъ въ почитаніи предковъ, которые возводились на степень божества. Наболѣе прославившіеся изъ этихъ предковъ считались могущественными богами, къ которымъ цѣлый народъ обращался за помощью, когда это было нужно. Жрецы были посредниками между душами мертвыхъ и людьми и пользовались у фиджійцевъ большимъ почетомъ. Фиджійцы кромѣ того считали, что все обладаетъ душой, не только люди, животныя и растенія, но также дома, оружіе и т. п. и каждый изъ жителей непременно имѣетъ своего бога покровителя, которъй воплощается въ какомъ нибудь животномъ.

Людоѣдство, сильно распространенное на островахъ до 1876 года, предписывалось имъ религіей, вообще клонившейся къ тому, чтобы подавлять у фиджійцевъ всякое человѣческое чувство состраданія и развить у нихъ немилосердную жестокость. Поэтому и боги ихъ отличались особенною кровожадностью, что доказываютъ уже самыя названія нѣкоторыхъ изъ нихъ,

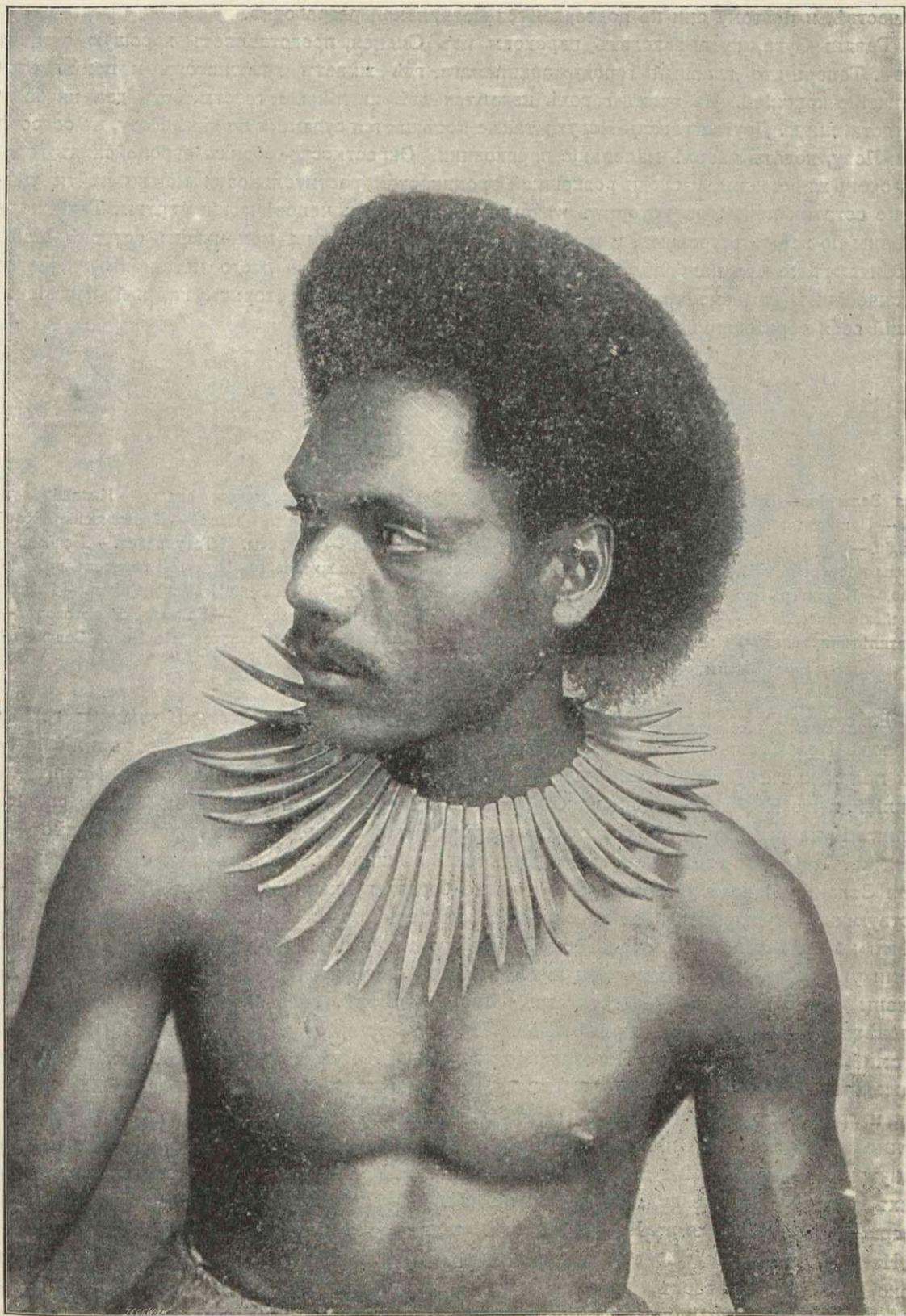

Мужчина съ о. Фиджи.

напримѣръ: „богъ—пожиратель человѣческихъ мозговъ“. Нѣкоторые изъ путешественниковъ объясняютъ впрочемъ такое сильное распространеніе людоедства какъ на о. Фиджи, такъ и на другихъ островахъ Южнаго океана, отсутствіемъ большихъ млекопитающихъ, вслѣдствіе чего туземцы по преимуществу должны были питаться растительною пищею. Затѣмъ чувство мести также играло большую роль, и мясо убитыхъ враговъ всегда пожиралось во время пиршествъ, устраиваемыхъ по случаю побѣды, причемъ фиджійцы употребляли особенныя вилки изъ казуариноваго дерева для человѣческаго мяса, тогда какъ всякую другую пищу они всегда ѣли руками. Вначалѣ, по всей вѣроятности, всѣ павшіе въ бою считались жертвами, принесенными богамъ. Фиджійцы полагали, что съѣсть врага значитъ оказать ему уваженіе и напитать себя его мужествомъ. Трапезы изъ человѣческаго мяса или „большой свиньи“, какъ говорили фиджійцы, были священнымъ обрядомъ, въ которомъ женщины и дѣти не могли принимать участія. Но съ теченіемъ времени этотъ религіозный обычай привелъ къ такому ожесточенію нравовъ, что людоедство превратилось въ самую обыкновенную привычку. Военнопленныхъ поселяли на отдѣльныхъ островахъ, чтобы имѣть всегда подъ рукою свѣжую провизію; иногда же старшина какого нибудь племени или король, прогнавъ вавшись на жителей какой нибудь деревни, своихъ же подданныхъ, осуждалъ всѣхъ ихъ поголовно на съѣденіе. Кромѣ того человѣческія жертвы вообще были распространены. При постройкѣ домовъ всегда зарывались въ землю плѣнники, а военные суда спускались на воду по живымъ тѣламъ плѣнниковъ, которые потомъ съѣдались на пиршествѣ, устраиваемомъ по случаю спуска лодокъ. Такія жертвы считались пріятными для боговъ, и потому сопротивленіе осужденной жертвы признавалось оскорбленіемъ боговъ. Миссіонеры рассказывали такой случай, что одна женщина, которую они спасли отъ жертвоприношенія, убѣжала отъ нихъ ночью и сама отдалась въ руки своимъ палачамъ, не желая гнѣвить боговъ. Жены начальниковъ племени всегда непрекословно слѣдовали за ними въ могилу, а старики и больные сами требовали, чтобы ихъ хоронили заживо. Одинъ англійскій путешественникъ присутствовалъ при такихъ похоронахъ престарѣлаго короля. Онъ сидѣлъ поодаль, разговаривалъ съ приближенными и усердно ѣлъ, въ то время какъ шли приготовленія къ его погребенію. Посрединѣ хижины сидѣло нѣсколько женщинъ, завѣшанныхъ покрывалами, и подлѣ каждой стояло по восьми человѣкъ, у которыхъ въ рукахъ былъ конецъ шнурка, два раза обматывавшаго шею женщинъ. Это были жены короля, осужденныя на смерть. Между тѣмъ стараго короля размалевывали и наряжали какъ къ праздничной военной пляскѣ, и когда все было готово, то поданъ былъ сигналъ. Жены короля были задушены, и тѣла ихъ завернули въ циновки и вынесли изъ хижины. Вслѣдъ затѣмъ вынесли стараго короля черезъ отверстіе въ стѣнѣ хижины и понесли, при звукахъ трубъ, къ морскому берегу, гдѣ дожидалась пирога. Туда же положили убитыхъ женъ и отплыли къ другому острову, гдѣ находилось кладбище королей и была уже заранѣе приготовлена могила, выложенная тонкими циновками. На дно ея положили убитыхъ женщинъ, а на нихъ стараго короля и завернувъ его съ головою въ циновки, засыпали землей; когда на него насыпали уже большой холмъ земли, то еще было слышно, какъ онъ нѣсколько разъ кашлянулъ.

Теперь всѣ эти ужасные обычаи и обряды прекратились, благодаря усилившемуся вліянію европейцевъ. Европейцамъ очень помогло то, что туземцы имѣютъ пристрастіе къ торговлѣ, и поэтому охотно завязываютъ съ ними торговыя сношенія. Природныя же богатства архипелага привлекали туда европейцевъ, не взирая на тѣ опасности, съ которыми было сопряжено пребываніе среди кровожадныхъ дикарей.

Въ настоящее время острова Фиджи находятся подъ верховнымъ владычествомъ Англій, и ими управляетъ англійскій губернаторъ, пользующійся полною самостоятельностью. Между островами, Австраліей и Канадой установлено правильное пароходное сообщеніе, но телеграфный кабель еще къ нимъ не проведенъ. Главнымъ промышленнымъ занятіемъ колонистовъ служитъ разведеніе сахарнаго тростника, культура кокосовыхъ пальмъ, хлопчатника

Туземець съ о. Фиджи съ украшеніемъ на шеѣ изъ зубовъ кашалота.

и кофе. На островахъ найдены минералы, золото, мѣдь и гранитъ, но не въ очень большомъ количествѣ, и поэтому они не подвергаются правильной разработкѣ.

Гавань Сува, куда заходятъ пароходы изъ Сиднея, представляетъ хорошую стоянку судовъ. Теперь это главный городъ архипелага, гдѣ живетъ губернаторъ и помѣщается управленіе колоній. Въ этомъ городѣ издаются двѣ англійскія газеты, есть два клуба и двѣ гостиницы. Другая гавань Левука также посѣщается судами, а по рѣкѣ Реву, на островѣ Виши-Леву, ходятъ вверхъ маленькіе пароходики. Окрестности обоихъ европейскихъ городовъ очень живописны, и среди роскошной тропической растительности можно найти уцѣлѣвшіе остатки печей, въ которыхъ нѣкогда изжаривались человѣческія жертвы. Такія печи разсѣяны по всѣмъ островамъ, и въ особенности ихъ много на маленькомъ островѣ Мабу, гдѣ обитаютъ теперь наиболѣе знатные изъ туземцевъ. Языкъ этого населенія считается классическимъ языкомъ архипелага, на которомъ долженъ говорить каждый фиджіецъ, мнящій себя образованнымъ человѣкомъ.

Глава II.

Новая Зеландія. — Природа острововъ. — Чудеса Новой Зеландіи. — Татуированныя скалы — Кипящій вулканъ. — Природныя печи. — Растительность. — Фауна Новой Зеландіи. — Киви. — Моа. — Превращеніе Новой Зеландіи. — Первое посѣщеніе европейцевъ. — Недружелюбіе дикарей. — Маорисы. — Татуировка. — Религія. — Легенды маорисовъ. — Происхожденіе маорисовъ. — Деревни и обычаи жителей. — Взглядъ маорисовъ на людоедство. — Характеръ маорисовъ. — Оригинальный способъ привѣтствія. — Отношеніе къ европейцамъ. — Первые европейскіе поселенцы. — Торговля головами. — Войны. — Маорійскій Наполеонъ. — Вайтангскій договоръ. — Десятилѣтняя война. — Секта „Чау-Чау“. — Королевская земля. — Современное положеніе Новой Зеландіи.

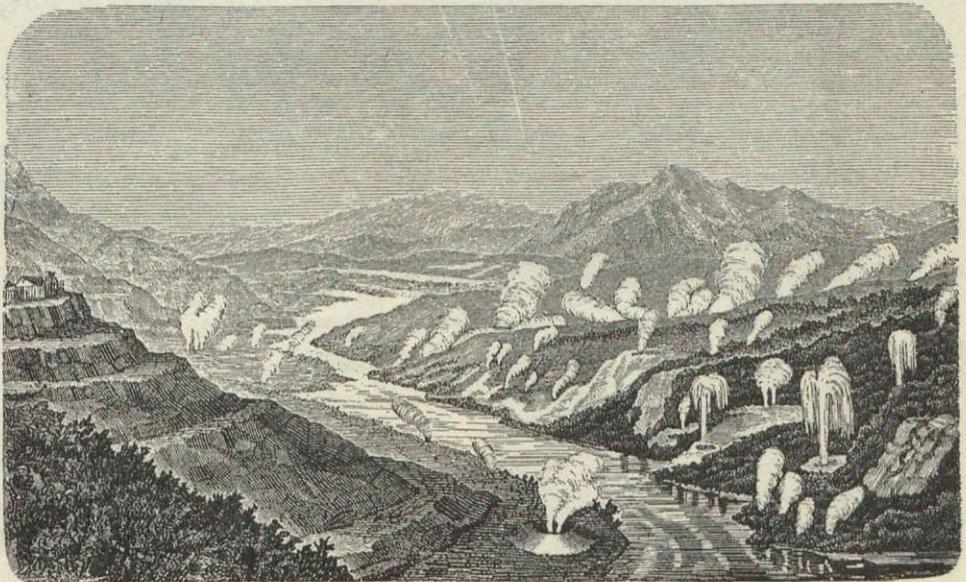
Въ отдаленіи отъ всѣхъ острововъ Тихаго океана и материка Австраліи лежитъ группа острововъ Новой Зеландіи. Эта группа состоитъ изъ двухъ большихъ острововъ и нѣсколькихъ маленькихъ. Путешественники находятъ, что эти острова напоминаютъ Италію съ Сициліей, и что Новая Зеландія, еще болѣе чѣмъ Италія, напоминаетъ своею формою сапогъ. Проливъ Кука раздѣляетъ оба главныхъ острова Новой Зеландіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ имѣетъ не болѣе трехъ географическихъ миль въ ширину. Но и въ другихъ отношеніяхъ Новая Зеландія похожа на Италію: она также богата вулканическими новообразованіями и дѣйствующими вулканами, и ее также перерѣзываетъ горная цѣпь. Новозеландскія Альпы ничѣмъ не отличаются отъ европейскихъ, ни своими ледниками, ни страшными обрывами, дикими ущельями и высотами, при видѣ которыхъ кружится голова и замираетъ сердце. Вулканы сѣвернаго острова, достигающіе линіи снѣговъ, сверкаютъ и искрятся своими бѣлоснѣжными вершинами, а рядомъ виднѣются темныя, зубчатая и мѣстами покрытыя снѣгами и льдомъ вершины Новозеландскихъ Альпъ. Путешественникъ останавливается пораженный чудною живописною картиною, которую представляютъ острова. Онъ видитъ дикія и грозныя въ своемъ величіи горы, удивительной красоты первобытныя лѣса и прелестныя, цвѣтушіе луга и поля, окружающіе дома колонистовъ. Но если онъ отправится во внутрь страны, гдѣ еще дѣйствуютъ вулканическія силы, то тамъ онъ встрѣтитъ чудеса, какихъ, пожалуй, и не видывалъ раньше. Такой удивительной красоты горячіе ключи, гейзеры, какіе находятся въ Новой Зеландіи, около озера Ротомагана, встрѣчаются только въ „Национальномъ Паркѣ“ въ Сѣверной Америкѣ, да еще въ Исландіи. Кипящая вода то высоко поднимается вверхъ, въ видѣ грандіозныхъ фонтановъ, то ниспадаетъ каскадами по террасамъ, которыя покрыты бѣлымъ и цвѣтнымъ слоємъ кремнезема.

Очертаніе береговъ Новой Зеландіи также замѣчательно. Съ юго-западной стороны

они изрѣзаны глубокими фіордами на подобіе Норвегіи, сѣверо-восточные же берега очень извилисты и образуютъ безчисленное множество небольшихъ бухтъ. Западная часть сѣвернаго острова отличается своими вулканическими свойствами. Почти въ центрѣ острова возвышается, покрытый снѣгомъ и вѣчно окутанный облаками, потухшій вулканъ Руапау. Хотя даже въ преданіяхъ туземцевъ не находится никакихъ указаній на его изверженіе, тѣмъ не менѣе туземцы всегда боялись его и считали „табу“ (священный). Недалеко отъ него находится дѣйствующій вулканъ Тонгариро, извергающій клубы дыма и пара; вокругъ него сосредоточены нѣсколько меньшихъ, тоже дѣйствующихъ вулкановъ. На сѣверѣ отъ этихъ двухъ большихъ вулкановъ лежитъ, около озера Таупо, группа маленькихъ потухшихъ вулкановъ, которыхъ туземцы называютъ женами и дѣтьми большихъ вулкановъ.

Но особенно замѣчательное мѣсто лежитъ къ сѣверу по теченію рѣки Вайтато. Тамъ рѣка течетъ въ очень узкомъ горномъ ущельи, образуемомъ вертикально стоящими скалами. Она бѣшено устремляется впередъ, черезъ пороги и камни, образуя пѣнящіеся водовороты, а по берегамъ,

по крайней мѣрѣ, на разстояніи полмили, вездѣ изъ земли поднимаются клубы пара. Вдругъ въ одномъ мѣстѣ начинаетъ бить струя воды на высоту 12—14 арш., образуя великолѣпный, кипящій фонтанъ, потомъ внезапно исчезаетъ. То же самое пов-

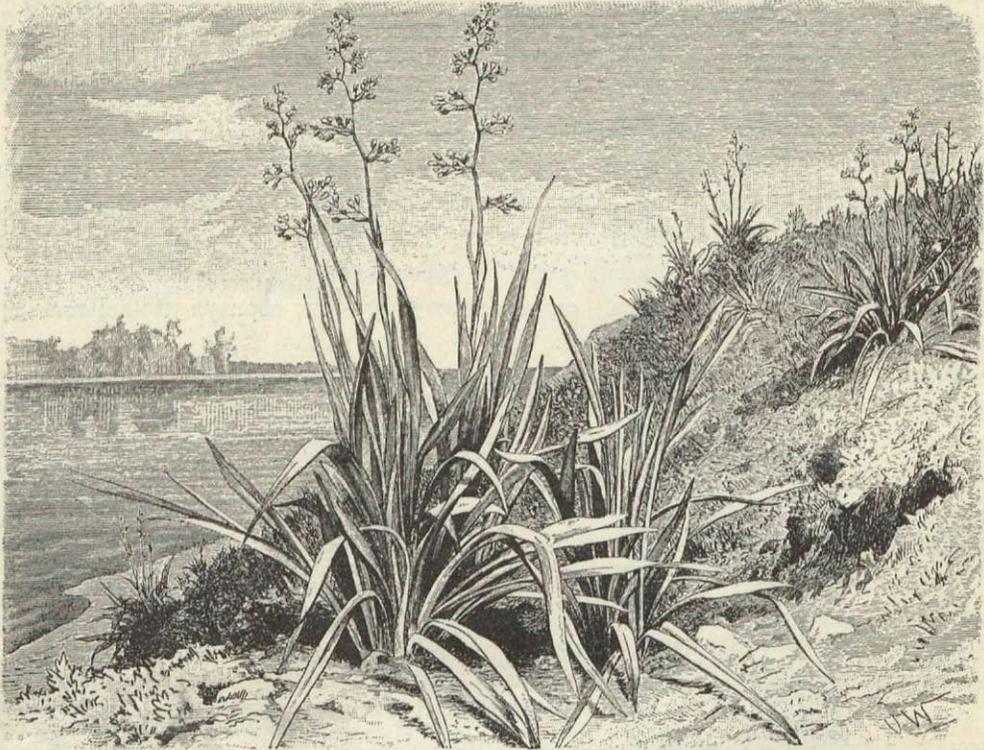

Рѣка Вайтато съ горячими источниками.

торяется въ другомъ мѣстѣ, иногда два-три фонтана бьютъ разомъ, такъ что по берегамъ постоянно шипятъ и кипятъ струи воды, высоко вздымаясь въ воздухъ. Земля по обѣимъ сторонамъ рѣки болѣе или менѣе пропитана горячими водяными парами, и поэтому посѣщеніе этой замѣчательной, величественной и красивой мѣстности сопряжено съ опасностями, такъ какъ легко провалиться въ кипящій иль.

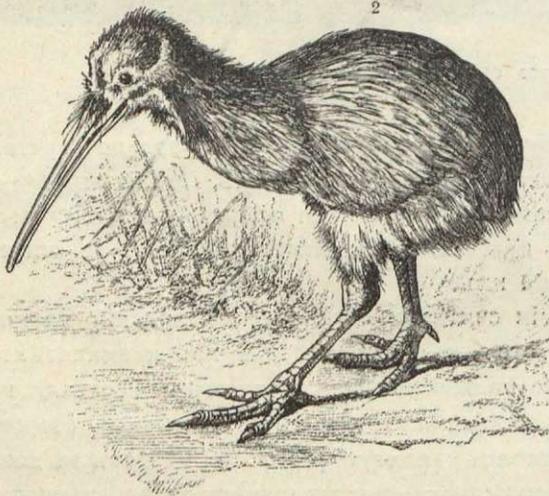
Самымъ большимъ чудомъ Новой Зеландіи считается, однако, исполинскій кипящій водяной вулканъ, по краямъ котораго спускаются къ озеру террасы изъ кремнистыхъ и известковыхъ осадковъ. Они такъ удивительно разнообразны, что туземцы прозвали ихъ „татуированными скалами“. Кипящій вулканъ возвышается на 25 метровъ надъ озеромъ. Кратеръ вулкана или его главный бассейнъ имѣетъ овальную форму, 25 метровъ въ длину и 18 въ ширину. Онъ до краевъ наполненъ совершенно чистою прозрачною водою, нѣсколько солоноватаго вкуса, которая имѣетъ чудный голубой цвѣтъ. До самыхъ краевъ бассейна температура воды 84° Ц., а въ серединѣ она представляетъ настоящій кипятокъ. Надъ бассейномъ постоянно стоятъ огромные клубы пара, какъ облака, и не позволяютъ окинуть его взоромъ. По словамъ туземцевъ, иногда вся масса воды выбрасывается изъ бассейна

подземною силой, и тогда бассейнъ стоитъ нѣкоторое время безъ воды, и можно видѣть его глубину, которая простирается, по крайней мѣрѣ, на десять метровъ, но затѣмъ, черезъ короткое время, онъ снова наполняется водой. Вся эта мѣстность изобилуетъ горячими

Новозеландскій ленъ.

ключами, и туземцы пользуются парами и кипяткомъ, выходящими изъ земли, чтобы готовить кушанье. Всюду для нихъ готова печка. Стоитъ выкопать ямку, очистить ее отъ сору, подстлать нѣсколько листьевъ папоротника, положить на нихъ мясо, картофель и

Киви.

т. п., потомъ прикрыть сверху такими же листьями и ждать, пока мясо не прожарится или не испечется картофель въ этой естественной печкѣ. Но за то въ этихъ мѣстахъ часто бываютъ несчастные случаи, и люди проваливаются въ кипящую тину. Новозеланды, обыкновенно, ставятъ на такихъ мѣстахъ памятники, для чего они погружаютъ до половины въ землю стволъ дерева или доску, а верхъ обтесываютъ на подобіе головы и плечъ. Климатъ Новой Зеландіи умѣренный, между лѣтомъ и зимой не существуетъ рѣзкой разницы. Это объясняется вліяніемъ океана. Климатъ сѣвернаго острова болѣе теплый и пріятный, а въ южной части южнаго острова

зимой и осенью бываетъ довольно холодно. Но, въ общемъ, климатъ острововъ поразительно здоровый и бодрящій, и смертность среди жителей весьма невелика. Благодаря теплотѣ и влажности климата, Новая Зеландія имѣетъ весьма роскошную

и разнообразную растительность. Характерным новозеландским растением является древовидный папоротник и, в Новой Зеландии, имеется до 130 видов этого растения. Новозеландская сосна каура, нигде не встречающаяся, кроме Северного острова, достигает иногда 60 метров высоты и доставляет драгоценную смолу, которая употребляется для выделки лака. Но, к сожалению, сосну эту немилосердно вырубают, так как она доставляет превосходный строительный лес, и лишь теперь, после того как истребили уже целые леса, стали снова заботиться о насаждении их. К специальным растениям Новой Зеландии принадлежит также новозеландский лен, дающий пряжу, — красивое растение, которое у нас удается разводить только в оранжереях. Но, само собою разумеется, что, с появлением европейцев, флора Новой Зеландии потеряла свой самобытный характер и появилось множество европейских растений, которые превосходно акклиматизировались в теплом и влажном климате островов.

Фауна Новой Зеландии резко отличается от австралийской. В Новой Зеландии нет совсем сумчатых животных. Из млекопитающих евро-

пейцы
нашли
здесь
только
особен-
ный
вид
кры-

сы, летучей мыши и собак. Но за то класс птиц оказался очень разнообразным, и несколько видов встречаются исключительно только в Новой Зеландии. Особенно замечательна «Киви» или безкрыль. Это — птица, величиною с обыкновенную курицу, покрытая пухом, вместо перьев, и лишенная крыльев и хвоста, а поэтому совершенно беззащитная. Именно вследствие своей беззащитности птица эта ведет ночной образ жизни, а днем прячется в углублениях скал, в земляных норах или дуплах. Только с наступлением темноты эта бедная птичка решается выйти за кормом. Однако, киви становится уже теперь большою редкостью, и ее можно найти только в отдаленных округах Новой Зелан-

Молодая девушка из племени Маори.

Женщина из племени Маори с ребенком.

діи. Вѣроятно, этотъ видъ скоро исчезнетъ совсѣмъ, подобно тому, какъ исчезла исполнская птица Моа, изъ породы страусовъ, которая водилась въ Новой Зеландіи. Остатки костей и скелеты этихъ птицъ были найдены въ пещерахъ и по берегамъ озеръ и болотъ. Когда одинъ изъ миссіонеровъ въ первый разъ привезъ въ Англію кость этой птицы, то по величинѣ и крѣпости ее принимали за воловью. Когда же былъ найденъ болѣе или менѣе полный скелетъ моа, то удалось установить приблизительно, что птица была ростомъ около трехъ метровъ. Найденныя же яичныя скорлупы, почти цѣликомъ сохранившіяся, указываютъ, что яйца этой птицы имѣли въ длину около 7-ми вершковъ, а въ поперечникѣ 5 съ половиной и, слѣдовательно, въ объемѣ болѣе 16¹/₂ вершковъ.

Огромное количество костей этой птицы, находимое въ Новой Зеландіи, а также рассказы туземцевъ позволяютъ вывести заключеніе, что прежде огромныя стаи моа населяли острова Новой Зеландіи. Мѣстонахожденіе костей указываетъ, что эта порода птицъ была истреблена сравнительно не такъ давно, можетъ быть, всего лишь нѣсколько болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Въ прежнее же время, вѣроятно, всѣ долины, лѣса и пещеры Новой Зеландіи были наполнены моа, которыя служили пищей для племенъ, переселившихся въ Новую Зеландію. Истребленію этихъ птицъ, съ исчезновеніемъ которыхъ туземцы лишались животной пищи, приписывается появленіе и распространеніе между ними людоедства.

Разумѣется съ поселеніемъ европейцевъ въ Новой Зеландіи фауна острововъ претерпѣла измѣненія. Появились новые виды дикихъ и домашнихъ животныхъ, завезенные туда изъ Европы. Теперь уже колонисты, поселившись въ Новой Зеландіи, встрѣчаютъ тамъ такихъ же домашнихъ и дикихъ животныхъ и слышать щебетанье и пѣніе тѣхъ же самыхъ птицъ, какихъ онъ привыкъ видѣть и слышать въ своемъ отечествѣ. Онъ видитъ поля, лѣса и зданія совершенно такія, какія имъ были покинуты въ другомъ полушаріи. Новая Зеландія перестала быть дикою страной, и на это превращеніе понадобилось немного болѣе полстолѣтія.

Новая Зеландія была также открыта голландскимъ мореплавателемъ Тасманомъ, въ 1642 году. Онъ отправился отыскивать „южный“ материкъ и набрелъ на южный островъ Новой Зеландіи. Его люди, посланные за прѣсной водой, вернулись къ ночи, преслѣдуемые двумя пирогами, которыя были наполнены дикарями. Вообще дикари выказали большую свирѣпость и убили четверыхъ матросовъ, такъ что Тасманъ поспѣшилъ оставить негостепримный берегъ. И только спустя 125 лѣтъ послѣ этого острова Новой Зеландіи посѣтилъ Кукъ, который провелъ шесть мѣсяцевъ около Новой Зеландіи и сдѣлалъ съемку ея береговъ. Но и ему пришлось имѣть не мало столкновеній съ дикарями населявшими острова. Его первыя попытки начать съ ними мѣновую торговлю были не удачны; дикарей не прельщали ни стеклярусъ, ни бусы, ни желѣзные гвозди, которые онъ предлагалъ имъ, и они желали получить только оружіе, которое пытались даже нѣсколько разъ отнять силой у европейцевъ. Однакожъ мало по малу Куку удалось все таки преодолѣть недовѣрчивость дикарей и совершить нѣсколько экскурсій во внутрь острова. Онъ узналъ, что туземцы называютъ себя „Маори“, что они живутъ въ деревняхъ, окруженныхъ валами и палисадами, для защиты отъ враговъ, и что ихъ прочныя и большія хижины построены изъ дерева, и хотя употребленіе желѣза имъ было неизвѣстно, но дома ихъ были украшены чрезвычайно красивою и тонкою рѣзьбой, внутри которыхъ стѣны увѣшаны циновками, а полы устланы тростниковыми коврами.

Почти на каждомъ домѣ можно было видѣть человѣческія рѣзныя изображенія. Это были портреты давно умершихъ предковъ, которые охраняли домъ и семью. Маорисы удивляли европейскаго путешественника своимъ искусствомъ плетенія и выдѣлыванія тонкихъ и мягкихъ тканей изъ новозеландскаго льна. Красивые туземцы Новой Зеландіи не имѣли никакого сходства съ несчастными чернокожими и грязными обитателями австралійскаго материка, издающими притомъ крайне непріятный запахъ. Нѣкоторые изъ маорисовъ были

Патарагури, вождь племени Маори.

высокаго роста, но всѣ вообще были сильно и красиво сложены, имѣли правильныя черты лица и необыкновенно гордый и пронизательный взглядъ. Между женщинами попадались настоящія красавицы, цвѣтъ лица которыхъ былъ довольно свѣтлый. Тѣло маорисовъ было татуировано необыкновенно искуснымъ образомъ, и въ этомъ искусствѣ съ ними не могли сравниться никакія другія племена. Татуировка замѣняла имъ одежду, которая въ жаркомъ климатѣ казалась совершенно лишней, и это искусство украшенія тѣла доведено было маорисами до высокой степени совершенства. Татуировкой занимались особенные спеціалисты, работа которыхъ цѣнилась очень дорого, и къ которымъ стекались со всѣхъ концовъ острова кліенты, желавшіе разукрасить свое тѣло. Каждый маорисъ непремѣнно считалъ своимъ долгомъ перенести эту болѣзненную операцію, такъ какъ у этого племени существовало убѣжденіе, что татуированный человѣкъ никогда не сдѣлается рабомъ, и его девизомъ будетъ „Свобода или смерть!“. Конечно, всего тѣла нельзя было сразу татуировать, потому что татуированныя мѣста сильно болятъ и припухаютъ, по этой причинѣ татуировка всегда производилась постепенно и продолжалась довольно долго. По рассказамъ маорисовъ, только одинъ молодой вождь велѣлъ сразу татуировать себѣ все тѣло и умеръ, какъ только была проведена на его тѣлѣ послѣдняя черта.

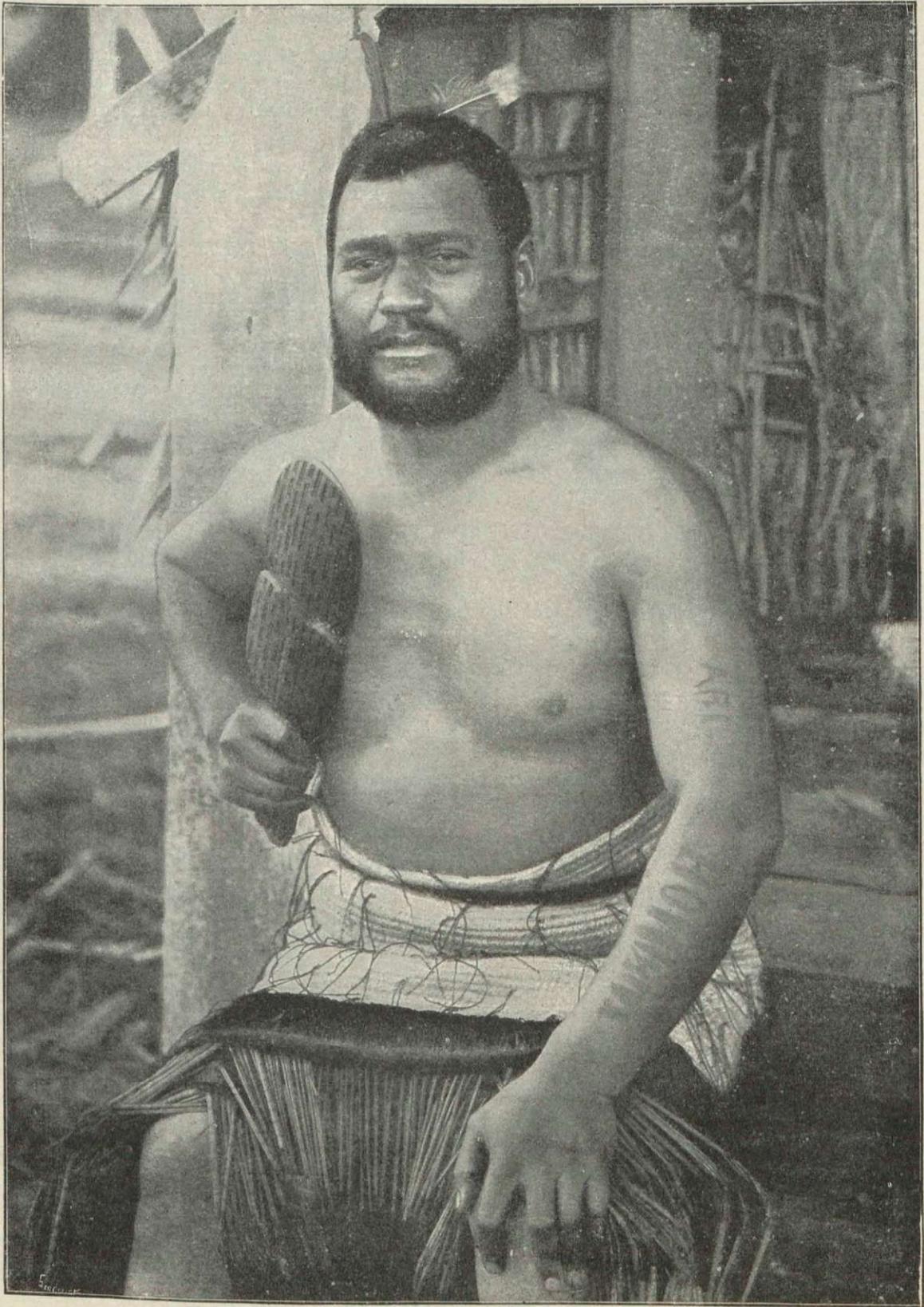
Маорисы производили татуировку посредствомъ накалыванія и для этого пользовались маленькимъ долотомъ, сдѣланнымъ изъ крѣпкой рыбьей кости. Женщины татуировали себѣ только руки, подбородокъ, уши и губы, вслѣдствіе чего англичане и прозвали ихъ „синегубыми“.

Религія маорисовъ, подобно религіи всѣхъ другихъ полинезійскихъ племенъ, была вѣрованіемъ въ силы природы, которое связывалось съ почитаніемъ душъ предковъ. Они обоготворяли солнце, землю, море, представляя ихъ себѣ въ видѣ могущественныхъ духовъ. Кромѣ того, у маорисовъ, какъ у всѣхъ полинезійцевъ, существовало обыкновеніе признавать нѣкоторые предметы и мѣстности неприкосновенными и священными—„табу“. Главное божество называлось у нихъ „Мауи“. Это былъ великій новозеландскій воинъ, совершившій, подобно Геркулесу, множество подвиговъ. Маорисы говорили, что онъ ихъ научилъ строить дома и лодки и всему остальному. Онъ былъ властителемъ воды и огня, воздуха и неба. У маорисовъ существуетъ слѣдующее сказаніе о томъ, какъ онъ вытащилъ изъ моря землю, точно какую-нибудь рыбу.

Мауи имѣлъ пять братьевъ. Всѣ они были рыбаки и съ утра до вечера плавали по морю и ловили рыбу, а онъ сидѣлъ дома и ничего не дѣлалъ, за что ему порядкомъ доставалось отъ родныхъ. Но однажды онъ объявилъ своимъ братьямъ, что отправится съ ними на рыбную ловлю и поймаетъ такую огромную рыбу, какую имъ не съѣсть въ теченіе всей своей жизни. Братья, считавшіе Мауи чародѣемъ, ни за что не хотѣли пускать его въ свою лодку, но онъ схитрилъ, превратился въ маленькую птичку и усѣлся на кормѣ, и только въ открытомъ морѣ принялъ свой обыкновенный образъ.

Когда лодка далеко зашла въ открытое море, то Мауи объявилъ своимъ братьямъ, что будетъ ловить рыбу. У него былъ чудесный крючокъ, сдѣланный изъ челюсти его дѣда. Братья, боявшіеся его чаръ, не хотѣли ему дать приманки для рыбы, но это не остановило Мауи; онъ ударилъ себя кулакомъ по лицу, и кровь потекла у него изъ носа. Этою кровью онъ напиталъ волокна льна и сдѣлалъ изъ нихъ приманку. Спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ онъ бросилъ въ море свою приманку, что-то клюнуло съ такою силой, что братья испугались и стали кричать Мауи, чтобы онъ выпустилъ свою добычу, не то перевернется лодка. Но Мауи не смутился ихъ криками и отвѣтилъ: „Что Мауи держитъ въ рукахъ, того онъ уже не выпуститъ!“. Съ той поры эти слова вошли въ поговорку.

Мауи продолжалъ тащить веревку и, наконецъ, вытащилъ землю. Онъ объявилъ братьямъ, что земля эта называется „Отыскиваемая земля“. Тогда братья Мауи стали отнимать другъ у друга эту землю, и вслѣдствіе этого на ней произошли разныя неровности

Портити, вождь племени Маори.

и возвышенія. Маорисы увѣряли, что пирога, на которой Мауи ловилъ рыбу, до сихъ поръ лежитъ на верхушкѣ самой высокой горы Новой Зеландіи.

Жрецы и колдуны у маорисовъ, какъ и у всѣхъ дикихъ народовъ, пользовались большимъ вліяніемъ, но маорисы были убѣждены, что каждый человѣкъ, если только онъ будетъ знать всѣ заклинанія, можетъ повелѣвать силами природы, и поэтому ихъ священные гимны природѣ носятъ характеръ не моленій, а скорѣе приказаній. Европейскимъ колонистамъ не разъ случалось убѣждаться въ этомъ, когда они отправлялись въ спасное плаваніе на утлой пирогѣ маориса: когда разыгрывалась буря на морѣ, и волненіе становилось сильнѣе, маорисъ подымался во весь ростъ въ лодкѣ и приказывалъ вѣтру и волнамъ стихнуть. Разумѣется, природа далеко не всегда подчинялась такому приказанію, и маорисъ платилъ жизнью за свою безумную увѣренность, что онъ можетъ подчинить себѣ силы природы.

Кромѣ сказаній о Мауи и его подвигахъ, у маорисовъ существуетъ еще много другихъ легендъ. Въ одной изъ нихъ разсказывается о переселеніи маорисовъ въ Новую Зеландію. Маорисы—настоящіе полинезійцы. Ихъ обычаи, легенды, религіозныя понятія и т. д.—все указываетъ на ихъ одинаковое происхожденіе съ обитателями другихъ острововъ Полинезіи. Языкъ маорисовъ до сихъ поръ сохраняетъ большое сходство съ языкомъ полинезійскихъ островитянъ, такъ что, хотя маорисы въ теченіе многихъ столѣтій не видались со своими единоплеменниками и не входили съ ними въ сношенія, тѣмъ не менѣе они свободно понимаютъ другъ друга. Наружностью и характеромъ они также похожи на другихъ полинезійцевъ и также любятъ войну и всякаго рода физическія упражненія.

По существующему у нихъ преданію, предки ихъ должны были покинуть свои родные острова, которые они называли „Гавайки“, и отправились искать себѣ пристанища гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Первые переселенцы высадились въ Новой Зеландіи подъ предводительствомъ вождя Нигауе, вѣроятно, послѣ довольно долгаго странствованія по океану, такъ какъ Новая Зеландія находится далеко отъ другихъ группъ острововъ. Но полинезійцы, вообще, были отважными мореплавателями и не боялись пускаться въ отдаленныя плаванія на своихъ двойныхъ лодкахъ, соединенныхъ палубою, на которой было устроено крытое помѣщеніе. Иногда такія лодки достигали 160 футовъ длины, и полинезійцы отправлялись въ продолжительное плаваніе, брали съ собою запасы воды въ тыквенныхъ бутылкахъ и гищу. Особенную пользу приносили имъ въ такихъ случаяхъ кокосовые орѣхи, которые заключали въ своей скорлупѣ и пищу, и питье.

Какъ разсказываетъ маорійская легенда, Нигауе долго плавалъ по океану, пока не присталъ къ острову, который ему чрезвычайно понравился. Въ рѣкахъ острова оказалось много рыбы, а въ лѣсахъ водилась огромная птица „моа“ въ большомъ количествѣ. Нигауе такъ понравился на этомъ островѣ, что онъ навсегда тамъ остался, и ни онъ, ни его потомки больше не возвращались на Гавайки.

Гдѣ находился этотъ легендарный островъ, откуда явились переселенцы въ Новую Зеландію,—съ точностью неизвѣстно. Думаютъ, что это былъ одинъ изъ острововъ архипелага Тонга (Дружбы), наиболѣе близкаго къ Новой Зеландіи. Переселеніе совершилось не сразу. Въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ Новой Зеландіи высаживались на берегъ партіи переселенцевъ Маори (слово это значитъ: племя, потомство) и устраивали свои деревни. У маорисовъ сохранились даже воспоминанія о томъ, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ причалила къ берегу та или другая пирога. На основаніи преданій маорисовъ можно было даже приблизительно вычислить, что переселеніе ихъ въ Новую Зеландію произошло около 600 лѣтъ тому назадъ.

Такимъ образомъ въ Новой Зеландіи образовались поселенія маорисовъ, совершенно независимыя другъ отъ друга. Каждый родъ или племя владѣло нераздѣльно землей, на которой находились ихъ поселенія, и маорисы готовы были съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои права на занимаемую ими землю; но земля не считалась собственностью начальника

Женщина изъ племени Маори.

племени, а всякій мужчина, женщина и даже ребенокъ имѣли право на землю, принадлежащую племени. Каждый могъ пользоваться незанятою землей и обрабатывать ее. Поле, дома, оружіе, инструменты, запасы пищи и одежда—все это, однако, считалось личною собственностью маориса, на которую никто не могъ посягать. Въ силу необходимости, маорисы должны были все готовить для себя сами изъ имѣющихся подъ рукой матеріаловъ. Они сами строили свои дома, лодки и изготовляли оружіе. Торговлей они не занимались, и племена только обмѣнивались между собою подарками; но благодаря этому обыкновенію, тѣ племена, которыя жили внутри страны, могли получать сушеную морскую рыбу, доставляемую имъ прибрежными жителями.

Главнымъ занятіемъ маорисовъ были земледѣліе и рыбная ловля. Пока въ Новой Зеландіи водились еще гигантскія птицы моа, маорисы охотились на нихъ, и эта птица составляла для нихъ главную животную пищу. Но когда моа были истреблены, то недостатокъ животной пищи вызвалъ среди маорисовъ развитіе людоедства, которое, впрочемъ, существовало и раньше, какъ религіозный и военный обычай. Маорисы съѣдали сердце и глаза своихъ павшихъ враговъ; первоначальною причиною людоедства, вѣроятно, была месть и убѣжденіе, что, посредствомъ пожирания нѣкоторыхъ частей тѣла врага, передается его храбрость. Впослѣдствіи, однако, употребленіе человѣческаго мяса вошло въ привычку, и маорисы перестали довольствоваться тѣлами своихъ павшихъ враговъ, а начали пожирать и своихъ рабовъ. Такъ какъ племена маорисовъ почти непрерывно воевали другъ съ другомъ, проявляя при этомъ необычайную храбрость и хитрость, то въ человѣческомъ мясѣ у нихъ никогда не было недостатка. Маорисы не видѣли ничего дурного въ людоедствѣ, и когда явившіеся въ Новую Зеландію миссіонеры стали доказывать имъ, что это очень дурно, то они съ удивленіемъ возражали имъ: „Вѣдь большія рыбы пожираютъ маленькихъ рыбъ, собаки пожираютъ людей, люди пожираютъ собакъ, собаки пожираютъ другъ друга, птицы пожираютъ другъ друга и боги поступаютъ также. Почему же люди не должны такъ поступать?“.

Времена эти прошли, и теперешнее поколѣніе маорисовъ слушаетъ, какъ сказку, рассказы о каннибальскихъ пиршествахъ своихъ предковъ. Эмиль Юнгъ рассказываетъ слѣдующій фактъ: старый маорійскій вождь, проходя съ однимъ юнымъ маорисомъ мимо бывшаго маорійскаго военного укрѣпленія, началъ вспоминать былыя времена и сказалъ юношѣ: „Смотри, вонъ тамъ мы поймали твоего отца и убили его, а здѣсь мы его сварили и съѣли“. Юноша съ самымъ равнодушнымъ видомъ слушалъ эти рассказы, и это не мѣшало ему спать въ одной палаткѣ со старымъ людоедомъ и ѣсть съ нимъ изъ одного горшка.

Черепя враговъ составляли лучшую добычу маорисовъ. Они украшали ими свои хижины, и поэтому маорисъ первымъ дѣломъ отрѣзывалъ голову своему павшему въ сраженіи врагу и съ триумфомъ приносилъ ее домой.

Когда европейцы въ Сиднеѣ стали покупать головы маорисовъ для коллекцій и особенно дорого платили за татуированныя головы, то въ Новой Зеландіи возникла настоящая охота за головами, и только строгія мѣры губернатора Сиднея, воспретившаго эту торговлю, прекратили эту ужасную промышленность.

Однако, маорисы, проявлявшіе такую жестокость къ врагамъ и бывшіе отъявленными людоедами, не находили все таки удовольствія въ пыткахъ враговъ, и хотя убивали и пожирали ихъ на своихъ пиршествахъ, но не подвергали ихъ предварительно изысканнымъ мученіямъ, какъ это дѣлали, напр., сѣверо-американскіе индѣйцы. Маорисы даже выказывали порою рыцарскія качества, напр.: они увѣдомляли непріятеля о днѣ нападенія или же доставляли пищу осаждаемымъ врагамъ, для того, чтобы борьба происходила при болѣе равныхъ условіяхъ. Вообще, война въ ихъ глазахъ была необыкновенно важнымъ и достойнымъ дѣломъ, и каждый изъ нихъ стремился стяжать себѣ славу военными подвигами. Когда имъ пришлось вступить въ борьбу съ англичанами и защищать отъ нихъ свою землю, то маорисы доказали, что не уступаютъ имъ въ мужествѣ и отвагѣ. Не разъ англичанамъ прихо-

дилось терпѣть пораженія, несмотря на свое усовершенствованное вооруженіе, и одну изъ крѣпостей маорисовъ англійскій генераль, во главѣ четырехъ-тысячнаго войска, тщетно пытался принудить къ сдачѣ. Осаждашіе подверглись избиенію и вынуждены были отступить.

Кромѣ храбрости и отваги, которыми отличаются маорисы, а также полного отсутствія у нихъ раболѣпства, миссіонеры, изучившіе ихъ характеръ, хвалятъ и другія ихъ качества: гостепрѣимство, необычайную вѣжливость въ обращеніи, очень развитое художественное чувство и блестящія ораторскія дарованія. Въ отношеніи честности они стояли выше другихъ полинезійцевъ, и воровство представляло у нихъ рѣдкое явленіе. Но за то у нихъ много было другихъ непривлекательныхъ сторонъ; они были коварны и жестоки, и измѣну во многихъ случаяхъ считали добродѣтелью. Европейцевъ отталкивала также ихъ нечистоплотность

Семья маорисовъ.

Женщины маорисовъ занимали болѣе низкое положеніе, нежели мужчины, но не подвергались такому безчеловѣчному обращенію, какъ у австралійцевъ и папуасовъ. Онѣ принимали участіе во всѣхъ семейныхъ и общественныхъ пиршествахъ, въ военныхъ совѣщаніяхъ, и дѣти слушали мать столько же, сколько и отца. Жены сопровождали своихъ мужей на войну и старались возбуждать ихъ мужество.

У маорисовъ не существовало никакого государственнаго устройства. Каждое племя было независимымъ и имѣло своихъ вождей, и между отдѣльными племенами происходили постоянныя войны, часто затѣваемые только ради того, чтобы добыть головы для украшенія своихъ хижинъ и тѣла для съѣденія. Народъ раздѣлялся на двѣ касты: свободныхъ и рабовъ. Рабами были военноплѣнные, жизнь которыхъ была пощажена; они должны были исполнять всѣ наиболѣе тяжелыя работы, но маорисы обращались съ ними не дурно. Только одно должно было отравлять существованіе несчастныхъ рабовъ—мысль, что они могутъ быть съѣдены во всякое время, какъ только ихъ господа пожелають полакомиться человѣческимъ

мясомъ. Званіе вождя племени, „Арики“, было наслѣдственнымъ и всѣ родственники Арики занимали среди племени высокое положеніе. Конечно, вождь отличался своимъ костюмомъ и украшеніями, и домъ его всегда былъ лучше разукрашенъ, чѣмъ дома другихъ жителей. Однако, власть вождей была вовсе не велика, и они не могли требовать послушанія ни отъ одного изъ членовъ своего племени, и только рабы безпрекословно повиновались имъ. Поэтому то, когда англичане вступали въ какую нибудь сдѣлку съ вождями, то остальные маорисы вовсе не считали эту сдѣлку для себя обязательной, что и бывало причиной многихъ недоразумѣній и даже войнъ между колонистами и туземцами.

На развитое поэтическое чувство у маорисовъ указываютъ ихъ безчисленныя легенды и пѣсни, а также всевозможные преданія и миѣы, объясняющіе различныя явленія природы. Маорисы обладаютъ цѣлою литературой, которая передавалась устно, и среди нихъ находятся прекрасные ораторы и рассказчики, собирающіе около себя толпу слушателей. Маорисы большіе охотники до танцевъ, сопровождающихся пѣніемъ, причѣмъ они поражаютъ необычайною ловкостью и быстротою своихъ движеній. Самый замѣчательный—это военный танецъ маорисовъ, который исполняется ими съ особеннымъ увлеченіемъ.

У маорисовъ существовалъ также довольно оригинальный способъ привѣтствія: вмѣсто того, чтобы подавать другъ другу руки, они прикасались своими носами. Этотъ способъ привѣтствія назывался „хонги“. Люди, долго не видѣвшіеся другъ съ другомъ, при встрѣчѣ прежде всего разражались рыданіями, жалобами и даже нанесеніемъ себѣ ранъ. Этимъ они выражали скорбь по тѣмъ друзьямъ, которые умерли во время ихъ разлуки, и только выполнивъ этотъ долгъ, они могли безъ зазрѣнія предаться радости свиданія.

Таковы были племена, которыхъ Кукъ нашель въ Новой Зеландіи, когда впервые высадился на этихъ островахъ. Вернувшись въ Англію изъ своего перваго путешествія въ 1771 году, онъ съ восторгомъ говорилъ о найденной группѣ острововъ, объ ихъ превосходномъ климатѣ, вѣчно зеленыхъ лѣсахъ и плодородной почвѣ. Его описанія были такъ увлекательны, что возникла даже мысль объ устройствѣ въ Новой Зеландіи колоніи для ссылки преступниковъ, но отъ осуществленія этого намѣренія останавливало то обстоятельство, что Кукъ, расхваливая Новую Зеландію, не могъ все таки скрыть, что ея населеніе отличается жестокостью, храбростью и мстительностью, и что всѣ новозеландцы—людоѣды. Впрочемъ, въ первое свое путешествіе онъ узналъ объ этомъ только изъ рассказовъ самихъ же дикарей; самъ онъ не могъ убѣдиться въ справедливости этихъ рассказовъ, и только во время своего втораго путешествія въ Новую Зеландію, когда между англичанами и маорисами произошли несогласія, по винѣ англичанъ, Кукъ убѣдился воочію, что новозеландцы—людоѣды; они отняли одну изъ лодокъ, вмѣстѣ съ находившимися въ ней десятью матросами, перебили ихъ и съѣли. Несмотря, однако, на такой печальный опытъ, Кукъ все таки водрузилъ англійское знамя въ Новой Зеландіи и доказывалъ, что эту землю можно колонизовать. Но прошло много времени, прежде чѣмъ началась правильная колонизація Новой Зеландіи, хотя въ этотъ промежутокъ уже успѣли завязаться сношенія между новозеландцами и европейцами, и китоловныя суда часто появлялись у новозеландскихъ береговъ. Однако, европейцы не заводили въ Новой Зеландіи постоянныхъ поселеній, опасаясь воинственныхъ туземцевъ. Дѣйствительно, исторія колонизаціи Новой Зеландіи особенно богата кровавыми эпизодами, отчасти благодаря неумѣнью и безтактности европейцевъ, не желавшихъ признавать за дикарями никакихъ человѣческихъ правъ.

Вскорѣ послѣ перваго путешествія Кука Новую Зеландію посѣтили французы, но ихъ попытки завязать сношенія съ туземцами окончились неудачей, вслѣдствіе необузданнаго поступка французскаго капитана де Сюрвалля, который, чтобы наказать дикарей за то, что они завладѣли его лодкой, пригнанной теченіемъ къ берегу, велѣлъ сжечь ихъ деревню и лодки, истребить посѣвы, и увезъ въ качествѣ плѣнника одного вождя. Этимъ они возбу-

дили мстительность дикарей, относившихся сначала очень дружелюбно къ чужестранцамъ, и положили начало непримиримой враждѣ. За его несправедливый поступокъ особенно жестоко поплатились французскіе капитаны Маріонъ ди Френъ и Крозе, которые высадились на этомъ же самомъ мѣстѣ, спустя три года послѣ посѣщенія де Сюрвалля. Маріонъ ди Френъ былъ завлеченъ въ западню вмѣстѣ съ 14-ю матросами и погибъ, послѣ чего Крозе сжегъ нѣсколько деревень и перестрѣлялъ много туземцевъ въ отмщеніе за смерть своихъ товарищей. Сюрвалль положилъ начало кровавому возмездію, которое и принесло дальнѣйшіе плоды. Разумѣется, французы не рѣшались послѣ этого устраивать поселеніе въ Новой Зеландіи.

Съ англичанами дѣло шло нѣсколько лучше. Отъ времени до времени у береговъ Новой Зеландіи останавливались китоловныя суда, и завязывалась мѣновая торговля между туземцами и матросами. Нѣкоторые изъ матросовъ даже настолько плѣнились красотой маорійскихъ дѣвушекъ, что женились на нихъ и, покинувъ свои корабли, остались жить въ Новой Зеландіи. Это были „первыя европейскіе колонисты“, къ которымъ присоединились впоследствии разные отважные искатели приключеній и бѣглые преступники. Эти люди основали первое поселеніе въ Новой Зеландіи „Корорарека“, и когда вѣсть объ этомъ дошла до Новаго Южнаго Уэльса, то тамъ нашлось много охотниковъ послѣдовать ихъ примѣру и искать счастья въ новой странѣ. Вскорѣ въ разныхъ мѣстахъ острова появились поселенія бѣлыхъ; но, къ сожалѣнію, это были, большею частью, нравственно испорченные, огрубѣлые люди, отъ которыхъ нельзя было ожидать хорошаго вліянія на дикарей. Умные маорисы, однако, скоро сообразили, какія выгоды они могутъ извлечь изъ своего сосѣдства съ бѣлыми колонистами. Они научились у нихъ лучше и быстрѣе строить свои дома, узнали употребленіе различныхъ инструментовъ и научились воздѣлывать поля. За это они прощали колонистамъ и не мстили имъ за ихъ дурныя поступки и несправедливость. Когда Кукъ впервые посѣтилъ Новую Зеландію, то туземцы еще находились въ каменномъ вѣкѣ, но смѣтливые, способные маорисы очень скоро поняли преимущество желѣза и замѣнили свои каменные топоры и ножи желѣзными. Особенно высоко цѣнили они огнестрѣльное оружіе, и ничего не жалѣли, чтобы только достать его.

Мало по малу, воспоминаніе о кровавыхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ первыя столкновенія маорисовъ съ европейцами, изгладилось, и страхъ попасть на зубы туземцамъ ослабѣлъ настолько, что число европейскихъ переселенцевъ въ Новой Зеландіи стало возрастать очень быстро, и завязалась довольно оживленная торговля между Сиднеемъ и Корорарекой. Въ Новую Зеландію привозились разные предметы: шерстяныя одѣяла, старыя ружья, топоры, порохъ, табакъ и т. п. Европейцы познакомили маорисовъ съ употребленіемъ рома и стали ввозить его. Въ обмѣнъ за эти предметы они получали отъ маорисовъ продукты земледѣлія и главное—новозеландскій ленъ. Впрочемъ, къ этимъ товарамъ присоединился скорѣе еще одинъ, довольно странный предметъ торговли—человѣческія головы. Бѣлые торговцы стали скупать у маорисовъ особеннымъ образомъ приготовленныя и прокопченныя головы, для продажи въ европейскіе музеи. Увлеченные жаждою наживы, маорисы часто убивали другъ друга только для того, чтобы имѣть возможность продать европейцамъ головы и, разумѣется, такая торговля не могла способствовать смягченію нравовъ.

Между тѣмъ маорисы, слѣдуя своей врожденной страсти къ путешествіямъ, начали ѣздить въ Новый Южный Уэльсъ на европейскихъ корабляхъ, и такъ какъ у нихъ не было ни денегъ, ни драгоценностей, чтобы заплатить за проѣздъ, то они нанимались матросами на корабли и платили за переѣздъ работой. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что они всегда въ точности исполняли приказанія капитановъ и не старались увильнуть отъ работы. Но, къ сожалѣнію, сами капитаны нарушали условіе и, вообще, позволяли себѣ большія несправедливости съ беззащитными дикарями, что, разумѣется, способствовало развитію ненависти маорисовъ къ европейцамъ. Особенно отличался въ этомъ отношеніи одинъ англійскій капи-

тань, которому, однако, пришлось за это дорого поплатиться. Маорисы хитростью напали на корабль и перебили всѣхъ. Всего погибло при этомъ семьдесятъ человекъ, и всѣ они, до одного, были съѣдены!

Такимъ образомъ, сношенія съ европейцами не оказали благотѣльнаго вліянія на маорисовъ, и они сохранили свою прежнюю кровожадную дикость. Даже миссіонеры, основавшіе свои поселенія въ Новой Зеландіи, очень долго не имѣли никакого успѣха. Но дѣлу цивилизаціи, въ особенности, помѣшали страшныя войны, которыя свирѣпствовали въ Новой Зеландіи въ теченіе почти 20 лѣтъ, съ 1820 по 1840 гг. и залили страну потоками крови. Виновникомъ этого кровопролитія былъ одинъ молодой, и подававшій большія надежды, ученикъ миссіонеровъ—Гонги, вождь одного племени маорисовъ, который, вмѣстѣ съ другими, былъ отправленъ въ Лондонъ, чтобы помогать профессору Ли при переводѣ Библии на языкъ маорисовъ. Въ Лондонѣ Гонги имѣлъ большой успѣхъ. Англичане чествовали его и восхищались его гордымъ видомъ и царственно-величественными манерами. Конечно, богатство и могущество европейскаго государства, а также блескъ королевской короны произвели на Гонги неизгладимое впечатлѣніе, но результаты этого получились совсѣмъ иные, чѣмъ рассчитывали миссіонеры.

Желаніе прославиться не давало покоя честолюбивому вождю маорисовъ, и когда онъ узналъ исторію завоеваній Наполеона, то плѣнился его военными подвигами и задумалъ подражать ему. Гонги былъ огорченъ, что король Георгъ IV не исполнилъ его просьбы и не снабдилъ его огнестрѣльнымъ оружіемъ и военными припасами. Однако, Гонги вышелъ изъ затрудненія. На обратномъ пути, при переѣздѣ черезъ Сидней, Гонги распродалъ всѣ полученные въ Англіи подарки и на вырученныя деньги накупилъ всякаго оружія и военныхъ снарядовъ. По возвращеніи, онъ тотчасъ же началъ приводить въ исполненіе свой планъ; онъ собралъ войско въ 3,000 человекъ; причемъ, сто изъ нихъ были вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ, и началъ свои завоеванія. Несмотря на свое пребываніе въ Англіи, чтеніе Библии и знакомство съ европейской исторіей, Гонги остался такимъ же кровожаднымъ людоедомъ, какимъ былъ раньше, и рассказываютъ, будто послѣ одного сраженія онъ устроилъ каннибальское пиршество, во время котораго были съѣдены 1,300 убитыхъ враговъ, а 2,000 были обращены въ рабство!

Гонги свирѣпствовалъ до 1827 г., когда въ одномъ сраженіи онъ былъ опасно раненъ и черезъ годъ умеръ отъ послѣдствій этой раны. Послѣ его смерти на время утихли междоусобія, и кончился самый яростный періодъ людоедства. Но затишье было только временное, и вскорѣ европейцы снова подали поводъ къ кровавымъ столкновеніямъ съ маорисами.

Въ 1837 году въ Англіи образовалась „Новозеландская Компанія“, поставившая себѣ цѣлью развитіе колоній въ Новой Зеландіи. Компанія эта основала поселеніе „Веллингтонъ“, на берегу пролива Кука, и около этого же времени Франція, обратившая вниманіе на Новую Зеландію, вознамѣрилась учредить въ ней колонію для ссыльныхъ. Англичане испугались и тотчасъ же приняли мѣры, чтобы заставить маорисовъ принять англійское подданство. Начались переговоры съ вождями маорисовъ, причемъ, разумѣется, были пущены въ ходъ всякія средства, подарки и подкупъ, а также спаиваніе маорисовъ водкой. Но никому не приходило въ голову, что вожди не имѣли права распоряжаться Новою Зеландіею, какъ своею собственностью и уступать чужестранцамъ право владѣть ею. Въ 1840 году 52 вождя подписали, такъ называемый, „вѣтангскій договоръ“, значенія котораго они сами не понимали, и этотъ договоръ превратилъ независимую доселѣ Новую Зеландію въ британскую колонію. Мѣстечко Ауклендъ было сдѣлано столицей Новой Зеландіи и мѣстопребываніемъ губернатора новой колоніи.

Однако, вскорѣ начались затрудненія. Маорисы жаловались, что бѣлые отнимаютъ у нихъ землю, которая составляетъ ихъ племенное достояніе, но къ этому присоединились еще новые поводы къ неудовольствію. Пока Новая Зеландія не была объявлена англійскою

колоніей, товары безпрепятственно ввозились въ ея гавани, но какъ только на островѣ водворилось колоніальное управленіе, то немедленно, вслѣдъ затѣмъ, были учреждены таможи; послѣдствіемъ чего было вздорожаніе всѣхъ товаровъ, привозимыхъ на островъ. Китоловы, которые раньше вели такую оживленную торговлю съ маорисами, перестали заходить въ Новую Зеландію, и порохъ и пули добывать стало трудно. Маорисы такъ возненавидѣли таможду, что однажды произвели на нее нападеніе и сожгли ее. Колонисты сочли болѣе благоразумнымъ пойти на этотъ разъ на уступки и объявили Корорареку „свободною гаванью“. Маорисы были очень довольны, но уступчивость европейцевъ только усилила ихъ дерзость и высокомеріе.

Увѣренность въ своей силѣ особенно сильно пробудилась въ маорисахъ послѣ того, какъ они одержали побѣду надъ колонистами въ первомъ столкновеніи. Колонисты же, сознавая свое безсиліе, поневолѣ вынуждены были дѣлать уступки маорисамъ и заискивать въ нихъ. Но столкновенія не прекращались. Однажды какой-то англичанинъ обидѣлъ маорійскаго вождя Геке, и тотъ поклялся отмстить не только ему, но и всѣмъ колонистамъ. Онъ собралъ своихъ воиновъ и сжегъ Корорареку до самаго основанія, а затѣмъ двинулся на Ауклендъ. Губернаторъ Аукленда объявилъ Геке разбойникомъ и оцѣнилъ его голову въ 100 фунтовъ. Геке, узнавъ объ этомъ, въ свою очередь, оцѣнилъ голову губернатора въ 1,000 фунтовъ стерлинговъ!

Жители Аукленда, охваченные ужасомъ, не знали, гдѣ искать спасенія, такъ какъ солдать въ городѣ было мало, и о сопротивленіи полчищамъ маорисовъ нечего было и думать. Но помощь явилась съ неожиданной стороны. Другой вождь маорисовъ предложилъ свой союзъ англичанамъ, и когда подоспѣли подкрѣпленія изъ Австраліи, то колонисты могли перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и побѣдить непріятеля.

Но спокойствіе продолжалось недолго. Маорисы ни за что не хотѣли признавать права колонистовъ владѣть землей, которую они считали своею неотъемлемою собственностью. Притомъ же наиболѣе проникательные и умные изъ нихъ понимали, что имъ грозитъ, они знали, что европейскіе колонисты ихъ вытѣснятъ и безраздѣльно завладѣютъ ихъ землей. Эта мысль заставляла ихъ отчаянно бороться за свою независимость.

Еще до появленія европейцевъ въ Новой Зеландіи, между отдѣльными племенами маорисовъ нерѣдко возникали споры изъ-за владѣнія землей. Эти споры даже часто вели къ кровопролитнымъ войнамъ. Когда же европейцы стали покупать у маорисовъ землю и, слѣдовательно, цѣнность ея увеличилась, то распри изъ-за земли еще усилились. Къ колонисту, который желалъ приобрѣсти какой-нибудь участокъ земли, являлись иногда до 50-ти маорисовъ, и каждый изъ нихъ доказывалъ свои права на эту землю. И доказательства иной разъ были самыя курьезныя. Одинъ, напримѣръ, утверждалъ, что его предки истребили когда-то всѣхъ первоначальныхъ владѣльцевъ спорнаго участка, и поэтому земля по праву принадлежитъ ему. Другой заявлялъ, что его предки выгнали этихъ землевладѣльцевъ, и, слѣдовательно, земля его. Третій же объявлялъ, что его предокъ всегда владѣлъ этой землей, и никто не могъ изгнать его, потому что этимъ предкомъ была ящерица, жившая въ пещерѣ. Онъ брался даже отыскать эту пещеру на спорномъ участкѣ и доказать свои права собственности. Иной изъ претендентовъ на землю основывалъ свои права на томъ, что его предки охотились на этой землѣ за крысами. Случалось, что который нибудь изъ маорисовъ объявлялъ: „Земля моя! Мой дѣдъ былъ на ней убитъ“, но являлся сынъ убійцы и возражалъ ему: „Нѣтъ, земля моя, потому что мой отецъ убилъ твоего дѣда и тутъ же съѣлъ его“. Какъ ни были странныя такія претензіи, но ихъ нельзя было обходить, и продажа иногда затягивалась на нѣсколько мѣсяцевъ, потому что пока не были удовлетворены всѣ претензіи, сдѣлка не могла считаться законной.

Подобныя запутанныя отношенія, конечно, давали поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ, а въ 1860 г. началась настоящая война, такъ какъ одинъ изъ вождей не хотѣлъ признавать

запродажи земли. Новозеландское правительство не обратило вниманія на его протестъ и послало вооруженную силу, чтобы занять спорную землю. Возмущенные этимъ маорисы напали на бѣлыхъ колонистовъ и разорили ихъ дома. Начались серьезные безпорядки и волненія, которыя распространились и на другіе округа. Вражда все разгоралась, и всюду вспыхнуло возмущеніе, мало-по-малу охватившее почти всю Новую Зеландію. Военныя дѣйствія продолжались съ небольшими перерывами почти десять лѣтъ, и только въ 1870 году Новая Зеландія была совершенно замирена.

Маорисы ожесточенно сражались съ англичанами. Когда генераль Камерунъ осадилъ одно укрѣпленіе и предложилъ маорисамъ перемиріе, то они отвѣчали: „Никогда! Мы хотимъ сражаться, сражаться, вѣчно сражаться!“. Генераль тогда предложилъ имъ, по крайней мѣрѣ, выпустить женщинъ и дѣтей, обѣщая, что съ ними будутъ обходиться хорошо и не возьмутъ ихъ въ плѣнъ, а отпустятъ на свободу. Но упрямые маорисы и на это отвѣчали: „Наши жены хотятъ съ нами сражаться, вмѣстѣ съ нами умереть, а нашимъ дѣтямъ лучше быть мертвыми, чѣмъ сдѣлаться рабами бѣлыхъ!“.

Но сила все-таки была на сторонѣ англичанъ, и поэтому, въ концѣ концовъ, возмущеніе маорисовъ было подавлено. Однако, партизанская война все еще продолжалась и ее поддерживала возникшая въ 1864 г. секта „Гау-Гау“, названная такъ по причинѣ криковъ, которые испускали послѣдователи этой секты во время своихъ моленій. Замѣчательнѣе всего, что эта секта была основана маорисами, принявшими христіанство. Послѣ кровопролитной войны для маорисовъ наступили тяжелыя времена. Лучшіе воины погибли, поля были разорены и наступилъ голодъ. Тогда-то новообращенные христіане отступились отъ христіанства и выдумали новое ученіе, представлявшее смѣсь христіанства съ іудействомъ и народными суевѣріями. Тотчасъ же явились пророки, которые скоро пріобрѣли безграничное вліяніе на своихъ единоплеменниковъ. Они утверждали, что архангелъ Гавріиль является имъ по ночамъ и передаетъ имъ „велѣнія Іеговы, касающіяся избраннаго Имъ народа—Маори“. Разумѣется, всѣ эти повелѣнія клонились къ истребленію бѣлыхъ. Новые пророки говорили: „Богъ никогда никакихъ законовъ не давалъ. Міръ будетъ существовать вѣчно и вѣчнаго осужденія за гробомъ вовсе нѣтъ. Когда послѣдній бѣлый будетъ изгнанъ изъ Новой Зеландіи, тогда начнется для Маори возстаніе изъ мертвыхъ. Всѣ, когда либо жившіе и принадлежавшіе къ избранному народу Маори, умершіе съ самаго начала существованія этого народа, оживутъ и примутъ участіе въ вѣчномъ блаженствѣ, которое будетъ длиться всегда, во всѣ будущіе вѣка, потому что есть только одно небо, а именно то, которое люди сами себѣ создаютъ“.

Новую религію маорисы называли также „Паи-Марири“, что означаетъ „добро-миролюбиво“, но это названіе совершенно не подходило къ ней, такъ какъ приверженцы ея были дикими, кровожадными фанатиками, которые вернулись къ своимъ прежнимъ ужаснымъ привычкамъ и съ наслажденіемъ пожирали трепещущія сердца и глаза и пили теплую кровь своихъ враговъ. Столкновенія бѣлыхъ съ послѣдователями этой секты всегда носили очень кровопролитный характеръ. Но англичане въ этой борьбѣ нашли все-таки поддержку у нѣкоторыхъ вождей маорисовъ, которые не измѣнили имъ, и въ 1870 г., наконецъ, былъ заключенъ миръ. Маорисы, потерявшіе больше 9,000 человекъ убитыми и ранеными, и отчаявшіеся вернуть свою утраченную независимость, удалились въ территорію, которая носитъ названіе „Королевской земли“ и занимаетъ пространство въ 25,000 кв. километровъ на сѣверномъ островѣ, къ западу отъ озера Таупо. Поселившіеся здѣсь маорисы собрались на совѣщаніе и постановили не продавать больше своей земли бѣлымъ, ни за какую цѣну, и даже по возможности не допускать бѣлыхъ въ свою территорію. При этомъ они передавали другъ другу священный топоръ, который служилъ символомъ, что смерть постигнетъ того, кто измѣнитъ своему слову.

Племена, которыя раньше жили обособленною жизнью, сплотились вмѣстѣ и образовали одну общину, выбравъ себѣ короля, отчего ихъ владѣнія и получили названіе Королев-

ской земли. Какъ ни старались англичане низвести этого короля на степень чиновника, получающаго жалованье отъ колониальнаго правительства, но это имъ не удавалось. Король настаивалъ на выполненіи договора, подписаннаго у озера Вайтанги (что значить: Вода слезъ), и по которому англичане обязывались уважать собственность и независимость маорисовъ. Однако, дни маорисовъ сочтены, и они сами сознаютъ это. Они сравниваютъ свою судьбу съ судьбою туземныхъ животныхъ и растений, и считаютъ себя обреченными на гибель, подобно имъ: „Наша крыса исчезла; она вытѣснена крысой бѣлыхъ. Клеверъ погубилъ наши папоротники; такъ погибнуть и сами маорисы отъ бѣлыхъ!“—говорятъ они.

Съ 1853 года Новая Зеландія получила самоуправленіе. Шесть новозеландскихъ провинцій (впослѣдствіи это число было доведено до девяти) образовали Федерацию (союзъ), которая управляется центральнымъ парламентомъ, состоящимъ изъ двухъ палатъ и министерствомъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора. Верхняя палата представляетъ законодательный совѣтъ, состоящій изъ 46 членовъ, назначаемыхъ, какъ и губернаторъ, англійскимъ правительствомъ, и съ 1868 г. въ этомъ совѣтѣ находятся также 2 маориса. Нижняя палата или палата представителей, выбираемыхъ народомъ, состоитъ изъ 74 членовъ, въ томъ числѣ 4 маориса. Каждая провинція имѣла раньше свое отдѣльное „провинціальное собраніе“, которое должно было заботиться о проведеніи путей сообщенія, народномъ образованіи и т. п. Члены этихъ собраній также выбираются народомъ. Однако, въ 1876 г., „провинціальныя собранія“ были отмѣнены, и Новая Зеландія была раздѣлена на 81 округъ (графства), которые имѣютъ своихъ представителей въ парламентѣ.

Съ прекращеніемъ войнъ въ Новой Зеландіи наступила, наконецъ, эра мирнаго развитія страны. Города выросли словно по мановенію волшебнаго жезла, и оба острова покрылись сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Залежи золота, которое было найдено еще въ 1852 году въ Короманделѣ, а послѣ того и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, содѣйствовала укрѣпленію вѣры въ будущность колоніи. Промышленность колоніи стала быстро развиваться, и главное мѣсто заняло скотоводство. Въ настоящее время въ Новой Зеландіи (на обоихъ островахъ) насчитывается 20 милліоновъ овецъ. Предметомъ вывоза служитъ, однако, не только овечья шерсть и другіе продукты овцеводства и скотоводства, но и мясо, которое вывозится изъ Новой Зеландіи въ замороженномъ видѣ и доставляется главнымъ образомъ въ Англію. Первый опытъ отправки замороженной баранины въ Англію былъ сдѣланъ въ 1881 году и оказался настолько удачнымъ, что эта отрасль промышленности стала быстро развиваться. Въ настоящее время два англійскихъ большихъ пароходныхъ общества занимаются перевозкою этого продукта, и пароходы такъ устроены, что могутъ доставлять въ одинъ разъ 90,000 замороженныхъ бараньихъ тушъ. Шерсть вывозится изъ Новой Зеландіи на сумму около 47 милліоновъ рублей въ годъ, а замороженной баранины на 17 милліоновъ рублей. Добыча золота упала вслѣдствіе истощенія золотоносныхъ росыпей и рудъ, такъ что теперь золота добывается меньше, чѣмъ въ 70-хъ годахъ, но за то стала развиваться каменноугольная промышленность, сельское хозяйство, производство шерсти и производство пшеницы, что могло вполне вознаградить колонистовъ за упадокъ золотой промышленности.

Но Новая Зеландія поражаетъ не только своимъ быстрымъ промышленнымъ развитіемъ. Несмотря на то, что это колониальное государство было основано позднѣе австралійскихъ колоній, оно опередило ихъ въ отношеніи своего законодательства. Такіе законы, какіе существуютъ въ Новой Зеландіи, еще не введены ни въ одномъ государствѣ въ мірѣ, и поэтому Новая Зеландія можетъ по справедливости быть названа самою передовою страной.

Одною изъ главныхъ заботъ новозеландскаго правительства было надѣленіе поселенцевъ землей на возможно льготныхъ условіяхъ, а также оказаніе помощи рабочимъ на фермахъ, которые пожелали бы сдѣлаться самостоятельными хозяевами. Съ этою цѣлью были изданы законы о поселеніяхъ, давашіе право правительству выкупать или обмѣнивать землю, составляющую частную собственность, и разбивать ее на участки для отдачи поселенцамъ въ

вѣчную аренду. Дѣло въ томъ, что раньше не было установлено никакихъ ограниченій относительно продажи земель въ однѣ руки, и многіе этимъ воспользовались и купили по низкой цѣнѣ огромные участки земли, въ надеждѣ, что послѣдніе скоро возрастуть въ цѣнѣ. Новый законъ ставилъ землевладѣніе въ извѣстныя границы. Землевладѣлецъ не могъ владѣть количествомъ земли, превышающимъ установленную закономъ норму, и правительство покупало у него остальную землю, если находило ее годной для заселенія, разбивало на участки и сдавало въ аренду. Законъ былъ изданъ въ 1892 году, а къ веснѣ 1896 г. правительство уже приобрѣло такимъ путемъ 28 имѣній, распланировало землю на участки подъ поселенія и провело дороги. Такъ какъ въ законѣ было оговорено, что участки земли могутъ быть сдаваемы въ аренду лишь тѣмъ, кто доказалъ, что обладаетъ необходимыми сельскохозяйственными познаніями, то большинство арендаторовъ произвело значительныя улучшения на своихъ участкахъ. Кромѣ того, еще раньше новозеландское правительство позаботилось о томъ, чтобы дать возможность безработнымъ обзавестись собственнымъ хозяйствомъ и домомъ. Цѣль эта была достигнута устройствомъ „сельскихъ поселеній“, члены которыхъ могли получать отъ правительства ссуду на постройку дома и обзаведеніе всѣмъ необходимымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ поселеній достигли довольно большого процвѣтанія, и въ 1898 году въ этихъ поселеніяхъ обитало 791 семей, причемъ на каждую приходилось приблизительно около 26 акровъ воздѣлываемой земли.

Но новозеландское правительство не остановилось на этихъ нововведеніяхъ и продолжало производить новые опыты законодательства. Въ 1896 году была преобразована Верхняя Палата и, вмѣсто пожизненныхъ членовъ, теперь въ ней засѣдаютъ люди, которые выбираются на семь лѣтъ; слѣдовательно, черезъ каждыя семь лѣтъ составъ палаты возобновляется.

Въ 1893 году была введена въ Новой Зеландіи еще болѣе важная реформа: въ выборахъ въ парламентъ получили право участвовать всѣ лица, имѣющія 21 годъ и проживающія въ колоніи не менѣе одного года. Это право распространилось также и на женщинъ, которыя, наравнѣ съ мужчинами, могутъ выбирать представителей въ парламентъ. Женщины, кромѣ того, могутъ быть избираемы въ члены городскихъ управленій, и мѣстечко Онехунга, воспользовавшись этимъ правомъ, выбрало городскимъ головой нѣкую мистриссъ Ясисъ. Трудъ рабочихъ въ Новой Зеландіи оплачивается лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и если прибавить къ этому еще дешевизну жизненныхъ припасовъ, то станетъ ясно, что положеніе новозеландскихъ рабочихъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, тѣмъ болѣе, что рабочій день въ Новой Зеландіи, въ общемъ, не превышаетъ восьми часовъ. Вообще всѣ законы Новой Зеландіи составлены такимъ образомъ, что они оказываютъ самое широкое покровительство и поддержку трудящимся людямъ. Рабочимъ, жившимъ долгое время въ Новой Зеландіи, по большей части, удается сберечь достаточно денегъ, чтобы купить себѣ небольшой участокъ земли, на которомъ они могутъ выстроить себѣ домъ, при содѣйствіи такъ называемыхъ „строительныхъ обществъ“, т. е. въ разсрочку. Однако, какъ ни велики заработки рабочаго въ Новой Зеландіи и какъ ни дешева тамъ жизнь, многіе изъ нихъ все-таки доживаютъ до старости, не достигнувъ обезпеченія. Новозеландское правительство, ушедшее дальше другихъ странъ и въ этомъ отношеніи, позаботилось объ этихъ лицахъ, и въ 1898 г. былъ изданъ законъ о пенсіяхъ для стариковъ. По этому закону всѣ лица, достигшія 65-ти лѣтняго возраста и прожившія въ колоніи не менѣе 25-ти лѣтъ, получаютъ право на пенсію отъ государства въ размѣрѣ 180 руб. въ годъ, если ихъ доходъ, вообще, не превышаетъ 520 руб. въ годъ. При этомъ ставится также условіемъ, чтобы лицо, заявляющее право на пенсію, не подвергалось въ теченіе 12 лѣтъ тюремному заключенію срокомъ на четыре мѣсяца. Право на полученіе пенсій предоставлено одинаково мужчинамъ и женщинамъ, европейцамъ и маорисамъ. Такимъ образомъ, государство не оставляетъ рабочаго, когда онъ состарится и сдѣлается неспособнымъ къ труду. Неудивительно поэтому, что нигдѣ масса народонаселенія не

пользуется такимъ благосостояніемъ, какъ въ Новой Зеландіи, и нищета почти не встрѣчается.

Въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи Новая Зеландія превозошла также всѣ самыя передовыя страны Европы, такъ какъ раньше ихъ ввела у себя даровое и обязательное образованіе, причемъ эта обязательность распространяется и на туземное населеніе. Посѣщеніе школы обязательно до 14 лѣтъ, причемъ требуется, чтобы ученикъ или ученица усвоили себѣ довольно значительный запасъ знанія, а не одну только грамотность. Замѣтимъ, кстати, что въ Англіи посѣщеніе школы обязательно только до 12 лѣтъ, а во Франціи до 11-ти. По числу народныхъ школъ и по числу учащихся въ нихъ Новая Зеландія занимаетъ также первое мѣсто. Въ Новой Зеландіи имѣется университетъ, технологическій институтъ, два горныхъ училища и сельско-хозяйственный институтъ. Въ 1896 году въ Новой Зеландіи существовало 304 библіотеки, и издавалось 208 періодическихъ изданій, въ томъ числѣ 50 газетъ.

Численность населенія Новой Зеландіи къ концу 1899 года была 796,000, изъ нихъ 39,800 маорисовъ. Туземное населеніе, такимъ образомъ, уменьшилось почти на половину, пришлое же постоянно возрастаетъ. Смертность въ Новой Зеландіи, благодаря климату и благопріятнымъ условіямъ жизни, меньше чѣмъ въ другихъ странахъ, но за то замѣчательно мала цифра рожденій, такъ что въ этомъ отношеніи Новая Зеландія почти сравнялась съ Франціей. Главную массу новозеландскаго населенія составляютъ англичане, потомки первыхъ колонистовъ, и новые поселенцы. Но уроженцы Новой Зеландіи, такъ же какъ и уроженцы Австраліи, уже отличаются нѣсколько отъ своихъ соотечественниковъ въ Великобританіи, какъ своимъ характеромъ, такъ и своимъ образомъ жизни и взглядами. Что касается маорисовъ, то они теперь уже значительно утратили свой прежній характеръ. Всѣ они—христиане и пользуются въ политическомъ отношеніи одинаковыми правами съ европейцами, такъ что въ выборахъ участвуютъ не только мужчины, но и женщины маорисовъ. Дѣти маорисовъ обязательно посѣщаютъ школы и, по послѣднимъ извѣстіямъ, трое маорисовъ обучаются въ университетѣ.

Двѣ трети жителей Новой Зеландіи живутъ въ деревняхъ или въ городахъ съ населеніемъ менѣе 5,000 человекъ. Въ Новой Зеландіи нѣтъ переполненія домовъ жильцами, и даже въ городахъ весьма мало можно найти такихъ мѣстъ, гдѣ бы не было по близости деревьевъ, цвѣтовъ или травы. Столица Новой Зеландіи Веллингтонъ (41,758 ж.) лежитъ на берегу залива Никольсона, лучшей гавани Новой Зеландіи, на южной оконечности сѣвернаго острова. Обыкновенно сюда прежде всего заходятъ пароходы, идущіе изъ Лондона, черезъ Капштадтъ и Тасманію. Это путешествіе совершается теперь въ 50 дней, но тотъ, кто въ первый разъ пріѣзжаетъ въ Новую Зеландію и ожидаетъ увидѣть поразительныя красоты, всегда испытываетъ нѣкоторое разочарованіе, такъ какъ положеніе Веллингтона не представляетъ ничего выдающагося по красотѣ. Городъ построенъ у подножія горъ, покрытыхъ скудною травой, и поэтому имѣющихъ довольно унылый видъ. Притомъ же Веллингтонъ прославился тѣмъ, что тамъ почти постоянно бываетъ дурная погода, дождь и вѣтеръ, такъ что въ Лондонѣ говорятъ, что веллингтонскаго жителя всегда можно узнать по образовавшейся у него привычкѣ придерживать шляпу, чтобы ее не снесло вѣтромъ. Дома въ городѣ преимущественно деревянные; парламентъ и всѣ правительственныя учрежденія также помѣщаются въ деревянныхъ зданіяхъ. Въ 1897 году въ Веллингтонѣ былъ открытъ университетъ и высшая школа для дѣвушекъ.

Изъ другихъ городовъ Новой Зеландіи болѣе замѣчательны Вангануи (6,000 ж.), живописный городокъ—также одно изъ самыхъ старыхъ англійскихъ поселеній, обитатели котораго сумѣли установить такія хорошія отношенія съ маорисами, что тѣ ихъ защищали противъ своихъ же единоплеменниковъ въ 1864 г. Въ честь павшихъ въ этой войнѣ маорійскихъ воиновъ въ городѣ поставленъ памятникъ.

Ауклендъ, самый населенный и цвѣтущій городъ Новой Зеландіи (57,616 ж.), лежитъ на узкомъ гористомъ перешейкѣ, раздѣляющемъ два залива на сѣверномъ островѣ. Мѣстность близъ города почти совершенно обнажена и пустынна, но замѣчательна тѣмъ, что въ ней сохранились ясные слѣды вулканическихъ переворотовъ. Въ кратерахъ потухшихъ вулкановъ или въ глубокихъ ущельяхъ еще можно найти образцы первобытныхъ лѣсовъ, нѣкогда покрывавшихъ весь перешеекъ. Уцѣлѣвшія мѣстами сосны-каури указываютъ, что тутъ прежде были цѣлые лѣса этихъ деревьевъ, которые покрывали горы, образуя мрачную, но величественную чащу. Теперь они, однако, возвышаются то тамъ, то сямъ, и какъ будто сторожатъ островъ съ высоты вулканическихъ горъ, откуда въ одно и то же время видно море съ восточной и западной стороны перешейка. Изрѣдка встрѣчаются пальмы, уцѣлѣвшія отъ истребленія и свидѣтельствующія о первоначальной богатой растительности въ этой мѣстности, когда еще не явились сюда бѣлые переселенцы.

Ауклендъ прежде былъ столицей, но съ 1865 г. парламентъ и всѣ правительственныя учрежденія перенесены въ Веллингтонъ. Въ Ауклендѣ также имѣется университетъ, библіотека и школы.

На Южномъ островѣ наиболѣе замѣчательны изъ городовъ: Кристчерчъ и гавань его Литтлтонъ. Изъ Веллингтона въ Литтлтонъ ежедневно отправляются пароходы; разстояніе между этими городами—12 час. Кристчерчъ, вмѣстѣ съ предмѣстьями, насчитываетъ 51,330 жит. Въ промышленномъ отношеніи городъ этотъ не имѣетъ значенія, за то славится своимъ этнографическимъ и естественно-историческимъ музеемъ, въ которомъ хранится нѣсколько вполне собранныхъ скелетовъ исчезнувшей птицы Моа.

На юго-восточномъ берегу Южнаго острова лежитъ городъ Дюнединъ (47,280 ж.), въ которомъ находится университетъ, считающійся наиболѣе значительною высшею школой въ Новой Зеландіи.

Новая Зеландія отказалась отъ присоединенія къ австралійской федераціи, такъ какъ это представляло для нея нѣкоторыя неудобства. Новая Зеландія лежитъ слишкомъ далеко отъ австралійскаго материка и, кромѣ того, вся ея финансовая система основывается на таможенныхъ пошлинахъ, а присоединившись къ федераціи, она должна была бы отказаться отъ значительной части таможенныхъ доходовъ.

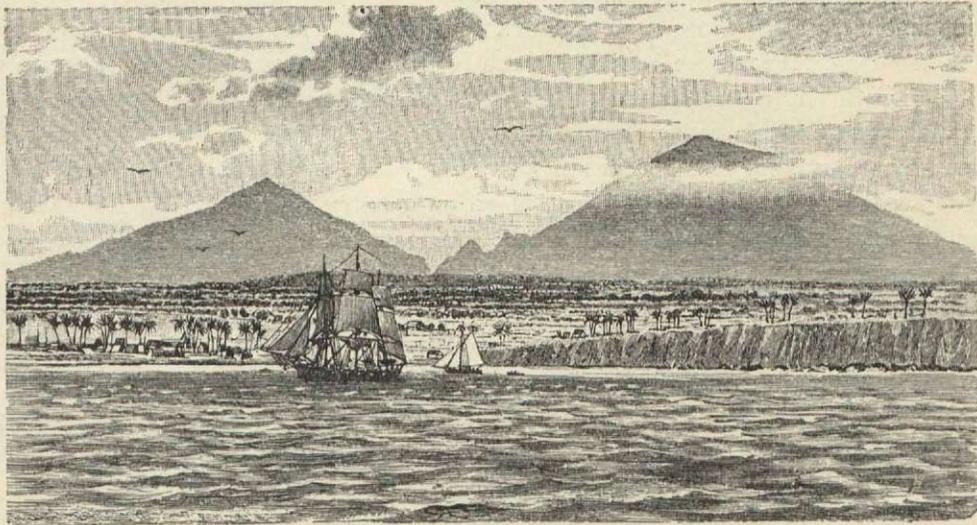
Если австралійскіе штаты могутъ гордиться своими успѣхами, то Новая Зеландія имѣетъ право еще болѣе гордиться ими, такъ какъ въ болѣе короткій промежутокъ времени эта англійская колонія не только догнала, но даже опередила всѣ другія колоніи. Всего 60 лѣтъ тому назадъ, когда въ ней появились первые европейскіе поселенцы, Новая Зеландія представляла совершенно дикую и мѣстами даже безлюдную мѣстность, и лѣтъ 35—40 тому назадъ тамъ еще происходили каннибальскія пиршества. Колонистамъ приходилось расчищать дѣвственные лѣса, проводить дороги, разводить привезенныхъ съ собою всякаго рода домашнихъ животныхъ и разныя европейскія полезныя растенія, и въ то же время они должны были вести долгую и кровопролитную борьбу съ воинственными туземцами, постоянно рискуя попасть къ нимъ на жаркое. Теперь все это отошло уже въ область преданій.

Въ Новой Зеландіи мы видимъ прекрасные цвѣтущіе города и поражаемся общимъ благосостояніемъ ея жителей. Прежніе людоѣды превратились въ болѣе или менѣе образованныхъ туземцевъ, принимающихъ участіе въ общественной и политической жизни страны. Правда, число ихъ уменьшилось на-половину, но такъ какъ они лучше австралійскихъ туземцевъ приспособляются къ измѣнившимся условіямъ жизни и обладаютъ большими умственными способностями, физической силой и дарованіями, то въ Новой Зеландіи надѣются сохранить ихъ расу. Впрочемъ, вѣроятно, она сольется со временемъ съ европейской.

Глава III.

Гавайскіе или Сандвичевы острова. — Вулканическія явленія, растительность и климатъ — Населеніе — Трагическая судьба Кука. — Нравы и обычаи гавайцевъ. — Религія. — Храмы, убѣжища. — Характеръ гавайцевъ — Поэтическія наклонности. — Островъ Гаваи. — Плаваніе въ водопадѣ. — Мауна Лоа и Килауэа. — Островъ Молокай. — Король Камеамеа I. — Истребленіе войска изверженіемъ. — Конецъ языческой эры. — Присоединеніе къ Соединеннымъ Штатамъ. — Острова Самоа. — Природа острововъ. — Жители Самоа. — Операция татуировки. — Характеръ жителей. — Сидячій танецъ. — Отношенія къ женщинамъ. — Жилища. — Религія. — Легенда о сотвореніи міра. — Успѣхи миссіонеровъ. — Борьба за преобладаніе. — Архипелагъ Тонга или Дружбы. — Характеръ населенія. — Микронезія. — Маріанскіе или Разбойничьи острова. — Послѣдствія испанскаго владычества. — Архипелагъ Палао — Туземное населеніе. — Каролинскіе острова. — Маршалскіе острова и Архипелагъ Джильберта. — Острова Таити и ихъ населеніе. — Отдаленные архипелаги. — Островъ Питкэрнъ. — Маленькая республика. — Острова Пасхи. — Удивительные памятники.

Въ сѣверной части Тихаго океана лежитъ уединенная группа острововъ, образующая границу Океаніи. Это—архипелагъ Гавайскихъ или Сандвичевыхъ острововъ, названныхъ такъ Кукомъ въ 1778 году. Архипелагъ состоитъ изъ восьми обитаемыхъ и трехъ маленькихъ, необитаемыхъ скалистыхъ островковъ. Самый маленькій изъ нихъ—Кахоолаве имѣетъ въ длину 20 километровъ, а въ ширину 10, самый же большой обитаемый островъ, Гаваи, въ длину имѣетъ 150, а въ ширину—120 километровъ.

Берегъ о. Гаваи съ вулканами Мауна Кеа и Мауна Лоа.

Гавайскіе острова—вулканическаго происхожденія. За исключеніемъ коралловыхъ рифовъ и морского песка на берегу, почва ихъ состоитъ преимущественно изъ вулканическихъ образований. На островахъ насчитывается до сорока вулкановъ, дѣятельность которыхъ прекратилась, впрочемъ, уже съ незапамятныхъ временъ, и только трое изъ этихъ вулкановъ продолжаютъ дѣйствовать и по сію пору. Врядъ ли человѣческое воображеніе въ состояніи нарисовать себѣ ту страшную, величественную картину, которую представляли эти острова въ тѣ времена, когда дѣйствовали всѣ вулканы. Древняя туземная легенда рассказываетъ, что міръ образовался изъ яйца, внезапно лопнувшего посреди моря. Вѣроятно, это относится къ древнимъ вулканическимъ изверженіямъ, благодаря которымъ острова поднялись надъ уровнемъ моря. Вулканическая дѣятельность, повидимому, постепенно уменьшалась въ на-

правленіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Самые большіе вулканы и кратеры съ кипящею лавой находятся на островѣ Гаваи, на другихъ же островахъ вулканическія явленія уже стали весьма слабыми и обнаруживаются уже только въ видѣ горячихъ ключей. На этихъ островахъ вулканы давно уже утратили свою силу; застывшіе потоки лавы различить больше нельзя, и вулканическіе шлаки, превратившись въ плодородную почву, покрылись великолѣпною растительностью. По этой же причинѣ и коралловые рифы гораздо многочисленнѣе у этихъ острововъ, нежели у острова Гаваи, гдѣ ядовитыя вулканическія горы очевидно препятствуютъ развитію коралловыхъ полипняковъ.

На Гаваи, самомъ юго-восточномъ изъ острововъ, находятся два дѣйствующихъ вулкана: Мауна Лоа и Килауэа. Большой вулканъ Хуалапаи съ 1801 г. уже не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ дѣятельности, два же первые причисляются къ самымъ значительнымъ вулканамъ земного шара. Точно также и давно умолкнувшій вулканъ Хамакала, на островѣ Маори, кратеръ котораго имѣетъ въ окружности 45 километровъ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди потухшихъ вулкановъ земли.

Растительность Гавайскихъ острововъ, — теперь настолько богатая, что нѣкоторые изъ путешественниковъ сравниваютъ ихъ съ райскимъ садомъ, — первоначально не отличалась разнообразіемъ видовъ, несмотря на прекрасный климатъ, и первые европейцы, появившіеся на этихъ островахъ, нашли тамъ лишь два-три вида пальмы, неизбѣжную кокосовую пальму, хлѣбное дерево и еще нѣкоторыя другія деревья, изъ которыхъ одно доставляло туземцамъ маслянистое вещество для освѣщенія домовъ. Это дерево называется Алеватисъ или Кукую. Такая бѣдность флоры Гавайскихъ острововъ объясняется ихъ уединеннымъ положеніемъ среди Тихаго Океана и громадными морскими глубинами, которыя были найдены, какъ въ западномъ направленіи, между ними и азіатскимъ материкомъ, такъ и въ восточномъ, между Калифорніей и Гаваи. Морскія же теченія, которыя играютъ такую роль въ занесеніи сѣмянъ и частей растений изъ отдаленныхъ материковъ на острова, лишь въ незначительной степени содѣйствовали образованію Гавайской флоры. Теперь однако растенія, завезенныя въ этотъ край чужеземцами, видоизмѣнили растительность острововъ и придали ей большое разнообразіе. Многіе роды растений, которыя въ умѣренномъ климатѣ Европы представляютъ однолѣтнія формы, превратились на Гавайскихъ островахъ въ древесныя растенія, напр. лебеда стала настоящимъ деревомъ.

Громадное разнообразіе климата и почвы на Гавайскихъ островахъ много способствовало также разнообразію растительности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ наблюдается обнаженная, лишенная всякой растительности почва, въ другихъ же — гигантскія деревья, одѣтыя роскошною листвою, простираютъ по всѣмъ направленіямъ свои огромныя вѣтви. На небольшомъ пространствѣ одного острова можно найти самые разнообразные климаты и перейти въ нѣсколько часовъ отъ тропической жары къ умѣренному климату или даже въ область вѣчныхъ снѣговъ, или же отъ области постоянной засухи въ область постоянныхъ дождей. Въ настоящее время одну изъ главныхъ отраслей промышленности Гавайскихъ острововъ составляетъ разведеніе сахарнаго тростника и сахарное производство. Жители острововъ разводятъ также кофе, рисъ и разные тропическіе плоды, преимущественно бананы и апельсины.

Фауна Гавайскихъ острововъ также не была богата видами до прибытія европейцевъ, какъ и вообще на всѣхъ островахъ, удаленныхъ отъ материковъ. Единственными домашними животными туземцевъ были собака, свинья и курица; затѣмъ на островахъ водился еще одинъ видъ летучей и обыкновенной мыши. Въ числѣ птицъ, которыя водились на островахъ, не было ни одной пѣвчей. Сосѣднія же моря изобилуютъ всякаго рода рыбой и китообразными животными. Съ поселеніемъ же европейцевъ, на островахъ измѣнилась не только флора, но и фауна, такъ какъ европейцы развели тамъ много видовъ европейскихъ животныхъ.

Туземное населеніе Гавайскихъ острововъ принадлежитъ къ распространенной на многихъ архипелагахъ Океаніи полинезійской расѣ. Лѣтъ 120 тому назадъ число ихъ было свыше 400,000, но теперь оно уменьшилось до одной десятой части. Кровавыя войны въ началѣ прошлаго столѣтія и распространеніе эпидемическихъ болѣзней, занесенныхъ чужеземцами на райскіе острова, способствовали быстрому вымиранію туземцевъ.

Исторія Гавайскихъ острововъ интересна уже потому, что населеніе ихъ, менѣ чѣмъ въ одно столѣтіе, перешло изъ состоянія варварства на довольно высокую ступень цивилизаціи и достигло большого процвѣтанія въ коммерческомъ отношеніи. Гавайцы или канаки, какъ ихъ называютъ, давно уже утратили свои прежнія привычки и нравы, напоминавшіе ихъ родичей маорисовъ Новой Зеландіи, съ которыми они имѣютъ много общаго. Прежнія святилища опустѣли и разрушились, и религіозныя церемоніи прекратились. Все туземное населеніе Гавайскихъ острововъ исповѣдуетъ теперь христіанскую вѣру.

Гавайскіе острова были извѣстны европейскимъ мореплавателямъ лѣтъ за 200 до путешествія Кука, который первый, въ 1778 году, изслѣдовалъ и описалъ ихъ. Испанцы, знавшіе о ихъ существованіи, скрывали это, желая себѣ однимъ присвоить всѣ выгоды этого открытія. Гавайскіе острова, повидимому, были заселены уже въ VI вѣкѣ, такъ какъ человѣческія кости находятъ въ очень старыхъ коралловыхъ слояхъ и потокахъ лавы. Вѣроятно, это были первые поселенцы, которые явились сюда съ какихъ нибудь другихъ острововъ Тихаго океана, откуда они были вытѣснены другими. У островитянъ Гавайскаго архипелага существуютъ многочисленныя преданія, указывающія на давнишнія посѣщенія ихъ иностранными мореплавателями. Рассказываются случаи, когда бѣлые становились начальниками гавайцевъ и участвовали въ войнахъ. Бывали также случаи кораблекрушеній у Гавайскихъ острововъ. Выкинутые на берегъ европейцы оставались жить на островахъ, гдѣ туземцы ихъ хорошо принимали, и они женились на туземныхъ женщинахъ. Тѣмъ не менѣ Кукъ извлекъ Гавайскіе острова изъ неизвѣстности и повѣдалъ о нихъ цивилизованному міру. Однако это открытіе стоило жизни самому изслѣдователю. Съ перваго же раза, какъ только англійскіе корабли подошли къ одному изъ Гавайскихъ острововъ, между туземцами и бѣлыми произошло столкновеніе изъ-за того, что туземцы хотѣли воспользоваться случаемъ, чтобы добыть желѣза посредствомъ кражи. Но корабли Кука скоро ушли, и дѣло не имѣло серьезныхъ послѣдствій, а послѣ ихъ отплытія на островахъ пошли толки о чудномъ появленіи Плавающего Лѣса или „Крылатаго Кита“, такъ что когда англійскіе корабли снова появились у береговъ, въ концѣ того же 1778 года, то туземцы рѣшили, что къ нимъ явился богъ. Они дѣйствительно приняли Кука за одного изъ своихъ самыхъ грозныхъ боговъ — О-роно, и какъ только Кукъ сошелъ на берегъ, то ему воздали божескія почести. Несмѣтная толпа народа, явившаяся встрѣчать его, пала ницъ при его появленіи и затѣмъ на четверенькахъ сопровождала его до ступеней храма, куда онъ вошелъ, чтобы представиться своимъ братьямъ, другимъ богамъ. Кукъ охотно продѣлалъ всѣ требуемые обряды, обнялъ идола и позволилъ жрецамъ умаслить себя благовонными маслами. Главный жрецъ принесъ въ жертву свинью, и затѣмъ Кукъ принялъ поклоненіе отъ своихъ новыхъ вѣрующихъ. Этотъ неожиданный успѣхъ, повидимому, нѣсколько вскружилъ голову ему и его свитѣ. Туземцы одарили англичанъ богатыми подарками, и вообще первое время англичанамъ жилось необыкновенно хорошо. По рассказамъ офицеровъ Кука, онъ никогда не уклонялся отъ воздаваемыхъ ему почестей и возносимыхъ къ нему молитвъ. Однако англичане не сумѣли удержаться въ такомъ выгодномъ положеніи и возбудили противъ себя неудовольствіе туземцевъ своими чрезмѣрными требованіями. Это неудовольствіе перешло въ сильное раздраженіе, когда Кукъ, вслѣдствіе недостатка въ топливѣ, велѣлъ сломать заборъ храма и сжегъ его, а также удалилъ изъ храма идоловъ. Такое оскверненіе святыни возбудило всеобщее негодованіе. На несчастье умеръ одинъ изъ матросовъ, и англичане похоронили его на берегу. Это обстоятельство обнаружило туземцамъ, что англичане вовсе не сверхъ-естественныя

существа, а также смертны, какъ и всѣ. Столкновенія между туземцами и англичанами участились, и во время одной изъ такихъ стычекъ Кука случайно ударили. Онъ вскрикнулъ отъ боли, и этого было достаточно, чтобы погубить его. Его крикъ убѣдиль туземцевъ, что онъ не богъ, и они бросились на него и убили его. Туземцы унесли его трупъ и въ ту же ночь отдѣлили мясо отъ костей и сожгли, а кости тщательно собрали и отнесли въ храмъ. Только послѣ долгой и ожесточенной борьбы они согласились отдать часть его костей англичанамъ; остальные же сохранялись въ храмѣ и долгое время служили предметомъ поклоненія, что доказываетъ, что вѣра въ его божественность все же не совсѣмъ исчезла послѣ его смерти.

Трагическая судьба Кука произвела такое впечатлѣніе на европейцевъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ ни одно европейское судно не появлялось поблизости Гавайскихъ острововъ. Туземцы приобрѣли совершенно незаслуженную репутацію свирѣпыхъ дикарей и даже людоедовъ. Между тѣмъ другой англійскій путешественникъ Ванкуверъ, три раза посѣтившій острова (1791—1794), не только не подвергся никакой опасности, но даже приобрѣлъ дружбу гавайскаго короля Камеамеа I, который назвалъ его „благодѣтелемъ гавайскаго народа“, за то что онъ преподавалъ ему хорошіе совѣты и посадилъ на островѣ апельсинныя и другія полезныя деревья, а также привезъ туземцамъ полезныхъ животныхъ, калифорнійскій рогатый скотъ и овецъ. Кромѣ того его плотники построили гавайцамъ первое судно по европейскому образцу, которое и было вооружено пушками, захваченными раньше туземцами вмѣстѣ съ однимъ американскимъ судномъ. Послѣ того Гавайскіе острова уже часто посѣщались путешественниками. Туда явились миссіонеры, ученые и купцы, а китоловы различныхъ націй, преимущественно американскіе, устроили въ гавани Гонолулу сборный пунктъ. Такимъ образомъ Гавайскіе острова были скоро хорошо изучены, какъ въ географическомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и прежнее мнѣніе о туземцахъ, какъ о свирѣпыхъ дикаряхъ, измѣнилось. Ни одинъ полинезійскій народъ не обнаруживалъ такой любознательности, такой способности къ приобретенію знаній, какъ гавайцы, которые необыкновенно быстро сблизились съ европейцами. Ихъ большая склонность къ торговлѣ конечно много способствовала тому, что сношенія съ европейцами развивались и укрѣплялись.

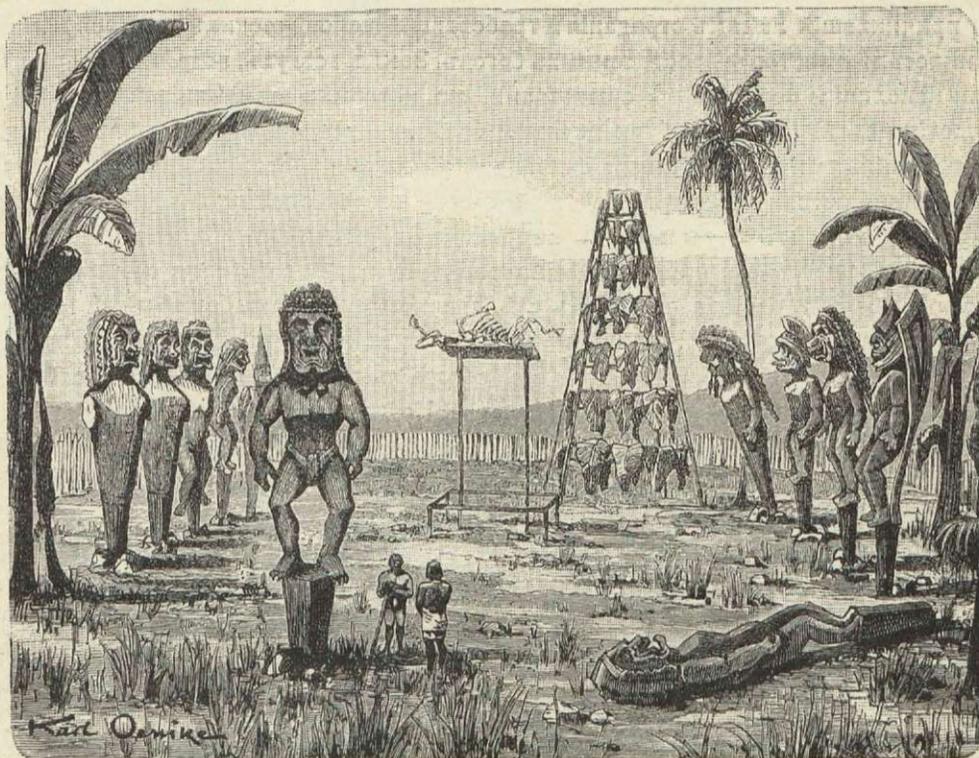
Въ древнія времена гавайскій народъ раздѣлялся на три рѣзко разграниченныя касты: знатныхъ людей—„алии“, къ которымъ принадлежали короли и владѣтельные князья; жрецовъ—„кахуна“, къ числу которыхъ причислялись колдуны и знахари, и, наконецъ, простой народъ, рабочіе, называвшійся „макаайнана“.

Народъ вѣрилъ, что короли и князья божественнаго происхожденія, и поэтому относился къ нимъ съ суевѣрнымъ страхомъ и почтеніемъ. Короли и князья и по внѣшнему виду отличались отъ простаго народа и держались очень гордо. Они носили желтые или красные плащи изъ перьевъ и такой же головной уборъ, и при ихъ появленіи народъ падалъ ницъ и могъ приближаться къ нимъ только на четверенькахъ. Если кто нибудь изъ обыкновенныхъ людей осмѣливался произносить королевское имя стоя, то его за это казнили. Не позволялось также прикасаться ни къ чему, что принадлежало королю или переступить порогъ его жилища. Домъ короля считался оскверненнымъ, если въ него вошелъ обыкновенный смертный, и его тогда сжигали. Свита короля была очень многочисленна. Его штатъ состоялъ изъ жрецовъ, астрологовъ, поэтовъ, музыкантовъ, танцовщицъ и танцоровъ и т. д. Королевскіе дома строились изъ дерева или камня и всегда были окружены прекраснымъ паркомъ, около нихъ находилась часовня, состоявшая въ вѣдѣніи главнаго жреца.

Земля принадлежала королямъ и князьямъ, такъ же какъ и всѣ ея продукты и рыба въ морѣ. Простой народъ находился въ крѣпостной зависимости отъ князей, на которыхъ онъ долженъ былъ работать. Вся страна была раздѣлена на большіе и маленькіе округа, и всѣ продукты этихъ округовъ дѣлились на три части, причемъ только одна треть составляла достояніе народа, двѣ же трети отдавались князьямъ. Когда умиралъ какой нибудь князь,

то его владѣнія возвращались къ королю, который могъ ихъ снова отдать кому нибудь изъ своихъ приверженцевъ. При вступленіи новаго короля всегда происходили замѣны старыхъ владѣтелей новыми приверженцами короля, что часто служило поводомъ къ кровопролитнымъ войнамъ. Въ древнія времена страна управлялась неписанными законами, которые поддерживались предками.

Жрецы также раздѣлялись на двѣ касты: высшую и низшую. Жрецы высшей касты совершали богослуженіе и вообще пользовались большимъ вліяніемъ въ народѣ. Низшая каста жрецовъ состояла изъ колдуновъ, ворожей и знахарей. Они также имѣли вліяніе въ народѣ, сохранившееся почти до послѣдняго времени и оказавшееся очень вреднымъ во многихъ отношеніяхъ.

Дворъ при королевскомъ храмѣ на о. Гавайи.

Древняя религія гавайцевъ представляла смѣсь самаго грубаго идолопоклонства съ очень серьезными и глубокими взглядами и представленіями о сотвореніи міра, грѣхопаденіи, потопѣ и т. д., которыя чрезвычайно сходны съ преданіями Ветхаго Завѣта. Легенда о сотвореніи міра сохранилась въ первобытной чистотѣ, благодаря жрецамъ, которые были главными хранителями Гавайскихъ преданій. По этой легендѣ въ началѣ до сотворенія міра изъ хаоса, существовали трое могущественныхъ боговъ: Кане, Ку и О-роно. Благодаря ихъ совмѣстнымъ дѣйствіямъ свѣтъ проникъ въ хаосъ. Тогда боги сотворили три небесныя сферы, которыя служили ихъ мѣстожительствомъ, и затѣмъ создали землю, солнце, луну и звѣзды. Послѣ того они сотворили сонмище ангеловъ, которые должны были служить имъ, и наконецъ занялись сотвореніемъ человѣка. Изъ красной глины они сдѣлали тѣло, изъ бѣлой головы, а самый старшій изъ боговъ—Кане вдохнулъ ему жизнь. Изъ его ребра затѣмъ создана была Ева. Эта новая пара людей называлась „Кумухонуа“ и „Кеолакухонуа“ и была помѣщена богами въ чудный райскій садъ, гдѣ росли великолѣпныя деревья и между прочимъ священ-

ное хлѣбное дерево. Самый могущественный изъ ангеловъ Каналоа (гавайскій сатана) потребовалъ сначала отъ новой пары людей, чтобы они ему поклонялись, что однако было запрещено богомъ Кане. Раздраженный отказомъ Каналоа попробовалъ создать новыхъ людей, но такъ какъ это ему не удавалось, то онъ рѣшилъ погубить созданныхъ людей; превратившись въ большую ящерицу, онъ пробрался въ рай и склонилъ первыхъ людей къ грѣху, за что они и были потомъ изгнаны изъ рая огромною птицей, посланной богомъ Кане.

У гавайцевъ существуетъ совершенно такая же, какъ въ Библии, легенда о Каинѣ (по гавайски: Лака) и о Ноѣ (по гавайски: Ноахъ), благодаря которому предки гавайскаго народа спаслись отъ потопа. Впослѣдствіи, подъ влияніемъ переселенцевъ изъ другихъ острововъ, рѣлигіозныя представленія и обряды гавайцевъ приняли болѣе сложныя формы, и къ четыремъ главнымъ богамъ: Кане (творецъ міра), Каналоа (его помощникъ), О-роно и Ку—богъ зла, причинявшій людямъ страданія и требовавшій человѣческихъ жертвоприношеній,—присоединилось множество второстепенныхъ боговъ. Земля, воздухъ, вода, по повѣріямъ гавайцевъ, были наполнены невидимыми существами, отъ которыхъ зависѣли всѣ явленія природы. Вулканическія явленія, грозы и бури, акулы и болѣзни—все это насылалось на людей злыми духами. Уединенныя и опасныя мѣста считались обитаемыми особенными божествами. Души умершихъ также составляли цѣлый большой классъ второстепенныхъ божествъ. Станнымъ образомъ небесныя свѣтила не вызывали поклоненія у гавайцевъ, а между тѣмъ гавайцы умѣли пользоваться ими для опредѣленія направленія при плаваніи на своихъ судахъ.

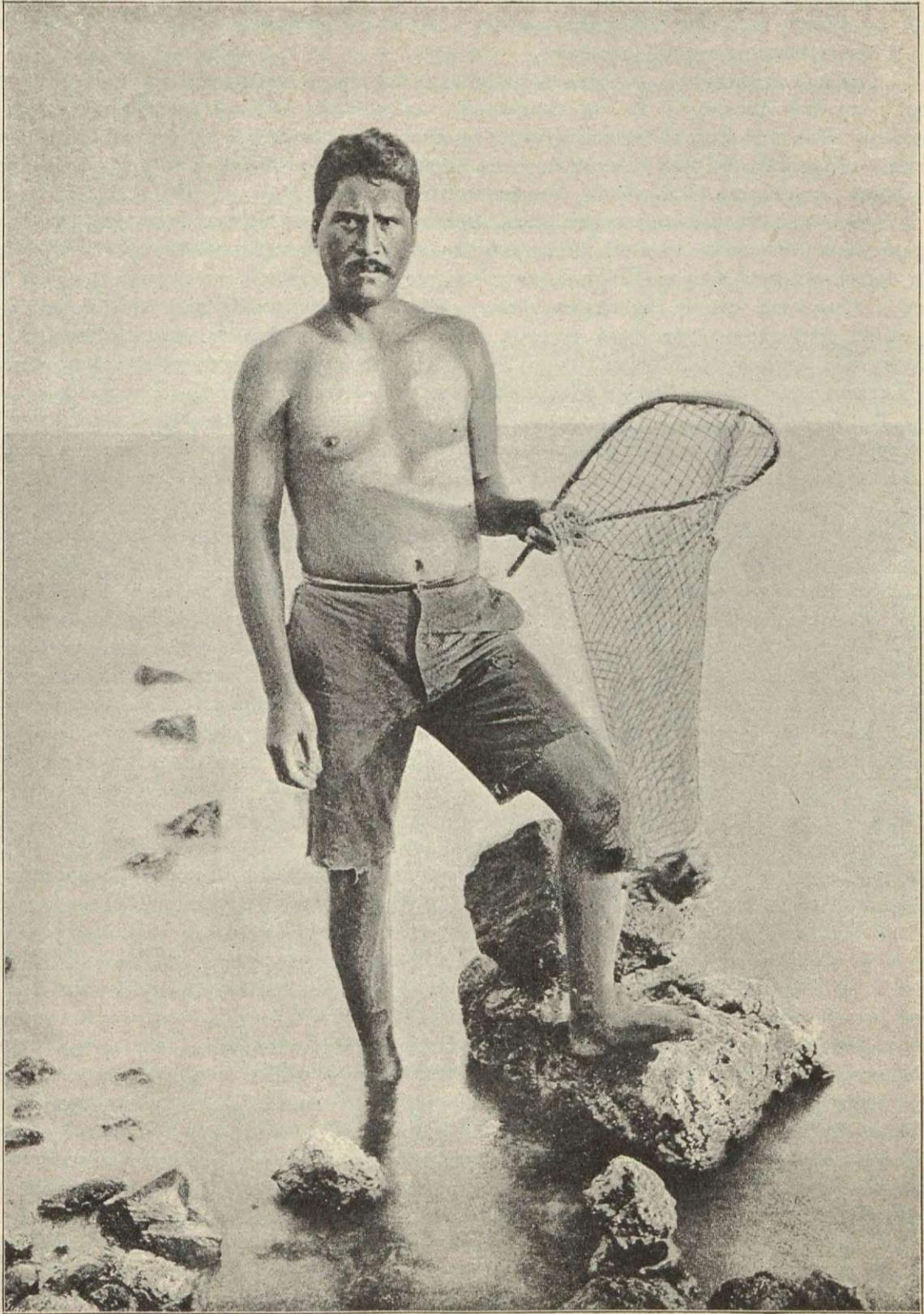
Такимъ образомъ религія гавайцевъ сдѣлалась очень богата божествами всякаго рода, и даже преступники, смотря по роду преступленія, имѣли каждый своего бога покровителя. Насчитывалось до 85 разныхъ божествъ, изъ которыхъ гавайцы больше всего боялись богини огня „Пеле“, обитавшей въ кратерѣ Килауэа. Когда наступало изверженіе, то въ потоки лавы бросали животныхъ и другія приношенія, чтобы умилостивить разгнѣванную богиню. Часто въ кратеръ бросали трупы умершихъ, чтобы души ихъ вступили въ свиту богини и могли бы заступаться передъ нею за своихъ близкихъ.

Гавайцы также поклонялись богу Мауи, который, подобно Прометею, добылъ людямъ огонь и кромѣ того вытащилъ, при помощи волшебнаго крючка, острова изъ глубинъ океана.

Но гавайцы не ограничивались только этими богами; нѣкоторымъ животнымъ также оказывались божескія почести. Они поклонялись акуламъ, ящерицамъ и совамъ и вѣрили, что лѣса населены эльфами, а воды русалками. Вообще они были до того суевѣрны, что вездѣ видѣли духовъ и заколдованныя мѣста. Ночью никто изъ нихъ не рѣшился бы пройти черезъ поле, гдѣ когда либо происходило сраженіе, такъ какъ они были увѣрены, что смѣльчаку грозитъ неминуемая смерть отъ сонмища духовъ, наполняющихъ это поле. О загробной жизни они имѣли однако весьма смутныя и измѣнчивыя понятія.

Какъ у всѣхъ полинезійцевъ, табу играло большую роль во всѣхъ рѣлигіозныхъ церемоніяхъ гавайцевъ. Предписанія „табу“ исходили отъ жрецовъ и королей, и все, на что налагалось табу, было безусловно запрещено. Нарушеніе этихъ предписаній считалось тяжельмъ прегрѣшеніемъ передъ богами и наказывалось смертью. Особенныя предписанія касались женщинъ, которымъ было запрещено ѣсть вмѣстѣ съ мужчинами, и подъ страхомъ смертной казни онѣ не смѣли прикасаться къ кокосовымъ орѣхамъ, бананамъ, свиному мясу и нѣкоторымъ родамъ рыбъ. Когда гавайскій король Камеамеа II рѣшилъ открыто порвать съ этими рѣлигіозными обычаями, то онъ пообѣдалъ вмѣстѣ съ своею женой въ присутствіи всего собравшагося народа.

Въ прежнія времена храмы на Гавайскихъ островахъ были очень многочисленны. Одни изъ нихъ были посвящены богу О-роно, другіе—богу Ку. Первые считались выше, и только въ нихъ приносились человѣческія жертвы. Особый родъ храмовъ представляли „храмы убѣжища“. Двери въ эти храмы всегда оставались открытыми, и въ нихъ каждый преступникъ могъ найти пріютъ, такъ какъ жрецы брали его подъ свою защиту, если онъ являлся въ храмъ

Рыбакъ съ о. Гавай.

и молилъ о покровительствѣ боговъ. Самый большой изъ такихъ храмовъ находился на островѣ Гаваи и занималъ площадь почти въ 30,000 кв. километровъ, окруженную стѣной въ 4 метра вышины и пять—толщины.

Гавайцы поклонялись изображеніямъ своихъ боговъ въ видѣ идоловъ, такъ какъ вѣрили, что боги вселяются въ эти деревянные изображенія, которыя часто были отвратительны. Когда новый идолъ былъ готовъ, то ему возносились моленія, и приносилась въ жертву свинья и человѣкъ. Трупъ принесеннаго въ жертву хоронили поблизости того дерева, изъ котораго изготовленъ былъ идолъ, а свинью съѣдали.

Церемонія богослуженія у гавайцевъ была очень сложная. Каждая молитва имѣла свое названіе, и нѣкоторыя изъ нихъ были такъ длинны, что продолжались по нѣсколько часовъ. Во время произнесенія какой нибудь важной молитвы должна была царствовать мертвая тишина, и если эта тишина нарушалась какимъ нибудь случайнымъ звукомъ, то это считалось дурнымъ признакомъ. Нѣкоторыя моленія заключались въ томъ, что жрецъ обращался къ народу и тотъ отвѣчалъ. Король считался главою церкви и при особенно важныхъ обстоятельствахъ онъ долженъ былъ приносить богамъ человѣческія жертвы.

Хотя гавайцы никогда не были людоедами,—въ ихъ преданіяхъ только разсказывается о людоедахъ, явившихся съ другихъ острововъ Тихаго океана, но скоро изгнанныхъ гавайцами,—тѣмъ не менѣе человѣческія жертвоприношенія бывали у нихъ довольно часто въ прежнія времена. Конечно, для этой цѣли служили главнымъ образомъ военнопленные и затѣмъ нарушители табу. Женщинъ никогда не приносили въ жертву. Убивали жертву большею частью исподтишка, сзади, и поэтому когда строился какой нибудь новый храмъ въ селеніи, то народъ убѣгалъ въ горы, чтобы избѣжать смерти. Послѣднее человѣческое жертвоприношеніе было совершено въ 1807 году по случаю серьезной болѣзни королевы.

На языкѣ гавайцевъ „канакъ“ означаетъ „человѣкъ“, и поэтому обитатели Гавайскихъ острововъ называли себя „канаками“. Мужчины канаки высокаго роста, хорошо сложены и сильны. Волосы и борода у нихъ черныя, а цвѣтъ кожи темнокоричневый. Выраженіе лица открытое и добродушное. Канаки обыкновенно не татуированы, и только на рукахъ и пальцахъ иногда имѣется незначительная татуировка. Женщины въ молодости отличаются граціозностью, но къ старости обыкновенно толстѣютъ, хотя тѣмъ не менѣе сохраняютъ все таки извѣстную грацію движеній.

Одежда прежнихъ гавайцевъ была очень проста и легка. Мужчины носили „мало“—кусокъ ткани, который обматывали вокругъ реберъ, а женщины надѣвали родъ рубашки изъ матеріи „тапа“, которая доходила имъ до колѣнъ. Въ болѣе холодную погоду гавайцы надѣвали плащи на плечи. Обыкновенно они не носили никакого головного убора и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ употребляли сандалии изъ листьевъ пандануса. Только король, кромѣ „мало“, носилъ еще матерію, приготовленную изъ желтыхъ перьевъ маленькой гавайской птички. Эта птичка очень рѣдкая, перья у нея черныя, и только надъ крылышками у нея имѣются нѣсколько желтыхъ перышекъ. Отсюда можно заключить, какъ много нужно было истребить такихъ птичекъ, чтобы сдѣлать королевскую мантию, и какъ дорого цѣнилась эта матерія! Князья носили болѣе короткія мантии изъ желтыхъ и красныхъ перьевъ, а жрецы—только изъ красныхъ перьевъ. Гавайцы питали большое пристрастіе къ разнаго рода украшеніямъ, браслетамъ, ожерельямъ и т. д. Но ихъ носили только знатные люди, цвѣтами же украшалъ себя и простой народъ, и во время праздниковъ всѣ надѣвали вѣнки и окружали себя гирляндами пахучихъ цвѣтовъ. Этотъ прекрасный обычай украшать себя цвѣтами существуетъ и до сихъ поръ среди гавайцевъ, одежда которыхъ однако очень измѣнилась со введеніемъ христіанства. Мужчины теперь носятъ европейское платье, а женщины изъ народа длинную, свободную одежду, вродѣ рубашки, спускающейся до пятокъ и сшитой изъ свѣтлой или темной матеріи.

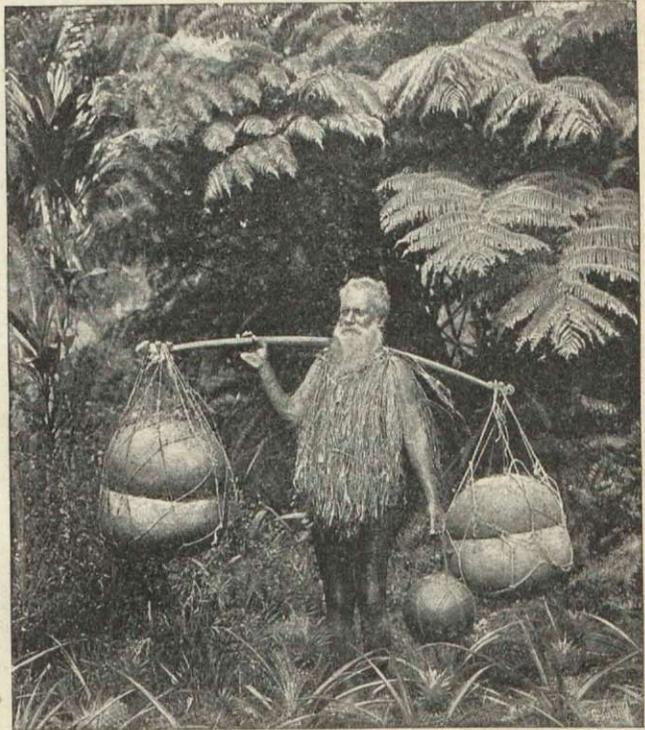
Гавайцы строятъ свои дома изъ деревянныхъ столбовъ, промежутки между которыми,

образующіе стѣны, заполняются листьями и вѣтвями. Такого рода стѣны не пропускаютъ солнечныхъ лучей, и поэтому внутри гавайскихъ домовъ бываетъ довольно прохладно. Внутреннее помѣщеніе дѣлилось на пять отдѣленій: 1) молельня; 2) столовая для мужчинъ; 3) общая спальня; 4) столовая для женщинъ; 5) помѣщеніе, куда удалялись женщины въ извѣстное время дня.

Пищу гавайцевъ составляло мясо свиней, собакъ и куриць, а также рыбъ и другихъ морскихъ животныхъ. Но они употребляли также въ большомъ количествѣ и растительную пищу. И теперь еще ихъ любимое кушанье составляетъ „Пои“—родъ каши, приготовленной изъ поджаренныхъ и мелко истолченныхъ корней таро. Это кушанье очень питательное и здоровое. Туземцы, которые и до сихъ поръ еще ѣдятъ пальцами, различаютъ три рода каши по степени густоты и количеству пальцевъ, которые имъ приходится употреблять при ѣдѣ этой каши. Они говорятъ: „Пои“ для одного пальца, двухъ или трехъ, такъ какъ чѣмъ жиже каша, тѣмъ больше нужно пальцевъ, чтобы отправить въ ротъ достаточную порцію. Гавайцы еще и теперь сохраняютъ старинное обыкновеніе варить пищу въ земляныхъ ямахъ при помощи раскаленныхъ камней. Прежде огонь добывался посредствомъ тренія кусковъ дерева разной твердости; теперь разумѣется этотъ способъ оставленъ, но до сихъ поръ еще сохраняется въ силѣ обычай, возлагающій на мужчинъ приготовленіе каши „Пои“ и варку пищи.

Изъ корней растенія „Ава“ гавайцы готовятъ особенный, крайне опьяняющій и вредный напитокъ, ослабляющій память и зрѣніе. Напитокъ приготовлялся слѣдующимъ образомъ: молодыя дѣвушки, предварительно вымывъ себѣ ротъ, садились вокругъ плоской чаши, сдѣланной изъ твердаго дерева, на трехъ короткихъ ножкахъ, отламывали куски высушеннаго корня авы, клали ихъ въ ротъ и выплевывали хорошо прожевавъ и обративъ въ кашицу, въ чашу, затѣмъ къ этой кашицѣ прибавлялось воды, и все хорошенько перемѣшивалось. Такой способъ приготовленія авы назывался полинезійскимъ и былъ въ употребленіи на многихъ островахъ. Полученная такимъ образомъ настойка процѣживалась черезъ волокна одного растенія, и напитокъ былъ готовъ.

У простого народа бракъ заключался безъ особенныхъ церемоній, и только у князей и зажиточныхъ классовъ онъ сопровождался разными празднествами. Такъ какъ у гавайцевъ знатность рода передавалась съ материнской стороны, а не съ отцовской, то князья и вообще зажиточные гавайцы брали въ жены дѣвушку, мать которой была знатнаго происхожденія, даже если ея отецъ и былъ низкаго рода. Сынъ королевы былъ принцемъ, хотя бы отецъ его былъ изъ народа и наоборотъ, если король или князь женился на дѣвушкѣ низкаго происхожденія по матери, то и его сынъ оставался незнатнаго рода. Въ прежнія времена въ королевскихъ семьяхъ заключались браки изъ политическихъ соображеній даже

Гавайецъ.

между очень близкими родственниками, напр. между отцомъ и дочерью, братомъ и сестрою, и дѣти, происшедшія отъ такихъ браковъ, занимали первое мѣсто среди знатныхъ.

Многоженство составляло довольно частое явленіе у гавайцевъ. Въ зажиточныхъ классахъ требовалось согласіе братьевъ невѣсты на бракъ, затѣмъ происходилъ обмѣнъ подарковъ, и свадьба праздновалась пиромъ, причемъ братья невѣсты, въ знакъ радости, терли свои носы одинъ о другой, а женихъ покрывалъ невѣсту кускомъ матеріи. Религіозныхъ церемоній при этомъ не было никакихъ, хотя гавайцы, при всѣхъ другихъ обстоятельствахъ, всегда обращались къ богамъ. Брачныя узы были очень слабыми, и супруги могли расходиться безъ всякой церемоніи, и каждый могъ идти куда ему угодно. Въ сущности у прежнихъ гавайцевъ не было настоящей семейной жизни. Дѣтоубійство было очень распространенымъ, и рождавшихся дѣтей, въ особенности дѣвочекъ, зачастую хоронили живыми, вслѣдствіе чего число мужчинъ было больше, чѣмъ число женщинъ. Матери не отличались особенною привязанностью къ дѣтямъ и очень охотно отдавали ихъ на воспитаніе чужимъ. Несмотря на свое добродушіе, гавайцы удивительно равнодушно относились къ немощнымъ отъ старости или болѣзни и предоставляли имъ умирать съ голоду. Погребальныя церемоніи смотря по рангу умершаго, были очень различны. Если умиралъ король, то весь округ считался нечистымъ въ теченіе десяти дней, и наслѣдникъ долженъ былъ покинуть его на весь этотъ періодъ времени. Жрецы между тѣмъ занимались отыскиваніемъ того, кто былъ виновникомъ смерти короля, т. е. вызвалъ ее посредствомъ волшебныхъ чаръ. Послѣ человѣческаго жертвоприношенія тѣло умершаго заворачивалось въ листья банановъ и таро и зарывалось въ землю ближе къ поверхности. Сверху разводился огонь, который поддерживался при чтеніи молитвъ, чтобы ускорить разложеніе, и спустя десять дней трупъ вырывался, кости очищались отъ мяса и связывались въ узелъ, украшенный красными перьями. Жрецы объявляли ихъ священными, и самые вѣрные друзья умершаго должны были тайкомъ похоронить ихъ въ какой нибудь недоступной скалистой пещерѣ или же уничтожить другимъ путемъ. Сердце же короля приносилось въ жертву богинѣ Пеле, т. е. бросалось въ кратеръ Килауэа. Рассказываютъ, между прочимъ, что кости одного изъ королей были высушены, истолчены въ порошокъ и примѣшаны къ кашѣ пой, которою угостили ничего не подозревавшихъ гавайскихъ вождей.

Когда кончался періодъ табу, то наслѣдникъ возвращался домой, и тогда въ странѣ объявлялся трауръ по умершемъ королѣ, выражавшійся однако въ довольно странныхъ формахъ. Повсюду раздавались однообразныя жалобныя пѣсни, прославлявшія геройскіе подвиги умершаго, подданные его выбивали себѣ передніе зубы, сбрасывали половину головы и зачастую выжигали себѣ глубокія раны на тѣлѣ и татуировали языкъ. Въ то же время отмѣнялись всѣ стѣсненія, налагаемые законами, и преступленія оставались безнаказанными. Въ странѣ воцарялась полнѣйшая разнузданность, и это объяснялось тѣмъ, что „горе омрачило разумъ народа“.

Прежніе гавайцы были очень воинственнымъ народомъ, и миръ весьма рѣдко господствовалъ на всѣхъ островахъ одновременно. Этивойны много способствовали уменьшенію населенія. Но воинственность не препятствовала гавайцамъ быть также очень трудолюбивымъ народомъ. Надо было все таки не мало труда и искусства, чтобы сдѣлать почву годной для земледѣлія и оросить поля какъ слѣдуетъ. Вслѣдствіе своего вулканическаго происхожденія почва нуждалась въ очень тщательной обработкѣ. Гавайцы провели воду съ горъ на свои поля и сдѣлали ихъ плодородными.

Рыбная ловля также составляла одно изъ главныхъ занятій гавайцевъ. Торговля, исключительно мѣновая, была распространена между различными округами Гавайскихъ острововъ, и въ извѣстное время устраивались настоящія ярмарки, гдѣ происходилъ весьма оживленный обмѣнъ продуктами.

Прежніе гавайцы, какъ и всѣ полинезійскія племена, имѣли лунный календарь, считая

мѣсяць попеременно въ 29 и 30 дней. Двѣнадцать такихъ мѣсяцевъ составляли годъ, который былъ короче нашего солнечнаго года на 11 дней. Начало года считалось въ Ноябрь. Каждый мѣсяць и день имѣли у нихъ свое названіе, и они дѣлили годъ на два времени, сухое и дождливое.

Гавайцы любятъ море больше всего, и врядъ ли можно встрѣтить гдѣ либо болѣе неустрашимыхъ и искусныхъ пловцовъ, чѣмъ они. Ихъ любимое развлеченіе — плаваніе въ морскомъ прибоѣ; и теперь еще этотъ родъ спорта очень распространенъ среди гавайской молодежи обоого пола. Гавайцы вообще большіе охотники до развлеченій и очень любятъ танцы и всякаго рода игры. Красивое мѣстоположеніе ихъ родины конечно много содѣйствовало развитію у нихъ поэтическаго чувства. Они съ особенною любовью занимались поэзіей и сочиняли стихи, въ которыхъ воспѣвали красоты природы и самыя идеальныя чувства человѣческой души. У гавайцевъ существовали четыре рода пѣсней: 1) религіозныя

Рыбакъ съ о. Гаваи.

или пророческія пѣсни; 2) стихи, прославляющіе геройскіе подвиги знаменитыхъ князей; 3) пѣсни любви и 4) пѣсни смерти. Легенды гавайцевъ очень поэтичны. Они передавались устно изъ поколѣнія въ поколѣніе и повѣствовали о древнихъ временахъ. При дворѣ каждаго гавайскаго короля непременно находились пѣвцы и рассказчики, которые рассказывали народу въ формѣ легендъ исторію его предковъ. Всѣ эти гавайскія легенды проникнуты возвышенною поэзіей и глубокимъ чувствомъ.

За послѣднія сто лѣтъ туземная раса постепенно убываетъ. Соприкосновеніе съ бѣлою расой имѣло и на гавайцевъ такое же пагубное вліяніе, какъ и на большинство первобытныхъ народовъ. По послѣдней переписи 1896 года, число гавайцевъ уменьшилось уже до 31,019. Несмотря на всѣ свои способности и умъ, гавайцы все таки вынуждены уступить мѣсто бѣлымъ и азіатскимъ пришельцамъ, которые оказываются сильнѣе ихъ и выносливѣе въ борьбѣ за существованіе. Они не въ состояніи конкурировать съ энергичными и способными бѣлыми купцами или съ настойчивыми и бережливими азіатами. Склонные къ излишествахъ гавайцы легко предаются пьянству, и конечно это также содѣйствуетъ вымиранію расы. По мѣрѣ умень-

шенія коренного населенія острововъ, вырастаетъ чужеземное. Всѣхъ жителей на островахъ по переписи 1896 года 109,020, и изъ нихъ, какъ мы уже говорили выше 31,019 принадлежить къ туземной расѣ; остальные же все чужеземцы, причемъ больше всего китайцевъ (21,616) и японцевъ (24,407). Къ разнымъ причинамъ, способствующимъ уменьшенію численности туземцевъ на островахъ, слѣдуетъ прибавить страшную болѣзнь—проказу, занесенную на острова китайцами въ 1848 году. Ее такъ и называютъ китайскою болѣзнью. Туземцы массами поражаются этою неизлечимою болѣзнью. Больныхъ тотчасъ же перевозятъ на островъ Молокай, гдѣ они пользуются свободой и удобствами существованія, но осуждены на вѣчное пребываніе на этомъ островѣ. Съ ними вмѣстѣ добровольно заточили себя и католическіе миссіонеры, которые утѣшаютъ и поддерживаютъ несчастныхъ, осужденныхъ на такое горькое существованіе. Въ 1896 г. на Молокаѣ находилось 1,139 больныхъ. Немного уже осталось такихъ гавайцевъ, которые могутъ дать понятіе о силѣ и гордой красотѣ народа, населявшаго острова до переселенія европейцевъ. Здоровые, сильные и чистокровные гавайцы составляютъ лишь небольшую часть населенія, и, вѣроятно, гавайская раса исчезнетъ путемъ соединенія съ переселенцами разныхъ другихъ національностей.

Самый восточный и самый большой изъ острововъ архипелага—островъ Гаваи—формой напоминаетъ трехугольникъ. Жителей на этомъ островѣ 26,700, которые преимущественно сосредоточились на береговой полосѣ, гдѣ имѣются хорошія гавани. Впрочемъ, и въ горныхъ долинахъ и по берегамъ рѣчнымъ разсѣлились также цвѣтушія деревни, жители которыхъ занимаются садоводствомъ и земледѣліемъ. Островъ имѣетъ въ длину 150 километровъ и въ ширину 120 и очень живописенъ. Пять большихъ вулкановъ высятся на островѣ и 53 застывшихъ потока лавы пересѣкаютъ его; нѣкоторые изъ этихъ потоковъ имѣютъ въ длину до 45 километровъ. Только на сѣверномъ, сѣверовосточномъ берегу острова нѣтъ потоковъ лавы, и мѣстность отличается плодородіемъ, такъ что путешественникъ, миновавъ дикія, печальныя мѣста, покрытыя пепломъ, камнями и залитыя лавою, сразу попадаетъ въ очаровательную страну, гдѣ находится главный городъ и округъ острова—Хило. Прямо передъ глазами восхищеннаго путешественника возвышается огромный конусъ вулкана Мауна-Лоа. Каждая скала, каждая трещина ясно вырисовывается въ чистомъ, прозрачномъ воздухѣ; налѣво раскинулась гористая мѣстность, поросшая лѣсомъ, а впереди разстилается необозримая даль океана. Рѣка Вайлука, вытекающая изъ южнаго склона вулкана Мауна-Кеа, образуетъ тутъ большой и въ высшей степени живописный водопадъ. Не доходя одной морской мили до своего устья, рѣка, раздѣлившись на два рукава, низвергается со скоростью отвѣснаго уступа вышиною въ 40 метровъ. Брызги и пѣна постоянно стоятъ надъ водопадомъ, а преломляющіеся въ нихъ солнечные лучи, образуя радугу, окружаютъ его какъ бы разноцвѣтнымъ сіяніемъ. Кругомъ водопада стоятъ черныя стѣны базальтовыхъ скалъ, въ ихъ расщелинахъ растутъ ползучія растенія, папоротники и мхи, и это еще увеличиваетъ прелесть всей картины.

Туземцы, плавающіе какъ рыбы, очень любятъ бросаться въ рѣку выше водопада, и вмѣстѣ съ потокомъ воды летятъ въ глубину. Даже молодая дѣвушка съ удовольствіемъ занимается этимъ опаснымъ упражненіемъ. Нужно большое искусство, чтобы не попасть при этомъ въ водоворотъ, такъ какъ тогда отважный пловецъ рискуетъ больше никогда не появиться на свѣтъ Божій.

Берега Гаваи не опоясаны коралловыми рифами, какъ берега другихъ острововъ этой группы. Вулканическая дѣятельность очевидно препятствовала образованію этихъ рифовъ, и только у Хило встрѣчаются небольшія пространства коралловыхъ отмелей. Склоны Мауна-Лоа и Килауэа покрыты густою тропическою растительностью. Главный городъ острова Хило лежитъ на берегу прекрасной гавани, которая представляетъ хорошую якорную стоянку даже для большихъ судовъ. Мѣстоположеніе этого города чрезвычайно живописное. Это торговый городъ, населеніе котораго состоитъ преимущественно изъ иностранцевъ. Онъ расположенъ

по склону вулкана Муана-Лоа, представляющаго главную достопримѣчательность острова. На восточной сторонѣ Муана-Лоа открывается огромное, чашеобразное углубленіе—кратеръ Килауэа, находящійся на высотѣ 1210 метровъ. Онъ представляетъ озеро, наполненное огненною, клокочащею и кипящею массой. Англичанинъ Эллисъ, первый посѣтившій этотъ кратеръ съ научною цѣлю и описавшій его въ 1823 году, говоритъ, что онъ имѣетъ двѣ англійскихъ мили въ длину и одну въ ширину. Глубину онъ предполагаетъ въ 300 метровъ. Кратеръ наполненъ огненною массой, среди которой разсѣяны до 50 кратеровъ различной величины. Нѣкоторые изъ нихъ выбрасываютъ клубы дыма или свѣтящіяся пирамиды огня. Изъ многихъ кратеровъ извергались потоки жидкой, огненной лавы, которая текла по чернымъ склонамъ и соединялась съ кипящею у подножія кратеровъ жидкою массою лавы. Видъ на это огненное озеро ночью былъ восхитительный. Кипящая масса раскаленной жидкой лавы походила на растопленный металлъ. Огни, появляющіяся на его поверхности, свѣтились то краснымъ, то синимъ, то бѣлымъ пламенемъ и освѣщали кратеры, изъ которыхъ съ трескомъ вылетали вулканическія бомбы или раскаленные камни и падали въ клокочущую массу озера. Это зрѣлище производитъ такое сильное впечатлѣніе, что вполне понятно, почему туземцы считали это озеро мѣстожительствомъ грозной богини огня Пеле, гнѣва которой они страшились.

Въ окрестностяхъ Килауэа находится очень замѣчательное вещество, которое туземцы называютъ „волосами Пеле“. Оно состоитъ изъ тонкихъ нитей лавы, которыя отрываются отъ поверхности кипящаго озера и уносятся вѣтромъ, причемъ отъ постепеннаго охлажденія они вытягиваются въ тонкія, стеклообразныя волокна и падаютъ на землю. Эти волокна повисаютъ пучками, точно паутина или шелкъ, въ расщелинахъ скалъ, на кустахъ и камняхъ. Одинъ нѣмецкій путешественникъ нашель на краю кратера цѣлое птичье гнѣздо, сдѣланное изъ этихъ волоконъ, и въ немъ было нѣсколько яичекъ.

На сѣверо-западъ отъ Гавайи находится второй по величинѣ островъ архипелага Мауи, на которомъ есть хорошая гавань—Лахайна (3,000 жителей), также торговый городъ. Еще далѣе къ сѣверо-западу лежитъ островъ Оаху, самый главный изъ острововъ, такъ какъ на немъ лежитъ столица Гонолулу, въ которой сосредоточивается почти вся торговля острова. По переписи 1896 года въ этомъ городѣ 30,000 жителей. Городъ буквально утопаетъ въ зелени, и съ моря видны только деревья, апельсиныя рощи, да кое-гдѣ среди зелени виднѣются фасады дворцовъ, да колокольни церквей. Въ Гонолулу находятся главныя учебныя заведенія и ученныя общества Гавайскаго архипелага, и тамъ издаются всѣ главныя газеты, англійскія и туземныя.

Когда Кукъ посѣтилъ въ первый разъ Гавайскіе острова, то на главномъ островѣ Гавайи были три независимыхъ королевства. Въ одномъ изъ нихъ царствовалъ король Камеамеа, чрезвычайно честолюбивый человекъ, который мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться единственнымъ обладателемъ острова. Ему удалось добиться этого, но разумѣется лишь послѣ многократныхъ кровопролитныхъ сраженій съ другими владѣтелями острова. Но даже сама природа пришла къ нему на помощь; изверженіе Мауна-Лоа истребило войско его противника Кеона. Отрядъ Кеона расположился ночевать недалеко отъ огненнаго озера Килауэа. Ночью вдругъ началось изверженіе, и войско такъ перепугалось, что ни одинъ воинъ не рѣшался тронуться съ мѣста. Простоявъ на одномъ мѣстѣ три ночи, войско раздѣлилось на три отряда. Передовой отрядъ не успѣлъ отойти далеко, какъ земля заколыхалась, посыпался дождь пепла, и день превратился въ ночь. Только изрѣдка темноту пронизывали синіе и красные потоки свѣта. Воины обезумѣли отъ ужаса, дышать было невозможно, многихъ опасно ранили падающіе камни, многіе совсѣмъ сгорѣли. Станнымъ образомъ меньше всего пострадалъ отрядъ, находившійся ближе къ кратеру, средней же отрядъ былъ весь истребленъ,—ядовитые газы задушили воиновъ. Ихъ нашли потомъ лежащими и сидящими на землѣ. Многіе въ минуту смерти обняли своихъ женъ и дѣтей и прижали свои носы къ ихъ носамъ, такъ какъ у гавайцевъ это замѣняетъ поцѣлуй. Издали ихъ можно было принять

за живыхъ, отдыхающихъ послѣ утомительнаго пути. Изъ всѣхъ находившихся тутъ живыхъ существъ уцѣлѣла только одна свинья.

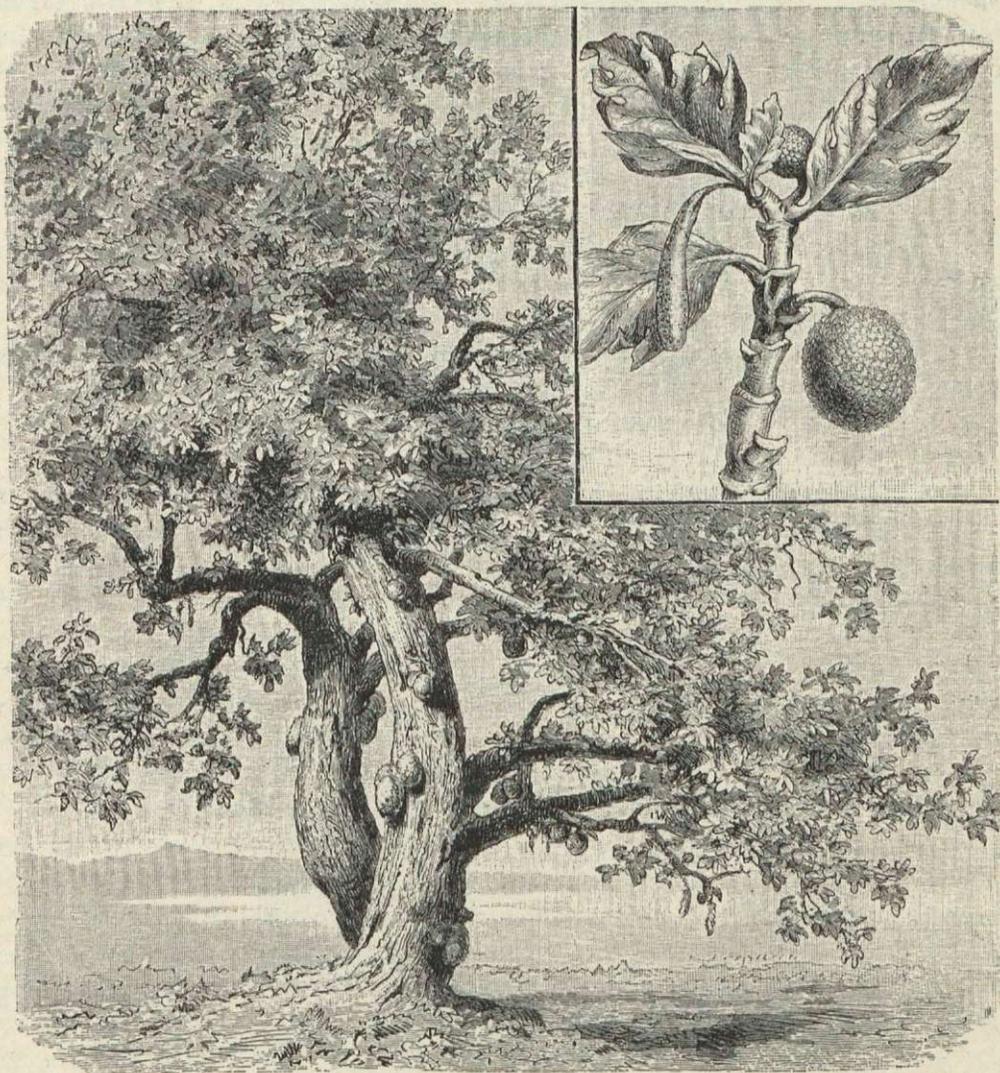
Остатки войска были разбиты на голову королемъ Камеаеа, который затѣмъ покорилъ западные острова и тогда объявилъ себя единственнымъ властителемъ Гавайскихъ острововъ. Добившись своей цѣли, Камеаеа посвятилъ свои заботы на то, чтобы возвысить свое государство, образовать его и увеличить его благосостояніе. Онъ расширилъ торговлю, завелъ сношенія съ иностранцами и сумѣлъ привлечь къ себѣ множество европейскихъ моряковъ и ремесленниковъ. Иностранные корабли находили у него гостепримство, а военнымъ кораблямъ и экспедиціямъ онъ оказывалъ особенное вниманіе. Благодаря ему гавань Гонолулу начала посѣщаться судами всѣхъ европейскихъ державъ, и европейскіе и американскіе купцы строили себѣ тамъ дома и открывали магазины.

Камеаеа умеръ, и съ нимъ кончилась языческая эра въ Гаваи. Сынъ его былъ безпечный человекъ, любящій веселиться и поэтому неохотно исполнявшій строгіе языческіе обряды, стѣснявшіе его. Онъ первый отмѣнилъ табу и всенародно пообѣдалъ вмѣстѣ съ женщинами; онъ заставилъ ихъ сидѣть рядомъ съ мужчинами и ѣсть запрещенное для нихъ свиное мясо. Это былъ первый важный шагъ къ ниспроверженію старой вѣры. „Боги остаются нѣмы; они не наказываютъ виновныхъ за нарушеніе табу—значитъ они безсильны!“ сказалъ король, и такимъ образомъ язычеству былъ нанесенъ смертельный ударъ. Вскорѣ послѣ того два вліятельныхъ вождя перешли въ христіанство, и хотя это значительно поколебало прежнія вѣрованія, тѣмъ не менѣе часть народа все таки оставалась вѣрна своимъ богамъ. Жрецы разумѣется были очень недовольны новыми вѣяніями и постарались взбунтовать народъ, такъ что дѣло дошло до открытаго возстанія. Но войско короля побѣдило бунтовщиковъ и послѣ того начало разрушать храмы и идоловъ. Когда въ 1820 году явились въ Гаваи первые миссіонеры изъ Америки, то они нашли почву для своей проповѣди вполне подготовленной. Они съ жаромъ принялись обучать гавайцевъ и, при помощи латинской азбуки, создали письменный гавайскій языкъ, которому способные туземцы обучились очень быстро. Черезъ два года была устроена въ Гонолулу первая типографія, и отпечатана первая гавайская книга. Король и всѣ его родные приняли христіанство, и число новообращенныхъ стало возрастать съ каждымъ днемъ. Вскорѣ послѣ того король съ королевой поѣхали въ Лондонъ, но это путешествіе было для нихъ роковымъ; они оба получили тамъ оспу и умерли.

Гавайское королевство продолжало развиваться при послѣдующихъ короляхъ и постепенно превратилось въ конституціонную монархію, съ двумя палатами, господъ и представителей, члены которыхъ должны были избираться всѣми гражданами, какого бы они ни были происхожденія. Обѣ палаты, по 24 члена въ каждой, составляли вмѣстѣ законодательное собраніе. Официальнымъ языкомъ былъ гавайскій языкъ, но мало по малу его вытѣснилъ англійскій языкъ, такъ какъ всѣ гавайскія школы были устроены по американскому образцу, и книги, которыя давались дѣтямъ въ руки, были также американскія. Въ 1894 году однако произошли еще болѣе важныя перемѣны въ Гавайскомъ государствѣ: королева была смѣщена при помощи американцевъ, и въ Гавайскомъ архипелагѣ провозглашена республика, причемъ Соединенные Штаты объявили надъ нею временный протекторатъ. Введено было сначала временное управленіе, а затѣмъ учреждено законодательное собраніе, состоящее изъ сената и палаты депутатовъ. По новой конституціи президентъ республики долженъ избираться на шесть лѣтъ. Но спустя четыре года, т. е. въ 1898 году Соединенные Штаты привели, наконецъ, въ исполненіе то, къ чему стремились съ давнихъ поръ, т. е. присоединили Гавайскіе острова, которые вошли теперь въ составъ великой сѣверо-американской республики.

Къ сѣверо-западу отъ острововъ Фиджи лежатъ красивые и плодородные острова Самоа или—какъ ихъ прежде называли „острова Мореплавателей“, недавно еще служившіе пред-

метомъ спора между тремя соперничающими державами, Англійей, Германіей и Соединенными Штатами. Эти острова занимаютъ очень удобное мѣстоположеніе въ Тихомъ океанѣ, какъ центръ мореплаванія, и поэтому естественно, что Англія прежде всего обратила на нихъ вниманіе. Но ей не удалось завладѣть ими, такъ какъ Германія и въ особенности Соединенные Штаты тоже заявили притязанія на эти острова. Междоусобныя войны, постоянно происходящія между отдѣльными правителями архипелага, поддерживались соперничающими державами, потому что давали имъ поводъ къ вмѣшательству. Въ 1889 году на этомъ

Хлѣбное дерево.

архипелагъ былъ утвержденъ общій протекторатъ Великобританіи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ, но затѣмъ, вслѣдствіе новой междоусобной войны, вызвавшей вмѣшательство державъ, состоялся наконецъ въ 1899 году раздѣлъ архипелага. Германія получила острова Уполу и Савай. Соединенные Штаты—островъ Тутуилу и прилегающіе островки, а Великобританія—группу острововъ Гау, составляющую часть архипелага Самоа, острова Тонга, островъ Дикій и Соломоновы острова (кромѣ Бунивиля).

Въ настоящее время на островахъ Самоа насчитывается 35,600 жителей, въ томъ числѣ

2,500 иностранцевъ, изъ нихъ 350 бѣлыхъ, остальные же меланезійскіе рабочіе, китайцы и смѣшанное населеніе. Въ Самоа, слѣдовательно, туземная раса не вытѣсняется пришельцами, какъ это замѣчается на другихъ островахъ Тихаго океана, гдѣ поселились европейцы.

Съ моря острова представляютъ прелестную картину. Они всѣ гористы, за исключеніемъ маленькаго коралловаго атолла Розы, и покрыты густою тропическою растительностью. Острова эти вулканическаго происхожденія, но на нихъ нѣтъ теперь дѣйствующихъ вулкановъ, и только встрѣчаются въ большомъ количествѣ горячіе источники, а также случаются землетрясенія, хотя и не очень сильныя. Въ 1866 году однако произошло около одного изъ острововъ подводное изверженіе, причемъ пепельный дождь поднялся на высоту 900 метровъ надъ водой. Почва острововъ отличается необычайнымъ плодородіемъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ лава еще не успѣла вывѣтриться. Недостатка въ водѣ нигдѣ не ощущается. Съ горъ вытекаетъ множество ручейковъ, которые образуютъ мѣстами прелестныя, живописныя водопады. Въ Саваи есть даже подземныя рѣчки, образующіяся вслѣдствіе поглощенія дождевой влаги почвой; онѣ протекаютъ въ пещерахъ, находящихся въ вулканическихъ горныхъ проходахъ, и затѣмъ выходятъ на поверхность земли въ видѣ многочисленныхъ свѣтлыхъ источниковъ на берегу моря. Густой, тропическій лѣсъ, состоящій преимущественно изъ пальмъ, пандановъ и фикусовъ, переплетенныхъ лианами, въ перемежку съ папоротниками, покрываетъ почти всю поверхность острововъ, за исключеніемъ мѣстъ, гдѣ устроены плантаціи. Кромѣ кокосовой пальмы на островахъ разводится хлѣбное дерево, бананы, таро, ямсъ и др. питательныя растенія. Самоанская фауна, какъ и вообще на всѣхъ островахъ Тихаго океана, не отличается разнообразіемъ. Изъ млекопитающихъ есть только собаки, свиньи, обыкновенныя мыши и летучія мыши.

Климатъ острововъ очень ровный и здоровый. Различаютъ только два времени года: дождливое и сухое. Съ Января по Мартъ бываютъ ураганы, причиняющіе иногда довольно много бѣдъ.

Самый большой островъ Саваи представляетъ не что иное, какъ огромный потухшій вулканъ, съ очень отлогими склонами, на которыхъ расположены двумя рядами старые кратеры. Нѣкоторые изъ нихъ, очевидно, сравнительно недавно перестали дѣйствовать, такъ какъ сѣверозападная сторона вулкана покрыта черными пространствами лавы. Но тамъ, гдѣ лава уже давно вывѣтрилась, возвышаются роскошныя лѣса, покрывающіе склоны горы. По берегамъ разбросаны селенія туземцевъ, утопающія въ зелени и окруженныя кокосовыми пальмами, хлѣбными деревьями, панданами и др. Прибрежныя части острова очень населены и покрыты цвѣтущими плантаціями, внутри же населеніе очень скудное, и вообще центральныя части острова мало изслѣдованы.

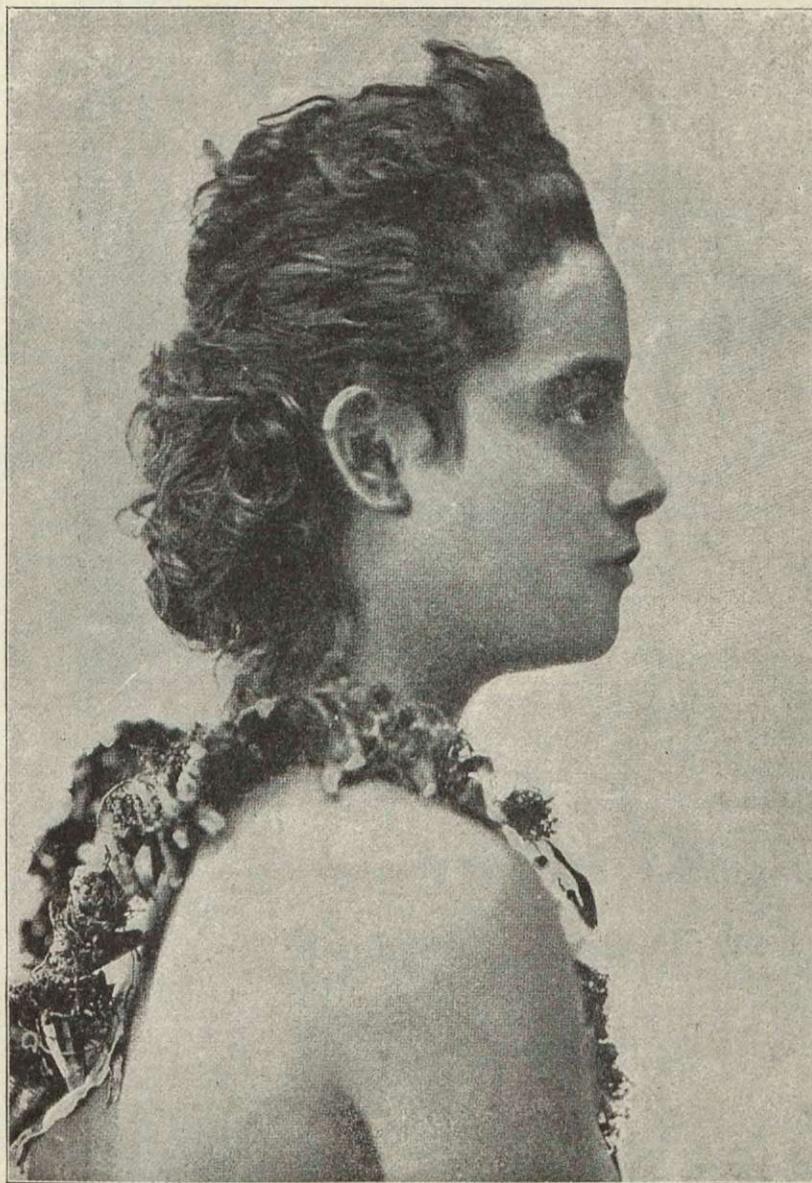
Главный островъ архипелага—Уполу, меньше Саваи, но имѣетъ больше значенія, такъ какъ на этомъ островѣ находится главный портъ архипелага, Апіа. Въ Саваи совершенно нѣтъ бухтъ, удобныхъ для стоянки судовъ, въ Уполу же есть очень хорошія гавани. На западномъ углу острова уединенно возвышается потухшій вулканъ Тофуа, крутые бока котораго покрыты густою растительностью. Уполу, самый населенный изъ острововъ (17,500 ж.), нѣкогда служилъ сборнымъ мѣстомъ для китолововъ, суда которыхъ заходили въ бухту Апіа, теперь же въ эту гавань заходятъ торговыя суда разныхъ націй, такъ какъ торговля Уполу быстро развивается. Германское торговое общество плантаторовъ владѣетъ тамъ большими плантаціями кокосовыхъ пальмъ, хлопка, кофе, маиса, банановъ и др. Общество имѣетъ 21 судно для поддержанія торговыхъ сношеній.

Третій по величинѣ и самый живописный островъ Тутуила, принадлежащій американцамъ. Онъ обладаетъ очень хорошими гаванями и могъ бы соперничать съ Уполу, если бы не лежалъ въ отдаленіи отъ другихъ острововъ. Гавань Панго-Панго, которая врѣзывается на подобіе фіорда въ южный берегъ острова Тутуила, по красотѣ можетъ поспорить съ самыми живописными мѣстами на земномъ шарѣ. Полагаютъ, что эта гавань представляетъ трещину

въ бокахъ вулканической горы. Входъ въ гавань такой узкій, что его издали почти не видно, Крутыя, скалистыя горы, вершины которыхъ поросли роскошнымъ лѣсомъ, окружаютъ бухту точно вѣнцомъ, а вдоль береговъ разстилается узкая полоса прекрасно обработанной и плодородной земли, на которой виднѣются роскошныя рощи кокосовыхъ пальмъ. Берега бухты густо населены.

Долгое время жители архипелага Самоа считались коварными и кровожадными дикарями, и европейскіе мореплаватели избѣгали этихъ острововъ, послѣ того, какъ въ 1781 г. самоанцы истребили европейцевъ, приставшихъ къ островамъ. Однако, какъ оказалось потомъ, это нападеніе было вызвано мстью. Незадолго передъ тѣмъ одного изъ туземцевъ, пріѣхавшаго на корабль, обвинили въ кражѣ и, не разслѣдовавъ хорошенько дѣла, смертельно ранили его выстрѣломъ изъ ружья. Его собратья по племени сочли себя обязанными отмстить за его смерть. Впослѣдствіи путешественники измѣнили свое мнѣніе о самоанцахъ, и всѣ, имѣвшіе съ ними дѣло, отзывались о нихъ какъ о добродушномъ, гостепріимномъ и честномъ народѣ. Именно о честности ихъ путешественники всегда отзывались съ большою похвалой. Посѣщая корабли, самоанцы никогда не позволяли себѣ ничего присвоить, а свезенный на берегъ грузъ съ одного разбитаго корабля они даже позаботились сохранить для законнаго владѣльца.

Самоанцы принадлежатъ къ красивой полинезійской расѣ, они высоки ростомъ и хорошо сложены, цвѣтъ кожи у нихъ свѣтло-оливковый, волосы черные, гладкіе, черты лица пріятныя и выраженіе умное. Въ молодости женщины бываютъ очень красивы, но вообще мужчины

Дѣвушка съ о. Самоа.

красивѣ женщинъ. Одежда самоанцевъ состоитъ большею частью только изъ пояса, къ которому прикрѣплены листья драцены, ниспадающіе въ видѣ юбки до колѣнъ. Иногда они надѣваютъ длинные, бѣлые плащи, сплетенные изъ нитей одного растенія. Мужчины замѣняютъ иной разъ поясъ повязкою вокругъ бедеръ, но верхняя часть тѣла самоанцевъ обыкновенно

Тану, самоанскій вождь.

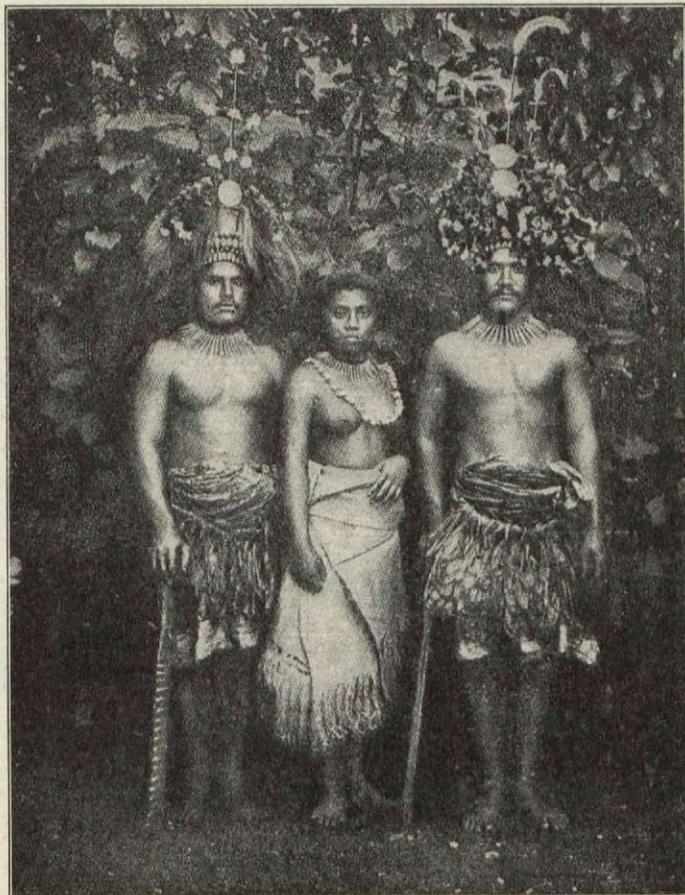
бываетъ обнажена. Въ последнее время, подъ вліяніемъ миссіонеровъ, нѣкоторые изъ туземцевъ уже нарядились въ европейскія одежды, но большинство все таки предпочитаетъ свои повязки и пояса европейскому костюму. Самоанцы любятъ всякія украшенія, и женщины очень красиво и со вкусомъ украшаютъ себя гирляндами цвѣтовъ. Тѣло они мажутъ ароматнымъ кокосовымъ масломъ. Нѣкоторые изъ нихъ устраиваютъ себѣ очень красивый головной уборъ; онѣ носятъ на лбу повязку, состоящую изъ трехъ рядовъ крупныхъ бѣлыхъ бусъ, а въ волосы втыкаютъ красные цвѣты. Самоанскіе предводители, во время войнъ и на праздникахъ, носятъ иногда весьма странный головной уборъ, необыкновенно увеличивающій объемъ головы; они взбиваютъ себѣ волосы на подобіе парика и втыкаютъ въ нихъ большія перья, такъ что эта прическа возвышается надъ головой иногда почти на цѣлый аршинъ.

Съ поселеніемъ европейцевъ на островахъ Самоа и обращеніемъ жителей въ христіанство, многіе старыя обычаи мало по

малу исчезаютъ. Однако обычай татуировки сохранился до сихъ поръ. Мужчины татуируются отъ бедеръ до колѣнъ, а женщины лишь въ области колѣнъ и живота. Татуированіе составляетъ очень выгодное ремесло, и трудъ татуировщиковъ всегда хорошо оплачивается. Каждый юноша непременно считаетъ своимъ долгомъ подвергнуться этой продолжительной и болѣзненной операціи, такъ какъ иначе его не будутъ считать со-

вершеннолѣтнимъ мужчиной. Татуировка производится слѣдующимъ образомъ: юноша ложится на циновку и кладетъ голову на колѣни кому нибудь изъ своихъ родственниковъ, которые сопровождаютъ его; двое же другихъ держатъ его за руки и за ноги и при этомъ громко поютъ и завываютъ, чтобы заглушить стоны юноши, подвергающагося татуированію. Приборъ татуировки состоитъ изъ молотка и нѣсколькихъ гребней разной величины, сдѣланныхъ изъ человѣческихъ костей и прикрѣпленныхъ къ рукояткѣ. Эти гребни опускаются въ растворъ золы кокосовой скорлупы и затѣмъ татуировщикъ приставляетъ ихъ зубцами къ кожѣ юноши и ударяетъ по гребню молоткомъ. Такимъ образомъ онъ выводитъ узоры на кожѣ, но разумѣется операція производится не сразу, кожа татуируется по частямъ неболь-

шими кусочками, такъ что вся операція продолжается иногда 3—4 мѣсяца. Во все время этой операціи юноша очень страдаетъ; кожа у него воспалена и причиняетъ ему сильную боль, такъ что онъ еле волочитъ ноги. Но наконецъ воспаление проходитъ, опухоль спадаетъ, и на кожѣ выступаетъ во всей своей красотѣ узоръ, сдѣланный татуировщикомъ. Это событіе обыкновенно празднуется у самоанцевъ различными пиршествами и пляской. Самоанцы вообще очень любятъ всякія развлечения, игры и пляски. У нихъ есть шуты, которые отличаются своею одеждой и умѣютъ веселить публику своими кривляньями, шутками и подчасъ довольно остроумными выходками. Вообще характеръ самоанцевъ отличается веселостью, добродушіемъ и безопасностью. Правда, къ работѣ они лѣнны, но за то очень понятливы, ловки и легко поддаются культурѣ. Привѣтливость и вѣжливость въ обращеніи и разговорѣ составляютъ ихъ характерную черту, и въ домашней жизни они обнаруживаютъ много привле-

Сыновья и дочь самоанскаго короля.

кательныхъ сторонъ, и въ особенности пріятно поражаетъ отсутствіе у нихъ грубости. Прежде, какъ и всѣ полинезійцы, они здоровались носами, но теперь это привѣтствіе замѣнено европейскимъ пожатіемъ рукъ. Самоанцы очень общительны и большую часть своей жизни проводятъ въ посѣщеніи друзей. Празднества устраиваются очень часто и всегда бываютъ послѣ заката солнца; они сопровождаются пѣніемъ, играми и пляской, въ которыхъ участвуютъ мужчины вмѣстѣ съ женщинами. Самый распространенный танецъ „Сива“ исполняется совместно мужчинами и женщинами въ сидячемъ положеніи и состоитъ изъ граціозныхъ качательныхъ движеній верхней части тѣла и рукъ. Этотъ оригинальный сидячій танецъ сопровождается хоровымъ пѣніемъ. Зрители также поютъ, хлопаютъ въ ладоши, барабанятъ и отбиваютъ тактъ палками. Пѣсни самоанцевъ вообще очень монотонны и въ началѣ поются медленно,

но затѣмъ мало по малу тактъ ускоряется, пока не достигаетъ бѣшеной скорости и съ танцующихъ и поющихъ потъ катится градомъ. На такихъ праздникахъ обыкновенно выпивается не мало туземныхъ крѣпкихъ напитковъ, къ которымъ самоанцы не только мужчины, но и женщины, питаютъ большое пристрастіе.

Положеніе женщины у самоанцевъ не было такимъ тяжелымъ, какъ у другихъ островитянъ. До введенія христіанства у нихъ была распространена полигамія, но только среди знатныхъ самоанцевъ. Бракъ заключался покупкой и не сопровождался никакими религіозными церемоніями. Брачныя узы не были особенно крѣпкими и расторгались такъ-же легко, какъ и заключались, но несмотря на это женщины не подвергались дурному обращенію и ихъ не обращали во вьючное животное, какъ это дѣлали другіе дикари. Мало этого: самоанцы даже почитали женщинъ, и каждая деревня избирала себѣ покровительницу, обыкновенно дочь начальника, которая была представительницею общины на всѣхъ празднествахъ и должна была отличатся добротою и красотой. Къ дѣтямъ самоанцы относились съ величайшею нѣжностью, и обычай дѣтоубійства, столь распространенный въ Полинезіи, никогда не существовалъ въ Самоа, тѣмъ не менѣе смертность дѣтей очень велика въ Самоа и главнымъ образомъ зависитъ отъ чрезмѣрнаго баловства и неразумной любви родителей къ дѣтямъ, не имѣющихъ понятія о томъ, что вредно для дѣтей и что полезно. Обыкновенно дѣти умираютъ на второмъ году жизни отъ разнаго рода дѣтскихъ болѣзней, которыя зачастую являются послѣдствіемъ неразумнаго ухода.

Дома самоанцевъ имѣютъ овальную форму и издали напоминаютъ стогъ сѣна или огромный улей. Промежутки между столбами, образующими стѣны, закрываются на ночь плетенками, а на день ихъ поднимаютъ вверхъ, чтобы не препятствовать притоку свѣжаго воздуха во внутренность дома. Полъ приподнятъ и дѣлается изъ камней и песку, а сверху покрытъ циновками. Крыша покрывается сухими листьями сахарнаго тростника. Въ такомъ домѣ бываетъ только одна комната, но на ночь каждый изъ обитателей дома отгораживаетъ себя маленькими ширмами изъ плетенокъ, такъ что все помѣщеніе раздѣляется на маленькія клѣтушки и у каждого спящаго есть своя канурка. По срединѣ хижины находится очагъ, въ которомъ по вечерамъ жгутъ кокосовые листья, какъ для освѣщенія, такъ и для того, чтобы прогонять москитовъ. Теперь въ домахъ самоанцевъ можно найти европейскую утварь, керосиновыя лампы, зеркала, часы и даже швейныя машины. Однако самоанцы продолжаютъ все таки сидѣть на полу съ поджатыми ногами, и такъ какъ у нихъ, въ противоположность европейцамъ, сидѣть въ присутствіи старшихъ считается доказательствомъ почтенія, то они и въ церкви никогда не стоятъ. Деревни ихъ очень производятъ пріятное впечатлѣніе. Домики разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ среди зелени фруктовыхъ и другихъ деревьевъ. Въ каждой деревнѣ есть всегда одно большое зданіе— „фалемеле“, которое предназначается для общественныхныхъ собраній, празднествъ и приѣма гостей. Это зданіе непременно окружено площадью.

Пища самоанцевъ, какъ и большинства тропическихъ жителей, преимущественно растительная, но они употребляютъ также мясо свиней, главнымъ образомъ только во время пиршества, куриць, голубей и др. птицъ и особенно много ѣдятъ рыбы и разныхъ морскихъ животныхъ и улитокъ. Излюбленное лакомое блюдо самоанцевъ составляетъ особенный морской червь Палало, принадлежащій къ классу кольчатыхъ червей. Но самоанцы могутъ только разъ въ годъ лакомиться этимъ кушаніемъ. Червь живетъ на коралловыхъ рифахъ, на днѣ и только въ извѣстный день появляется на поверхности моря, въ періодъ своего размноженія. Такъ какъ время его появленія извѣстно въ точности, то къ этому дню всѣ жители деревень спѣшатъ выѣхать въ море. Черви появляются на поверхности моря въ такомъ громадномъ количествѣ, что самоанцы черпаютъ ихъ чѣмъ попало и насыпаютъ цѣлыя корзины. Вкусомъ своимъ черви напоминаютъ устрицы, и ихъ ѣдятъ сырыми или же предварительно пекутъ на раскаленныхъ камняхъ.

Самоанцы никогда не были людоедами. Если и бывали когда нибудь случаи людоед-

ства, то они вызывались исключительно чувством мести, но пристрастія къ человѣческому мясу у нихъ никогда не было. Если какой нибудь самоанецъ хотѣлъ нанести оскорбленіе другому, то онъ говорилъ ему: „Я хочу тебя изжарить!“ Это было величайшею обидой. Въ память о прежнихъ временахъ, когда месть допускала людоѣдство, побѣжденные предводители, въ знакъ своей покорности, приходили къ побѣдителю, держа на головѣ кусокъ дерева и сухіе листья, что какъ бы означало: „Убей и изжарь насъ, если тебѣ это нравится“.

Религія самоанцевъ заключалась въ поклоненіи душамъ предковъ, и въ вѣрѣ въ различныя божества, изъ которыхъ главный былъ „Тонгалоа“, сотворившій землю и человѣка, а за нимъ слѣдовали второстепенные боги, которыхъ было множество. Но боги самоанцевъ не были такими кровожадными, какъ боги другихъ островитянъ, и поэтому самоанцы не приносили имъ человѣческихъ жертвъ. Самоанцы вѣрили въ загробную жизнь и въ разныя предсказанія и примѣты. Вѣра въ колдуновъ также была распространена повсемѣстно. У самоанцевъ есть слѣдующая легенда о сотвореніи земли. Вначалѣ было только небо, а земля была

Дѣвушки съ о. Самоа.

покрыта водой. Тогда Тонгалоа послалъ свою дочь Тули, въ образѣ птички, чтобы она отыскала сухое мѣстечко. Она долго летала надъ необозримою водяною равниной, пока наконецъ не увидѣла остріе скалы, выдающееся надъ моремъ. Тогда она возвратилась къ отцу и рассказала ему это. Онъ еще разъ послалъ ее посмотреть, не увеличилась ли суша, и она принесла извѣстіе, что скала разрастается во всѣ стороны. Тонгалоа далъ ей земли и ползучихъ растеній и велѣлъ посыпать скалу землей и посѣять растенія. Она исполнила это, и затѣмъ Тонгалоа нѣсколько разъ посылалъ ее смотреть, что дѣлается на скалѣ. Сначала ползучія растенія быстро разрослись, но затѣмъ въ одно изъ своихъ посѣщеній она увидѣла, что растенія завяли. Въмѣсто старыхъ растеній появились новыя, а изъ остатковъ старыхъ развелись черви, которые кишѣли, извивались и копошились. Когда же дочь Тонгалоа снова посѣтила землю, то черви уже превратились въ людей и населили ее.

Самоанцы вѣрили, что души умершихъ могутъ возвращаться на землю по своему желанію, въ сумерки и ночью и доставлять непріятности, болѣзни и приносить даже смерть тѣмъ, кого не любятъ. Поэтому они всегда старались по возможности дружелюбно расста-

ваться съ умирающими и приносили на похороны разные подарки, чтобы задобрить душу умершаго. По ихъ повѣрью, если въ домѣ находился опасно больной, то вереница духовъ окружала домъ и поджидала душу, чтобы нести ее въ подземное царство. Оттого-то самоанцы и не любили выходить ночью изъ дома; они боялись, что невидимые духи подхватятъ ихъ и унесутъ. Лишь только душа разстанется съ тѣломъ, духи окружаютъ ее, и вмѣстѣ съ нею несутся къ западному берегу Савайи, гдѣ находится входъ въ подземное царство, около котораго стоитъ огромная кокосовая пальма. Душа не должна къ ней прикасаться, иначе она должна будетъ вернуться къ своей прежней жизни, что для умершихъ бываетъ не-пріятно. Если же она благополучно минуетъ пальму, то идетъ дальше, по одному изъ путей, которые ведутъ въ подземное царство. Такихъ путей два: одинъ для знатныхъ, другой для простаго народа. Въ подземномъ царствѣ души живутъ совершенно такъ же, какъ жили на землѣ, т. е. ловятъ рыбу, охотятся и т. д. Само собою разумѣется, что съ введеніемъ христіанства старыя вѣрованія уступили мѣсто новымъ, хотя и не исчезли совершенно, такъ какъ самоанцы далеко еще не избавились отъ всѣхъ своихъ суевѣрій.

Языкъ самоанцевъ самый благозвучный изъ всѣхъ полинезійскихъ языковъ, но такъ бѣденъ звуками, что миссіонеры могли четырнадцатью буквами—пятью гласными и девятью согласными—выразить всѣ встрѣчающіеся въ немъ звуки. Самоанцы однако съ трудомъ выговариваютъ иностранныя слова и вмѣсто р говорятъ обыкновенно л.

Дурная слава, распространившаяся о жителяхъ Самоа послѣ ихъ нападенія на европейцевъ, была причиной, что миссіонеры долго не рѣшались поселиться на этихъ островахъ. Первая попытка въ 1830 году оказалась однако очень удачной. Миссіонеры высадились въ Савайи, гдѣ правитель острова Маліетоа, только-что занявшій это мѣсто послѣ кровопролитной войны, принялъ ихъ очень ласково и охотно слушалъ ихъ поученія. Когда враждующія племена заключили миръ, то проповѣдь христіанства на островахъ пошла очень успѣшно, и туземцы толпами принимали крещеніе. Нигдѣ дѣятельность миссіонеровъ не принесла такихъ быстрыхъ результатовъ, какъ въ Самоа. Туземцы учились необыкновенно успѣшно, и когда приходили корабли, то они всегда спрашивали, не привезли ли къ нимъ еще миссіонеровъ и требовали книгъ, перьевъ, чернилъ, грифельныхъ досокъ и т. д. Миссіонеры еще въ сороковыхъ годахъ устроили въ Уполу учительскую семинарію, которая и теперь приноситъ огромную пользу населенію, такъ какъ изъ нея выходятъ деревенскіе учителя.

Когда европейцы открыли острова Самоа, жители ихъ имѣли только каменные орудія и притомъ очень несовершенныя. Землю они совсѣмъ не обрабатывали, и глиняной посуды у нихъ также не было. Единственное искусство, стоявшее у нихъ на сравнительно высокой ступени развитія, было мореплаваніе и изготовленіе лодокъ. Каждая деревня управлялась у нихъ совѣтомъ старшинъ—которые составляли привилегированный классъ „таймуна“. Нѣсколько деревень вмѣстѣ составляли округъ, во главѣ котораго находился король. Старшины и главы семействъ должны были собираться подъ предсѣдательствомъ короля на открытомъ мѣстѣ для обсужденія общественныхъ дѣлъ, разбирательства тяжбъ и жалобъ отдѣльныхъ деревень, и эти собранія, на которыхъ также рѣшались вопросы мира или войны, носили характеръ настоящихъ парламентскихъ засѣданій. Зрители садились поодаль, а ораторы выходили на средину и произносили рѣчи.

Съ увеличеніемъ числа европейскихъ поселеній, началась борьба за преобладаніе въ Самоа. Нѣмцы, американцы и англичане вели эту борьбу другъ съ другомъ при помощи туземцевъ, которые, какъ и всѣ островитяне, отличались воинственностью и отвагой, несмотря на свой добродушно веселый нравъ. Результатомъ этого соперничества были частыя войны. Американцы въ Самоа стремились учредить надъ островами протекторатъ Соединенныхъ Штатовъ, но американское правительство не рѣшалось на такой шагъ, несмотря на всѣ старанія своихъ консуловъ и колонистовъ. Въ 1880 году Англія, Германія и Соединенные

Штаты, по взаимному соглашенію, рѣшили объявить самоанскимъ королемъ Маліетоа и устроить въ Апіи городское управленіе, во главѣ котораго находились бы также консулы этихъ трехъ державъ. Но часть колонистовъ, преимущественно нѣмцевъ, осталась недовольна выборомъ Маліетоа и выдвинула своего кандидата—Тамазезе. Оба короля поселились на островѣ Уполу и начали оспаривать другъ у друга власть. Возникшая между ними война конечно очень пагубно отразилась на положеніи колонистовъ. Больше всего страдали владѣнія нѣмецкихъ колонистовъ, и такъ какъ Маліетоа выказывалъ большую склонность къ англичанамъ, нежели къ нѣмцамъ, то эти послѣдніе рѣшили отъ него отдѣлаться, тѣмъ болѣе, что они подозрѣвали его въ томъ, что онъ окончательно предался на сторону англичанъ и тайкомъ обѣщаль предоставить имъ исключительное господство надъ островами. Въ Августѣ 1887 года у береговъ Самоа неожиданно появилась Германская эскадра изъ пяти судовъ, Маліетоа былъ взятъ въ плѣнъ высадившимся отрядомъ нѣмецкихъ матросовъ и отвезенъ сначала въ Камерунъ, а потомъ на Маршалскіе острова. Разумѣется, это только усилило распрю трехъ національностей въ Самоа, и отношенія между иностранными торговцами и даже консулами и моряками еще болѣе испортились.

Тамазезе былъ объявленъ королемъ и даже обмѣнялся по этому случаю телеграммами съ императоромъ Вильгельмомъ, который поздравилъ его со вступленіемъ на престоль. Американцы сначала какъ будто примирились съ этимъ фактомъ, но такъ какъ разногласіе все продолжалось, то опять возникла война. Американцы, недовольные Тамазезе, поддержали его соперника Матаафу, который основался въ Апіи. Его войско произвело нападеніе на германскій отрядъ, причемъ было убито и ранено нѣсколько человекъ и даже было сожжено нѣмецкое консульство. Для улаженія всѣхъ этихъ недоразумѣній рѣшено было созвать совѣщаніе изъ представителей трехъ державъ въ Берлинѣ. Это совѣщаніе (конференція) состоялось въ 1889 году и постановило: признать Самоа нейтральнымъ и независимымъ государствомъ; лишить власти Матаафу и снова сдѣлать королемъ Маліетоа. Но безпорядки отъ этого не прекратились. Нѣмецкіе колонисты были недовольны рѣшеніями конференціи и находили, что ихъ права и интересы недостаточно обезпечены. Къ тому же и Матаафа не пожелалъ уступить безъ боя свое мѣсто и, собравъ приверженцевъ, началъ войну въ 1893 г.

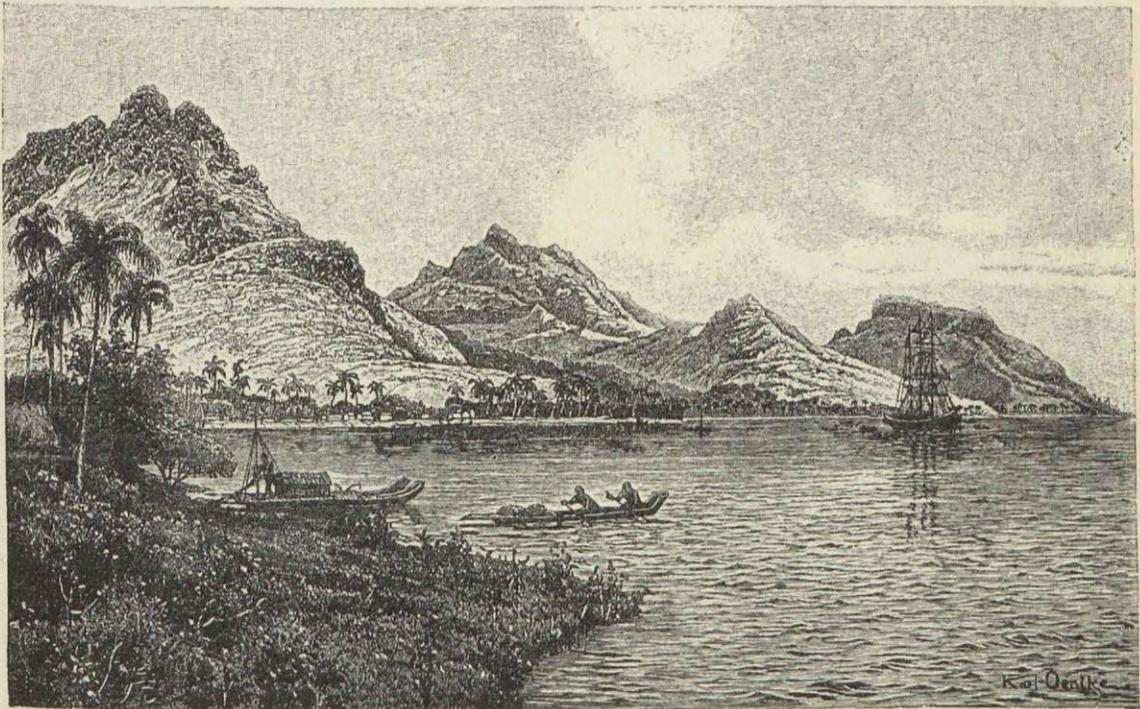
Фааму, дочь самоанскаго короля Маліетоа.

Но ему не посчастливилось: онъ былъ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ, и затѣмъ надъ нимъ совершили обрядъ низложенія, состоявшій въ томъ, что надъ его головой былъ разбитъ кокосовый орѣхъ, молоко изъ котораго было вылито ему на голову. Однако, когда умеръ Маліетоа въ 1898 году, снова возобновилась борьба. Кандидатами на престолъ явились сразу трое: Матаафа, которому покровительствовали нѣмцы, сынъ Маліетоа—Тану, поддерживаемый американцами, и молодой Тамазезе, сынъ Тамазезе, поддерживаемый англичанами. Матаафа разбилъ отрядъ Тану, тотъ бѣжалъ на англійское судно, и такъ какъ германскій консулъ провозгласилъ Матаафу временнымъ правителемъ, то англичане и американцы стали дѣйствовать открыто и подвергли бомбардировкѣ деревни, гдѣ укрывались приверженцы Матаафы. Но разумѣется, такъ не могло продолжаться долго, потому что постоянныя войны ужасно дурно отзывались на положеніи колонистовъ, плантаціи которыхъ подвергались разоренію. И вотъ, чтобы положить конецъ борьбѣ, правительства трехъ державъ назначили смѣшанную комиссію въ Апіи въ 1899 году, которая и должна была окончательно преобразовать управление острововъ и открыто подчинить ихъ европейской власти. Благодаря соглашенію, которое наконецъ состоялось между тремя державами, въ Самоа прекратились междоусобія, и острова могутъ мирно развиваться. Торговля ихъ растетъ, и число плантацій на островахъ постоянно увеличивается. Но такъ какъ самоанцы неохотно идутъ работать на плантаціи европейцевъ, то приходится для этой цѣли привозить въ Самоа меланезійцевъ, самоанцы же занимаются земледѣліемъ, но только для себя. Къ торговлѣ же они питаютъ большое пристрастіе и обнаруживаютъ даже большія способности въ этомъ отношеніи. Всѣ эти условія, также какъ и климатъ и положеніе острововъ, заставляють предсказывать имъ хорошую будущность.

Если будетъ прорытъ когда нибудь Панамскій каналъ, то какъ разъ на половинѣ дороги между американскимъ перешейкомъ и Австраліей окажутся острова Товарищества или Таити, которые теперь удалены отъ большого пути черезъ Тихій океанъ. Тогда конечно ихъ значеніе возрастетъ. Архипелагъ, состоящій изъ одиннадцати острововъ, принадлежитъ Франціи. Всѣхъ жителей на этомъ архипелагѣ 16,000, изъ нихъ 10,000 живутъ на главномъ островѣ Таити. Этотъ островъ очень живописенъ и обладаетъ здоровымъ ровнымъ климатомъ. Главный городъ архипелага Папетэ часто называется земнымъ раемъ: такъ красиво его мѣстоположеніе среди роскошной тропической растительности, на берегу хорошей гавани. Жители этихъ острововъ, принадлежащіе полинезійской расѣ, причислялись къ красивѣйшимъ племенамъ на земномъ шарѣ, и первые путешественники приходили въ восторгъ отъ красоты таитскихъ молодыхъ дѣвушекъ. Теперь уже не высказываются такіе восторги, но тѣмъ не менѣе всѣми признается, что таитяне—красивое племя; они высоки, стройны, имѣють правильныя черты лица, выразительные красивые глаза и ослѣпительно бѣлые зубы, которые сверкають изъ-подъ слегка вздернутой верхней губы. Цвѣтъ кожи у нихъ коричневый, а волосы вьющіеся. Въ настоящее время образъ жизни островитянъ болѣе подходит къ европейскому. Съ введеніемъ христіанства исчезли многіе прежніе обычаи, и нравы смягчились. Прежде на островахъ приносились человѣческія жертвы, и въ своемъ обращеніи съ плѣнными таитяне отличались особенно звѣрскою жестокостію. Мясо убитыхъ враговъ таитяне только чуть отвѣдывали, такъ что людоедство не было у нихъ распространено, но за то они безчеловѣчно мучили своихъ плѣнныхъ и раненыхъ противниковъ.

Несмотря на то, что католическіе миссіонеры наполняютъ эти острова, таитяне обнаруживаютъ все таки больше склонности къ протестантской вѣрѣ, которую имъ проповѣдуютъ англійскіе и американскіе миссіонеры, поселившіеся въ Таити вмѣстѣ съ своими семьями. Однако общеніе съ европейцами подѣйствовало на таитянъ такъ же дурно, какъ и на другихъ островитянъ и они быстро вымирають отъ занесенныхъ къ нимъ болѣзней и распространяемаго пьянства.

Къ юго-востоку отъ Фиджи лежатъ красивые и цвѣтушіе острова Тонга или Дружбы, покрытые обширными пальмовыми рощами. Корабли, идущіе изъ С. Франциско въ Сидней или Мельбурнъ, обыкновенно заходятъ на эти острова, и на одномъ изъ нихъ Германія даже устроила угольную станцію. Острова распадаются на три группы, отдѣленныя другъ отъ друга каналами. Въ южной группѣ заключается главный островъ архипелага, называемый священнымъ—„Тонга-Табу“, защищенный съ сѣвера коралловыми рифами и массою маленькихъ острововъ. Почва этого острова низменная, но очень плодородная, и островъ покрытъ роскошною растительностью, несмотря на то, что на немъ нѣтъ ни озеръ, ни рѣкъ; влаги же достаточно, потому что дожди выпадаютъ очень часто, и поэтому островъ производитъ впечатлѣніе цвѣтущаго сада. Острова Тонга были также открыты голландскимъ мореплавателемъ Тасманомъ въ 1643 году, но не изслѣдованы имъ подробно. Позднѣе ихъ

Островъ Гуагине въ архипелагѣ Таити.

посѣтилъ Кукъ, и такъ какъ жители приняли его очень ласково, то онъ и назвалъ архипелагъ „островами Дружбы“.

Туземцы острововъ Тонга дѣйствительно производятъ на путешественниковъ очень пріятное впечатлѣніе. Одинъ англійскій путешественникъ, посѣтившій острова Тонга, такъ выразился о жителяхъ: „Во всемъ свѣтѣ нѣтъ народа, который бы такъ располагалъ къ себѣ съ перваго взгляда!“ Они самые красивые изъ всѣхъ полинезійскихъ племенъ, прекрасно сложены, хотя и не высокаго роста, и имѣютъ болѣе свѣтлый цвѣтъ кожи. Лица у нихъ веселыя и привѣтливныя; они добры, услужливы и гостепрѣимны и кромѣ того отличаются храбростью и отвагой, доходящей порой до безумной дерзости. Тонганецъ никогда не прячется отъ врага, никогда не нападаетъ на него изъ засады, но мужественно и открыто идетъ на него. Ихъ сосѣди, фиджійцы, часто прибѣгали къ ихъ помощи, чтобы отразить нападеніе или же подавить междоусобіе, но и на себѣ не разъ имъ приходилось испытывать воинскія качества тонганцевъ. Когда король Тонга собирался воевать съ кѣмъ нибудь, то

онъ предварительно собиралъ своихъ подданныхъ и держалъ къ нимъ рѣчь, въ которой заявлялъ имъ, что всегда, во всякое время они должны идти впередъ. Даже раненый не долженъ оставаться позади, а, пока у него хватаетъ силъ, идти впередъ на врага. Другая симпатичная черта тонганцевъ,—это ихъ чистоплотность. Они вообще заботятся о чистотѣ своего тѣла и часто умываются. Это рѣдкая черта у островитянъ, которые большею частью производятъ отталкивающее впечатлѣніе на европейцевъ именно своею ужасающею нечистоплотностью. Но у нихъ есть и непріятная черта, а именно: склонность къ воровству.

Тонганцы еще болѣе другихъ полинезійцевъ заслуживаютъ названія смѣлыхъ мореплавателей. Ихъ паромы устроены очень искусно и такъ прочны и легки, что никогда не

Дѣвушка съ о. Тонга.

могутъ потонуть. Тонганцы совершали даже на нихъ далекія морскія путешествія. Вообще, не только въ искусствѣ строить паромы, но и въ изготовленіи различныхъ орудій, платья, оружія и т. д., а также въ умственномъ развитіи тонганцы превзошли другихъ жителей южнаго моря. Дома у нихъ построены очень причудливо. Они весьма искусно и красиво и очень прочно связываютъ балки нитями кокосовой пальмы, выкрашенными въ красный и черный цвѣтъ. Обыкновенно дома ихъ имѣютъ овальную форму и имѣютъ входъ, завѣшанный циновками, въ передней и задней стѣнѣ. Внутри домъ раздѣленъ ширмами на множество маленькихъ помѣщеній, и въ одномъ изъ нихъ обыкновенно хранится домашняя утварь тонганца, состоящая изъ деревянныхъ мисокъ и чашекъ изъ кокосовой скорлупы, глиняныхъ кружекъ и горшковъ для кипяченія воды.

Тонганцы, подобно всѣмъ островитянамъ, любятъ украшать себя. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ ожерелья изъ плодовъ одного вида пандана или благоухающихъ цвѣтовъ, кольца и браслеты изъ черепахи, или увѣшиваютъ себѣ грудь раковинами

и птичьими костями, для того чтобы они гремѣли при каждомъ ихъ движеніи. Мужчины и женщины одѣваются одинаково. Они готовятъ изъ луба и волоконъ одного растенія особую матерію *гнату*, которую надѣваютъ такъ, чтобы она образовывала родъ юбки, спускающейся до колѣнъ и облегающей вокругъ пояса складками, которыя можно расправить въ случаѣ надобности и натянуть на плечи, когда нужно защитить себя отъ холода или дождя. Такая одежда доступна, впрочемъ, только зажиточнымъ жителямъ; для бѣдняка „гнату“ слишкомъ дорогая матерія, и поэтому простой народъ обыкновенно довольствуется юбкой изъ какихъ нибудь листьевъ.

Танцы и игры очень распространены на островахъ Тонга; веселый характеръ туземцевъ располагаетъ къ этому. Конечно, большинство празднествъ носить у нихъ религіоз-

ный характеръ и устраивается въ честь какого нибудь божества. До введенія христіанства на этихъ островахъ особенно оживленно проходили праздники въ честь бога погоды и праздникъ жатвы, который продолжался съ перерывами почти три мѣсяца. Жители Тонга вѣрують въ добрыхъ и злыхъ духовъ и стараются умилостивить ихъ жертвами. Если заболѣвалъ какой нибудь изъ главныхъ членовъ семейства, то богамъ приносился въ жертву ребенокъ или же родственники заболѣвшаго отрѣзывали себѣ одинъ суставъ мизинца, поэтому-то на Тонга можно встрѣтить людей, у которыхъ до основанія отрѣзаны мизинцы на обѣихъ рукахъ; значить, они не одинъ разъ приносили въ жертву свои суставы, чтобы умилостивить бога смерти!

Человѣческія жертвоприношенія также совершались въ Тонга, и когда умиралъ король, то его главную жену задушали, для того, чтобы она сопровождала его въ рай, ко-

Дѣвушки съ о. Вава (о-ва Дружбы) во время игры.

торый, по повѣрьямъ тонганцевъ, помѣщается на прекрасномъ островѣ, гдѣ живутъ боги. Обыкновенно, послѣ смерти короля или какого нибудь старшины, приближенные къ нимъ люди подвергаютъ себя самымъ ужаснымъ истязаніямъ, стараясь въ этомъ отношеніи перещеголять другъ друга. Они какъ помѣшанные бѣгаютъ кругомъ, полосуютъ себѣ ножами грудь и лицомъ колотятся о камень, чтобы кровь лилась ручьемъ и смачивала землю. Но варварство жителей Тонга только и выражалось въ этихъ кровавыхъ обычаяхъ; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ они обнаруживали скорѣе мягкіе и кроткіе, нежели свирѣпые нравы и особенно располагали къ себѣ своею вѣрностью въ дружбѣ, скромностью, почти-тельностью къ пожилымъ людямъ и своимъ умѣньемъ спокойно и терпѣливо переносить несчастья.

Бракъ и похороны у тонганцевъ, конечно, также сопровождаются цѣлымъ рядомъ обрядовъ, представляющихъ много сходства съ тѣми, которые существуютъ на другихъ

Полинезийскихъ островахъ. Надъ могилами они воздвигаютъ каменные постройки—мавзолеи, которые не уступаютъ другимъ такимъ же постройкамъ въ Полинезии. Въ настоящее время прежніе обычаи и обряды на островахъ Тонга начинаютъ мало-по-малу исчезать. Тонганцы теперь сдѣлались христіанами. На островахъ построены церкви и миссіонерскія школы, а вмѣсто прежнихъ языческихъ игръ тонганцы забавляются теперь игрою въ крокетъ, который очень пришелся имъ по вкусу.

Всѣхъ острововъ въ архипелагѣ Тонга насчитывается около 150, но изъ нихъ только 32 представляютъ нѣкоторую величину, остальные же не что иное, какъ коралловые образования или же рифы. На главномъ островѣ Тонга-Табу находится и главный городъ архипелага Нукуалофа, гдѣ живетъ король, такъ какъ Тонга представляетъ королевство, состоящее подъ протекторатомъ Англій. Король управляетъ [вмѣстѣ съ законодательнымъ

Хижины въ г. Нукуалофа.

собраніемъ, которое собирается каждые три года и состоитъ наполовину изъ наследственныхъ представителей и наполовину изъ выборныхъ представителей народа.

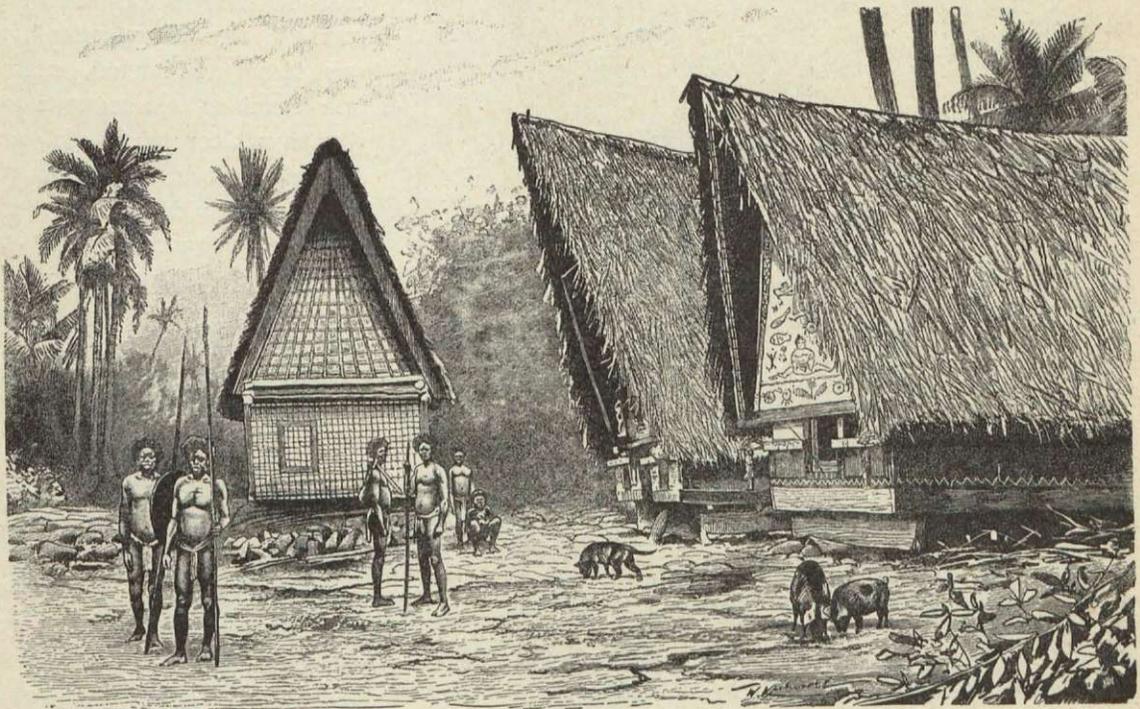
Нукуалофа имѣетъ хорошую гавань, особенно посѣщаемую германскими кораблями, ведущими торговлю съ туземцами. Число жителей въ настоящее время около 20,000, но изъ нихъ 250 иностранцы, большею частью англичане.

Между Новой Гвинеей и Японіей, въ сѣверо-западной части Тихаго океана разсыпано безчисленное множество маленькихъ острововъ, которые вслѣдствіе своихъ малыхъ размѣровъ и называются Микронезіей. Они распадаются на три группы: самая сѣверная: Марианскіе или Разбойничьи острова; затѣмъ къ югу отъ нихъ тянется большая цѣпь острововъ Палаосскихъ и Каролинскихъ, а къ востоку Джильбертовы и Маршалскіе острова. Населеніе всѣхъ этихъ острововъ нѣсколько отличается своимъ характеромъ, обычаями и языкомъ отъ другихъ полинезийскихъ племенъ и представляетъ смѣсь съ малайскимъ пле-

менемъ, но у туземцевъ острововъ Палао преобладаетъ все-таки папуасскій типъ, такъ какъ кожа у нихъ чернѣе, чѣмъ у обитателей другихъ архипелаговъ Микронезіи, волосы же курчавые, между тѣмъ какъ у другихъ туземцевъ они большею частью гладкіе; но и тѣ и другіе обыкновенно связываютъ ихъ узломъ на затылкѣ.

Маріанскіе острова были открыты въ 1521 году и названы Разбойничьими вслѣдствіе большой склонности туземцевъ къ воровству. Впослѣдствіи испанцы, однако, переименовали ихъ въ Маріанскіе острова, въ честь одной изъ своихъ королевъ. Теперь эти острова пріобрѣтены Германіей, за исключеніемъ одного, принадлежащаго Америкѣ. Впрочемъ, и всѣ другіе острова Микронезіи, кромѣ архипелага Джильберта, представляютъ въ настоящее время колоніальныя владѣнія Германіи. Острова Джильберта принадлежатъ Англій.

Климатъ Микронезіи, особенно Маршалскихъ острововъ, принадлежитъ къ числу самыхъ пріятныхъ въ Океаніи. Растительность очень богатая. Различныя виды кокосовыхъ

Хижина на о. Коррорѣ (архипелагъ Палао).

пальмъ, фиговыхъ и хлѣбныхъ деревьевъ, панданы и гуавы образуютъ цѣлыя лѣса. Особенно распространены панданы, плоды которыхъ составляютъ главную пищу жителей; ихъ пекутъ въ ямахъ и въ такомъ видѣ ѣдятъ и, кромѣ того, готовятъ изъ нихъ сласти, называющіяся „моганъ“. Воды изобилуютъ рыбой, трепангами и жемчужными раковинами, но изъ млекопитающихъ на островахъ, до прибытія европейцевъ, водились только вампиры да крысы. Испанцы же развели на Маріанскихъ островахъ европейскихъ животныхъ.

Несмотря на свои воровскія наклонности, туземцы Маріанскихъ острововъ выказали все-таки большую предупредительность и довѣрчивость при первомъ знакомствѣ съ европейцами, но хозяйничанье испанцевъ на этихъ островахъ сопровождалось неслыханною жестокостью, превышавшею даже тѣ ужасы, которые они продѣлывали въ Перу и Мексикѣ. Населеніе Маріанскихъ острововъ не только сильно уменьшилось въ числѣ, но и очень понизилось въ развитіи. Хотя маріанцы теперь всѣ обращены въ христіанство и умѣютъ

поворить и читать по-испански, но зато они совершенно забыли то, что умѣли дѣлать ихъ предки. Они не умѣютъ ни воздѣлывать земли, ни строить пироги, какъ прежде. Ихъ горшечныя и другія издѣлія совершенно лишены прежней тонкости и изящества работы.

Между Новой Гвинеей на югѣ и Маріанскими островами на сѣверѣ тянется рядъ Каролинскихъ острововъ, покрытыхъ очень богатою растительностью, отъ которыхъ широкимъ каналомъ отдѣляется архипелагъ Палао. Туземцы этихъ острововъ, такъ же какъ и каролинцы, миролюбиво и гостепріимно отнеслись къ европейцамъ, появленіе которыхъ

Дѣвушка съ Маршалскихъ о-овъ.

было для нихъ роковымъ. Народонаселеніе острововъ стало быстро уменьшаться, и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно понизились и нравственныя качества туземцевъ. Путешественникъ Вильсонъ описывалъ ихъ какъ добрыхъ и наивныхъ людей, но уже Миклуха-Маклай, всегда относившійся симпатично къ дикарямъ, говоритъ объ ихъ недобросовѣстности и лживости и склонности къ грабежу. Что касается воинственности, то она всегда составляла выдающуюся черту туземцевъ, и свирѣпья войны, которыя вели между собою туземныя племена, также не мало содѣйствовали ихъ нравственному и матеріальному упадку. На Палаосскихъ островахъ каждая деревня имѣетъ отдѣльнаго начальника, такъ что составляетъ какъ бы отдѣльное государство. Смотря по значенію государства, глава его пользуется тѣмъ или другимъ титуломъ. Самый важный титулъ „Мадъ“ означаетъ „мертвый“, подъ которымъ подразумѣвается, что никто не можетъ вынести взгляда начальника, не подверг-

шись смерти. Начальникъ племени окруженъ своими вассалами—„рупаками“ и дружиной воиновъ, и такъ какъ война составляетъ главное занятіе этихъ высокопоставленныхъ лицъ, то и ведется она съ беспощадною жестокостью. Туземцы стараются пріобрѣсти какъ можно болѣе головъ, которыя и приносятся въ даръ „калитамъ“—лицамъ, служащимъ посредниками между обыкновенными людьми и сверхъестественнымъ міромъ. Калитами могутъ быть мужчины и женщины, и туземцы приписываютъ имъ необыкновенное могущество: они могутъ заговаривать болѣзни, устранять или накликать бѣды и вызывать души умершихъ. Власть калитовъ наследственна, и многіе изъ нихъ пользуются даже большимъ могуществомъ, нежели начальники племени.

Ужь одно то, что женщины на островахъ Палао могутъ быть калитами или верховными начальниками, доказываетъ, что онѣ пользуются тамъ уваженіемъ. Дѣйствительно, туземецъ никогда не обращается дурно со своею женой. То же самое наблюдается и у каролинцевъ. Они говорятъ, что тотъ, кто хорошо поступалъ и не билъ своей жены, заслуживаетъ вѣчнаго блаженства.

Въ каждой паласской деревнѣ есть большое зданіе, возвышающееся на большихъ камняхъ въ видѣ столбовъ и украшенное съ большимъ тщаніемъ рѣзбою и раскрашенными фигурами. На стѣнахъ такого зданія повѣшены ряды различныхъ дощечекъ съ изображеніями сценъ изъ мѣстной жизни или религиозныхъ миеовъ, представляющихъ

Группа жителей съ о. Мараки.

такимъ образомъ, родъ лѣтописи или исторіи племени. Люди, принадлежащіе къ какойнибудь кастѣ, благородные или воины имѣютъ свой „пай“, гдѣ они обитаютъ вмѣстѣ и куда никто не можетъ проникнуть безъ ихъ согласія.

Начальникъ можетъ возвести своего подданнаго въ санъ благороднаго или „рупака“, если пожалуетъ ему орденъ запястья — родъ костяного обручика, или первый позвонокъ одного млекопитающаго животного дююна, который надѣвается на руку. Однако, счастливецъ, удостоившійся такого отличія, подвергается довольно большому истязанію: ему туго связываютъ пальцы и, привязавъ къ нимъ веревку, съ силою протаскиваютъ руку въ узкое отверстіе. Нерѣдко бываетъ, что вновь пожалованный рупакъ расплачивается за эту честь потерей одного пальца.

Одежда туземцевъ какъ Палаосскихъ, такъ и Каролинскихъ острововъ довольно неслож-

ная. Тамъ, гдѣ она еще не замѣнена европейскою одеждою, она состоитъ изъ пояса и передника, устраиваемаго изъ листьевъ или особой ткани, и вообще ограничивается лишь самымъ необходимымъ. Татуированіе распространено на всѣхъ островахъ Микронезіи, но производится уже не такъ обильно, какъ прежде. Религіознаго значенія татуировка теперь уже не имѣетъ. Обыкновеніе продѣвать въ просверленную носовую перегородку и уши

разные предметы довольно распространено между туземцами.

Жители Палао очень почитаютъ своихъ мертвецовъ и хоронятъ ихъ съ большою торжественностью, обыкновенно ночью, при свѣтѣ факеловъ и костровъ. Могила вырывается передъ дверью жилища умершаго, такъ что передъ каждымъ домомъ находится такое семейное кладбище, иногда обсаженное деревьями. При погребеніи изъ мужчинъ присутствуютъ только самые близкіе родственники умершаго, женщины же собираются со всей деревни, и среди нихъ непременно должны находиться плакальщицы.

Миссіонерская проповѣдь на островахъ Палао, какъ и на Каролинскихъ островахъ, большого успѣха не имѣла, хотя каролинцы гораздо менѣ воинственны, нежели туземцы Палао, и отличаются кроткими, миролюбивыми нравами. Во всей Микронезіи едва насчитывается теперь 84,650 человекъ. Въ прошломъ столѣтіи на Палао было до 50,000, судя по количеству военныхъ лодокъ, принадлежащихъ островамъ, теперь же населеніе не превышаетъ и 10,000. На Каролинскихъ островахъ, вмѣсто прежнихъ 60,000, теперь насчитывается 14,800 жителей, и та-

Туземецъ съ Маршалскихъ о.

кое уменьшеніе населенія въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ того, что бѣлые часто прибѣгали къ насильственному увозу каролинцевъ, съ цѣлью добыть рабочихъ для своихъ плантацій. Часто устраивались цѣлыя облавы на каролинцевъ, и корабли, нагруженные живымъ товаромъ, увозили его въ разныя мѣста, гдѣ бѣлые плантаторы нуждались въ рабочихъ.

Какъ мы уже сказали, миссіонеры, старавшіеся обратить туземцевъ въ христіанство, успѣха не имѣли. Обращенные большею частью снова возвращались къ своимъ стариннымъ

Воины съ острова Джильберта въ вооруженіи.

обрядамъ и вѣрованіямъ. Туземцы питаютъ суевѣрное благоговѣніе къ умершимъ предкамъ, поклоняются деревьямъ, горамъ и т. п. предметамъ, а также духамъ, которыми, по ихъ убѣжденію, наполненъ воздухъ.

На востокъ отъ Каролинскихъ острововъ расположены архипелаги: Маршалскій и Джильбертовъ, острова которыхъ также коралловаго происхожденія и отличаются причудливостью своихъ формъ. Они очень лѣсисты, и самый красивый изъ нихъ—островъ Мараки въ Джильбертовомъ архипелагѣ, издали представляется зеленою гирляндой на поверхности океана. Типъ туземнаго населенія этихъ архипелаговъ неодинаковъ. Туземцы Маршалскихъ острововъ похожи на каролинцевъ и, слѣдовательно, принадлежатъ къ группѣ микрозенийцевъ, жители же Джильбертовыхъ острововъ представляютъ болѣе смѣшанный типъ; это самые красивые изъ обитателей обоихъ архипелаговъ, черты лица у нихъ отчасти напоминаютъ семитовъ, а роста они исполинскаго. Точно также отличаются они другъ отъ друга и своимъ характеромъ. Всѣ путешественники единогласно описывали жителей Маршалскихъ острововъ какъ очень миролюбивый, общительный и работающій народъ. Воровство у нихъ было неизвѣстно, и чужая собственность признавалась ими священной. Вообще путешественники ставили ихъ выше всѣхъ народовъ, населяющихъ острова Тихаго океана, и находили сношенія съ ними весьма пріятными. Однако у туземцевъ сохранились преданія, указывающія, что на нѣкоторыхъ островахъ существовалъ въ старину обычай людоедства.

Одежда жителей, тамъ, гдѣ поселились миссіонеры, постепенно измѣнялась подъ ихъ вліяніемъ. Татуированіе почти оставлено, и старинные костюмы—поясъ съ бахромой, висящей до колѣнъ, которую носили женщины и мужчины, также какъ и подобіе юбки, образуемое изъ двухъ длинныхъ цыновокъ, привязанныхъ вокругъ пояса, которую надѣвали только женщины,—теперь встрѣчаются все рѣже и рѣже. Дома свои туземцы строятъ безъ пола и стѣнъ; они состоятъ только изъ крыши, укрѣпленной на четырехъ столбахъ, но съ потолкомъ и палатами, которыя служатъ для сна, и гдѣ помѣщается весь домашній скарбъ туземца. Браки туземцевъ заключаются безъ всякихъ религіозныхъ церемоній, но съ женщинами обращаются хорошо. По вечерамъ жители Маршалскихъ острововъ любятъ собираться вокругъ ярко пылающихъ костровъ и, подъ звуки барабановъ, исполняютъ сидячіе танцы, заключающіеся въ мѣрномъ покачиваніи туловища и плавномъ размахиваніи руками.

Религія туземцевъ состоитъ въ поклоненіи духамъ, и у нихъ есть жрецы, не пользующіеся однако такимъ безграничнымъ вліяніемъ, какъ у другихъ племенъ.

До появленія европейцевъ обитатели Маршалскихъ острововъ славились какъ искусные мореплаватели; они умѣли строить прекрасныя суда, но теперь это искусство совсѣмъ исчезло, и вообще населеніе, которому одинъ изъ путешественниковъ, Шамиссо, пророчилъ въ 1817 году такую прекрасную будущность, пришло въ сильный упадокъ. Теперь на Маршалскихъ островахъ не хватаетъ даже людей для обработки пальмовыхъ рощъ архипелага.

Туземцы Джильбертовыхъ острововъ не только по наружности отличаются отъ маршалцевъ. Они несравненно безпокойнѣе и воинственнѣе ихъ, и даже нѣкоторые изъ путешественниковъ утверждаютъ, что они по дикости и злобности превосходятъ другія племена Микронезіи и Полинезіи. Дѣйствительно, по ихъ вооруженію уже видно, что война и убійство составляютъ для нихъ привычное дѣло. Кромѣ палицъ и копій, они имѣютъ еще мечи, усаженные зубами акулы. Это страшное оружіе, наносящее смертельныя раны, но съ нимъ надо обращаться осторожно, такъ какъ при неумѣломъ обращеніи легко ранить самого себя. Воины надѣваютъ на себя еще нѣчто вродѣ панцыря и шлема, приготовленныхъ изъ кожи одной рыбы, покрытой торчащими во всѣ стороны иглами. Шлемъ и панцырь служатъ не только для устрашенія врага, но и для защиты. Однако, несмотря на свирѣпость туземцевъ, людоедство не было у нихъ въ употребленіи, и они только изъ мести отрѣзывали у убитаго врага кусокъ мяса и съѣдали его.

Франціи принадлежит также архипелагъ Маркизскихъ острововъ, имѣющей сходство по очертанію береговъ съ архипелагомъ Самоа. Этотъ архипелагъ находится по сосѣдству съ Таити, но покрытъ не такою роскошною растительностью, и почва его менѣе плодородна. Жители его, полинезійской расы, такъ же красивы, какъ и таитяне, съ которыми вообще имѣютъ много сходства, что касается нравовъ и обычаевъ. Но человѣческія жертвы у нихъ не были въ обычаѣ, хотя людоедство было гораздо болѣе распространено, чѣмъ у таитянъ. Попытки миссіонеровъ обратить ихъ въ христіанство долгое время были тщетными, и только за послѣдніе годы замѣчаются въ этомъ отношеніи большіе успѣхи.

Многочисленность населенія и отдаленность этихъ острововъ мѣшаютъ ихъ торговому развитію, такъ что они не имѣютъ большого значенія, такъ же какъ еще болѣе удаленные восточные острова Паумоту, иначе называемые Низменными островами. Плаваніе между этими островами, вслѣдствіе многочисленныхъ рифовъ, которые ихъ окружаютъ, очень опасно. Почва этихъ острововъ неплодная, и на нихъ почти исключительно растетъ кокосовая пальма, отъ которой главнымъ образомъ и зависитъ существованіе жителей.

Вдали отъ всѣхъ острововъ, совершенно уединенно, посреди Тихаго океана, лежитъ одинокій и пустынный островъ Пасхи. Деревьевъ на этомъ островѣ, затеряншемся среди моря, совсѣмъ нѣтъ. Если они были раньше, то ихъ, очевидно, истребили туземцы во время своихъ междоусобныхъ войнъ. Длинною этотъ островъ 25 километровъ, а шириной не болѣе 17-ти. Туземцы, населяющіе его, представляютъ много сходства съ племенами Маркизскихъ острововъ, но находятся на болѣе низкой ступени развитія. Они вымираютъ очень быстро, и теперь на островѣ насчитывается

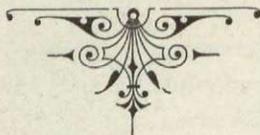
Воинъ въ панцырѣ и шлемѣ съ о. Джильберта.

всего 150 туземцевъ, тогда какъ прежде ихъ было по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше. Почва острова чисто вулканическая. Въ долинахъ, надъ которыми возвышаются потухшіе вулканы съ кратерами, нѣтъ ни одной рѣчки, ни одного ручья, и только въ старыхъ кратерахъ встрѣчаются озера, да въ пещерахъ, образовавшихся въ лавѣ, находится очень чистая и холодная вода, годная для употребленія. Но островъ Пасхи отличается еще особенностями, которыя не встрѣчаются больше нигдѣ; тамъ находятся очень древніе памятники, остатки времени давно прошедшихъ, которые до сихъ поръ, какъ таинственная загадка, занимаютъ изслѣдователей, еще не объяснившихъ ихъ происхожденія. Всѣ путешественники приходили въ величайшее изумленіе при видѣ исполинскихъ, массивныхъ, каменныхъ фигуръ, поражающихъ своею величиной. Но кромѣ того на островѣ найдены еще деревянные, покрытыя іероглифами дощечки. Этихъ знаковъ не понимаютъ даже самые старые туземцы, которые говорятъ, что эти доски божественнаго происхожденія.

Кукъ первый подробно описалъ эти памятники. На различныхъ мѣстахъ острова, недалеко отъ берега, онъ увидѣлъ искусно построенныя каменные платформы, сложенныя изъ большихъ, квадратныхъ плитъ лавы, отесанныхъ по всѣмъ правиламъ архитектурнаго искусства. На этихъ платформахъ возвышаются громадныя четырехсторонніе столбы, оканчивающіеся человѣческой головой. Многіе изъ этихъ памятниковъ уже свалились, другіе еще стоятъ, и всѣ они обращены спиною къ морю. Головной уборъ на этихъ фигурахъ напоминаетъ тотъ, который встрѣчается на древнихъ египетскихъ памятникахъ и всегда сдѣланъ изъ другой породы камня.

Какой народъ оставилъ послѣ себя эти памятники и „говорящія дощечки“ (такъ называютъ дощечки, исписанныя знаками),—до сихъ поръ не выяснено. У туземцевъ острова даже не было такихъ усовершенствованныхъ орудій, при помощи которыхъ они могли бы дѣлать подобныя каменные изваянія. Очевидно, тотъ народъ, который оставилъ послѣ себя такіе памятники, давно исчезъ, и ученые изслѣдователи ломаютъ теперь себѣ голову надъ вопросомъ, какой это былъ народъ, и какимъ образомъ этотъ островокъ, съ крайне скудною растительностью и безъ проточной воды, могъ когда либо служить мѣстожительствомъ народа сильнаго, многочисленнаго и достаточно образованнаго для того, чтобы пользоваться исписанными дощечками и ставить исполинскіе памятники? Большія перемѣны, безмолвными свидѣтелями которыхъ остались только эти каменные великаны, должны были произойти на этомъ заброшенномъ въ неизмѣримой пустынѣ океана островѣ, обнаженныя и пустынные скалы котораго одиноко возвышаются надъ бушующими волнами Тихаго океана.

Э. Пименова.

МАЛАЙСКИЙ АРХИПЕЛАГЪ.

Глава I.

Природа и климатъ. — Вулканическая дѣятельность. — Растительность и животный мѣръ. — Первая торговля сношенія съ европейцами. — Остъ-Индская Компанія голландцевъ и ея господство на архипелагѣ.

На пути изъ Сѣверной Австраліи къ южнымъ полуостровамъ Азіи путешественникъ встрѣчаетъ богато одаренный природой Малайскій архипелагъ—Инсулинда, какъ его называли голландцы. Между Индійскимъ и Великимъ океанами раскинулся рядъ большихъ и безчисленное множество мелкихъ острововъ, составляющихъ совершенно обособленный мѣръ, населенный разнообразными народами, многочисленными видами животныхъ и обладающій всевозможными естественными богатствами. Большіе Зондскіе острова: Суматра, Борнео, Ява и Целебесъ, рядъ Малыхъ Зондскихъ: Бали, Ломбокъ, Сумбава, Сумба, Флоресъ, Тиморъ и множество мелкихъ острововъ, наконецъ, Молуккскіе острова: Буру, Амбоина, Банда, Тидоръ, Тернате, Хальмахера и др.—вогъ главнѣйшія части этого архипелага. Не всѣ эти острова одинаково воздѣланы, нѣкоторые слабо населены, о многихъ изъ нихъ имѣются лишь неполныя свѣдѣнія, но большая часть ихъ еще съ XV и XVI вв. извѣстна европейцамъ, завязавшимъ торговля отношенія съ малайцами, составляющими главную массу туземнаго населенія. Пересѣкаемый экваторомъ, Малайскій архипелагъ по справедливости можетъ быть названъ „Югомъ міра“: постоянно высокая температура, обильное орошеніе, плодородная почва, роскошная, вѣчно зеленая растительность, великолѣпіе видовъ и пейзажей поражаютъ здѣсь путешественника. Цѣпи горъ кристаллическаго, гранитнаго и известковаго строенія пересѣкаютъ острова въ различныхъ направленіяхъ; красивыя озера разбросаны въ ущельяхъ горъ и долинахъ. Водопады, рѣчки, множество большихъ судоводныхъ рѣкъ стекаютъ въ омывающіе архипелагъ океаны. На склонахъ горъ растительность располагается ярусами, соотвѣтственно климатамъ: отъ тропическаго у подножія до умѣреннаго на вершинѣ; часто на высотѣ въ тысячу и болѣе метровъ воздѣлана плодородная почва, и группируются малайскія деревни.

Малайскій архипелагъ лежитъ въ области смѣняющихся тропическихъ вѣтровъ, но на немъ не наблюдается рѣзкой перемѣны между различными временами года, и извѣстное

количество атмосферныхъ осадковъ приходится на каждый мѣсяць; наиболѣе обильны дождями мѣсяцы съ декабря по мартъ, когда дуетъ западный вѣтеръ; надо сказать, впрочемъ, что масса мѣстныхъ условій низменности измѣняютъ направленіе вѣтровъ и количество атмосферныхъ осадковъ на различныхъ островахъ. Въ одной и той же мѣстности направленіе вѣтра неодинаково у подножья горъ и на вершинахъ; такъ, напр., на островѣ Явѣ, въ западной ея части, въ то время какъ на высотѣ 280 м. надъ уровнемъ моря проносятся постоянныя грозы, и по цѣлымъ мѣсяцамъ громъ гремитъ ежедневно, на вершинахъ горъ тучи гораздо рѣже, и дожди не такъ обильны.

Нигдѣ въ мірѣ не ощущается до сихъ поръ такъ сильно дѣйствіе подземныхъ силъ, какъ въ области Малайскаго архипелага, испытавшаго въ давно прошедшія времена не мало катастрофъ, совершенно измѣнившихъ его строеніе. На гористыхъ островахъ архипелага встрѣчается много дѣйствующихъ и потухшихъ вулкановъ, высокіе конусы которыхъ величаво поднимаются надъ голубымъ океаномъ. Вдоль этой линіи вулкановъ въ различныхъ округахъ почти ежегодно повторяются землетрясенія, разрушающія цѣлыя деревни и погребаящія не мало человѣческихъ жертвъ, а легкіе подземные удары считаются здѣсь обычнымъ явленіемъ.

Изверженіе вулкана на о. Сумбавѣ въ 1815 г. погубило 12,000 чел.; пепелъ застилалъ все небо и падалъ густымъ дождемъ на землю и море въ окружности 300 миль: гибель лѣсовъ, потеря скота, разрушеніе каналовъ искусственнаго орошенія повлекли за собой неурожай, голодь и смерть массы окрестнаго населенія. Въ маѣ 1888 г., послѣ 200 лѣтъ бездѣйствія, пробудился вулканъ на небольшомъ островѣ Кракатау (около Суматры), и послѣ трехмѣсячнаго подземнаго гула и взрывовъ произошло такое сильное изверженіе, что въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ совершенно измѣнились окрестности Кракатау: исчезли два города на берегу Явы, одинъ—на берегу Суматры, никакого слѣда не осталось отъ прибрежныхъ деревень, болѣе 40 тыс. жителей были унесены волной, поднятой обваломъ горы, въ морскую пучину; вмѣсто исчезнувшей значительной части острова со дна моря поднялись другіе острова, образовавшіеся изъ пепла и пемзы; многіе острова, покрытые лѣсами и селеніями, превратились въ груды камней.

Масса горячихъ источниковъ, гейзеровъ, грязевыхъ вулкановъ, разсѣянныхъ на островахъ архипелага, указываетъ на вѣчно бодрствующія подземныя силы. Ни одинъ изъ острововъ не богатъ такъ вулканами, какъ Ява, гдѣ ихъ насчитываютъ до 45. Этотъ прекрасно воздѣланный и плодородный островъ, наиболѣе населенный и богатый изъ острововъ архипелага, несомнѣнно въ большей своей части вулканическаго происхожденія, слѣдовательно обязанъ своимъ существованіемъ той самой страшной силѣ, которая опустошаетъ теперь по временамъ его поля и поселенія.

Наблюдая растительный и животный міръ архипелага, естествоиспытатели отмѣтили, что въ то время, какъ большіе острова по своей флорѣ и фаунѣ являются какъ бы продолженіемъ материка Азіи, на островахъ, лежащихъ далѣе, преобладаютъ растенія и животныя, свойственныя Австраліи. Надо думать, что еще сравнительно не такъ давно большіе острова: Ява, Суматра и Борнео составляли продолженіе материка Азіи, тогда какъ остальные составляли часть австралійскаго материка, хотя можетъ быть и не всѣ были съ нимъ въ непосредственной связи. Островъ Целебесъ представляетъ обособленный міръ животнаго и растительнаго царства, не позволяющій причислить его ни къ той, ни къ другой изъ этихъ двухъ частей архипелага.

Туземцевъ архипелага дѣлятъ также на два различныхъ племени, хотя граница ихъ расселенія уклоняется нѣсколько къ востоку отъ границы, раздѣляющей зоологическій міръ: море не составляло для человѣка такой непреодолимой преграды, какъ для животныхъ. Малайскія племена болѣе предприимчивы и обладаютъ болѣе высокой культурой, чѣмъ папуасы.

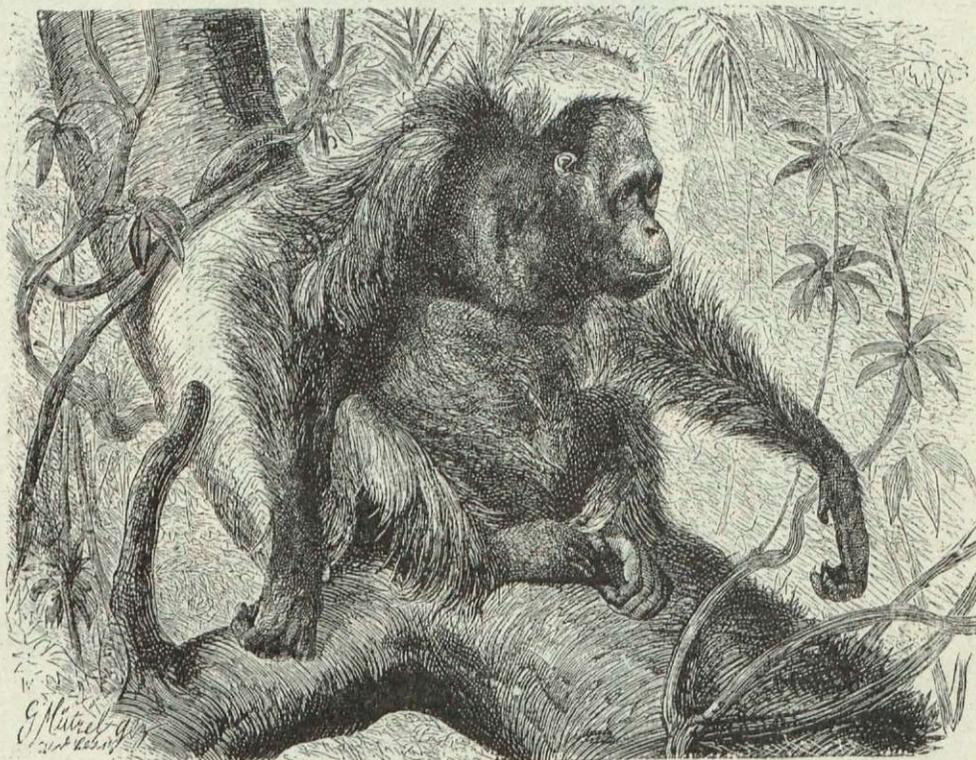
Жаркій ровный климатъ и влажная плодородная почва большинства острововъ архипелага благоприятствуютъ развитію причудливыхъ формъ тропической растительности. Масса

Видъ на рѣкъ Амандитъ въ Кендангенъ (о. Борнео).

рѣдкихъ видовъ растений, не встрѣчающихся нигдѣ болѣе на земной поверхности, найдена здѣсь естествоиспытателями. Островъ Борнео—сплошной лѣсъ и, какъ говорятъ естество-

испытатели, обитающія тамъ обезьяны могли бы пройти съ одного конца острова на другой, переходя съ вѣтки на вѣтку. Пространства вырубленнаго лѣса быстро заростають настолько высокой и густой травой *алонгъ*, что всадникъ исчезаетъ въ ней съ головою. Изобиліе питательныхъ соковъ вызываетъ цѣлую сѣть чужеродныхъ растений, достигающихъ гигантскихъ размѣровъ: цвѣты индійскаго плюща или цвѣты *раффлезіи* (на Суматрѣ) достигаютъ болѣе двухъ метровъ въ окружности, а у паразитной орхидеи цвѣты и стебли достигаютъ 10—12 фут. Лѣса архипелага изобилуютъ всевозможными видами папоротника и пальмъ; нѣкоторые виды послѣднихъ свойственны только этому архипелагу, такъ, напримѣръ, нѣкоторые виды саговыхъ пальмъ. Саговья пальмы встрѣчаются особенно часто на болотистыхъ приморскихъ берегахъ, и большинство туземцевъ умѣетъ извлекать изъ ихъ стволовъ питательную мякоть, которую потребляютъ сами и отправляютъ массаи на міровой рынокъ. Средней

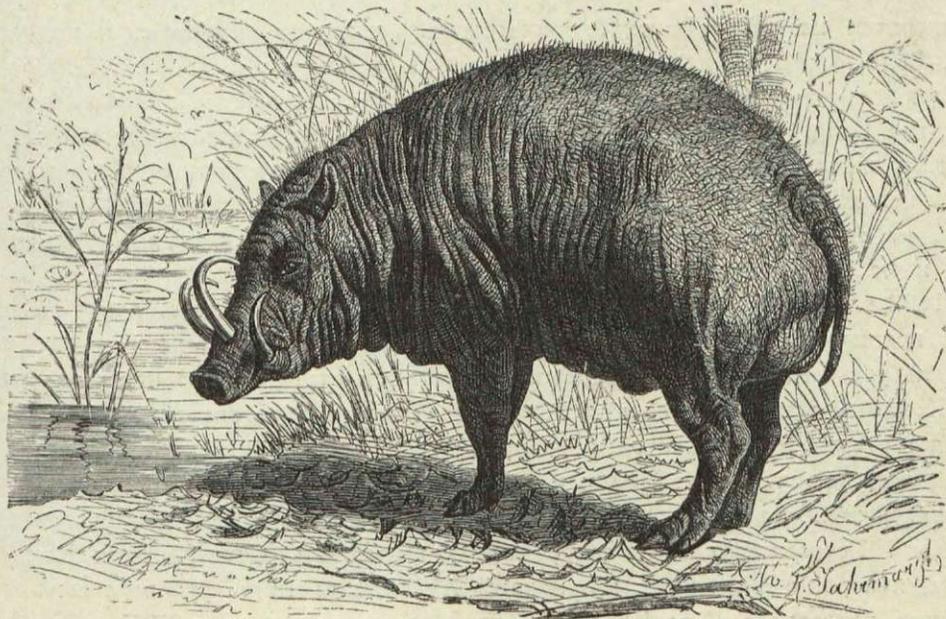
Орангъ-утангъ.

высоты саговое дерево можетъ доставить приблизительно 200 килогр. саго; этого достаточно для пропитанія человѣка на цѣлый годъ, а на заготовленіе ихъ понадобилось бы не болѣе 10 дней сравнительно легкаго труда: такъ дешево можно добывать себѣ пропитаніе въ этомъ благодатномъ климатѣ.

Перекидываясь въ видѣ гирляндъ съ вершины на вершину деревьевъ, пальмы ліаны-ротангъ, достигающія 100 метр. длины, и нѣкоторые виды бамбука съ колючими шипами часто образуютъ непроницаемую чашу въ лѣсахъ. Въ обиходѣ туземцевъ бамбукъ и ротангъ незамѣнимы; твердость, легкость, гладкая поверхность, прямизна, полая внутренность, способность легко и правильно раздѣляться, отсутствіе всякаго запаха и вкуса дѣлають бамбуковые стволы однимъ изъ лучшихъ матеріаловъ для всевозможныхъ подѣлокъ и построекъ: бамбуковые дома, мосты, лѣстницы, сосуды для храненія воды, котлы для варки пищи, безчисленное множество вещей домашняго обихода—трудно перечислить всѣ виды

употребленія бамбука туземцами. Очень крѣпкая кора ротанга служитъ для связыванія бамбуковыхъ стволовъ, для плетенія половиковъ, корзинъ и т. п.

Множество видовъ фруктовыхъ деревьевъ произрастаютъ въ изобиліи въ лѣсахъ архипелага; изъ нихъ дуріанъ наиболѣе цѣнится европейцами и малайцами, какъ необыкновенно вкусный и ароматическій плодъ. Толстая, зеленая, покрытая иглами скорлупа дуріана скрываетъ плодъ, состоящій изъ нѣсколькихъ гнѣздъ, наполненныхъ розоватой мякотью, въ которой лежатъ отъ двухъ до трехъ сѣмянъ, величиною съ каштанъ; эта мякоть и есть съѣдобное вещество плода. Превосходную пищу доставляютъ большіе сѣтчатые плоды хлѣбнаго дерева, которые пекутъ въ горячей золѣ и ѣдятъ, приправляя различными пряностями. Мушкатникомъ, коричными, перечными и другими деревьями, доставляющими пряности, особенно богаты Молуккскіе острова, хотя коричное и перечное деревья въ изобиліи встрѣчаются на Суматрѣ и на Борнео. Доставляя богатый строевой матеріалъ, лѣса архипелага снабжаютъ міровые рынки гуттаперчей, всевозможными видами смолы, камедью, камфарой и т. п. драгоценными продуктами.

Свинья-Бабирусса.

Разнообразіе видовъ животнаго міра не уступаетъ растительному. Естествоиспытатели насчитываютъ на архипелагѣ до 170 видовъ млекопитающихъ, до 350 видовъ птицъ и множество самыхъ разнообразныхъ бабочекъ и насѣкомыхъ. Среди многочисленныхъ видовъ обезьянъ особенно выдаются орангъ-утанги, сіаманги и носатые обезьяны. Орангъ-утангъ встрѣчается на о. Борнео и Суматрѣ.

Своеобразными животными архипелага являются: дикая малайская корова, напоминающая антилопу съ длинными прямыми рогами, закрученными у концовъ и завернутыми на затылокъ, и дикая целебеская свинья-бабирусса—на тонкихъ ногахъ съ загнутыми въ видѣ оленьихъ роговъ клыками. На Явѣ встрѣчается олень-мышь, напоминающій обыкновеннаго оленя въ миниатюрѣ. Повсюду распространены многочисленные виды грызуновъ и до 50 видовъ летучихъ мышей.

Нѣкоторыя птицы выдѣляются необыкновенно красивымъ и яркимъ опереніемъ. Своеобразны красивые птицы-носороги, замазывающіе самку съ яйцомъ въ гнѣздѣ тиной и кормящіе ее до тѣхъ поръ, пока птенецъ не начнетъ летать, и семейство мегаподидовъ, родственныхъ

куринымъ породамъ, но отличающихся отъ всѣхъ птицъ тѣмъ, что они не высидиваютъ своихъ птенцовъ, а зарываютъ яйца въ соръ или песокъ, гдѣ плодъ и созрѣваетъ отъ теплоты или броженія. Своими большими ногами съ длинными крючковатыми когтями они нагребаютъ большія кучи сора, нерѣдко до 6 ф. вышины и 12 ширины, куда и зарываютъ свои яйца; обыкновенно надъ этими кучами работаютъ нѣсколько птицъ, и туземцы, разрывая ихъ, находятъ часто до 40 и болѣе красныхъ, какъ кирпичъ, яицъ, считающихся у нихъ лакомствомъ. Наболѣе красива родственная мегалоподидамъ птица *малео*, съ блестящими черными перьями, мѣстами бѣловато-розовыми, съ хохолкомъ на головѣ и приподнятымъ хвостомъ. Птенцы ея, разбивая скорлупу, сами выкарабкиваются изъ песка и улетаютъ въ лѣсъ.

Змѣи, громадныя удавы встрѣчаются въ большомъ количествѣ на островахъ архипелага. Рѣки кишатъ крокодилами и сотнями видовъ рыбъ, доставляющихъ пропитаніе прибрежнымъ туземцамъ.

Въ нѣдрахъ архипелага находятъ богатая залежи минераловъ и каменнаго угля, нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ еще не разрабатываются, другія приносятъ громадныя доходы; богатѣйшіе въ мѣрѣ оловяныя рудники, разрабатываемыя преимущественно китайцами, находятся на остр. Бангкѣ, прилегающихъ къ нему островахъ и на полуостровѣ Малаккѣ. Золото, золотосные пески, драгоценныя блестящія алмазы (Борнео) замѣчательной прозрачности, серебро, мѣдь, свинецъ, желѣзо, мышьякъ, цинкъ, платина, ртуть, соль, селитра и пр. разсыяны въ нѣдрахъ различныхъ острововъ архипелага.

Въ настоящее время почти весь этотъ богатый мѣрѣ острововъ принадлежитъ къ голландскимъ колоніямъ. Итальянскіе и португальскіе мореплаватели первые изъ европейцевъ появились на островахъ архипелага, и въ началѣ XVI в. португальцы утвердились въ Малаккѣ и на Молуккскихъ островахъ, постепенно овладѣвъ всей торговлей Остѣ-Индіи.

Въ 1602 г. въ Голландіи образовалась большая торговая Остѣ-Индская Компанія, получившая исключительное право торговли со странами по ту сторону мыса Доброй Надежды. Пользуясь недоброжелательствомъ туземцевъ по отношенію къ португальцамъ, Остѣ-Индская Компанія заключила съ малайскими вождями рядъ договоровъ, обезпечившихъ ей различныя торговыя преимущества и поддержку туземцевъ противъ португальцевъ. Столкновение съ послѣдними стало неизбѣжнымъ, началась продолжительная, тянувшаяся 60 л. война, закончившаяся полнымъ пораженіемъ португальцевъ и разореніемъ ихъ торговыхъ связей съ востокомъ. Устранивъ своихъ соперниковъ-европейцевъ, Остѣ-Индская Компанія принялась за покореніе туземцевъ въ началѣ XVII вѣка. Подъ руководствомъ опытныхъ голландскихъ торговцевъ Остѣ-Индская Компанія въ теченіе всего XVII в. давала громадныя доходы участникамъ и голландскому правительству, но съ конца XVII и особенно въ началѣ XVIII в. дѣла ея постепенно приходятъ въ упадокъ. Управление предпріятіемъ, мало-по-малу, перешло изъ искусныхъ рукъ крупныхъ купцовъ въ руки ихъ наемныхъ доверенныхъ, начались безпорядки, растраты, а это совпало какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда у Компаніи явились конкуренты въ лицѣ англичанъ и французовъ, заявлявшихъ свои притязанія на торговлю съ Остѣ-Индіей. Сильно пошатнули власть Компаніи и тѣ жестокости, которыя она допускала по отношенію къ туземцамъ. Почти половина туземцевъ погибла въ періодъ завоевательныхъ войнъ; тяжелые налоги и поборы Компаніи и ея агентовъ довели населеніе до полнаго разоренія и угнетенія. Нѣкогда торговыя и населенныя Молуккскіе острова обезлюдѣли и сдѣлались притономъ морскихъ разбойниковъ, туземцы изнемогали подъ тяжестью непосильнаго труда на плантаціяхъ Компаніи и должны были совершенно забросить свои поля и сады. Желая обезпечить себѣ исключительную торговлю пряностями, Компанія распорядилась уничтожить всѣ лѣса мушкатника и гвоздики, встрѣчавшіеся гдѣ либо въ ея владѣніяхъ, кромѣ острововъ Банды и Амбоины, да и на этихъ островахъ число этихъ деревьевъ было строго ограничено, въ видахъ поддержанія высокихъ цѣнъ на рынкахъ. Все это вызвало, наконецъ, возмущеніе туземцевъ, усмиреніе которыхъ

потребовало большихъ расходовъ и вновь сопровождалось невѣроятными жестокостями: на островѣ Явѣ 10 тыс. китайцевъ, подозрѣваемые въ заговорѣ, были избито въ 1 день, въ Палеронѣ на Бандѣ было уничтожено почти все туземное населеніе. Неудачная война съ Англіей, завладѣвшей постепенно всѣми лучшими портами архипелага, окончательно подорвала дѣла Компаніи. Въ XVIII в. Батавская республика, провозглашенная въ Голландіи, взяла въ свое завѣдываніе владѣнія Компаніи, выкупивъ ея привилегіи.

Завоеванная Англіей Ява и прилежащія къ ней острова были восстановлены Голландіей только по трактатамъ 1815 г., и съ этого времени Голландія постепенно завладѣла вновь почти всѣмъ архипелагомъ, сосредоточивъ на немъ всѣ свои колоніи.

Малайцы въ полоевропейской одеждѣ.

Глава II.

Населеніе архипелага. — Малайцы, ихъ различныя племена. — Внѣшній видъ, характеръ, занятія, обычаи, языкъ, религія и культура. — Дикари Малайскаго архипелага. — Даяки.

Главную массу туземнаго населенія архипелага составляютъ малайцы или родственныя имъ племена, стоящія на разныхъ ступеняхъ культуры. Собственно малайцы населяютъ полуостровъ Малакку, побережья Суматры, Борнео и прилежащія острова. На Явѣ и на островахъ Бали и Ломбокъ живутъ яванцы, Целебесъ и сосѣдніе острова заселены бугами и минахасцами; кромѣ того, каждый островъ населенъ своими особыми народцами болѣе или менѣе обособившимися. Хотя общее названіе *альфуру* примѣняется ко всѣмъ обитателямъ внутреннихъ областей острововъ архипелага, между ними существуютъ значительныя расовыя различія и одни стоятъ ближе къ малайцамъ, другіе къ папусамъ. Китайцы, живущіе на архипелагѣ, частью смѣшались съ малайцами, но стоятъ нѣсколько обособленно;

китайцы, родившіеся на архипелагѣ, *пержананы*, какъ ихъ называютъ, являются посредниками въ торговлѣ, предпринимателями, откупщиками, ростовщиками, продавцами опія, контрабандистами, вообще живутъ на счетъ земледѣльческаго населенія.

Какъ и когда малайцы появились на островахъ архипелага, точно неизвѣстно, предполагаютъ, что они пришли откуда-то съ моря, и первоначально заселяя внутреннія области Суматры, постепенно распространились по ея побережью и, на полуостровъ Малакку, откуда и вели свои торговыя сношенія по всему Индійскому океану. Малайскія племена никогда не были объединены въ одно самостоятельное государство, хотя мелкія государства образовывались у отдѣльныхъ народовъ. Слѣды индусской цивилизаціи, сохранившіеся въ видѣ разрушенныхъ храмовъ, развалинъ большихъ городовъ и въ нѣкоторыхъ индусскихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ, указываютъ на бывшее господство индусовъ надъ малайскими племенами. Въ

Дѣвушки въ богатыхъ нарядахъ изъ городскихъ сословій съ острова Явы.

XIII, а затѣмъ въ XV ст. малайцы были объединены подъ властью индусскихъ династій, а въ концѣ XV в. арабы завладѣли архипелагомъ и разрушили индусскія государства. Самостоятельное политическое цѣлое малайскій архипелагъ образуетъ лишь теперь, какъ колониальное владѣніе голландцевъ.

Красновато-смуглый или оливковый цвѣтъ кожи, свойственный всѣмъ малайскимъ племенамъ, отличаетъ ихъ отъ другихъ сосѣднихъ народовъ; у женщинъ цвѣтъ кожи переходитъ въ желтоватый и иногда имѣетъ золотистый отливъ. Малайцы небольшого или средняго роста, обыкновенно хорошо сложены, ихъ красиво поставленная голова покрыта черными, прямыми, жесткими волосами. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ малайцевъ нельзя назвать красивыми; лицо у нихъ нѣсколько плоское, круглое, носъ небольшой, но съ широкими ноздрями, ротъ большой съ толстыми губами, выдающіяся скулы и небольшіе, нѣсколько скошенные глаза; но нѣкоторыя племена, напр. яванцы отличаются необыкновен-

нымъ изяществомъ формъ, стройностью и гибкостью. Ноги и руки у малайцевъ необыкновенно миниатюрны. Национальная одежда малайцевъ—саронгъ—состоитъ изъ куска темной, голубой или красной бумажной матеріи, обыкновенно мѣстнаго производства, повязаннаго вокругъ тѣла и спускающагося въ видѣ узкой юбки у женщинъ и только покрывающаго бедра у мужчинъ, носящихъ широкіе панталоны изъ пестрой матеріи. Сверхъ саронга женщины носятъ ситцевыя, а кто побогаче шелковыя, кофты *баджу* съ очень узкими рукавами. Масса золотыхъ пуговицъ и блестокъ, иногда очень тонкой работы, украшаетъ эти кофты. Яркаго цвѣта платокъ обвиваетъ головы малайскихъ женщинъ, но многія совершенно не покрываютъ головы и собираютъ длинные волосы въ свободный узелъ, украшенный часто металлическими иглами и цвѣтами. На шеѣ женщины носятъ ожерелья изъ бусъ или коралловъ, въ ухахъ большія, широкія золотыя кольца или бляхи, а на рукахъ массу браслетъ. Мужская широкая куртка изъ черной или голубой матеріи обыкновенно безъ пуговицъ, но украшена золотой или серебряной бахромой или вышита. У каждого малайца за поясомъ засунутъ ножъ или *крисъ*, съ красивой рукояткой изъ слоновой кости тонкой работы, иногда выложенной серебромъ или золотомъ. Мужчины покрываютъ бритыя головы чалмой или конической шапкой безъ полей. Всѣ малайцы ходятъ босыми, и только немногіе изъ богатыхъ носятъ сандалии или кожаные башмаки, что немало стѣсняетъ ихъ передвиженіе.

Малайцы постоянно носятъ съ собою мѣшочекъ съ бетелемъ, почти непрерывно жуютъ его всѣ, отъ мала до велика, отчего зубы у нихъ всегда черные.

Разнообразіе физическихъ условій и занятій отражается и на характерѣ малайцевъ; кроткіе и робкіе яванцы, занимающіеся главнымъ образомъ земледѣліемъ, сильно отличаются отъ буговъ Целебеса, занимавшихся издавна преимущественно рыбной ловлей и торговлей, извѣстныхъ какъ неустрашимые моряки и предприимчивые купцы; они храбро сражались съ голландцами, долго отстаивая свою самостоятельность. Въ минуты гнѣва и припадка неистовства буги чаще другихъ малайскихъ племенъ „бѣгутъ амокъ“. Вооруженные криссами, такіе бѣглецы съ крикомъ „амокъ, амокъ“ (убить, убить), какъ бѣшеные, поражаютъ всѣхъ попадающихся имъ на встрѣчу безъ различія пола и возраста. Возбужденіе, охватывающее ихъ, сказывается въ страшной силѣ, они впадаютъ какъ бы въ помѣша-

Женщины изъ зажиточнаго сословія съ острова Явы.

тельство, уничтожающее всякую мысль, всякую силу воли. Случается, что пять, десять, двадцать человекъ бываютъ убиты или ранены однимъ, пока удастся схватить бѣглеца или убить его. У жителей Целебеса „амокъ“ является какъ бы видомъ самоубійства или средствомъ выйти изъ затруднительнаго положенія: оскорбленный обществомъ, запутавшійся въ долгахъ, проигравшій жену и дѣтей въ рабство впадаетъ въ отчаяніе и рѣшается умереть, поражая другихъ. Теперь для облегченія захвата такихъ бѣглецовъ полицейскіе агенты вооружены особаго устройства вилами, которыми они, поймавъ ихъ, держатъ на извѣстномъ разстояніи.

Старый малаецъ-горожанинъ съ острова Явы.

Обособленные въ горахъ Суматры воинственные бата или батаки, несмотря на вліяніе индусовъ, магометанъ и европейцевъ, до сихъ поръ сохраняютъ своеобразную культуру. Цвѣтъ ихъ кожи свѣтлѣе, чѣмъ у малайцевъ, они выше ростомъ и волосы на головѣ и бородѣ у нихъ обильнѣе. Кромѣ земледѣлія они занимаются скотоводствомъ, держатъ большія стада буйволовъ, лошадей, коровъ, свиней и собакъ; послѣднія откармливаются для домашнихъ пиршествъ. Ихъ ремесленники искусные кузнецы, оружейники и ювелиры, женщины занимаются ткачествомъ. Батаки не любятъ бетеля, но страстно курятъ табакъ и жуютъ смѣсь изъ извести и листьевъ гамбира. Изящныя жилища батаковъ напоминаютъ швейцарскіе домики, часто они строятся совмѣстно всей общиной и служатъ помѣщеніемъ для нѣсколькихъ семей. Въ каждой деревнѣ есть свое общественное зданіе, гдѣ чужеземцы всегда находятъ пріютъ, и гдѣ хранятся драгоценныя вещи, между прочимъ книги и документы, вырѣзанные на деревѣ, древесной корѣ и листьяхъ. Общины батаковъ совершенно самостоятельны, всѣ дѣла обсуждаются сообща, и раджа является лишь представителемъ общины. Члены общины связаны узами родства, но неравноправны, и лица низшаго класса по рѣшенію общиннаго совѣта могутъ быть отданы въ залогъ за долги и пре-

ступленія. По приговору судовъ, вообще очень суровыхъ, виновный въ тяжкомъ преступленіи присуждался къ съѣденію, даже живымъ, при чемъ въ трапезѣ принимали участіе и его ближайшіе родственники.

Большинство малайцевъ магометане, и за послѣднее время распространеніе ислама сдѣлало большіе успѣхи; магометанскія школы посѣщаются все болѣе и болѣе, и на островѣ Явѣ ихъ недавно насчитывалось до 16760 съ 255148 учениками.

Наряду съ этимъ у различныхъ племенъ сохранилось не мало индусскихъ вѣрованій и обычаевъ.

Нѣкоторыя изъ малайскихъ племенъ, даже принявшихъ исламъ, продолжаютъ до сихъ поръ придерживаться языческихъ обычаевъ: сохранилось обожаніе предковъ, силъ природы, вѣра въ злыхъ и добрыхъ духовъ, опредѣляющихъ все совершающееся въ жизни челоука. Для охраненія себя отъ злыхъ духовъ они обращаются къ знахарямъ и заклинателямъ, носятъ при себѣ маленькихъ идоловъ. Нѣкоторыя семьи и цѣлыя общины создаютъ себѣ духа покровителя, зарывая въ землю живое дитя, которое и считаютъ охранителемъ ихъ полей; вліятельныя лица считаются способными приносить пользу и послѣ смерти; въ день ихъ смерти засѣвается рисовое поле, и трупъ зарывается лишь послѣ жатвы, оканчивающейся пиршествомъ въ честь скончавшагося, который и становится съ этихъ поръ покровителемъ дома.

Вліяніе христіанскихъ миссіонеровъ сильнѣе всего на Молуккскихъ остро-

Малаецъ съ острова Явы.

Женщина съ острова Явы.

вахъ, гдѣ еще португальцамъ удалось обратить въ христіанство тысячи туземцевъ. Христіанство распространено также и среди минахасцевъ, жителей восточнаго полуострова Целебеса, находящихя подъ сильнымъ вліяніемъ голландцевъ и постепенно воспринимающихъ отъ нихъ европейскую культуру, а въ началѣ текущаго столѣтія бывшихъ еще почти совершенно дикимъ племенемъ. Воздѣлываніе почвы и главнымъ образомъ кофейныхъ плантацій сильно содѣйствовало цивилизаціи минахасцевъ. Ихъ деревни съ чистыми улицами отдѣлены изгородями изъ розъ отъ плантацій кофе; деревянные дома на высокихъ, окрашенныхъ въ голубую краску, сваяхъ, окруженныхъ цвѣтниками; въ домахъ мебель въ голландскомъ стилѣ. Начальники деревень носятъ европейскій костюмъ; малайскій языкъ, употребляемый въ школьномъ преподаваніи, вытѣснилъ всѣ другіе говоры.

Многоженство у магометанъ-малайцевъ существуетъ только среди богатыхъ. У многихъ малайскихъ племенъ сохранились еще прежнія формы браковъ: покупка жень преимущественно или исключительно изъ различныхъ колѣнъ племени; женщины цѣнятся часто очень дорого, потому молодымъ людямъ приходится долго работать, чтобъ скопить необходимую для брака сумму; нерѣдко они впадаютъ въ неоплатные долги и рискуютъ своей свободой. Приобрѣтенная покупкой жена становится собственностью мужа, его рабыней.

Малайцевъ вообще можно назвать культурнымъ народомъ, среди нихъ много грамотныхъ, умѣющихъ читать и писать на своемъ языкѣ; при письмѣ они употребляютъ арабскій, индійскій или санскритскій алфавиты. За послѣднее время въ официальной перепискѣ

Малайцы воины изъ племени батта (батаки).

и въ литературѣ вводится и латинскій шрифтъ. Уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ малайцы обладаютъ письменной литературой, довольно разнообразной и обширной. Наибольше богата такъ называемая народная литература: сборники народныхъ сказаній и пословицъ; малайскія поэмы на національныя темы монотонны и бѣдны фантазіей, историческая литература—смѣсь вымысла съ истиной, и болѣе интересны хроники и путешествія, особенно недавняго времени. На малайскомъ языкѣ не мало богословскихъ книгъ и юридическихъ сборниковъ обычаевъ и мѣстнаго права. У баттовъ и балійцевъ богатая литература сохраняется въ своеобразныхъ книгахъ, состоящихъ изъ связокъ листьевъ, стиснутыхъ между двумя дощечками и исчерченныхъ острымъ шиломъ. Однако у малайцевъ не хватаетъ умственной энергіи и инициативы для самостоятельной работы мысли, и они легко подчи-

Баттаки.

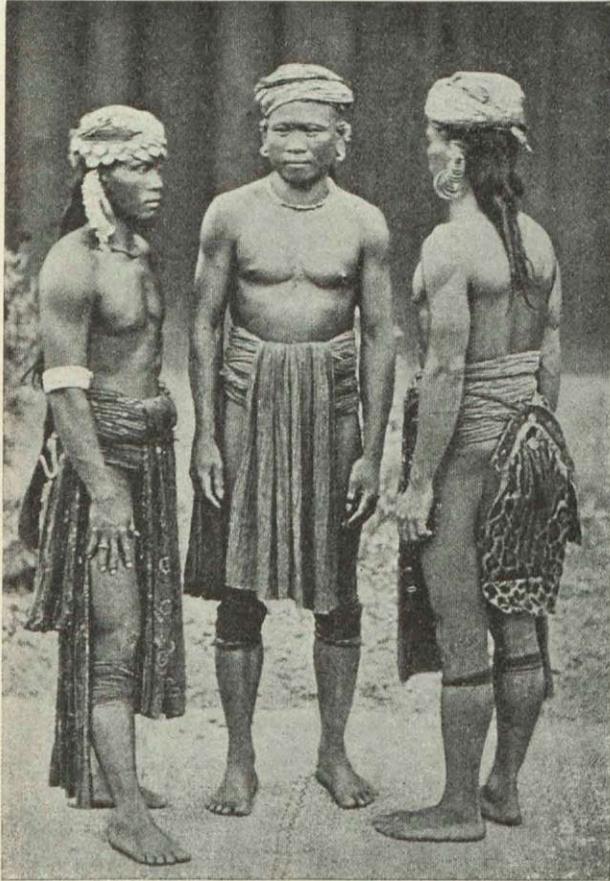
няются постороннему вліянню. Подчинившись цивилизації индусовъ, они затѣмъ подпали подъ вліяніе арабовъ и ислама, а теперъ небольшая горсть голландцевъ, поддерживаемая ничтожной арміей, держитъ 35 милліоновъ малайскаго населенія архипелага въ полномъ подчиненіи. Независимымъ осталось лишь на сѣверѣ Суматры племя атжеховъ, съ которыми въ 70-хъ годахъ голландцы вели упорную войну, да мѣстами во внутреннихъ областяхъ острововъ встрѣчаются еще непокоренныя иногда дикія племена.

Нѣкоторыя изъ нихъ бродятъ въ лѣсныхъ областяхъ, не имѣя даже жилищъ, или живутъ въ дуплахъ и хижинахъ изъ древесныхъ вѣтвей. Ихъ одежда состоитъ только изъ передника, а единственное оружіе сарбаканъ съ метательными стрѣлами. Они рѣдко появляются

среди малайцевъ и европейцевъ, сносясь съ ними черезъ посредниковъ; нѣкоторыя приносятъ въ опредѣленное мѣсто свои продукты въ обмѣнъ на оставленные тамъ же товары европейцевъ или малайцевъ, они поддерживаютъ такимъ образомъ мѣновую торговлю.

Другія почти дикія племена стоятъ на высшей ступени развитія. Наибольше многочисленныя изъ послѣднихъ—даяки острова Борнео; ихъ насчитываютъ около милліона, объединяя подъ этимъ именемъ различныя по образу жизни и происхожденію племена: орангъ-капуанъ, орангъ-барито, орангъ-маккахамъ, орангъ-букито, смотря по мѣстности, гдѣ они живутъ, что означаетъ: люди горъ, люди лѣсовъ, люди земли, люди моря и т. п.

Въ массѣ у даяковъ цвѣтъ кожи нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у малайцевъ, носъ болѣе выдающійся и болѣе высокой лобъ. Борода совершенно отсутствуетъ, такъ какъ мужчины тщательно ее выщипываютъ. Ростомъ даяки нѣсколько выше малайцевъ и очень стройно сложены. Нѣкоторыя племена даяковъ ходятъ почти нагія, опоясанныя въ нѣсколько разъ кускомъ голубой

Даяки.

хлопчатобумажной матеріи—*хауатомъ*, концы котораго украшены трехцвѣтной полосой и спускаются спереди и сзади. У женщинъ верхняя часть тѣла остается ничѣмъ не покрытой, а вокругъ бедеръ въ нѣсколько рядовъ обвита яркая тесьма, сплетенная изъ тростника, къ которой прикрѣпляется саронгъ, спускающійся ниже колѣнъ; есть, впрочемъ, племена, гдѣ и мужчины, и женщины надѣваютъ малайскія куртки, кофты и саронгъ. Мечъ и небольшой мѣшочекъ съ табакомъ или бетелемъ всегда виситъ за поясомъ даяка. Идя на войну, даяки надѣваютъ сверхъ хауата ватную куртку для предохраненія отъ ядовитыхъ стрѣлъ или шкуру медвѣдя или леопарда, спереди украшенную перьями, перламутромъ, раковинами и пр. Оружіе даяковъ—мечъ и *сумпитонъ*, продувной стволъ изъ твердаго желѣзнаго дерева, черезъ который даяки выдуваютъ легкія, заготовленные изъ

бамбука стрѣлы часто съ отравленными концами. Сумпитонъ служить одновременно копьемъ, къ верхнему концу его крѣпко привязываютъ ротангомъ желѣзное копье. Шлемы изъ ротанга и щитъ дополняютъ военный костюмъ даяка.

Даяки страстно любятъ всевозможныя украшенія, у нихъ очень распространенъ обычай подпиливать, окрашивать, а иногда и просверливать зубы, чтобъ вставить въ нихъ золотыя бляшки; въ ушные мочки даяки вдѣваютъ еще дѣтямъ кусочки дерева, которые затѣмъ замѣняютъ кольцами, полулунами и другими украшеніями, иногда такими тяжелыми, что уши оттягиваются ниже плечъ. И мужчины, и женщины татуируютъ плечи, кисти рукъ, бедра и ступни, съ большимъ вкусомъ и терпѣніемъ разрисовывая ихъ голубыми разводами, что очень идетъ къ мѣдно-красному цвѣту кожи даяковъ. Масса колець, браслетъ изъ слоновой кости и металловъ украшаютъ руки и ноги даяковъ; на шеѣ почти всегда у нихъ ожерелья изъ бусъ, камней, перламутра и кромѣ того различныя амулеты изъ камня

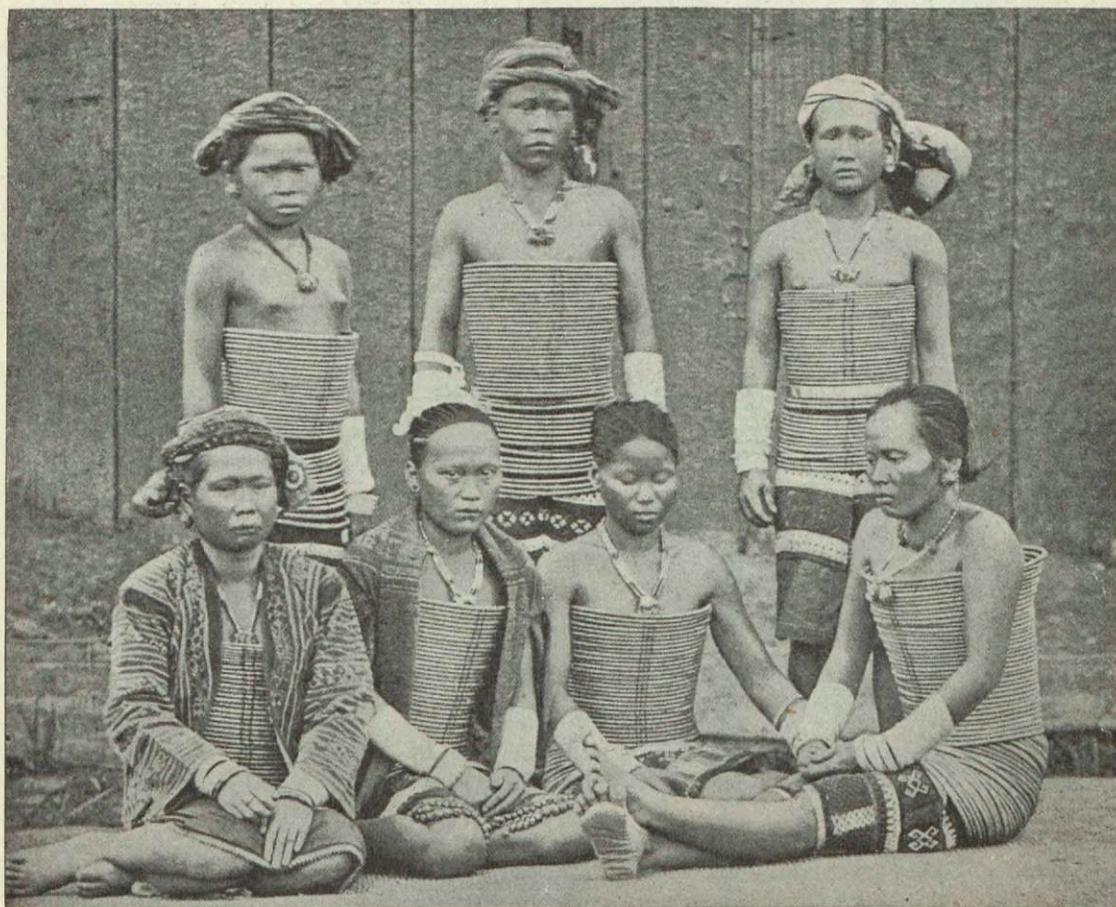
Группа даяковъ женщинъ и дѣтей.

и дерева для предотвращенія злыхъ духовъ. Матери во многихъ племенахъ искусственно сплющиваютъ черепа дѣтей.

Даяки, болѣе живые и болтливые, чѣмъ малайцы, менѣе скрытны и болѣе честны. Дѣти и юноши-даяки очень подвижны и любятъ всевозможныя шутки и игры, развивающія ихъ ловкость и силу; въ придумываніи домашнихъ игръ они замѣчательно изобрѣтательны. Жестокій обычай—„охоты за черепами“—противорѣчитъ повидимому этимъ качествамъ даяковъ, но онъ поддерживается религіозными вѣрованіями даяковъ и является у нихъ однимъ изъ религіозныхъ обрядовъ. Ни одинъ важный актъ жизни даяка не обходится безъ того, чтобъ предварительно не пала одна или нѣсколько головъ сосѣднихъ племенъ; совершеніе юности, впервые опоясывающаго мечъ, свадьба, похороны, вступленіе новаго начальника и признаніе его племенемъ обязательно соединяются съ „охотою за черепами“.

Знатные не довольствуются одной головой, а требуютъ многочисленныхъ жертвъ; нѣкоторыя племена мучатъ жертву, прежде чѣмъ нанести ей послѣдній ударъ, кровью ея

орошают поля, а мясо съѣдаютъ передъ жрецами и жрицами, которые исполняютъ предписанныя церемоніи. У нѣкоторыхъ племенъ „охота за черепами“ считается настолько важнымъ религіознымъ обрядомъ, что ей предшествуетъ всеобщая исповѣдь. Отправляющіеся въ походъ приносятъ покаяніе въ своихъ поступкахъ, предаются погребальному танцу, надѣваютъ воинскій костюмъ, маску въ видѣ морды крокодила или тигра и пускаются въ путь, стараясь застать врасплохъ какое либо изъ сосѣднихъ племенъ, чтобъ запасть на его счетъ черепами или жертвами для людоедства. Отрубленныя головы обыкновенно сушатъ и коптятъ на огнѣ, а черепами затѣмъ украшаютъ жилища даяковъ. Обычай „охоты

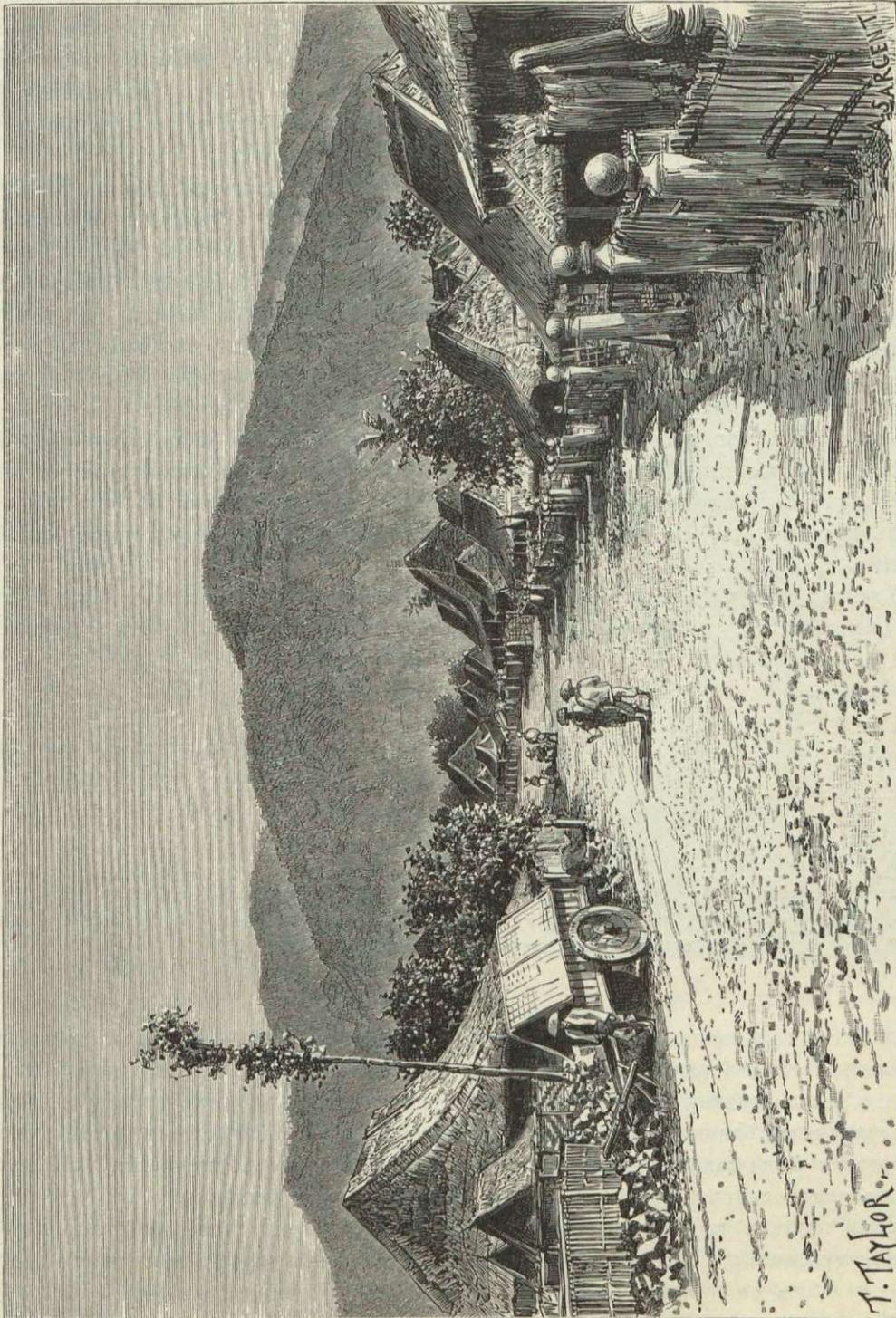

Женщины изъ малайскаго племени даяковъ въ корсетахъ изъ колець.

за черепами“ былъ распространенъ, а мѣстами сохраняется и до сихъ поръ, у тиморянь, среди альфору Целебеса и нѣкоторыхъ Молуккскихъ острововъ.

Главное занятіе даяковъ земледѣліе: послѣ двухъ урожаевъ риса, затѣмъ сахарнаго тростника, кукурузы или овощей они забрасываютъ воздѣланную почву лѣтъ на 8—10, и она вновь зарастаетъ кустарникомъ и лѣсомъ. Но земледѣльческихъ продуктовъ недостаточно для существованія даяковъ, большимъ подспорьемъ служатъ имъ лѣсныя богатства. Они собираютъ смолу даммара, гуттаперчу, съ большимъ искусствомъ и терпѣніемъ добываютъ воскъ и медь изъ гнѣздъ дикихъ пчелъ, устраиваемыхъ обыкновенно на очень высокихъ деревьяхъ; собираютъ гнѣзда ласточекъ и бензаоровые камни, которые продаютъ китайцамъ, употребляющимъ ихъ какъ лекарство. Рубка ротанга, въ изобиліи растущаго

по рѣчкамъ и ручьямъ, охота и рыбная ловля также даютъ хорошій заработокъ даякамъ. Когда даяки отправляются на лѣсные промыслы, жены ихъ зажигаютъ маленькія лампочки,

Улица въ малайской деревнѣ.

вставляютъ ихъ въ скорлупу кокосоваго орѣха и спускаютъ на рѣку въ честь духовъ, населяющихъ, по ихъ мнѣнію, воздухъ и воды, прося ихъ охранять отсутствующихъ мужей.

Рабства почти не существуетъ у даяковъ, но должники, „панделинги“, какъ ихъ называютъ, обязанные обрабатывать свои долги кредиторамъ, существуютъ у всѣхъ племенъ даяковъ.

Даяки не только земледѣльцы, но и искусные ремесленники, они умѣютъ дѣлать всевозможныя вещи изъ дерева, слоновой кости, ковать оружіе, строить лодки; женщины прядутъ нитки, ткуютъ и окрашиваютъ матеріи, красиво вышиваютъ бусами свои головныя повязки, при чемъ проявляютъ вкусъ и ловкость. Рѣзныя работы, украшающія могилы даяковъ и ихъ дома, при постройкѣ которыхъ бамбуковыя бревна располагаются красивыми рисунками, указываютъ на способность даяковъ-строителей.

Малайскія деревни очень живописно и оригинально построены. Дома тесовые или изъ бамбуковаго тростника стоятъ на высокихъ столбахъ, часто украшены красивой рѣзбой и имѣютъ высокую заостренную крышу съ выступающими желобами. Они скучены безъ всякой симметріи на небольшомъ пространствѣ, обнесенномъ плетнемъ. Никакой мебели въ домахъ нѣтъ, только на полу постланы циновки, на которыхъ сидятъ или лежатъ малайцы. Хотя малайцы вообще очень опрятны, и улицы деревень своихъ часто метутъ, атмосфера въ нихъ всегда зловонная, такъ какъ подъ каждымъ домомъ есть яма, куда сваливаютъ и сметають всякія нечистоты. Предполагаютъ, что обычай этотъ остался съ того времени, когда дома еще строили на водѣ, и когда сбрасываніе нечистотъ подъ дома не имѣло такихъ дурныхъ послѣдствій. До сихъ поръ еще мѣстами немало малайскихъ деревень и даже городовъ расположены на плотяхъ по рѣкамъ, и сотни населенія группируются въ плавучихъ постройкахъ, что придаетъ совершенно своеобразный видъ этимъ малайскимъ поселеніямъ.

Въ центрѣ каждой деревни стоитъ большое зданіе, съ большимъ заломъ, гдѣ на ночлегъ располагаются неженатые молодые люди и чужестранцы. Зданія эти служатъ биржей и мѣстомъ для общественныхъ собраній и совѣщаній.

Глава III.

Господство голландцевъ и ихъ колоніальная система.—Вліяніе ея на малайцевъ.—Культура кофе, сахара, табака и др. растений.—Торговля архипелага.—Управленіе.—Главнѣйшіе города. Португальскія и англійскія владѣнія на архипелагѣ и полуостровѣ Малаккѣ.

Господство голландцевъ сильно измѣнило промышленную и торговую жизнь малайцевъ. Культура новыхъ, ранѣе неизвѣстныхъ, растений: кофе, табака, чая, сахарнаго тростника и т. п. была введена на архипелагѣ. Система принудительныхъ работъ и обязательной культуры опредѣленныхъ растений стѣснила прежнюю промышленную свободу малайцевъ. Торговля была захвачена въ руки голландскаго правительства, и наиболѣе выгодныя отрасли ея монополизированы голландскою компаніей торговцевъ.

Первый періодъ государственнаго управленія колоніями былъ періодомъ завоеваній и покоренія туземцевъ, не желавшихъ подчиниться голландцамъ, жестокости которыхъ были еще у всѣхъ въ памяти. Послѣ долгихъ войнъ, стоившихъ жизни 10 тыс. европейцевъ и 20 тыс. яванцевъ, была покорена Ява, а затѣмъ постепенно и другіе острова. Всѣ доходы колоній за это время поглощались военными расходами, почва почти не воздѣлывалась, колоніи пришли въ упадокъ. Колоніальные доходы вновь возросли лишь съ 1830-хъ годовъ, когда была введена такъ называемая „система замаскированнаго рабства“

или принудительная система культуры. Плодородный и наиболее населенный остров Ява был центромъ, откуда распространялось господство голландцевъ. Главной цѣлью голландской колониальной политики было извлеченіе возможно большихъ доходовъ и развитіе голландской торговли. Первоначально даже переселеніе европейцевъ въ колоніи было обставлено большими стѣсненіями; такъ какъ правительство не желало предоставлять своихъ земель частной предприимчивости и предназначало ихъ исключительно для эксплуатаціи въ пользу государства. Теперь доступъ въ колоніи совершенно свободенъ, но число европейцевъ до сихъ поръ тамъ ничтожно.

Чтобъ обезпечить себѣ повиновеніе и внушить туземцамъ большее почтеніе къ ихъ властелинамъ, голландцы старались держаться обособленно, поддерживая въ туземцахъ нѣчто въ родѣ религіознаго страха къ бѣлымъ. Европейцамъ долго было запрещено занимать мѣсто слуги; офицеры или солдаты, присужденные къ какому либо позорному наказанію, отсылались для понесенія кары въ Голландію, чтобъ объ этомъ не узнали туземцы и т. п. Яванцамъ было запрещено изучать голландскій языкъ и посылать своихъ дѣтей въ училища бѣлыхъ; только малайцы допускались въ голландскія школы, такъ какъ голландское правительство нуждалось въ ихъ услугахъ и вообще старалось поддержать разнь между туземцами. До недавняго времени еще число школъ, куда туземцы допускаются наравнѣ съ бѣлыми, было ничтожно: на Явѣ съ ея громаднымъ населеніемъ въ 25 мил. всего нѣсколько болѣе 200 школъ съ 40 тыс. учениковъ. Голландцы даже не поощряли дѣятельность христіанскихъ миссіонеровъ, боясь приблизить туземцевъ къ себѣ по религіи.

Магометанство и магометанскія школы были главными разсадниками культуры среди туземцевъ. Никакого участія туземцевъ въ мѣстномъ управленіи не допускалось голландскимъ правительствомъ, хотя оно пользовалось туземными начальниками, какъ посредниками между его чиновниками и населеніемъ. Большая часть туземныхъ начальниковъ выбиралась правительствомъ изъ среды потомковъ прежнихъ султановъ; получая хорошей окладъ, а иногда еще и извѣстную долю налоговъ, они могли поддерживать громадный штатъ слугъ и былую пышность своего двора, но были лишены всякой самостоятельности и слушаютъ во всемъ голландскихъ резидентовъ. Только въ деревняхъ туземцы сами выбираютъ начальниковъ, которые распредѣляютъ землю, работы, натуральныя повинности, но не понравившіеся правительству деревенскіе начальники скоро смѣщаются.

Торгъ невольниками былъ прекращенъ на островахъ архипелага еще въ XVII ст., а рабство было уничтожено въ 1860 г., но „система замаскированного рабства“, введенная губернаторомъ Ванъ-денъ-Бошемъ въ 1832 г. и продолжавшаяся до 80-хъ годовъ, въ сущности поддерживала рабскій трудъ на плантаціяхъ правительства. Земельный налогъ, взимавшійся въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ или $\frac{1}{3}$ урожая, смотря по плодородію почвы, былъ уничтоженъ въ этомъ году, но взамѣнъ того въ каждомъ земельномъ округѣ, подчиненномъ управленію голландскаго контролера, правительство отдѣлило себѣ $\frac{1}{3}$ часть земель туземцевъ. Предоставивъ

Женщина съ острова Целебесъ.

туземцамъ на остальной землѣ производить дешевый рисъ и кукурузу, правительство на этихъ земляхъ устроило плантаціи кофе, табака, сахарнаго тростника, индиго и другихъ растений, дорого цѣнящихся на европейскихъ рынкахъ. Контролеры должны были слѣдить за тѣмъ, чтобъ вся община работала на этихъ плантаціяхъ каждый пятый, а спустя нѣкоторое время, каждый седьмой день, распредѣлять работы и наблюдать за рабочими, поощряя или наказывая ихъ. Рабочіе получали за свой трудъ ничтожную плату, а въ концѣ года правительство принимало произведенные продукты по рыночной цѣнѣ, какъ говорилось въ указахъ, на самомъ же дѣлѣ по очень низкой цѣнѣ и получало вслѣдствіе этого огромные барыши.

Контролеры, заинтересованные извѣстнымъ процентомъ въ доходахъ, принуждали население къ непрерывной работѣ на плантаціяхъ, у туземцевъ не оставалось совершенно времени для воздѣлыванія своихъ полей, и они бѣднѣли и голодали. Смертность особенно увеличилась въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ какъ матери, работая на плантаціяхъ, оставляли дѣтей безъ присмотра по хижинамъ. Сначала система эта была введена только на островѣ Явѣ, а позднѣе распространена на восточные округа Суматры и Целебеса; мѣстные резиденты и старшины были заинтересованы въ ея проведеніи и, такъ какъ правительство старалось не измѣнять мѣстныхъ обычаевъ, оно не встрѣтило нигдѣ сопротивленія. Мѣстные начальники деревень обратились въ предпринимателей по воздѣлыванію плантацій, и правительство договаривалось съ ними объ опредѣленной цѣнѣ для покупки продуктовъ, при чемъ только часть шла въ пользу начальника, а остальная сумма, полученная отъ правительства, распредѣлялась какъ заработная плата между рабочими, обрабатывавшими плантаціи.

Доходы правительства сильно возрасли и достигали огромныхъ суммъ, но туземцы изнемогали подъ бременемъ непосильнаго труда; обязательства ихъ были иногда такъ тяжелы, что многіе лишали себя жизни или бѣжали изъ колоніи, чтобы избѣжать грубостей начальниковъ и надсмотрщиковъ. Такъ продолжалось до 50-хъ годовъ. Съ этого времени въ нидерландскомъ парламентѣ начинаютъ раздаваться голоса въ защиту туземцевъ, начинается критика злоупотребленія колониальной системой. Уступая общественному мнѣнію, правительство ввело нѣкоторыя реформы: часть правительственныхъ плантацій была уничтожена, принудительный трудъ туземцевъ ограниченъ.

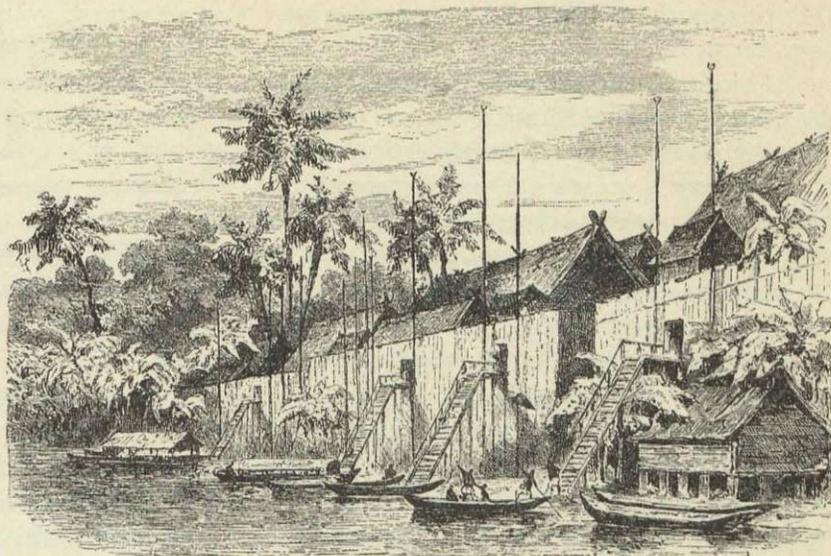
Въ 71—73 г.г. были изданы законы, предписывавшіе уничтоженіе этой системы въ теченіе 20 лѣтъ и вводившіе полную свободу труда и землевладѣнія въ колоніяхъ. Въ 1890 г. исчезла въ колоніяхъ послѣдняя принудительная культура сахара. Принудительная система культуры осталась только на плантаціяхъ кофе.

Спустя нѣкоторое время послѣ этихъ реформъ, доходы колоній значительно уменьшились, но скоро производительность свободнаго труда увеличила богатство колоній, и теперь налоги, замѣнившіе въ 87 г. принудительный трудъ (подушная подать въ 1 гульденъ), покрываютъ бюджетъ колониальныхъ расходовъ и даютъ излишки голландскому правительству.

Система Ванъ-денъ-Боша, существовавшая 60 лѣтъ, блестящая по своимъ финансовымъ итогам, оказалась страшнымъ бѣдствіемъ для туземцевъ, обративъ нѣкогда дѣятельныхъ и культурныхъ яванцевъ въ послушныхъ рабовъ голландскаго правительства. Остатки древней индусской культуры свидѣтельствуютъ о томъ, что познанія яванцевъ въ промышленности, наукахъ и искусствѣ въ былое время значительно превосходили современные; отъ былой культуры ихъ теперь остались лишь воспоминанія.

Послѣ отмѣны принудительныхъ работъ на плантаціяхъ сохранились все же еще нѣкоторыя натуральныя повинности при выполненіи общепользныхъ сооружений: постройки дорогъ, каналовъ, административныхъ зданій и т. п. Большинство правительственныхъ плантацій перешло къ частнымъ лицамъ, обрабатывающимъ ихъ при помощи наемнаго труда

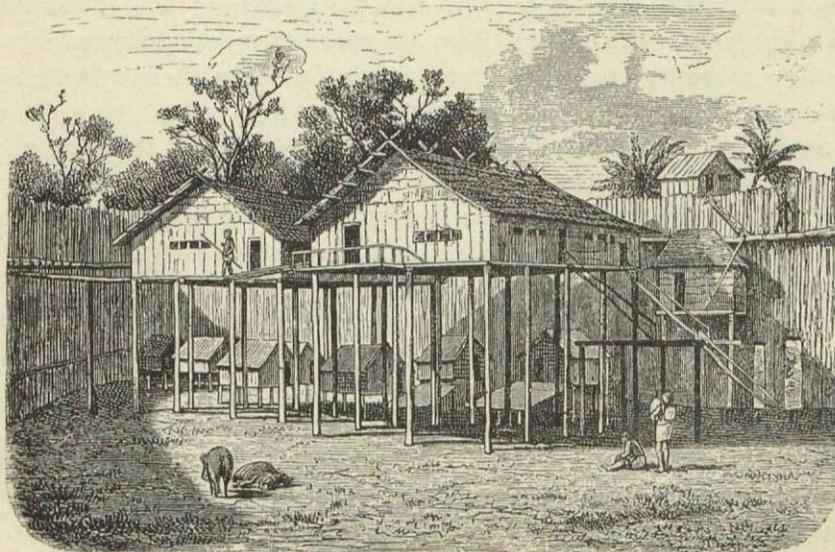
и арендующихъ земли на 75 и болѣе лѣтъ у правительства или общинъ. Главное богатство голландскому правительству доставили плантаціи кофе; въ нѣкоторыхъ областяхъ Явы каждое семейство должно было воздѣлывать кофейное дерево въ количествѣ 600 корней. Туземцы кофе не потребляютъ, и вся масса произведеннаго кофе поступала правительству и шла въ торговлю. До сихъ поръ Ява доставляетъ ежегодно на мировые рынки кофе на 50 мил. франковъ; кромѣ Явы кофе вывозится съ острововъ Борнео, Целебеса и другихъ острововъ.

Внѣшній видъ деревни даяковъ.

Сахарный тростникъ давно культивируется на островахъ архипелага, уже въ половинѣ XVII в. на Явѣ были заведенія для выжиманія сахарнаго сока; теперь на Явѣ масса правительственныхъ и частныхъ сахарныхъ заводовъ, снабженныхъ всѣми новѣйшими усовершенствованіями. Сахароваренная промышленность, единственная на архипелагѣ, носитъ характеръ крупной европейской промышленности, остальные отрасли не выходятъ изъ стадіи ремесленнаго производства. Табакъ—одинъ изъ главныхъ

предметовъ вывозной торговли Явы, несмотря на то, что много его потребляется на мѣстѣ; однимъ изъ центровъ табачныхъ плантацій на архипелагѣ является также область Дэли на остр. Суматрѣ, доставляющая ежегодно громадное количество табаку на рынки Европы. Здѣсь табачныя плантаціи принадлежатъ болѣею частью одной компаніи, получившей отъ правительства важныя привилегіи, и потому соперничать съ нею почти не-

Внутренній видъ деревни даяковъ.

возможно; на плантаціяхъ компаніи работаетъ, кромѣ мѣстныхъ малайцевъ и баттовъ, много китайцевъ, завербованныхъ компаніей и полупорабощенныхъ ею.

Менѣе доходовъ доставляетъ голландцамъ воздѣльваніе чая, индиго и прядильныхъ растений. За послѣдніе годы сильно развилась культура хиннаго дерева, сорта котораго постоянно совершенствуются, и теперь уже миллионы этихъ деревьевъ лучшихъ породъ насчитываются въ паркахъ и питомникахъ правительства, расположенныхъ по склонамъ горъ, часто на высотѣ около 2000 м. надъ уровнемъ моря.

Большая часть торговли ведется моремъ черезъ посредство пароходовъ, заходящихъ во всѣ порта архипелага.

Желѣзныхъ дорогъ на архипелагѣ до сихъ поръ еще очень немного (всего около 2000 верстъ); даже на такомъ многолюдномъ и особенно развитомъ торгово-промышленномъ центрѣ, какъ островъ Ява желѣзныя дороги соединяютъ лишь большіе приморскіе города Батавію, Сурабаю и Семарангъ съ внутренними областями острова.

Судоходныя рѣки служатъ также населенію прекрасными путями сообщенія; ими пользуются также для сплава лѣсныхъ матерьяловъ. Сотни китайскихъ и малайскихъ купцовъ, связавъ плоты и выстроивъ на нихъ домики, спускаются внизъ по рѣкѣ, останавливаясь повсюду, гдѣ могутъ вымѣнять свои товары на смолу, медъ, кожу и пр.; достигнувъ какого либо промышленнаго центра на низовьяхъ рѣки, они сбываютъ собранные товары и вновь поднимаются по рѣкѣ, чтобы выстроить новые плоты и вести мѣновую торговлю.

Главный городъ голландскихъ колоній Батавія на островѣ Явѣ занимаетъ громадное пространство и со всѣми прилегающими къ нему мѣстечками тянется на 20 верстъ. Въ сущности это нѣсколько городовъ, соединенныхъ каналами, дорогами и аллеями. Здѣсь сосредоточены самыя старинныя и цвѣтуція ученія общества архипелага, издаются научныя журналы, есть библіотека, музеи, медицинская школа. Населеніе группируется въ отдѣльные кварталы по національностямъ, устраивая поселенія, сообразно своимъ занятіямъ. Въ верхнемъ городѣ расположены главныя публичныя зданія и гостиницы; это въ сущности скорѣе паркъ, чѣмъ городъ, въ которомъ можно любоваться всѣми разнообразными и величественными деревьями тропической флоры. Прекрасный портъ Батавіи соединенъ съ городомъ желѣзной дорогой. Изъ другихъ городовъ Явы отмѣтимъ г. Семарангъ, соединенный хорошими дорогами съ внутренними населенными провинціями и являющийся поэтому главнымъ центромъ вывозной торговли, и г. Суракатру, самый населенный изъ городовъ острова, стоящіе въ центрѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ Явы. Въ срединѣ города расположенъ дворецъ султана съ громадными дворами, казармами, гаремами и садами и съ населеніемъ въ 10 тыс., состоящемъ изъ князей, придворныхъ, домашнихъ слугъ и солдатъ.

Приморскіе города и порты архипелага окружены массою китайскихъ и малайскихъ деревень, тонущихъ въ зелени садовъ и пальмовыхъ рощъ. Однимъ изъ самыхъ оживленныхъ рынковъ на западномъ берегу Суматры является городъ Падангъ; на возвышеніи около Паданга устроенъ голландскій фортъ, гдѣ сосредоточенъ главный голландскій гарнизонъ. На южномъ берегу острова самый многолюдный городъ Пеламбангъ, расположенный на обоихъ берегахъ р. Музы. Большіе корабли подходят по рѣкѣ къ самому городу, нагружаясь здѣсь табакомъ, рисомъ, гуттаперчей, бензойнымъ ладаномъ и др. продуктами; сотни судовъ отходятъ ежедневно отъ пристаней Пеламбанга. Многіе горожане живутъ на рѣкѣ; дома построены на бамбуковыхъ плоткахъ, прикрѣпленныхъ къ берегу при помощи крѣпкаго каната изъ ротанга.

Самый дѣятельный торговый пунктъ острова Борнео г. Бенджермасинъ расположенъ на лабиринтѣ каналовъ рѣчки Барито, вливающейся въ океанъ массою рукавовъ. Деревянные домики съ красивыми скульптурными украшеніями, вытянувшіеся по берегамъ каналовъ, совершенно заграждены цѣлымъ рядомъ плавающихъ построекъ, укрѣпленныхъ на якорѣ; множество гребныхъ судовъ снуютъ по всѣмъ каналамъ, перевозя купцовъ, товары и покупателей.

На Целебесѣ г. Максаръ съ постоянно спокойнымъ портомъ посѣщается массою всевозможныхъ судовъ, вывозящихъ оттуда, кромѣ кофе, мускатнаго орѣха, тростниковаго са-

хара и табаку, произведенныхъ на плантаціяхъ, немало мѣстныхъ продуктовъ и лѣсныхъ матерьяловъ.

Торговья суда заходятъ и въ порты мелкихъ острововъ, забирая оттуда всевозможные продукты.

Во главѣ колоніальныхъ владѣній Голландіи стоитъ генераль-губернаторъ съ очень обширной властью. Онъ считается представителемъ королевы въ колоніяхъ, командуетъ арміей и флотомъ, примѣняетъ законы, изданные нидерландскимъ парламентомъ, и сообразно имъ можетъ издавать мѣстные декреты и постановленія.

Онъ дѣйствуетъ чрезъ посредство министровъ, отвѣтственныхъ передъ нидерландскимъ парламентомъ. Совѣтъ, состоящій изъ 5 членовъ, избираемыхъ и утверждаемыхъ королевой, помогаетъ ему въ законодательной дѣятельности. Законы метрополи и колоній строго раздѣлены. Въ колоніяхъ свои законы, свой судъ, своя администрація; въ нидерландскомъ парламентѣ нѣтъ никакихъ представителей отъ колоній, и мѣстное населеніе не участвуетъ въ управленіи. Всѣ колоніальныя владѣнія раздѣлены на 37 округовъ,—3 губерніи и 34 резидентства, изъ которыхъ 22 на островѣ Явѣ. Всѣ европейцы находятся подъ управленіемъ резидентовъ, а туземцы подчинены регентамъ, изъ потомковъ старинныхъ государей, князьямъ или раджамъ, какъ ихъ называютъ; они назначаются голландскимъ правительствомъ, и рядомъ съ ними всегда есть префекты и подпрефекты изъ голландцевъ, хотя повидимому и незначительные, но въ сущности держащіе въ полномъ своемъ повиновеніи раджей.

Колоніи имѣютъ свой отдѣльный бюджетъ, ежегодно достигающій 250—280 мил. фр. Главный доходъ поступаетъ отъ продажи кофе, монополиі опія и соли, отъ земельного налога, таможенныхъ пошлинъ, отъ продажи олова и отъ желѣзныхъ дорогъ. Большая часть его поглощается островомъ Явой и идетъ на мѣстное управленіе, армію и флотъ; излишки поступаютъ голландскому правительству.

Л. Куріянова.

ИНДО-КИТАЙ.

Громадный полуостровъ, которымъ Азія кончается на юго-востокѣ, давно уже носить двойное названіе Индо-Китай. Онъ такъ великъ, что на пространствѣ его, равняющемся 2.126.450 кв. к., умѣстились бы четыре великихъ европейскихъ державы, такихъ какъ Англія, Франція или Италія. Его затѣйливо изрѣзанные берега съ многочисленными заливами и выступами суши представляютъ очертаніе совершенно въ стилѣ восточно-азиатскаго или скорѣе китайскаго вкуса, который оказалъ такое сильное вліяніе на культуру населяющаго этотъ полуостровъ человѣка. Длинный Малакскій полуостровъ, словно рука, протянутая для дружескаго пожатія, спускается далеко на югъ, представляя естественное соединеніе съ громадными островами Малайскаго архипелага, далеко за которыми лежитъ Австралійскій материкъ. Ученые уже давно признали, что Малакскій архипелагъ представляетъ собою обломки обширной полосы суши, которая въ силу разныхъ большею частью медленныхъ переверотовъ, погружалась подъ волны моря, пока многіе, то широкіе, то узкіе проливы совершенно не прервали сообщенія между двумя, нѣкогда соединенными материками носящими теперь двойное имя Австралазіи. Это разобщеніе произошло такъ давно, что человѣкъ не могъ быть свидѣтелемъ его по той простой причинѣ, что его еще не существовало на землѣ. Когда появились люди на Индо-Китайскомъ полуостровѣ, и кто такіе они были, этого мы не знаемъ, но, изучая типы и бытъ современнаго населенія, можно смѣло сказать, что здѣсь живетъ не одинъ народъ, подобно тому, какъ въ Китаѣ или Японіи, а нѣсколько, которые явились сюда съ разныхъ концовъ и принесли съ собою разные и несходные начатки культуры. Потому то, какъ люди, такъ и весь бытъ ихъ въ этомъ отдаленномъ юго-восточномъ углу Азіи представляютъ пеструю смѣсь самыхъ различныхъ началъ. Самое поверхностное обозрѣніе карты полуострова легко объясняетъ намъ, что это не могло быть иначе. Поверхность страны, текуція по ней рѣки, два омывающіе полуостровъ океана, усыпанные близъ береговъ его группами острововъ, неизбѣжно должны были привлечь сюда людей съ разныхъ концовъ. Отъ того мѣста, гдѣ могучіе, увѣнчанные вѣчными снѣгами хребты Гималаевъ упираются въ крутой изгибъ рѣки Брахматутры, горы въ своемъ направленіи рѣзко и рѣшительно поворачиваютъ на югъ. Тѣсно сжатые громады такихъ же, какъ Гималай, снѣговыхъ хребтовъ съ удивительной правильностью тянутся параллельными цѣпами на югъ, едва оставляя между собой мрачныя, поросшія непролазною чащею долины и тѣсины, по которымъ съ ревомъ низвергаются могучія рѣки. Горные

Дѣвушка изъ Бирмы.

хребты стѣснили бѣшено-мчащуюся влагу и не даютъ ей отклониться ни вправо, ни влѣво, а заставляютъ, подобно линіямъ своихъ хребтовъ, стремиться къ югу. Но дальше къ югу горы разступаются, промежуточные низкіе хребты расплываются въ широкія нагорья, и только четыре системы горъ, подобно вѣеру, разстилаются по всему полуострову. Рѣки, покинувъ стискивавшія ихъ желѣзныя объятія, расширяются, дробятся на рукава и медленно текутъ среди прелестнаго тропическаго ландшафта, пока края нагорій снова не принуждаютъ ихъ скатываться величественными каскадами и водопадами. Брахмапутра, Лукіангъ-Салуень и Лансіанъ-Меконгъ — вотъ три громаднхъ рѣки, которыя несутъ свои воды съ высокаго Тибетскаго нагорья по узкимъ тѣснинамъ сѣвернаго Индо-Китая; они расходятся вѣеромъ и, благодаря тому, оставляютъ въ промежуткахъ мѣсто для трехъ меньшихъ рѣчныхъ системъ Иравади, Менама и Сонгъ-ка. Западная система горъ, изгибаясь къ западу, подъ названіемъ—Пактой, достигаетъ на югѣ залива Мартабана. Вторая цѣпь, самая длинная, держится строго южнаго направленія, проходитъ Малакку и достигаетъ мыса Буру, самой южной оконечности Азіи, почти на экваторѣ. Третья короткая цѣпь залегаетъ между Менамомъ и Меконгомъ, въ то время какъ четвертая, выгибая свою дугу къ востоку, тянется вдоль берега Южно-Китайскаго моря. Чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ горы становятся ниже, хребты ихъ шире, и между ними остаются частью высокія, а частью низкія пространства, которыя когда-то были заливами моря, а затѣмъ постепенно наполнились рѣчными наносами и превратились въ топкія густо-заросшія тропической флорой низины. Высокое, жаркое солнце заливаеетъ страну потоками жгучихъ лучей, отъ которыхъ на озерахъ и болотахъ подымается паръ, но лучи эти съ трудомъ прокладываютъ себѣ дорогу сквозь тѣсно-сплоченныя кроны листьевъ могучаго зеленаго лѣса, подъ сѣнью котораго жирная почва выростила глухія, хаотически спутанныя ліанами поросли. Тепличная духота и жаръ царятъ здѣсь круглый годъ, ибо средняя температура въ теченіе года едва колеблется въ предѣлахъ 20—30° С.

Въ апрѣлѣ жара достигаетъ высшаго напряженія, но въ концѣ его задуваетъ южный и юго-западный муссонъ, и короткіе, но частые и обильные водою ливни нѣсколько освѣжаютъ воздухъ. Ночи становятся сырыми, и влажный воздухъ, несмотря на высокую температуру, заставляетъ дрожать европейца въ постели, гдѣ онъ тщетно ищетъ защиты отъ сырости подъ пропитанными влагой, отсырѣвшими одѣялами. Туземцы приступаютъ въ это время къ полевымъ работамъ. Съ каждымъ днемъ ливни низвергаются чаще и обильнѣе, рѣки выступаютъ изъ береговъ, озера и болота расширяются, и густой туманъ плотнымъ покровомъ одѣваетъ чащи джунглей, гдѣ обильная роса скатывается съ листьевъ настоящимъ дождемъ. Луга, лѣса и джунгли превращаются въ опасныя мѣста: лихорадки, поносъ и другія страшныя болѣзни гонятъ европейца къ берегу моря, гдѣ онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ іюля и августа, когда дожди на время пріутихаютъ, но лишь съ тѣмъ, чтобы разразиться новыми потоками въ сентябрѣ и октябрѣ, послѣ чего задувающей сухой сѣверовосточный муссонъ приноситъ сухой и прохладный воздухъ, который, однако, кажется туземцамъ слишкомъ холоднымъ.

Такова природа этого полуострова, на пространствѣ котораго въ теченіе тысячелѣтій смѣшивались племена сѣвера, юга и запада. Ученые причисляютъ ихъ къ индо-китайской вѣтви монгольской расы, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ жилахъ ихъ китайская кровь смѣшивалась съ индусской и малайской. Съ сѣвера, гдѣ за горами Юнана лежитъ Китай, вторгались китайцы, которые приносили съ собой свою высокую культуру. Они оттѣснили первобытное населеніе все дальше въ горы, но не могли избѣжать смѣшенія съ нимъ. Оттого здѣсь въ чертахъ и въ бытѣ населенія всего больше китайскаго, и жители Аннама на востокѣ окитаились на столько, что ихъ съ трудомъ можно отличить отъ истыхъ китайцевъ. На югѣ, въ сосѣдствѣ острововъ Малайскаго архипелага, берутъ перевѣсъ малайцы. На западѣ въ сосѣдствѣ Индостана въ бытѣ жителей замѣтно сильное вліяніе индусовъ.

Такая же пестрота замѣтна въ культурѣ населенія. Жители городовъ, жители прирѣчныхъ деревень и прилегающихъ обработанныхъ равнинъ усвоили чужую, но все же довольно развитую культуру своихъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ сосѣдей, между тѣмъ какъ въ недоступной чащѣ горныхъ лѣсовъ живутъ еще въ первобытной простотѣ почти дикіе давніе обитатели, прежніе господа страны.

Въ общемъ населеніе полуострова можно было бы разбить на слѣдующія группы: аннамиты занимаютъ востокъ, т. е. Аннамъ и Тонгкинъ; середину полуострова заселяютъ племена съ общимъ названіемъ Шанъ или Тай, это сіамцы; къ западу отъ Салуеня живутъ распадающіеся на разныя племена бирманцы, въ то время какъ хмеры заселяютъ Камбоджу и прилегающія части Сіама. Между этими группами сохранились, особенно на сѣверѣ, менѣе культурныя, дикія, но зато и менѣе испорченныя племена: мой, катинъ, міао, лоло и другія.

Полагаютъ, что заселеніе острова произошло слѣдующимъ образомъ: сперва его заселили малайцы, которые медленно распространялись съ юга. Затѣмъ на востокъ ихъ стѣснили китайцы, на западъ—китайцы и индусы, которые, постепенно перемѣшиваясь съ ними, отодвинули малайскія племена на югъ. Внушительныя и даже грандіозныя развалины городовъ въ странахъ Мой, Лаосъ, въ сѣверномъ Аннамѣ, въ Камбоджѣ и въ другихъ мѣстахъ указываютъ, что мѣстности эти были нѣкогда, можетъ быть, даже не разъ, гуще заселены и пользовались болѣе высокой культурой, но объ этомъ не сохранилось свѣдѣній въ исторіи. Древніе народы, греки и другіе, называли Индо-Китай золотымъ Херсонесомъ, и берега его были извѣстны купцамъ того времени, вѣроятно, до устья рѣки Сонгъ-ка, но извѣстій о внутренности полуострова нѣтъ до начала пятнадцатаго столѣтія.

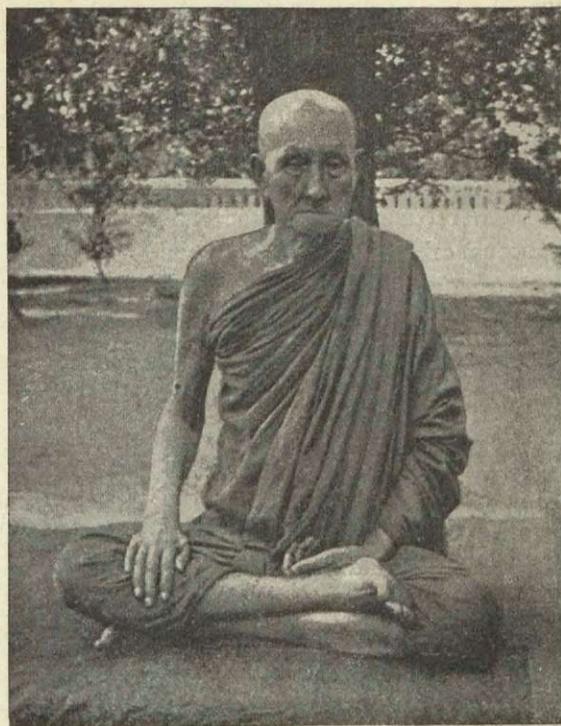
С і а м ц ы .

Сіамцы распадаются на нѣсколько племенъ. Сами себя они называютъ Тай т. е. „свободные“, но съ добавленіемъ слова „малые“, потому что „большими Тай“ они называютъ живущія къ сѣверу отъ нихъ племена Шанъ и Лаосъ. Пока только они успѣли сохранить независимость и въ числѣ 7 милліоновъ населяютъ государство Сіамъ, которое, благодаря спорамъ англичанъ, французовъ и китайцевъ, уцѣлѣло еще въ видѣ такъ называемаго государства буфера между колоніями англичанъ на западѣ (Бирма), французовъ на югѣ и востокѣ (Кохинхина, Тонгкинъ и Аннамъ). Владѣнія Сіама занимаютъ какъ разъ середину полуострова между рѣками Салуень и Меконгъ, т. е. бассейнъ Менама, но захватываютъ также середину и восточный берегъ Малаккскаго полуострова. Сдавленный европейцами Сіамъ стремится теперь усвоить себѣ западную культуру, но всякій понимаетъ, что независимость этого государства покоится исключительно на раздорахъ его сосѣдей.

Въ общемъ сіамцы производятъ довольно пріятное впечатлѣніе. Они нѣсколько ниже нашего средняго роста, но этотъ недостатокъ выкупается худошавой стройностью. Ихъ желто-коричневатая кожа темнѣе чѣмъ у китайцевъ, но не такъ темна, какъ у малайцевъ. Волосы всегда черныя и гладкіе. Темные глаза поставлены отнюдь не косо, но короткій подбородокъ, нѣсколько выставленныя впередъ губы, плоско вдавленный носъ и широкое въ скулахъ лицо указываютъ на примѣсъ монгольской крови. Голову знатные бреютъ, оставляя пучекъ на темени, который завязываютъ узломъ и украшаютъ, чѣмъ могутъ. Впрочемъ, обычай этотъ выходитъ изъ употребленія.

Во всякомъ случаѣ моментъ, когда мальчику въ первый разъ обриваютъ голову, является праздникомъ въ семьѣ, на который приглашаютъ родныхъ. При этомъ обрядѣ жрецъ произноситъ молитвы, жгутъ фейерверкъ. Тотъ же жрецъ моетъ голову нарядно одѣтому юношѣ, въ честь котораго гремитъ раздирающая уши музыка, въ то время какъ

родственники подносят виновнику торжества подарки. Бороду сямцы въ большинствѣ случаевъ выщипываютъ. Различныя украшенія тѣла составляютъ настоящую страсть; серебряныя и золотыя кольца брякаютъ на рукахъ и ногахъ въ такомъ количествѣ, что нерѣдко стѣсняють движенія щеголя. Маленькія колечки въ носу, серьги и богато украшенные кушаки дополняютъ нарядъ. Эта страсть къ украшеніямъ составляетъ характерную черту всѣхъ словій народа. Подобно китайцамъ, знатный сіамецъ заботится о длинѣ своихъ ногтей, а отъ индусовъ они переняли неприятную привычку жевать бетель, который дѣлаетъ зубы черными. По своему характеру сямцы довольно привлекательны. Они учтивы, всегда веселы и въ то же время немного робки; беззаботность и легкомыс-

Буддійскій священникъ.

Придворный буддійскій священникъ короля Сіама.

ліе ихъ, какъ всегда, имѣютъ своими спутниками лѣнь и непостоянство. Они страстно любятъ разныя завлекательныя игры и удовольствія, которымъ предаются, не заботясь о будущемъ и о послѣдствіяхъ. Въ разговорѣ они, подобно китайцамъ, въ карманъ за словомъ не лѣзутъ, остроумны и также легко подражаютъ всему, что видятъ. Робость ихъ проявляется во многомъ, напр. въ томъ, что ссоры и драки рѣдки, такъ что чужой чувствуетъ себя среди нихъ въ безопасности; та же робость, привитая вѣками деспотическаго правленія, заставляетъ ихъ унижаться передъ всякимъ высшимъ и доходить въ этомъ, на нашъ взглядъ, до смѣшного. Напр. низшій по чину или происхожденію

ни за что не станетъ выше старшаго,—если подъ мостомъ стоитъ чиновникъ или знатный, никто изъ простонародья не осмѣлится пройти по мосту, такъ же какъ не ступить ногой на лугъ, на дворъ, гдѣ стоитъ знатная особа. Понятно, что родъ и число поклоновъ, съ какими надо приближаться къ царю и чиновникамъ, строго опредѣленъ церемоніаломъ. Царская власть считается божественной, хотя она не особенно обширна, потому что ограничена дворянствомъ.

Браки заключаются въ Сіамѣ рано, но на бракъ смотрять не какъ на таинство, а просто какъ на веселое торжество. Чаще всего женихъ ѣдетъ за невѣстой въ торжествен-

Бирманка изъ сословія богат. горожанъ.

но украшенной цвѣтами и нагруженной всякими подарками лодкѣ въ сопровожденіи толпы музыкантовъ. Музыка, которой сіамцы предаются съ увлеченіемъ, сопровождаетъ всякое радостное событіе и веселье, а званіе музыканта почитается высоко.

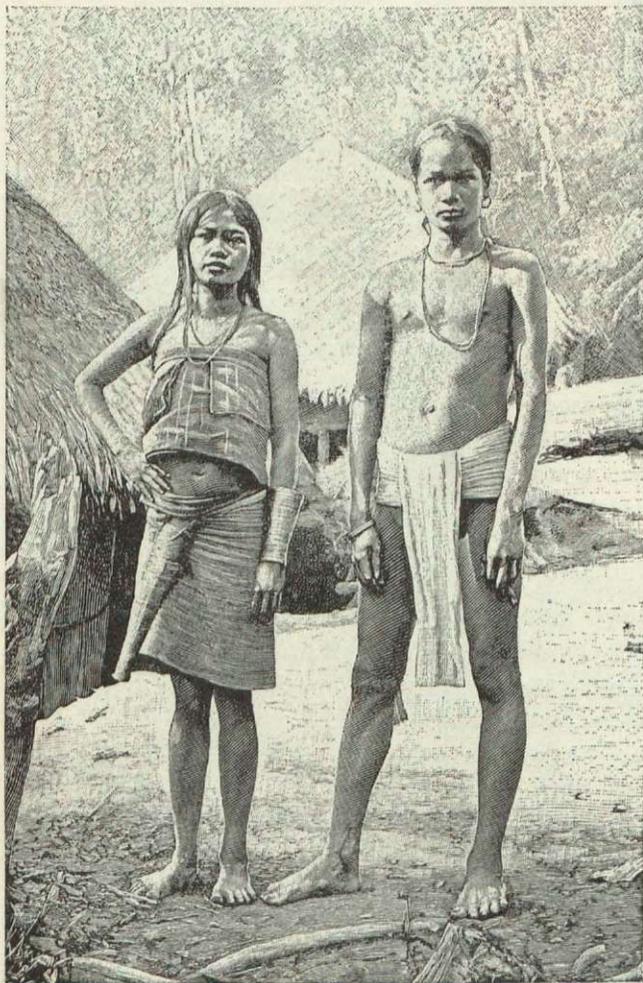
Сіамцы буддисты, но вѣрованія ихъ заключаютъ множество пережитковъ прежняго культа. Поэтому они относятся къ этой религіи довольно равнодушно и легко принимаютъ увѣщанія европейскихъ миссіо-

Дѣвушка изъ племени шанъ.

неровъ. Древнее вѣрованіе въ духовъ предковъ проявляется между прочимъ въ обрядѣ погребенія. Еще при болѣзни нерѣдко приглашаютъ особыхъ музыкантовъ жрецовъ, которые стараются прогнать болѣзнь при помощи барабановъ и другихъ инструментовъ. Болѣзнь представляется сіамцу въ видѣ злого духа или духовъ, которыхъ можно напугать и тѣмъ прогнать. Если больной умираетъ, его съ разными обрядами выносятъ не въ дверь, а въ особо продѣланное въ стѣнѣ отверстіе и трижды обносятъ вокругъ дома, воображая, что этимъ можно запутать душу покойника, которая такимъ образомъ не найдетъ дороги домой, а потому и не въ состояніи будетъ вредить живымъ. Покойниковъ либо торжественно

сжигаютъ въ храмѣ и пепель хранятъ въ горшкахъ, либо у бѣдныхъ бросаютъ на сѣденіе птицамъ и звѣрямъ. Похороны у богатыхъ сопровождаются рѣчами жрецовъ, фейерверкомъ, театральными представленіями, играми, вѣроятно, съ цѣлью потѣшить покойника. Траурный цвѣтъ, также какъ въ Китаѣ, бѣлый. Въ прежнія времена рассказывали, что въ Сіамѣ воздаютъ божескія почести бѣлому слону. Дѣйствительно, даже въ титулѣ царя имѣется приставка: „господинъ бѣлаго слона“, но не слонъ считается божествомъ, а ему воздаютъ только почести, какъ священному животному — вѣдь на немъ молъ, ѣздилъ самъ богъ Индра. Поэтому если въ джунгли замѣтятъ бѣлаго слона, то его ловятъ, и за это дается большая награда. Затѣмъ слонъ съ торжествомъ въ богатыхъ украшеніяхъ вступаетъ въ столицу Сіама Банкокъ, и день этотъ составляетъ религиозное празднество.

Хазы, мужчина и женщина.

Сіамцы уже давно вышли изъ состоянія бродячихъ дикарей и добываютъ себѣ средства къ жизни главнымъ образомъ земледѣліемъ и рыболовствомъ. Тропическія непроходимыя заросли, называемыя здѣсь европейцами, также какъ въ Индостанѣ, джунглями, значительно убавляютъ здѣсь пространства земли, годныя подъ культуру, — особенно много сѣется рису, — а громадныя многоводныя рѣки представляютъ удобные пути сообщенія и снабжаютъ населеніе рыбой. Вотъ почему города и селенія въ Сіамѣ жмутся къ рѣкамъ, гдѣ они нерѣдко представляютъ столь любезныя малайцамъ свайныя поселенія.

Легкія постройки на столбахъ поднимаются то высоко, то низко надъ водою, и тутъ же привязаны лодки и другія сооруженія для ловли рыбы или перевозки товаровъ. Привычка жить у воды и на водѣ создала здѣсь даже плавучія жилища, которыя образуютъ нерѣдко плавающія деревни съ такими же плавучими лавченками и харчевнями. Сосѣдство воды вызвало

также привычку сіамцевъ часто купаться или полоскаться въ водѣ, въ которой иные изъ нихъ проводятъ чуть ли не половину сутокъ. Въ общемъ Сіамъ представляетъ любопытное зрѣлище смѣшенія культуръ и степеней культуры — малайской, китайской, индусской и въ послѣднее время европейской.

Рядомъ съ дикими, почти еще бродячими дикарями встрѣчаются семьи, старающіяся жить на европейскій ладъ. Впрочемъ болѣе дикія племена живутъ въ гористой части сѣвернаго Сіама, подъ властью своихъ князей или старшинъ, за которыми наблюдаетъ царскій чиновникъ въ роли губернатора. Эти племена сохранили въ своемъ бытѣ больше первобытныхъ чертъ. Любопытно, что у нѣкоторыхъ племенъ наблюдается при свадьбѣ сход-

ный съ русскимъ обычаемъ загораживать дорогу жениху и пропускать его только за известное вознагражденіе.

Малайскіе обычаи сохранились здѣсь въ большей чистотѣ; такъ при похоронахъ душу умершаго отъ нападенія враждебныхъ духовъ охраняетъ человѣкъ, идущій съ обнаженнымъ мечемъ; у батаковъ острова Суматры такой стражъ сидитъ на самомъ гробу и съ крикомъ машетъ своимъ оружіемъ въ воздухъ. Душа человѣка представляется этимъ дикарямъ въ видѣ бабочки. По ихъ повѣрью она вылетаетъ изъ спящаго въ такомъ видѣ, а потому они боятся будить его, изъ страха, что душа далеко и, испугавшись, пожалуй, не вернется. Смерть безъ болѣзни представляется имъ именно такимъ случаемъ. Точно также кое гдѣ для умилостивленія духовъ бывають случаи человѣческихъ жертвоприношеній, напр. на

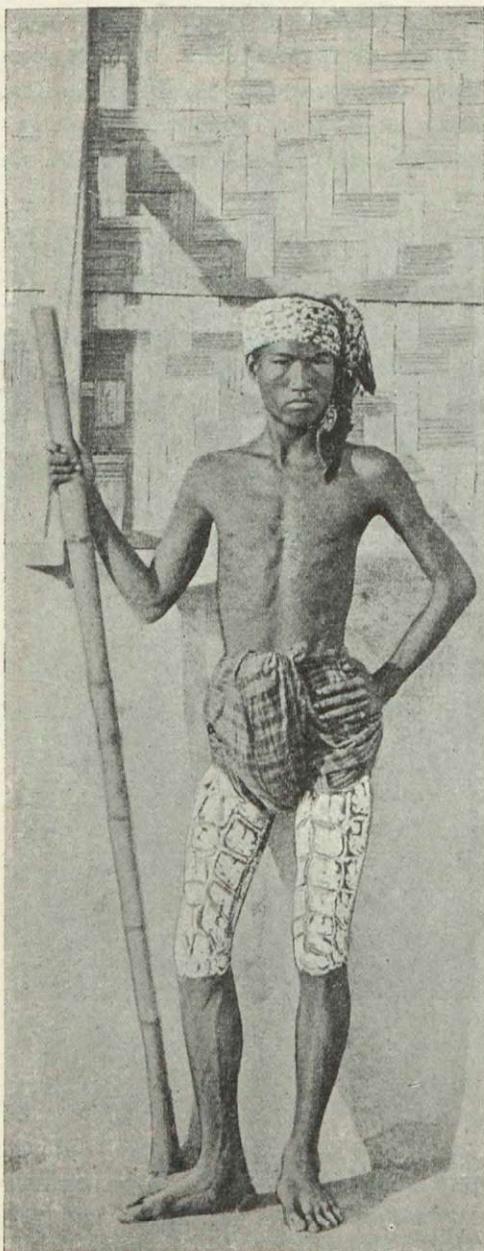
Дѣвушки бирманки.

нѣкоторыхъ бродахъ черезъ рѣки души этихъ мѣстъ требуютъ ежегодно человѣческой жертвы, и если за годъ никто тамъ не потонетъ, то за это расплачивается какой нибудь заблудшій китаецъ—его топятъ тамъ, потому что своихъ топить не хочется. А если такая жертва не подвернется, то кто нибудь съ умысломъ опрокидываетъ на переправѣ набитую людьми лодку, въ надеждѣ, что духъ самъ выберетъ себѣ жертву, послѣ чего переправа на цѣлый годъ считается уже безопасной. Впрочемъ, несмотря на такіе дикіе нравы и суевѣрія, эти дикія племена, по отзыву путешественниковъ, очень мирны, гостепріимны и услужливы.

Аннамиты.

Подъ этимъ именемъ мы понимаемъ не только населеніе собственно Аннама, но и сосѣдняго, лежащаго къ сѣверу, Тонкина. Мѣстности эти представляютъ довольно узкую

береговую полосу, за которою вскорѣ начинаются горы. Близость Китая наложила печать на всю страну, такъ какъ китайское вліяніе распространялось на нее съ давнихъ временъ. Въ настоящее время Тонгкинъ представляетъ французскую колонію (съ 1883 г.), съ населеніемъ въ 10 милліоновъ душъ. Аннамъ, представлявшій деспотическое государство, устроенное совершенно по китайскому образцу, сохранилъ

Бирманецъ изъ простонародья съ татуированными бедрами.

лишь тѣнь самостоятельности съ тѣхъ поръ, какъ въ 1884 г. французы наложили на него свой протекторатъ. Мы уже сказали, что китайское вліяніе рѣшительно преобладаетъ здѣсь, потому что китайцы издавна выселялись сюда. Оттого аннамиты такъ сильно похожи на своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Отъ китайцевъ ихъ впрочемъ отличаютъ нѣкоторыя особенности: здѣшнее население очень низкаго роста, цвѣтъ кожи нѣсколько темнѣе, чѣмъ у китайцевъ, но тѣлосложеніе плотное. Лицо плоское съ выступающими скулами, между которыми торчитъ маленькій, короткій носъ, малозамѣтный благодаря широкому рту съ довольно толстыми губами. Свои грубые, прямые и черные волосы аннамиты сбываютъ только въ юности, вообще же носятъ ихъ въ видѣ довольно затѣйливаго шиньона. Путешественниковъ поражала одна особенность въ ихъ внѣшности, это то, что большой палецъ на ногахъ сильно отставленъ отъ прочихъ, почему сосѣдніе народы даже окрестили ихъ именемъ „гаоши“, что значитъ „раздѣльные персты“. Однако эта особенность не есть чтонибудь прирожденное, а происходитъ оттого, что при ѣздѣ верхомъ аннамиты вставляютъ въ стремя не всю ногу, а только большіе пальцы.

У европейцевъ аннамиты долго пользовались дурной славой, и это надо объяснить тѣмъ, что они долго и упорно занимались морскимъ разбоемъ. Многоводныя рѣки Тонгкина, разливающіяся рукавами среди непроходимыхъ зарослей, представляли отличное убѣжище для ихъ юркихъ судовъ, и никакія преслѣдованія долго не могли прекратить ихъ коварнаго и беспощаднаго пиратства. Однако на дѣлѣ аннамиты далеко не такъ отвратительны, какъ думаютъ иные путешественники, потому что люди, знакомые со страной, отзываются о нихъ гораздо лучше. Они покорны и смиренны, но не апатичны, въ обращеніи любезны. Подобно китайцамъ аннамиты обнаруживаютъ терпѣливую

ловкость въ разнаго рода работахъ и ремеслахъ, но отличаются отъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей большею живостью и впечатлительностью.

Культура ихъ вполне китайская. Семейный бытъ сильно напоминаетъ китайскій—то-же многоженство съ одной главной женой, почитаніе старшинъ, обожествленіе душъ предковъ, причемъ, подобно китайцамъ, аннамиты хоронятъ, а не сжигаютъ своихъ по-

койниковъ. Равнодушіемъ къ религиі они также напоминаютъ китайцевъ, благодаря чему среди нихъ наряду съ первобытными вѣрованіями въ одинаковой степени распространены буддизмъ, конфуціанство, и даже христіанскія вѣроисповѣданія пріобрѣтаютъ все больше сторонниковъ. Такъ какъ Аннамъ имѣетъ не такой влажный климатъ, какъ сосѣднія западныя части Индо-Китая, то и почва менѣе плодородна, такъ что урожаи риса бѣднѣе, чѣмъ въ Сіамѣ. Вѣроятно этимъ, такъ же какъ сосѣдствомъ Китая, объясняется большее распространеніе разныхъ ремесель и промысловъ. Городовъ мало, они куда малолюднѣе, чѣмъ въ Сіамѣ. Дальше отъ берега въ горахъ встрѣчаются менѣе культурныя племена. Эта часть страны даже мало подчинена французамъ, и здѣсь именно, особенно по рѣкѣ Сонка, сидятъ тѣ „черные флаги“, какъ называли здѣшнихъ пиратовъ, которые съ тайной помощью китайцевъ не только нанесли французамъ жестокаго пораженія, но до сихъ поръ заставляютъ ихъ держать въ Тонкинѣ до 25.000 войска.

Туземцы Камбоджи и Кохин- хины.

Кохинхина занимаетъ южное побережье Индо-Китая, т. е. главнымъ образомъ громадную дельту Меконга. Камбоджа, подобно Аннаму, сохранившая призрачную независимость, лежитъ сѣвернѣе. Обѣ страны вмѣстѣ съ Тонкиномъ и Аннамомъ составляютъ французское владѣніе. Населеніе Кохинхины довольно незначительное, и не малую долю его составляютъ китайцы, которые массами выселялись сюда и въ Аннамъ, послѣ того, какъ Китаемъ завладѣли манжуры. Туземное населеніе, которое иногда называютъ хмерами, вѣроятно смѣшанное, и часть его проникла въ Камбоджу изъ Индостана. Величественныя развалины искусно построенныхъ и художественно изукрашенныхъ дворцовъ и храмовъ, особенно въ Анкорѣ, указываютъ, что страна эта пережила расцвѣтъ своей народной культуры и находится теперь въ состояніи упадка. Памятники прошлаго указываютъ на то, что сюда вмѣстѣ съ людьми проникала индѣйская культура. Полагаютъ также, что хмеръ есть названіе не народа, а династіи, которая управляла имъ въ то цвѣтущее время. Еще теперь бытъ жителей Камбоджи и Кохинхины обнаруживаетъ во

Бирманская принцесса въ придворномъ нарядѣ.

многомъ кое-какіе остатки отъ временъ расцвѣта.

Бирманцы.

Бирма или Бурма занимаетъ самую западную часть Индо-Китая, именно бассейнъ Иравади, и представляетъ страну, которая раздѣлялась прежде на нѣсколько туземныхъ

владѣній. Притязанія англичанъ на эти страны начали проявляться съ 1834 г., а уже въ 1886 г. вся область, включая сюда прибрежныя Араканъ, Пегу, Тенасеримъ и лежащій дальше въ глубь страны Ассамъ вошли въ составъ ость-индскихъ владѣній Великобританіи. Благодаря своему непосредственному сосѣдству съ Индіей и Китаемъ бирманцы всегда играли большую роль на полуостровѣ, остальныхъ туземцевъ котораго они нѣсколько превосходятъ въ физическомъ своемъ типѣ и въ культурѣ. Всего въ собственно Бирмѣ, т. е. въ нижней, верхней и въ странахъ къ сѣверу, населенныхъ шанами, насчитывается до 10 милліоновъ жителей, добрая половина которыхъ живетъ въ болѣе удобной нижней Бирмѣ. Бирманцы превосходятъ остальныхъ туземцевъ полуострова ростомъ, цвѣтъ ихъ кожи довольно темный, волоса черные и густые, черты лица указываютъ на принадлежность къ монгольской расѣ, но примѣсь индусской крови во многихъ случаяхъ

Выѣздъ на прогулку богатыхъ бирманскихъ дамъ.

рѣзко бросается въ глаза. Въ отличіе отъ жителей Сіама бирманцы не знаютъ дѣленія на сословія, такъ какъ царившій у нихъ необузданный, чисто восточный деспотизмъ выровнялъ всякія кастовыя или сословныя различія въ народѣ, который весь былъ низведенъ до состоянія рабства. Средства къ жизни бирманцы добываютъ земледѣліемъ. Какъ всюду на полуостровѣ, рисъ главный продуктъ, и массы его вывозятся въ Германію и другія страны Европы, а также въ Китай черезъ Рангунъ, главный городъ страны, лежащій въ устьи Иравади. Густые лѣса тековаго и другихъ цѣнныхъ деревьевъ, а также довольно богатая копи драгоцѣнныхъ камней, составляютъ дальнѣйшее богатство страны. Города и селенія тѣсятся къ рѣкамъ. Большею частью это скопища легкихъ свайныхъ жилищъ, построенныхъ изъ бамбука съ легкими плетеными стѣнами и косматой крышей изъ листвы. Города Мандалай и Рангунъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ почти 200.000 жи-

телей, изумляютъ путешественниковъ сотнями своихъ удивительныхъ пагодъ, архитектура и необыкновенно сложные орнаменты которыхъ указываютъ на процвѣтавшія здѣсь нѣкогда искусства и богатства, потому что удивительно затѣйливыя крыши или верхи многихъ пагодъ не только вызолочены, но нерѣдко усыпаны сверкающими на солнцѣ цѣнными камнями. Въ своемъ бытѣ бирманцы во многомъ сходны съ китайцами, торговля сношенія и войны съ которыми велись вѣками. Буддизмъ сохранился здѣсь въ болѣе чистомъ видѣ, не раздѣляя своего господства съ другими религіями, хотя туземцы относятся къ нему довольно равнодушно. Среди горныхъ племенъ Хинъ, Каренъ и другихъ, живу-

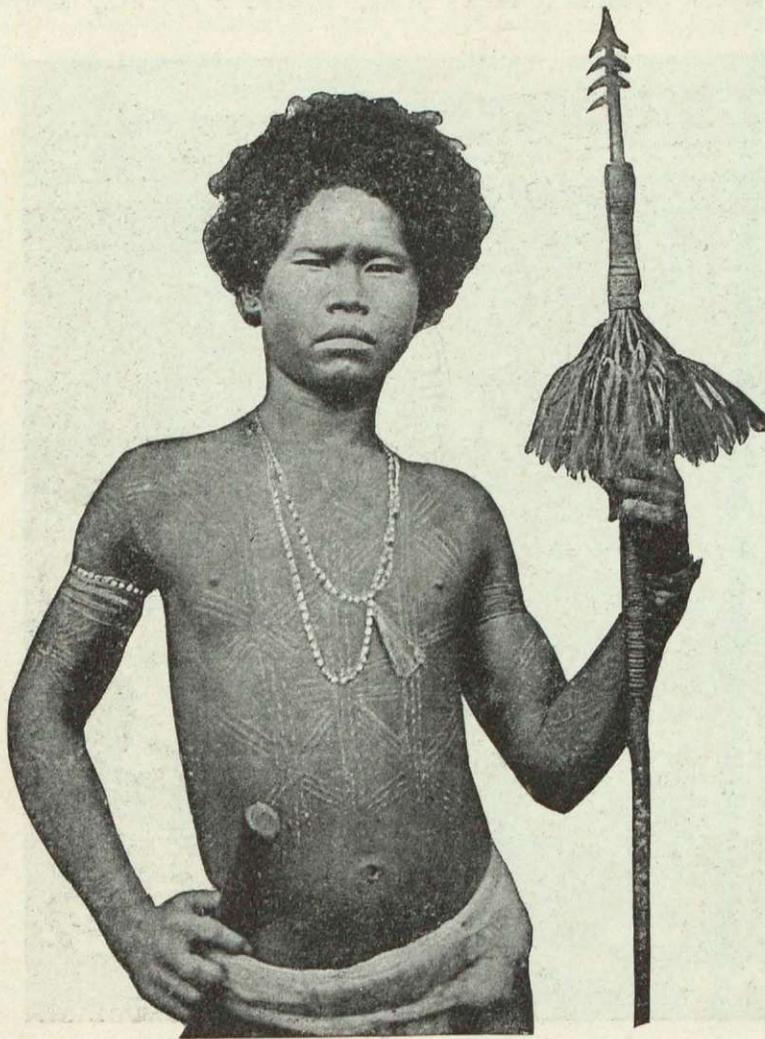
Бирманскія танцовщицы во время пляски.

щихъ дальше въ глубинѣ страны, путешественники наблюдали въ довольно чистомъ видѣ обычаи и суевѣрія, какими переполнены нравы малайцевъ и другихъ полукультурныхъ племенъ, и которые господствовали въ древнія времена среди китайцевъ. Въ общемъ, благодаря англичанамъ, Бирма начинаетъ постепенно процвѣтать, и туземцы понемногу приобщаются къ благамъ европейской цивилизаціи, которая дѣлаетъ здѣсь такіе же успѣхи, какъ въ Сіамѣ.

Филиппинскіе острова.

Филиппинскіе острова составляютъ особый архипелагъ, который черезъ острова Сулу и Палаванъ примыкаютъ на сѣверѣ къ Инсулиндѣ, составляя во всѣхъ отношеніяхъ часть

этого островного міра. Открытые въ 1521 г, Магеланомъ, они почти все время оставались во владѣніи Испаніи, представляя для нея не малыя выгоды, такъ какъ тамъ, въ общемъ, на пространствѣ 296.182 кв. к. (считая архипелагъ Сулу) обитаетъ около 7 миллионѣвъ людей. Европейцы, именно испанцы, составляютъ малую часть этого населенія, которое въ большинствѣ состоитъ изъ малайцевъ, разныхъ метисовъ, китайцевъ и темнокожихъ туземцевъ, которыхъ по ихъ сходству съ темнокожими обитателями Африки испанцы и португальцы окрестили названіемъ „негрито“ (множ. число—негритосъ).

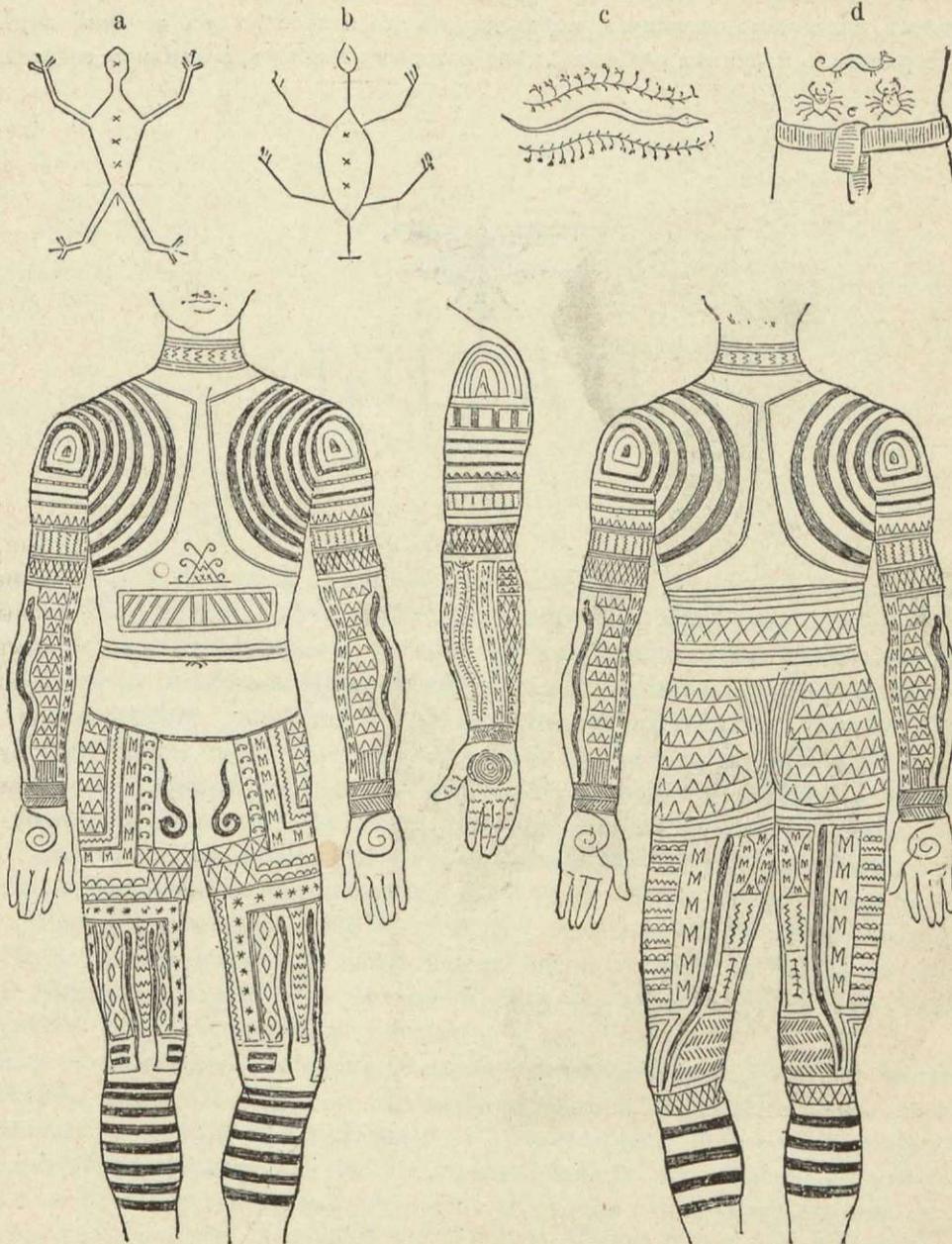

Негрито съ копьемъ.

здѣсь часто „тагалами“, по имени главнаго племени, занимаютъ береговую зону большихъ острововъ, гдѣ плодородная почва въ избыткѣ родитъ маисъ, рисъ, сахарный тростникъ, бананы, бататы, разнообразнѣйшіе фрукты и знаменитый табакъ. Негритосы, которыхъ называютъ также „эта“, занимаютъ труднодоступныя и малоислѣдованныя гористыя внутренности острововъ, гдѣ они, въ противоположность малайцамъ, живутъ въ обширныхъ селеніяхъ, окруженныхъ рисовыми полями. Объ нихъ имѣются лишь скудныя свѣдѣнія. Христіанство съ трудомъ проникаетъ въ ихъ среду, а немногочисленные путешественники и изслѣдователи этого племени до сихъ поръ еще несогласны, куда причислить негритосовъ — къ малайцамъ или папуасамъ. Одни считаютъ ихъ папуасами, уцѣлѣвшими въ укромныхъ мѣстахъ архипелага передъ побѣдоносно наступавшими малайцами; другіе думаютъ, что негритосы не чистые папуасы,

а помѣсь этихъ послѣднихъ съ малайцами. Наконецъ, невысокій ростъ, не очень темная окраска кожи, а главное волнистые и частопрямые, жесткіе волосы заставляютъ причислять негритосовъ Филиппинскаго архипелага прямо къ малайцамъ, которые успѣли нѣсколько измѣниться въ горахъ и лѣсахъ этихъ острововъ. Въ сосѣдствѣ съ малайскими тагалами и игорротами негритосы занимаются земледѣліемъ, но дальше въ горахъ и лѣсахъ средства къ жизни доставляетъ имъ главнымъ образомъ охота. Культурное состояніе негритосовъ такъ низко, что племена восточной части Люсона не имѣютъ другого оружія, кромѣ лука и стрѣль. Они татуируютъ себя, заимствуя рисунки у малайцевъ. Жалкія вѣрованія ихъ представляютъ первобытныя культъ предковъ, и страхъ къ покой-

никамъ, которыхъ они хоронятъ въ густой чащѣ лѣса подъ грудой наваленныхъ вѣтвей, такъ великъ, что всякому, кто осмѣлится приблизиться къ такому мѣсту послѣдняго упокоенія покойника, грозитъ смерть отъ руки его раздраженныхъ подобнымъ нечестіемъ

Татуировка у игороговъ,

соотечественниковъ. Наряду съ этимъ распространено обожаніе деревьевъ, особенно дуріана, и животныхъ, въ числѣ которыхъ есть одно мифическое, похожее на буйвола.

Береговое населеніе, тагалы, игорроты и другія малайскія племена, въ общемъ, такъ похожи на своихъ сородичей, занимающихъ большинство острововъ Малайскаго архипелага, что ихъ нечего описывать. Можно только добавить, что благодаря сосѣдству испан-

цевъ они стали ревностными католиками, но, однако, сумѣли примирить его съ обрядами своего первобытнаго культа. Ихъ беспокойный характеръ доставилъ немало хлопотъ бывшимъ владѣльцамъ острова, точно также, какъ и американцамъ, которые послѣ завоеванія Филиппинскаго архипелага долгое время не могли прекратить вспыхнувшее тамъ упорное возстаніе туземцевъ и метисовъ. Въ южной части архипелага прибрежные жители, подобно всѣмъ малайцамъ, отличные мореходы, но это искусство они до сихъ поръ примѣняютъ въ страшныхъ морскихъ разбояхъ, цѣль которыхъ грабежъ, а, главное, захватъ рабовъ.

КИТАЙ.

I.

Китайцы называют свою страну многими именами. Въ народѣ больше распространено названіе *Чунъ-го*, что значить „Срединное царство“, *Чунъ-хоа*—„Цвѣтокъ середины“, и многія другія не менѣ пышныя и лестныя. Но въ официальныхъ бумагахъ страна титуруется со времени воцаренія Манджурской династіи названіемъ *Минъ*, что въ переводѣ означаетъ „Великолѣпіе“, или *Да-Минъ*, т.-е. „Большое Великолѣпіе“. Обыкновенно каждая династія давала странѣ свое новое имя, а потому въ прежнія времена Китай назывался различно. Названіе *Китай* наши предки переняли отъ монголь, которые называли этимъ именемъ нынѣшнее Срединное царство съ того времени, какъ въ сѣверномъ Китаѣ утвердилось въ 1125 г. п. Р. Х. племя Китанъ или Кидане. Въ Европѣ слово Китай неизвѣстно; тамъ это обширное царство называютъ словомъ Хина (China) по имени древней славной династіи Тзинъ (воцарилось въ 256 г. д. Р. Х.), одинъ изъ знаменитыхъ императоровъ которой Хи-Хоангъ-Ти подчинилъ своей власти обширныя области Азіи и въ томъ числѣ весь Индо-Китайскій полуостровъ. Отсюда названіе его царства черезъ торговцевъ индусовъ и арабовъ достигло моремъ до Европы.

Наряду съ названіемъ Китай часто пользуются названіемъ „Небесная имперія“, что однако совсѣмъ неправильно, потому-что китайцы никогда такъ своей страны не величали и самое больше, что употребляли обозначеніе „Поднебесье“, „Поднебесная имперія“.

Какъ не обширно Китайское царство, однако, включая всѣ подчиненныя ему области, оно все же по пространству должно уступить пальму первенства двумъ другимъ державамъ, именно Великобританіи (28.116.162 кв. с.) и Россіи (22.212.962 кв. с.), потому-что охватываетъ площадь земли въ 11.138.880 кв. к. (половина Россіи), зато по числу жителей Китай, по всей вѣроятности, самое многочисленное царство на земномъ шарѣ, хотя въ прежнія времена населенность его сильно преувеличивали, а въ настоящіе время еще трудно положиться на цифры самихъ китайцевъ. Однако лишь около четверти всей имперіи приходится на долю родовой китайской земли, или, какъ говорятъ, „собственно Китая“: 3.877.000 кв. к.—вотъ площадь „собственно Китая“, въ которомъ скучена подавляюще большая часть населенія; остальные 7.261.880 кв. к. составляютъ покоренныя китайцами въ разное время области, которыя охватываютъ Китай съ сѣвера и запада широкой полосой безлюдныхъ степей,

лѣсовъ и суровыхъ нагорій, замѣнивъ собою обветшавшую „великую стѣну“. Области эти—Манджурія, Монголія, Сингцянъ, т. е. Восточный или Китайскій Туркестанъ съ Дзюнгаріей, и Тибетъ съ Кукуноромъ.

Европейскіе географы исчисляють население всей Китайской имперіи въ 330.130.000 ч. (319.500.000 ж. въ собственномъ Китаѣ и 10.630.000 ж. во всѣхъ подвластныхъ земляхъ). Въ этомъ случаѣ Китай по числу жителей уступалъ бы Британской имперіи, насчитывающей въ своихъ раскиданныхъ по всему свѣту владѣніяхъ 397.441.560 подданныхъ. Однако перепись, произведенная правительствомъ богдохана въ 1902 г. съ „большой тщательностью“, какъ увѣряють китайскіе чиновники, опредѣляетъ общее число жителей въ Имперіи цифрой 426.447.325 ч. (въ собственно Китаѣ 407.737.305 ч., въ областяхъ—18.710.020 ч.), что даетъ среднюю плотность въ 38 ч. на 1 кв. к. (въ Европѣ 40,4), и 103 ч. на 1 кв. к. въ 18 провинціяхъ собственно Китая (въ Германіи 104 ч. на 1 кв. к.). Наиболѣе населенной провинціей Китая оказывается Шань-Дунь, въ которой на пространствѣ 145.000 кв. к. живетъ 38.247.900 ч., что даетъ плотность въ 264 ч. на 1 кв. к., т. е. немногимъ меньше, чѣмъ въ самыхъ густонаселенныхъ частяхъ Европы, именно въ Саксоніи, гдѣ на 1 кв. к. приходится 280 ж.

Собственный Китай по очертанію своему представляетъ въ общемъ полукругъ обращенный выпуклой стороною къ Великому океану, который образуетъ при его берегахъ три моря: Желтое съ заливомъ Пе-Чжи-ли, Восточно-Китайское и Южно-Китайское, въ которомъ Китаю принадлежитъ большой гористый островъ Хайнанъ. Морскіе берега въ общемъ не уступаютъ по длинѣ сухопутной границѣ собственно Китая и образуютъ въ своей южной половинѣ множество заливовъ и бухтъ, нерѣдко запертыхъ группами мелкихъ острововъ, на которыхъ недавно, а пожалуй еще и теперь, находятъ себѣ пріютъ китайскіе пираты. Сухопутная граница пересѣкаетъ на югѣ и западѣ безчисленные горные хребты, съ глубокими долинами между ними, а на сѣверо-западѣ она вьется по пустынной окраинѣ южной и западной Гоби. Эта громадная пустыня вмѣстѣ съ высокими нагорными и снѣговыми цѣпями Тибета долгое время отдѣляла Китай отъ культурной западной половины Старого Свѣта и до такой степени препятствовала взаимнымъ сношеніямъ, что европейцы познакомились основательнѣе съ Китаемъ лишь послѣ того, какъ воспользовались для сношеній съ нимъ морскими путями черезъ Индійскій и Тихій океанъ. Такимъ образомъ уединенное положеніе Китая на крайнемъ юго-востокѣ Азіи за ея труднопроходимыми пустынями и горами было причиной того, что китайцы развили свою культуру собственными силами, самобытно, не подпадая вліянію сосѣдей. Ихъ лѣтописи сохранили память о рѣдкихъ посольствахъ, приходившихъ въ давнія времена ко двору богдохана съ дальняго запада. Такъ въ 1115 г. до Р. Х. императоръ Чэнь-ванъ будто бы принималъ въ своемъ дворцѣ посольство изъ Египта. Болѣе достовѣрныя свѣдѣнія сохранились о посольствахъ римлянъ и византійцевъ: въ 166 г. по Р. Х. въ Китай явились послы римскаго императора Антонина, котораго Китайцы назвали Ан-тунъ, а при императорѣ Тай-цзунѣ (626—560 г. по Р. Х.) Китай посѣтило посольство византійскаго императора Θεодосія. По морю первымъ изъ европейцевъ въ Китай пробрался португалець Фернандо Пересъ де Андрада, суда котораго вошли въ гавань Кантона въ 1516 г. Что касается насъ русскихъ, то мы познакомились съ китайцами впервые при Іоанѣ Грозномъ, послы котораго, Иванъ Петровъ и Бурнашъ Ялычевъ, посѣтили Китай въ 1567 г., хотя въ настоящія сношенія и торговлю съ Поднебесной имперіей русскіе вступили лишь послѣ 1654 г., когда русскіе послы были приняты императоромъ Шунь-чжи.

Въ свою страну китайцы пришли въ незапамятныя времена, вѣроятно, когда они были еще кочевымъ народомъ и не знали употребленія металловъ. Думаютъ, что они выселились изъ южной части впадины рѣки Тарима и медленно распространялись дальше на востокъ вдоль склоновъ Куень-луня, пока не попали въ обширную низменность рѣкъ Хуань-хэ и

Янь-цзы-цзяня, т. е. въ Китайскую низменность, гдѣ плодородная почва и болѣе теплый влажный климатъ облегчили имъ переходъ къ земледѣлію. Отсюда китайцы распространились далѣе на югъ, постепенно оттѣсняя дикое первобытное населеніе въ горы и лѣса. Плодородная почва и осѣдлый бытъ способствовали росту населенія, которое вскорѣ умножилось такъ сильно, что въ Китаѣ стали возникать города, и народъ образовалъ одно царство, лѣтописи котораго упоминаютъ даже первыхъ императоровъ его, царствовавшихъ въ XXIV ст. до Р. Х. Въ Китаѣ, также какъ въ Египтѣ, династіи смѣняли одна другую, царство распадалось на удѣлы, которые достигали самостоятельнаго значенія, пока какой нибудь энергичный удѣльный владыка не собиралъ ихъ вновь подъ свой скипетръ. Первое распаденіе Китая на удѣлы произошло въ XII в. до Р. Х. при Чжоусской династіи, число удѣловъ постепенно возросло до восьми, и ихъ властители вели между собою нескончаемыя войны. Въ III в. до Р. Х. князь Тзинскаго удѣла подчинилъ себѣ остальныхъ и положилъ начало блестящей Тзинской династіи, сильно расширившей владѣнія Китая завоеваніями. Дальнѣйшая исторія представляетъ вновь утомительный перечень династій, войнъ, смутъ, нападений кочевниковъ, которые грабили и опустошали Китай съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ половцы и затѣмъ Крымскіе татары Россію, тѣмъ болѣе, что китайцы сами впутывали ихъ въ свои междоусобія. Кочевники эти неразъ овладѣвали всѣмъ Китаемъ и сажали на престолъ его своихъ хановъ, какъ на примѣръ Чингизъ-хана, положившаго начало татарской династіи, пока какое нибудь возстаніе не свергало завоевателей. Однако и теперь Китаемъ править не національная династія, а Манжурская или Да-Цинская, родоначальникъ которой вступилъ на Китайскій престолъ въ 1644 г., смѣнивъ послѣдняго императора династіи Минъ, который лишилъ себя жизни, чтобы не попасть въ руки мятежниковъ, овладѣвшихъ Пекиномъ. Но сколько бы разъ варвары-кочевники ни овладѣвали Китаемъ, привлекаемые его богатствами, господство ихъ кончалось всегда тѣмъ, что либо китайцы изгоняли ихъ и сажали на тронъ туземную династію, либо завоеватели, спустя короткое время, вполне подпадали китайской культурѣ и рано или поздно теряли свою самобытность. Не избѣгла этой участи и нынѣшняя Манджурская династія, правящая Китаемъ совершенно въ духѣ китайской цивилизаціи. Что касается европейцевъ, „западныхъ варваровъ“, „заморскихъ чертей“ (янь-гуй-цзы по китайски), то упорныя попытки ихъ открыть себѣ доступъ въ Китай увѣнчались сомнительнымъ успѣхомъ. Китай, конечно, не могъ противопоставить притязаніямъ ихъ открытую силу и долженъ былъ допустить ихъ стать твердою ногой на собственной своей территоріи, но къ новой для него западной культурѣ онъ отнесся отрицательно и воспринялъ изъ нея пока лишь то, что ему было навязано силой или продиктовано необходимостью. Какъ ни высока западная культура, но до сихъ поръ она не смогла еще сломить свою восточную соперницу или хотя бы искоренить въ ней то гордое презрѣніе, съ которымъ Китай взираетъ на Европу. И еслибы даже Китай исчезъ, какъ самостоятельное политическое цѣлое, то съ этимъ отнюдь не пала бы его тысячелѣтняя культура, по отношенію къ которой вполне справедливо можно примѣнить замѣчаніе римскаго историка, сказанное имъ про Римскую имперію: она погребетъ подъ своими развалинами всякаго, кто вздумаетъ ее сокрушить. Познакомимся же поближе съ этимъ многолюднымъ любопытнымъ народомъ, но прежде прогуляемся по странѣ, въ которой онъ жилъ и трудился въ теченіе тысячелѣтій.

II.

Географическій очеркъ Китая.

Территорія Застѣннаго или Собственно Китая занимаетъ древнюю восточную кайму Азіи, обширные плоскіе участки которой, словно широкія ступени давно заброшенной лѣст

ницы, полого спускаются къ Тихому океану, исчезая подъ его голубой пеленой. Громадная система горъ Куень-Луня вторгается въ нее своими восточными отрогами, которые подъ именемъ Тзинлинъ-шань, Фуніу-шань и Хвай-шань ¹⁾ разгораживаютъ Китай на двѣ почти равныя половины, которыя во многомъ отличаются другъ отъ друга, но сходны въ томъ, что каждая изъ нихъ прорѣзана гигантской рѣкой съ многочисленными притоками—сѣверная рѣкой Хуанъ-хэ или Желтой, южная—Янь-Цзы-Цзяномъ или Голубой.

Сѣверная часть представляетъ въ общемъ двѣ равнины, изъ которыхъ одна, именно китайская низменность, разстилается вдоль берега Желтаго моря, постепенно расширяясь къ югу, а другая, лежащая къ востоку отъ первой и на высотѣ около 1000 м., представляетъ уже часть обширнаго Средне-Азіатскаго нагорья. Обѣ равнины раздѣлены поясомъ сбросовыхъ горъ, которыя тянутся отъ средняго теченія Хуанъ-хэ на сѣверъ, потомъ на сѣверо-востокъ и сливаются тамъ съ Большимъ Хинганомъ, отдѣляя отроги въ Манджурію. Высшія точки поднимаются въ хребтѣ Хсиау-ву-тай-шань до высоты 2890 м., въ хребтѣ Вутай—до 2780 м. Путешественникъ, странствующій изъ Урги ²⁾ въ Пекинъ, покидаетъ унылыя, плоскія степи Монголіи у великой стѣны близъ г. Калгана. Здѣсь, съ края обрыва, передъ нимъ открывается одно изъ величественнѣйшихъ зрѣлищъ въ мірѣ, удивительный пейзажъ, который никогда не забудетъ никто, видѣвшій его хоть одинъ разъ. Видъ этотъ обнимаетъ три четверти горизонта, открывая въ видѣ панорамы мѣстности къ востоку, югу и западу. На востокѣ лежитъ неровная долина, усѣянная деревнями и хуторами китайцевъ, за нею вдали ярусами поднимаются горы. На западѣ почва обрывается внезапно и круто къ глубокой долиинѣ, за которой простирается отлогая покатошь предгорья; за нею возвышаются горы, за ними другія, выше и прозрачнѣе первыхъ, и такъ дальше, пока едва замѣтные силуэты ихъ не сольются съ небомъ. На югъ открывается видъ на луга и пашни, между которыхъ, подобно гигантской змѣѣ, вьется валъ Великой стѣны, и на немъ, словно заброшенныя гробницы, возвышаются остатки ея башенъ. За стѣной поверхность круто обрывается въ невидимую зрителю долину, и изъ-за обрыва поднимаются, словно изъ нѣдръ земли, громады голубыхъ горъ. Кажется, точно они достигаютъ неба и сливаются съ нимъ,—до того высоки и прозрачны ихъ вершины. Здѣсь за Калганомъ начинается крутой спускъ съ плоскогорья Гоби къ великой китайской низменности. Сколько разъ дикіе кочевники—гунны, турки, монголы, останавливали на краю этого обрыва своихъ бойкихъ степныхъ коней и, бросивъ поводья, любовались горѣвшими жадностью глазами картиной мирнаго труда своихъ сосѣдей въ необозримой низменности.

Высокая плоскость къ западу отъ этой полосы горныхъ ступенчатыхъ спусковъ занята провинціями Шанзи, Шензи, Ганьсу и пустынями Ордоса. Это страна лёсса, плотной мелкозернистой почвы—смѣсь глинистаго песка и углекислой извести, желтовато-бураго цвѣта. Мощныя толщи его (до 600 м.) заполняютъ всѣ впадины страны, придавая ей плоскій характеръ, но эта плоскость изрѣзана цѣлымъ лабиринтомъ ущелій съ отвѣсными стѣнами, въ глубинѣ которыхъ вьются рѣки или колесныя дороги. По изслѣдованіямъ ученыхъ лёссъ представляетъ тысячелѣтнія наслоенія пыли, выносимой господствующими вѣтрами изъ пустыни. Она отлагалась постепенно, такъ что сухія степныя травы продолжали расти въ ней вверхъ, оставляя отмирающіе корни гнить въ глубинѣ. Потому лёссъ не слоистъ и пронизанъ густой сѣтью каналовъ, такъ что вбираетъ воду, точно губка. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настолько плотенъ, что легко образуетъ отвѣсные обрывы. Въ сухое время года колеса телѣгъ истираютъ лёссовую почву въ мелкую пыль, которую вѣтеръ уноситъ съ дороги. Постепенно дорога врѣзается въ толщу лёсса такъ глубоко, что превращается въ узкое

¹⁾ Шань—по-китайски горы.

²⁾ Городъ въ с. Монголіи.

ущелье, и если она проходит вдоль края обрыва, такъ что отдѣляется отъ него тонкой стѣной, то вывалившіеся куски этой послѣдней нерѣдко оставляютъ окна, въ которыхъ изумленный взоръ путешественника внезапно видитъ пропасть и поднимающіяся за нею башни, стѣны и ущелья въ толщахъ лёсса. Какъ ни однородна эта почва съ поверхности, однако трудно представить себѣ, какое безконечное разнообразіе самыхъ дикихъ и фантастическихъ пейзажей скрываетъ она въ своихъ нѣдрахъ. Въ то же время лёссъ необыкновенно плодороденъ, такъ что эти провинціи представляютъ собою настоящую житницу Китая. Въ дни, когда съ неба сыплется эта желтая разбѣдающая глаза пыль, земледѣлецъ радуется, и этимъ объясняютъ, почему желтый цвѣтъ почитается въ Китаѣ выше всѣхъ прочихъ. Размывая береговья стѣны лёсса, рѣка Хуанъ-хэ уноситъ съ собою желтоватый илъ, который отлагается при разливахъ въ нижней долинь рѣки и окрашиваетъ въ тотъ же мутно-желтый цвѣтъ воды Желтаго моря. Рѣка Хуанъ-хэ начинается на восточномъ склонѣ Тибетскаго нагорья на высотѣ 4400 м. и течетъ въ общемъ на востокъ, но у города Лань-чжу-фу въ провинціи Ганьсу она поворачиваетъ на сѣверъ и описываетъ громадную дугу, въ петлѣ которой лежитъ степь Ордосъ, населенная монголами. Затѣмъ рѣка прорывается черезъ горы и выбѣгаетъ на китайскую низменность.

Эта низменность есть та часть сѣвернаго Китая, гдѣ живетъ главная масса китайцевъ. Она почти лишена лѣса, кромѣ развѣ горъ въ Шань-дунѣ, и представляетъ собою необозримую скатерть обработанныхъ полей. Ее покрываетъ частая сѣть рѣкъ и рѣчекъ, спускающихся съ западныхъ горъ къ Желтому морю, въ томъ числѣ Пей-хо, на которой стоитъ г. Тянь-дзинь. Величественная Хуанъ-хэ, „горе Китая“, катитъ по ней свои мутныя воды, и хотя китайцы укрѣпили ея берега плотинами, однако рѣка не перестаетъ грозить имъ своими опустошительными наводненіями. Встрѣчая на пути горы Шань-дуня (Тай-шань и Кіу-ню-шань), которыя какъ бы предоставляютъ ей течъ направо или налево отъ себя, рѣка не разъ мѣняла свое русло, заливая обширныя пространства равнины.

Въ XIII вѣкѣ Хуанъ-хэ текла въ Желтое море, впадая въ него по сосѣдству съ устьемъ Янь-цзы-цзяна, гдѣ еще и теперь лежатъ большія, образованныя ею озера. Но въ пятидесятихъ годахъ нашего столѣтія возстаніе тайпинговъ опустошило страну, плотины стояли нечиненными, и Хуанъ-хэ, воспользовавшись этою оплошностью, въ теченіе 1851—53 г. понемногу проложила себѣ дорогу черезъ нихъ и стала изливаться въ заливъ Печили по своему старому заброшенному руслу. Убытки отъ опустошенія полей напомнили китайцамъ прежнія продѣлки „гора Китая“, и они постарались смирить рѣку. Однако въ 1887 г. обильные ливни переполнили рѣку, и пронесшійся ураганъ погналъ воды ея вверхъ по теченію, такъ что 28 Сентября Хуанъ-хэ стала переливаться черезъ плотины праваго берега у города Чѣнчу, быстро промыла ихъ и, какъ разъяренный, сорвавшійся съ цѣпи звѣрь, ринулась опять на юго-востокъ. Бѣдствіе это разразилось такъ внезапно, что не успѣли бѣжать даже прибрежные жители. Рѣка затопила множество селеній и городовъ и покрыла своей мутной пеленой всю сѣверную часть провинцій Хонаня и Ньянь-хвея, т. е. около 22.000 кв. к., причемъ погибло до 1½ милліона человѣкъ, а убытки были неисчислимы, такъ какъ нанесенный рѣкой илъ затянулъ старинныя, тщательно обработанныя поля. Въ 1889 г. китайцамъ удалось направить рѣку вновь въ сѣверное русло. Въ общемъ въ памяти ихъ сохранилась память о десяти такихъ страшныхъ катастрофахъ, чѣмъ и объясняется данное рѣкѣ имя „горе Китая“. Хотя эта рѣка неудобна для судоходства вслѣдствіе безчисленныхъ мелей, особенно при своемъ устьи, однако китайцы не могутъ не почитать ее, потому что вся плодородная низменность сѣвернаго Китая создана именно ею. При длинѣ въ 4150 к. Хуанъ-хэ охватываетъ сѣтью своихъ притоковъ пространство въ 1 м. кв. к. Китайская низменность, которую за преобладающій цвѣтъ почвы, предлагаютъ назвать „желтой“, занимаетъ 445.000 кв. к., т. е. превосходитъ на 40.000 к. нашу Вологодскую губернію. Она продолжаетъ нарастать вдоль моря благодаря наносамъ рѣкъ, и простирается отъ

границь Манджуріи почти до р. Янь-цзы-цзяна. Хребетъ Цзинь-линъ отдѣляетъ ее отъ гористаго южнаго Китая, и, говорятъ, различіе между этими половинами имперіи рѣзко бросается въ глаза. Когда жатва снята, и осенній вѣтеръ гонитъ по равнинѣ столбы мелкой пыли, то сѣверный Китай напоминаетъ степь, и только многочисленныя города, селенія и храмы съ раскинутыми вокругъ нихъ рощами и садами оживляютъ унылый пейзажъ. Далѣе на западѣ, ближе къ горамъ, мѣстность становится разнообразнѣе; густыя заросли бамбука, группы кипарисовъ, плодовые деревья придаютъ ей видъ парка, лужайки котораго представляютъ собою тщательно обработанныя въ видѣ сада или огорода поля. Холодная вѣтряная зима, напоминающая зиму нашихъ южныхъ степей, съ тою разницей, что порывистый и сухой западный вѣтеръ приноситъ изъ внутренней Азіи не столько снѣгу, сколько мелкой пыли, которая застилаетъ небо до того, что солнце кажется неяснымъ пятномъ и не кидаетъ тѣни, да прохладное дождливое лѣто не позволяютъ разводить въ сѣверномъ Китаѣ южныя культурныя растенія, а потому въ этой обширной низменности разводятъ главнымъ образомъ пшеницу „гаолянъ“, т. е. сорго, достигающій такой высоты, что укрываетъ всадника, земляной орѣхъ, бататы, коноплю, табакъ, макъ, изъ котораго добываютъ опиумъ и масло, хлопчатникъ, а въ южной части низменности уже возможно разводить рисъ и чайное дерево. Самую обильную жатву доставляетъ гаолянъ, толстые крѣпкіе стебли котораго даютъ топливо и идутъ на разныя надобности, какъ напр. для настилки крышъ, ограды полей и садовъ.

Императорскій каналъ, длиной до 1300 к. (немногимъ короче Дона) прорѣзываетъ низменность съ юга на сѣверъ. Онъ начинается въ устьѣ р. Янь-цзы-цзяна и подходитъ къ Пекину. Китайцы соорудили его въ давнія времена для доставки въ столицу податей въ видѣ грузовъ риса, такъ какъ не умѣли тогда пользоваться моремъ. Нынѣ оживленное пароходное движеніе уронило цѣну этого грандіознаго сооруженія.

Совсѣмъ иную картину представляетъ южный Китай. Западную часть его (въ провинціяхъ Счванъ и Юннанъ) заполняютъ высокіе хребты съ тѣсными долинами между ними. Одни изъ нихъ уходятъ на югъ въ Индо-Китай, другіе тянутся на юго-востокъ и востокъ, примыкая къ восточному Куень-Луню. Но несравненно большая часть южнаго Китая занята болѣе низкими (до 2300 м. высоты) древними хребтами, складки которыхъ многими параллельными грядами вытянуты на сѣверо-востокъ. Красный песчаникъ гребней сильно разрушенъ и придаетъ вершинамъ горъ живописно-фантастическій видъ. Три большихъ котловины, образовавшіяся отъ опусканія почвы, залегаютъ въ этой странѣ горъ, образуя плодороднѣйшія въ свѣтѣ равнины. Одна изъ нихъ лежитъ по среднему теченію р. Янь-цзы-цзянъ въ восточномъ Счванѣ, другая располагается ниже по рѣкѣ въ провинціи Хубей, а третья разстилается далеко на югъ по теченію рѣки Си-цзянъ. Большая часть рѣкъ течетъ въ древнихъ ложбинахъ, часто съ крутыми берегами, прорываясь вкрестъ черезъ горы на востокъ. Широкія устья ихъ и глубокія русла открываютъ свободный доступъ внутрь южнаго Китая большимъ судамъ и замѣняютъ дороги, которыхъ въ этомъ краѣ мало. Товары и пассажиры доставляются черезъ горы носильщиками кули, потому что даже горныя лошади не въ состояніи одолѣть крутыя изрытыя тропы, замѣняющія здѣсь дороги, которыя правительство не позаботилось провести. Особенно важное значеніе имѣетъ рѣка Янь-цзы-цзянъ или Голубая. Она имѣетъ 5080 к. въ длину и является по длинѣ четвертой рѣкой свѣта. Истоки ея подъ названіемъ Муруй-уссу и Напчитай-уланъ-мурень зарождаются высоко на Тибетскомъ плоскогорьѣ, съ котораго рѣка течетъ на юговостокъ, потомъ на югъ, какъ бы желая слѣдовать примѣру Ме-конга и устремиться въ Индо-Китайскій полуостровъ, но у г. Ликанга Янь-цзы-цзянъ поворачиваетъ на востокъ и, извиваясь, подобно змѣѣ, течетъ среди крутыхъ береговъ по срединѣ южнаго Китая, принимая справа и слѣва многочисленныя притоки. Покинувъ область высокихъ горъ, рѣка протекаетъ первую равнину съ красноватой плодородной почвой. Это западный Счванъ, центромъ кото-

раго является богатый промышленный городъ Чень-ду-фу съ почти миллионнымъ населеніемъ. У г. И-тчанъ рѣка выбѣгаетъ на равнину, гдѣ въ широкой впадинѣ лежитъ соединенное съ нею озеро Дунъ-тинъ, и принимаетъ здѣсь слѣва р. Ханъ-янъ. При сліяніи расположены громадныя города Ханъ-коу, Ханъ-янъ и Ву-чанъ, до которыхъ поднимаются большіе морскіе пароходы. Эта равнина настоящая культурная середина Китая,—расположенная въ ней провинція Хубей насчитываетъ 35.000.000 жителей. Ниже рѣка прорывается черезъ послѣднюю преграду, вновь образуетъ большое озеро По-янъ и вступаетъ въ береговую равнину, изливаясь въ море узкой воронкой, при концѣ которой и уже у моря стоитъ знаменитый Шанхай. Области по обѣимъ сторонамъ рѣки лишены лёсса, тѣмъ не менѣе онѣ необыкновенно плодородны. Почва въ содѣйствіи съ мягкимъ, почти уже тропическимъ, климатомъ порождаетъ здѣсь въ изобиліи всѣ главныя культурныя растенія Китая, кромѣ хлопчатой бумаги. Чайныя плантаціи, лѣпящіяся по известковымъ склонамъ горъ, рисовыя болота, раскинувшіяся въ низинахъ, заросли бамбука вдоль рѣкъ, туковыя деревья придаютъ мѣстности опредѣленный культурный характеръ и составляютъ богатство края.

III.

Внѣшность и характеръ китайцевъ.

Внѣшность китайца, особенно простолюдина не располагаетъ европейца въ его пользу. Грязновато-желтаго цвѣта лицо широко и плоско, скулы выступаютъ впередъ, носъ приплюснутъ, косо поставленные темно-каряго цвѣта глаза узки; широкой, часто слегка разинутый ротъ нерѣдко придаетъ лицу китайца изумленное, чтобъ не сказать глупое выраженіе. Рѣдкая борода встрѣчается только у стариковъ. Черныя волосы, жесткіе точно конскіе, заплетены у мужчинъ въ длинную косичку, которая болтается сзади и извиливается при рѣзкихъ движеніяхъ, какъ жгутъ. Женщины не носятъ косъ, а устраиваютъ себѣ разныя прически. Обычай носить косу существуетъ недавно, потому-что эту моду навязали китайцамъ манджуры, причемъ дѣло не обошлось безъ сопротивленія. Въ составъ этого украшенія китайца входятъ не всѣ волосы, а только пукъ съ темени, потому-что лобъ, виски и затылокъ китайцы бреютъ. Если коса слишкомъ жидкая и короткая, то китаецъ помогаетъ дѣлу прибавкой фальшивыхъ волосъ и вплетаетъ при концѣ длинную ленту чернаго шелка. Простолюдинъ не имѣетъ времени заботиться объ этомъ украшеніи и приводитъ свою косу въ порядокъ разъ въ недѣлю съ помощью уличнаго цирульника. Цирульникъ—обыкновенный завсегдатай китайской улицы, и фигуру его съ переносной скамейкой и жаровней можно встрѣтить всюду. За нѣсколько грошей онъ бреетъ голову и причесываетъ косу гдѣ нибудь за угломъ въ укромномъ мѣстѣ. Это ремесло не пользуется у китайцевъ уваженіемъ, потому-то цирульники и ихъ потомки вмѣстѣ съ актерами не допускаются къ экзаменамъ на чиновника.

Одежда, которую носятъ китайцы, разнообразна смотря по мѣстности, времени года и состоянію. У богатыхъ она шьется чаще всего изъ шелковыхъ матерій, часто вытканныхъ узорами—фигурами цвѣтовъ или фантастическихъ животныхъ, большую роль играютъ дорогіе мѣха и тканье золотомъ и серебромъ. У бѣдныхъ платье шьется изъ бумажной матеріи, чаще всего синяго цвѣта. Цвѣта одежды вообще ярки, и наибольшее предпочтеніе китайцы оказываютъ желтому и синему цвѣту.

Обыкновенно на простолюдинѣ видишь короткую кофту съ длинными рукавами и широкіе штаны, подвязанные у щиколки тесемкой. Зимой эта одежда ватная, и поверхъ ея китаецъ натягиваетъ еще ватный халатъ. Лѣтомъ крестьяне носятъ бѣлыя кофту и штаны.

Нищихъ и пропившихся или проигравшихся рабочихъ нерѣдко можно видѣть одѣтыми въ соломенные шубы, которыя изготовляются изъ рѣдкой ткани, въ петли которой вставлены и прикрѣплены соломины. Въ южномъ Китаѣ, въ жару рабочіе ходятъ почти голые. На бритой головѣ китайца можно видѣть разныя шапки и шляпы, даже платки, но чаще всего это либо широкая соломенная шляпа въ видѣ опрокинутой чашки, либо маленькая круглая шапочка, либо поярковая шапка съ отогнутыми вверхъ полями. На ногахъ очень любопытная обувь, которую впрочемъ носятъ только зажиточные китайцы; это матерчатые туфли и сапоги (часто изъ шелка или бархата) на толстой войлочной подошвѣ съ легка загнутыми вверхъ носками. Люди побогаче носятъ на себѣ больше одежды; сверхъ кофты они надѣваютъ короткій халатъ, иногда безъ рукавовъ, сверху еще кофту или короткую безрукавку, и вторую пару штановъ. Одѣтый въ такую одежду безусый, украшенный косой

Китайскіе нищіе.

китаецъ сильно смахиваетъ на женщину, особенно если вмѣсто шапки голова повязана платкомъ; однако въ Китаѣ мужчинъ трудно спутать съ женщинами, потому-что женское платье отличается инымъ покроемъ; хотя оно состоитъ изъ такихъ же халатовъ, штановъ и кофтъ, но все это длиннѣе и шире. Вообще же женская одежда проще и однообразнѣе, чѣмъ одѣяніе мужчины. Кромѣ того женщины иначе причесываются и носятъ много украшеній, особенно въ прическѣ: цвѣты, булавки съ затѣйливыми головками, разныя пластинки, платье украшено лентами, обшивками, вышивками, на рукахъ бренчатъ браслеты, кольца, въ ушахъ большія серьги, а сама китаянка густо набѣлена, нарумянена и даже брови подведены сурьмой. Но всего легче можно отличить китаянку отъ китайца по походкѣ. Рѣдная изъ нихъ не изуродовала себѣ ногъ съ цѣлю сдѣлать ихъ возможно меньше. Главная красота китаянки, особенно цѣнимая мужчинами, крохотная нога. Эти ножки называются у китайцевъ „цзинь-лянь“, т. е. „золотыя лиліи“, безъ нихъ китаянка рискуетъ остаться безъ

Знатная китаянка въ парадномъ нарядѣ.

мужа. Обычай уродованія ногъ у женщинъ существуетъ въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ, и никто еще не объяснилъ, какъ и почему онъ появился. Онъ распространенъ сильнѣе въ сѣверномъ Китаѣ, хотя женщины манджурки не придерживаются его. Уродованіе ногъ производится у дѣвочекъ обыкновенно на пятомъ году. Дѣвочки сами пристають къ матери съ просьбой сдѣлать имъ „цзинь-лянь“ и храбро выносятъ боль при этой мучительной операци. Производятъ ее такъ: надрѣзають ногу между большимъ и остальными пальцами, затѣмъ подвертываютъ маленькіе пальцы подъ стопу и тѣсно забинтовываютъ ногу, обувь ее потомъ въ крохотные башмачки. Нѣсколько дней проходятъ въ страшныхъ мученіяхъ, но понемногу нога мѣняетъ свою форму и становится похожей на копыто: большой палецъ выступаетъ далеко впередъ, подъемъ выгибается дугой, а пятка притянута

Китайка съ изуродованной ногой.

къ загнутымъ пальцамъ, ногти которыхъ вырастають въ подошву и причиняють постоянную боль. Изъ за этого уродства китайка совсѣмъ не можетъ ходить, а ковыляется, покачиваясь и широко разставивъ руки или опираясь на палку. Знатныя дамы съ очень крохотными ножками почти не могутъ двигаться — ихъ водять подъ руки служанки, носятъ въ носилкахъ, возятъ въ тачкахъ или колясочкахъ, а то служанка взвалитъ себѣ госпожу на спину и тащитъ ее отъ крыльца до экипажа или черезъ улицу. Но женщины изъ простонародья умудряются какимъ то образомъ ходить довольно скоро и исполняютъ работы на поляхъ и огородахъ безъ помѣхи. Въ широкихъ, неуклюжихъ шароварахъ, въ мѣшковатой длинной коф-

тѣ, густо набѣленная и нарумяненная китайка напоминаетъ не человѣка, а скорѣе большую куклу съ безобразнымъ, плоскимъ лицомъ.

Насчетъ умственныхъ способностей и характера китайцевъ мнѣнія сильно расходятся. Многіе европейцы, даже такіе, которые прожили въ Китаѣ долгое время, отзываются о китайцахъ въ высшей степени пренебрежительно. Другіе, наоборотъ, очень высоко цѣнятъ и самихъ китайцевъ и ихъ культуру. Такъ изъ русскихъ путешественниковъ Пржевальскій и Обручевъ самаго низкаго мнѣнія объ этомъ народѣ, между тѣмъ какъ Пясецкій, Потанинъ и многіе другіе хвалятъ ихъ. По мнѣнію Обручева, „главное свойство китайцевъ—это ихъ *самоуваженіе и убѣжденіе въ собственномъ превосходствѣ*. Китаецъ увѣренъ, что все китайское лучше некаитайскаго, и не можетъ представить себѣ, что на свѣтѣ есть что-либо дру-

гое, превосходнѣе его родного. Считаая все китайское совершеннымъ, китаецъ не допускаетъ мысли о какой нибудь перемѣнѣ, и всего менѣе согласенъ перенять что-либо отъ „заморскихъ чертей“, т. е. отъ европейцевъ. На нихъ китаецъ смотритъ со смѣшаннымъ чувствомъ любопытства и презрѣнія, какъ мы смотримъ на фокусника. Китаецъ удивляется ловкости европейцевъ, но и не думаетъ приравнивать ихъ себѣ. Онъ признаетъ за европейцами практическую смекалку и техническія познанія, готовъ пользоваться ихъ услугами для обученія арміи, постройки броненосцевъ, устройства арсеналовъ и фабрикъ, но онъ никогда не повѣритъ, что государственный строй въ Европѣ лучше, правосудіе устроено правильнѣе и гуманнѣе, что все вообще тамъ лучше, чѣмъ въ Китаѣ. Эта любовь къ старинѣ переходитъ у китайца въ косность, онъ благоговѣетъ передъ стариной и черпаетъ въ ней указанія и совѣты для настоящаго. Онъ страшится перемѣнъ, какъ бѣдствія, и оцепенѣлъ въ своей своеобразной культурѣ, давно отжившей свое время.

Второе качество китайца—его выносливость и неприхотливость. Несмотря на бѣдность народа, на его вѣчную, упорную борьбу за существованіе, китайцы терпѣливо переносятъ настоящее, не ожидая ничего въ будущемъ. Когда китайскимъ рабочимъ приходится туго на родинѣ, они рѣдко прибѣгаютъ къ стачкамъ или бунтамъ, а переселяются въ другую область или уѣзжаютъ изъ Китая.

Въ странахъ, гдѣ появляются китайскіе кули, т. е. рабочіе, они становятся грозными соперниками для мѣстныхъ рабочихъ, такъ какъ хотя въ сноровкѣ и силѣ они уступаютъ бѣлымъ,

зато довольствуются такой ничтожной платой и такими жалкими условіями жизни, съ какими никогда не помирится бѣлый рабочій. Приэтомъ китаецъ нигдѣ не сливается съ пріотившими его иноплеменниками, а остается китайцемъ: вездѣ онъ живетъ въ своихъ особыхъ кварталахъ, въ жалкихъ, грязныхъ и вонючихъ жилищахъ, заводитъ свои съѣстные лавочки, кабачки и притоны для куренія опиума, ходитъ въ своей національной одеждѣ

Молодая китаянка изъ богатой семьи.

и сохраняетъ всѣ свои привычки. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такъ любитъ свою родину, что непремѣнно возвращается назадъ, какъ только накопить денегъ. Если же смерть застигнетъ его на чужбинѣ, то онъ устраивается такъ, чтобы хоть тѣло его было похоронено тамъ, о чемъ заботятся его родственники или соотечественники черезъ благотворительное общество, устроенное для такой цѣли.

Китайка съ ребенкомъ.

Третье выдающееся качество китаецъ — его миролюбіе. Безстрастному, апатичному темпераменту китаецъ неприятно все рѣзкое, рѣшительное, быстрое; онъ предпочитаетъ полумѣры, отговорки и продолжительныя шумныя объясненія. Китаецъ неохотно ссорится, въ случаѣ ссоры рѣдко вступаетъ въ драку, а угрожаетъ противнику, произнося страшныя проклятія и ругательства, и все издала. Даже если ссора дошла до крайности, то кровавая расправа случается очень рѣдко — противники просто таскаютъ другъ друга за косы, и самое большее надаютъ другъ другу пощечинъ. Поэтому въ Китаѣ нѣтъ дуэли; если чувство обиды ужъ очень остро, если китаецъ не въ силахъ перенести полученное оскорбленіе, то онъ прибѣгаетъ къ болѣе практичной, т. е. болѣе дѣйствительной формѣ мести, а именно идетъ и лишаетъ себя жизни въ домѣ оскорбителя. Онъ знаетъ, что вовлечетъ его этимъ въ разорительную судебную волокиту или запрячетъ въ ужасную китайскую тюрьму, потому что хозяинъ дома, у котораго найденъ убитый, подвергается подозрѣнію въ убійствѣ. Китаецамъ незнакомы также буйныя и жестокия развлечения вродѣ бокса, боя быковъ, охоты, скачекъ, травли: Игры ихъ отличаются мирнымъ характеромъ: китаецъ пускаетъ бумажнаго змѣя, играетъ въ перышки, въ карты, въ шашки, въ шахматы и во множество другихъ игръ, многія изъ которыхъ изобрѣтены именно въ Китаѣ и оттуда проникли въ Европу. Но зато китаецъ азартно увлекается всякой игрой и охотнѣе всего играетъ

именно въ азартныя игры, причемъ сохраняетъ такой невозмутимый, даже апатичный видъ, что посторонній зритель даже не догадается, какія острыя ощущенія переживаетъ игрокъ. Миролюбіе китаецъ объясняетъ намъ, почему такъ плохо китайское войско. Не питая никакой любви къ военному дѣлу, китаецъ нанимается въ солдаты только въ самомъ крайнемъ случаѣ, къ дѣлу относится небрежно и на войнѣ предпочитаетъ убѣгать съ поля

сраженія, чѣмъ подставлятъ свой лобъ подъ пули. Далѣе китаецъ очень упоренъ и настойчивъ въ преслѣдованіи намѣченной цѣли и умѣетъ обходить препятствія, которыя не въ силахъ преодолѣть. Это качество, въ соединеніи съ увертливостью и способностью къ пассивному сопротивленію, дѣлаютъ китайца недожиданнымъ противникомъ для болѣе нервнаго и порывистаго европейца. Потеря самообладанія въ глазахъ китайца, котораго трудно вывести изъ терпѣнія, есть нравственное пораженіе, а между тѣмъ терпѣливый и увертливый китаецъ способенъ вывести изъ терпѣнія европейца и тѣмъ унижить его въ своихъ глазахъ. Если китаецъ не желаетъ исполнить чего-либо, онъ рѣдко откажется прямо, это не въ его натурѣ,—онъ станетъ откладывать, отлынивать и забывать. Если приступить къ нему очень рѣшительно, онъ притворится непонимающимъ, и никакія доказательства, никакая логика не помогутъ побѣдить его ослинаго упрямства. Въ концѣ концовъ европейецъ разсердится и плюнетъ, т. е. уступить китайцу и по китайскому выраженію „потеряетъ лицо“, т. е. осрамится, унижится. Китаецъ боится „потеряеть лицо“ больше, чѣмъ подвергнуться наказанію и потому при всякомъ столкновеніи прежде всего старается о томъ, чтобы „сохранить лицо“, т. е. остаться правымъ видимо, не уступить въ глазахъ присутствующихъ противнику и уйти безъ сраму. Этотъ глубоко вкоренившійся у китайцевъ обычай порождаетъ у нихъ лживость и лицемеріе—было бы все шито-крыто съ наружности, были бы исполнены всѣ требованія этикета, а тамъ хоть трава не расти. Лживость и лицемеріе чиновниковъ начиная съ низшихъ и кончая самыми высшими, дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на народъ, который пріучается къ неискренности и старается половчѣе обмануть не только начальство, но и другъ друга, что влечетъ за собою подозрительность и взаимное недоверіе. Неискренность китайцевъ проявляется часто въ желаніи обойти и замолчать сущность дѣла. Когда говоришь съ китайцемъ, то никогда нельзя быть увѣреннымъ, что сказанное имъ есть его послѣднее слово,—напротивъ, чувствуется, что не все высказано, и впереди предстоятъ еще переговоры о томъ же до безконечности. Китаецъ рожденъ быть дипломатомъ, и въ сношеніяхъ съ китайскимъ правительствомъ европейскіе дипломаты постоянно сталкиваются со всевозможными отговорками, экивоками и официальной ложью. Оттянуть рѣшеніе непріятнаго дѣла, чтобы смягчить его сглаживающимъ дѣйствіемъ времени, къ этому стремятся китай-

Старая женщина въ богатомъ уборѣ изъ Шанхая.

скіе дипломаты, если отъ нихъ требуютъ вознагражденія убытковъ, наказанія виновныхъ и т. п. На неискренности китайцевъ и на умѣни скрывать свои настоящія чувства основываются и китайскія церемоніи. Правиль въжливости насчитывается нѣсколько тысячъ, но ни у какого другого народа эти лицемѣрныя церемоніи не прикрываютъ столько равнодушія и затаеннаго эгоизма. Всѣ рѣчи, жесты и поступки китайца оплетены цѣлой сѣтью формальностей и церемоній, неискреннихъ, скучныхъ и часто тяжелыхъ, которыя самимъ китайцамъ совсѣмъ не кажутся смѣшными, такъ какъ фальшь и неискренность такъ глубоко внѣдрились въ натуру китайца, что ему трудно понять и проявить искреннюю въжливость, основанную на простомъ уваженіи или симпатіи къ другому человѣку. Чѣмъ образованнѣе

Китайцы за игрой.

китаецъ или чѣмъ выше его положеніе, тѣмъ онъ неискреннѣе; среди простого народа скорѣе можно встрѣтить человѣка правдиваго и неиспорченнаго постоянной ложью.

Европейца поражаетъ также матеріализмъ китайцевъ, выражающійся въ томъ, что китайцы чаще всего бесѣдуютъ о деньгахъ и ѣдѣ: встрѣчаются ли два китайца на улицѣ шумнаго города или тихаго селенія, среди дороги или на постояломъ дворѣ, въ ихъ разговорѣ безпрестанно упоминаются деньги; на второмъ планѣ слѣдуетъ ѣда, — китаецъ любитъ поѣсть и поговорить о ѣдѣ. Привѣтствіе при встрѣчѣ состоитъ изъ взаимнаго вопроса: „хорошо-ли (т. е. хорошо ли поживаешь) и покушалъ ли ты уже?“ Но это привѣтствіе, показывающее, какъ высоко китаецъ цѣнитъ наслажденіе ѣдой, есть конечно одна формальность, на которую отвѣчаютъ „спасибо, хорошо, я уже покушалъ“. Если же кто нибудь по невоспитанности скажетъ: „нѣтъ, не кушалъ еще“, то китаецъ выразитъ по поводу столь

грустнаго обстоятельства только свое сожалѣніе и не подумаетъ пригласить голоднаго знакомаго въ харчевню.

Пржевальскій произноситъ надъ китайцами еще болѣе рѣзкій приговоръ, и къ нему въ этомъ отношеніи примыкаетъ много другихъ путешественниковъ по Китаю, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Надо однако замѣтить что, какъ ни мѣтки многія стороны приведенной выше характеристики, однако въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что, произнося сужденіе о такомъ большомъ народѣ, надо было бы застисъ большимъ количествомъ наблюденій надъ его бытомъ, чѣмъ это могли дѣлать путешественники, посѣщавшіе Китай совсѣмъ съ другими цѣлями. Дѣло въ томъ, что китайское простонародье очень любопытно; въ своемъ жадномъ стремленіи увидать нѣчто новое, невиданное, неслыханное, уличная китайская толпа проявляетъ необычайную назойливость и безцеремонность, которая всегда сильно раздражаетъ усталыхъ, ищущихъ пріюта и отдыха путниковъ. Въ захолустномъ китайскомъ городишкѣ появленіе „заморскаго дьявола“ цѣлое событіе. Мальчишки, взрослые и старики летятъ, какъ угорѣлые, чтобъ не пропустить любопытнаго зрѣлища; съ выпученными глазами, съ разинутымъ ртомъ слѣдятъ они за всѣми движеніями далекаго гостя, о націи котораго столько пишется въ уличныхъ листкахъ. Не успѣлъ путешественникъ укрыться въ гостиницѣ, какъ дворъ ея уже наполнился толпой любопытныхъ, которые шупаютъ и трогаютъ его вещи, его самого. Вошелъ онъ въ комнату, и уже нѣсколько десятковъ пальцевъ проткнуло бумагу въ окнахъ, и въ каждую дырочку пристально смотритъ внутрь комнаты любопытный глазъ. Болѣе нахальные лѣзутъ въ комнату и не даютъ покоя усталому гостю, пока онъ не выйдетъ изъ себя и не вытолкаетъ ихъ за дверь. Тогда поднимается недовольный гамъ, слышатся неслестные отзывы о „заморскомъ дьяволѣ“, и какой нибудь мальчишка или озорникъ изъ взрослыхъ не прочь швырнуть въ окно грязью или запустить въ него камешкомъ. Но вѣдь то же самое случается всюду, гдѣ приходится имѣть дѣло съ некультурной толпой, и врядъ ли китаецъ, гуляющій по нашимъ улицамъ въ сопровожденіи толпы мальчи-

Китайская невѣста.

шекъ и зѣвакъ, не испытываетъ такого же чувства раздраженія и злобы. Но стоитъ лишь отнестись къ этому, вполне понятному, любопытству добродушно, какъ настроеніе толпы китайцевъ мѣняется, а черезъ нѣсколько дней совмѣстной жизни между чужеземцемъ и обывателями городишка или деревни устанавливаются наилучшія отношенія, наподобіе того, какъ у насъ въ деревняхъ. Путешественникъ Г. Н. Потанинъ въ объясненіе любопытства и жадности китайской толпы до всякаго рода зрѣлищъ рассказываетъ слѣдующій случай: въ какомъ то городишкѣ любопытные страшно надоѣли путешественникамъ, и они начали уже выживать ихъ изъ помѣщенія гостинницы, какъ услышали на дворѣ жалобный старческой голосъ, настойчиво просившій о чемъ-то. Оказалось, что въ толпѣ любопытныхъ былъ семидесятилѣтній старикъ, который по дряхлости не могъ протиснуться

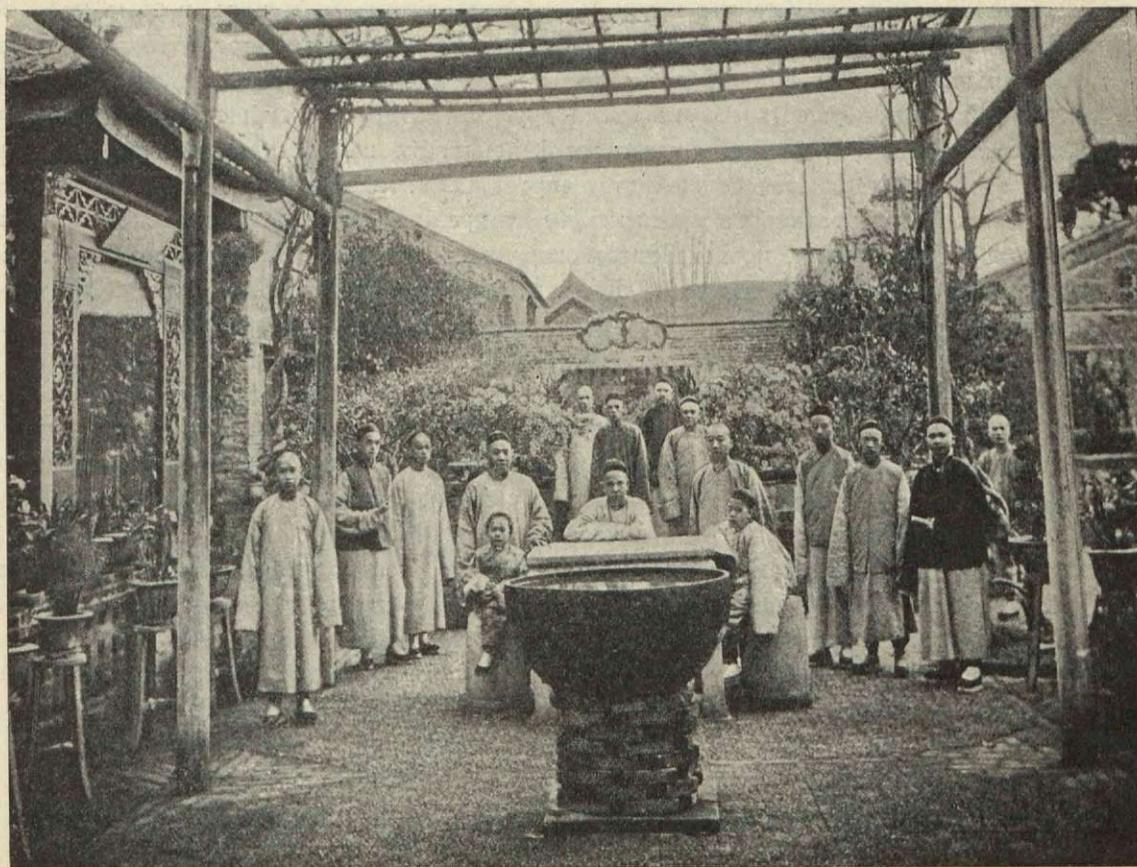
Китайцы—дѣдъ съ сыномъ и внуками.

впередъ и жалобно вопилъ: „Мнѣ уже 70 лѣтъ, я скоро умру, я никогда не видалъ заморскихъ людей! Неужели же я долженъ закрыть глаза и не увидѣть ихъ передъ своей кончиной, пропустивъ такой удобный случай? Пустите, пустите меня взглянуть на нихъ!“ Какъ можно было не удовлетворить любопытство этого старца?

Мистеръ Пумпели, американецъ, бывшій на службѣ у пекинскаго правительства, рассказываетъ слѣдующій случай, происшедшій съ нимъ во время поѣздки по Печилийской провинціи. Въ Та-вей-чангъ его и его спутника м-ра Муррея окружила враждебно настроенная толпа китайцевъ. Сначала изъ толпы слышались насмѣшки, брань, угрозы, а потомъ полетѣли и камни. Положеніе было критическое. Тогда м-ръ Муррей остановилъ свою лошадь, приподнялся на стременахъ и заговорилъ на китайскомъ языкѣ. „О вы, жители Та-вей

чанга, таково-то ваше гостеприимство! Такъ-то соблюдаете вы завѣты вашихъ мудрецовъ, повелѣвавшихъ вамъ быть добрыми къ странникамъ! Развѣ вы забыли слова вашего великаго учителя, Конфудзе: „Какъ я не хочу, чтобы поступали со мною люди, такъ и я не долженъ поступать съ людьми?“. Дѣйствіе этихъ словъ было поразительное. Услыхавъ слова своего великаго учителя, смущенная толпа разступилась, неприязненность смѣнилась радостью. Одинъ передъ другимъ китайцы предлагали свои услуги путешественникамъ, и объ опасности не могло быть и рѣчи.

О своемъ пребываніи въ И-Гуань-сы среди китайцевъ П. Я. Пясецкій рассказываетъ слѣдующее: „Я ежедневно отправлялся утромъ въ паркъ и проводилъ тамъ цѣлый день за собираніемъ насѣкомыхъ и рисованіемъ. Уже въ первые дни о моихъ посѣщеніяхъ узнали

Садъ при домѣ богатаго китайца.

всѣ, живущіе въ паркѣ, всѣ отъ мала до велика, и какъ только я пріѣзжалъ туда и избравъ мѣсто, располагался со своимъ стуломъ и зонтикомъ, такъ тотчасъ начинали раздаваться по парку слова: „иностраннй художникъ рисуетъ тамъ-то!“ И всякій, до кого они доходили, оглядывался, искалъ глазами, и увидавъ, направлялся въ мою сторону... Въ теченіе моего пребыванія я имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться въ неподдѣльной и очень сильной любви китайцевъ къ живописи, а также и въ томъ уваженіи, какое они оказываютъ художникамъ. Они собирались около меня иногда въ числѣ 20—30 ч. и, какъ только началась работа, она привлекала все ихъ вниманіе; они уже не смотрѣли, какъ прежде, на меня, а глаза ихъ были обращены на бумагу, и иногда они простаивали позади меня все время, какое было нужно, чтобы окончить рисунокъ. Они часто разсматривали его однимъ

глазомъ черезъ кулакъ, что дѣлали даже ребятишки лѣтъ семи, выставивъ впередъ свои животы. Зрители тихо вели между собой разговоръ о рисункѣ, объясняли его другъ другу, выражали удивленіе по поводу сходства съ натурой и скорости работы и расточали мнѣ самыя щедрыя и, казалось, искреннія похвалы: „хэнь-хао! чжень-хао! хуа-ды-хао! иго янь!“— это значитъ: „очень хорошо! дѣйствительно хорошо! нарисовано прекрасно! очень, очень хорошо! одинъ образъ! (т. е. похоже)“. И большіе пальцы правыхъ рукъ показывались мнѣ со всѣхъ сторонъ... Туземцы были такъ любезны со мной, такъ вѣжливо и даже нѣкоторымъ образомъ подобострастно раскланивались, такъ старались предупредить мои малѣйшія желанія, что чувство опасенія встрѣтить съ ихъ стороны какое-нибудь враждебное дѣйствіе,— опасенія, навѣянные многими рассказами о злобѣ китайцевъ къ европейцамъ,— у меня совершенно разсѣялись, и я сталъ чувствовать себя не только, какъ дома, но еще господиномъ надъ всѣми ними, потому что каждый старался служить мнѣ, какъ и чѣмъ могъ. Я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ несправедливости того, сложившагося у многихъ, мнѣнія относительно холоднаго эгоизма и черстваго практическаго характера китайцевъ, для которыхъ будто бы не существуетъ на свѣтѣ другихъ интересовъ, кромѣ ѣды, барыша и денегъ. Я сталъ думать кромѣ того, что степень ненависти къ иностранцамъ не такъ велика, какъ это представляется большинству европейцевъ; мнѣ начинало казаться, что ее не трудно, если не превратить въ симпатію, то по крайней мѣрѣ уничтожить. Въ продолженіе описываемаго времени, проведеннаго исключительно среди китайцевъ разныхъ классовъ общества, я могъ достаточно наблюдать ихъ, чтобы придти къ заключеніямъ, думаю— не очень ошибочнымъ, хотя я и стараюсь не спѣшить въ своихъ выводахъ. Я видѣлъ, напримеръ, какъ одинъ мандаринъ изъ живущихъ въ паркѣ, сперва надменный, превратился потомъ въ учтиваго, любезнаго, даже заискивающаго моего знакомства человѣка; какъ нѣкоторые съ виду богатые люди, сначала безучастно и важно проходившіе мимо меня, не удостоивая никакого вниманія, потомъ розыскивали меня, спрашивая привратниковъ, куда я пошелъ и, отыскавъ, заботливо разспрашивали у слуги: „обѣдалъ ли я, гдѣ здѣсь нахожу себѣ обѣдъ,—и какъ могу цѣлый день ничего не ѣсть, не хочу ли я чего?“ Эти сначала гордые люди потомъ неразъ сами приносили чайникъ съ только что завареннымъ чаемъ туда, гдѣ я работалъ, и упрашивали меня выпить, говоря, что теперь жарко, что вѣроятно у меня сильная жажда; многіе съ застѣнчивой робостью обращались ко мнѣ съ просьбой показать имъ еще другіе рисунки, если они есть со мною, и, рассматривая ихъ, неразъ говорили: „на картину пріятнѣе смотрѣть, чѣмъ на дѣйствительность“, которая имъ уже надоѣла. Нѣкоторые произносили даже фразы вродѣ слѣдующей: „хорошо, что теперь иностраннымъ людямъ позволено пріѣзжать къ намъ, а то мы ничего подобнаго не видали бы...“ Видѣлъ я также, съ какимъ выраженіемъ любопытства относятся китайцы ко всему, что кажется имъ необыкновеннымъ, и это наводило меня на другія мысли о причинахъ частаго непониманія китайцевъ иностранцами. Иностранцу, если любопытство китайцевъ обращено на него, легко принять ихъ безцеремонность за нахальство, за желаніе выразить ему свое неуваженіе. А изъ этого могутъ возникнуть и дальнѣйшія недоразумѣнія... У нихъ свои правила деликатности, они учтивы по своему, и мы, въ свою очередь, очень часто можемъ казаться имъ людьми, съ ихъ точки зрѣнія, самыми неблаговоспитанными. Правъ ли я, или нѣтъ, но китайцы начинали мнѣ нравиться, и я съ удовольствіемъ открывалъ въ нихъ симпатичныя мнѣ стороны характера.“ Жена одного офицера, служившаго при строившейся въ Манджуріи желѣзной дорогѣ, рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: Одинъ китайскій военный часто бывалъ въ гостяхъ въ ихъ домѣ. Когда въ Манджуріи начались волненія, и китайцы, въ томъ числѣ и правительственныя войска, готовились напасть на русскихъ съ цѣлью истребить ихъ, этотъ китайскій офицеръ нѣсколько разъ предупреждалъ ее и уговаривалъ поскорѣе уѣхать, хотя не объяснялъ, почему онъ даетъ такой совѣтъ.

Разбирая разныя мнѣнія о китайцахъ, мы видимъ, что они такіе же люди, какъ гордящіеся своей культурой европейцы—есть среди нихъ дурные, есть и хорошіе, имъ знакомы тѣ же чувства, что и намъ, и думаютъ и разсуждаютъ они въ концѣ концовъ не хуже насъ. Ихъ тысячелѣтняя, сложная и разнообразная культура создала свой особый строй жизни, сильно отличающійся отъ нашего. Въ этомъ строѣ, каковы бы ни были его недостатки, все налажено и пригнано одно къ другому, на всякій случай въ жизни есть отвѣтъ и указаніе, какъ поступить. Китайцы привыкли ко всему своему и не находятъ пока нужнымъ измѣнять что либо у себя. Дальше мы увидимъ, что въ Китаѣ дурное правительство, жестокой и несправедливый судъ, нѣтъ науки и хорошей школы, не принимается никакихъ полезныхъ мѣръ, чтобы улучшить положеніе бѣдной, трудящейся массы народа, много суетвѣрій... но при всемъ томъ китайцы жили въ своей странѣ тысячи лѣтъ, не прося ни у кого помощи, не заимствуя почти ничего у другихъ культурныхъ народовъ. Европейцы не пришли, а, можно сказать, силой ворвались въ Китай, притомъ вовсе не съ цѣлью улучшить положеніе китайскаго народа, прививъ ему свои полезныя знанія и учрежденія, а въ надеждѣ нажиться тамъ, извлечь изъ страны и народа возможно больше выгодъ. Естественно, что китайцы отнеслись къ появленію „заморскихъ дьяволовъ“ враждебно, и среди невѣжественнаго народа эта нелюбовь приняла разныя формы. Но эта нелюбовь не есть что либо, свойственное только китайцамъ. Враждебное чувство ко всему новому, чужому, презрѣніе къ новымъ формамъ, обычаямъ и порядкамъ испытываетъ всякій народъ на младенческой ступени своего развитія, и закоренѣлая нелюбовь китайцевъ ко всему европейскому, цѣпкая привязанность къ своему живо напоминаютъ намъ чувства, какія волновали нашихъ предковъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда Петръ Великій шире открылъ двери на Западъ и очень ретиво принялся развивать русскихъ. Какъ скоро китайцы научатся различать, что есть для нихъ полезнаго въ западной культурѣ—а время это не за горами,—они воспримутъ ее, какъ восприняли ее японцы, но при этомъ останутся китайцами. Вооруженные всѣми средствами европейской образованности, многочисленныя, трезвыя, трудолюбивыя, неприхотливыя, терпѣливыя, способныя ко всякому дѣлу и страстные патріоты китайцы составятъ тогда великій народъ, съ которымъ трудно будетъ мѣряться всякой другой націи. Въ этомъ многіе европейцы видятъ такъ называемую „желтую опасность.“

IV.

Китайская деревня и китайскіе крестьяне. — Китайскій городъ и его населеніе.

Въ собственномъ Китаѣ населеніе такъ плотно, что въ среднемъ на 1 кв. к. приходится 103 ч. (въ Европѣ на 1 кв. к. приходится въ среднемъ 40 ч.). Но если вспомнить, что значительная часть страны, особенно на югѣ и востокѣ, занята горами, то станетъ ясно, какъ мало удобной для обработки земли имѣютъ въ своемъ распоряженіи китайцы. Между тѣмъ, какъ ни развита при ихъ культурѣ промышленность, все-таки она носитъ кустарный характеръ,—болшія фабрики и заводы съ машинами, паровыми и электрическими двигателями только еще заводятся въ Китаѣ,—и предметы выдѣлки китайской промышленности служатъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, а не для вывоза за границу. Какъ въ древнѣйшія времена, такъ и теперь еще большая часть китайскаго народа добываетъ себѣ средства къ жизни воздѣлываніемъ земли, и это занятіе считается тамъ наиболѣе почетнымъ. Извѣстно, что весной, въ праздникъ, посвященный земледѣлю, самъ императоръ берется за плугъ, проводитъ имъ нѣсколько бороздъ, а императрица кидаетъ въ

нихъ сѣмена... Но при густомъ населеніи, земли не хватаетъ на всѣхъ, и она раздроблена на множество мелкихъ клочковъ, которыми крестьяне владѣютъ на правѣ частной собственности, хотя и считается, что вся земля составляетъ собственность императора, а сидящіе на ней крестьяне только вѣчные арендаторы, которые уплачиваютъ ему за пользованіе землей поземельный налогъ. Такъ какъ въ Китаѣ не было и нѣтъ дворянства, то нѣтъ и крупныхъ частныхъ владѣній. Мѣрою земли въ Китаѣ является „мау,“ составляющая 631 кв. метръ (около $\frac{1}{17}$ десятины). Раздробленность земли такъ велика, что семья, владѣющая 50 мау (около 3 десятинъ), считается состоятельною, и немудрено, что цѣна одного мау доходитъ до 200 р., особенно вблизи городовъ. „Легче всего купить вѣсь чаю, и труднѣе всего одну мау поля,“ говоритъ китайская пословица. Оттого большинство крестьянъ въ Китаѣ владѣетъ мелкими участками, по нашему въ 1 или даже $\frac{1}{2}$ десятины. Стѣсненные землей, которой на каждую семью приходилось съ каждымъ поколѣніемъ все меньше и меньше, не желая въ то же время бросить ее и стать совершеннымъ пролетаріемъ, китайскіе крестьяне уже давно научились обрабатывать землю такъ, какъ того не сумѣетъ европеецъ, несмотря на свои научныя познанія. Въ населенныхъ областяхъ Китая поля воздѣлываются съ такимъ стараніемъ, какъ въ Европѣ огороды, и ни одинъ клочекъ почвы не пропадаетъ безъ пользы. Завѣтная мечта каждого бѣднаго китайца—это пріобрѣсти клочекъ земли, и въ борьбѣ за нее онъ не отступаетъ ни передъ какими препятствіями и затратами. Въ гористыхъ областяхъ по сосѣдству рѣкъ бѣдняки, усталые послѣ дневной поденщины, собравъ послѣднія силы, таскаютъ въ корзинахъ на каменистые склоны холмовъ и горъ, которые предварительно превращены въ террасы, рѣчной иль и покрываютъ почву тонкимъ слоемъ его. День за днемъ въ теченіе многихъ лѣтъ совершаетъ китайскій кули эту каторжную работу, въ надеждѣ завести себѣ черезъ нѣсколько лѣтъ небольшое поле или огородъ. Во многихъ мѣстахъ китайцы даже ухитрились устроить плавучіе сады и огороды. Для этой цѣли сооружается изъ бревенъ плотъ въ видѣ длиннаго и широкаго плоскаго ящика, дно котораго покрываютъ слоемъ почвы. Самъ хозяинъ такого рѣчного огорода живетъ возлѣ него въ лодкѣ или небольшой баркѣ. Десятки и сотни тысячъ китайцевъ рождаются, живутъ и умираютъ на этихъ плавучихъ огородахъ, рѣдко сходя на берегъ. При обработкѣ поля китаецъ обращаетъ главное вниманіе на удобреніе и орошеніе его. Прежде всего онъ хлопочетъ объ орошеніи, для чего проводитъ воду изъ ближайшей рѣчки или озера, а если участокъ его лежитъ выше уровня воды, то крестьянинъ подымаетъ воду разными способами—насосами и плотинами. Для удобренія пользуются всѣмъ, чѣмъ можно. Зимой обычное занятіе крестьянъ это сборъ навоза по проѣзжимъ дорогамъ. Въ тепломъ халатѣ, съ корзиной въ одной рукѣ и лопаткой въ другой бродитъ онъ цѣлый день, подбирая всякій соръ. Такъ какъ поля не велики, то крестьяне не чувствуютъ особенной надобности въ рабочемъ скотѣ. Конечно, каждый изъ нихъ былъ бы радъ имѣть лошадь, корову, но большею частью земли хватаетъ только для собственнаго прокормленія, и нѣтъ возможности отдѣлать часть подъ лугъ или выгонъ. Потому изъ домашнихъ животныхъ чаще всего встрѣчаются свиньи, мясо которыхъ составляетъ любимую пищу китайцевъ, хотя они съ неменьшимъ удовольствіемъ ѣдятъ собачье и кошачье мясо. Крупный рогатый скотъ встрѣчается въ Китаѣ очень рѣдко, мяса его китайцы не любятъ, а къ коровьему молоку и всякимъ молочнымъ продуктамъ питаютъ даже отвращеніе. Не имѣя рабочаго скота, китайскій крестьянинъ обрабатываетъ свое поле собственными руками съ помощью семьи. Проѣзжая по дорогѣ, сплошь и рядомъ можно видѣть, какъ пашутъ землю на людяхъ. Большею частью въ соху впрягаютъ женщинъ—жену, сестру, мать. Несмотря на то, что обработка земли производится самыми простыми и первобытными орудіями, поле воздѣлано такъ, что больше того, что оно приноситъ, китаецъ не выжметъ изъ него, сколько бы ни старался. Сѣмена онъ не разбрасываетъ по полю, какъ дѣлаютъ наши крестьяне, а сажаетъ каждое отдѣльно въ ямочку, за каждымъ колосомъ онъ ухаживаетъ, выпалывая поле, какъ у насъ огородъ;

каждое растение поливаетъ, обрываетъ увядшіе листья, оправляетъ помятые... И все-таки большинство китайскихъ крестьянъ живетъ въ страшной нищетѣ, на краю голодной смерти, въ жалкихъ вонючихъ лачугахъ. „Между мазанками, которыя по ихъ устройству вѣрнѣе всего было бы назвать жалкими хлѣвами,—тѣмъ болѣе, что здѣсь же съ людьми помѣщаются и животныя, проходятъ узенькіе, горбатые переулочки; эти жилища невообразимо малы, низки и тѣсны; при нѣкоторыхъ имѣются грязные дворики въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ, но и такими пользовались не всѣ домовладѣльцы, а домики лѣпятся другъ къ другу вплотную. Запахъ ѣдкаго дыма, которымъ пропитались сложенные изъ камня стѣны и соломенные крыши, наполняетъ весь воздухъ переулковъ. Люди имѣютъ ужасающей, бо-

Китайскіе кули въ соломенныхъ плащахъ.

лѣзненный видъ; одѣты... впрочемъ, они совсѣмъ не одѣты, а прикрыты невообразимо грязными тряпками; люди, ослы и свиньи сбились въ однихъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ воздухъ до густоты пропитанъ органическими испареніями... вотъ условія жизни, какую проводятъ здѣсь эти несчастные люди, не знающіе ничего въ своей жизни, кромѣ заботъ о томъ, чтобы сегодня не умереть съ голоду до завтра, отъ завтра до послѣзавтра, и такъ далѣе...“ Такиими чертами рисуетъ путешественникъ китайскую деревню.

Но, сколько ни тѣснятъ китайскіе крестьяне на своей землѣ, въ концѣ концовъ ея не хватаетъ, и лишніе должны уйти и искать себѣ работы насторонѣ. Вотъ эти-то лишніе

люди бродятъ по всему Китаю въ вѣчныхъ поискахъ за работой, вѣчно голодные. Они хватаются за все, чѣмъ можно промыслить себѣ чашку рису и луковицу чесноку на дневное пропитаніе, и всетаки не всегда въ состояніи добыть эту жалкую пищу. Въ городахъ и селахъ они служатъ въ качествѣ носильщиковъ (особенно въ гористомъ южномъ Китаѣ), перевозчиковъ, погонщиковъ, проводниковъ, лодочниковъ, курьеровъ, исполняя собственными руками и ногами работу воловъ, лошадей, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Они же работаютъ на плантаціяхъ и поляхъ. Нѣтъ работы, — кули превращается въ мусорщика и собираетъ по дорогамъ мусоръ, падалъ, подбираетъ на улицахъ города рваную бумагу, тряпки, осколки, обрѣзки. Если ему цѣной жестокихъ лишеній удалось скопить нѣсколько рублей, онъ принимается за мелкую торговлю; если судьба одарила его какимъ нибудь талантомъ, онъ пускаетъ въ ходъ его и превращается въ уличнаго рассказчика, гадальщика, фокусника, акробата, музыканта. „Трудно себѣ вообразить, какой несчастный, жалкій скотъ представляютъ изъ себя стада этихъ кули, настоящихъ вьючныхъ животныхъ, состоящія изъ бродягъ всѣхъ провинцій, скитающихся по Китаю, куда наймутъ, остающихся въ конечномъ пунктѣ безъ всякихъ средствъ и не имѣющихъ другихъ способовъ пропитанія, если нѣтъ клади, кромѣ какъ нищенство или разбой! Какую печальную картину представляетъ выступленіе каравана въ путь, когда люди, понукаемые надсмотрщиками, навьючиваютъ на себя кладь. Одѣтые въ невозможную рвань, сквозь которую вездѣ видно голое тѣло, покрытое грязью и рубцами—слѣды бамбуковыхъ палокъ—они кажутся не людьми, а жалкими скелетами, едва обтянутыми кожей! Съ усиліемъ поднимаютъ они свою ношу, испуская стоны, взваливаютъ ее на израненныя плечи или спину и бредутъ по топкой дорогѣ, взбираясь на отвѣсныя кручи горъ подъ палящими лучами солнца, качаясь подъ тяжестью груза, бредутъ до тѣхъ поръ, пока изнуреніе, дезинтерія или лихорадка не свалятъ ихъ среди дороги, и товарищи или надсмотрщикъ небрежно оттолкнутъ трупъ ногой и пройдутъ мимо, не выразивъ ни малѣйшаго сожалѣнія.“ Многие, болѣе счастливые собратья ихъ, приученные съ дѣтства къ какому-нибудь ремеслу, находятъ себѣ работу въ безчисленныхъ ремесленныхъ мастерскихъ и мелкихъ фабрикахъ. Работа вездѣ еще ручная *) и совершается по ветхозавѣтнымъ приемамъ съ помощью самыхъ простыхъ орудій. Здѣсь-то во всемъ блескѣ развертываются поразительныя способности китайскаго рабочаго — терпѣливая аккуратность и точность работы, вкусъ къ изящнымъ формамъ и сочетаніямъ красокъ. Въ тѣхъ работахъ, гдѣ не требуется силы, китайскій рабочій оставляетъ позади себя рабочихъ всѣхъ другихъ націй, не имѣя соперниковъ въ цѣломъ мірѣ. Кромѣ множества предметовъ, необходимыхъ въ жизни, китайскіе ремесленники изготовляютъ много предметовъ, находящихся себѣ сбытъ за границей, гдѣ изящная работа китайскихъ мастеровъ цѣнится очень высоко. Сюда относятся великолѣпно вышитыя ткани, разныя вещи изъ кости, дерева и камня, замѣчательная фарфоровая посуда, лакированныя вещи, плетенія изъ бамбука и соломы. Милліоны ремесленнаго люда ютятся по городамъ, гдѣ тѣсныя улицы и переулки представляютъ часто непрерывныя ряды лавокъ и мастерскихъ. „Среди тысячи переулковъ ремесленныхъ кварталовъ города Кантона, говоритъ одинъ путешественникъ, весьма мало найдется такихъ, въ которыхъ нельзя было бы, простирая руки въ обѣ стороны, достать одновременно обѣихъ противоположныхъ стѣнъ. По цѣлымъ часамъ бродилъ я по этому лабиринту, не въ состояніи разобрать, гдѣ я, и куда надо повернуть. Всѣ переулки тянутся по прямой линіи иногда на версту, къ нимъ примыкаютъ безчисленные боковые переулки, простирающіеся вдаль, насколько хватаетъ глазъ; всѣ похожи одинъ на другой. Площадей, бульваровъ, садовъ и въ поминѣ нѣтъ; нѣтъ также замѣчательныхъ зданій. Сотни тысячъ домовъ одинаковой постройки и почти той же величины скучены вмѣстѣ; они изъ сѣраго

*) Фабрики, устроенныя по европейски, возникаютъ въ самое послѣднее время.

камня и крыты обожженной черепицей, надъ которой не видать дымовыхъ трубъ. Большою частью эти дома одноэтажные и имѣютъ одну комнату, которая открывается прямо на улицу одной дверью, черезъ которую проникаетъ внутрь свѣтъ, потому что оконъ нѣту. Въ центрѣ города дома двухъэтажные, причѣмъ второй этажъ очень низенькій; туда поднимаются по крутой приставной лѣсенкѣ. Лишь нѣкоторыя китайскія общественныя зданія — театры, гостинницы, представляютъ болѣе значительныя по величинѣ, высокія и помѣстительныя постройки, но и въ нихъ нѣтъ на улицу ни оконъ, ни дверей, а есть ворота въ ширину всей стѣны. Если нужно запереть ихъ на ночь, въ отверстіе вставляють крѣпкіе вертикальные столбы, образующіе родъ рѣшетки, и закладываютъ ихъ поперечными брусьями. Только въ частныхъ домахъ увидишь двери на нашъ образецъ. Въ дѣловой части города такихъ мало, но чѣмъ дальше отъ нея, тѣмъ частныя жилища-особняки попадаются чаще, и тѣмъ самыя улицы становятся тише. Къ дверямъ обыкновенно ведутъ нѣсколько ступенекъ, самыя двери стоятъ раскрытыми настежь, но за ними, отступя на какой-нибудь метръ, возвышается деревянная переборка, закрывающая отъ глазъ прохожихъ внутреннюю часть дома. На этихъ деревянныхъ стѣнкахъ намалеваны обыкновенно пестрыя причудливыя изображенія двухъ духовъ, охранителей дома; на каменномъ порогѣ сидятъ нѣсколько женщинъ, а на скамьѣ, передъ деревянной переборкой отдыхаютъ слуги-китайцы. Я безпрепятственно проходилъ мимо этихъ привратниковъ во дворъ и въ большинствѣ случаевъ находилъ тамъ возлѣ самыхъ дверей извѣстное количество оружія нѣсколько старыхъ трезубыхъ копій, мечей и старинное огнестрѣльное оружіе. Другія двери ведутъ со двора въ цѣлый лабиринтъ строеній, бесѣдокъ, храминъ предковъ, кумиренъ и бассейновъ, составляющихъ жилище богатыхъ китайцевъ съ ихъ семействами и занимающихъ большое пространство. Снаружи оно бываетъ обнесено высокой сѣрой стѣной безъ оконъ; выходитъ что-то вродѣ отдѣльнаго города или крѣпости. Непосредственно къ такой стѣнѣ примыкають новые ряды образующихъ лабиринтъ переулковъ, въ которыхъ что ни домъ, то лавка. Въ переулкахъ господствуетъ вѣчный полумракъ. Съ крышъ домовъ черезъ улицу перекинуты рогожи и доски, а съ нихъ спускаются любопытныя китайскія вывѣски, висящія такъ низко надъ землею, что до нихъ легко достать рукой. Длинной онѣ до пяти метровъ и пестрѣютъ всевозможными красками, золотомъ и тушью. Горизонтальныхъ вывѣсокъ въ Китаѣ не знаютъ просто потому, что китайцы пишутъ не справа на лѣво, а сверху внизъ. Каждая болтающаяся вывѣска принадлежитъ одной лавкѣ. Въ Кантонѣ найдутся сотни переулковъ, въ которыхъ что ни домъ, то лавка, и расположены эти лавки такъ тѣсно, что отдѣляются другъ отъ друга лишь стѣной. Обыкновенно каждому особому роду торговли или промышленности соответствуетъ особая улица, носящая соотвѣтственное названіе. Мѣнялы, золотыхъ дѣлъ мастера, торговцы рѣдкостями, сапожники, портные, рѣзчики, торговцы бумагой, столяры, мѣдники и прочіе ремесленники всѣ имѣютъ свои собственныя улицы, гдѣ они не только выставляютъ свои издѣлія, но и изготовляють ихъ на глазахъ прохожихъ. Самыя роскошныя лавки являются единственными мѣстами въ Кантонѣ, гдѣ можно наблюдать роскошь. Обстановка ихъ возбудила бы вниманіе и въ европейскихъ городахъ. Великолѣпныя рѣзныя украшенія, представляющія сцены изъ Китайской исторіи, или превосходныя подражанія разнымъ цвѣтамъ, деревьямъ и выющимся растеніямъ, часто богато вызолоченныя и раскрашенныя, сгруппированы у входа, развѣшаны по стѣнамъ лавки и образуютъ въ глубинѣ ея родъ алтаря, въ серединѣ котораго возвышается пестро-размалеванное, причудливое изображеніе бога войны въ золотой рамѣ. Передъ нимъ горятъ лампы, и красуются букеты бумажныхъ цвѣтовъ. Подъ алтаремъ или у стѣны, въ глубинѣ лавки сидитъ самъ владѣлецъ за маленькимъ рѣзнымъ столикомъ, на которомъ обыкновенно лежатъ вѣсы для взвѣшиванія денегъ и счеты. Двери на улицу стоятъ во всѣхъ лавкахъ настежь — входи, кто хочетъ, хоть для покупки, хоть такъ. Китайскій купецъ будетъ до нельзя терпѣливо показывать всѣ свои товары каждому посѣтителю и такъ же терпѣливо настаивать на запрошенной цѣнѣ, хотя

подъ конецъ пойдеть на большія уступки. Лавки составляютъ какъ бы часть улицы. При оживленной уличной сутолокѣ, прохожіе, носильщики, рабочіе не могли бы иной разъ разойтись при встрѣчѣ, если бы не лавки, въ которыя всегда можно войти и такимъ образомъ дать дорогу другимъ и самому выждать, когда она очистится. Конечно, изъ-за этого многія лавки грязны: содержимое разныхъ посудинъ для нечистотъ, которыя носятъ обыкновенно на длинныхъ шестахъ на плечахъ, часто выплескивается на полъ въ лавкахъ съ прекрасными ювелирными или модными издѣльями, но люди здѣсь уже привыкли къ этому. Много страдаютъ владѣльцы лавокъ и отъ нищихъ. Послѣдніе не переходятъ изъ лавки въ лавку съ протянутой рукой, а прямо вымогаютъ милостыню разными орудіями пытки. Вотъ женщина съ ребенкомъ на спинѣ входитъ въ лавку и пронзительно звонитъ въ колоколь-

Китайскіе актеры.

чикъ надъ ухомъ владѣльца, пока онъ не подастъ ей милостыню; послѣ этого она переходитъ въ слѣдующую лавку. Здоровенный парень, Богъ вѣсть съ чего попавшій въ нищіе, въ свою очередь ходитъ изъ лавки въ лавку и стучитъ двумя гладкими твердыми дощечками, словно кастаньетами; еще одинъ нищій гремитъ желѣзнымъ листомъ, другой колотитъ двумя фарфоровыми черепками. А попробуй купецъ не подать, и хлопотъ не оберешься, потому что нищій состоитъ въ артели, члены которой крѣпко стоятъ другъ за друга. Иные купцы откупаются отъ артелей нищихъ ежемѣсячными взносами и получаютъ право вывѣшивать у дверей лавки разные знаки, при видѣ которыхъ члены артелей оставляютъ эту лавку въ покоѣ.

Безъ шума нѣтъ и улицъ въ Кантонѣ. Въ темныхъ узкихъ переулкахъ, какъ у насъ бываетъ подъ воротами, день деньской царитъ ужасающій шумъ, крикъ, гамъ, стукъ, трескотня,

Китайки за музыкальнымъ концертомъ

завыванья, барабанный бой и нивѣсть что. Молчать лишь собаки, истребители уличныхъ нечистотъ. Всѣ переулки хорошо вымощены, но поражаютъ грязью и зловоніемъ, благо въ Кантонѣ нѣтъ ни клоакъ, ни водопроводовъ. Всякій грязный сбродъ—нищіе, прокаженные, кули, такъ и кишать на улицахъ. Тяжести и ноши всѣхъ сортовъ, жидкости, тюки, корзины, мебель, разныя нечистоты—все проносится на плечахъ кули по этому темному лабиринту, и пѣшеходу рѣдко удается добраться до дому незапачканнымъ, необлитымъ. Китайцы лучшаго общества, мандарины, офицеры, дамы никогда не показываются въ этой части города. Если у нихъ есть тамъ дѣло, то они отправляются туда въ закрытыхъ, обтянутыхъ клеенкой носилкахъ, которыя тащатъ двое, трое или четверо кули. Послѣдніе пролагаютъ себѣ дорогу громкимъ крикомъ; разносчики и носильщики тоже не жалѣютъ глотки, нищіе гремятъ орудіями своего ремесла, а изъ лавокъ слышатся трескъ, визгъ пилы, стукъ молотковъ, удары въ гонгъ. Словомъ, на улицахъ и въ лавкахъ господствуетъ положительно адскій шумъ, слышатся всевозможные звуки, и происходитъ настоящая давка. Все, что только можно себѣ представить, творится прямо на улицахъ и въ лавкахъ, на глазахъ прохожихъ. Никакой тайны соблюсти въ дѣловомъ кварталѣ нельзя. Всѣ и каждый могутъ видѣть, какъ и что ѣсть другой, какъ одѣвается и раздѣвается, какъ спитъ, какъ моется, если вообще дѣлаетъ это, такъ какъ воды въ Кантонѣ мало. Въ лавкахъ люди сидятъ или лежатъ обыкновенно въ однихъ короткихъ темносинихъ штанахъ; многіе носятъ еще что-то вродѣ кофты, но столь же многіе ходятъ голыми до самаго пояса.

Машины, механическое производство въ Кантонѣ совершенно неизвѣстны. Промышленность здѣсь исключительно кустарная, и заняты ею большею частью мужчины; даже вѣера и великолѣпныя вышивки шелкомъ, лучшія въ свѣтѣ, все дѣло мужскихъ рукъ. Зато женщины держатъ въ своихъ рукахъ все огромное сообщеніе на лодкахъ.

Мнѣ было въ высшей степени интересно видѣть китайцевъ за работой. Съ невѣроятнымъ терпѣніемъ, удивительною ловкостью и большою силою выдѣлывали они на моихъ глазахъ всѣ тѣ чудесные предметы, которыми славятся Кантонъ въ Китаѣ и за границей. Безъ всякихъ механическихъ инструментовъ или машинъ, вродѣ нашихъ, китайцы однѣми руками съ поразительной тонкостью и точностью производятъ не только вышивки, вѣера, мелкія ювелирныя и чеканныя работы изъ серебра, но также выдѣлываютъ бронзу, фарфоръ, шьютъ платья, обувь, производятъ гравировальныя и эмалевыя работы.

По вечерамъ и ночью улицы остаются темными; поэтому каждый китаецъ принужденъ таскать съ собою въ вечернее время зажженный фонарь. Впрочемъ китайцы выходятъ вечеромъ изъ дому только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, такъ какъ послѣ заката солнца улицы съ обоихъ концовъ загораживаются желѣзными рогатками, рѣшетками или крѣпкими воротами и охраняются ночными сторожами, вооруженными копьями. Кромѣ того сторожа снабжены барабанами, металлическими треугольниками, которыми производятъ время отъ времени страшный шумъ. Манчжурскій городъ, гдѣ находятся дворецъ вице-короля, коменданта и всѣ судебныя учрежденія, окруженъ кромѣ того особой стѣной, а весь городъ вообще кольцомъ крѣпкихъ стѣнъ и валовъ, на которыхъ стоятъ сотни старыхъ, негодныхъ пушекъ. Эти стѣны, какъ впрочемъ и въ другихъ городахъ Китая, представляютъ замѣчательнѣйшее сооруженіе Кантона, такъ какъ сравнительно съ ихъ толщиной и высотой всѣ кумирни, дворцы и пагоды прямо жалки и едва достойны вниманія. Кантонъ, величайшій городъ Китая, правильнѣе было бы назвать величайшею деревней Срединнаго царства. Но таковы и остальные города Китая, не исключая Пекина. Всѣ они также плотно набиты людьми, жадно ищущими работы и готовыми работать за самую ничтожную плату. Замѣчательно, однако, что, какъ ни было скудно вознагражденіе китайскаго рабочаго, какъ бы тяжела ни была работа, тѣмъ не менѣе онъ всегда выполняетъ ее весело и бодро. Это одушевленіе во время работы поражало многіхъ европейцевъ, изучавшихъ Китайскій народъ, которые объясняютъ его тысячелѣтней привычкой и уваженіемъ къ труду. Мало того—многіе ремесленники-китайцы,

хотя работают ради куска хлѣба, до того увлекаются своимъ дѣломъ, что влюбляются въ него, наслаждаются выполнѣніемъ мастерства, какъ то бываетъ у художниковъ и артистовъ.

У.

Чай и его культура.

Однимъ изъ продуктовъ сельскаго хозяйства въ Китаѣ, который распространился отсюда по всему свѣту, является чай. Этотъ напитокъ въ короткое время завоевалъ себѣ почти весь міръ, и всякій, кто его пьетъ, будь то хоть самый невѣжественный человѣкъ, знаетъ, что чай привозится изъ Китая. Въ настоящее время чайное дерево (*Thea viridis*), представляющее видъ камеліи, разводится не въ одномъ только Китаѣ. Его съ успѣхомъ культивируютъ въ Японіи, на Малайскихъ островахъ, въ Индокитаѣ, Индостанѣ и на Цейлонѣ, а въ послѣднее время въ Америкѣ и Европѣ ¹⁾, но нигдѣ это растеніе не даетъ такого превосходнаго продукта, какъ на своей родинѣ, т. е. въ южномъ Китаѣ.

Количество его, вывозимое изъ Китая въ разныя страны, очень велико и достигло въ 1900 г. 83,4 мил. килограммовъ, что составляетъ нѣсколько болѣе 5 миллионныхъ пудовъ. Это главный продуктъ вывоза. Самые лучшіе сорта чаю производятъ южныя провинціи; чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ качество его падаетъ, и въ сѣверномъ Китаѣ культура чая становится уже невозможной. Листья чайнаго дерева становятся годными для обработки на третьемъ, на четвертомъ году, когда деревцо достигаетъ отъ 1½ до 2 арш. высоты и пересаживается изъ питомника на плантацію. Въ мартѣ мѣсяцѣ, когда свѣжая, нѣжная, какъ пухъ, зелень покрываетъ каждый кустикъ, каждое деревцо, когда южное солнце еще не успѣло раскалить воздухъ до такой степени, что людямъ трудно дышать, и каждый шагъ становится въ тягость, вы свободно взбираетесь на кругыя горы, съ половины и до верху унизанныя чайными плантаціями. Плантація состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ чайныхъ деревьевъ, аккуратно подвязанныхъ и тщательно подчищенныхъ. Между деревьями, разсаженными на ½ арш. одно отъ другого, нѣтъ сорныхъ травъ, все выхолоно, подчищено, и чистота и порядокъ образцовые. Каждая плантація обнесена плетнемъ, за которымъ непосредственно расположена плантація слѣдующаго владѣльца, и такъ до самой вершины горы. Ароматный воздухъ струится теплыми волнами среди нѣжной земли, и нѣтъ и слѣда той вони, которая всюду въ Китаѣ преслѣдуетъ чувствительное обоняніе европейца. Плантація пробуждается къ дѣятельности весною, когда деревца выкинутъ свои нѣжные листочки. Съ каждымъ днемъ эти нѣжные бархатистые листочки увеличиваются въ длину и ширину, и хозяинъ внимательно слѣдитъ за ихъ ростомъ, выжидая время, когда листъ достаточно развернется. Это очень важный моментъ,—если упустить время листъ закружится и потеряетъ свой ароматъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣну. Въ день сбора хозяинъ плантаціи, его семья и рабочіе разсыпаются по ней съ легкими, плетеными изъ бамбука корзинами. Они общипываютъ каждое деревцо до чиста и складываютъ содержимое своихъ корзинокъ въ большую цилиндрическаго вида корзину, поставленную гдѣ нибудь въ тѣни навѣса.

Первый сборъ даетъ самые нѣжные и ароматичные листья, за которые чайный фабрикантъ платитъ плантатору всего дороже. Спустя нѣсколько времени деревцо вновь одѣвается листвою, и тогда производятъ второй сборъ. Всего въ лѣто бываетъ 3—4 сбора, причемъ продуктъ становится съ каждымъ разомъ все грубѣе и цѣнится ниже, потому что идетъ на приготовленіе дешевыхъ сортовъ.

¹⁾ У насъ въ Россіи чайныя плантаціи существуютъ на кавказскомъ берегу Чернаго моря.

Въ Китаѣ, какъ извѣстно, господствуетъ мелкое землевладѣніе, поэтому и чайныя плантаціи, въ большинствѣ случаевъ представляютъ небольшіе участки съ нѣсколькими дожинами деревьевъ. Бѣдно живетъ плантаторъ съ семьей, питаясь рисомъ, овощами, рѣдко когда мясомъ, и работая притомъ на своей плантаціи съ ранняго утра до поздняго вечера, не жалѣя силъ. Такъ въ знойное лѣтнее время китаецъ на собственныхъ своихъ плечахъ, обливаясь потомъ, таскаетъ на гору изъ рѣки воду для поливки деревьевъ. Собранныя съ плантацій груды чайныхъ листьевъ сбываются на чайныя фабрики. Запасшись достаточнымъ количествомъ сырого продукта, фабрикантъ приступаетъ къ фабрикаціи чая, чѣмъ, впрочемъ, занимается не онъ самъ, а наемные рабочіе подъ его надзоромъ. Чайныя фабрики, если только этимъ словомъ можно назвать убогіе, кое какъ сложенные изъ сырцоваго кирпича домишки, вѣрнѣе сараи, находятся въ городахъ. Зданія эти ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ жилыхъ помѣщеній съ ихъ заклеенными бумагой окнами и единственною дверью. Грязь и вонь царятъ всюду, особенно въ закоулкахъ, гдѣ въ ожиданіи начала „производства“ ютятся рабочіе,—полунагіе, жалкіе кули. Надъ дверью болтается вывѣска, указывающая на то, что зданіе это—чайная фабрика, и хорошо знающій грамоту китаецъ, постоявъ нѣсколько минутъ передъ нею, прочтетъ начертанные по черному фону красные или золотые іероглифы, гласящіе, что сія чайная фабрика принадлежитъ какому нибудь хранимому Небомъ Ченмы-юю.

Какъ только груды листьевъ доставлены на фабрику, группы кули, оставляютъ свои трубки и принимаются за дѣло. Они высыпаютъ чайныя груды на разостланныя по двору циновки и, взобравшись на нихъ, начинаютъ топтать зелень своими мускулистыми и отнюдь не отличающимися чистотой ногами. Эта операція имѣетъ цѣлью удалить изъ листьевъ острый эфирный сокъ, который придавалъ бы чаю непріятный, вяжущій вкусъ. Послѣ довольно продолжительной пляски, чайная груда становится значительно ниже и листья потеряли свой прежній видъ: они стали темнѣе и блестятъ, точно ихъ омыли водой. Рабочіе убираютъ ихъ затѣмъ въ цилиндрическія корзины и ставятъ на нѣсколько дней въ тѣнистое мѣсто, гдѣ чайный листъ начинаетъ бродить, почти разлагаться, пріобрѣтая въ это время чайный вкусъ и аромат. Фабрикантъ внимательно слѣдитъ за броженіемъ чая, чтобы не дать ему перебродить, такъ какъ иначе товаръ его испортится и будетъ оцѣненъ куда ниже. Послѣ броженія чайныя груды высыпаютъ тонкимъ слоемъ на разостланныя на дворѣ циновки, на солнопекѣ, и даютъ имъ подсохнуть.

Солнце быстро дѣлаетъ свое дѣло, такъ что въ скоромъ времени всѣ листочки подсохли и при этомъ скрутились, измѣнивъ свой темнозеленый цвѣтъ на сизо-черный. Однако солнце отнюдь не всегда оказываетъ свою помощь чайному фабриканту, хотя онъ усердно задабриваетъ духа погоды, сжигая въ его честь въ воздухѣ трескучія ракеты. Тогда чайный листъ сушатъ на угольяхъ, для чего употребляютъ особыя цилиндрическія двойныя корзины съ перехватомъ посрединѣ, гдѣ находится плетеная перегородка, отдѣляющая верхнее отдѣленіе отъ нижняго. Корзины ставятъ надъ кучками подернутыхъ золой угольевъ и ссыпаютъ чай въ верхнія отдѣленія, гдѣ онъ сохнетъ отъ жара углей. Такая просушка сильно отзывается на качествѣ чая, потому что, какъ бы осторожно ни нагрѣвали листья, всетаки они не могутъ высохнуть на угольяхъ такъ же хорошо, какъ на солнцѣ, нерѣдко поджариваются и вмѣсто сизо-зернаго цвѣта получаютъ рыжеватый оттѣнокъ. Кромѣ этого фабрикантъ терпитъ въ этомъ случаѣ еще убытокъ, потому что уголья надо покупать, а они въ Китаѣ дороги.

Но вотъ чайный листъ достаточно просушенъ и лежитъ подъ навѣсомъ черной растрепанной грудой. Тутъ его подвергаютъ новой проминкѣ ногами, но менѣе продолжительной, потому что сухіе листочки хрупки и отъ долгой пляски по нимъ могли бы раскрошиться въ порошокъ. Послѣ пляски груда стала ровнѣе—крупные листочки пообломались и перестали выдѣляться изъ кучи. „Уборка“ чая стала ровнѣе и мягче, и горсть его, захваченная изъ кучи, уже не колетъ такъ ладонь, какъ было прежде. Теперь фабрикантъ при-

стуетъ къ сортировкѣ своего товара и разбиваетъ его, смотря по желанію, на 3—4 сорта. Для этого всю грудку чая послѣдовательно просѣиваютъ черезъ нѣсколько рѣшетъ съ разнымъ отверстіемъ сѣтки, пока не получатся кучи разнаго размѣра листа. Но такъ какъ сквозь частое рѣшето проскочили бы не только мелкіе, молодые, свернувшіеся въ тонкую трубочку листочки, которые считаются за свой ароматъ лучшими, но и обломки большихъ грубыхъ листовъ, то ихъ надо раздѣлить, для чего каждый сортъ чая пускается на вѣялку. На вѣялкѣ чайки разлетаются въ разныя отдѣленія ея,—легкія отвѣваются дальше, грубыя и съ ними обломки вѣточекъ и черешковъ падаютъ ближе, а чайная пыль выносятся вовсе вонь. Такимъ образомъ вѣялка разбила каждый сортъ чаю на новые сорта. Но и она не безъ грѣха, и въ число нужныхъ трубчатыхъ листочковъ попалъ не мало тонкихъ черешковъ. Казалось бы, они не должны измѣнить достоинства чая, но люди, знающіе толкъ въ чайхѣ, считаютъ присутствіе ихъ совершенно излишнимъ, такъ какъ такіе черешки придають чаю вяжущій вкусъ. Этихъ непрошенныхъ гостей можно удалить только ручной отборкой, которая представляетъ собою чисто египетскую работу и потому ввѣряется терпѣливымъ и ловкимъ рукамъ работницъ. Онѣ садятся за длинные столы, ставятъ передъ собой оклеенный бѣлой бумагой подносъ и, насыпая туда чай, цѣлые дни перебираютъ его пальцами, вылавливая оттуда корешки и прутики, которые ссыпаются въ особую корзину и идутъ либо на приготовленіе кирпичнаго чая, либо подмѣшиваются къ дешевымъ сортамъ чая.

Разобранный и очищенный чай почти готовъ. “Уборка“ его ровна и красива, почти всѣ листки пригнаны къ одной величинѣ и плотности, и остается только придать имъ одинъ общій тонъ. Для этого чай еще разъ подсушиваютъ, поджариваютъ на угольяхъ, но очень осторожно, чтобы не испортить почти готовый товаръ. Вмѣстѣ со своимъ помощникомъ фабрикантъ то и дѣло переходитъ отъ одной корзины къ другой, помѣшивая чай и наблюдая, чтобы все поджаривалось ровно и не подгорѣло. При этой операціи требуется большая сноровка, ибо пережженный чай ничемъ уже нельзя исправить. Изъ корзины чай выходитъ тепленькій; онъ совершенно готовъ, и теперь его ссыпаютъ въ сарайчикъ гдѣ нибудь въ сухомъ мѣстѣ въ досчатый ларь. Остается только упаковать его въ ящики, назначить цѣну и отправить въ Ханькоу или Шанхай, гдѣ европейскіе и китайскіе чайные торговцы уже ждутъ появленія на рынкѣ „первосборнаго“ чая. Выложенные свинцовой бумагой, ярко-раскрашенные ящики наполняются свѣжимъ чаемъ. „Это работа настолько спѣшная, что ею занимаются день и ночь; ночью она особенно эффектна. На сей разъ знакомый намъ сарай освѣщенъ нѣсколькими плошками, въ которыхъ шипя и треща горитъ чайное масло; какой то красноватый цвѣтъ разливается всюду. . . Большіе бумажные фонари, какъ свѣтлые пузыри, привѣшанные тамъ и сямъ къ потолку, покачиваются отъ легкаго сквознаго вѣтра и дѣлаютъ общій видъ сарайчика еще уродливѣе, а освѣщеніе еще фантастичнѣе. . . И безъ того господствующая всюду тѣснота увеличивается еще болѣе разставленными всюду рядами пустыхъ ящиковъ для чая. Чумазые китайцы-работчіе съ криками, бранью и несмолкаемымъ говоромъ, суется въ этой тѣснотѣ и далеко неграціозно шагая черезъ ящики и разные предметы, разставленные всюду, дополняютъ собой общую хаотическую картину. . . То и дѣло закидывая за спину докучливую косу, китайцы захватываютъ чай небольшими корзинами изъ общаго его помѣщенія и разсыпаютъ по ящикамъ, при этомъ время отъ времени они вскакиваютъ въ ящикъ, утапывая чай ногами, чтобы онъ плотнѣе ложился. . . Мелкая пыль отъ пересыпаемаго чая носится въ воздухѣ, ложась тонкимъ слоемъ на вспотѣвшее тѣло рабочихъ, пыль эта забирается и въ носъ, почему то здѣсь, то тамъ безпрестанно раздается громкое чиханье. Наполненный доверху ящикъ снабжается краснымъ ярлыкомъ, носящимъ у насъ названіе „карты“, онъ кладется сверху чая и гласитъ о необыкновенно пріятномъ вкусѣ и мягкости чая, именуемаго ну хоть бы Чень-мы-юй. Та же карта рекомендуетъ этотъ чай „многоуважаемому русскому купечеству“ самымъ безграмотнымъ русскимъ

языкомъ или же на ней отпечатано нѣсколько китайскихъ іероглифовъ съ изображеніемъ по большей части какого-то пѣтуха, одареннаго необыкновенно раскидистымъ хвостомъ и гордо поднятой вверхъ миниатюрной головкой. Послѣ карты съ рекомендаціей или пѣтухомъ накладывается крышечка изъ плотнаго свинца, затѣмъ ящикъ заколачивается деревянной крышкой съ изображеніемъ розана, надъ которымъ порхаетъ бабочка.“

Въ Китаѣ знатоки различаютъ до 700 сортовъ чаю, но не всѣ они вывозятся за границу. Туда вывозятъ главнымъ образомъ разные сорта *чернаго чаю*, который лучше выдерживаетъ перевозку, чѣмъ болѣе нѣжный зеленый чай. Самые грубые сорта, вѣрнѣе отбросы, идутъ на выдѣлку кирпичнаго чаю, который называется такъ, потому что изготовляется въ видѣ плотноспрессованныхъ кирпичей. Кирпичный чай въ Китаѣ не употребляется, а вывозится въ Центральную Азію, гдѣ неприхотливые монголы и киргизы распиваютъ его по своимъ юртамъ въ видѣ особой похлебки, такъ какъ къ заваренному чаемъ кипятку прибавляютъ соль, масло, муку и молоко. Въ степи кирпичный чай играетъ роль монеты.

Въ Китаѣ чай заваривается совсѣмъ иначе, чѣмъ у насъ. Китаецъ съ отвращеніемъ отвернулся бы отъ нашего стакана крѣпкаго чая съ сахаромъ, да еще съ лимономъ. Онъ завариваетъ свой чай не въ чайникѣ надъ самоваромъ, а въ изящной фарфоровой чашкѣ съ крышкой въ видѣ блюдца. Кинувъ въ нее нѣсколько чаинокъ, китаецъ обвариваетъ ихъ кипяткомъ и, давъ постоять подъ блюдцемъ, сдвигаетъ слегка послѣднее и пьетъ черезъ образовавшуюся щелку блѣдно-желтый, почти безцвѣтный напитокъ, конечно безъ сахара. Европейцы почти не чувствуютъ вкуса чая, приготовленнаго по китайски, но привычные китайцы легко улавливаютъ его вкусъ и ароматъ, который цѣнятъ особенно велико. Такой чай китайцы пьютъ походя, при всякомъ удобномъ случаѣ, и ужъ непременно угощаютъ имъ гостя.

VI.

Китайская семья.—Китайская школа и экзамены на ученія степени.

Китай можно назвать обширной школой терпѣнія, повиновенія и единенія. Качества эти свойственны китайцамъ въ большей степени, чѣмъ какому либо другому народу въ мірѣ, и благодаря имъ Китай продолжаетъ существовать, въ то время, какъ другіе ровесники его—Египетъ, Вавилонъ, Персія, Римская имперія,—одинъ за другимъ сходили съ міровой сцены и оставили по себѣ память только въ исторіи, да на стѣнахъ развалинъ своихъ городовъ. Эти свои исконныя добродѣтели китаецъ, положительно можно сказать, всасываетъ съ молокомъ матери, онъ живетъ подъ сѣнью ихъ всю жизнь и глубоко увѣренъ, что по смерти его дѣти, внуки и правнуки будутъ слѣдовать тѣмъ же стародавнимъ правиламъ жизни, которымъ повиновался онъ. Многое мѣнялось въ Китаѣ; династіи смѣняли другъ друга, появлялись новыя моды, распространялись новыя религіи, но семейно-родовой бытъ сохранился такъ же крѣпко, какъ въ тѣ отдаленныя времена, когда китайцы впервые появились въ низменности Хуанъ-хэ. Даже болѣе того: этотъ бытъ пустилъ еще болѣе крѣпкіе корни въ душу китайскаго народа, потому что множество китайскихъ ученыхъ и правителей безпрестанно проповѣдывали основы его народу. И дѣйствительно, китайская семья крѣпко утверждена на терпѣніи, повиновеніи и единеніи, и на этихъ же трехъ китахъ держится все Китайское царство.

Въ древности религія китайцевъ состояла въ почитаніи духовъ предковъ. Подобно другимъ первобытнымъ народамъ китайцы вѣрили, что неуважительное отношеніе къ душамъ умершихъ (отца, дѣда, старшаго брата) накликать ихъ мечь на всю семью, на весь

родъ. Старшій въ родѣ отвѣчалъ за исправныя жертвоприношенія и почтеніе къ умершимъ. Въ свою очередь онъ самъ при жизни являлся главой семьи и, какъ патріархъ ея, встрѣчалъ повиновеніе отъ всѣхъ членовъ ея. Власть старшаго въ родѣ и въ семьѣ укрѣплялась такимъ образомъ и жизнью и религіей, такъ что сохранилась до сихъ поръ во всей неприкосновенности, и отецъ пользуется неограниченною властью надъ остальными членами семейства. Повиновенію старшимъ маленькій китаецъ учится съ первыхъ лѣтъ осмысленной жизни, потому что всѣ порядки въ домѣ основаны на этомъ. Въ школѣ, едва онъ принимается за ученіе, ему постоянно твердятъ то же самое учителя и прописи. Принявшись за изученіе сочиненій великихъ китайскихъ писателей и ученыхъ, онъ опять таки слышитъ, что весь порядокъ въ мірѣ долженъ основываться на повиновеніи и почтеніи къ старшимъ.

Богатые китайцы за куреніемъ опиума.

Научившись этимъ добродѣтелямъ, онъ глубоко проникается ими и, не разсуждая, живетъ по старымъ правиламъ и обычаямъ, научая тому же своихъ дѣтей.

По обычаю права старшаго неограниченны. Отецъ можетъ убить сына или дочь, продать въ рабство, закабалить на срокъ, изгнать изъ дому и подвергать всякимъ наказаніямъ, потому что въ Китаѣ почти нѣтъ законовъ, которые ограничивали бы власть отца надъ своими дѣтьми. Дѣти обязаны безпрекословно повиноваться, и всякое сопротивленіе волѣ родителей осуждается обычаемъ и карается закономъ, который назначаетъ самую жестокія казни не только за убійство, но даже за побои и другія оскорбленія, нанесенныя сыномъ отцу, матери или старшему брату. Права отца уважаются до того, что приговоренный къ казни преступникъ получаетъ помилованіе, если окажется, что онъ единственный сынъ

и опора престарѣлыхъ родителей. Конечно, въ обыденной жизни многое нарушается и сходить виновнымъ съ рукъ; случается, что глава дома имѣеть много недостатковъ—напр. онъ расточителенъ, сварливъ, не уменъ, лѣнивъ, словомъ, обладаетъ качествами, которыя не внушаютъ уваженія къ нему. Въ такихъ случаяхъ взрослые дѣти нерѣдко довольствуются только выраженіемъ внѣшняго почтенія, а иногда, неприученные родителями къ родственнымъ чувствамъ, относятся къ нимъ небрежно и равнодушно. Однако въ общемъ это наблюдается въ Китаѣ рѣже, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ 1865 г. произошелъ случай, который показываетъ, какъ жестоко законъ караетъ за непочтеніе къ родителямъ: императору доложили, что нѣкій китаецъ Хаонъ-Ан-чинъ при участіи жены побилъ свою мать. Оба виновные были осуждены и понесли слѣдующія наказанія—съ нихъ съ живыхъ содрали кожу, тѣла сожгли, золу истолкли въ порошокъ и разсѣяли по вѣтру. Но кара закона постигла не однихъ прямыхъ виновниковъ преступленія: отецъ преступника, его дядя и два старшихъ брата были повѣшены, дѣда обезглавили, а всѣ сосѣди, не остановившіе и не донесшіе о преступленіи, были наказаны изгнаніемъ. Тому же наказанію подверглись старшина ученыхъ низшей степени, къ которымъ принадлежалъ преступникъ, и мать преступницы, которой кромѣ того нацарапали на лицѣ надпись, объясняющую, какъ плохо она воспитала свою дочь. Чиновники, въ округѣ которыхъ произошло преступленіе, были на время смѣщены съ должностей, и обо всемъ случаѣ власти напечатали особое объявленіе, которое было приказано распространить по всему царству. Понятно, что отцеубійство карается еще строже. Въ этомъ случаѣ наказанія задѣваютъ еще большее число лицъ, такъ что, напр. въ числѣ другихъ смертной казни чрезъ обезглавленіе подвергается первый школьный учитель преступника. Впрочемъ, преступленія противъ старшихъ случаются въ Китаѣ очень рѣдко; гораздо чаще приходится слышать о разныхъ случаяхъ сыновней почтительности къ родителямъ, о чемъ ближайшія власти доносятъ высшему правительству, которое присуждаетъ отличившемуся или отличившейся какую нибудь почетную награду и объявляютъ о случившемся по всей Имперіи. По смерти отца мѣсто его занимаетъ старшій братъ, который замѣняетъ покойнаго во всѣхъ случаяхъ, особенно же въ дѣлѣ семейнаго служенія духамъ умершихъ. „Чествуя усопшихъ родителей, сынъ усиливаетъ свою любовь къ нимъ, усиливаетъ сознаніе справедливости, слѣдовательно, всѣ качества, которыя служатъ залогомъ его благоденствія и долготѣія,“ учитъ Конфуцій. „Отецъ долженъ быть милостивъ, учить далѣе китайскій мудрецъ, а сынъ почтителенъ; старшій братъ долженъ быть ласковъ, а младшій покоренъ; мужъ долженъ быть вѣренъ, а жена послушна; старшій долженъ быть снисходителенъ, а младшій послушенъ; государь долженъ быть челоуѣколюбивъ, а чиновникъ преданъ—вотъ десять видовъ справедливости.... Въ поднебесной пять коренныхъ отношеній: между государемъ и чиновниками, между родителями и дѣтьми, мужемъ и женой, старшими и младшими братьями, между друзьями, и вездѣ главная добродѣтель—повиновеніе.“

Подчиняясь во всемъ волѣ родителей, вообще старшихъ, китаецъ предоставляетъ имъ рѣшеніе своей судьбы во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни. Конечно, такое подчиненіе часто происходитъ только для виду, напр. когда сынъ умнѣе и образованнѣе своего отца, но все же онъ соблюдаетъ обычай и старается убогаторить этимъ родителей. Главное событіе въ жизни китайца это его бракъ, и тутъ то родительская власть сказывается всего сильнѣе. Бракъ въ глазахъ китайца настолько священенъ и важенъ, что неженатаго безсемейнаго китайца положительно трудно встрѣтить. Это объясняется культомъ предковъ, который требуетъ продолженія рода. „Если у меня не будетъ дѣтей, и именно сыновей, разсуждаетъ китаецъ, то кто же позаботится о моей душѣ послѣ смерти, кто станетъ служить душамъ предковъ“? Кто одинокимъ жилъ на землѣ, тотъ не пользуется спокойствіемъ и довольствомъ послѣ смерти. Душа его—„блуждающая“, „странствующая душа“, а такой душѣ нѣтъ жертвъ. Поэтому, думаетъ китаецъ, родъ не долженъ пресѣчься, и

радуется, если у него много сыновей. Такимъ образомъ бракъ, по обычаю, сталъ дѣломъ обязательнымъ, притомъ до того, что китайцы стараются обезпечить своихъ дѣтей въ этомъ отношеніи заблаговременно, и потому нерѣдко случается, что родители сговариваютъ дѣтей еще въ малолѣтствѣ. Если сынъ опасно заболѣетъ, то родители торопятся обвѣнчать его до смерти, чтобы онъ умеръ женатымъ. Если это почему либо не удалось, то китайцы даже устраиваютъ вѣнчаніе послѣ смерти. Положимъ, въ семьѣ умираетъ мальчикъ—его хоронятъ. Но вѣдь онъ за гробомъ будетъ жить, расти (если не тѣломъ, то душой), сдѣлается, наконецъ, взрослымъ. Что-же ему за пріятность оставаться холостякомъ? Чтобы не оставить его безъ семьи, родные устраиваютъ ему посмертный бракъ слѣдующимъ образомъ: приискиваютъ дѣвочку, день рожденія и смерти которой соотвѣтствуетъ днѣмъ рожденія и смерти усопшаго мальчика. Въ день брака, куклу изображающую жениха, въ полномъ брачномъ нарядѣ несутъ въ домъ отца усопшей дѣвочки, откуда эта кукла возвращается въ домъ съ куклой, изображающей невѣсту. Въ домѣ усопшаго жениха повторяется вся церемонія, какая бываетъ при настоящихъ бракахъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда умираетъ уже помолвленнй юноша, его невѣста, по весьма распространенному въ Китаѣ обычаю, оставляетъ домъ своихъ родителей и поселяется въ домѣ родителей усопшаго. Выборомъ невѣсты завѣдуютъ всецѣло родители, такъ что случается, что будущіе мужъ и жена не только не были знакомы до свадьбы, но даже ниразу не видѣлись. Свахи въ этомъ дѣлѣ играютъ такую же роль, какъ у насъ въ прежнемъ мѣщанскомъ и купеческомъ быту. Случаются также разныя надувательства и продѣлки, имѣющія цѣлью сбыть съ рукъ „залежавшійся“ или „плохой товаръ“, т. е. невѣсту съ порокомъ—старую, уродливую или съ какой нибудь хронической болѣзнью. Но если даже этого не произошло, если родители жениха и онъ самъ довольны своимъ выборомъ, и молодая жена сумѣла угодить всѣмъ, все же и въ такомъ случаѣ жизнь ея нерадостная, потому-что положеніе женщины въ Китаѣ во всѣхъ отношеніяхъ тяжелое. Въ народѣ она пользуется еще бѣльшей свободой, потому-что ее цѣнятъ, какъ работницу, и кромѣ того сама работа оставляетъ ей больше свободы. Но въ зажиточныхъ семьяхъ всѣ женщины ведутъ затворническую жизнь на своей женской половинѣ, куда не имѣетъ права проникать никто посторонній, и не всегда допускаются даже ближайшіе родственники. Выходя замужъ, китайская дѣвушка мѣняетъ одну тюрьму на другую, худшую потому-что переходитъ въ чужую семью, гдѣ всякій помыкаетъ ею. Еще хорошо, если у нея рождаются дѣти, особенно сыновья. Въ противномъ случаѣ мужъ имѣетъ право взять себѣ вторую жену, и хотя первая жена пользуется по закону большими правами, но на дѣлѣ это рѣдко бываетъ такъ. Несчастливая отходитъ на второй планъ и терпитъ немало униженій, особенно отъ родителей мужа, противъ которыхъ даже мужъ не можетъ защитить ее, потому что сыновняя почтительность запрещаетъ ему противиться родителямъ. Тяжелое семейное положеніе китайской женщины является причиной того, что многія дѣвушки предпочитаютъ уклониться отъ брака какой бы то ни было цѣной—они или превращаются въ затворницъ или даже избавляютъ себя отъ будущихъ мученій добровольной смертью. Такъ въ 1873 г. въ одной деревнѣ близъ Вамноа утопилось восемь дѣвушекъ. Они надѣли праздничныя платья, привязали себя другъ къ другу и бросились въ рѣку Кантона.

Въ прежнія времена въ Китаѣ былъ распространенъ обычай, по которому жена добровольно сопровождала мужа въ могилу. Съ теченіемъ времени обычай этотъ вышелъ изъ употребленія, но зато для вдовы считается неприличнымъ выйти замужъ второй разъ. Добродѣтельныя вдовы, посвятившія остатокъ уединенной жизни гдѣ-нибудь близъ могилы мужа, пользуются большимъ почтеніемъ и нерѣдко удостоиваются послѣ смерти почетной награды: въ честь ихъ воздвигаются ворота съ надписями, повѣствующими о ихъ похвальномъ поведеніи. Жизнь китаянки становится нѣсколько болѣе сносною послѣ того, какъ подрастутъ дѣти, именно сыновья. Тогда она начинаетъ пользоваться нѣкоторымъ почетомъ и властью, потому что подъ ея начало на женской половинѣ поступаютъ жены сы-

новой и ихъ дѣти, на которыхъ старая, придавленная обидами, женщина нерѣдко вымещаетъ накопившуюся за годы страданій злобу.

Рожденіе ребенка всегда радостное событіе въ китайской семьѣ, хотя бы это была и дѣвочка. Къ дѣтямъ китайцы относятся внимательно и любятъ ихъ, но это не мѣшаетъ бѣднымъ родителямъ продавать ихъ въ голодный годъ въ рабство или даже избавляться отъ новорожденныхъ убійствомъ ихъ. Впрочемъ, такіе случаи рѣдки. Маленькій китайченочъ начинается учиться очень рано, на 5—6 году, чаще всего въ школѣ, рѣже дома. Первоначальная школа помѣщается въ городѣ, гдѣ-нибудь въ притворѣ храма или ремесленного клуба, и учителемъ чаще всего является неудачникъ китаецъ, провалившійся на государственномъ экзаменѣ. Вотъ какъ описываетъ одинъ путешественникъ китайскую школу: „Напротивъ моего дома находилась школа. Нижній этажъ ея занималъ самъ хозяинъ столяръ, день-деньской мастеровій ящики и сундуки, а верхній онъ отдавалъ въ наймы одному вольному учителю, у котораго обучалось до двухъ десятковъ косоглазыхъ китайчатъ. Учитель старикъ носилъ на носу очки невѣроятной величины, но, читая, глядѣлъ поверхъ нихъ. И всѣ учителя, какихъ я видѣлъ въ другихъ городахъ, носили очки,—не изъ-за слабости зрѣнія, а въ знакъ своей учености и ради пущей важности. Рядомъ съ учителемъ стоялъ столикъ, на которомъ лежала длинная, тонкая бамбуковая трость. Въ одномъ углу у задней стѣны стояла на метръ высоты отъ полу деревянная доска, покрытая іероглифами. Переводчикъ объяснилъ мнѣ, что на доскѣ написана похвала Конфуцію. Въ другомъ углу я замѣтилъ намалеванную на бумагѣ страшную рожу—это былъ портретъ того же Конфуція. Передъ доской и передъ рожей стояли горшечки съ пескомъ, въ которыхъ торчали курящіяся свѣчки. Ученики, входя въ классъ, продѣлывали поклонъ Конфуцію и учителю, затѣмъ выстроились передъ учителемъ въ рядъ и принялись громко выкрикивать за нимъ слова, которыя онъ имъ читалъ по книжкѣ. При этомъ они махали руками и прыгали съ ноги на ногу, такъ что длинныя косички болтались у нихъ за спиной, словно маятники. Въ одной рукѣ каждый держалъ красную полосу бумаги, покрытую письменами, въ которую иногда заглядывалъ. Время отъ времени вся длинноносая ватага возвращалась на свои мѣста. Въ сидячемъ положеніи дѣтямъ уже не такъ удобно было дрыгать ногами и махать руками, зато они вознаграждали себя, тряся головой, раскачиваясь туловищемъ и во все горло выкрикивая заучиваемое. Все это не мѣшало учителю въ очкахъ погружаться въ дремоту. Сначала онъ смотрѣлъ въ лежавшую у него на колѣняхъ книгу, затѣмъ начиналъ кивать головой, какъ фарфоровый болванчикъ, и, наконецъ, крѣпко засыпалъ, несмотря на весь крикъ и гамъ вокругъ. Но вотъ, среди урока вошелъ какой-то опоздавшій ученикъ, и остальные привѣтствовали его такими оглушительными криками, что учитель проснулся. Гнѣвно глядѣлъ онъ на опоздавшего, который робко приблизился къ портрету Конфуція и сдѣлалъ передъ нимъ земной поклонъ, затѣмъ продѣлалъ то же самое передъ доской, и, наконецъ, передъ учителемъ. Послѣдній, однако, оказалъ ему самый немилостивый пріемъ: схватилъ за шиворотъ, положилъ поперекъ своихъ колѣнъ и отдулъ бамбуковой тростью безъ всякой пощады. Остальные ученики не смѣли поднять глазъ. Выучивъ урокъ, каждый подходилъ къ учителю, подавалъ ему красную бумажку и отрапортовывалъ содержаніе, причемъ повертывался не лицомъ къ учителю, а спиной. У китайцевъ все шиворотъ на выворотъ.

Послѣдній урокъ былъ письменный. Передъ каждымъ ученикомъ на столикѣ лежали тетрадки изъ прозрачной бумаги, волосяная кисточка съ бамбуковой ручкой, и стояло блюдечко съ тушью. Учитель роздалъ прописи, ученики подложили ихъ подъ послѣдній листочекъ. Китайцы пишутъ не только сверху внизъ, но и начинаютъ съ послѣдней страницы, а не съ первой. Дѣти принялись обводить тушью контуры знаковь-словъ, просвѣчивавшихъ сквозь прозрачную бумагу. Китайцы не имѣютъ азбуки, т. е. знаки ихъ письма изображаютъ не звуки, не буквы, а цѣлыя слова. Такихъ знаковь въ китайскомъ языкѣ

насчитывается всего на всего болѣе сорока тысячъ, поэтому каждый изъ безчисленнаго множества знаковъ-словъ китайскаго языка состоитъ изъ многихъ черточекъ и значковъ, числомъ до тридцати и болѣе. Само собой понятно, что никакая человѣческая память не въ состояніи запомнить всѣхъ этихъ знаковъ, и обыкновенный китаецъ, считающійся грамотнымъ, знаетъ не болѣе нѣсколькихъ сотенъ ихъ, а потому можетъ читать не всякую книгу и даже не всякое объявленіе, повѣшенное на улицѣ. Люди, сдавшіе государственный экзамень, знаютъ нѣсколько тысячъ значковъ и могутъ читать уже болѣе число книгъ, но это искусство достается имъ цѣной долготѣлтныхъ усилій, на что иногда уходитъ полжизни.

Около 10 ч. ученіе было прервано на часъ. Мальчуганы собрали свои пожитки и разошлись по домамъ чинно, серьезно, а не съ веселымъ шумомъ и гамомъ, какъ наши школьники. Школьное помѣщеніе опустѣло, и проводникъ мой повелъ меня туда. Столы и сидѣнья не были запачканы, исцарапаны, изрѣзаны, какъ въ нашихъ школахъ, но поражали опрятностью и порядкомъ. На столѣ учителя лежала книжка, изъ которой онъ черпалъ свою ученость; ту же самую книжку я видѣлъ затѣмъ во всѣхъ школахъ въ Шанхаѣ, въ Нанкинѣ и во всѣхъ китайскихъ городахъ. Въ теченіе тысячелѣтія переходитъ она изъ поколѣнія въ поколѣніе въ качествѣ первоисточника всей китайской премудрости; авторъ ея былъ современникъ Карла Великаго. Я взялъ книжку въ руки съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ и не могъ надивиться, что тысячи милліоновъ китайскихъ школьниковъ начинали свое ученіе прямо съ философіи Конфуція. Первая фраза въ этомъ учебникѣ, изображенная странными іероглифами, читается такъ:

Чжэнь чжи цзу, синь бу шань
Синь сянь цзинь, си сянь этэнь,

что въ переводѣ значитъ:

Люди отъ рожденія по природѣ своей хороши,
Въ практической же жизни они сильно разнятся другъ отъ друга.

Затѣмъ слѣдовали глубокомысленныя разсужденія, какъ напр.

Существуютъ три основныя силы: небо, земля и человѣкъ.
Существуютъ три источника свѣта: солнце, мѣсяцъ и звѣзды.
Существуютъ три рода узъ: между государемъ и чиновниками—справедливость,
между сыномъ и отцомъ—любовь,
между мужемъ и женой—согласіе.

„Сначала нужно узнать цѣль, учить семилѣтній китайченокъ, къ которой должно стремиться, а потомъ рѣшить, какъ поступать. Рѣшивъ, какъ поступать, можно достигнуть спокойнаго состоянія ума. Достигнувъ спокойнаго состоянія ума, можно наслаждаться тѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ, котораго ничто не можетъ нарушить. Дойдя до этого состоянія невозмутимаго спокойствія, можно размышлять и составлять сужденія о сущности вещей. Размышляя и составивъ себѣ сужденіе о сущности вещей, можно достигнуть желаемаго совершенства“.

Послѣ этой книги китайчата выучиваютъ вторую, въ которой такъ же, какъ и въ первой, 1000 знаковъ. Вызубривъ 2000 знаковъ большинство дѣтей этимъ и оканчиваютъ свое школьное образованіе. Немногіе продолжаютъ его дальше, именно дѣти состоятельныхъ людей. Юноши, выдержавшіе низшій экзамень въ уѣздномъ городѣ, изучаютъ потомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ девять священныхъ книгъ, и въ числѣ ихъ книгу церемоній (Ли-цзи), въ которой изложено ученіе Конфуція о гуманности, объ управленіи государствомъ, о сыновнемъ благочестіи, а главное, о значеніи и формѣ разныхъ обрядовъ. Много лѣтъ уходитъ на изученіе этихъ книгъ, но зато, покончивъ съ ними, молодой китаецъ сдаетъ младшій госу-

дарственный экзаменъ въ областномъ городѣ и, при удачѣ, получаетъ третью, т. е. низшую ученую степень. Она даетъ ему право носить на шапкѣ золотой цвѣтокъ и титуловаться „сю-цей“, что значитъ „геній въ почкѣ“, а кромѣ того занимать низшія чиновничьи должности. Къ этому экзамену допускаются всѣ, кромѣ потомковъ слугъ, актеровъ, палачей и цирульниковъ. Въ маѣ 1895 г. въ г. Ханянь разыгралась слѣдующая исторія: въ числѣ экзаменовавшихся молодыхъ людей былъ одинъ, удивлявшій всѣхъ своими блестящими знаніями. По окончаніи экзаменовъ онъ былъ удостоенъ степени, но товарищи его, завидуя его успѣхамъ, разузнали, что дѣдъ его былъ цирульникъ, и подали жалобу. Несчастливаго юношу лишили ученой степени и съ позоромъ выгнали изъ города. Цирульники узнали объ этомъ и сильно взволновались. Болѣе 3000 ихъ въ разныхъ городахъ устроили стачку и перестали брить обывателей. А это произвело среди китайцевъ такой переполохъ, что власти принялись ловить стакнувшихся цирульниковъ и подвергали ихъ наказанію бамбуковыми батогами, а когда и это средство не помогло, то вышелъ указъ, что въ случаѣ продолженія стачки, виновныхъ подвергнуть смертной казни.

Немало молодыхъ людей проваливается уже на первомъ экзаменѣ. слѣдующій экзаменъ потруднѣе перваго, производится уже въ губернскомъ городѣ и приноситъ выдержавшимъ его званіе „цзюй-жень“, т. е. „произведенный человѣкъ“. Такой „произведенный человѣкъ“ можетъ занимать чиновничьи мѣста повыше, но ему нечего и мечтать о занятіи высшей государственной должности.

Самымъ труднымъ испытаніемъ считается именно этотъ третій экзаменъ, который производится въ столичномъ городѣ Пекинѣ и только разъ въ три года. Сюда въ это время собирается со всѣхъ концовъ Имперіи до 10—15 тысячъ экзаменующихся, но изъ этой арміи жаждущихъ карьеры людей только 300—500 перескакиваетъ послѣднее препятствіе.

Помѣщеніе, гдѣ производятся эти экзамены, занимаетъ цѣлый кварталъ и обнесено высокими стѣнами. Внутри его, по обѣимъ сторонамъ широкихъ проходовъ въ видѣ улицъ, расположены ряды тѣсныхъ каменныхъ каморокъ, каждое съ небольшимъ окномъ и дверью. Въ назначенный день тысячи допущенныхъ къ экзамену кандидатовъ толпятся у воротъ. Можно подумать, что они собрались въ дальній путь, потому что тащатъ цѣлый вьюкъ: тутъ тюфякъ и одѣяло, запасъ риса и чая, котелокъ, свѣчи, уголь...

Послѣ строгаго обыска, при которомъ кандидатовъ раздѣваютъ до гола, прощупываютъ ихъ одежду, вещи, чтобы не пропустить какого либо пособія, испытуемыхъ проверяютъ по свидѣтельству, которое они получаютъ отъ мѣстныхъ властей, и въ которомъ подробно описана внѣшность экзаменующагося. Затѣмъ имъ даютъ тему, снабжаютъ бумагой и разводятъ по каморкамъ, гдѣ запираютъ.

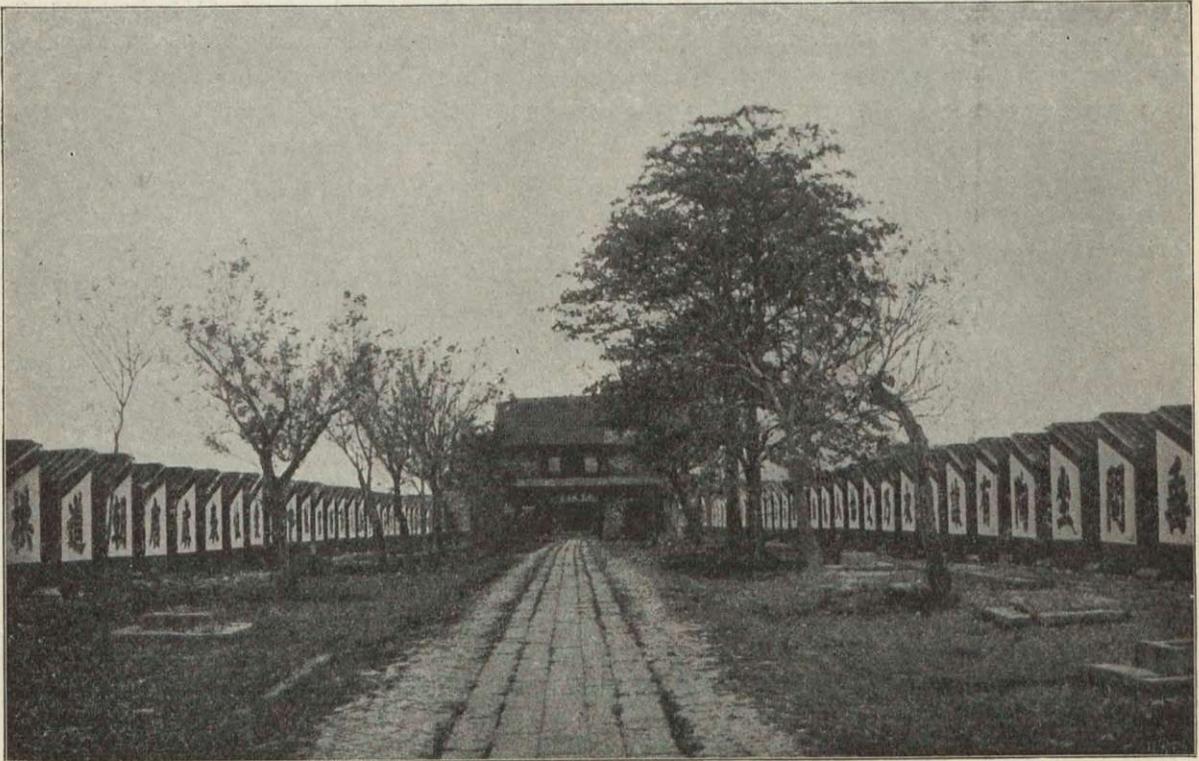
Особые сторожа ходятъ по проходамъ и слѣдятъ, чтобы испытуемые не получили какой нибудь помощи со стороны.

Три дня и три ночи сидятъ несчастные въ своихъ камерахъ, корпя надъ работой. Затѣмъ сочиненія отбираются, и ихъ отпускаютъ на сутки домой. Кто не успѣлъ кончить сочиненіе или испортилъ казенную бумагу, теряетъ право держать остальные два экзамена и изгоняется. Отобранныя сочиненія отдаются въ переписку, чтобы ученые члены академіи, просматривающіе ихъ, не могли отгадать по почерку, кто писалъ. Послѣ переписки сочиненія просматриваютъ помощники экзаменаторовъ и при этомъ бракуютъ ихъ немилосердно, такъ что главнымъ экзаменаторамъ остается просмотрѣть не болѣе 1000—1500 сочиненій. Но и то одобренныя ими работы просматриваются еще главными цензорами. И все таки, не смотря на всѣ строгости и предосторожности, экзамены не обходятся безъ плутней и мошенничества. Экзаменующіеся подкупаютъ экзаменаторовъ, узнаютъ заранѣе темы, проносятъ готовые сочиненія, а то просто нанимаютъ подставныхъ лицъ, которыя сдаютъ экзамены вмѣсто нихъ. Правительство принимаетъ противъ злоупотребленій самыя

строгія мѣры, и дѣло неразъ доходило до казни виновныхъ въ мошенничествѣ ученыхъ и мандариновъ, но суровыя наказанія всетаки не устраняютъ обмановъ.

Провалившіеся могутъ являться на экзамены снова и снова, и есть даже законъ, по которому человѣку, являвшемуся на всѣ экзамены, если онъ достигъ 80 лѣтъ дается ученая степень, но не за ученость, а за настойчивость.

Какъ ни великъ Китай, однако для всѣхъ выдержавшихъ послѣдній экзамень не хватаетъ должностей, и очень многіе изъ нихъ принуждены разстаться съ блестящей мечтой о почести и богатствѣ, ради которыхъ они убили лучшіе годы своей жизни на мертвую, никому ненужную ученость. Не успѣвъ протиснуться въ мандарины, они устраиваются какъ нибудь возлѣ казенныхъ учреждений въ видѣ ходатаевъ по дѣламъ, или зарабатываютъ себѣ хлѣбъ, подготавливая къ экзаменамъ, превращаются во врачей. Но чѣмъ бы

Дворъ съ кельями для экзаменующихся.

ни занимался „готовый ученый“, онъ всѣми силами старается показать, что онъ не какой нибудь, а именно „ученый“ и благодаря этому и по внѣшности и по существу представляетъ несносную фигуру, кичащуюся своими познаніями и требующую себѣ почета.

VI.

Религіозныя вѣрованія китайцевъ.

На земномъ шарѣ нѣтъ другого цивилизованнаго народа, который былъ бы такъ же равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ, какъ китайцы. У нихъ не было и нѣтъ государственной религіи, всякій воленъ исповѣдывать вѣру, какая ему нравится. И ему есть

изъ чего выбрать, потому что въ Китай, гдѣ съ давнихъ поръ и до сего времени господствуютъ древнія туземныя вѣрованія, проникали всѣ великія религіи: христіанство, юдаизмъ, магометанство и буддизмъ. Только двѣ послѣднія нашли себѣ достаточное число поклонниковъ, и то потому, что сильно измѣнились на китайскій ладъ. Миссіонеры разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій уже давно стараются распространить въ Китаѣ христіанство, но безъ успѣха. Это объясняется тѣмъ, что нравственная сторона религіи чужда практическому складу ума китайца. Религіозныя вѣрованія служатъ тамъ практической жизни; это значитъ, что различные обряды выполняются тамъ потому, что, по китайскимъ понятіямъ, они поддерживаютъ весь старозавѣтный строй жизни, ясно указывая каждому китайцу, что хорошо, что дурно, какъ поступать въ каждомъ случаѣ жизни, какъ наладить отношенія ко всѣмъ своимъ ближнимъ, и что съ нимъ будетъ послѣ смерти. Такъ какъ на все это есть указанія и отвѣты въ его религіи, то онъ спокоенъ и не задается никакими сомнѣніями. Въ настоящее время громадное большинство народа продолжаетъ держаться древнихъ вѣрованій. Высшіе классы: дворъ, чиновники, ученые, богатое купечество придерживаются тѣхъ же вѣрованій, но только очищенныхъ, объясненныхъ и приведенныхъ въ систему великимъ Конфуціемъ (собственно Кан-фу-цзе, р. 551, ум. 478 до Р. Х). Нѣкоторая часть высшихъ классовъ исповѣдуетъ ученіе другого великаго ученаго Дао-цзе, а другая, больше простонародье, исповѣдуетъ буддійскую религію. Въ западныхъ провинціяхъ Китая много магометанъ, а въ большихъ городахъ, куда проникли европейцы, встрѣчаются христіане.

Главную часть вѣрованій китайцевъ составляетъ культъ предковъ, т. е. поклоненіе душамъ усопшихъ. Извѣстно, что такія вѣрованія существуютъ у всѣхъ дикихъ народовъ; захудалый дикарь Австраліи боится мести этихъ духовъ и старается ихъ задобрить. Среди дикарей Африки, Америки и у инородцевъ Азіи господствуютъ тѣ же вѣрованія, и немудрено, если древніе китайцы раздѣляли ихъ и лишь со временемъ медленно измѣняли жестокія и нелѣпыя формы культа на болѣе мягкія и разумныя.

Согласно вѣрованіямъ китайцевъ, каждый человекъ кромѣ тѣла имѣетъ „жизненную силу“ и „душу“. Жизненная сила исчезаетъ при смерти, но душа отлетаетъ и продолжаетъ жить. Она можетъ покидать тѣло и при жизни, возвращаясь назадъ, если же не возвратится, то значитъ человекъ умеръ. Лишь только человекъ умираетъ, одинъ изъ его родственниковъ входитъ въ комнату, гдѣ лежитъ усопшій, и троекратно восклицаетъ: „такой-то, воротись!“ Если отвѣта на окликъ не получится, то всѣмъ становится ясно, что душа ушла навсегда. Но хотя она ушла изъ тѣла навсегда, однако она можетъ возвращаться туда, гдѣ жила, и не прекращаетъ отношеній съ близкими людьми, т. е. съ родными. Такъ какъ душа продолжаетъ жить такъ же, какъ на землѣ, и имѣетъ разныя потребности, то она зависитъ отъ живыхъ и близкихъ людей, но въ свою очередь можетъ оказывать вліяніе на ихъ судьбу, т. е. можетъ вредить имъ или благодѣтельствовать. Получая отъ близкихъ все необходимое, она спокойна и благодѣлаетъ имъ, а терпя лишенія, она бродитъ, не имѣя пристанища, становится злою, мстительною, насылаетъ на людей болѣзни и разнаго рода несчастія. Вотъ почему живые должны заботиться о ней и прибѣгать къ ней за совѣтами и указаніями. Когда китайское семейство озабочено тяжкою болѣзью одного изъ своихъ членовъ, предполагаемымъ бракомъ или чѣмъ другимъ, то считаетъ нужнымъ узнать, что думаютъ о томъ усопшіе предки. Ихъ вопрошаютъ различными способами, между прочимъ и такимъ, какимъ пользуются шаманы. Въ семейство призывается старуха. Она зажигаетъ курительную свѣчу предъ табличкой духа очага, кладетъ голову на колѣни и мѣрнымъ голосомъ произноситъ слѣдующія слова: „Семь сестеръ, сведите меня въ адъ! Я хочу видѣть родственника и поговорить съ нимъ. Умильно прошу васъ возвратить меня послѣ свиданья опять на землю!“ Послѣ троекратнаго вызова старуха впадаетъ въ оцепенѣніе, тѣло ея начинаетъ корчиться, выступаетъ холодный потъ. Нако-

нецъ она успокоивается и впадаетъ какъ бы въ глубокой сонъ. Въ это время ей предлагаютъ вопросъ: „Что ты видишь?“ — „Ничего, все темно“. — Затѣмъ опять спрашиваютъ: „Теперь что видишь?“ — „Вижу въ отдаленіи пагоды, башни, дворцы, дома.“ — „Видишь ли кого либо?“ — „Вижу мужчинъ и женщинъ съ блѣднымъ видомъ, одинъ приближается ко мнѣ.“ — „Какъ онъ одѣтъ?“ — Старуха описываетъ одѣяніе, и когда члены семьи убѣдятся, что видимый ею есть дѣйствительно тотъ усопшій, котораго мнѣніе хотятъ узнать, то вопрошаютъ его черезъ старуху. По окончаніи приговоровъ надъ ухомъ старухи громко произносятъ трижды ея имя. Она начинаетъ трястись и выходитъ изъ оцепенѣнія, затѣмъ просыпается какъ бы отъ глубокаго сна и первое время не понимаетъ, гдѣ она и кто ее окружаетъ.

Китайское духовенство.

Душа живетъ за гробомъ, какъ на землѣ, но все, что нужно, она получаетъ черезъ тѣло, а потому китайцы особенно заботятся о томъ, чтобы тѣло покойника было цѣло. Для китайскаго преступника нѣтъ болѣе тяжкаго наказанія, какъ отсѣченіе рукъ, ногъ, головы, и замѣна такой позорной казни задушеніемъ считается великой монаршей милостью и даруется только знатнымъ. Сохраняя связь съ тѣломъ, душа испытываетъ и тѣлесныя желанія: она хочетъ пить, ѣсть, веселиться. Оттого еще и теперь нерѣдко въ гробъ усопшаго кладутъ его любимыя вещи: книгу, которую онъ любилъ читать, сочиненіе, которое написалъ, трубку, стереоскопъ, въ который покойный любилъ смотрѣть, а чтобы душѣ не было скучно, ее увеселяютъ музыкой. Обычай приглашать на похороны музыкантовъ очень распространенъ въ Китаѣ, что сильно удивляло европейцевъ: съ одной стороны семья навзрыдъ оплакиваетъ усопшаго, а съ другой тутъ же пикируетъ и гремитъ веселая музыка. Далѣе китайцы принимаютъ самыя тщательныя мѣры сохранить тѣло въ

гробу и могилѣ отъ порчи. Въ прежнія времена тѣла умершихъ сохранялись въ домѣ, а теперь ихъ хоронятъ на родовомъ кладбищѣ, гдѣ нибудь на вершинѣ холма или горы, и такъ же, какъ у насъ, украшаютъ цвѣтами и навѣщаютъ покойныхъ въ положенные дни. „Пышность похоронъ должна соответствовать средствамъ усопшаго“, говорятъ китайцы, и не жалѣютъ расходовъ на оказаніе послѣдняго долга умершему. Особенное вниманіе обращено на могилы императоровъ и знаменитыхъ людей, за которыми присматриваютъ особыя, живущіе тутъ же сторожа.

Въ прежнія времена на могилахъ душамъ умершихъ приносились жертвы. Теперь же практичные китайцы замѣнили настоящихъ воловъ и овецъ бумажными изображениями этихъ животныхъ, которыя они сжигаютъ вмѣсто жертвы.

Смерть отца не пресѣкаетъ его власти въ домѣ, гдѣ все считается принадлежащимъ ему, гдѣ продолжаетъ управлять его воля, такъ что ни одно важное событіе не совершается безъ вопрошенія духовъ предковъ. Мѣстомъ, гдѣ приносятся имъ жертвы, является *мяо*, т. е. особая комната въ домѣ, нѣчто вродѣ домашней часовни. Прежде мяо устраивалось при могилѣ, и въ немъ помѣщалось изображение умершаго, т. е. кукла (хунь-бо) по возможности среди полной домашней обстановки. Затѣмъ вмѣсто куклы китайцы стали пользоваться портретами покойныхъ, а теперь, вмѣсто портретовъ, употребляются таблички предковъ, т. е. длинныя доски (2 ф. вышины, 3 вершка ширины и 1 вершокъ толщины), выкрашенныя въ черный цвѣтъ съ надписями красными буквами, напр.: табличка духа покойнаго отца такого-то. Онѣ хранятся въ особыхъ шкапчикахъ и при моленіи ставятся на особый столъ, замѣняющій жертвенникъ. Обыкновенно ихъ четыре: табличка отца, дѣда, прадѣда и прапрадѣда. Какъ скоро умираетъ глава семьи, табличка его ставится въ мяо первой, въ знакъ того, что душа его переселилась въ домъ семьи, а табличка прапрадѣда убирается съ разными обрядами.

Домашній храмъ имѣетъ священное значеніе въ глазахъ китайца. Кто поселяется съ своимъ семействомъ на новомъ мѣстѣ и обзаводится хозяйствомъ, тотъ прежде всего долженъ устроить мяо предковъ, снабдивъ его необходимой утварью, и только затѣмъ уже можетъ приняться за устройство собственнаго помѣщенія. Въ случаѣ опасности отъ огня, воды и разбойниковъ, семья должна прежде всего спастись не свое имущество, а храмовое, и главнымъ образомъ таблички предковъ. Усопшему отцу можетъ приносить жертвы только старшій сынъ, всѣ остальные члены семьи присутствуютъ при нихъ, но права совершать ихъ не имѣютъ. Глава семьи каждое утро „представляется“ предкамъ. О каждомъ важномъ событіи онъ „почтительно докладываетъ“ имъ, и эти доклады вовсе не пустая формальность, потому что китайцы глубоко убѣждены въ существованіи душъ, которыя могутъ объявлять имъ свою волю и даже являться во снѣ. Когда братья разселяются по разнымъ мѣстамъ, таблички остаются въ домѣ старшаго, и время отъ времени всѣ родичи собираются на общіе обѣды, и кстати разрѣшаютъ при этомъ, съ помощью предковъ, разныя домашнія, семейныя и денежныя дѣла.

Кромѣ предковъ, въ Китаѣ почитаются еще иные духи. Это души тѣхъ, которые при жизни простирали свою власть на многихъ людей и принесли пользу не одному только своему роду. Такимъ духамъ, — а ихъ за время китайской исторіи накопилось много, — воздаются государственныя почести. Къ числу ихъ принадлежатъ души императоровъ древнѣйшихъ династій, души изобрѣтателей земледѣлія, шелководства, гаданія и т. д., душа Конфуція, храмы которому воздвигнуты по всѣмъ китайскимъ городамъ, души доблестныхъ чиновниковъ, генераловъ и простолюдиновъ и множество другихъ, которыя превратились понемногу въ глазахъ народа въ боговъ, покровительствующихъ разнымъ отраслямъ чело-вѣческой дѣятельности, какъ напр., богъ войны—Гуань-ди, который былъ когда-то генераломъ и возведенъ въ свой божескій санъ указомъ императора въ 1594 г. Трудно перечислить все множество такихъ боговъ; каждый цехъ, каждое ремесло и занятіе, каждое явленіе,

каждый городъ, рѣка, холмъ имѣють своего бога или богиню. Вотъ примѣръ того, какъ возникали новыя божества: Танскій императоръ Тай-цзунъ (626—650 по Р. Х.) подвергся преслѣдованію злыхъ духовъ; они кидали въ его спальню черепицы и не давали спать ни ему, ни его женамъ. Когда Тай-цзунъ сообщилъ объ этомъ своимъ министрамъ, то генераль Шу-бао выразилъ желаніе стать вмѣстѣ съ генераломъ Ху-дзинь-дэ на ночь у воротъ дворца и охранять владыку отъ чертей. Тай-цзунъ согласился и провелъ ночь спокойно — злые духи не осмѣлились явиться. Чтобы обезпечить себѣ спокойствіе на будущее время и не утруждать генераловъ, онъ приказалъ живописцу нарисовать ихъ портреты и прибить ихъ къ дверямъ дворца. Съ тѣхъ поръ злые духи оставили императора въ покоѣ. Впослѣдствіи обычай приклеивать на дверяхъ или воротахъ изображенія этихъ генераловъ въ полномъ вооруженіи (съ сѣкирой, плетью, цѣпью, лукомъ и стрѣлами) распространился всюду, и они превратились въ боговъ-охранителей дома. Каждому духу приносятся соответственныя жертвы. Такъ лодочники въ Кантонѣ каждый вечеръ бросаютъ въ жертву водянымъ духамъ рисъ и сожигаютъ золоченую бумагу. Нерѣдко и купцы, закрывая вечеромъ лавки, жгутъ духамъ золоченую бумагу. Словомъ, что бы ни происходило, непремѣнно требуется умиловительная жертва тому или иному духу, а иногда и многимъ, такъ что вся жизнь китайца опутана суевѣрными обрядами, смыслъ которыхъ не всякій даже понимаетъ. Особенно учащаются эти жертвы въ случаяхъ народнаго бѣдствія — наводненія, эпидеміи, мятежа, неурожая и т. п. Тутъ китайцы не останавливаются ни передъ какими мѣрами, чтобы привлечь помощь добрыхъ духовъ и напугать и прогнать злыхъ. Многія изъ этихъ мѣръ ужасно наивны, точно злые духи какія то маленькія дѣти, которыхъ можно напугать чѣмъ-нибудь страшнымъ, напр. шумомъ, крикомъ, трескомъ и огнемъ ракетъ, большими, страшными изображеніями драконовъ. „Возвратясь въ отель поздно ночью,—разсказываетъ одинъ путешественникъ, бывшій въ Кантонѣ во время чумы,—я видѣлъ изъ своего окна двигавшіяся вдали фантастическія процессіи; при мерцающемъ свѣтѣ факеловъ вырисовывались ужасныя, огромныя рожи и пестроразмалеванныя драконовыя головы съ хвостами въ нѣсколько метровъ длиной, которые приводились въ движеніе скрывавшимися въ этихъ головахъ людьми; другіе участники процессіи плясали вокругъ чудовищъ, потрясая трезубыми вилами и щипцами; за ними несли исполинскіе мѣдные литавры и барабаны, въ которые колотили изо всѣхъ силъ. Почти всю ночь напролетъ трещали хлопушки и выстрѣлы изъ всевозможнаго огнестрѣльнаго оружія—и все это, чтобы напугать и прогнать злыхъ духовъ... Время отъ времени комната моя озарялась яркимъ свѣтомъ и, взглянувъ въ окно, я убѣждался, что это опять жгли на лодкахъ, приплывавшихъ по каналу, листы бумаги съ намалеванными на нихъ всевозможными заклинаніями. Когда они сгорали, и ночной сумракъ вновь вступалъ въ свои права, я различалъ на лодкахъ тысячи крохотныхъ красно-огненныхъ точекъ—это горѣли курительныя свѣчи... Раннимъ утромъ, когда я проходилъ по сырмъ, вонючимъ улицамъ, вся мостовая была усыяна клочками красныхъ бумажекъ—остатками сожженныхъ ночью заклинаній и хлопушекъ,—а на маленькихъ уличныхъ жертвенникахъ курились еще свѣчи... Иногда я сталкивался съ шумной процессіей Дракона, сопровождаемой толпами оборванцевъ, бьющихъ въ тамъ-тамъ, литавры, колотушки... Въ буддійскихъ кумирняхъ молились многочисленныя жрецы. Безчувственно, бессмысленно бормотали они свои молитвы передъ огромными уродливыми раззолоченными божествами, возсѣдавшими на алтаряхъ, скрестивъ ноги. Начальникъ города организовалъ общія моленія, чтобы изгнать изъ города злого духа... Но самую удивительною мѣрою, избрѣтенной правительствомъ для изгнанія чумы и бросающею яркій свѣтъ на суевѣріе китайцевъ и ихъ боязнь злыхъ духовъ, явилась произвольная смѣна стараго года новымъ“. Вѣроятно, этой мѣрой надѣялись обмануть злыхъ духовъ, будто бы, дескать, время для ихъ свирѣпства уже прошло.

Кромѣ сонмища безчисленныхъ духовъ у китайцевъ есть еще верховное божество

Шань-ди,—Небо. Подъ нимъ надо понимать не голубое, далекое и безучастное небо, а духа-родоначальника всѣхъ китайцевъ. Мы сказали, что Конфуцій привелъ въ порядокъ религіозныя понятія китайцевъ и далъ имъ свои, часто съ его точки зрѣнія разумныя, объясненія. Изложимъ въ краткихъ и сжатыхъ чертахъ его ученіе, котораго придерживаются образованные слои китайскаго народа.

Конфуцій учитъ: Существуетъ единая, неизвѣстно какъ возникшая природа. По внѣшности она двойственна и является человѣку въ видѣ неба и земли. Во внутренней своей жизни природа представляетъ постоянную борьбу двухъ силъ — Янь, положительная сила, и Инь, — отрицательная. Своими силами и веществомъ природа производитъ человѣка, который долженъ прожить на землѣ нѣкоторое время и затѣмъ умереть. Такъ какъ человѣкъ рождается съ разными потребностями и желаніями, то онъ стремится удовлетворить ихъ. Но человѣкъ живетъ на землѣ не въ одиночествѣ: онъ рождается, растетъ и живетъ въ кругу семейства, общества, государства, человѣчества и можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ только въ общеніи съ другими людьми. Такъ какъ родители первые люди, къ которымъ человѣкъ становится въ необходимыя и самыя первыя отношенія, то родители и являются для него основою и пробнымъ камнемъ всѣхъ другихъ отношеній. Отсюда вытекаетъ ученіе о сыновнемъ благочестіи. Почтительный сынъ устанавливаетъ добрыя отношенія со всѣми родными. Отсюда вытекаетъ ученіе о братскомъ согласіи. Научившись доброму отношенію къ членамъ родной семьи, человѣкъ можетъ создать новую, свою семью. Ставъ отцомъ семейства, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ становится членомъ общества, государства, человѣчества. Разнообразныя отношенія требуютъ отъ него соотвѣтственныхъ качествъ, и человѣкъ долженъ развить ихъ въ себѣ, если не хочетъ нарушить гармоніи и сократить чрезъ то свою жизнь или повредить своему благоденствію. Такимъ образомъ человѣкъ, развивая семейныя и общественныя добродѣтели, становится культурнымъ, т. е. стремится развить свои лучшіе инстинкты и потребности. Если онъ достигнетъ этой цѣли, то благоденствіе его обезпечено. Такимъ образомъ, по ученію Конфуція, высшее благо, счастье, возможно на землѣ только въ томъ случаѣ, если человѣкъ правильно понимаетъ сущность благоденствія и правильно относится къ другимъ людямъ. А этому онъ можетъ научиться, исполняя хорошо сыновнія обязанности, и потому сыновнее благочестіе есть залогъ общечеловѣческаго счастья и мирнаго прогресса. Конфуціанство удовлетворяетъ въ Китаѣ всѣхъ. Простонародью оно нравится, потому что утверждаетъ всѣ древніе обряды и понятія, на которыхъ покоится Китай, и которые близки и дороги китайцу съ дѣтства. Высшему классу ученіе Конфуція нравится, потому что оно заключаетъ подробное и стройное философское и нравственное объясненіе устоевъ китайской жизни. Этимъ объясняется, почему его ученіе распространилось по всему Китаю, тогда какъ вѣроученія другихъ китайскихъ философовъ насчитываютъ меньше приверженцевъ.

VIII.

Императорскій дворъ и чиновники.

Китай управляется теперь такъ же, какъ управлялся сотни лѣтъ тому назадъ. За это время произошло очень мало перемѣнъ. Во главѣ управленія стоитъ императоръ или „богдоханъ“, „сынъ неба“, какъ его называютъ въ Европѣ прежнимъ монгольскимъ титуломъ. Богдоханъ—„отецъ народа“, а подданные—его дѣти. Онъ отвѣчаетъ за свои поступки только передъ небомъ, вручившимъ ему власть надъ цѣлою арміею чиновниковъ разныхъ степеней, которые собственно и правятъ страной. Вся жизнь императора проходитъ за стѣнами „запретнаго города“, т. е. дворцовой части Пекина, обнесенной высокой стѣной. Простымъ смерт-

нымъ доступъ туда невозможенъ, и даже посланники европейскихъ державъ только недавно добились разрѣшенія представляться китайскому императору лично, въ покояхъ его дворца. Обыкновенно по смерти императора на престолъ вступаетъ его старшій сынъ, но случается, что наслѣдникомъ назначается другой сынъ, или даже новый императоръ вступаетъ на престолъ благодаря какому нибудь дворцовому перевороту. Такъ нынѣшній императоръ Китая Гуанъ-сю попалъ на тронъ благодаря преступленію. Предшественникъ его, молодой императоръ Тунъ-чжи умеръ въ 1875 г. отъ оспы, даромъ, что врачи его сожгли больше чѣмъ на 1000 таэлей заклинательныхъ бумажекъ. У молодой вдовы императора долженъ былъ родиться сынъ и стало быть наслѣдникъ, но за малолѣтствомъ его царствомъ управляла бы его молодая мать въ качествѣ регентши. Это не нравилось прежнимъ регентамъ, старымъ вдовамъ императора-дѣда, и онѣ прибѣгли къ порошку, который живо убралъ съ ихъ дороги опасную соперницу. Затѣмъ двѣ старыя императрицы созвали совѣтъ изъ принцевъ императорскаго дома и заставили провозгласить императоромъ трехлѣтняго сына принца Гуна. Само собой понятно, что онѣ надѣялись вертѣть всѣми дѣлами за малолѣтствомъ его. Дѣло было ночью, но императрицы, заботясь о томъ, чтобы переворотъ произошелъ какъ бы на законномъ основаніи, приказали разбудить ребенка и принести его въ залу совѣта, гдѣ ревѣвшій мальчуганъ и былъ торжественно нареченъ императоромъ подъ именемъ Гуан-сю. Бѣдному маленькому сыну неба недолго пришлось наслаждаться золотымъ дѣтствомъ. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ нему были приставлены ши-фу, т. е. гофмейстеръ, и нѣсколько наставниковъ и учителей. Астрономическое вѣдомство, которое обязано указывать счастливые дни для всѣхъ императорскихъ начинаній, назначило день начала занятій, и въ этотъ день крошечный императоръ въ сопровожденіи отца въ первый разъ появился въ классной комнатѣ. Ученые мужи встрѣтили своего ученика, стоя на колѣняхъ, бормоча привѣтствія и стучаясь лбомъ объ полъ, а Гуанъ-сю подалъ имъ записку, въ которой просилъ обучить его китайской мудрости. Ученье началось и продолжалось безъ перерывовъ до самой помолвки императора, т. е. до того, какъ ему минуло 15 лѣтъ. О шалостяхъ, забавахъ и играхъ императора не могло быть и рѣчи, потому что весь день его былъ наполненъ занятіями и разными церемоніями по разъ установленному образцу. Ученье бѣднаго малютки начиналось съ 3 — 4 часовъ утра и заключалось въ изученіи китайскаго языка и литературы, языковъ манчжурскаго, монгольскаго, въ гимнастическихъ упражненіяхъ, въ стрѣльбѣ изъ лука. Съ заходомъ солнца мальчикъ ложился спать, чтобы съ восходомъ его вновь приняться за уроки. Одеревенѣлые китайскіе учителя шутить не любятъ — если не помогаютъ увѣщанія, на сцену является бамбуковая трость. Но сына неба нельзя бить, и за его промахи расплачивался другой мальчикъ. Этотъ мальчикъ-замѣститель былъ однихъ лѣтъ съ императоромъ и получалъ за него всѣ побои, предназначавшіеся провинившемуся Гуан-сю, который только глядѣлъ на экзекуцію. Такъ продолжалось до его помолвки.

Императорскій дворъ, насчитывающій тысячи чиновниковъ, лакеевъ, евнуховъ, гвардейцевъ, женщинъ, рабовъ и рабынь, составляетъ маленькое государство въ государствѣ съ собственнымъ управленіемъ, законами, судомъ и финансами. Охрана его безопасности лежитъ на императорскихъ тѣлохранителяхъ, дворцовой стражѣ и гвардіи, которая сопровождаетъ императора при выѣздахъ. Въ торжественныхъ случаяхъ они щеголяютъ въ роскошныхъ шелковыхъ одеждахъ и вызолоченныхъ шлемахъ съ императорскими драконами о пяти когтяхъ, но вооруженіе ихъ состоитъ изъ мечей и алебардъ, часть гвардіи вооружена еще луками и стрѣлами.

Въ противоположность другимъ восточнымъ дворамъ китайскій дворъ не отличается блескомъ и пышностью. Ни залитыхъ золотомъ мундировъ, ни орденскихъ цѣпей, ни звѣздъ у китайцевъ не полагается. Длинные одѣянія придворныхъ и сановниковъ шьются, правда, изъ дорогихъ тяжелыхъ шелковыхъ матерій, но темныхъ цвѣтовъ, и не имѣютъ никакихъ

украшеній, кромѣ нашивокъ на груди въ видѣ разныхъ животныхъ, чѣмъ обозначается чинъ. Императоръ покидаетъ свои внутреннія комнаты лишь для выѣздовъ въ храмы или для посѣщенія своей матери, которая считается вторымъ послѣ него лицомъ въ государствѣ. При такихъ выѣздахъ впереди ѣдутъ нѣсколько сотъ конныхъ гвардейцевъ, затѣмъ несутъ желтыя носилки самого императора, и за ними ѣдутъ опять нѣсколько сотъ гвардейцевъ, вооруженныхъ лукомъ и стрѣлами. Вотъ и весь императорскій поѣздъ. Носильщики въ красно-бѣло-голубыхъ одеждахъ не смѣютъ вымолвить ни слова за все время пути, не смѣютъ плюнуть или кашлянуть. Если гвардейцы запримѣтятъ на улицѣ какихъ нибудь любопытныхъ зѣвакъ, то нѣсколько мѣтко пущенныхъ стрѣлъ живо напоминаютъ этимъ неосторожнымъ людямъ, что простымъ смертнымъ запрещено смотрѣть на императора. Только эти выѣзды одни и нарушаютъ однообразіе скучной жизни императора.

Иногда еще онъ приказываетъ отнести себя прогуляться по великолѣпному парку заповѣднаго города. Празднества, театральныя представленія, танцы устраиваются при дворѣ очень рѣдко, и на тѣ приглашаются лишь самые близкіе къ особѣ императора принцы и сановники. Состоящіе при немъ чины, евнухи и тѣлохранители, разумѣется, изъ кожи лѣзутъ, чтобы охранить его отъ сношенія съ посторонними, вообще съ внѣшнимъ міромъ, и стараются устроить такъ, чтобы все проходило черезъ ихъ цѣпкія руки. Право быть принятымъ императоромъ лично приходится покупать за баснословныя суммы даже такимъ важнымъ особамъ, какъ вице-короли или одержавшіе побѣду генералы-фельдмаршалы. Торговля павлиньими перьями и шариками, т. е. чинами и должностями, потому что чинъ въ Китаѣ обозначается павлиньимъ перомъ и шарикомъ на шапкѣ, да гербомъ на груди, происходитъ открыто. Словомъ, въ Китаѣ все доступно тому, кто можетъ заплатить. Въ этомъ, кромѣ придворныхъ, немало виноваты ближайшіе родственники императора, принцы крови, которые стараются нажиться, потому что лишь немногіе изъ нихъ получаютъ жалованье изъ казны.

Въ дѣлахъ правленія богдоханъ слѣдуетъ указаніямъ двухъ высшихъ учрежденій: великаго секретаріата и государственнаго совѣта. Въ первомъ составляются указы богдохана и сосредоточено главное наблюденіе за всѣми высшими чиновниками, а также распредѣляются налоги.

Государственный совѣтъ обсуждаетъ проекты законовъ, наблюдаетъ за исполненіемъ ихъ и ведетъ государственную лѣтопись всѣхъ внѣшнихъ событій и войнъ. Но, конечно, рѣшеніе всегда и во всемъ принадлежитъ богдохану.

Слѣдующія высшія учрежденія—это приказы, которыхъ насчитывается девять. Приказы нѣсколько соотвѣтствуютъ нашимъ министерствамъ. Вотъ перечень ихъ:

- 1) Приказъ церемоній, *ли-бу*, завѣдуетъ придворнымъ этикетомъ, жертвоприношеніями и аудіенціями.
- 2) Приказъ финансовый, *ху-бу*, слѣдитъ за взысканіемъ налоговъ и пошлинъ, чеканитъ монету.
- 3) Приказъ гражданскихъ чиновъ завѣдуетъ назначеніемъ чиновниковъ, наградами и наказаніями ихъ.
- 4) Военный приказъ, *бин-бу*.
- 5) Морской приказъ.
- 6) Судебный приказъ, *синъ-бу*, верховный судъ, вродѣ нашего сената.
- 7) Приказъ общественныхъ работъ, *гунъ-бу*, завѣдуетъ дорогами и казенными зданіями.
- 8) Иностранческій приказъ, *ли-фанъ-юань*, завѣдуетъ дѣлами некитайскихъ областей.
- 9) Приказъ иностранныхъ дѣлъ, названіе котораго *изунъ-ли-ямынь* такъ часто встрѣчается теперь въ газетахъ, завѣдуетъ всѣми иностранными сношеніями Китая и служитъ посредникомъ между высшими учрежденіями Имперіи и всѣми остальными.

Кромѣ приказовъ большое значеніе имѣетъ высшее ученое учрежденіе—ханъ-линская

Мандарины.

академія. Академіки складають різні державні акти і видають учені ступені, іншими словами, через їх руки проходять в своє время всі вищі чиновники. Є ще менше значительні установа, напр. астрономічеській приказъ, котрий повиненъ предсказывать затменія и опредѣлять щасливіє дні, когда слѣдуєть приводить в исполненіє різні важні державні рѣшенія.

Весь собственно Китай раздѣленъ на 18 провинцій, которія дѣлятся далѣе на области и уѣзды. Обыкновенно нѣскольکو провинцій соединены подъ управленієм вице-короля, которому подчинены всі остальные чиновники. Такъ какъ онъ же собираєть у себя налоги и расходуетъ ихъ по своему усмотрѣнію, отсылая только часть денегъ в Пекинъ, то понятно, что вице-король является полнымъ владыкой и распорядителемъ в своемъ районѣ.

Не будемъ перечислять длиннаго ряда чиновниковъ съ ихъ штатомъ, подчиненныхъ вице-королю. Ихъ такъ много, и они такъ недобросовѣстны, что составляютъ истинное проклятіє и язву страны, гдѣ судьба каждаго жителя во многомъ зависитъ отъ ихъ произвола. Произволъ этотъ объясняется тѣмъ, что вся ієрархія китайскихъ властей соподчинена другъ другу, и всі вообще подчиняются китайскому богдохану. Никакой другой власти нѣтъ, ибо Китай не знаетъ самоуправленія. Сверхъ того власть в Китаѣ нераздѣлена, такъ что чиновникъ сплошь и рядомъ не просто чиновникъ, а офицеръ, судья, полицейскій, сборщикъ податей и т. п. Посмотримъ, на примѣръ, какъ устроено в Китаѣ такое важное учрежденіє, какъ судъ. Въ этомъ дѣлѣ прежде всего поражаютъ насъ законы, которые устарѣли не меньше, если не больше, чѣмъ все остальное в этомъ царствѣ застоя. Главная особенность ихъ это крайняя жестокость наказаній и бессмысленное несоотвѣтствіє ихъ съ виной преступника, чѣмъ китайскіє законы и судебные порядки сильно напоминають судопроизводство среднихъ вѣковъ. Неважные проступки караютъ часто гораздо суровѣе самыхъ тяжкихъ преступленій; напр. тотъ, кто смотритъ на императорскій дворецъ съ возвышеннаго мѣста, подвергается ссылкѣ; за хожденіє ночью по улицѣ безъ особой нужды виновный получаетъ 50 ударовъ бамбукомъ. Кто вложитъ въ носъ, въ ротъ, вообще внутрь челоуѣка постороннее тѣло присуждается къ смертной казни. За подметное письмо полагается тоже смертная казнь. Знаменитый китайскій императоръ Канси былъ большой любитель такихъ „законовъ“ и объяснилъ свою склонность къ жестокости судовъ в слѣдующемъ своемъ указѣ: „Я желаю,—объявляль онъ,—чтобы съ тѣми, кто обращается къ суду, поступали безъ всякой жалости, дабы всі люди ненавидѣли судебную волокиту и трепетали при одной мысли предстать предъ судьей. Этимъ способомъ зло будетъ пресѣчено в корнѣ: добрые граждане, поссорившись, стануть улаживать свои дѣла по братски подъ руководствомъ старшихъ. Что же касается упрямыхъ и неисправимыхъ, то пусть они будутъ раздавлены на судѣ—они не заслуживають ничего лучшаго!“

„Змѣи и тигры добрѣе судей и судебныхъ чиновниковъ“, говоритъ одна китайская пословица. „Денегъ требуетъ судья, денегъ требуетъ и писарь“, гласитъ другая. „Когда на судъ привлекають одного челоуѣка, десять семей ввергаются в несчастье“, жалуется третья поговорка. Дѣйствительно, самый судъ вполне оправдываетъ горечь этихъ народныхъ словъ и способенъ отпугнуть самага послѣдняго сутягу отъ мысли обратиться къ нему. Обыкновенно къ суду привлекаются всі — и виновные и свидѣтели, которые содержатся в одной и той же тюрьмѣ в ожиданіи приговора. Сама тюрьма есть уже нѣчто такое, что ужаснѣе иного жестокаго истязанія. Въ тѣсномъ, душномъ помѣщеніи, среди грязи и всякихъ нечистотъ сбито в кучу множество всякаго народу в невообразимо вонючихъ лохмотьяхъ. Рядомъ съ убійцами, ворами, фальшивыми монетчиками тутъ стонуть в ожиданіи суда много ни в чемъ невинныхъ людей, имѣвшихъ несчастье оказаться только свидѣтелями преступленія. Между живыми валяются больные разными отвратительными болѣзнями, умирающіє, сумасшедшіє. Стоны, ревъ, проклятія, плачь, громыханье цѣпей и ужасный запахъ таковы, что едва можно приблизиться на нѣскольکو шаговъ къ этому гнусному

мѣсту. Насодержаніе несчастныхъ отпускается очень мало, а такъ какъ начальство тюрьмы, подобно всякому другому китайскому начальству, безсовѣстно воруетъ и эту жалкую долю несчастныхъ заключенныхъ, то послѣдніе быстро отправлялись бы на тотъ свѣтъ, если бы о нихъ не заботились родственники, у кого они есть, которые доставляютъ имъ въ тюрьму пропитаніе.

Но вотъ послѣ долгихъ терзаній изнуренный преступникъ и свидѣтели предстаютъ, наконецъ, на судъ. Судья—манدارинъ сидитъ за кубическимъ столомъ, возлѣ—секретари и другія принадлежащіе къ его штату лица. Обвиняемые или тяжущіеся падаютъ на колѣни и стучаются лбомъ объ полъ, выражая этимъ почтеніе къ лицу судьи. Положимъ, преступникъ обвиняется въ убійствѣ, хотя для такого обвиненія нѣтъ никакихъ уликъ.

— Тебя видѣли на мѣстѣ преступленія, значить, ты былъ тамъ, — говоритъ судья.

Засѣданіе китайскаго суда.

— Нѣтъ, свидѣтели могутъ показать, что въ этотъ день я былъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ,—робко заявляетъ обвиняемый.

— А, тебя тамъ въ этотъ день не было. Дать ему 50 ударовъ бамбукомъ, пока онъ не сознается,—кричитъ судья.

Обвиняемаго уводятъ въ застѣнокъ, гдѣ палачъ отсыпаетъ ему назначенное число палокъ.

— Ну, сознаешься теперь? кричитъ судья.

— Увѣрю васъ, что я былъ въ другомъ городѣ!

— Отсчитать ему еще 50 палокъ по плечамъ! кричитъ разъяренный судья.—Ты долженъ сознаться, что былъ тамъ.

— Я не могъ быть въ одно время и тамъ и въ городѣ. Если бы я принималъ участіе въ убійствѣ, я бы постарался скрыться.

— Ты слишком много болтаешь! Дать ему 20 пощечин! Ты долженъ непременно сознаться, что былъ тамъ.

— Нѣтъ, меня тамъ не было.

— 200 ударовъ плетью по плечамъ!

Тутъ къ несчастному обвиняемому подходитъ секретарь.

— Берегись,—говоритъ онъ обвиняемому,—у насъ есть вѣдь и другія пытки. Хуже будетъ, если ты будешь упорствовать!

— Ну, сознаешься ты? Спрашиваетъ судья.

— Вы видите,—плачетъ несчастный,—я больше не могу, я не въ силахъ вынести пытокъ. Меня не было при убійствѣ, но, чтобы исполнить ваше желаніе, я могу сказать, что былъ.

— А, наконецъ-то онъ сознался!—потираетъ руки судья.—Уведите его!

Пытки, на которыя намекалъ секретарь, очень разнообразны и безчеловѣчны. Кромѣ

разныхъ палокъ и плетей судьи прибѣгаютъ къ дыбѣ, т. е. подвѣшиванью за руки и ноги, къ вырѣзыванію кусковъ кожи, поджариванію на медленномъ огнѣ и многому другому, до чего только додумалась жестокая изобрѣтательность. Многія изъ китайскихъ пытокъ извѣстны были въ древней Руси, куда ихъ занесли монголы, познакомившіеся съ китайскими способами мученія еще до своего вторженія въ Европу. Кромѣ пытокъ, примѣняемыхъ при самомъ разбирательствѣ дѣла, которыя имѣютъ цѣлью вынудить у преступника сознаніе, китайскіе законы признаютъ истязаніе и въ видѣ кары за преступленіе. Такихъ наказаній пять: битье бамбукомъ и плетью, канга, ссылка, отдача въ рабство и смертная казнь. Какъ ни увертливы китайцы въ своемъ стремленіи уклониться отъ оффиціального суда, предпочитая рѣшать дѣло своимъ судомъ, однако Китай такъ многолюденъ, народъ въ немъ такъ бѣденъ и несчастливъ, что число преступленій не

Преступницы въ „кангъ“.

уменьшается, несмотря на всю жестокость судей, и китайскія тюрьмы всегда полны несчастныхъ, ожидающихъ описаннаго выше разбора. За большинство мелкихъ преступленій наказываютъ плетью или ношеніемъ канги, которая представляетъ большую и тяжелую квадратную доску съ дырой по серединѣ; ее надѣваютъ преступнику на шею и запираютъ помощью особыхъ замковъ. Наказаніе мучительное и тяжелое, потому что преступникъ не можетъ лечь. Всего ненавистнѣе китайцамъ смертная казнь черезъ обезглавленіе, потому что въ этомъ случаѣ казненный является на тотъ свѣтъ безъ головы, такъ что родственные духи не могутъ узнать его. Обыкновенно родственники казнимаго стараются поправить дѣло тѣмъ, что сейчасъ же послѣ казни пришиваютъ голову къ туловищу. Это, однако, не всегда возможно, потому что головы казненныхъ нерѣдко вывѣшиваются напоказъ и на устрашеніе толпы въ особыхъ деревянныхъ клѣткахъ, украшающихъ шесты на базарахъ или городскія стѣны у городскихъ воротъ. Во время возстанія дунганъ и мятежа тайпинговъ ворота многихъ городовъ были увѣшаны цѣлыми гирляндами этихъ гнусныхъ украшеній.

Надо, однако, замѣтить, что всѣ эти тяжелыя кары сыплются въ Китаѣ только на головы бѣдняковъ. Въ общемъ судъ, въ лицѣ принадлежащихъ къ нему чиновниковъ и прочихъ лицъ, до того продаженъ, что состоятельный человѣкъ всегда найдетъ способы вывернуться изъ бѣды. Выкупъ, замѣняющій наказаніе, даже признанъ закономъ, и оттого-то богачъ отдѣлывается болѣе или менѣе крупной суммой тамъ, гдѣ бѣдный терпитъ жестокое истязаніе. Даже если состоятельный человѣкъ приговоренъ къ смертной казни, онъ имѣетъ возможность избѣжать ея, нанявъ за себя другого. Обыкновенно, жизнь считается высшимъ благомъ и цѣнится дороже всего, но нищета въ китайскомъ народѣ порою такъ ужасна, что почти всегда находится благородный несчастный бѣднякъ, который даетъ отрубить себѣ голову въ замѣнъ преступника, если только онъ можетъ обезпечить этимъ способомъ жизнь своихъ близкихъ — отца съ матерью или своей семьи.

Если дѣло не уголовное, а гражданское, т. е. кто нибудь ищетъ съ другого убытки или что-нибудь подобное, то обыкновенно дѣло кончается тѣмъ, что оба, истецъ и отвѣтчикъ, разоряются. Каждый изъ нихъ даетъ взятки, а судьи естественно тянутъ дѣло, пока не вымотаютъ изъ тяжущихся все, что можно. Оттого китайцы говорятъ про такія дѣла: „если ты выиграешь кошку, то потеряешь корову“. Продажность и взяточничество чиновниковъ это общее явленіе въ Китаѣ. Честный чиновникъ тамъ то же, что бѣлый воронъ. Подобно тому какъ въ судѣ, тамъ все продажно, и ни одно дѣло съ чиновникомъ не обходится безъ подмазки. Какія мѣры ни принимало правительство съ цѣлью бороться съ этимъ зломъ, — ничто не помогало. Оно издало указъ, по которому чиновники не могутъ служить въ родномъ городѣ, не имѣютъ права имѣть въ числѣ своихъ подчиненныхъ родственниковъ, должны сдать трудный экзаменъ. Оно создало, наконецъ,

Уличный цирюльникъ

должность особыхъ цензоровъ, которые обязаны указывать и раскрывать злоупотребленія. Но, увы! Ни одна изъ мѣръ не привела, да и не могла привести къ желанной цѣли. „Рука руку моетъ“, „воронъ ворону глазъ не выклюетъ“—эти русскія пословицы вполне приложимы къ китайскимъ чиновникамъ, которые до того изловчились въ своемъ дѣлѣ, что подаютъ иногда жалобы на самихъ себя и просятъ назначить себѣ наказаніе. Обыкновенно это случается, если крупный мандаринъ зарвется до того, что уже нельзя скрыть и замести слѣдовъ. Лицемѣрно обвиняя себя въ какихъ нибудь мелкихъ проступкахъ, мандаринъ прикрываетъ этимъ способомъ крупное злоупотребленіе и даже втирается въ милость и довѣріе у богдохана. Такъ въ 1892 г. знаменитый и нынѣ уже покойный Ли-Хунъ-Чанъ подалъ богдохану докладъ о вредѣ, причиненномъ разливомъ рѣки Хуанъ-Хэ. Хотя, по его словамъ, было почти невозможно предупредить наводненіе, тѣмъ не менѣе онъ сми-

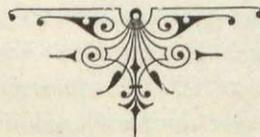
ренно сознавался въ упущеніи и просилъ назначить наказаніе для себя и другихъ чиновниковъ изъ числа завѣдывавшихъ рѣшкой. Цензора, разумѣется, отлично знаютъ, какой опасности они подвергаются, если вздумаютъ обличить какогонибудь богатаго и могущественнаго мандарина и потому обрушиваются всею тяжестью своихъ обличеній на разныхъ мелкихъ чиновниковъ.

Смирные и кроткіе китайцы безропотно выносятъ на своихъ плечахъ все бремя испорченнаго и продажнаго чиновничества. Однако случается, что жестокость и несправедливость мандарина выводитъ изъ себя населеніе города или области, которыми онъ завѣдывалъ, и тогда жители прибѣгаютъ къ любопытному и простому способу избавиться отъ него. Въ какой-нибудь день къ ямыню, т. е. дворцу мандарина приваливаетъ толпа народу съ носилками. Мандарина безъ дальнихъ околичностей просятъ сѣсть въ приготовленныя носилки и выносятъ его за предѣлы города или области, почтительно раскланиваются съ нимъ тамъ и предоставляютъ путешествовать дальше, какъ знаетъ. Этотъ „народный судъ“ настолько привился въ Китаѣ, что правительство богдохана не дѣлаетъ никакихъ попытокъ вернуть выгнаннаго мандарина назадъ, какою бы сильной поддержкой онъ ни пользовался при дворѣ. Обыкновенно взамѣнъ его присылаютъ другого, который, наученный судьбой своего предшественника, не такъ дерзко грабитъ населеніе.

Другимъ способомъ, которымъ китайцы срываютъ злобу за разныя прижимки и утѣшенія, это печать. Какъ это ни странно, но въ Китаѣ существуетъ свобода печати, т. е. китайское правительство не выдумало и не пользуется никакими особыми средствами, чтобы заглушить голосъ народной правды. Конечно, виновный въ распространеніи воззваній къ мятежу, терпитъ наказаніе, если его поймаютъ, но это уже послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ свое дѣло. Если вспомнить, что почти всѣ китайцы могутъ съ грѣхомъ пополамъ читать, что каждый носитъ съ собой тушь, кисточку и бумагу, то неудивительно, что печатныя обличенія разныхъ подвиговъ мандариновъ нерѣдки въ Китаѣ. Иногда къ такимъ афишамъ присоединяется также карриатура.

Можетъ быть, такое же значеніе получить современемъ китайскій театръ. Китайцы питаютъ большую любовь къ театральнымъ представленіямъ, и нѣтъ тамъ, кажется, такого бѣднаго селенія, куда бы не заглядывала труппа странствующихъ актеровъ. Представленія довольно разнообразны, но больше всего китайцамъ нравятся пьесы, гдѣ появляются герои и нечистая сила, а также сцены, въ которыхъ осмѣивается домашняя жизнь: сварливая жена, глупый мужъ и т. п. Представленіе длится чуть не цѣлый день, плата очень низкая, такъ что театръ посѣщаетъ даже послѣдній бѣднякъ. Театръ представляетъ въ одно и то же время трактиръ и закусочную, потому что зрители смотрятъ пьесу, а въ то же время пьютъ чай и закусываютъ разную принесенную изъ дому снѣдь. Однако, какъ ни любятъ китайцы театръ, но къ актерамъ они относятся съ презрѣніемъ, и эти несчастные составляютъ наряду съ представителями нѣкоторыхъ другихъ занятій, какъ напр., цирульники, самый низшій и загнанный разрядъ людей. Актеры даже лишены нѣкоторыхъ правъ, ибо въ главѣ, посвященной экзаменамъ на ученія степени, уже было сказано, что актеры и ихъ потомки лишены права держать эти экзамены.

Н. Березинъ.

Жители подвластных Китаю странъ.

Китай отдѣленъ отъ культурнаго запада Стараго Свѣта не одной Великой Стѣной. Широкая полоса пустынь, разгороженныхъ трудно-доступными горными хребтами, лучше оградила Срединное царство отъ тлетворнаго вліянія иноземцевъ, чѣмъ обваливающіяся камни Великой Стѣны. Эта полоса пустынь захватываетъ страны, которыя китайцы съ медленной, но упорной политикой дальновиднаго сосѣда покоряли своей власти и постепенно подчинили своей культурѣ. До сихъ поръ еще непроходимые пески, холодныя пустыни, нагорія и снѣговые хребты обезпечиваютъ царство Поднебесья отъ безпокойныхъ вторженій иноземцевъ, которые должны были найти себѣ дорогу въ Китай по волнующейся зыби океана.

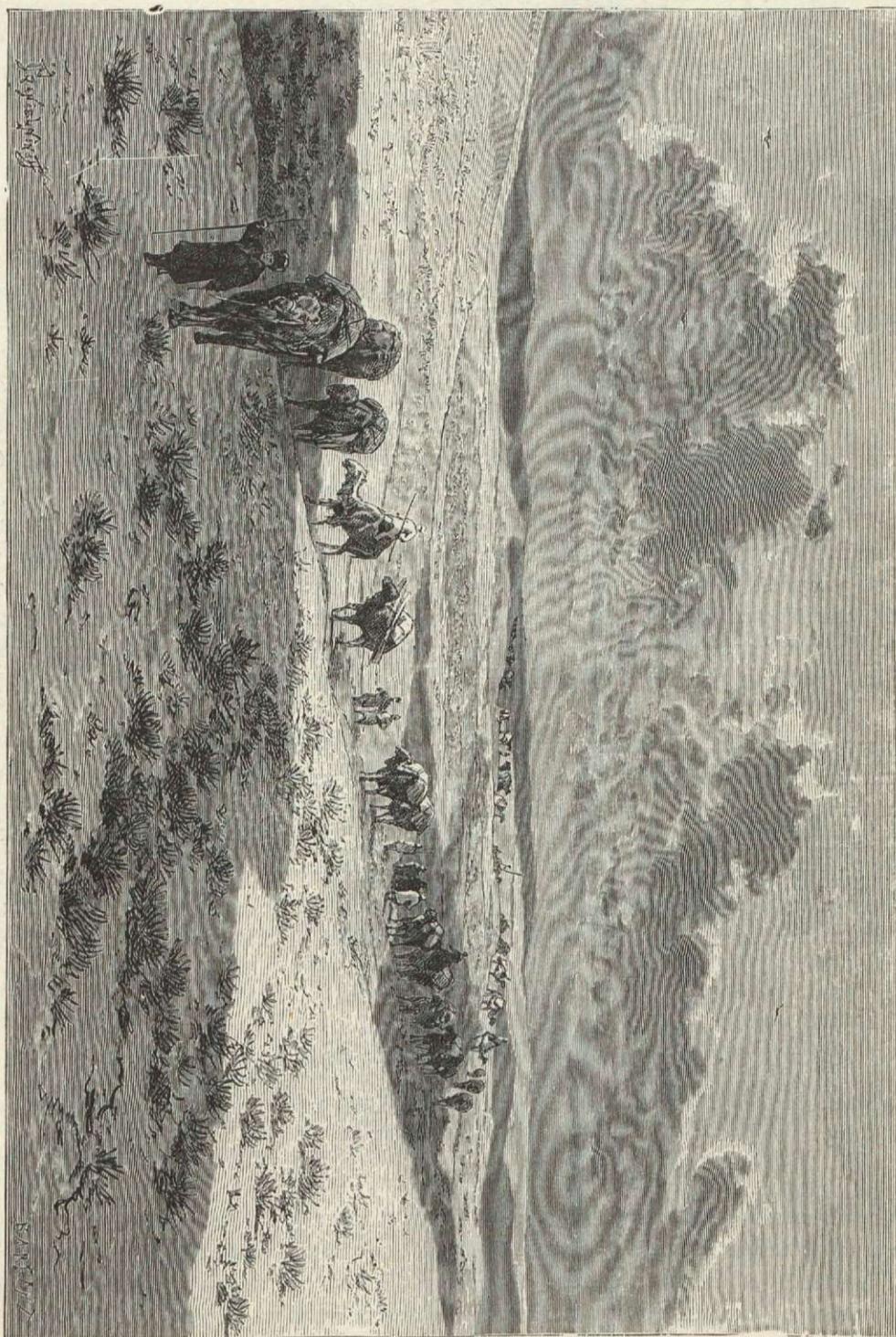
Полоса пустынь и суровыхъ нагорій охватываетъ Китай съ сѣверо-запада, запада и юго-запада. Здѣсь лежатъ страны: Монголія, Восточный или Китайскій Туркестанъ и Тибетъ. Присоединивъ ихъ къ себѣ, Китай, какъ политическое цѣлое, достигъ и улегся въ своихъ естественныхъ границахъ, которыми являются высокіе валы Гималаевъ, Тянь-Шаня, Алтая и Саяна. За эти предѣлы не простиралось ни честолюбіе китайскихъ воителей, ни миролюбивая мудрость его великихъ властителей, стремившихся обезпечить Имперіи миръ со стороны вѣчно-подвижныхъ, какъ пески пустыни, жадныхъ, какъ волки, обитателей степи.

Монголы.

Страна.—Монголы: ихъ типъ, одежда, жилища, характеръ, средства жизни, пища.—Общественный строй.—Религія и духовенство.

Монголія занимаетъ сѣверную половину всего обширнаго пространства Среднеазиатскаго плоскогорія. Высокая цѣпь Большого Хингана рѣзко отдѣляетъ ее на востокъ отъ сосѣдней Манчжуріи и отъ низменнаго сѣвернаго Китая, гдѣ лежитъ Пекинъ, хотя физическая граница и не совпадаетъ съ политической, такъ какъ къ востоку отъ Хингана лежитъ восточная Гоби, причисляемая къ Монголіи, а въ составъ Китая входитъ юго-западная часть ея, кромѣ Ордоса (провинціи Шанзи, Шензи и Ганьсу). На сѣверѣ рядъ горныхъ хребтовъ, составляющихъ отроги горныхъ системъ Тянь-Шаня, Алтая и Саяна, далеко врѣзывается въ степь, разгораживая ее, наподобіе кулиссъ, на рядъ отдѣльныхъ областей. На югѣ цѣпи

Куень-Луня отдѣляютъ ее отъ Тибета. Вся болѣе или менѣе плоская середина ея, опускающаяся мѣстами на западѣ, согласно изслѣдованіямъ русскихъ путешественниковъ, ниже

Пустыня Гоби.

уровня моря, занята ровной полосой, гдѣ слабо зеленѣющая кайма жмущихся къ горамъ степей окаймляетъ длинное пространство песковъ, цѣлое песчаное море, какъ бы внезапно

застывшее буграми. Это знаменитая Гоби, которую китайцы называютъ „Ханъ-Хай“— море песку. Песчанья пространства, гдѣ каменистыя, гдѣ глинистыя, мѣстами прерваны скудной степью или усѣяны рѣдкими колодцами и оазами, которые постепенно засыпаются песками. Солонцы и небольшія соленыя озера, многія изъ которыхъ называются „святыми“ (Далай-Норъ), разнообразятъ чухлый видъ степи, усѣянной безчисленными холмиками сурковъ.

Климатъ страны сухой, дождя и снѣга выпадаетъ такъ мало, что постоянно текущихъ рѣкъ въ самой Гоби нѣтъ. Тѣ потоки, которые врѣзываются въ нее, рождаются въ горахъ, и если они значительны, какъ напр. Таримъ и его система на западѣ или рѣка Кобдо на

Монголы у дверей кибитки.

сѣверѣ, то они движутся среди степей и песковъ, постепенно высыхая, оканчивая свое существованіе въ какомъ нибудь котловинномъ озерѣ, часто напоминающемъ солонцевое болото. Материковый характеръ климата рѣзко выраженъ, и потому лѣтомъ, въ теченіи дня, палитъ зной, ночью холодно, а зимой температура, даже въ южной Монголіи, опускается глубоко ниже нуля. Частые бураны наматаютъ сугробы снѣга, а если его нѣтъ, вѣтеръ вздымаетъ мелкую пыль, которая надолго туманитъ атмосферу и переносится на громадныя пространства. Все это неблагоприятно отражается на растительности, и потому Монголія страна по преимуществу степная. Лѣса встрѣчаются лишь на склонахъ горъ, а скудныя листовныя насажденія окаймляютъ берега рѣкъ. Однако и степь не поражаетъ богатой травой. Травы тамошнія—не луговыя; большею частью это кустики душистой полыни, а по солончакамъ жир-

няя, соленыя и колючія травы, покрывающія землю рѣдкими пучками. Эта безконечная равнина—родина народа, который не разъ высылалъ избытокъ своего населенія во всѣ стороны, угрожая гибелью и западной и восточной цивилизаціи. Это родина монголовъ и турокъ. Монголы занимаютъ сѣверную и восточную часть Гоби, причемъ отдѣльныя вѣтви ихъ,— буряты, а изъ турокъ—якуты выдвинулись далеко на сѣверъ, занявъ удобныя земли кругомъ Байкала (Забайкалье) и почти весь бассейнъ Лены до самаго Полярнаго моря. Турки или тюрки, отличающіеся здѣсь отъ монголовъ не столько типомъ, какъ языкомъ, чертами быта и религіей—вмѣсто ламаизма у нихъ преобладаетъ маманство и мусульманство—занимаютъ Восточный Туркестанъ, всю середину котораго занимаетъ страшная песчаная пустыня Такла-Маканъ.

Наиболѣе чистыми представителями монголовъ Пржевальскій и другіе изслѣдователи считаютъ монголовъ—халха. Отличительныя черты монгола—широкое и плоское лицо, съ высоко выдающимися скулами, приплюснутый носъ, узкіе и косо-поставленные глаза съ характерной складкой кожи, закрывающей верхнее вѣко, большая угловатая и короткая голова, большія и сильно оттопыренные уши, жесткіе, черные, блестящіе словно конскіе волосы, очень рѣдкіе въ усахъ и бородѣ, смуглый цвѣтъ кожи и, наконецъ, плотное широкое сложеніе при среднемъ и даже небольшомъ ростѣ. Какъ ни уединенна жизнь кочевника въ степи, однако на окраинѣ ея онъ входитъ въ сношенія съ сосѣдями, смѣшивается, перенимаетъ бытъ и языкъ, и потому обитатели ближайшихъ къ Великой Стѣнѣ частей Монголіи—сахары, уроты, тумыты въ настоящее время наполовинѣ уже окитаились. Вслѣдствіе частыхъ браковъ съ китайками фізіономія, одежда, домашняя обстановка, языкъ и даже характеръ этихъ кочевниковъ приняли китайскій обликъ.

Подобно китайцамъ монголы бреютъ голову, оставляя на затылкѣ чубъ, который заплетаютъ въ косу. Только ламы бреютъ голову наголо. Усовъ и бороды монголы также почти не носятъ. Женщины ихъ заплетаютъ свои длинные волосы въ двѣ косы, которыя украшаютъ лентами, кораллами, бисеромъ и тяжелыми серебряными монетами. Одежда монгола состоитъ большею частью изъ долгополаго халата, сшитаго изъ китайской дабы синяго цвѣта, который надѣвается прямо на голое тѣло. На ногахъ китайскаго фасона сапоги съ толстой подошвой, а голова покрыта войлочной шляпой съ высокими отвороченными вверхъ полями. Зимой, вмѣсто халата, монголъ напяливаетъ такого же покроя баранью шубу, надѣваетъ штаны, а шляпу замѣняетъ мѣховой шапкой. Халатъ и шуба подпоясаны кушакомъ, на которомъ монголъ носитъ неизбѣжныя принадлежности свои: кисеть съ табакомъ, трубку, огниво и ножъ. Пазухи просторной одежды играютъ роль настоящихъ складовъ самыхъ разнообразныхъ вещей, въ числѣ которыхъ особенно почетную роль играетъ табакерка съ нюхательнымъ табакомъ, которую долгъ вѣжливости обязываетъ открыть при встрѣчѣ со знакомымъ, дабы тотъ „одолился“. Женская одежда мало отличается отъ мужской. Она нѣсколько иного покроя, уже нѣтъ кушака, но зато поверхъ халата надѣвается короткая безрукавка. На одеждѣ женщинъ гораздо больше украшеній.

Жилище монгола кибитка—*гыръ*. Остовъ ея составленъ изъ нѣсколькихъ подвижныхъ рамъ, сложенныхъ изъ подвижно скрѣпленныхъ планокъ, такъ что будучи развернуть и поставленъ въ кругъ онъ образуетъ стѣну изъ рамбическихъ клѣтокъ около квадратнаго фута въ просвѣтѣ. Размѣры гыра колеблются, но обыкновенно онъ имѣетъ 12—15 ф. въ діаметрѣ и около 10 ф. въ высоту. Клѣтка увѣнчана плоскимъ куполомъ изъ радіальныхъ жердей, сходящихся къ деревянному кольцу, просвѣтъ котораго служитъ для вентиляціи, освѣщенія и выхода дыма. Остовъ гыра покрывается полосами войлока, слой котораго зимою двойной. Внутри посрединѣ помѣщается очагъ, а за нимъ прямо противъ двери на комодѣ, а то и на ящикахъ устраивается божница—домашній алтарь, уставленный бурханами, передъ которыми ставятся жертвы и курится въ соотвѣтственные моменты семейной жизни өиміамъ. Земляной полъ устланъ войлокомъ, поверхъ котораго богачи разстилаютъ ковры;

вдоль стѣнъ по краю круга устанавливаются вещи домашняго скарба и постели. Стѣны, которыя у богатыхъ завѣшиваются какой нибудь бумажной, а то и шелковой матеріей съ затѣйливымъ азіатскимъ узоромъ, также увѣшаны разными принадлежностями быта: тутъ виситъ сбруя, одежда, оружіе.

Хорошо устроенная кибитка представляетъ для кочевника незамѣнимое жилище. Хотя она плохо защищаетъ отъ холода, за то укрываетъ его отъ зноя, отъ вьюги и непогоды и, главное, мало стѣсняетъ его движенія, такъ какъ въ какой нибудь часъ монголы живой рукой разберутъ ее на части, увяжутъ на верблюдовъ, которые перенесутъ ее вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ номада, куда ему захочется.

Такъ такъ монголы съ давнихъ поръ живутъ въ сухой маловодной степи, гдѣ каждую каплю хорошей воды цѣнятъ дорого, то они привыкли обращаться съ этой драгоценной жидкостью бережно, а потому никогда не моются сами и почти не моютъ посуду и другіе предметы домашняго обихода. Этимъ объясняется та ужасная нечистоплотность, въ которой они живутъ, и которая рѣзко кидается въ глаза свѣжему наблюдателю. Но мало того — сухость климата, отсутствіе воды въ видѣ ключей, рѣчекъ и озеръ, настолько повліяли на самую организацію степняковъ, что они не только легко обходятся безъ воды въ своемъ домашнемъ обиходѣ, но даже испытываютъ къ ней, и вообще къ сырости, какое-то физическое отвращеніе, настоящую боязнь! Монголь ни за что на свѣтѣ не перейдетъ лужу въ бродъ, хотя бы самую незначительную. Онъ тщательно избѣгаетъ сырыхъ луговъ и ни въ какомъ случаѣ не расположится своимъ станомъ въ сосѣдствѣ какого нибудь родника, болотца, вообще мѣста, гдѣ чувствуется малѣйшая сырость. И немудрено: онъ безъ вреда и особаго страданія переноситъ сорокаградусные морозы, палящіе лѣтніе жары, пронзительный вѣтеръ пустыни, но легко простужается отъ малѣйшей сырости. Стоитъ ему промочить слегка ноги, провести ночь въ сыромъ мѣстѣ, и вотъ уже монголь кашляетъ, чихаетъ и страдаетъ отъ жестокаго насморка, точь въ точь верблюдъ, который тоже совершенно не выноситъ сырости и чахнетъ на роскошномъ пастбищѣ сырыхъ луговъ.

Нечистота и грязь въ одеждѣ и обстановкѣ вызываютъ обиліе насѣкомыхъ, на которыхъ монголь смотритъ вродѣ какъ бы на домашній скотъ, потому что охота на нихъ представляетъ ему пріятное развлеченіе въ часы долгаго досуга.

Пища монгола преимущественно животная, какъ у настоящихъ кочевниковъ, именно молоко и разнообразные приготовляемые изъ него національныя блюда; меньше ѣдятъ они мяса, которымъ лакомятся больше богатые и преимущественно зимой, когда коровы даютъ мало молока. Но такъ какъ большинство народа всетаки бѣдняки, владѣющіе небольшимъ количествомъ скота, то мясо и молочные продукты имъ не по средствамъ, и едвали не главную пищу ихъ составляетъ кирпичный чай, приготовляемый особымъ образомъ. Мы уже сказали, что молоко даетъ множество кушаній, жидкихъ, полужидкихъ и твердыхъ, въ зависимости отъ того, какъ оно приготовлено: кислое ли оно или свѣжее, снятое, неснятое, топленое. Новое разнообразіе вносятъ сорта молока: коровье, кобылье, овечье, верблюжье. Изъ всего этого приготовляются разныя кушанья и напитки (изъ прокислаго овечьяго и кобыльяго молока — *тараунъ*, нѣчто вродѣ кумыса), масло, сыры. Изъ мяса любимымъ является баранина, въ особенности жирный хвостъ животнаго, *курдюкъ*, состоящій почти сплошь изъ сала. Зарѣзавъ барана, неприхотливый монголь старается съѣсть изъ него все, что только можно, и въ этомъ онъ доходитъ до такого искусства, что отъ животнаго остаются буквально только кости и шкура. Даже кишки не пропадаютъ; выжавъ изъ нихъ слегка содержимое, монголь, даже не сполоснувъ ихъ, набиваетъ внутрь смѣсь крови съ мукой, приготовляя такимъ образомъ нѣчто вродѣ колбасы. Въ отношеніи количества пищи монголь можетъ заткнуть за поясъ любого эскимоса. Если онъ можетъ долго выносить лишенія голода, за то, дорвавшись до ѣды, онъ ѣстъ безъ мѣры и числа. „Обжорство монголовъ бараниною превосходитъ всякое вѣроятіе“, сообщаетъ Пржевальскій, — „за одинъ присѣсть номадъ

можетъ съѣсть болѣе десяти фунтовъ мяса, но выдаются и такіе гастрономы, которые въ теченіе сутокъ съѣдаютъ *цѣлаго барана средней величины!* Мясо ѣдятъ почти всегда сваренымъ, вѣрнѣе полусваренымъ, но при спѣшкѣ, монголы ѣдятъ его и сырымъ. Обыкновенно куски мяса они кладутъ подъ сѣдло коня или верблюда, чтобы оно промялось и лежало въ теплѣ, а потомъ ѣдятъ его облѣпленнымъ шерстью и провонявшимъ конскимъ или верблюжьимъ потомъ.

Какъ мы сказали, пища бѣдныхъ монголъ, преимущественно кирпичный чай. Чай этотъ, фабрикуемый китайскими производителями чая изъ отбросовъ производства и низшихъ сортовъ, въ видѣ прессованныхъ плитокъ въ формѣ разной величины кирпичей, служитъ всюду въ Центральной Азіи монетной единицей, на которую расцѣнивается любой товаръ. Это одно уже указываетъ на его широкое распространеніе. Но жестоко ошибется тотъ, кто подумаетъ, что кочевники Срединной Азіи приготавливаютъ чай, какъ китайцы или какъ мы. Ихъ чай нѣчто совершенно своеобразное,—не кипятокъ, а похлебка. Непремѣнная принадлежность даже самой бѣдной кибитки, это мѣдный чайникъ или хоть котелъ, который кипитъ цѣлый день на таганѣ среди нея, на огнѣ вонючаго аргала, т. е. сушенаяго помета домашняго скота. Вскипятивъ воду, монголка отламываетъ отъ чайнаго кирпича небольшой кусокъ, крошитъ его и сыплеть въ кипятокъ. Зимой, когда кирпичъ промерзъ и твердъ, какъ камень, его кладутъ на короткое время въ горящій аргаль, что придаетъ приготовленному напитку новый «ароматъ» и «вкусъ». Затѣмъ въ чайникъ сыпятъ горсть *дзамбы*, жареной пшеничной или смолотой изъ жаренаго ячменя муки, кладутъ кусокъ масла или бараньяго жира, соль и въ заключеніе молоко. Смѣсь эта кипитъ и образуетъ, если не особенно вкусную, то во всякомъ случаѣ питательную похлебку, которую монголъ готовъ распивать цѣлый день. Войдите въ любую кибитку, и чаще всего вы наткнетесь въ ней на сцену чаепитія. Усѣвшись вокругъ на полу, монголы тянутъ, расширивъ ноздри, изъ чайныхъ чашекъ свой любимый напитокъ. Взрослый выпиваетъ въ день чашекъ 15—20 вмѣстимостью въ добрый стаканъ. Чашки эти, которыя не моютъ, а вылизываютъ или вытираютъ просто пальцемъ, монголы всегда носятъ за пазухой и любятъ щеголять ихъ украшеніемъ.

Затѣмъ бѣдняки, которые тоже не прочь поѣсть мяса, не брезгаютъ падалью и охотно ѣдятъ табаргановъ или сурковъ, которыхъ ловятъ въ степи. Но любопытно, что монголы, не отказываясь отъ падали и мяса дохлой скотины, совсѣмъ не употребляютъ въ пищу птицъ и рыбу. Мало того,—они испытываютъ къ этой пищѣ необъяснимое отвращеніе, такъ что однажды на Куку-норѣ съ проводниками Пржевальскаго сдѣлалась рвота при видѣ того, какъ онъ со своими товарищами ѣлъ вареную дикую утку. „Тотъ самый монголъ“, замѣчаетъ Пржевальскій, „который родился и выросъ въ страшной грязи, кушалъ равнодушно дохлятину и невымытыя бараньи кишки, не могъ видѣть безъ крайняго потрясенія своего нравственнаго чувства, какъ чужіе люди ѣли чисто приготовленную утку!“

По характеру своему монголъ прежде всего лѣнивъ и апатиченъ. Суровая и скупая природа пустыни, кочевой строй, требующій не столько работы, сколько надзора, выработали въ монголахъ привычку относиться ко всему пассивно. „Энергія духа не воскресаетъ въ немъ при встрѣчѣ съ неизвѣданными трудностями“, пишетъ про монголъ Пржевальскій, „онъ всегда выбираетъ средства только избѣгнуть ихъ, но не побороть. Здѣсь нѣтъ гибкаго, мужественнаго духа европейца, способнаго примѣняться ко всему, бороться со всѣми невзгодами, побѣждать ихъ. Нѣтъ, передъ вами неподвижный, консервативный характеръ азіатца, полный пассивной апатіи ко всѣмъ, разъ зауроченнымъ невздамъ и совершенно чуждый всякой активной энергіи. Необыкновенно выносливые и терпѣливые для жизни въ пустынь, монголы падаютъ духомъ и слабнуть тѣломъ при первомъ непривычномъ для нихъ лишеніи... Этотъ человѣкъ, съ здоровьемъ, закаленнымъ, какъ желѣзо, не сможетъ пройти безъ крайняго утомленія двадцати-тридцати верстъ; переночуя на сырой почвѣ, какъ какой нибудь избалованный баринъ, лишенный два три дня кирпичнаго чаю, будетъ роптать во все горло на свою несчастную судьбу!“

На ряду съ лѣнью характерной чертой монгола является трусость, проистекающая изъ того же источника; онъ боится всего того, чего не знаетъ, что встрѣчаетъ впервые. При невѣжествѣ монголь не мало содѣйствуетъ этому малодушію и ламайское духовенство, не отказавшееся вполнѣ отъ культа древняго шаманства. Тамъ, гдѣ монголамъ издавна приходится вступать въ сношенія съ эксплуатирующими ихъ сосѣдями, къ природному добродушію ихъ примѣшалась не малая доза хитрости и лицемѣрія, а также склонности къ обманамъ, чего нельзя сказать про племена, живущія въ уединеніи степей. Въ противорѣчій съ апатіей стоитъ любопытство и словоохотливость. Потолковать о чемъ нибудь за чашкою чая составляетъ для монгола первое удовольствіе. При встрѣчѣ онъ прежде всего спрашиваетъ о новостяхъ и, услышавъ какую нибудь интересную новинку, не полѣнится тотчасъ же вскочить на коня и махнуть къ сосѣду, хотя бы версть за 30, чтобы сообщить ему услышанное.

Въ умственномъ отношеніи монголь также поражаетъ крайностями своего склада. Монголь прекрасно знаетъ свою пустыню, сумѣетъ лучше всякаго другого разобраться въ сложныхъ явленіяхъ ея жизни, найтись въ самомъ безвыходномъ положеніи: онъ предскажетъ по еле замѣтнымъ измѣненіямъ погоду, отыщетъ заблудившагося коня или верблюда, чутьемъ угадаетъ присутствіе воды въ почвѣ и т. п.; но потребуйте отъ него чего нибудь такого, что не входитъ въ обычный кругъ его дѣятельности, и монголь вытаращитъ глаза, съ недоумѣніемъ начнетъ нѣсколько разъ спрашивать объ одномъ и томъ же и въ концѣ концовъ все таки не пойметъ порою самой простой вещи.

Средства къ жизни монголамъ доставляетъ скотъ. Скотъ даетъ пищу, матеріаль для одежды и жилищъ и составляетъ рабочую силу. Но такъ какъ населеніе уже давно возросло настолько, что степь не въ состояніи прокормить достаточное для его содержанія количество скота, такъ какъ кромѣ того въ обиходъ монголовъ вошло много вещей, которыя они не готовятъ сами, а должны покупать (чай, мука, металлическія вещи, ткани), такъ какъ они еще должны платить налоги, то монголы уже не могутъ теперь кочевать, лѣниво пробавляясь приплодомъ своихъ стадъ. Часть монголь, именно на окраинахъ степи, гдѣ позволяютъ условія почвы, постепенно переходятъ къ земледѣлію, хотя переходъ этотъ совершается съ величайшимъ трудомъ.

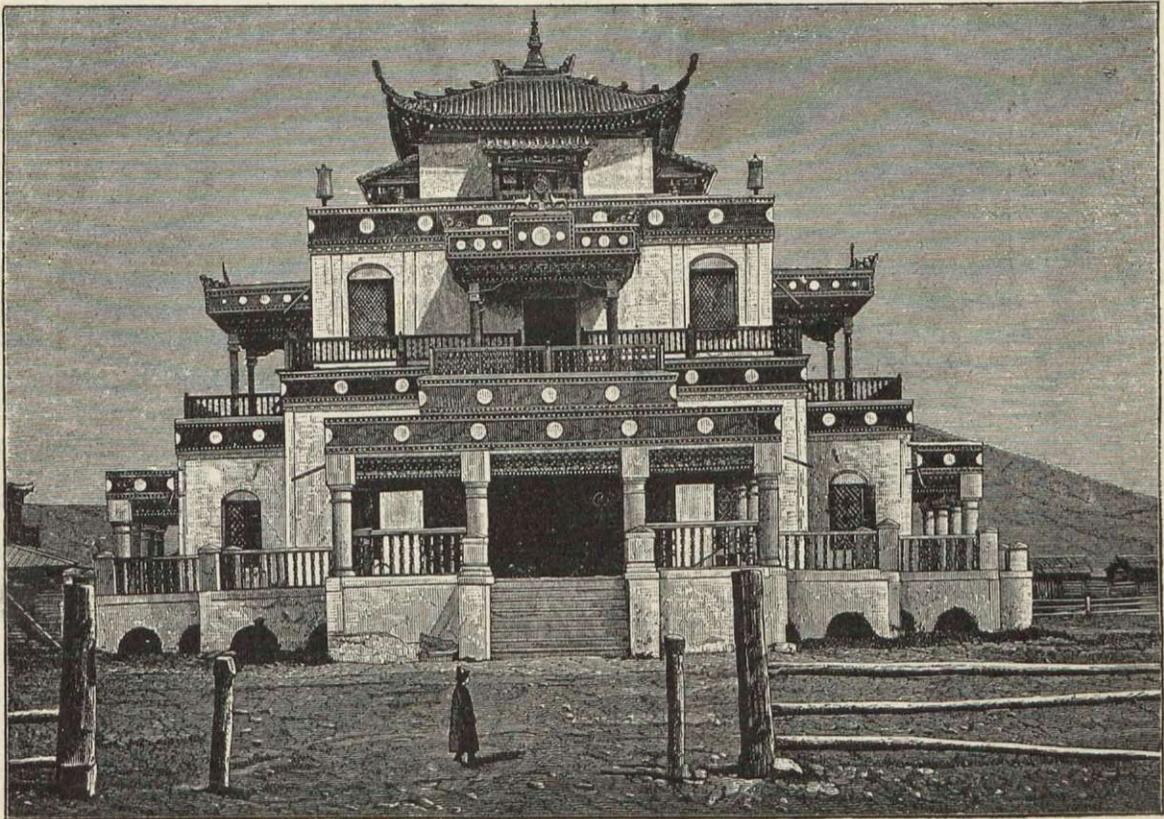
Получая отъ животныхъ все необходимое, монголь, какъ истый кочевникъ, ставитъ на первый планъ интересы своего стада, а не свои: хотя бы мѣсто кочевья казалось очень неудобнымъ для него, для его семьи, онъ ни въ какомъ случаѣ не покинетъ его, разъ здѣсь достаточно корму для скота и хорошей водопой. Внѣ скотоводства монголь не знаетъ ничего, такъ какъ промышленности въ истинномъ смыслѣ этого слова у монголь не существуетъ, если не считать домашнихъ работъ, которыми занимаются женщины, одѣвающие и обувающие всю семью, потому что мужчина монголь презираетъ подобный трудъ. Но богатство, заключающееся въ стадахъ, непрочно. Падежъ скота, вызванный заразной болѣзью, неурожаемъ травъ, гололедица, каждое изъ этихъ нерѣдкихъ въ степи бѣдствій можетъ въ короткое время подорвать благосостояніе самаго богатаго кочевника. На дѣлѣ это часто происходитъ. Въ концѣ концовъ большая часть народа должна добывать себѣ средства къ жизни трудомъ, и въ этомъ случаѣ монгола опять таки выручаетъ его домашній скотъ. Лѣто монголы проводятъ въ степи. Это время отдыха и бездѣлья, по крайней мѣрѣ для мужчинъ, потому, что трудъ и заботы ихъ ограничиваются присмотромъ за верблюдами и лошадьми. Но эти животныя пасутся самостоятельно, расхаживая по степи, и вся забота монгола, это разъ въ сутки загнать ихъ на водопой. Пастьба овецъ и рогатаго скота требуетъ нѣсколько больше заботъ, но зато это дѣло и поручается женщинамъ и подросткамъ. Всѣ остальные работы: доеніе, варка пищи, сборы въ дорогу, шитье, выдѣлка кожъ, валянье войлока—все лежитъ на женщинахъ, а у богатыхъ монголовъ на наемныхъ рабочихъ, являющихся большею частью бѣдными родственниками. Лѣто также сезонъ развлеченій, заключающихся въ охотѣ, скачкахъ, сборищахъ для чаепитія и болтовни, преимущественно о скотѣ.

Съ наступленіемъ осени каждый хозяинъ собираетъ своихъ отгулявшихъ верблюдовъ и идетъ наниматься въ извозъ, преимущественно въ города Калганъ и Куку-хото. Здѣсь верблюды его всегда найдутъ себѣ грузъ: чайные цибики и другіе товары, отправляемые въ Кяхту. Въ теченіе зимы всѣ верблюды сѣверной Монголіи работаютъ вмѣстѣ со своими хозяевами. Цѣлый мѣсяць плетется караванъ изъ Калгана въ Кяхту, не обращая вниманія на 30—40° мороза при постоянныхъ вѣтрахъ. При этомъ монголь все время сидитъ на конѣ или на верблюдѣ, развѣ пробѣжитъ время отъ времени, чтобы расправить окованншіе члены. Какое желѣзное здоровье нужно имѣть, чтобы безнаказанно совершить такой переходъ, а вѣдь между тѣмъ монголы дѣлаютъ въ зиму четыре такихъ конца, то есть въ общей сложности около 5000 верстъ. Съ наступленіемъ весны сезонъ перевозки грузовъ приходитъ къ концу, верблюды получаютъ лѣтній отпускъ въ степь на поправку, а ихъ хозяева отправляются туда же, къ своей излюбленной лѣтней праздности.

Въ общественномъ строѣ жизни сохранился почти въ неприкосновенности древній родовой бытъ. Теперь только, съ переходомъ къ земледѣлію, онъ начинаетъ разрушаться. Вся Монголія, т. е. и земля и народъ, дѣлится на нѣсколько округовъ или *аймаковъ*. Каждый аймакъ дѣлится на *хошуны*, а хошуны въ свою очередь раздѣлены на нѣсколько *сумыновъ*. Это устройство и дѣленіе сохранилось со временъ Чингисъ-хана, который, не ломая родового быта и дѣленія на роды и племена, сочеталъ съ нимъ военное раздѣленіе. По военному монгольской народъ дѣлился тогда на знамена, на полки, на тысячи и, наконецъ, на сотни. Каждый хошунъ, каждый сумунъ и теперь знаютъ свое сборное мѣсто, куда старики съѣзжаются по временамъ, чтобы держать совѣтъ по общимъ дѣламъ, а молодежь, — чтобы показать свою удалъ въ разныхъ играхъ. Подчиненіе Китаю лишило монголь всякой самостоятельности и привело къ тому, что народъ лишился многихъ своихъ правъ, которыя въ древнія времена ограничивали власть хановъ. Теперь ханы монгольскіе стоятъ въ полной зависимости отъ китайскаго правительства, которое привлекло ихъ на свою сторону и превратило въ орудіе подчиненія народа. Хань стоятъ во главѣ аймаковъ, но только стоятъ во главѣ, такъ какъ ничего ровно безъ предписанія китайскаго правительства они предпринять не смѣютъ. Китайцы, помимо политической власти, овладѣли Монголіей и въ культурномъ отношеніи. Китайскіе купцы и ростовщики не только захватили всю торговлю, но буквально поработили смиренныхъ, запуганныхъ и несообразительныхъ монголовъ, за которыхъ они даже вносятъ подати, взимая ихъ потомъ со своихъ кліентовъ сторицей въ видѣ сырья или рабочей силы. Границы аймаковъ не совпадаютъ съ границами распространенія монгольскихъ племенъ, потому что инья племена занимаютъ такое пространство и настолько многочисленные, что распадаются на нѣсколько аймаковъ. Все пространство къ сѣверу отъ пустыни занимаютъ монголы *халха*, къ востоку отъ которыхъ, уже въ предѣлахъ Манджури, обитаютъ *солонь*. Ближе къ предѣламъ Китая обитаютъ *уроты* (ойроты), *дурбеты*, *цахары* и другія менѣе извѣстныя племена. Кромѣ того монголы живутъ въ долинахъ Куку-нора и въ Цайдамѣ, не считая нашихъ Забайкальскихъ бурятъ. Сѣверо-западную часть Монголіи, гористую область верховьевъ Енисея, занимаютъ урянхи (сойоты), мало въ чемъ отличающіеся отъ монголовъ, но по языку это уже турки.

Въ отношеніи религіи почти все населеніе Монголіи принадлежитъ къ буддистамъ и исповѣдуетъ ламаизмъ. Эта сѣверная форма буддійскаго вѣроученія распространилась по всей центральной Азіи, гдѣ среди разнообразныхъ народностей монгольской породы оно выродилось въ запутанную систему обрядности, формальный культъ, нравственно-философскій смыслъ котораго совершенно неясенъ большинству населенія, тѣмъ болѣе, что молитвенныя книги напечатаны и самое богослуженіе отправляется на непонятномъ ему тибетскомъ языкѣ. Къ вѣроученію и обрядамъ ламаизма примѣшались остатки прежняго шаманства, которое не потеряло своего значенія въ глазахъ народа.

Буддизмъ, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ религій, которую только по невѣжеству причисляютъ къ язычеству, но это не помѣшало буддйскому духовенству, ради собственныхъ выгодъ, сковать умъ своей паствы грубѣйшими суевѣрїями. Особенно тягостно отзывается это на монголахъ, такъ какъ Монголія усѣяна множествомъ буддйскихъ монастырей и молельнъ, въ которыхъ, въ званїяхъ ламъ разной степени, праздно обитаетъ едва ли не пятая часть взрослога и способнаго къ труду мужскаго населенїя, особенно если причислить сюда ламъ, живущихъ въ нѣдрахъ семей, внѣ стѣнъ монастыря. По весьма распространенному обычаю одного мальчика въ монгольской семьѣ обыкновенно посвящаютъ въ ламы, бреютъ ему голову, одѣваютъ въ красно-желтое облаченіе, и по достиженїи 8—10 лѣтняго возраста отдаютъ его въ кумирню для обученїя грамотѣ, церковной службѣ и бо-

Монгольскій монастырь (дацанъ).

гословію. По окончанїи его, примѣрно къ 17 годамъ, принявшій обѣтъ усвоиваетъ внѣшнїя формы культа и возвращается обратно въ свою семью, гдѣ большею частью участвуютъ въ общей трудовой жизни и наряду съ прочими несутъ повинности. Наоборотъ, монастырскіе ламы, живущіе тамъ постоянно, вносятся въ особый списокъ, но попасть въ число такихъ избранныхъ не такъ-то легко.

Во главѣ всего духовенства стоитъ тибетскій Далай-лама, „папа“ буддистовъ, но специально для Монголіи существуетъ свой „митрополитъ“ или „епископъ“, именно *Хутухта*, резиденціей котораго является „столица“ Монголіи — Урга. Кромѣ него въ монастыряхъ много „хубилгановъ“ или „гыгеновъ“ т. е. святыхъ, воплощающихъ въ себѣ по мнѣнїю простонародья разныя божества, которыя мѣняютъ свои бранныя оболочки по мѣрѣ того, какъ онѣ изнашиваются.

Жители Тибета.

I.

Страна.—Тангуты: дѣленіе народа, типъ, жилища, одежда, образъ жизни, пища, характеръ и нравы.

Тибетъ или страна Бодъ, То-Бодъ (высокій Бодъ), превратившееся въ устахъ сосѣдей—турокъ, монголь и персовъ,—въ Тибетъ, Тебетъ, Тюбетъ, а у китайцевъ въ Ту-по, при своемъ пространствѣ, дѣйствительно самая высокая страна земного шара. Съ какой бы стороны путешественникъ не пытался проникнуть въ нее, онъ неизбежно долженъ подниматься, пока, минуя рядъ все выше и выше расположенныхъ переваловъ, не выберется цѣной жестокихъ усилий и лишений на эту высокую плоскость Азіи. Но сильно ошибается тотъ, кто думаетъ, что Тибетъ нѣчто однородное. Горныя системы, пересѣкающія другъ друга наискось, раздѣляютъ Тибетъ на отдѣльныя части, разнящіяся одна отъ другой и природой и населеніемъ. Въ общемъ Тибетъ по своему очертанію представляетъ громадный овалъ, заключенный въ выгнутыя въ противоположныя стороны относительно другъ друга горныя системы Гималаевъ и Куень-луня. Вѣтвистый отрогъ Куень-луня Арка или Акка-тагъ, отдѣляетъ отъ сѣверо-восточнаго Тибета болотисто-влажную впадину Цайдама. На югѣ горы Докто и Гангри, простираясь параллельно Гималаямъ на востокъ, оставляютъ между ними и собою длинную узкую долину, по которой струится Ярро-Дзанпо-Дихонгъ—Верхняя Брахмапутра, и гдѣ лежитъ священный городъ Далай-ламы, Хласса. Эта узкая долина и есть *собственно* Тибетъ, замкнутая, недоступная пока европейцамъ страна. Системы Гималаевъ и Куень-луня, сталкиваясь на востокъ съ хребтами Синійской системы, преобразуютъ всю восточную часть Тибета въ сложную горную страну, изборожденную хребтами, ущельями и долинами, по которымъ изъ „сердца Азіи“ струятся начала могучихъ азіатскихъ рѣкъ—Желтой, Голубой и Меконга. Въ противоположность тому западныя двѣ трети страны представляютъ именно то высокое, нелюдимое и голое плоскогорье, покрытое слабопокатыми низкими хребтами, со множествомъ изолированныхъ соленыхъ озеръ, которое мы представляемъ себѣ, когда думаемъ о Тибетѣ. Эта плоскость возвышается надъ уровнемъ моря на 4—5000 метровъ, такъ что Монъ-Бланъ также свободно продвинулся бы подъ нее, какъ табуретка подъ столъ. Въ западномъ углу обширнаго овала Тибета, гдѣ сближаются системы Гималаевъ и Куень-Луня, расположена, подобная восточной, горная область Кашмира, которая политически не входитъ въ составъ Тибета. Соотвѣтственно меньшему развитію горъ въ этой части, атмосферныя воды стекаютъ отсюда къ Индійскому океану всего только черезъ одну рѣку Индъ, истокъ котораго лежитъ возлѣ того самаго озера Маносароваръ, близъ восточнаго берега котораго родится Брахмапутра. Множество озеръ, залегающихъ въ ромбовидныхъ плоскихъ впадинахъ между горъ, усѣиваетъ своими бирюзово-голубыми пятнами преимущественно центральный Тибетъ; но это можетъ быть и не такъ, ибо внутреннее плоскогорье Тибета еще мало изслѣдовано. Большое озеро Тенгри-норъ—„Небесное“, лежитъ ближе къ южной окраинѣ, на сѣверномъ пути въ Хлассу. Озерная область лежитъ къ западу отъ него, а еще дальше, ближе къ западному Куень-луню, располагается другая, меньшая группа озеръ и среди нихъ тѣ, которыя, повидимому, являются самыми высокими на всемъ земномъ шарѣ. Озеро Ару-цо лежитъ на высотѣ 5227 м., озеро Хорпа-цо еще выше—на высотѣ 5465 м., если вѣрны опредѣленія путешественниковъ. Такимъ образомъ эти голубыя скопленія тяжелой соленой влаги спокойно расположились на высотахъ, на которыхъ надъ нашими головами носятся легкія перистыя облака. Другое большее и лучше извѣстное озеро—Куку-норъ (Голубое), лежитъ въ горахъ Наньшаня въ са-

момъ сѣверо-восточномъ углу Тибета. Присутствіе этого множества озеръ то въ плоскихъ блюдцеобразныхъ впадинахъ, то въ глубокихъ долинахъ, обличаетъ, что окраинныя горы еще стоятъ крутыми стѣнами, превращая Тибетъ въ страну, лишенную стока къ морю. Они также ревниво охраняютъ „сердце Азіи“ отъ разрушительнаго дуновенія посылаемыхъ океанами вѣтровъ и тучъ, какъ дѣлаетъ это тамошній человѣкъ, укрывшій въ недоступную страну свое мнимое сокровище, „святыню духа“. Но земныя и небесныя силы не знаютъ неодолимыхъ преградъ. Неизвѣстные намъ глубинные дѣятели, работающіе въ земной корѣ, подтачиваютъ и обламываютъ высокое нагорье, а налетающіе съ Тихаго океана влажные вѣтры посылаютъ восточный Тибетъ снѣгомъ, поливаютъ его дождями, и стекающія воды сносятъ то, что разрушено воздухомъ и подземнымъ огнемъ. Но середина страны еще не подчинена этому неизбѣжному процессу. Тамъ рѣдкій путешественникъ еще можетъ наблюдать въ полной неприкосновенности любопытную, поражающую своими контрастами, природу высокаго нагорья. Вѣчно разрѣженный воздухъ легко пронизывается ослѣпительными потоками солнечнаго свѣта, и тѣни кажутся отъ этого еще чернѣе и голубѣе. Снѣгъ и вода легче сохнутъ въ немъ, вода кипитъ вездѣ значительно ниже 100°, и нѣтъ возможности сварить въ ней мясо, рисъ, настоять, какъ слѣдуетъ, чай. Рѣдкія облака сгущаются по склонамъ горъ и выливаютъ тогда буквально ливни дождя, сыпятъ груды снѣга. Трескучій морозъ зимою знобитъ ноги и тѣневую сторону тѣла, въ то время какъ на освѣщенной половинѣ кожа лупится съ лица, темнѣетъ и чувствуетъ нестерпимый жаръ лучей солнца. Лѣтомъ, въ знойные часы дня, одѣтый густой и теплой шубой якъ, изнемогая, тащится въ высокія ущелья горъ и ищетъ прохлады на снѣговой поверхности, шумятъ и струятся талыя воды, а спустя нѣсколько часовъ ночной морозъ сковываетъ ихъ льдомъ, все смолкаетъ и замираетъ на стынувшей землѣ, и только яркія звѣзды лучисто сверкаютъ на черномъ небѣ. При такихъ условіяхъ растительность съ трудомъ и не вездѣ находитъ мѣсто для прозябанія, и обширныя пространства внутренняго Тибета поэтому лишены животной жизни и безлюдны. Но по окраинамъ дѣло обстоитъ иначе, и тому, кто проникаетъ въ Тибетъ съ юга, изъ Индіи, съ знойно влажныхъ ея равнинъ, сквозь вѣчные теплые туманы и ливни южныхъ Гималаевъ, тибетская долина рѣки Дзангъ-по, съ ея сухимъ умѣреннымъ климатомъ и скромной растительностью, кажется мѣстомъ райскаго успокоенія отъ изнурительнаго дѣйствія тропическаго климата. Сѣверная окраина Тибета, наоборотъ, поражаетъ развитіемъ степей и не даромъ получила отъ сосѣдей монголъ названіе „страны звѣрей“— *Гуресу гадзыръ*. И, дѣйствительно, здѣсь въ мѣстахъ, малодоступныхъ для жительства человѣка, пасутся огромныя стада антилопъ, козъ, яковъ и кулановъ или дикихъ ословъ, и почва, мѣстами, покрыта ихъ высохшимъ пометомъ, какъ ковромъ. Въ горахъ скачутъ аргали, бараны съ громадными круто завитыми рогами, небольшой и трусливый тибетскій медвѣдь шатается возлѣ норъ пищухъ, охотясь на этихъ звѣрьковъ, или лакомится ягодами съ низкихъ кустовъ. Тутъ же мелькаетъ кярсъ,—небольшой звѣрь, похожій на лису, а вдали медленной поступью движется караванъ тяжело-нагруженныхъ домашнихъ яковъ, сопровождаемый толпой закутаныхъ въ бараньи шубы путниковъ. Это богомольцы, собирающіеся со всѣхъ концовъ буддійскаго міра въ Хлассу.

Тибетъ населенъ слабо, а главное неравномѣрно. Сколько нибудь замѣтное населеніе занимаетъ его южную, восточную и сѣверо-восточную окраины. Повидимому, жители Тибета представляютъ одинъ народъ, разбитый на отдѣльныя части. Объ этомъ еще трудно судить опредѣленно, но всѣ путешественники находятъ въ физическомъ типѣ тибетцевъ, въ характерѣ и бытѣ общія черты. Въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ они называются *тангутами*, по китайски *си-фань*, и занимаютъ тамъ области Гань-су, Куку-норъ и сѣверный Тибетъ въ верховьяхъ рѣкъ Хуанъ-хэ (Желтой) и Муръ-усу (Голубой). Вся эта мѣстность носить у нихъ имя Амдо. Одна изъ вѣтвей тангутовъ, съ болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи, обитающихъ здѣсь же, называется черными тангутами—*кара-тангуты*. Племя, которое рассели-

лось по верховьямъ Хуанъ-хэ, называется *голыкъ*, между тѣмъ какъ обитатели горъ Данъ-ла или Танла носятъ имя *егравъ*. По разспроснымъ свѣдѣніямъ Пржевальскаго и другихъ путешественниковъ, внутри тибетскаго плоскогорья кочуютъ небольшія орды, вѣроятно, того же тангутскаго племени, извѣстныя подъ двумя главными именами: кочевники восточной части страны называются *сокъ-на*, жители западной половины страны — *горъ-на*. По донесеніямъ индусскаго пандита (ученаго индуса) Наингъ-Синга, котораго англичане снарядили въ путешествіе въ южный Тибетъ, такъ какъ доступъ европейскимъ изслѣдователямъ туда совершенно закрытъ, онъ встрѣтилъ на пути изъ Ладака въ Хлассу (въ южномъ Тибетѣ) кочевыя племена, носившія названіе *камъ-на* и перекочевавшія туда въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія изъ страны тангутовъ. Тамъ же этотъ скромный изслѣдователь встрѣтилъ осѣдлыя поселенія на берегахъ озера Дангра-юмъ-чо.

По своему типу, по характеру и отчасти быту, тангуты рѣзко отличаются отъ монголь, и по увѣреніямъ многихъ путешественниковъ (Пржевальскаго, Потаниной) сильно напоминаютъ нашихъ цыганъ. Это большею частью люди средняго, рѣдко высокаго роста, довольно коренастаго сложенія съ широкими плечами. Волосы на головѣ, въ бровяхъ и бородѣ у всѣхъ безъ исключенія черные, глаза тоже черные, обыкновенно большіе, правильно овальной формы, а не узко-прорѣзанные, какъ у монголь. Носъ отнюдь не приплюснутый, а часто орлиный, и подъ нимъ пухлыя, часто отвороченныя губы, за которыми сверкаютъ ослѣпительной бѣлизны крупныя, рѣдко-разставленныя зубы. Такъ какъ лицо тангутовъ въ общемъ продолговатое, скулы мало, почти не выдаются впередъ, то головы ихъ не имѣютъ тѣхъ угловатыхъ очертаній, которыя характеризуютъ монголь. Въ противоположность китайцамъ и монголамъ у тангутовъ сильно растутъ усы и борода (впрочемъ не у всѣхъ племень), но они или сбриваютъ ихъ для вящей красоты или выщипываютъ, между тѣмъ длинныя волосы, спускающіеся съ головы, иные подрѣзаютъ лишь спереди, сзади же оставляютъ ихъ висѣть свободно, словно конскій хвостъ; иные бреютъ ихъ, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ тангутовъ, которые уже успѣли усвоить китайскія моды и носятъ косы. Цвѣтъ кожи и лица въ общемъ смуглый, болѣе темный у кара-тангутовъ, переходящій иногда въ красноватый тонъ, вслѣдствіе чего китайцы даже называютъ дычюйскихъ кара-тангутовъ *хунъ-морль*, т. е. краснокожіе. Это названіе въ связи съ орлинымъ носомъ и длинными, черными, развѣвающимися волосами дѣлаютъ инога тангута похожимъ на сѣверо-американскаго дикаря. Темноватый, грязнокоричневый цвѣтъ кожи тангутовъ немало зависитъ отъ грязи, ибо тангуты никогда не моются и потому издаютъ противный запахъ, болѣе рѣзкій, но иной, чѣмъ монголы, которые тоже не отличаются благовоніемъ.

Жилища тангутовъ имѣютъ различный видъ, смотря по мѣсту обитанія и роду жизни. У кочевыхъ племень жилищемъ служитъ не универсальная юрта или кибитка, а четырехугольный длинный шатеръ съ плоской крышей, въ которой сдѣланъ продольный разрѣзъ, около фута шириной, для выхода дыма. На ночь отверстіе это закрывается. Шатры черныя, такъ какъ стѣны ихъ состоятъ изъ грубаго чернаго сукна, приготовленнаго китайскими мастерами изъ грубой пряжи, которую тангутскія женщины прядутъ даже на ходу изъ шерсти домашнихъ яковъ. Ткать онѣ въ большинствѣ случаевъ не умѣютъ. Сукно натянуто на разставленныя, вбитыя въ землю колья. Внутри изъ глины сбитъ небольшой очагъ, на которомъ тлѣетъ огонь сухого помета яковъ, а у колеблющейся стѣны противъ входа стоятъ бурханы и валяется домашній скарбъ. Вдоль стѣнъ набросаны кучи хвороста, прикрытыя кошмами или шкурами—это постели. Уголь шатра нерѣдко занимаетъ мелкій скотъ. Ткань сукна чрезвычайно рѣдкая, какъ сито, а такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ дожди лѣтомъ обычное явленіе, то тангутскій шатеръ очень плохо защищаетъ своихъ обитателей отъ непогоды; полъ въ немъ липкая грязь, нерѣдко усѣянная лужами.

Тамъ, гдѣ растетъ лѣсъ, и возможно заниматься хлѣбопашествомъ, тангуты живутъ въ бревенчатыхъ деревянныхъ строеніяхъ, можно сказать, избахъ. Эти тангутскія постройки

напоминают курныя избы нашихъ бѣлоруссовъ, только еще хуже ихъ. Стѣны сдѣланы даже не изъ сруба, а прямо изъ неотесанныхъ бревешекъ, сложенныхъ одно на другое. Щели между бревнами замазаны глиной, а плоскій накатникъ крыши заваленъ землей, оставляющей посрединѣ окно для выхода дыма. Впрочемъ, у богатыхъ строенія больше и удобнѣе, встрѣчаются даже двухэтажныя, со свѣтелками для лѣтняго обитанія. Внутри избы по стѣнамъ тянутся нары, а передъ ними во всю ширину избы протягивается сбитый изъ глины очагъ, въ который вмазаны три, четыре и болѣе котловъ. „Бываетъ и такъ“, говоритъ Потанина, „что на дворѣ двѣ избы, а между ними укрытый со всѣхъ сторонъ темный скотный дворъ. Эти дворы, обычай тунгутовъ селиться деревнями, околицы, загороженныя пряслами, и кругомъ деревни поля съ нашими сортами хлѣбовъ—съ овсомъ и гречихой, очень напоминали намъ въ Тибетѣ нашу родину“.

Стойбище тангутовъ.

Въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, но съ осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ, тангуты переняли у китайцевъ ихъ мазанки изъ сырцоваго кирпича. Такого рода постройки иногда въ два и три этажа, слабо суживающіяся къ плоской крышѣ въ формѣ усѣченной граненой пирамиды, со множествомъ маленькихъ оконъ, иногда съ башенкой, чаще всего встрѣчаются въ тибетскихъ монастыряхъ и въ ихъ сосѣдствѣ, напоминая примитивныя замки. Обыкновенно внизу находится большое помѣщеніе, гдѣ живетъ скоть и расположена кухня. Выше помѣщаются жилыя комнаты съ деревяннымъ, гладко оструганнымъ поломъ, разгороженнымъ досчатыми перегородками. У богатыхъ по стѣнамъ и потолкамъ живопись, на полу ковры. Мебели мало даже у богатыхъ, спятъ на покрытыхъ коврами нарахъ, сидятъ на коврахъ предъ маленькими пестро раскрашенными столиками. У многихъ имѣются шкапы и полки для книгъ. Посуда въ такихъ богатыхъ домахъ металлическая, украшенная рѣзбой, обыкновенно изъ

красной мѣди, стоитъ на полкахъ. У людей побѣднѣе—посуда деревянная, а у кочевыхъ тангутовъ посудой служатъ и бараній желудокъ, и бычачій пузырь, и бычачій рогъ, въ которомъ держатъ масло. Все, конечно, содержится крайне грязно.

Изъ этого описанія тибетскихъ жилищъ видно, въ какихъ разнообразныхъ условіяхъ быта живетъ населеніе Тибета. Жители его занимаютъ почти всѣ ступени культуры, отъ кочевого, равнодушнаго къ погодѣ разбойника-дикаря, до замкнувшагося въ келью философа-монаха, размышляющаго надъ судьбами міра и свойствами божества.

Одежда тангутовъ представляетъ обыкновенно овчинную шубу съ напускомъ впереди надъ кушакомъ, замѣняющимъ карманъ, такъ что спереди полы спускаются не ниже коленъ. Носятъ также халаты изъ домашняго сукна, лѣтомъ изъ китайской бумажной ткани.

Жители южнаго Тибета.

Исподъ большихъ мерлушковыхъ воротниковъ шубы и верхи мѣховыхъ шапокъ обшиты краснымъ. Любимая мода тангутовъ—спускать шубу и халатъ съ праваго плеча, такъ что съ этой стороны рука, плечо и отчасти грудь остаются голыми даже въ сильный морозъ. Богатые изъ щегольства оторачиваютъ одежды барсовымъ или тигровымъ мѣхомъ. Большимъ щегольствомъ считается также большая серебряная серьга съ краснымъ гранатомъ въ лѣвомъ ухѣ.

Вообще тангуты большіе любители всевозможныхъ украшеній, особенно женщины, которыя часто заплетаютъ волосы не въ двѣ косы, а во множество косичекъ, въ которыя вплетены или къ которымъ привѣшены всевозможныя побрякушки и украшенія: мѣдныя бляхи, раковины, красныя бусы, камни, шелковыя и шерстяныя прошивки. Все это бренчить, звякаетъ, свѣшивается чуть не до пяти и вѣситъ иногда нѣсколько фунтовъ. Въ соудствѣ Хлассы среди женщинъ распространенъ довольно странный обычай: тамошнія жен-

щины красятъ лицо черной краской, которую готовятъ изъ сажи и сока какого-то растенія.

Большинство тангутовъ кочуетъ, лишь немногіе, живущіе въ близкомъ сосѣдствѣ съ китайцами, оставили кочевой бытъ и прилѣпились къ земледѣлію. Чаще всего это имѣетъ мѣсто въ сосѣдствѣ монастырей или кумиренъ. Но осѣдлая жизнь, видимо, не понутру ихъ подвижной натурѣ, и только ощутительныя выгоды удерживаютъ ихъ въ новомъ и непривычномъ для нихъ бытѣ. При своей общительности тангуты любятъ совмѣстныя стойбища—только въ исключительномъ случаѣ можно встрѣтить одинокую палатку, тогда какъ монголы, наоборотъ, ставятъ свои кибитки особнякомъ. Въ то время какъ монголь предпочитаетъ сухую, бесплодную степь и боится сырости больше всякихъ невзгодъ своей родины, тангуты, обитающій въ близкомъ сосѣдствѣ съ Монголіей, но въ странѣ съ совершенно инымъ климатомъ и природой, ненавидитъ пустыню, боится ея жаровъ, сухости и избѣгаетъ безпредѣльныхъ песчаныхъ равнинъ. Онъ любитъ горы съ роскошными альпійскими лугами, лѣса, одѣвающие ихъ склоны, влагу и сырость тѣнистыхъ ущелій.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ уходъ за скотомъ единственное занятіе тангута, которое онъ, впрочемъ, подобно монголу, всецѣло взваливаетъ на жену, предпочитая самому сидѣть по цѣлымъ часамъ въ шатрѣ на полу возлѣ очага, на слабомъ огонькѣ котораго кипитъ неизбѣжный чайникъ или котелъ съ этимъ напиткомъ, и тянетъ чай чашку за чашкой. Надо, однако, замѣтить, что кирпичный чай, безъ котораго не можетъ обойтись монголь, для тангута роскошь вслѣдствіе своей дороговизны. Взамѣнъ его тангуты потребляютъ чай собственной фабрикаціи, такъ называемый Донкырскій чай, который изготовляется въ томъ мѣстѣ изъ сушеныхъ головокъ желтаго лука, растущаго по горамъ Ти-

Тибетская женщина съ дѣвочкой (Ю. Тибетъ).

бета въ такомъ изобиліи, что даже названіе горъ Куень-Луна производятъ отъ имени этого растенія. Головки этого лука смѣшиваютъ съ разными другими растеніями, смѣсь прессуютъ наподобіе табака и завариваютъ на кипяткѣ. Вкусъ этого напитка, по отзывамъ путешественниковъ, отвратительный, но тангуты сдобриваютъ его молокомъ и пьютъ въ такомъ же невѣроятномъ количествѣ, какъ монголы свой чай. Главную пищу, добавляющую чай, составляетъ дзамба, поджаренный и смолотый въ муку ячмень, кромѣ котораго тангуты питаются молочными продуктами, переработанными чаще всего въ сыръ, *чурра* или *чурма*,—сушеный творогъ, наряду съ которымъ ѣдятъ любимый ими *тарьжъ*—вскипяченное и прокипяченное снятое молоко,

а также масло, куски котораго тангуты носятъ прямо за пазухой, въ рукавъ или въ карманѣ, гдѣ прогорклый продуктъ этотъ пріобрѣтаетъ новыя примѣси въ видѣ грязи и шерсти. Тѣмъ не менѣе тангуты безъ стѣсненія угощаютъ имъ гостя, поднося ему лакомый кусокъ грязнаго масла прямо грязной рукой. Мясо тангуты, даже богатый, ѣсть рѣдко, такъ какъ приплодъ стада едва-ли не единственный товаръ, при посредствѣ котораго тангуты пріобрѣтаетъ для своего скромнаго обихода нужные предметы, привозимые изъ Китая

Дѣвушка изъ племени Ботья (Ю. Тибетъ).

мимоѣдущими богомольцами, которые наряду съ благочестивою цѣлью не упускаютъ случай разжиться или, по крайней мѣрѣ, окупить издержки странствія.

Въ отличіе отъ монголовъ, тангуты проявляютъ въ своемъ характерѣ гораздо больше энергии и отличаются большей смѣлостью и смѣтливостью. Съ другой стороны ихъ характеру не достаетъ того добродушія и безкорыстнаго гостепрѣимства, которое составляетъ отличительную черту всѣхъ чистокровныхъ монголовъ, не испорченныхъ еще своими сосѣдями-китайцами. У тангутовъ, особенно у ганьсуйскихъ, наиболѣе цивилизованныхъ, въ высшей степени развито плутовство, страсть къ торгашеству и скаредность. Тангуты не окажутъ самой пустой услуги даромъ, а всегда постарается стянуть, какъ можно больше, не только съ чужеземца-иноплеменника, но даже со

своего брата, такого же кочевника. „Ханжество и суевѣріе, рядомъ съ грубостью, лѣнью, корыстью и эгоизмомъ—вотъ отличительныя черты ихъ характера“, по нелестной аттестаціи Пржевальскаго,—„чувство привязанности къ людямъ близкимъ проявляется у нихъ, пожалуй, не болѣе, чѣмъ у многихъ животныхъ, относительно себѣ подобныхъ. Богатство или власть, часто удалъ и сила физическая—единственные здѣсь критериумы достоинства чело-вѣка“. Мы знаемъ, однако, что нашъ извѣстный путешественникъ вообще былъ склоненъ пре-

увеличивать недостатки азіатовъ. Но, повидимому, въ этомъ случаѣ Пржевальскій близокъ къ истинѣ, потому что другіе путешественники, имѣвшіе возможность близко ознакомиться съ этимъ народомъ, рисуютъ его характеръ не менѣе черными штрихами. „Мы, сравнивая тангутовъ съ другими извѣстными намъ кочевниками“, говоритъ Потанина, „находили ихъ очень негостепріимными. Киргизъ или монголь всегда готовы принять путника въ свою палатку и раздѣлить съ нимъ свой обѣдъ и предложить чаю или молока, даже если это будетъ ихъ послѣдняя пища; не то съ тангутами. Злые, огромные псы всегда стерегутъ входъ въ ихъ палатку или привязаны у воротъ дома. Даже односельчане не входятъ на дворъ сосѣда безъ того, чтобы не вызвать хозяйку дома за ворота. Часто пришедшій долго кричить у воротъ, не смѣя войти въ нихъ, хотя бы они были отворены. Такъ строго соблюдаютъ тан-

Тибетскія женщины (Ю. Тибетъ).

гуты то свое правило, что каждый домъ есть замокъ, неприступный для всѣхъ, кромѣ его обитателя. Паломники, проходя по тангутской землѣ, никогда не бываютъ принимаемы подъ кровлю частнаго дома; пищу тангуты имъ выносятъ на дорогу, но ночевать не пускаютъ“. Избалованные безпрекословной покорностью монгольскихъ и китайскихъ купцовъ и богомольцевъ, съ которыхъ тангуты берутъ дань, при прохожденіи черезъ ихъ страну, они, именно еграи, держатъ себя слишкомъ самоувѣренно, даже нагло, хотя при храброемъ отпорѣ, который имъ далъ Пржевальскій съ маленькой кучкой своихъ спутниковъ, они оказались такими же трусами, какъ и прочіе азіаты. Тѣмъ не менѣе путешествія по Тибету всегда сопряжены съ опасностью жизни, и не одинъ изслѣдователь сложилъ тамъ свою голову; стоитъ только вспомнить злополучнаго Дютрейль-дю-Рейна. Всѣ описанныя черты ха-

рактера тангутовъ легко объясняются ихъ жалкимъ положеніемъ въ скудной дарамъ природы, холодной странѣ. Вездѣ, гдѣ человѣкъ цѣлыми поколѣніями живетъ на краю голодной смерти, въ его характерѣ развиваются отвратительныя черты крайняго эгоизма и пренебреженія къ ближнему. Тангутская молодежь, подобно тубу и туарегамъ Сахары, всегда готова собраться въ разбойничью шайку, чтобы подкараулить, разбить и разграбить караванъ купцовъ и паломниковъ въ какомъ нибудь удобномъ, глухомъ мѣстѣ.

Описывая нравы и бытъ тангутовъ, нельзя не упомянуть о странномъ обычаѣ, распространенномъ едва-ли не во всемъ Тибетѣ. Это многомужество. Женщина выходитъ замужъ за нѣсколькихъ мужей, но при одномъ непремѣнномъ условіи, чтобы мужья ея были родными братьями. Число ихъ доходитъ до семи. Одни изслѣдователи объясняютъ этотъ обычай, какъ пережитокъ древности, другіе, именно Пржевальскій, со словъ самихъ тангутовъ, приписываютъ происхожденіе его экономическимъ причинамъ. Этотъ обычай спасаетъ имущество семьи отъ раздѣла и дробленія, а стало быть, отъ обѣдненія. Съ другой стороны китайское правительство, которому подчинены теперь тангуты, взимаетъ подать съ каждой палатки, въ которой есть замужняя женщина, такъ что плательщицами податей являются жены, тогда какъ дѣвушки избавлены отъ налога. Подтверженіемъ такому объясненію служить то, что богатые тангуты не только не придерживаются такого обычая, но, наоборотъ, подобно другимъ азійскимъ народамъ, имѣютъ нѣсколькихъ женъ.

Въ заключеніе характеристики тангутовъ нельзя не упомянуть объ оригинальномъ приѣмѣ привѣтствовать другъ друга, распространенномъ главнымъ образомъ среди жителей южнаго Тибета. При встрѣчѣ, особенно важнаго лица, вѣжливость требуетъ, чтобы привѣтствующій, поднявъ локти и уставивъ сжатые кулаки противъ груди, высунулъ языкъ.

II.

Ламаизмъ. — Обряды и суевѣрія. — Духовенство. — Монастыри. — Далай-лама.

Какъ извѣстно, Тибетъ — Святая Земля буддистовъ, и, въ качествѣ таковой, онъ усѣянъ монастырями или кумирнями, нерѣдко, подобно крѣпостямъ, обнесенными для защиты отъ нападенія высокими стѣнами. Городовъ въ нашемъ смыслѣ въ Тибетѣ нѣтъ, ихъ роль играютъ кумирни или монастыри, среди которыхъ главное значеніе принадлежитъ священному городу Хлассъ, этому Риму и Иерусалиму всѣхъ буддистовъ. Однако Тибетъ не есть родина буддизма, который возникъ въ Индіи. Въ Тибетъ буддизмъ проникъ лишь въ VII ст. нашей эры, благодаря стараніямъ проповѣдника Сронгъ-цанъ-гамъ-по, значить, около того же времени, когда въ западной Азіи возникъ и сталъ распространяться исламъ. Конечно, буддійскіе апостолы и раньше пытались просвѣтить Тибетъ и сосѣднія страны, но безъ особаго успѣха. До распространенія его въ Тибетъ господствовали древнія вѣрованія, религія Бонъ или Бонъ-па, которыя въ послѣдствіи примѣшались и слились съ буддизмомъ, вслѣдствіе чего буддизмъ въ Тибетѣ утратилъ свою чистоту и преобразился въ то, что теперь называютъ *ламаизмомъ*, по туземному имени стоящихъ во главѣ его духовныхъ лицъ — ламъ. Религія Бонъ представляла вѣрованія въ злыхъ и добрыхъ духовъ (шаманство), которое помѣстило нѣкоторыхъ изъ нихъ въ число буддійскихъ божествъ. Мы не будемъ говорить здѣсь о буддизмѣ, какъ о религіи, а рассмотримъ только его форму ламаизмъ постольку, поскольку это имѣетъ отношеніе къ Тибету.

Священныя книги ламаизма, *Канджуръ*, раздѣляются на семь, а проще на четыре отдѣла: 1) *Дулъ-ва* заключаютъ исторію возникновенія монашества, 2) *еШръ-чинъ* заключаютъ философію буддизма, 3) *До* — основное ученіе, и 4) *Гююдъ* содержатъ молитвы, заклинанія обряды, изреченія и проч. Все это изложено въ 100 или 108 томахъ печатныхъ книгъ, которыя ламы, однако, не трудятся изучать, такъ какъ самыя необходимыя свѣдѣнія, самыя главныя правила и молитвы печатаются особо. По ученію ламаизма, высшимъ почитаемымъ

существомъ является Будда. Но Сакья-Муни, который является истиннымъ воплощеніемъ Будды, не единственный Будда. Ему предшествовали безчисленныя воплощенія, и за нимъ слѣдуютъ воплощенія будущія, которыя будутъ повторяться безконечное число разъ отъ вѣка и до вѣка. Эти воплощенія почитаются напередъ, какъ будущія Будды, и называются Бодисатвами, тогда какъ прежнія воплощенія Будды, хотя и пользуются почетомъ, но остаются, какъ бы, на второмъ планѣ, въ тѣни. Бодисатва, который воплотитъ въ себѣ Будду, въ первой очереди, называется Майтрея и пользуется большимъ уваженіемъ, но инныя изъ будущихъ Буддъ пользуются еще большимъ почитаніемъ; это Авалокитесвара и Манджусри. Авалокитесвара носитъ въ Тибетѣ имя Чанрези и считается патрономъ—покровителемъ Тибета. Согласно буддійской легендѣ, Чанрези былъ любимымъ ученикомъ Сакья-муни. Манджусри, называющійся у тибетцевъ Дьямъ-паль, олицетворяетъ мудрость и кроткую силу убѣжденія. Чтобы внести хоть какой нибудь порядокъ въ безчисленное множество Буддъ, буддисты принимаютъ за перваго Будду Ади-Будду, истеченіемъ или проявленіемъ котораго являются всѣ остальные. Ади-Будда называется въ Тибетѣ также санскритскимъ именемъ Вадьрадхара и Вадьрасатва ¹⁾; это высшее существо и повелитель всѣхъ добрыхъ духовъ.

Среди множества Буддъ есть Будды, которые пользуются особымъ почтеніемъ: Сакья-муни, его первые четыре предшественника и наслѣдникъ Майтрея. Но Майтрея еще не явился, а четыре другихъ Будды погрузились въ небытіе, въ Нирвану, хотя съ ними можно вступить въ сношенія при посредствѣ напряженнаго созерцанія, состояніе, которое называется Дьяна. Поэтому эти Будды называются Дьяни-Будды.

Среди нихъ тотъ, кто былъ Сакья-муни, получилъ названіе Амитаба, культъ его особенно распространенъ въ Тибетѣ, обитатели котораго вѣрятъ, что Амитаба пребываетъ въ раю Сукавати, расположенномъ гдѣ-то на западѣ, куда удаляются послѣ смерти всѣ праведныя души. Этотъ рай соблазняетъ жителей Тибета болѣе, чѣмъ ничего не говорящая имъ Нирвана. Амитабу изображаютъ сидящимъ въ позѣ созерцанія со скрещенными ногами на низкомъ красномъ или розовомъ сидѣньи, со сложенными руками, покоющимися ладонями вверхъ на ступняхъ ногъ; въ рукахъ сосудъ для сбора подаянія, возлѣ сидѣнья изображаются птицы врѣдѣ гусей или лебедей, а за спиной Амитабы, въ видѣ щита, расположенъ громадный овальный листъ. Каждый Дьяни-Будда имѣетъ семью—жену и сына. Супруга Амитабы это Пандара, а его сынъ называется Падмапани (т. е. Держащій въ рукѣ лотосъ), и изображается такъ же, какъ Амитаба, но съ цвѣткомъ въ каждой рукѣ. Падмапани отраженіе Авалокитесвары и въ качествѣ бодисатвы пользуется въ Тибетѣ не меньшимъ почитаніемъ, чѣмъ самъ патронъ Тибета, Авалокитесвара-Чанрези.

Легенда рассказываетъ, что Авалокитесвара-Падмапани былъ такъ опечаленъ мученіями грѣшниковъ, что рѣшилъ спасти ихъ силой сочувствующаго размышленія, а если это не удастся, то пусть лучше голова его разлетится на тысячу кусковъ. Онъ уже достигъ своей цѣли, но пока онъ размышлялъ, адъ наполнился новыми толпами грѣшниковъ, при видѣ которыхъ голова Авалокитесвары разлетѣлась на тысячу кусковъ. Прибѣжавшій на помощь Амитаба собралъ осколки и сдѣлалъ изъ нихъ десять головъ, обѣщавъ Авалокитесварѣ, что современемъ благочестивая цѣль его будетъ достигнута. Вотъ почему Авалокитесвару изображаютъ иногда съ 11 головами.

Кромѣ буддъ и бодисатвъ, существуетъ еще безчисленное множество добрыхъ духовъ—Ла, и злыхъ—Ла-ма-инъ, мужскихъ и женскихъ. Всѣ они дѣлятся на разряды, и добрые вѣчно воюютъ со злыми съ цѣлью истребить ихъ. Эти духи имѣютъ каждый свое назначеніе, каждый окруженъ легендой и обитаетъ обыкновенно въ своемъ мѣстѣ. Кромѣ духовъ въ

¹⁾ Большинство названій двойное: одно санскритское, другое тибетское. Гдѣ нужно, мы приводимъ оба названія.

человѣческомъ образѣ, есть духи животныя, духи камни. Всѣ одухотворенныя существа распадаются на шесть порядковъ: 1) добрые духи, 2) люди, 3) злые духи, 4) животныя, 5) привидѣнія, 6) осужденные, и основнымъ ученіемъ ламаизма является ученіе о послѣдовательномъ переселеніи душъ черезъ всѣ эти разряды соотвѣтственно заслугамъ при жизни въ существѣ каждаго разряда. Такимъ образомъ душа можетъ пасть съ положенія божества до нисшей ступени или же, наоборотъ, подняться до высшей возможной степени; она возрождается послѣ каждой смерти, воплощается въ новомъ существѣ, и высшее, чего она можетъ достигнуть, это прекращеніе перерожденій, состояніе, котораго удостоены будды, которое ожидаетъ бодисатвъ.

Итакъ, чего ожидаетъ, о чемъ мечтаетъ ламаистъ? Первое, это удостоиться благосклонности добрыхъ духовъ и отклонить отъ себя вліяніе злыхъ, а второе—добиться послѣ смерти счастливаго перерожденія или воплощенія. Къ достиженію этой цѣли ведутъ два пути: первый заключается въ добродѣтельной жизни, о чемъ изъ жителей Тибета мало кто заботится, потому что онъ легко достигаетъ своей цѣли вторымъ способомъ, именно соблюденіемъ предписанныхъ обрядовъ, чтеніемъ молитвъ, постомъ, хотя не всѣ благочестивыя упражненія дозволены простымъ смертнымъ, — есть такіе обряды, которые могутъ выполнять только ламы.

Лучшимъ средствомъ отвязаться отъ злыхъ духовъ является чтеніе *дарани*, краткихъ молитвъ или изреченій. Эти дарани написаны всѣ на санскритскомъ языкѣ, съ которымъ жители Тибета незнакомы, а если даже и знакомы, то все равно не понимаютъ смысла ихъ. Дарани существуетъ безчисленное множество, на всѣ случаи жизни, и только ламы знаютъ опредѣленно, когда и въ какомъ случаѣ умѣстны то или другое изреченіе или молитва. Есть однако среди дарани такія, которыя съ пользою произносятся всегда. Къ числу ихъ принадлежатъ знаменитые шесть слоговъ: „Омъ!—Мани—Падме—Хомъ!“! что въ переводѣ означаетъ „о, драгоценность въ лотосѣ! Аминь!“! но что скрыто въ этомъ возгласѣ, какой смыслъ заключается въ этихъ ничего не значущихъ шести слогахъ, пока никому неизвѣстно. Шесть слоговъ отвѣчаютъ шести степенямъ переселенія, говорятъ одни; они символизируютъ шесть главныхъ добродѣтелей, увѣряютъ другіе. Всего вѣроятнѣе, что изреченіе относится просто къ самому Авалокитесварѣ. Такъ или иначе, но эта молитва самая распространенная среди буддистовъ и повторяется ими несчетное число разъ и шепотомъ и громко нараспѣвъ. Такъ какъ многое зависитъ отъ того, сколько разъ повторена молитва, то практическіе тибетцы придумали замѣнять свои уста особымъ приборомъ, молитвенной мельницей.

Это очень разнообразныя приборы, отъ маленькихъ ручныхъ до громадныхъ въ видѣ барабановъ, неподвижно установленныхъ въ кумирняхъ. Сущность ихъ всѣхъ однако въ томъ, что клочки бумаги съ написанной на нихъ молитвой прикрѣплены къ спицамъ, насаженнымъ на ось съ ручкой, посредствомъ которой ось и молитвы можно вращать. Маленькая ручная мельница похожа немного на наши кофейныя мельницы. Если буддисту недосугъ вертѣть ее рукой, онъ пристраиваетъ мельничку къ ручью или заставляетъ крутить ее вѣтеръ. Такія мельнички встрѣчаются вездѣ столь же часто, какъ *мани* или по монгольски *обо*, т. е. кучи или валы камней, расположенныя вдоль дорогъ, на перекресткахъ, на перевалахъ, вообще всюду, гдѣ воображеніе ламаиста чувствуетъ присутствіе духа. Всякое приношеніе тутъ благо: камень, лоскутъ ткани, даже волосъ, и при минованіи каждаго обо слышится неизмѣнное бормотаніе—омъ мани падме хомъ! Наряду съ мани очень употребительны *лабце*—шесть съ исписанными молитвой лоскутами (*дарчогъ*) на концѣ, воздвигаемые на крышахъ, на поляхъ, перевалахъ и проч. *Чортень*—скромныя по архитектурѣ памятники, нѣчто вродѣ часовень, также часто встрѣчаются въ Тибетѣ, но все это отступаетъ на задній планъ передъ безчисленными изображеніями божествъ въ формѣ образовъ, статуй и статуетокъ, начиная отъ самыхъ мелкихъ или грубо намѣченныхъ въ камнѣ, и кончая необыкновенно искусно литыми и обработанными изъ мѣди, раскрашенными, позолоченными и украшенными драгоцен-

Тибетские ламы.

ными камнями. Всѣ они довольно похожи другъ на друга, но различаются положеніемъ рукъ и разными придаточными украшеніями, которыя служатъ для отличія однихъ божествъ отъ другихъ. Обычное названіе статуетокъ — бурханъ, и они не отсутствуютъ ни въ одномъ жилищѣ ламаиста. Многія кумирни набиты ими, точно музеи.

Мы не можемъ перечислить здѣсь всѣхъ обрядовъ, гаданій, примѣтъ, которыя буквально обволакиваютъ каждый шагъ, каждое дѣйствіе, каждое желаніе ламаиста,—ихъ слиш-

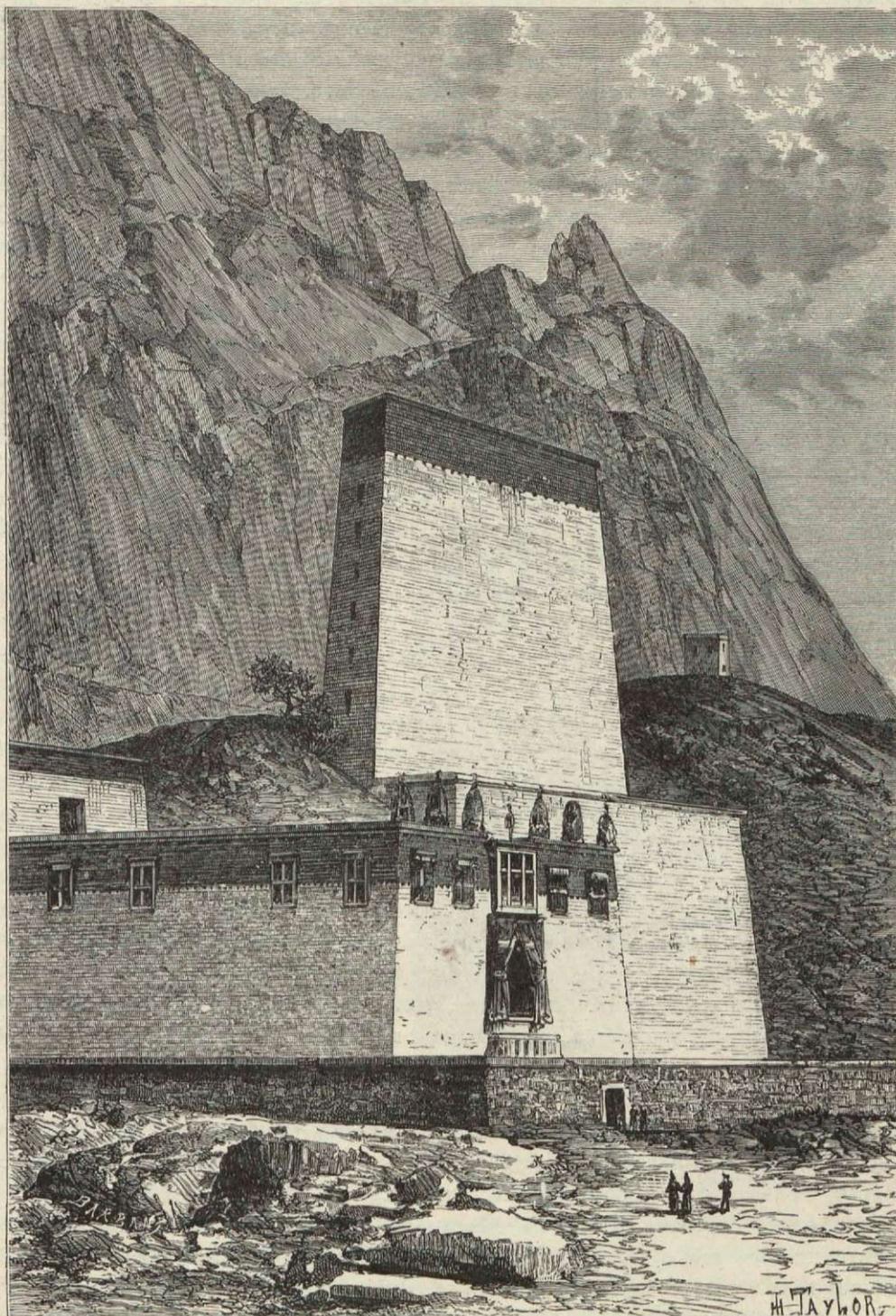
Верховные ламы передъ дверьми монастыря Пеміонгчи (Ю. Тибетъ).

комъ много, — и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію церковнаго устройства, которое замѣщаетъ въ Тибетѣ всякое другое — государственное и общественное, превращая его въ страну духовныхъ, монаховъ и монастырей.

Буддизмъ не знаетъ священства въ нашемъ смыслѣ этого слова. Онъ дѣлитъ всѣхъ людей на два класса: къ одному принадлежатъ ищущіе совершенства, иными словами добраго переселенія своей души, къ другому относятся всѣ тѣ, кто, не заботясь особенно объ этомъ, предается утѣхамъ и радостямъ существованія. Первые представляютъ духовныхъ лицъ, отшельниковъ, предающихся исключительно молитвѣ, посту, благочестивому созерцанію, на обязанности вторыхъ или свѣтскихъ лицъ лежитъ производить все необходимое для тѣлесной жизни всѣхъ — пищу, одежду, жилища. Число духовныхъ необыкновенно велико. Чуть не

въ каждой семьѣ одинъ или два члена монахи или монахини, такъ что въ общемъ одно духовное лицо приходится на 7—13 свѣтскихъ. Монахи живутъ либо общинами въ монастыряхъ, либо ведутъ уединенный отшельническій образъ жизни гдѣ нибудь въ пустынной мѣстности, въ какой нибудь пещерѣ или щели высоко въ скалахъ, куда втаскиваютъ скудную пищу, приносимую имъ, на веревкѣ. Нѣкоторые, однако, живутъ въ семьяхъ и даже женаты, другіе странствуютъ, питаются подаяніемъ. Монастыри или кумирни очень много-

численны и называются у тибетцевъ *гонъ-па* или *гонъ-де*. Это обыкновенно нѣсколько прочныхъ многоэтажныхъ построекъ, раскинутыхъ кругомъ храма. Кромѣ келій, гдѣ живутъ

Тибетскій монастырь въ Шигатзе.

монахи, при монастырѣ имѣются залы для собраній, библіотека, иногда типографія, а также разныя мастерскія. Кругомъ зданій разбитъ садъ, а нѣкоторые монастыри обнесены стѣ-

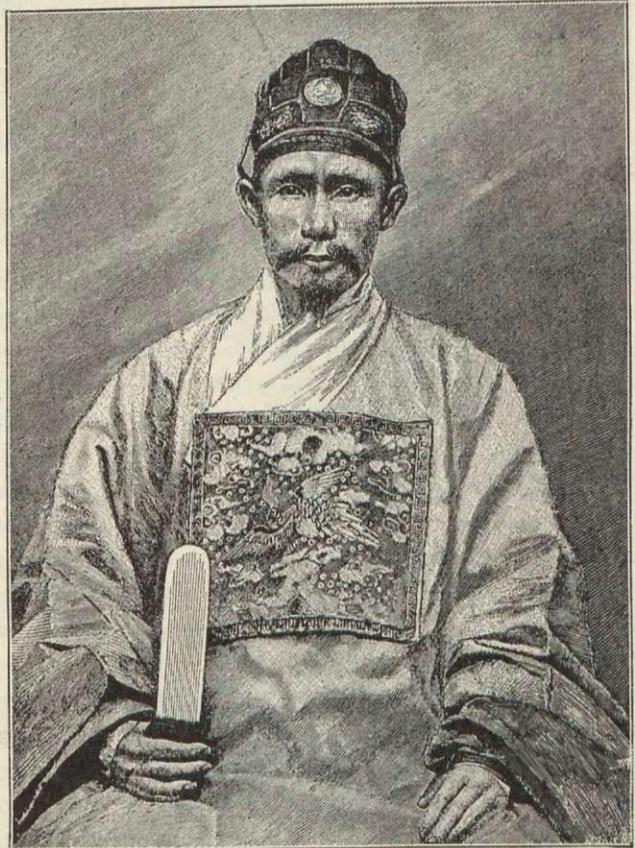
нами. Монастырь, въ которомъ меньше 500 монаховъ, считается маленькимъ, въ большихъ же число монаховъ достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ. Самые извѣстные и наиболѣе посѣщаемые находятся въ Ладакѣ (Химисъ), въ Цангѣ (Ташилумпо), и особенно въ долинѣ Ки,—Хласса, Потала, и Доркіа на берегу озера Тенгри-норъ, все въ южномъ Тибетѣ. Верхнюю одежду духовныхъ составляетъ халатъ, шелковый или льняной, но сшитый изъ лоскутьевъ хотя бы и новой ткани въ воспоминаніе того, что Сакья-муни ходилъ въ нищенскомъ отребьи. Халатъ надѣвается такъ, чтобы лѣвое плечо оставалось обнаженнымъ. Цвѣтъ одежды и особенно шапки имѣетъ особенное значеніе. Преобладающимъ является желтый и малиново-красный. Собственно истинно признаннымъ является желтый цвѣтъ, но современемъ онъ перешелъ въ другіе оттѣнки до краснаго включительно. Въ то же время нравы буддійскаго духовенства пришли въ сильный упадокъ. Когда знаменитый реформаторъ буддизма, монахъ Тзонъ-ка-па, выступилъ въ XIV в. со своими обличеніями и добился возстановленія прежней чистоты вѣры и обрядности, желтый цвѣтъ взялъ перевѣсъ надъ краснымъ, который однако уцѣлѣлъ на югѣ, въ Непалѣ и Бутанѣ, между тѣмъ какъ желтый господствуетъ во всемъ Тибетѣ.

По уставу монахи должны заниматься только изученіемъ священныхъ книгъ и благочестивымъ созерцаніемъ, но на дѣлѣ, за исключеніемъ развѣ бѣдныхъ захолустныхъ монастырей, обитатели ихъ предпочитаютъ вести болѣе веселый образъ жизни: нищенствуютъ, хозяйничаютъ, торгуютъ, бражничаютъ и въ то же время за приличное вознагражденіе выполняютъ требы. Наибольшимъ почетомъ, а слѣдовательно и доходами, пользуются тѣ духовные, которые занимаются гаданіемъ и предсказываніемъ будущаго. Невѣжество и суевѣріе народа таково, что развратный или праздный образъ жизни тибетскаго духовенства мало вредитъ ему въ глазахъ толпы.

Что касается церковной іерархіи, то въ этомъ отношеніи духовные дѣлятся на ранги. Монахи, официально занесенные въ списки монастырей, называются *че-ло гъ*; послушники перваго разряда называются *че-нъенъ*, втораго разряда—*че-цуль*. Высшія должности это настоятели, носящіе титулъ Ханъ-по. Словомъ же *лама*, что значитъ „высшій“ (по санскритски *гуру*), европейцы, а иногда и сами тибетцы называютъ безразлично всѣхъ духовныхъ, что неправильно, такъ какъ этотъ титулъ принадлежитъ лишь высшимъ членамъ буддійской іерархіи. Мы уже говорили о божествахъ, которыя въ большинствѣ случаевъ оказываются среди Ханъ-по и которыхъ монголы называютъ словомъ *хубилганъ* (т. е. перерожденецъ), также хутухта, а тибетцы *Це-рабъ-лама*. Эти личности, которымъ по ученію предстоитъ превратиться въ буддъ, на дѣлѣ почитаются народомъ какъ воплощенія Будды, какъ „живыя будды“, „живыя божества“. Когда хубилганъ умираетъ, это значитъ, что онъ испыталъ новое перерожденіе и переселился въ другое тѣло. По истеченіи положеннаго срока становится извѣстнымъ, что душа его воплотилась въ такомъ-то мѣстѣ, въ тѣлѣ такого-то двухъ-трехлѣтняго ребенка. Ребенка подвергаютъ испытанію, напримѣръ, подносятъ ему вещи прежняго хубилгана, которыя дитя будто узнаетъ, и, когда убѣдятся въ справедливости догадки, замѣщаютъ имъ исчезнувшаго хубилгана. Полагаютъ, что всего на всего такихъ хубилгановъ насчитывается до 150—200 человекъ. При своей многочисленности они, понятно, пользуются неодинаковымъ почетомъ. Въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ того, какое божество „воплощается“ въ данномъ хубилганѣ (вѣрнѣе, какимъ божествомъ станетъ современемъ его душа). Первое мѣсто среди этихъ необыкновенныхъ личностей, какъ бы „земныхъ боговъ“, принадлежитъ знаменитому Далай-ламѣ въ Хлассѣ, второе—Панчеринъ-потъ-ше, живущему въ монастырѣ Ташилумпо. Монголы, при всемъ почтеніи къ этимъ божествамъ, пожелали имѣть своего ламу, и такимъ является для нихъ Гизонтампа или Тараната, живущій въ качествѣ хутухты въ Ургѣ. Китайцы также имѣютъ своихъ, подобныхъ этимъ, ламъ (Чинъ-лама въ Пекинѣ). Красные буддисты, не желая подчиняться желтымъ, завели своего ламу въ Бутанѣ. Монашествующія женщины Тибета также не оста-

лись безъ соотвѣтствующей женщины-ламы, каковою является Дордже-фагъ-по изъ женскаго монастыря на озерѣ Палте. Всего извѣстнѣе изъ этихъ ламъ въ Европѣ Далай-лама изъ монастыря Потала въ Хлассѣ, хотя и остальные ламы пользуются не меньшимъ почетомъ и вліяніемъ, особенно лама монастыря Ташилумпо. Но мы остановимся лишь подробнѣе на Далай-ламѣ.

Далай-лама почитается, какъ воплощеніе самого покровителя Тибета—Авалокитесвары. Слово „Далай“, которое по монгольски означаетъ „море“, входитъ въ составъ очень длиннаго и сложнаго титула этого ламы. Въ священный городъ Хлассу, на поклоненіе Далай-ламѣ, стекаются толпы богомольцевъ со всѣхъ концовъ обширнаго буддійскаго міра. Торжественный пріемъ паломниковъ составляетъ главное занятіе Далай-ламы. Богомольцы, подготовясь постомъ и молитвой, представляются ему съ дарами въ рукахъ, причемъ „всякое даяніе благо“. Само собой понятно, однако, что въ этомъ отношеніи только крайняя бѣдность обзвываетъ благочестивую ревность паломниковъ. Особое лицо принимаетъ дары и раздаетъ взаменъ ихъ подарки Далай-ламы, заключающіеся въ какихъ-нибудь малоцѣнныхъ вещицахъ, чаще всего лоскутъ ткани, котораго коснулся Далай-лама или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но цѣнность этого дара не измѣряется счастливымъ обладателемъ его рыночной цѣной. Затѣмъ поклонники приближаются къ сѣдалищу Далай-ламы, передъ которымъ расprostируются, правильнѣе бьютъ земной поклонъ, послѣ чего Далай-лама прикасается къ головѣ поклонника рукою или шелковымъ платкомъ, намотаннымъ на концѣ палочки-скипетра, послѣ чего осчастливленные его лицезрѣніемъ паломники удаляются вспять. О дарахъ Далай-ламы рассказывалось немало несообразностей, но мы не станемъ повторять ихъ, такъ какъ достовѣрные изслѣдователи не подтврждаютъ этихъ басенъ.

Тибетскій чиновникъ.

Что касается политической власти Далай-ламы, то по обычаю и закону она почти безгранична, на дѣлѣ же сводится къ нулю, такъ какъ управленіе областью находится въ рукахъ его министровъ, которые въ свою очередь всецѣло зависятъ отъ китайскаго резидента. Смерть ламы, которая разсматривается, разумѣется, какъ переселеніе его бессмертной души въ новую тѣлесную оболочку, обставлена въ дѣлѣ отысканія этой оболочки сложнымъ церемоніаломъ, въ общемъ представляющимъ то же самое, что уже было сказано по поводу хубилгановъ. Надо только добавить, что китайскій резидентъ играетъ въ этомъ случаѣ первую, но незамѣтную роль, такъ какъ китайскому правительству чрезвычайно важно, чтобы Далай-лама воплотился въ ребенкѣ изъ преданной интересамъ Китая семьи. Все, что сказано о Далай-ламѣ, относится и къ остальнымъ ламамъ, среди которыхъ

лама монастыря Ташилумпо, почитаемый, какъ воплощеніе Манджусри, оспариваетъ у Далай-ламы Хлассы его значеніе. Раздоры между этими ламами происходили не разъ, и въ 1845—46 г. вызвали даже въ восточномъ Тибетѣ междоусобную войну.

Выгоды, которыя проистекаютъ для одной части жителей Тибета, именно для буддійскаго духовенства, отъ такого строя религиозныхъ вѣрованій, настолько ощутительны, что это духовенство весьма подозрительно и ревниво относится ко всему, что могло бы нарушить установившійся порядокъ. Этимъ только можно объяснить то обстоятельство, что послѣ Гюка и Габе, посѣтившихъ Тибетъ и проникшихъ въ Хлассу въ половинѣ прошлаго (XIX) столѣтія, ни одному европейскому путешественнику не удалось войти въ ворота столицы Далай-ламы.

Жители Манчжуріи.

Манчжурія, громадное пространство которой протянулось отъ р. Амура на сѣверѣ до Желтаго моря на югѣ, представляетъ область, которая сравнительно поздно вошла въ составъ Китайской имперіи. Она расположена въ той части восточной Азіи, которая спускается къ Тихому океану нѣсколькими ступенями. Одну изъ этихъ ступеней, область между хребтами Большимъ Хинганомъ на западѣ и пограничнымъ съ Кореей Чанъ-бо-шаномъ (Чанъ-пай-шанъ) на юго-востокѣ, занимаетъ Манчжурія, хотя надо сказать, что административныя границы ея не совпадаютъ съ природными ни на западѣ, ни на югѣ. По природѣ своей Манчжурія раздѣляется на западную — степную и пустынную, населенную монголами солонями, на сѣверо-восточную — холмисто-гористую страну лѣсовъ, расположенную въ бассейнѣ Сунгари-Нонни, и южную Манчжурію, лучшею частью которой является наносная низменность рѣки Ляо-хэ, гдѣ расположенъ г. Мукденъ. Складки горъ, сбросы и другія перемены земной коры придаютъ разнообразіе рельефу страны и обнажаютъ, благодаря дѣятельности текучихъ водъ, ископаемая богатства, — золото, руды, каменный уголь, — которыми Манчжурія, по всей видимости, очень богата. Климатъ ея, сухой и суровый зимой, жаркій лѣтомъ, когда задувающій съ океана муссонъ приноситъ осадки какъ разъ въ тотъ моментъ, когда культурныя насажденія нуждаются въ нихъ, дѣлаютъ Манчжурію страной, гдѣ сѣверныя растенія и животныя смѣшиваются съ подтропическими формами въ благоприятное для хозяйства человѣка сочетаніе.

Манчжуръ.

Большія рѣки, которыя не трудно улучшить для правильнаго судоходства, прорѣзываютъ страну въ нѣсколькихъ направленіяхъ, открывая ей продуктамъ выходъ, какъ на сѣверъ, такъ и на югъ, а сосѣдство густо-населенныхъ и культурныхъ странъ—Китая, Японіи, Кореи и Россіи обезпечиваютъ ей благопріятный сбытъ и обмѣнъ. Такимъ образомъ страна эта прекрасно одарена природой, и неудивительно, если она стала теперь яблокомъ раздора.

Прежнее населеніе ея, племя *манчжу*, представляло вѣтвь великаго тунгускаго народа и первоначально вело тотъ же охотничье-бродячій образъ жизни, какъ его болѣе сѣверные родичи. Но близость культурнаго Китая повліяла на дальнѣйшее развитіе племени или племенъ этой части Азіи, и они уже очень рано принимаютъ участіе въ судьбахъ другихъ народовъ Средней и Восточной Азіи. Китайцы постепенно колонизовали южную Манчжурію, принося съ собой свой предприимчивый торговый духъ. Охотничья территорія начала покрываться осѣдлыми поселеніями—укрѣпленными городами, въ которыхъ сидѣли враждовавшіе другъ съ другомъ князья, пока не усилилась центральная власть, объединившая страну подъ скипетромъ хана. Вскорѣ эта манчжурская держава стала угрожать самому Китаю. Въ половинѣ 17-го ст. въ Китаѣ вспыхнуло возстаніе противъ богдохана изъ династіи Минъ. Мятежники овладѣли Пекиномъ, и императоръ, отчаявшись въ спасеніи, лишилъ себя жизни. Въ это время армія его подъ начальствомъ полководца Ву-Санъ-Квей сражалась на манчжурской границѣ противъ хана изъ дома Цинъ. Полководецъ этотъ кинулся къ Пекину, но былъ разбитъ мятежниками. Тогда съ кучкой приверженцевъ онъ бѣжалъ въ станъ манчжурскаго хана и привелъ его войска къ столицѣ Китая. Здѣсь онъ разбилъ мятежниковъ, но пока преслѣдовалъ ихъ, манчжуры овладѣли Пекиномъ, и ханъ ихъ очутился на тронѣ Срединаго царства. Съ тѣхъ поръ Манчжурская или Цинская династія утвердилась въ Китаѣ. Событіе это не внесло особенныхъ измѣненій въ жизнь Китая: манчжуры и до этого уже сильно окитаились, а когда кучки ихъ разсѣялись по Китаю, занявъ на первое время главныя должности при дворѣ и въ провинціяхъ, ихъ подчиненіе китайской культурѣ двинулось впередъ быстрыми шагами. Единственное, что манчжуры навязали китайцамъ, и то не безъ упорной борьбы, это обычай ношенія косы. Сама Манчжурія, какъ родовая земля императорскаго дома, пользовалась особымъ вниманіемъ китайскаго правительства, которое сильно препятствовало переселенію туда китайцевъ. Въ это время Манчжурія представляла по отношенію къ Китаю то же, чѣмъ были для Московскаго государства земли по Дону и Уралу: въ Манчжурію на вольныя земли, въ ея лѣсистыя долины и горы, бѣжало много предприимчивыхъ китайцевъ, образовавшихъ тамъ нѣчто вродѣ казачества. Это и есть хунхузы, разбитые на отдѣльныя группы, во главѣ которыхъ состоятъ атаманы. Мирные китайцы, устремившіеся въ Манчжурію изъ переполненнаго Китая, особенно послѣ 1882 г., когда было снято запрещеніе селиться тамъ, разсѣялись по всѣмъ удобнымъ мѣстамъ. „Фанзы“, т. е. хутора появились даже въ глухихъ мѣстахъ, не говоря уже про долины рѣкъ, гдѣ потомки манчжуровъ сохраняли еще владѣніе землей въ качествѣ помѣщиковъ. Трудолюбивые китайцы порубили лѣса, распахали землю, заполнили города кучками своихъ купцовъ и въ короткое время придали Манчжуріи совершенно китайскій обликъ. Обиліе свободныхъ и удобныхъ земель открывало просторъ земледѣлю, къ которому китайцы питаютъ прирожденную склонность, но малая плотность населенія, отсутствіе дорогъ и обиліе естественныхъ продуктовъ придали дѣятельности населенія иной характеръ, чѣмъ въ Китаѣ. Жители Манчжуріи, не отличаясь ни въ чемъ отъ китайцевъ, живутъ въ нѣсколько другихъ условіяхъ. Все, что производится въ Манчжуріи: хлѣбъ, скоть, лѣсъ дешево; все что привозится: желѣзныя орудія, посуда, ткани и другіе продукты обрабатывающей промышленности—дорого. Продавая дешево, покупая дорого, населеніе не можетъ располагать деньгами, и потому стремится удовлетворять своимъ потребностямъ домашними средствами, какъ это было у насъ въ недавнія времена, когда крестьяне носили домо-тканную одежду, ѣли изъ собственнаго издѣлія посуды, не знали самоваровъ, спичекъ и

лампъ, не имѣли желѣза для обтяжки колесъ. На поляхъ, которыя окружаютъ фанзы, произрастаютъ не только разнообразныя хлѣба, главнымъ образомъ гаолянъ, въ перемежку съ бобовыми, но также овощи, прекрасный табакъ и макъ, изъ котораго китайцы изготовляютъ опиумъ, безъ котораго не могутъ жить. Колонисты, которые по чему либо не имѣли возможности сѣсть на землю, принялись добывать себѣ средства къ жизни, эксплуатируя другія богатства страны: одни потихоньку моютъ золото въ тайгѣ, ищутъ по лѣснымъ падямъ солодковый корень и корень женьшень, лучшіе сорта котораго оцѣниваются въ Китаѣ дороже золота, добываютъ пушнину или работаютъ на лѣсныхъ вырубкахъ. Крестьяне или „манзы“ сбываютъ свои продукты по городамъ, какъ Цицикаръ, Нингута, Гиринъ, Телинъ, Мукденъ, которые являются въ то же время административными центрами и мѣстопробываніемъ войскъ.

Китайское управленіе носитъ совершенно такой же характеръ, какъ въ Китаѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что отдаленность страны и рѣдкость населенія облегчаетъ еще болѣе злоупотребленія чиновниковъ, защиту противъ которыхъ жители находятъ развѣ у хунхузовъ. Но такъ какъ тѣ въ свою очередь также живутъ на средства жителей, то послѣдніе во многихъ мѣстахъ испытываютъ двойной гнетъ, вынести который можетъ только китайское терпѣніе и трудолюбіе.

Прежніе жители, манджуры, до такой степени перемѣшались съ китайцами, на которыхъ они и безъ того были похожи, что въ настоящее время ихъ развѣ въ рѣдкихъ случаяхъ возможно отличить отъ китайцевъ и то больше по одеждѣ, которая у придворныхъ манжуровъ нѣсколько отличается отъ китайской. Обыкновенно китайскій дворъ ввѣряетъ манжурамъ военныя должности.

Послѣ японо-китайской войны и проведенія русскими Манчжурской желѣзной дороги къ населенію Манчжурии присоединились новыя народности: японцы, русскіе и торговые агенты изъ Германіи, С. Американскихъ Штатовъ и Англіи, вмѣстѣ съ которыми должны оживиться торговля страны и измѣниться бытъ ея населенія.

К о р е й ц ы .

Корея долѣе другихъ государствъ Восточной Азіи противилась вторженію въ свои предѣлы европейцевъ, долѣе всѣхъ оставалась „замкнутой страной“. Когда же, наконецъ, европейскіе путешественники и купцы проникли туда, они должны были убѣдиться, что Корея, въ противоположность Китаю и Японіи, страна жалкаго застоя, лишенная собственной культуры, страна бѣдныхъ, но честныхъ крестьянъ, истинная „Страна утренней тишины“—Чо-зэнъ, какъ называли ее китайцы и японцы ¹⁾. Но „утренняя тишина“ есть предвѣстникъ шумнаго солнечнаго дня, и по всей видимости Корею ждетъ блестящее будущее, потому что страна богато одарена природой, лежитъ въ выгодномъ мѣстѣ и густо населена скромнымъ, добродушнымъ, но способнымъ и трудолюбивымъ народомъ.

Корея занимаетъ большой полуостровъ, который тянется отъ пограничныхъ горъ Манчжурии далеко на югъ и вмѣстѣ съ противолежащими Японскими островами замыкаетъ Японское море, отдѣляя его отъ Желтаго моря или Хванъ-хая. Горныя хребты Пепи шанъ на сѣверѣ и продолженіе его Кеумъ-кангъ-санъ на югѣ идутъ вдоль восточнаго берега полуострова, который по этой причинѣ мало изрѣзанъ и бѣденъ бухтами.

¹⁾ По другому переводу Чо-зэнъ или Чао-сіень означаетъ „Страна, ближайшая къ утренней зарѣ“.

Зато на западной половинѣ многочисленныя отроги хребтовъ тянутся, постепенно понижаясь, поперекъ острова и являются причиной того, что западный и южный берегъ необыкновенно изрѣзанъ и усѣянъ множествомъ острововъ и островковъ, раскинувшихся среди мелкаго, часто обсыхающаго во время отлива, моря такъ густо, что въ лабиринтъ ихъ съ трудомъ можно отыскать устья короткихъ корейскихъ рѣкъ, которыя всѣ текутъ на западъ (Таидонгъ, Ханъ или Кангъ-хва, Кеумъ-гангъ).

Корейскіе крестьяне.

Климатъ Кореи умѣренно теплый. Окруженная съ двухъ сторонъ морями она обвѣивается мягкими морскими вѣтрами, умѣряющими лѣтніе жары и приносящими дожди. Зима сурова только на сѣверѣ, въ среднихъ же и южныхъ провинціяхъ холода малочувствительны. Въ общемъ климатъ Кореи напоминаетъ климатъ южной Европы безъ отрицательныхъ сторонъ послѣдняго, такъ что онъ вліяетъ на здоровье человѣка самымъ благотворнымъ образомъ. Оттого и растительность страны и ея животный міръ богаты. Пробковый дубъ, шелковичное, лаковое дерево, бамбукъ, виноградъ, всѣ фруктовыя деревья, всѣ хлѣба, не исключая риса, даютъ великолѣпные продукты и богатые урожаи. Какъ растенія,

105
2. Восток

такъ и животныя сѣверныхъ странъ встрѣчаются въ Корей съ южными представителями: сосна и береза растутъ рядомъ съ бамбукомъ, бѣлка и заяць водятся въ тѣхъ же лѣсахъ, гдѣ бродить королевскій тигръ и крадется пантера. Рѣки и прибрежныя моря изобилуютъ рыбой и съѣдобными морскими животными, такъ что окаймляющія берега ихъ селенія населены преимущественно рыбаками.

Что касается ископаемыхъ богатствъ, „то“, говоритъ путешественникъ Оппертъ, „я твердо убѣжденъ, что по своимъ минеральнымъ сокровищамъ Корея превосходитъ всякую другую страну Азіятскаго материка“. Золото жильное и рассыпное, серебро, руды мѣдныя, свинцовыя, оловяныя, ртутныя, сѣра и мышьякъ, каменный уголь и очень много желѣза, встрѣчающагося вездѣ, составляютъ сокровища, которыя накопились тысячелѣтіями, ревниво охраняемая подозрительнымъ корейскимъ правительствомъ, запрещавшимъ всякую разработку ихъ изъ опасенія, что слухи о богатствахъ привлекутъ въ страну чужеземцевъ. Словомъ, природа Кореи открываетъ полный просторъ хозяйственной дѣятельности человѣка, и неудивительно, если при всемъ низкомъ состояніи культуры, при долгой и полной отчужденности отъ другихъ странъ, населеніе Кореи по примѣрному подсчету достигаетъ 18—20 милліоновъ человѣкъ.

Что за народъ корейцы, откуда и когда они пришли въ страну, объ этомъ китайскія и японскія сочиненія о Корей приводятъ мало свѣдѣній. Сами корейцы тоже ничего не знаютъ о своемъ происхожденіи, тѣмъ болѣе, что ихъ письменные памятники заключаютъ лишь отрывочныя свѣдѣнія объ исторіи страны. Путешественники, которые имѣли возможность наблюдать ихъ близко, какъ, на примѣръ, Оппертъ и Зибольдъ, положительно убѣждены, что корейскій народъ составился изъ смѣшенія по крайней мѣрѣ двухъ расъ. Корейцы выше ростомъ и обладаютъ болѣе могучимъ сложеніемъ, чѣмъ китайцы и японцы, черты лица ихъ правильнѣе и пріятнѣе, чѣмъ у тѣхъ, но всетаки указываютъ на принадлежность большинства корейцевъ къ монголамъ, такъ какъ лицо, благодаря выступающимъ скуламъ, широко, носъ широкій и вдавленный, глаза расположены косо, прямые густые волосы чернаго цвѣта, часто съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, растительность на лицѣ скудная, цвѣтъ кожи розовато-желтый. Но эти признаки монгольской расы, свойственные большинству народа, не всеобщі. Наряду съ подобными типами встрѣчаются личности положительно бѣлой расы, которыя поражаютъ наблюдателя совсѣмъ иными признаками: лицо уже, скулы не выдаются впередъ, носъ прямой съ хорошо выраженнымъ переносьемъ, глаза расположены прямо, а нижняя часть лица часто украшена роскошной бородой. „Между тысячами корейцевъ, которыхъ я видѣлъ въ своемъ путешествіи по Корей, мнѣ попадались многіе съ благородными и выразительными лицами, такъ что, если бы они были одѣты по-европейски, ихъ можно было бы принять за обитателей Европы“, говоритъ Оппертъ. Такимъ образомъ пространенное мнѣніе, будто корейцы близко родственны и мало въ чемъ отличаются отъ китайцевъ, не имѣетъ никакихъ основаній.

Быть населенія, какъ въ деревняхъ, такъ и въ городахъ носить еще черты грубой простоты, чѣмъ Корея сильно отличается отъ Китая и Японіи. Такъ, одежда корейца проста и незатѣйлива. Обыкновенно она состоитъ у мужчинъ изъ короткой куртки или кофты и широкихъ штановъ, свободно болтающихся вокругъ щиколокъ или же подвязанныхъ тамъ шнуркомъ. Только богатые и знатные носятъ поверхъ этого одѣянія нѣчто вродѣ халата, подпоясаннаго шелковымъ или бумажнымъ шнуромъ-поясомъ, на которомъ подвѣшены кисеть, трубка, вѣеръ и другія вещи. Преобладающій цвѣтъ одежды бѣлый, такъ что издали толпа движущихся корейцевъ напоминаетъ стаю лебедей. Только немногіе носятъ свѣтло-голубыя кофты. Этотъ грязновато-бѣлый цвѣтъ, характеризующій корейцевъ, объясняется той же причиной, какъ у насъ въ Бѣлоруссіи: корейцы были слишкомъ бѣдны и малокультурны, чтобы знать искусство окраски своихъ домотканыхъ матерій, которыя они изготовляютъ изъ бумажной пряжи. Рукава корейскихъ кофтъ имѣютъ ту особен-

ность, что на локтях сильно выпущены, такъ что свѣшиваются наподобіе мѣшковъ, у знатныхъ они длиной до двухъ футовъ. На ногахъ состоятельные корейцы носятъ чулки и бѣлые башмаки китайскаго фасона, крестьяне же обуваются на босу-ногу въ очень удобные туфли изъ крученой соломы. Шелковую одежду носятъ только знатные и чиновники, и ткани для нея привозятся большею частью изъ Китая, такъ какъ въ самой Корее шелководство не имѣло распространенія. Зимняя одежда отличается отъ лѣтней только теплой ватной подкладкой, изрѣдка мѣховой; овецъ корейцы не держатъ, и потому не знаютъ столь излюбленныхъ монголами тулуповъ. При бѣломъ цвѣтѣ одежды нечистоплотность корейцевъ бросается въ глаза рѣзче, чѣмъ у ихъ темно-одѣтыхъ сосѣдей. Только солдаты и полицейскіе одѣваются въ темно-синія одежды съ большими круглыми нашивками на спинѣ и на груди, на бѣломъ полѣ которыхъ обозначены знаками полкъ или чинъ. Самой оригинальной частью корейской одежды являются корейскія шляпы. Это шляпы съ большими полями, изящно сплетенныя изъ тонкихъ волоконъ бамбука, рѣдко желтыя, чаще покрытыя блестящимъ чернымъ лакомъ. Корейцы носятъ ихъ на макушкѣ головы, надѣвая подъ нихъ нѣчто вродѣ чепца или колпака. Поля шляпы имѣютъ до фута въ ширину, туля у солдатъ остроконечная, и къ ней пришилень въ видѣ султана лисій хвостъ или перья. У чиновниковъ на верхушкѣ шляпы укрѣплена серебряная фигурка журавля. Изготовленіемъ этихъ изящныхъ и необыкновенно прочныхъ шляпъ,—подумаешь, будто они сплетены изъ проволоки—занимаются спеціально жители острова Квельпартъ, который лежитъ у южной оконечности Кореи и служилъ корейскому правительству мѣстомъ ссылки для преступниковъ. Шляпы такъ хороши, что охотно покупаются иностранцами и являются однимъ изъ немногочисленныхъ предметовъ туземнаго производства.

Одежда женщинъ такъ же незатѣйлива, какъ и у мужчинъ, и даже не отличается отъ мужской покроемъ, развѣ что женщины чаще носятъ поверхъ всего длинные халаты и у состоятельныхъ классовъ позволяютъ себѣ больше разнообразія въ покроѣ, выборѣ матеріи и окраскѣ ея.

Прическа также отличаетъ корейцевъ отъ сосѣдей. Подобно китайцамъ, они носятъ длинные волосы, но холостые мужчины заплетаютъ ихъ въ висящую вдоль спины косу, тогда какъ женатые собираютъ волосы на темени въ торчащую вверхъ шишку. Надо еще замѣтить, что среди корейцевъ встрѣчается немало блондиновъ. Въ отличіе отъ китайцевъ и японцевъ корейцы не бреютъ бороды и усы, такъ что тамъ на каждомъ шагу встрѣчаются, какъ въ Россіи, молодые бородатые мужчины.

Что касается характера народа, то въ этомъ случаѣ всѣ имѣвшіе дѣло съ народами восточной Азіи, единодушно отдають справедливую дань удивленія корейцамъ. Кореецъ обыкновенно серьезенъ, но эта серьезность естественная, прирожденная, а не что-нибудь напускное и надутое, какъ у китайскихъ горожанъ и чиновниковъ. Она легко переходитъ въ добродушную веселость. Съ этимъ добродушіемъ тѣсно связана простота и глубокая честность, дѣтская довѣрчивость и вѣрность, что въ соединеніи съ кротостью дѣлало всегда корейскій народъ жертвой его деспотическихъ правителей и хищныхъ, своекорыстныхъ чиновниковъ.

Съ этими привлекательными чертами характера въ корейцѣ соединяется большая умственная пытливость и способность понимать и оцѣнивать новое, какъ въ практической жизни, такъ и въ области знанія. Этимъ объясняется то, что католическіе миссіонеры, которые проникли въ Корею еще въ 18 ст., нашли тамъ самую благодарную почву для своей дѣятельности. Корейцы проявили къ ихъ ученіямъ громадный интересъ, быстро усваивали начатки знанія, и еслибы миссіонеры не раздражили подозрительнаго правительства, то возможно, что значительная часть корейцевъ были бы теперь христіанами. Какъ извѣстно, ни въ Китаѣ, ни въ Японіи миссіонеры, къ какому бы исповѣданію они не принадлежали, не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Наряду съ довѣрчивой душевностью

корейцы, и не только христiане, проявили много трогательныхъ челоувѣчныхъ чертъ во время гоненiя на миссiонеровъ.

Въ свое второе путешествiе въ Корею, которая была въ то время еще закрыта для чужеземцевъ, Оппертъ имѣлъ возможность убѣдиться въ трогательной преданности обращенныхъ корейцевъ къ своимъ наставникамъ и въ результатахъ, которыхъ миссiонеры достигли среди новообращенной паствы. Однажды, когда судно его стояло у берега, капитанъ вернулся на бортъ въ состоянii сильнаго волненiя. Онъ разсказалъ Опперту, что встрѣтилъ тамъ корейца, который таинственными знаками далъ ему понять, что хочетъ передать ему нѣчто и затѣмъ вручилъ письмо. Письмо было отъ трехъ французскихъ миссiонеровъ, которые одни избѣжали казни, которой правительство подвергло остальныхъ миссiонеровъ, и которые скрывались теперь въ лѣсной чащѣ въ трехъ дняхъ пути отъ берега. Услыхавъ о прибытii европейцевъ, несчастные подали вѣсть о себѣ и умоляли спасти ихъ, потому что шпионы правительства напали на ихъ слѣды и не замедлятъ схватить ихъ, несмотря на то, что корейцы-поселяне покровительствуютъ имъ. Прочитавъ письмо, Оппертъ взглянулъ на берегъ и увидѣлъ тамъ двухъ корейцевъ, которые пристально смотрѣли на судно. Едва они замѣтили, что на нихъ обратили вниманiе, какъ сейчасъ же незамѣтно сотворили крестное знаменiе, желая этимъ показать, что они и есть посланные миссiонеровъ. Оказалось, что эти люди провели на берегу 48 часовъ, не вкушая ни крохи пищи, терпѣливо ожидая на холоду и непогодѣ мгновенiя, когда можно будетъ подать вѣсть европейцамъ, не привлекая вниманiя какого нибудь шпиона, который всегда могъ оказаться въ толпѣ народа, собиравшейся на берегу противъ якорной стоянки судна. „Трудно описать впечатлѣнiе,—говоритъ Оппертъ,—какое на меня произвелъ ихъ простой, ничѣмъ не прикрашенный разсказъ о страданiяхъ и лишенiяхъ, которымъ они подвергались, прежде чѣмъ имъ удалось пробраться черезъ эту часть страны, гдѣ у нихъ не было ни родныхъ, ни знакомыхъ“. Но еще сильнѣе изумился путешественникъ, когда увидѣлъ одного изъ этихъ простыхъ корейскихъ поселянъ пишущимъ записку, въ которой онъ извѣщалъ миссiонеровъ объ успѣхѣ своего предпрiятiя, на правильномъ латинскомъ языкѣ! „Ego, Philippus alumnus coreensis, secundum pactum cum duobus nautis heri ante mediam noctem veni in hunc destinatum locum...“ писалъ кореецъ („Я, Филиппъ, корейскiй ученикъ, достигъ съ двумя моряками этого условленнаго между нами мѣста вчера передъ полночью...). Не странно ли было встрѣтить въ этой далекой восточной странѣ, отрѣзанной отъ просвѣщенной Европы, замкнутой издавна для сношенiй съ остальнымъ мiромъ, грубоватаго азиата, владѣющаго языкомъ Цицерона и Вергилиа! Въ своихъ послѣдующихъ сношенiяхъ съ корейцами Оппертъ на каждомъ шагу натыкался на грубоватую, но добродушную готовность корейцевъ служить ему, чѣмъ только можно. Онъ не только чувствовалъ себя совершенно безопаснымъ въ корейской толпѣ, не только безъ опасенiя углублялся въ страну, правительство которой только что издало указъ о преслѣдованii чужеземцевъ, но много разъ выслушивалъ отъ туземцевъ открытое желанiе, чтобы европейцы поскорѣе пришли къ нимъ и научили ихъ всему, что знаютъ. При случаѣ ему приходилось выслушивать жалобы и негодованiя корейцевъ на жестокiя мѣры правительства, и даже чиновники, когда знали, что никто не подслушаетъ ихъ, выражали ему свои симпатiю, искренность которой доказывали ему на дѣлѣ. Только кроткiй нравъ этого добродушнаго народа допускалъ его сносить всѣ несправедливости тогдашняго властителя Кореи и его приспѣшниковъ.

Добродушiе, кротость и честность не мѣшаютъ однако грубымъ нравамъ господствовать во взаимныхъ отношенiяхъ корейцевъ. Если простолюдины учтивы и предупредительны другъ съ другомъ, то нельзя сказать того же, когда наблюдаешь корейскихъ чиновниковъ и знать въ ихъ обращенii съ народомъ. Также и семья корейская покоится на униженii женщины, положенiе которой въ Корей мало отличается отъ того, что мы видѣли въ Китаѣ. Въ Корей распространено многоженство, которому сопутствуетъ полная замкнутость семей-

ной жизни. Женщины проводят время въ отведенныхъ для нихъ покояхъ, не смѣя показываться оттуда, и даже въ деревняхъ, гдѣ жизнь вообще проще, онѣ предпочтительно исполняютъ работы, которыя способствуютъ ихъ уединенію. Въ городахъ считалось совершеннымъ неприличіемъ, если женщина показывалась на улицѣ. Чтобы не лишить ихъ возможности прогуляться, дѣлать закупки на рынкѣ и посѣщать родственниковъ, въ Сеулѣ и въ другихъ городахъ было въ обычаѣ предоставлять улицы города въ полное ихъ распоряженіе лѣтомъ, начиная съ 9 ч. вечера, зимой нѣсколько ранѣе. Въ это время по данному знаку ворота города запирались, и мужчины торопились покинуть улицы, а если какойнибудь зѣвака не успѣвалъ сдѣлать это заблаговременно, то онъ, согласно обычаю, при каждой встрѣчѣ съ женщиной торопился закрыть лицо вѣеромъ и перебѣгалъ на другую сторону улицы, повторяя этотъ маневръ на всемъ пути своемъ къ дому.

Простота и грубость жизни, происходящая оттого, что Корея крестьянская страна и долго не знала сношеній съ сосѣдними странами, откуда въ нее могли бы проникать моды и роскошь, проявляется во всѣхъ случаяхъ жизни, которые у другихъ народовъ нерѣдко связаны со сложными и пышными обрядами или церемоніями. Такъ свадьба въ Корей празднуется очень просто, такъ же просто происходятъ похороны, при которыхъ покойника кладутъ въ простой деревянный гробъ, не заботясь особенно объ украшеніи его тѣла, и хоронятъ безъ всякой торжественности гдѣнибудь на вершинѣ или склонѣ холма. По истлѣніи тѣла кости иногда собираютъ и погребаютъ вторично; сожженіе тѣла въ обычаѣ лишь у высшихъ сословій. Трауръ по покойникѣ соблюдается не всегда, но если его соблюдаютъ, то дѣлаютъ это въ очень любопытной формѣ: именно, человекъ, оплакивающій потерю близкаго родственника, кромѣ траурной одежды, надѣваетъ на голову особую шляпу, которая закрываетъ все лицо. Съ момента траура онъ обрекается на молчаніе и старается воздержаться отъ обычныхъ сношеній съ остальными людьми.

Между прочимъ этому странному обычаю были обязаны своимъ спасеніемъ упомянутые выше миссіонеры и многіе изъ туземныхъ христіанъ. Въ одеждѣ скорбящаго, скрывъ лицо отъ подозрительныхъ взглядовъ, нѣмой на всѣ вопросы, какихъ впрочемъ никто и не дерзнетъ задать ему, преслѣдуемый могъ съ большею или меньшею безопасностью избѣгнуть погони.

Въ Корей нѣтъ такихъ большихъ и пышныхъ городовъ, съ храмами, дворцами и роскошно убранными жилищами богачей, какіе мы встрѣчаемъ въ Китаѣ и Японіи. Города Кореи, не исключая и Сеула, который только постепенно, послѣ того, какъ въ страну проникли европейскіе и японскіе промышленники, принимаютъ иной обликъ, болѣе похожи на

Кореецъ носильщикъ.

укрѣпленныя деревни. Дома и другія строенія почти безъ исключенія одноэтажныя и представляютъ въ большинствѣ случаевъ плохо сложенныя глиняныя мазанки, крытыя соломой. Изрѣдка попадаются деревянныя и кирпичныя зданія съ черепичатой кровлей, принадлежащія богатымъ. Внутренность жилого дома зажиточной семьи нѣсколько напоминаетъ японское жильё съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь нѣтъ и слѣда той чистоты и аккуратности, которыми дышитъ щегольской японскій домикъ. Неудивительно, если корейцы, которые случайно попадаютъ въ Китай или Японію, съ изумленіемъ взирають на тамошнія постройки и испытываютъ чуть не столбнякъ, когда останавливаются впервые передъ гигантскимъ сооруженіемъ европейской архитектуры. Даже дворець корейскаго короля и жилища знатныхъ производили на первыхъ посѣтителей Кореи жалкое впечатлѣніе своимъ убожествомъ и неумѣлымъ, грубымъ подражаніемъ японскимъ и китайскимъ образцамъ. Внутренность зауряднаго корейскаго жилья совершенно подстать его внѣшнему виду. Прежде всего оно тѣсное и, какъ и у японцевъ, можетъ быть разгорожено на нѣсколько отдѣленій при помощи грубыхъ ширмъ или щитовъ. Окна выходятъ на обнесенный плетнемъ дворъ и вмѣсто стеколъ заклеены бѣлой промасленной бумагой, которая, по своей удивительной прочности, заслуживаетъ не меньшаго удивленія, чѣмъ знаменитыя, описанныя выше, плетенныя шляпы. У многихъ домовъ печи топятся снаружи, трубы ихъ, оклеенныя толстой бѣлой бумагой, проходятъ подъ поломъ по всему дому и выходятъ въ противоположной стѣнѣ. Такъ какъ трубы открываются на улицѣ низко отъ земли, то стѣны домовъ закопчены дымомъ, и когда топятъ печи, клубы дыма застилають улицы.

Какъ проста одежда и домашняя обстановка корейцевъ, такъ же проста ихъ пища, главную роль въ которой играютъ рисъ и разныя овощи. Холмистый характеръ мѣстности стѣсняетъ скотоводство, такъ что въ Кореѣ не только мало крупнаго скота, даже лошадей, но почти нѣтъ овецъ; по этой причинѣ корейцы рѣдко ѣдятъ мясо. Въ числѣ напитковъ восточной Азіи мы привыкли видѣть на первомъ планѣ чай, между тѣмъ въ Кореѣ онъ совсѣмъ мало распространенъ, больше среди богатыхъ, которые пьютъ привозный китайскій чай. Къ разнымъ крѣпкимъ напиткамъ корейцы питають большую склонность и въ состояніи опьяненія обнаруживаютъ необыкновенную веселость и откровенную сообщительность. Съ открытымъ и прямымъ характеромъ корейцевъ тѣсно связана ихъ добродушная веселость, которая проявляется въ пляскахъ. Въ отличіе отъ китайцевъ корейцы большіе любители музыки, которую оцѣнивають иначе, чѣмъ остальные азіяты, такъ какъ мелодія скрипки, гармоники или другого европейскаго инструмента приводитъ ихъ въ состояніе глубокаго восхищенія.

Простота нравовъ и честность характера корейцевъ причина того, что это народъ тихій, не склонный къ насиліямъ, какъ это вообще свойственно земледѣльческому населенію, чуждому городской скученности съ ея оживленной торговой дѣятельностью. Соответственно тому преступленія караются очень строго, особенно преступленія противъ собственности: кража, даже легкомысленная, по закону наказывается смертью, хотя жестокость и страсть къ истязаніямъ совсѣмъ не въ характерѣ корейцевъ. Даже правительство страны, состоящее изъ кучки глубоко испорченныхъ и слѣпо преданныхъ своимъ узкимъ интересамъ лицъ, нечасто прибѣгало къ мѣрамъ строгости, ограничиваясь больше строгими наказами и запугиваніемъ робкаго народа. Тѣмъ не менѣе тюрьма и битье палками примѣняются здѣсь съ неменьшей жестокостью, чѣмъ въ Китаѣ. Общественная честность проявляется въ томъ, что домъ корейца всегда открытъ для вторженія, такъ какъ двери не имѣють замковъ; тѣмъ не менѣе жилище и все имущество хозяина такъ же мало доступно для постороннихъ, какъ еслибы оно охранялось зоркой стражей.

Земледѣльческій бытъ населенія не помѣшалъ корейскому народу раздѣлиться на сословія, которыя почти такъ же замкнуты, какъ касты въ Индіи. Первое мѣсто между ними, оставляя въ сторонѣ царя и его родъ, занимають знатные, являющіеся потомками древнихъ

племенных вождей. Это знатное сословіе распадается на „военных“ и „штатских“, причем послѣдніе сумѣли поставить себя выше военных, которыхъ они лишили многихъ правъ. Только знатные пользуются правомъ являться ко двору, окружать цѣря и занимать должности—вышія и низшія. Однако повелитель Кореи имѣетъ право возвысить въ „дворянство“ всякаго, кого сочтетъ достойнымъ, хотя на дѣлѣ это случается очень рѣдко. Такой новоиспеченный „дворянинъ“ пользуется только личными правами, ибо „дворянство“ не распространяется на его семью и потомство. Вотъ почему корейцы называютъ такого выскочку „дворяниномъ безъ корня“. За дворянами слѣдуютъ полудворяне, пользующіеся кое какими правами, между прочимъ занимать низшія чиновничьи должности. Затѣмъ слѣдуютъ горожане, которые, впрочемъ, мало чѣмъ отличаются отъ остального народа, развѣ тѣмъ, что они зажиточнѣе, нѣсколько образованнѣе, такъ какъ учатся китайской грамотѣ и занимаются ремеслами и торговлей. Слѣдующее сословіе составляютъ крестьяне, пастухи, охотники и рыбаки, за которыми слѣдуютъ разныя „презрѣнныя касты“, къ числу которыхъ

относятся люди разнаго рода занятій, напр. мясники, кожевники; члены этихъ кастъ или сословій не всегда занимаютъ низкое положеніе и часто выбиваются въ ряды низшихъ чиновниковъ, писцовъ ит.п. Самую низшую ступень занимали освобожденные теперь „крѣпостные“, ко-

Корейскіе чиновники.

которые, однако, пользовались большимъ почтеніемъ, чѣмъ духовенство, являющееся въ Корей, какъ это ни странно, самымъ загнаннымъ сословіемъ. Изъ этого видно, что корейцы вообще не отличаются ревностью къ вѣрѣ, вѣроятно потому, что ни одна изъ проникшихъ въ ихъ страну религій не отвѣчаетъ ихъ характеру. Это тѣмъ болѣе странно, что къ проповѣди христіанства корейцы отнеслись совсѣмъ иначе, чѣмъ китайцы или японцы.

Корейцы, которые охотно слушали проповѣдниковъ христіанства, оказываются довольно равнодушными къ своимъ собственнымъ вѣрованіямъ и религіямъ, къ которымъ относятся занесенные изъ Китая буддизмъ (въ VI в. по Р. Хр.) и конфуціанство. Правда, народъ погрязаетъ въ невѣжествѣ, исполненъ множества предрасудковъ, но онъ далеко не такъ суевѣренъ, какъ напр. монголы.

Послѣ того, какъ корейскіе короли изгнали при помощи Китая покорившихъ ихъ одно время японцевъ, а затѣмъ очень ловко отдѣлались отъ китайскаго господства, они необыкновенно усилили свою власть надъ своими кроткими подданными. Дворянамъ корей-

скимъ былъ прямой расчетъ быть на сторонѣ короля и угнетать прочія сословія. Развѣ не занимали они чиновничьи мѣста, развѣ не владѣли землей и крѣпостными? Корейскіе чиновники отлично понимали, что если открыть въ Корею доступъ иноземцамъ, то разовьется торговля и промышленность, начнутъ богатѣть горожане, пойдутъ упреки, недовольство, начнутъ сравнивать себя съ иноземцами, съ европейцами, и тогда наступитъ конецъ ихъ безпечальному житію. По этой причинѣ знатные корейцы и приняли всѣ мѣры, чтобы закупорить свою страну отъ всякаго сквозного вѣтра. Сдѣлать это было нетрудно, потому что корейскій король не зналъ никакого стѣсненія своей власти. Стоило ему издать указъ о закрытіи страны для чужеземцевъ, и его робкіе, запуганные подданные безпрекословно повивовались ему.

При королѣ почти всегда состоялъ любимецъ, обыкновенно братъ или кто-нибудь изъ родственниковъ королевы. Ближайшими совѣтниками его и высшими чиновниками являлись три члена Тайнаго Совѣта, за которыми слѣдовали шесть министровъ. Во главѣ восьми корейскихъ областей стояли губернаторы съ титуломъ „камса“, а затѣмъ слѣдовали низшіе чиновники, строго подчиненные чинъ чину. Во избѣжаніе взятокъ и разныхъ злоупотребленій, которыми корейскіе чиновники отличались свѣше всякой мѣры, король оставлялъ ихъ на мѣстахъ не болѣе какъ на два года, а затѣмъ переводилъ тѣмъ же чиномъ въ другую область, причемъ взималъ за такой переводъ порядочную сумму денегъ въ свою королевскую казну. Не трудно себѣ представить, что изъ этого получалось: губернаторъ или другой чиновникъ, зная, что сидѣть ему въ этой области всего два года, предвидя далѣе, что за переводъ и за дальнѣйшія повышенія надо будетъ платить въ казну, выжималъ изъ народа столько дохода, сколько могъ, и торговалъ должностями, какъ барышникъ. Въ два года разъ онъ долженъ былъ писать отчетъ, все ли у него благополучно, и отъ этого отчета зависѣла его дальнѣйшая карьера. Можно себѣ представить, какъ писались эти отчеты! Чтобы нѣсколько обуздать своихъ чиновниковъ и знать хоть крупицу правды, корейскіе короли назначали для каждой области особыхъ тайныхъ инспекторовъ, попросту сказать, шпионовъ, съ цѣлой арміей подчиненныхъ имъ чиновниковъ, которые состояли въ вѣдѣніи главнаго инспектора. Эти тайные чиновники или шпионы слѣдили за дѣйствіями прочихъ чиновниковъ, чѣмъ вносили еще больше смуты въ правленіе: они брали взятки съ чиновниковъ, чтобы скрывать ихъ плутни, или доносили о злоупотребленіяхъ, которыхъ не бывало, ссорили всѣхъ, интриговали и сугубо обирали народъ, потому что чиновникамъ надо было и имъ платить и самимъ наживаться. Понятно, какъ выгодно было имъ всѣмъ, чтобы Корея оставалась такою, какъ есть, чтобы ничего не измѣнилось въ ея жизни. Вотъ по этой-то причинѣ корейская знать и чиновничество употребляли всѣ усилія, чтобы запереть страну, уединить ее отъ чужеземнаго вліянія.

Но въ этомъ заключалась гибель Кореи. Японія держалась вначалѣ той же политики, Китай тоже пытается остаться при своемъ старомъ строѣ. Однако японцы рано поняли, какою опасностью грозитъ ихъ націи отсталость, и широко открыли двери западной наукѣ и культурѣ. Пока Японія жадно впитывала все, чего она была такъ долго лишена, и въ чемъ нуждалась, корейцы продолжали пугливо сторониться всякихъ новшествъ и дождались того, что европейцы и японцы силой заставили ихъ впустить себя въ Корею.

Вѣднѣй, забитый и отсталый корейскій народъ и его страна стали тогда игрушкой и яблокомъ раздора для своихъ сильныхъ сосѣдей. Жалкій корейскій король и его приверженцы должны были безгласно подчиняться иноземнымъ приказамъ. Былое спокойствіе и благополучіе разсѣялись, какъ сонъ,—въ „Странѣ утра“ хозяйничаютъ иноземцы, и неизвѣстно, удастся ли исконнымъ обитателямъ ея стать когда нибудь самостоятельнымъ и сильнымъ народомъ,

Н. Березинъ.

ЯПОНІЯ.

Глава I.

Возрастающая популярность японцевъ за послѣднее время.—Внѣшніе успѣхи Японіи.—Первое знакомство европейцевъ съ Японіей и торговыя сношенія между японскими и европейскими купцами.—Дѣятельность іезуитовъ и изгнаніе иностранцевъ.—Переворотъ 1867 года.—Причины этого переворота—въ прошломъ Японіи. Исторія Японскаго государства.

Японцы—народъ китайско-монгольской расы, котораго по послѣднимъ даннымъ насчитывается 47.646.810 человѣкъ, вдругъ сдѣлался центромъ вниманія всего цивилизованнаго міра. Еще въ 1894 году японцы заставили говорить о себѣ всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Тогда столбцы газетъ были полны описаніемъ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ японцевъ надъ обширной Китайской имперіей, которая превосходила Японію и по размѣрамъ территории, и по числу жителей по крайней мѣрѣ въ 26 разъ. Война съ Китаемъ въ 1894 году завязалась изъ-за полуострова Кореи, находившагося въ вассальной зависимости отъ Китая. Теперь, когда Корея признана въ 1895 году независимымъ государствомъ, она снова служитъ яблокомъ раздора, но уже между Японіей и Россіей, на ней снова сосредоточивается вниманіе нѣсколькихъ державъ, а для японцевъ вопросъ о Корейѣ является вопросомъ жизни и смерти.

Какъ бы то ни было, но за послѣднія десятилѣтія Японія сбросила съ себя обветшалыя формы азійскаго государства и встала въ ряды европейскихъ державъ. Готовясь къ войнѣ съ Китаемъ въ 1894 году, японцы приглашали англійскихъ и нѣмецкихъ инструкторовъ, теперь они сами отправляютъ въ Китай своихъ инструкторовъ. Японцы заполняютъ своими продуктами рынки, которые когда-то принадлежали англичанамъ. То, что прежде Японія покупала отъ Англии, теперь она производитъ сама, и производство ея идетъ впередъ гигантскими шагами. Въ лучшихъ университетахъ Америки, Англии, Германіи и Франціи вы встрѣтите интеллигентныхъ японцевъ, которые обучаются научнымъ методамъ и пріемамъ для того, чтобы впослѣдствіи самимъ выступить на поприщѣ самостоятельнаго изслѣдованія.

А между тѣмъ не такъ давно европейцы представляли себѣ Японію полудикою страной дальняго востока, страной, населенною народомъ, вся жизнь котораго, казалось, пронароды земли.

ходила въ безсмысленныхъ церемоніяхъ и поклоненіи таинственнымъ божествамъ. Толковали, что въ Японіи два властелина: одинъ духовный, засѣдающій въ неприступномъ дворцѣ-храмѣ своей столицы Кіото, являющійся какъ бы земнымъ богомъ, недоступнымъ, таинственнымъ, скрытымъ отъ взоровъ людскихъ; другой свѣтскій, живущій въ Іедо и управляющій всѣми дѣлами военными и гражданскими. Европейскія державы, поставленныя въ необходимость сносятся съ Японіей, неумоляли, къ которому же изъ двухъ правителей обращаться? Кто—дѣйствительный властелинъ страны? Вообще вся внутренняя жизнь Японіи, ея обычаи, законы представлялись европейцамъ варварскими, нелѣпыми.

Еще встарину объ ископаемыхъ богатствахъ Японіи, объ ея роскошной растительности слагались легенды. Венеянецъ Марко Поло, проникшій въ концѣ XIII вѣка на востокъ, рассказывалъ чудеса о богатствахъ Японіи, о дворцахъ съ золотыми крышами и объ улицахъ, выложенныхъ золотомъ. Когда Христофоръ Колумбъ достигъ береговъ о. Кубы, онъ вообразилъ, что передъ нимъ Японія, та очаровательная страна, о которой сложились столь заманчивыя легенды. Черезъ 20 лѣтъ послѣ Марко Поло, въ 1542 году, португальскій мореплаватель Фернанъ Мендесъ Пинто, говорятъ, причалилъ къ о. Танега, на югъ отъ о. Кіу-Сіу. Его прекрасно приняли. Между Малаккой и Японіей черезъ посредство португальскихъ купцовъ установились торговыя сношенія. Японскія дѣвицы охотно заключали временные браки съ португальскими купцами. Богатые и могущественные князья, имѣвшіе обширныя владѣнія на югѣ Японіи, соперничали другъ съ другомъ въ предоставленіи льготъ и привилегій иностраннымъ купцамъ. Вслѣдъ за португальцами въ Японію проникли испанцы, но вмѣстѣ съ торговцами явились и іезуиты. Въ 1549 году въ Японію прибылъ знаменитый іезуитъ Францискъ Ксаверій и въ теченіе трехъ лѣтъ проповѣдывалъ христіанство. Когда онъ въ 1552 году покинулъ Японію, христіанство пустило уже глубокіе корни. Католическимъ патерамъ удалось войти въ довѣріе къ южнымъ князьямъ и получить цѣлую область въ окрестностяхъ Нагасаки. Не только въ юго-западной, но и въ сѣверо-восточной Японіи многіе князья приняли христіанство. Когда Японіей правилъ Тойотомі Гидейоши, одинъ изъ замѣчательныхъ и энергичныхъ شوгуновъ, іезуиты настолько усилились, что сильный и властный правитель рѣшилъ принять мѣры. Церковная область близъ Нагасаки была отнята, и вѣра во Христа запрещена. Впрочемъ эти гоненія пока не касались торговыхъ сношеній съ иностранцами. Вслѣдъ за португальскими и испанскими купцами въ Японію проникли англійскіе и голландскіе, къ которымъ японцы относились съ довѣріемъ, потому что они къ своимъ торговымъ сношеніямъ не примѣшивали религіозно-завоевательныхъ стремленій.

Іезуиты между тѣмъ, пользуясь послабленіями, оказанными ихъ соотечественникамъ, снова стали распространять свое религіозное вліяніе. Они сумѣли обратить въ христіанство представителей самыхъ могущественныхъ классовъ. Съ помощью вліятельныхъ южныхъ князей іезуиты вздумали свергнуть господствующую династію и устроить въ предѣлахъ Японіи церковное государство, подчиненное римскому папѣ. Но этотъ коварный замыселъ былъ открытъ. Раздраженное японское правительство приняло рядъ строгихъ мѣръ: христіанство было окончательно воспрещено, заговорщики наказаны, іезуиты изгнаны. Свободной торговлѣ съ иностранцами насталъ конецъ. Лишь небольшая кучка голландскихъ купцовъ ухитрилась удержаться близъ Нагасаки, на о. Де-сима. Но это разрѣшеніе было куплено цѣною безграничной покорности всѣмъ распоряженіямъ японскаго правительства. Не только спокойствіе, но часто самая жизнь голландцевъ находилась въ опасности. Кромѣ того ихъ торговля была обставлена всевозможными стѣсненіями.

Японія съ этихъ поръ оградилась какъ бы каменной стѣной отъ всего остальнаго міра и пробыла въ этой замкнутости 250 лѣтъ. Но вотъ въ 1867 году произошелъ переворотъ, который въ концѣ концовъ заставилъ Японію сломать стѣну, отдѣлявшую ее отъ цивилизованнаго міра, отказаться отъ устарѣлыхъ привычекъ и широко открыть двери цѣ-

лому ряду реформъ. Это событіе совпадаетъ съ внѣшнимъ фактомъ переселенія японскаго императора (микадо) изъ старой западной столицы Кіото въ новую Іедо, которая была переименована въ Токіо, что значитъ «восточная столица».

Въ теченіе многихъ вѣковъ японскіе императоры жили въ своей священной столицѣ Кіото, жили, обособленные ото всего внѣшняго міра и лишены возможности принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Императору, какъ „сыну Неба“, воздавались божескія почести. Въ народѣ существовало убѣжденіе, что микадо, „земной богъ“, десять мѣсяцевъ сидитъ въ своихъ покояхъ, а на одиннадцатый отправляется на небо и бесѣдуетъ съ духами. Не даромъ и японскія пословицы гласятъ: «На небѣ — одно солнце, на землѣ — одинъ микадо». „Небо — его отецъ, земля — его мать, солнце и мѣсяцъ — друзья“. Государствомъ управлялъ шогунъ или сіогунъ, что буквально значитъ „покоритель варваровъ“. Это были наиболѣе талантливые и воинственные представители владѣтельныхъ земельныхъ родовъ. Все это было до послѣдняго времени.

Но вотъ умеръ императоръ Камей, и въ 1867 г. на престолъ вступилъ молодой микадо Мутсу-Гито. Послѣ того, какъ императорская партія лишила послѣдняго шогуну власти, Мутсу-Гито не захотѣлъ остаться въ старой столицѣ Кіото, съ которой было связано столько предрасудковъ. Но, когда народъ узналъ, что „сынъ Неба“, „священный микадо“, покидаетъ старую столицу и переселяется въ новую Іедо (Токіо), онъ пришелъ въ ужасъ. Городская чернь съ воплями и стенаніями бросилась на колѣна передъ крытымъ паланкиномъ, въ которомъ сидѣлъ молодой микадо, и умоляла его не осквернять своей святости и не раздражать боговъ нарушеніемъ священныхъ обычаевъ. Мутсу-Гито спокойно велѣлъ носильщикамъ шагать черезъ головы распростертыхъ японцевъ и благополучно прибылъ въ Іедо.

Съ этого внѣшняго факта начинается новая эра въ исторіи японскаго народа. Но неужели весь этотъ переворотъ произошелъ такъ просто? Неужели достаточно было молодому микадо переселиться изъ одной столицы въ другую для того, чтобы старая японская жизнь съ ея устарѣлыми формами, обычаями, предрасудками уступила мѣсто новымъ вѣяніямъ, новымъ теченіямъ? Очевидно, тутъ были болѣе глубокія причины, породившія переворотъ 1867 года, и для того, чтобы ознакомиться съ ними, мы должны заглянуть въ прошлое Японіи.

Имя перваго японскаго императора Цимму, пришедшаго въ Японію въ 660 году до Р. Х., окружено всевозможными легендами. Но какими бы вымыслами ни было обставлено происхожденіе перваго императора, есть основаніе предполагать, что онъ дѣйствительно существовалъ. Историки указываютъ на Китай, какъ на родину перваго японскаго императора и его соратниковъ, и причисляютъ японцевъ къ народамъ китайско-монгольской расы. Цимму и его товарищи по оружію все время проводили на бранномъ полѣ, завоевывая мало-по-малу Японію. Воевали они и съ туземцами, народомъ монгольской расы, потомки которыхъ сохранились на о. Іессо подъ именемъ айносовъ. Воевали и съ другими пришельцами изъ Китая, перекочевавшими въ Японію позднѣе ихъ.

Японцы этого ранняго періода жили родами, и такое родовое устройство сохранилось до 645 года послѣ Р. Х. Во главѣ cadaго рода стоялъ глава его или вождь, и этихъ вождей объединяла общая религія — поклоненіе предкамъ. Эта религія сохранилась и теперь подъ именемъ шинтоизма. Всѣ религіозные обряды лежали на главѣ рода. Онъ одинъ могъ возносить къ небу молитву за своихъ сородичей. Только этимъ вождямъ рода была приуготована блаженная жизнь по ту сторону земной жизни, для душъ простыхъ смертныхъ тамъ не было мѣста. Эта религія почитанія предковъ способствовала усилению власти главы рода. Императоръ, какъ глава самаго могущественнаго и божественнаго рода, отправлялъ культъ богини солнца Аматерасъ, которая считалась прабабкой перваго императора. Къ этимъ общимъ молитвамъ и жертвоприношеніямъ привлекалъ онъ вождей другихъ ро-

довь, и то, что приносили они на жертвенникъ богини солнца Аматерасъ, и было началомъ податныхъ обязательствъ съ ихъ стороны. Императоръ былъ въ то же время и представителемъ бога на землѣ. Его дворець служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ храмомъ, въ которомъ хранились священный мечъ, шаръ и зеркало, символы императорской власти. Въ это время рѣзкой границы между духовной и свѣтской властью не было.

Но императоръ имѣлъ неограниченную власть лишь надъ членами своего рода и надъ своими рабами. На другой родъ онъ могъ оказывать вліяніе лишь черезъ посредство главы этого рода. Вождь каждаго рода имѣлъ неограниченную власть въ предѣлахъ своего рода. Каждый членъ рода, какъ личность, не игралъ никакой роли. Онъ составлялъ часть цѣлаго и могъ существовать постольку, поскольку пользовался покровительствомъ и защитой своего рода.

Японцы этого ранняго періода занимаются главнымъ образомъ еще рыбной ловлей и охотой. Скотоводство никогда не играло значительной роли въ жизни японца. Во II и III вѣкѣ послѣ Р. Х. японцы стали мало-по-малу отъ охоты переходить къ земледѣлію, воздѣлывая главнымъ образомъ рисъ, а позднѣе ячмень, пшеницу, маисъ и бобы. Ремесла составляли отрасль домашняго хозяйства. Въ предѣлахъ рода выдѣлялись семьи, занимавшіяся кузнечнымъ промысломъ, ткачествомъ и шелководствомъ. Толчокъ ремесламъ и мѣновой торговлѣ былъ данъ завоеваніемъ Кореи въ 201—209 году послѣ Р. Х. Эта война также дала много военноплѣнныхъ, обращенныхъ въ рабство, что способствовало увеличенію числа даровыхъ работниковъ. Покоренные жители Кореи посылали японскому правительству дань въ видѣ „подарковъ“, а послѣднее посылало въ Корею отвѣтные подарки. Такимъ образомъ между Кореей и Японіей установилась мѣновая торговля. Позднѣе такіе же „подарки“ японцы и корейцы стали посылать въ Китай, и между Китаемъ и Японіей съ III вѣка устанавливается живой обмѣнъ товарами.

Китай имѣлъ для Японіи громадное культурное значеніе. Отъ китайцевъ японцы заимствовали литературу, политическія и соціальныя учрежденія, законодательство и даже церемоніи и обрядности. Съ VI вѣка въ Японіи началъ распространяться буддизмъ, занесенный изъ Китая. Буддизмъ внесъ въ Японію совершенно новыя начала. Онъ выдвинулъ на первый планъ значеніе личности, провозгласилъ принципы равенства и поставилъ цѣлью самоусовершенствованіе. Буддизмъ, а позднѣе конфуціанство, тоже занесенное изъ Китая, выставили требованія нравственности. Недостаточно быть главой рода, провозглашали сторонники этихъ ученій, но нужно обладать добродѣтелями и способностями. Императоръ по самому своему происхожденію является властелиномъ властелиновъ, и, какъ, таковой онъ обладаетъ неоспоримыми добродѣтелями. Поэтому слѣдуетъ императору предоставить безграничную власть надъ всѣми.

Это настроеніе въ пользу усиленія императорской власти явилось слѣдствіемъ дѣйствительнаго возрастанія могущества императорскаго рода. Съ этимъ совпало проникновеніе китайской культуры, которая подчеркнула отсталость родового устройства. Сильный ростъ населенія вызвалъ новыя потребности, которымъ устарѣлый родовый порядокъ не могъ удовлетворить.

Согласно новымъ воззрѣніямъ, императоръ считался властелиномъ всей земли. Но это было больше на словахъ, а не на дѣлѣ. Наряду съ императорскимъ родомъ существовали другіе знатные земельные роды, представители которыхъ когда-то оказали родной странѣ громадныя услуги, защищая ее отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Представители этихъ знатныхъ родовъ назывались *дайміо*. Владѣнія этихъ княжескихъ родовъ были ограждены данными имъ привилегіями отъ вмѣшательства императорскихъ чиновниковъ. Въ предѣлахъ своихъ владѣній дайміо вели себя, какъ полновластные хозяева: они имѣли свою монету и бумажныя деньги, которыя внѣ ихъ области утрачивали всякое значеніе. Дайміо издавали законы и поддерживали обычаи, дѣйствительные только для людей, жи-

вущихъ на ихъ землѣ. Налоги также ложились неодинаковой тяжестью: въ области одного даймю они были тяжелѣе, въ области другого — легче.

Вокругъ своего замка даймю селили крестьянъ и ремесленниковъ. Онъ обѣщаль имъ вооруженную защиту, крестьяне же давали ему за право пользованія землей половину или двѣ трети собираемыхъ продуктовъ, а ремесленники оплачивали своимъ трудомъ. И тѣ, и другіе находились въ зависимости отъ даймю. Хотя крестьяне были привязаны къ землѣ, но они не были ни крѣпостными, ни рабами. Лично они были свободны и во многихъ владѣніяхъ могли по своему усмотрѣнію мѣнять занятія. Свои участки могли они заложить или сдать въ аренду, но съ разрѣшенія господина. Изъ этихъ замковъ, окруженныхъ зависимымъ населеніемъ, выросла большая часть японскихъ родовъ.

Крестьяне выплачивали свои обязательства главнымъ образомъ рисомъ, а этотъ рисъ шелъ на уплату жалованья низшему военному сословію, *самураямъ*. Даймю вели между собою безконечныя войны, и самураи составляли ядро ихъ войска. Нѣкоторые самураи получали за свои военные услуги землю и за пользованіе этой землею обязаны были по первому зову даймю идти на войну. Но землю эту они рѣдко обрабатывали сами. Другіе самураи жили подачками въ видѣ риса и денегъ. Самураи имѣли право носить два меча, что служило ихъ внѣшнимъ отличіемъ отъ недворянъ.

Усиленіе императорской власти относится къ VII и VIII вѣку, но, начиная съ IX, императорская власть уступила мѣсто власти земельныхъ родовъ. Императоры совершенно удаляются отъ всѣхъ занятій государственными дѣлами, окружаютъ себя небывалой роскошью и принимаютъ божескія почести. Вліятельные даймю поддерживаютъ въ народѣ легенды о божественности императора и пользуются именемъ безгласнаго императора для осуществленія собственныхъ цѣлей. Но княжескихъ родовъ много, и вотъ на протяженіи вѣковъ между ними идетъ непрерывная кровавая рѣзня изъ-за власти. Кто вмѣстѣ съ земельными владѣніями соединялъ въ себѣ таланты искуснаго полководца, тотъ дѣлался дѣйствительнымъ владыкой и повелителемъ Японіи. Онъ получалъ почетное наименованіе *шогуна*, что буквально значитъ покоритель варваровъ. Вмѣстѣ съ нимъ возвышался весь его родъ, и наиболѣе видная представительница этого рода дѣлалась женой императора. Когда отъ этого брака рождался сынъ, то *шогунъ* управлялъ страной въ качествѣ регента, дѣлая все отъ имени императора, на самомъ же дѣлѣ пользуясь безграничною властью.

Но какъ разъ когда какой-нибудь земельный родъ достигалъ наибольшаго могущества въ лицѣ *шогуна*, подъ него уже подкапывался другой родъ и готовилъ ему паденіе. И такъ продолжалось нѣсколько вѣковъ до начала XVII вѣка. Страна изнывала отъ этихъ постоянныхъ междоусобій. Отъ крестьянъ, ремесленниковъ и купцовъ требовались непосильные налоги, а даймю безгранично расширяли свои потребности.

Но вотъ въ 1603 году шогуномъ сдѣлался Іеясъ, представитель могущественнаго земельного рода Токугава. Даймю къ этому времени утратили прѣжнюю силу и могущество, а мудрый Іеясъ употребилъ цѣлый рядъ мѣръ для того, что окончательно низвести ихъ къ нулю и превратить въ удобное орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Іеясъ и его преемники выдвигали, надѣлая землею и должностями, только тѣхъ даймю, которые держали ихъ сторону. Наоборотъ, когда-то могущественныхъ даймю шогуны изъ рода Токугава старались по возможности ослабить. Съ этою цѣлью Іеясъ раздавалъ земли такимъ образомъ, чтобы два могущественные даймю ни въ какомъ случаѣ не находились по сосѣдству другъ съ другомъ. Законъ ограничивалъ размѣры ихъ земельныхъ владѣній. Шогуны запрещали даймю строить новые и возстановлять старые замки.

Собираясь около дворца шогуна въ Іедо, даймю предавались всевозможнымъ увеселеніямъ, изнѣженной и роскошной жизни. Самураи, оставаясь въ ихъ владѣніяхъ, замѣщали всѣ болѣе или менѣе выдающіяся должности и нерѣдко являлись фактическими правителями обширныхъ княжескихъ владѣній. Въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, которыя за-

нимали треть всей Японіи, шогуну Токугава тоже старались расположить въ свою пользу самураевъ, надѣляя ихъ землей и чинами. Такимъ образомъ на смѣну крупной земельной аристократіи выступаетъ военный классъ, самураи.

Шогунамъ изъ рода Токугава удалось, ослабивъ окончательно власть крупныхъ земельных родовъ, сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ и положить конецъ междоусобіямъ. Они установили миръ и порядокъ, которые продержались болѣе 250 лѣтъ. Но это было куплено дорогой цѣной подавленія всякихъ жизненныхъ проявленій. Внѣшняя торговля была совершенно запрещена, и только небольшая группа голландскихъ купцовъ уцѣлѣла на о. Де-Сима, близъ Нагасаки. Положеніе крестьянъ ухудшилось. Теперь имъ не разрѣшалось производить самовольно раздѣлы своихъ участковъ. Если прежде они работали на владѣльца десять дней въ году, то теперь шесть дней въ мѣсяцъ, и если прежде выплачивали двѣ трети собираемыхъ продуктовъ своему господину, то теперь четыре пятыхъ.

Но образованіе замкнутого государства, въ которомъ вся власть дѣлилась не между многочисленными даймю, а сосредоточивалась въ рукахъ одного властителя, имѣло и свои хорошія стороны. Японія, пользуясь полнымъ внутреннимъ спокойствіемъ и огражденная отъ внѣшнихъ потрясеній, могла всецѣло отдаться развитію своихъ производительныхъ силъ. Именно въ это время достигли наибольшаго развитія ремесла и искусства, живопись и скульптура, ткачество и крашеніе, гончарное производство и лакированіе, шелкоткачество и производство керамическихъ издѣлій. Процвѣтающіе теперь 50 городовъ, имѣющіе каждый больше 25000 жителей, развились именно въ эту эпоху внѣшняго и внутренняго спокойствія.

Но именно въ этотъ продолжительный мирный періодъ накапливались силы, которыя должны были стряхнуть обветшалыя формы. Населеніе быстро росло, появлялись новыя потребности, а отсталыя формы производства не могли удовлетворить ихъ. Производство процвѣтало въ предѣлахъ каждой обособленной области, наприм. въ области центральнаго правительства, которая одна занимала треть всей Японіи, но сношеніямъ между областями мѣшали заставы, пошлины и другія стѣсненія. Кромѣ того совершенно отсутствовала правильная денежная система. Бумажныя деньги, имѣвшія значеніе въ области одного даймю, въ другихъ областяхъ утрачивали всякое значеніе; это отсутствіе единой денежной системы препятствовало правильному торговому развитію. Самураи, которыхъ насчитывалось до двухъ милліоновъ, не находили себѣ соответствующихъ занятій съ тѣхъ поръ, какъ прекратились междоусобія, и когда-то воинственные даймю безопасно предавались всѣмъ соблазнительнымъ развлеченіямъ столичной жизни. Это низшее военное сословіе составляло какъ бы бродило общественной жизни. Въ то время, какъ Японія была замкнута отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, самураи южныхъ князей всетаки ѣздили за границу вопреки распоряженіямъ шогуна. Возвращаясь на родину, они привозили съ собой новыя взгляды и новыя требованія.

Южные князья всегда отличались большею независимостью и смѣлостью мысли. Наперекоръ охранительнымъ стремленіямъ шогуну Токугава, южные князья вводили у себя разныя новшества: они строили пороховыя заводы, фабрики и поощряли научныя занятія самураевъ. Около этихъ передовыхъ южныхъ князей группировались недовольные самураи. Почти во всемъ классѣ самураевъ жило и разрасталось глухое чувство недовольства шогунальнымъ правительствомъ. Наболѣе даровитые и образованные самураи жаждали переменъ, потому что имъ не къ чему было приложить свои силы и знанія: всѣ высшія государственныя должности были наслѣдственны, и самураи, какъ представители низшаго дворянства, до нихъ не допускались. Большинство же самураевъ, состоявшее изъ простыхъ солдатъ, было недовольно слишкомъ продолжительнымъ миромъ и тѣми жалкими подачками, которыя оно получало отъ князей. И вотъ во всѣхъ этихъ недовольныхъ

элементахъ враждебное чувство къ шогуну соединялось съ преклоненіемъ передъ императоромъ. Шогунъ они считали похитителемъ чужой власти, императора же истиннымъ повелителемъ и отцомъ народа. Имъ казалось, что достаточно возстановить императора въ его правахъ, и все пойдетъ по новому.

Недовольные самураи съ южными князьями во главѣ образовали многочисленную „національную партію“, выставившую на своемъ знамени: „долой шогунъ! да восторжествуетъ микадо!“

Въ этотъ критическій моментъ, когда всеобщее недовольство достигло наибольшаго напряженія, въ 1853 году въ Японію впервые прибыли американцы, а черезъ нѣсколько лѣтъ были открыты японскіе порта для внѣшней торговли. Вслѣдъ за торговымъ договоромъ съ американцами, были заключены торговые договоры съ Англійей, Россіей и Франціей. На первыхъ порахъ открылись для иностранной торговли слѣдующія гавани: Іокагама, Нагасаки, Хакодате, Ніигата, Хіого, и города Іедо и Осака. Но въ первые годы открытіе портовъ вызвало разстройство денежной системы. Появленіе на японскомъ рынкѣ иностранной монеты способствовало еще большому обезцѣненію японскихъ денегъ, что вызвало повышеніе цѣнъ на всѣ продукты внутри Японіи. Это еще болѣе усилило всеобщее недовольство, и къ крику: „долой шогунъ!“ присоединился крикъ: „долой иностранцевъ!“ Императорская партія ждала лишь удобнаго случая, чтобъ объявить шогуну открытую войну.

Въ это время умеръ императоръ Камей, и на престолъ вступилъ въ 1867 году юный микадо Мутсу-Гито. Съ перваго шага онъ повелѣлъ дѣло смѣло, и императорская партія вступила въ открытую борьбу съ партіей шогунъ. Послѣдній шогунъ изъ рода Токугава. Ксикки, былъ побѣжденъ и принужденъ удалиться въ частную жизнь.

Съ этого момента Японія вступила на новый путь развитія. То, что зрѣло и готовилось вѣками, вдругъ распустилось въ пышный цвѣтокъ и обѣщаетъ дать богатые плоды. Несомнѣнно, большую роль сыграли европейцы. Но они дали лишь внѣшнія формы тому, что назрѣло и вылилось изъ нѣдръ японской націи. Открытіе портовъ для внѣшней торговли послужило лишь внѣшнимъ толчкомъ для дальнѣйшаго развитія общественной и умственной жизни Японіи. Но готовыя европейскія формы японцы наполнили своимъ самобытнымъ содержаніемъ, и въ томъ, какъ они сумѣли взять у европейцевъ все самое лучшее, заключается уже залогъ ихъ дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія. О реформахъ, послѣдовавшихъ вслѣдъ за переворотомъ, мы поговоримъ въ послѣдней главѣ, теперь же познакомимся съ тѣми физическими условіями, въ которыхъ развивалась и развивается духовная жизнь японскаго народа. Бросимъ взглядъ на географическое положеніе, растительный, животный міръ и климатъ Японіи.

Г л а в а II.

Климатъ Японіи. Поверхность Японскихъ острововъ.— Растительность.— Сѣверная, средняя и южная полоса.— Животный міръ Японіи.

Японскіе острова протянулись длинной цѣпью съ 30° до 51° сѣверной широты. На этомъ значительномъ протяженіи климатъ Японіи представляетъ нѣкоторое разнообразіе. Такъ, на сѣверномъ островѣ Іессо лѣто бываетъ не теплѣе московскаго, а зимой выпадаетъ глубокой снѣгъ, и морозъ достигаетъ иногда—16° Цельзія. Въ средней Японіи зима бываетъ мягче, и хотя снѣгъ выпадаетъ, но лежитъ недолго, а въ сентябрѣ и октябрѣ стоитъ еще роскошная и ясная осень. Въ южной части Ниппона и на островахъ Кіу-Сіу,

Сикоку и южнаго японскаго архипелага въ лѣтніе мѣсяца перепадають чисто тропическіе ливни. Лѣто въ южной Японіи бываетъ влажное и жаркое; люди и животныя задыхаются, за то растительность развивается необыкновенно быстро.

Но въ общемъ Японія, омываемая моремъ и окруженная атмосферой, насыщенной парами, не отличается рѣзкими колебаніями температуры. Восточные берега Японіи омываются теплымъ теченіемъ Куро-Сиво, что означаетъ „черный потокъ“. Это теченіе по отношенію къ Японіи играетъ отчасти такую же роль, какъ Гольфштримъ по отношенію къ Англии. Температура воды въ Куро-Сиво отъ 23 до 27 градусо́въ Цельзія и на шесть градусо́въ выше температуры моря.

Горные хребты Ниппона тянутся главнымъ образомъ съ сѣверо-востока на юго-западъ. Вслѣдствіе этого они служатъ преградой для вѣтровъ, свирѣпствующихъ зимою на западныхъ берегахъ этого главнаго острова. Въ равномъ разстояніи отъ экватора температура восточныхъ береговъ Японіи выше температуры западныхъ, и снѣгъ на вершинахъ западнаго берега лежитъ дольше. Эти зимніе вѣтры до такой степени свирѣпствуютъ на островѣ Иессо и западныхъ берегахъ Ниппона, что пароходы временно прекращаютъ свои рейсы. Жители многихъ приморскихъ городовъ устраиваютъ деревянные щиты для защиты своихъ жилищъ отъ этихъ ужасныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Но какъ только вы перейдете хребетъ и спуститесь на восточный берегъ Ниппона, вы увидите надъ собой голубую лазурь и блестящее солнце.

Японскія горы состоятъ изъ гранитовъ, сланцевъ и другихъ вулканическихъ породъ. Онѣ изрѣзаны долинами, по которымъ стекають къ морю многочисленныя, бурныя и малосудоходныя рѣки. Во время лѣтнихъ ливней эти рѣчки превращаются въ озера, а ручейки въ рѣчки. Японскія горы не имѣють рѣзкихъ выступовъ, страшныхъ обрывовъ; ихъ очертанія мягки, волнисты, ихъ склоны задрапированы роскошной растительностью или спускаются внизъ въ видѣ уступовъ, засѣянныхъ рисомъ. Въ горныхъ хребтахъ Японіи много высокыхъ вершинъ, и изъ этихъ отдѣльныхъ вершинъ самыя высокія, это—вулканы. Многіе вулканы давно не дѣйствуютъ, но газы, вырывающіеся изъ щелей и кратеровъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, живо напоминають японцамъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя были произведены когда-то нѣкоторыми изъ нихъ. Такъ, въ центральной части Ниппона находятся два знаменитыхъ вулкана: Азума-яма и Фузи-яма. Азума-яма поднимается всего на высоту 2525 метровъ, но ни одинъ изъ дѣйствующихъ вулкановъ не внушаетъ японцамъ такого страха, какъ этотъ. Изверженіе, бывшее въ 1783 году, произвело ужасныя бѣдствія: оно покрыло долину Вагацма лавой и пористыми камнями, погубило сорокъ восемь деревень и десятки тысячъ народу. Воспоминанія объ этомъ бѣдствіи передаются изъ устъ въ уста и живутъ у самыхъ отдаленныхъ потомковъ. Послѣднее изверженіе Азума-яма было въ 1893 году. Взрывомъ было убито 80 человекъ, работавшихъ въ сѣрныхъ кояхъ, и окрестности покрылись толстымъ слоемъ пепла. Склоны Азума-ямы сѣры отъ пористыхъ камней, выброшенныхъ послѣднимъ изверженіемъ, и столбъ паровъ, вырывающихся изъ ужаснаго кратера, иногда бываетъ виденъ съ парохода, хотя вулканъ находится почти въ центральной части Ниппона. Богомольцы, совершающіе свои религіозныя восхожденія на самыя высокія горы Японіи, избѣгаютъ эту страшную гору.

Совсѣмъ иначе относятся японцы къ „безподобной“ Фузи-ямѣ, гордо поднимающей свою снѣжную конусообразную вершину на берегу озера Бива. Японцы рассказываютъ, что Фузи-яма появилась въ одну ночь, одновременно съ озеромъ Бива, за 285 лѣтъ до Р. Х. Подножіе знаменитаго вулкана окружено цѣлымъ ожерельемъ цвѣтушихъ деревень, на его ступахъ красуются буддійскіе и шинтоистскіе храмы, и каждый годъ отъ 15000 до 20000 паломниковъ совершаютъ свое восхожденіе на конусообразную вершину вулкана. Они одѣваются въ бѣлыя одежды, во время восхожденія звонятъ въ колокольчики, чтобы отогнать злыхъ духовъ и, взобравшись на вершину, ждуть восхода солнца. Фузи-яма поднимается на

высоту 3745 метровъ. Это самая высокая гора въ Японіи. Взбираясь на нее, путешественникъ можетъ прослѣдить всѣ времена года. Отъ подошвы до 700 метровъ вышины разводится чай. Отъ 700 до 2500 метровъ простираются лѣса, но въ нижней части это не сплошные лѣса, а перелѣски и рощи, разбросанныя по лугамъ. Въ Японіи нѣтъ обширныхъ луговъ, знакомыхъ сѣверянину. Японскій лугъ или гора (Нага) представляетъ изъ себя пустую заросль злаковъ, папоротниковъ и кустарниковъ. Нѣжные цвѣты азали, ириса и лилій дѣлаютъ похожими эти *хара* на роскошные сады. Въ болѣе высокихъ предѣлахъ деревья смыкаются, но провести рѣзкую границу между лиственными и хвойными деревьями трудно. Ближе къ вершинѣ склоны горъ покрыты оголенной лавой безъ всякой растительности. Снѣгъ на вершинѣ Фузи-ями держится десять мѣсяцевъ.

Священная гора Фузи-яма.

Японецъ гордится своимъ безподобнымъ вулканомъ. Вы встрѣтите изображеніе этой горы повсюду: на картинахъ, вѣерахъ, шкатулкахъ, мебели, книгахъ, матеріяхъ, даже на домашней утвари. Но, желая придать изображенію священной горы болѣе величественный видъ, японскій художникъ надѣляетъ ее крутыми склонами и острой вершиной. На самомъ дѣлѣ склоны вулкана отлоги, и его вершина лишь слегка закруглена.

Въ окрестностяхъ Фузи-ями находится „гора ада“, по японски „Оджигоку“. Изъ ея отверстій дымятся безчисленные сѣрные источники; эти клубы газовъ и паровъ, висящихъ надъ горою, напоминаютъ путешественнику, что подъ его ногами находится та ужасная сила подземнаго огня, которая въ мысляхъ суевѣрныхъ людей нерѣдко соединяется съ представленіемъ объ адѣ. Японцамъ часто приходится страдать отъ землетрясеній. Ихъ строенія, легкія и гибкія, приспособлены къ этимъ стихійнымъ бѣдствіямъ.

Всѣ японскіе острова состоятъ изъ разнообразныхъ по длинѣ и по направленію горныхъ хребтовъ, пересѣченныхъ долинами съ короткими бурными рѣками. Тамъ и тутъ возвышаются отдѣльныя вершины, изъ которыхъ большинство вулканы. Въ послѣдніе годы въ Японіи появилось до тысячи новыхъ вулкановъ. Изъ всѣхъ японскихъ вулкановъ около пятидесяти находятся въ дѣйстви. Цѣпь Курильскихъ острововъ на сѣверѣ Японіи начинается вулканомъ, и на каждомъ изъ этихъ „тысячи острововъ“ находится по вулкану или даже по два.

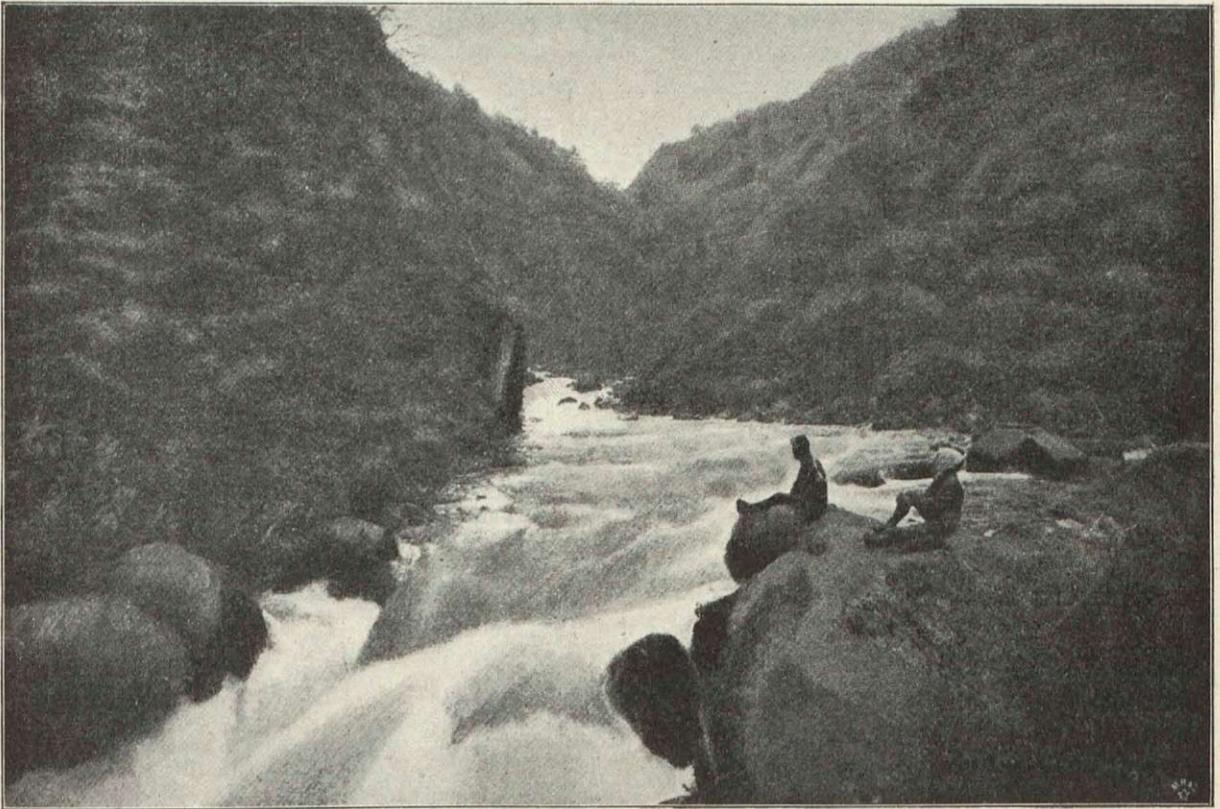
Даже на островѣ Іессо, гдѣ климатъ суровѣе, чѣмъ въ остальной Японіи, встрѣчается одинъ видъ бамбука съ мраморнымъ стволомъ, но здѣсь онъ имѣетъ характеръ лишь низкорослаго, травянистаго растенія. Вообще же на о. Іессо преобладаютъ густыя хвойныя лѣса, которые занимаютъ болѣе $\frac{3}{4}$ всей поверхности этого острова. Мѣстами къ хвойному лѣсу примѣшиваются дубы, клены, березы и буки, а южнѣ простые и конскіе каштаны. Это—сѣверный поясъ Японіи. Къ средней области относится Ниппонъ, начиная съ 38° сѣверной широты до Киото. Въ этой области деревья съ опадающей листвою уступаютъ мѣсто вѣчно-зеленымъ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ вѣчно зеленые дубы. Тутъ встрѣчаются роскошныя гигантскія криптомеріи съ короткой и мягкой хвоей, вѣчно зеленое камфарное дерево изъ породы лавровъ, кипарисы, японская слива или мушмула и густыя заросли бамбука. Камеліи достигаютъ 10 метровъ высоты и 1,5 метра въ поперечникѣ. Бамбукъ образуетъ густыя чащи, которыя напоминаютъ собой лѣса, хотя его и разводятъ искусственнымъ образомъ. Бамбукъ растетъ необыкновенно быстро, и бамбуковую рощу можно встрѣтить около каждой деревни. Бамбукъ—это любимое растеніе японца. Достигаетъ онъ нѣсколькихъ саженъ высоты, но его гладкій колѣнчатый, полый внутри стволъ не толстъ, всего 4—5 дюйма въ діаметрѣ; листья начинаются очень высоко, такъ что нижняя часть бамбуковой рощи имѣетъ весьма оригинальный видъ со своими голыми бѣлыми стволами. Лишь вверху надъ головой раскидывается роскошнымъ свѣтло-зеленымъ шатромъ листва бамбука. Листья его очень длинныя, узкіе, жесткіе и шершавые. Это стройное, прекрасное растеніе изъ породы злаковъ обладаетъ необыкновенной прочностью и легкостью. Японцы дѣлаютъ изъ него и мебель, и деревенскія телѣги, и корзины. Имъ кроютъ крыши, дѣлаютъ рамы для стѣнъ. Молодые побѣги бамбука японцы варятъ и ѣдятъ, находя ихъ очень вкусными.

Деревья японскаго лѣса перевиты ліанами и плющемъ. Во влажныхъ мѣстахъ встрѣчаются разнообразныя виды папоротниковъ. Лѣса, покрывающіе японскія горы, чередуются съ зарослями вѣчно зеленыхъ кустарниковъ, рододендровъ и азалій, которые весною украшаются бѣлыми, розовыми и ярко-пунцовыми цвѣтами. Весною и лѣтомъ Японія поражаетъ путешественника обиліемъ цвѣтовъ. Въ Мартѣ и Апрѣлѣ мѣсяцѣ вишни, сливы, груши и яблони сплошь осыпаны блѣднорозовыми цвѣтами. Позднѣ японскіе сады благоухаютъ отъ цвѣтущихъ піоновъ, глициній, ирисовъ, лилій, азалій, камелій. Въ культивированіи хризантемы, этого цвѣтка, изображеніе котораго украшаетъ національный гербъ Японіи, садоводы достигли такого совершенства, что европейцу остается только поражаться. Въ Ноябрь, когда бывають выставки хризантемъ, посѣтителей допускаютъ въ королевскіе сады, и тогда передъ посѣтителями открываются роскошныя цвѣтники этихъ махровыхъ цвѣтовъ всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная отъ блѣдно-розоваго и кончая темно-малиновыми и палевыми. Искусные садовники располагаютъ хризантемы такимъ образомъ, что передъ изумленнымъ взоромъ посѣтителя открываются разнообразно и ярко одѣтыя группы фигуръ, въ которыхъ все—цвѣты, кромѣ сдѣланныхъ изъ воска или дерева лицъ. Каждый мѣсяцъ японскаго календаря имѣетъ свой излюбленный цвѣтокъ.

Въ южную область входитъ югъ Ниппона, острова Сикокъ, Кіу-Сіу и мелкіе острова Ліу-Кіу. Тутъ вы увидите почти тропическую природу. Здѣсь растетъ вѣрообразная пальма, правда низкорослая, бананы, восковыя деревья, лаковое дерево, дающее лакъ для япон-

ских издѣлій, и попадаются культуры многолѣтняго сахарнаго тростника. На самомъ югѣ встрѣчаются мангровыя и саговья заросли. Но насколько ярки и разнообразны цвѣты Японіи, настолько водянисты и безвкусны плоды. Груши и яблоки поражаютъ величиной и сочностью, но безвкусны и скоро загниваютъ. Бананы не дозрѣваютъ, за то удаются мандарины, и очень вкусенъ специально японскій плодъ „каки“, съ видомъ апельсина и съ очень мясистымъ, мягкимъ содержимымъ.

Низины японскихъ острововъ покрыты чайными плантаціями или засѣяны рисомъ. Разведеніе чая возможно вплоть до сѣверной оконечности о Ниппона, гдѣ чай выносить морозы въ -12° . Но отъ 34° до 36° сѣв. широты чай разводится по преимуществу, и здѣсь онъ особенно хорошо удается. Въ Японіи производятъ, главнымъ образомъ, зеленый чай.

Пейзажъ въ гористой части Японіи.

Кусты его достигаютъ отъ 3 до 5 футовъ. Японцы садятъ чай рядами въ видѣ живыхъ изгородей. Почву чайныхъ плантацій старательно удобряютъ. Листья чайнаго куста продолговато-яйцевидные, острозубчатые и вѣчно-зеленые. Сидятъ они очень часто и образуютъ густую массу. Листья, достигшіе полнаго развитія, вмѣстѣ съ вѣткой идутъ на приготовленіе дешеваго, такъ называемаго кирпичнаго чая. Послѣ весенняго сбора чайный кустарникъ долженъ немного отдохнуть прежде, чѣмъ станетъ давать новые листья. Въ Японіи бываетъ лишь два, много три сбора чайныхъ листьевъ.

Японецъ пользуется каждымъ клочкомъ земли, засѣвая его культурными растениями. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ рисъ, однолѣтній злакъ съ одноцвѣтными колосками. Для своего созрѣванія рисъ требуетъ отъ 4—6 мѣсяцевъ и среднюю температуру въ $+20^{\circ}$. Однако же нѣкоторые сорта риса разводятся вплоть до сѣверныхъ границъ о. Ниппона,

хотя особенно успѣшно вызрѣваетъ онъ въ южной Японіи, давая по двѣ жатвы въ годъ. Свообразную картину представляетъ японское поле: оно все изрѣзано крошечными участками всевозможныхъ формъ, круглыми, овальными, квадратными, восьмиугольными. Эти участки окружены пестрыми каймами цвѣтущихъ растений. Одни изъ этихъ участковъ затоплены водой и сверкаютъ подъ яснымъ солнцемъ своею зеркальною поверхностью, другіе веселятъ взоръ яркою зеленью молодыхъ всходовъ, третьи разнообразятъ пейзажъ желтизной созрѣвающихъ колосьевъ. И все это въ одно время. Зимой эти же поля засѣваются бобовыми растеніями, иногда въ перемежку съ рисомъ, ячменемъ, пшеницей, маисомъ и бататами.

Если плодородная почва Японіи и влажный теплый климатъ способствуютъ произрастанію роскошной и разнообразной растительности, то многое нужно отнести и на счетъ личнаго труда японцевъ. Японскіе садоводы прославились на весь свѣтъ. Садовымъ растеніямъ они придаютъ всевозможные видъ и форму. Въ полученіи карликовыхъ растений японцы крайне искусны; они достигаютъ миниатюрныхъ размѣровъ дерева, подрѣзая корни, и вы можете встрѣтить сосну, клень, кипарисъ, пальму, бамбукъ не болѣе полутора аршинъ вышиною, но съ видомъ вполне развитыхъ старыхъ деревьевъ.

Весьма понятно, что при такой интенсивной культурѣ и при значительной густотѣ населенія въ центральной и южной Японіи, животный міръ не можетъ отличаться богатствомъ и разнообразіемъ. Изъ хищныхъ звѣрей тамъ встрѣчаются только два вида медвѣдей, изъ которыхъ одинъ водится лишь на о. Иессо, а другой на высокихъ горахъ средней Японіи. Японскій медвѣдь меньше обыкновеннаго бураго и обладаетъ отвислыми губами. Волки, которые теперь очень рѣдки, отличаются очень небольшимъ ростомъ. Въ лѣсахъ Японіи водится енотовая собака. Она имѣетъ поразительное сходство съ енотомъ и отъ собаки отличается круглыми ушами. Енотовая собака ведетъ ночной образъ жизни. Лѣтомъ она охотится на мелкихъ звѣрковъ въ лѣсистыхъ горахъ Японіи, а зимою спускается къ долинамъ рѣкъ, чтобы добыть себѣ рыбу. Японцы ее цѣнятъ ради мѣха и мяса. Въ лѣсахъ Японіи водится много оленей. Они отличаются отъ благороднаго оленя другимъ устройствомъ роговъ, болѣе длиннымъ хвостомъ и тѣмъ, что лѣтомъ ихъ бурая шерсть покрывается бѣлыми пятнами. Въ горахъ Японіи живетъ короткохвостая тонкотѣлая обезьяна (сару) изъ породы макаковъ. Лисица весьма распространена въ странѣ „восходящаго солнца“. Японская лисица небольшихъ размѣровъ какъ и всѣ млекопитающія японскихъ острововъ, но она необыкновенно дерзка. Японцы считаютъ ее посланницей бога риса, Инари, и рядомъ съ изображеніемъ этого бога всегда фигурируютъ двѣ лисицы, вырѣзанныя изъ дерева или камня. Лисица, пользуясь покровительствомъ японцевъ, беспрепятственно проникаетъ въ городскіе курятники, а также похищаетъ разныя вкусныя яства, приготовленныя въ честь бога Инари съ жертвенниковъ, устроенныхъ близъ деревень. Изъ грызуновъ встрѣчаются барсукъ, бѣлка, и въ общемъ насчитываются нѣсколько видовъ грызуновъ. На островѣ Кіу-Сіу водятся кабаны и свиньи. Собакъ въ населенныхъ мѣстахъ очень много. Вѣря въ переселеніе душъ, японцы очень оберегаютъ ихъ. Мало того, что ихъ никогда не бьютъ и не топятъ, но, если возницѣ попадетъ лежащая на улицѣ собака, то онъ вмѣсто того, чтобы согнать ее съ мѣста, осторожно объѣдетъ кругомъ. Кошекъ японцы тоже очень любятъ, а суевѣрныя японскія женщины надѣляютъ ихъ чарами волшебства. Изъ представителей пресмыкающихся можно отмѣтить гигантскую саламандру, достигающую 1½ метра въ длину. Но этотъ экземпляръ сдѣлался на столько рѣдкимъ, что легче всего его можно встрѣтить въ музеяхъ.

Но, если въ Японіи мало млекопитающихъ, то птицъ и насѣкомыхъ чрезвычайно много. Достаточно какой-нибудь часъ походить въ окрестностяхъ Токио, чтобы набрать такое множество видовъ жуковъ и бабочекъ, какого нѣтъ ни въ одной изъ сѣверныхъ европейскихъ странъ. Что же касается птицъ, то въ Японіи вы встрѣтите почти всѣхъ птицъ

Айны о. Тессо: мужчина и женщина.

Азіатскаго материка. Всего насчитываютъ до 325 видовъ. Въ Японіи вы увидите разныхъ болотныхъ птицъ. Надъ живописными островами средне-японскаго архипелага вьются цѣлыя стаи баклановъ, пролетаютъ дикіе гуси и дикія утки. Золотые и разноцвѣтные фазаны очень обыкновенны въ центральныхъ и южныхъ провинціяхъ Японіи. Въ лѣсистыхъ горахъ Японіи встрѣчаются всѣ тѣ птицы, которыя лѣтомъ водятся въ нашихъ лѣсахъ: удожь, зяблики, коноплянка, сойки и др. По зеленѣющимъ рисовымъ полямъ бродятъ граціозныя цапли, бѣлоснѣжная и голубая. Въ темной чащѣ древнихъ парковъ встрѣчаются ослѣпительно бѣлые журавли съ черными хвостами и крыльями съ малиновымъ пятномъ на головѣ. Японскіе художники любятъ изображать ихъ парящими надъ величественными кронами сосенъ и криптомерій. Если Японію называютъ „страною цвѣтовъ“, то съ неменьшимъ правомъ она можетъ быть названа „страной птицъ“.

Въ водахъ, омывающихъ японскіе острова, попадаются киты, акулы и дельфины. Изъ рыбъ японскіе рыболовы въ изобиліи ловятъ камбалу, треску, семгу, сельдей, лещей, морскихъ налимовъ, карповъ и др. Одна изъ вѣтвей теплаго теченія Куро-Сиво выбрасываетъ на берегъ массу моллюсковъ и вкусную съѣдобную водоросль. Въ изобиліи ловятся крабы, раки, устрицы, креветки и знаменитый трепангъ. Онъ темно-бураго цвѣта и, поданнымъ къ столу, имѣетъ видъ студня. Его ѣдятъ или скорѣе глотаютъ сырымъ. Всѣ эти обитатели моря служатъ главнымъ источникомъ пропитанія для японскихъ рыболововъ. Рыбы ловятся такъ много, что она идетъ не только въ пищу, но и на удобреніе полей.

Глава III.

Коренные жители Японіи—айно.—Ихъ занятія, жилище, одежда вѣрованія и образъ жизни.— Два типа японцевъ.—Выносливость представителей низшихъ классовъ.—Одежда японцевъ и ихъ жилища.— Внутренняя жизнь японца.—Пристрастіе къ ваннѣ. Простота нравовъ.—Контрастъ между европейской и туземной частью города.—Положеніе японской женщины.—Воспитаніе гейши.—Бракъ.—Японскія дѣти.—Театръ и зрѣлище.—Религіозныя празднества.—Религія японцевъ.

Коренными жителями Японіи считаются айно. Въ данный моментъ чистая раса айновъ сохранилась на о. Иессо, на югѣ Курильскихъ острововъ и въ южной части Сахалина, принадлежащаго Россіи. На языкѣ этихъ коренныхъ обитателей слово „айно“ обозначаетъ „человѣкъ“. Это жалкое вырождающееся племя считаетъ только себя настоящими людьми, и въ одной старинной пѣснѣ айновъ поется: „О, боги морей, откройте свои божественные глаза. Вездѣ, куда падаютъ ваши взоры, раздается языкъ айновъ“. Но японцы передѣлали названіе айновъ въ Ину, что означаетъ собака. Они относятся къ айнамъ презрительно и вѣрятъ, что айны произошли отъ японской принцессы и собаки. Одни антропологи причисляютъ айновъ къ монгольской расѣ, другіе къ кавказской. Айны отличаются небольшимъ ростомъ и коренастымъ тѣлосложеніемъ. У нихъ выдающіяся скулы, короткій носъ съ узкой переносицей, широкой подбородокъ и большой ротъ. Айны необыкновенно волосаты. У женщинъ короткіе пышные волосы, а у мужчинъ необыкновенно длинныя бороды. У айновъ существуетъ повѣрье, что ихъ предка вскормила медвѣдица, и онъ весь покрылся волосами. Поэтому айны чтятъ медвѣдя. Когда они находятъ въ берлогѣ медвѣженка, они приносятъ его къ себѣ. Одна изъ женщинъ должна вскормить его вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ, и медвѣженокъ въ теченіе шести мѣсяцевъ живетъ въ качествѣ члена семьи. Осенью устраивается большой праздникъ, и къ концу его надъ медвѣдемъ заносятъ ножъ: „Мы тебя убиваемъ, о медвѣдь“, восклицаетъ айно, „но ты воплотишься въ айна и вернешься къ намъ“. Голова убитаго медвѣдя, надѣтая на шею, должна охранять ту хижину, въ которой медвѣдь провелъ первое время своей жизни.

Источникомъ пропитанія айновъ служитъ охота и рыбная ловля. Айны охотятся за медвѣдями, оленями, лисицами и ловятъ тюленей и дельфиновъ. Но кита они щадятъ, потому что онъ пригоняетъ весною стаи сельдей въ устья рѣкъ о. Иессо. Изъ рыбъ айны ловятъ, главнымъ образомъ, семгу и лососей. Айны ѣдятъ исключительно рыбу и первое, что бросается при встрѣчѣ съ ними, это острый запахъ рыбы, которымъ пропитана ихъ одежда. Для ловли рыбы айны отправляются внизъ по теченію рѣки въ своихъ длинныхъ и узкихъ лодкахъ по три человѣка въ каждой. Самая примитивная сѣть прикрѣплена къ пруту длиною отъ семи до восьми футовъ. Но айны закидываютъ эту сѣть съ замѣчательной ловкостью и бывають вознаграждены богатой добычей. Впрочемъ послѣднее время искусные и ловкіе японцы при помощи усовершенствованныхъ снарядовъ ловятъ рыбу передъ самыми хижинами айновъ и вытѣсняють ихъ такимъ образомъ съ насиженныхъ мѣстъ. Хлѣбопашествомъ айны почти не занимаются, лишь нѣкоторые изъ нихъ садятъ и выращиваютъ овощи около своихъ хижинъ.

Хижина айна состоитъ изъ тонкихъ жердей, переплетенныхъ между собой и покрытыхъ сверху древесной корой, рогожами и шкурой убитыхъ животныхъ. Хижина заостривается къверху и имѣетъ видъ шалаша. Она освѣщается лишь небольшимъ оконцемъ. Одежда айновъ состоитъ изъ звѣриныхъ шкуръ, лыка и изъ синей матеріи японскаго происхожденія. Женщины и мужчины одѣваются одинаково и сверху надѣваютъ халаты, а начальники носятъ на головахъ украшенія изъ лоскутьевъ, морскихъ травъ и щепокъ.

Айны поклоняются солнцу, лунѣ и звѣздамъ. Они чтутъ море, которое ихъ кормитъ, и лѣсъ, дающій имъ защиту. Айны чтутъ земныхъ и небесныхъ духовъ и поклоняются душамъ усопшихъ предковъ. Хижину усопшаго разрушаютъ, а останки покойнаго помѣщаютъ въ новомъ зданіи, передъ которымъ водружаются шести съ головами звѣрей, когда-то убитыхъ покойнымъ. У айновъ нѣтъ жрецовъ. Они сами отправляютъ несложные обряды, которые состоятъ въ религиозныхъ танцахъ и возліяніи „саке“ (рисовой водки).

Айны живутъ родами, и наиболѣе могущественный въ родѣ считается начальникомъ. Онъ обладаетъ большимъ количествомъ dospѣховъ, и передъ его хижинной красуется больше медвѣжьихъ и оленьихъ череповъ. Единственное право, которое ему принадлежитъ, это право судить. Но если онъ окажется несправедливымъ судьей, то его смѣщаютъ. Отно-

Женщины племени айно.

шені айновъ къ японскому правительству ограничивается тѣмъ, что они платятъ ему опредѣленные налоги и питаютъ къ его представителямъ безграничный страхъ.

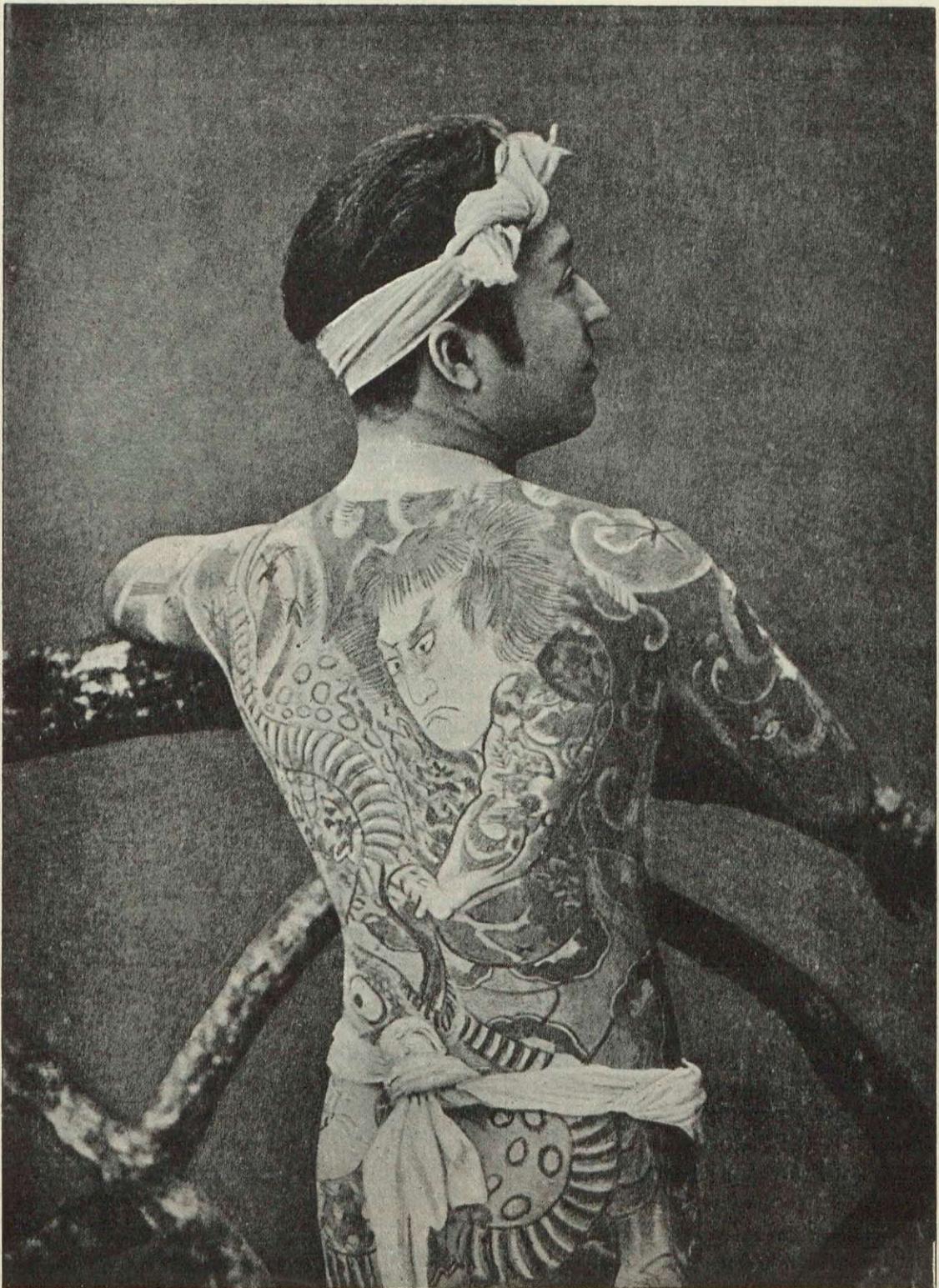
Нельзя сказать, чтобы айны были тупы или безтолковы. Они, правда, не умѣютъ писать, но славятся, какъ прекрасные счетчики. Счетъ они ведутъ при помощи палочекъ, отмѣченныхъ черточками, и бичевокъ съ узелками, но такъ искусно, что ни одинъ торговецъ не можетъ ихъ обмануть. Айны умѣютъ готовить красивую деревянную посуду, украшенную рѣзьбой и рисунками. Они музыкальны, и ихъ пѣніе подь аккомпаниментъ струннаго инструмента очень гармонично и звучитъ невыразимой грустью. Но вмѣстѣ съ этимъ айны плохо поддаются цивилизаціи, и число ихъ сильно сокращается. Лишь не-

Айны на рыбной ловлѣ.

многіе изъ ихъ молодежи отправляются въ Токио, чтобы получить образованіе. Въ сѣверной части о. Ниппона они уже совершенно слились съ японцами, а на о. Иессо японцы ихъ оттѣсняютъ все дальше внутрь страны. На о. Иессо ихъ насчитываютъ всего 16.972 человекъ.

Мнѣнія относительно происхожденія японцевъ очень разнорѣчивы. Антропологи причисляютъ ихъ къ монгольскому племени, а родиной перваго японскаго императора считаютъ Китай. Во всякомъ случаѣ собственно японцы (не считая айновъ) распадаются на два рѣзко отличающіеся типа, и эти два типа соотвѣтствуютъ двумъ классамъ общества. Низшій слой японскаго общества, крестьяне и рабочіе, отличаются чертами лица, которыя сближаютъ ихъ съ обитателями восточной Азіи: у нихъ широкія, плоскія, темно-желтаго цвѣта лица, приплюснутый носъ, низкій лобъ, выдавшіяся скулы, полуоткрытый ротъ, и косой разрѣзъ глазъ. Предста-

Японецъ съ татуировкой на всеъ тѣлѣ.

вители этого типа находятся, главным образом, на сѣверѣ о. Ниппона и въ городахъ, расположенныхъ на западъ отъ Кіото. Японская аристократія отличается болѣе бѣлымъ цвѣтомъ лица и тонкими чертами: высокій лобъ, прямой съ горбинкой носъ, тонкія губы, плоскія вѣки съ длинными густыми рѣсницами и продолговатый овалъ лица. Японскіе художники считаютъ ихъ идеаломъ красоты и изображаютъ боговъ съ точно такими лицами, какъ у японскихъ аристократовъ. Японцы того и другого типа обладаютъ очень скудной растительностью на головѣ и лицѣ.

Нѣкоторые антропологи эту разницу типовъ объясняютъ различнымъ временемъ переселенія въ Японію двухъ племенъ монгольской расы. Они предполагаютъ, что завоевателями Японіи явились позднѣйшіе пришельцы, принадлежавшіе болѣе тонкому типу китайцевъ. Раньше ихъ переселились изъ южной части восточной Азіи люди монгольской расы съ грубыми лицами, и они принуждены были покориться болѣе позднимъ пришельцамъ, завоевателямъ Японіи, къ которымъ принадлежалъ и первый японскій императоръ Цимму. Но къ какому бы типу японцы ни принадлежали, они всѣ небольшого роста. Представители низшихъ слоевъ обладаютъ коренастой фигурой и отличаются необыкновенной выносливостью. Японскій кули можетъ карабкаться по горамъ, съ ношей за плечами, не останавливаясь ни на минуту для того, чтобы перевести дыханіе. „Джинрикса“, японскій возница, запряженный вмѣсто лошади въ легкую лакированную двухколесную коляску, можетъ безъ усталости бѣгать нѣсколько часовъ подрядъ, не обнаруживая ни малѣйшей усталости. Японскіе акробаты не менѣе сильны и ловки, чѣмъ европейскіе. Но при этой выносливости японцы замѣчательно быстро старятся.

Японскія женщины и мужчины изъ простого народа въ 30 лѣтъ выглядятъ уже совсѣмъ стариками съ морщинистыми лицами, и лишь бѣлизна зубовъ и блескъ глазъ говорятъ объ остаткахъ молодости. Быть можетъ эту раннюю старость нужно отнести на счетъ слишкомъ горячихъ ваннъ, которыми японцы такъ злоупотребляютъ. Между японцами очень распространено малокровіе и чахотка. Изъ пяти японскихъ подростковъ четверо обязательно страдаютъ малокровіемъ. Многіе видятъ причину этихъ болѣзней въ скудномъ питаніи. Японцы ѣдятъ, главнымъ образомъ, рисъ и овощи. Употребляютъ также въ пищу молодые побѣги бамбука, папоротника и корни лотоса. Жители приморскихъ мѣстечекъ употребляютъ въ пищу водоросль (морскую капусту), трепангъ, различные сорта рыбъ и раковъ. Говядину японцы стали ѣсть только въ самое послѣднее время и то лишь зажиточные классы.

Со времени переворота, происшедшаго въ Японіи, большинство представителей зажиточныхъ городскихъ классовъ старается въ костюмахъ и манерахъ подражать европейцамъ. Вся японская аристократія одѣвается по европейски. Придворнымъ строго запрещено носить національные костюмы. Лишь въ низшихъ слояхъ общества вы встрѣтите длинныя *кимono* (халаты) съ широчайшими рукавами и *оби*, поясъ изъ матеріи, перехватывающій талію. Национальные костюмы мужчинъ и женщинъ въ Японіи состоятъ изъ халатовъ одинаковаго покроя, но въ то время какъ мужчины носятъ одноцвѣтные темные „кимono“, японки вкладываютъ въ свои костюмы массу вкуса и разнообразія. Въ доброе старое время представительницы японской аристократіи носили роскошные „кимono“ такого цвѣта, который составлялъ привилегію извѣстнаго класса. Знатныя дамы, одѣтыя въ дорогія шелковыя матеріи, расшитыя всевозможными рисунками, во время національныхъ празднествъ производили впечатлѣніе роскошнаго пестраго цвѣтника. Все это отошло въ область преданій. Дорогіе праздничныя кимono съ вышитыми по нимъ цвѣтами и птицами теперь можно встрѣтить только въ музеяхъ. Женщины низшихъ классовъ, оставшіяся вѣрными національнымъ костюмамъ, не въ состояніи носить роскошные кимono, которые когда-то носили японскія аристократки. Но и въ своихъ болѣе простыхъ кимono онѣ необыкновенно граціозны. Миниатюрныя, привѣтливыя и миловидныя японскія „мусме“ (дѣвушки) приковываютъ вниманіе путешественника и приводятъ его въ восхищеніе. Ихъ широкіе кимono напоминаютъ одежду

древнихъ гречанокъ. „Оби“ или поясъ, который у мужчинъ дѣлается изъ мягкой матеріи и едва замѣтенъ, у женщинъ составляетъ существенную часть костюма: онъ сдѣланъ изъ тяжелой дорогой матеріи, особой выработки, достигаетъ метра въ ширину и сзади заканчивается громаднымъ бантомъ. На ногахъ, японцы носятъ деревянные сандалии, которыя сбрасываютъ при входѣ въ домъ. Прически японокъ—это цѣлыя сложныя сооруженія, на которыя затрачивается много времени и труда. Такъ какъ бѣдныя женщины не въ состояніи причесываться ежедневно, то онѣ обыкновенно причесываются лишь разъ въ недѣлю. Чтобы не помять прическу, японки во время сна кладутъ шею на узкую сѣдлообразную деревянную подставку, такъ что голова виситъ въ воздухѣ, ни къ чему не прикасаясь.

Въ жилищѣ японца поражаетъ прежде всего необыкновенная простота. Спятъ японцы на полу, разостлавъ стеганья пуховыя одѣяла, и такими же одѣялами покрываются. Мебели въ настоящихъ японскихъ домахъ почти нѣтъ. По полу разбросаны циновки, на которыхъ сидятъ, спятъ и ѣдятъ. Тутъ же стоитъ жаровня съ тлѣющими углями. На ней японки варятъ свой неприхотливый обѣдъ. Лишь въ домахъ японцевъ, побывавшихъ въ Европѣ, вы увидите нѣсколько маленькихъ столиковъ, служащихъ для ѣды, и шкафъ для хранения платья. Остовъ японскаго дома состоитъ изъ дерева, рамы же, обтянутыя бумагой, сдѣланы изъ бамбука. Онѣ совершенно свободно передвигаются въ пазахъ, устроенныхъ въ потолкѣ и полу. Переднія стѣны бумажно-деревяннаго строенія лѣтомъ раздвигаются, и тогда передъ взорами прохожихъ открывается вся внутренняя жизнь японца. Вотъ тутъ старая японка готовитъ обѣдъ на жаровнѣ своей семьѣ. Тамъ молодая дѣвушка оканчиваетъ свой туалетъ передъ металлическимъ зеркаломъ; жара заставила ее спустить до пояса свое платье, но

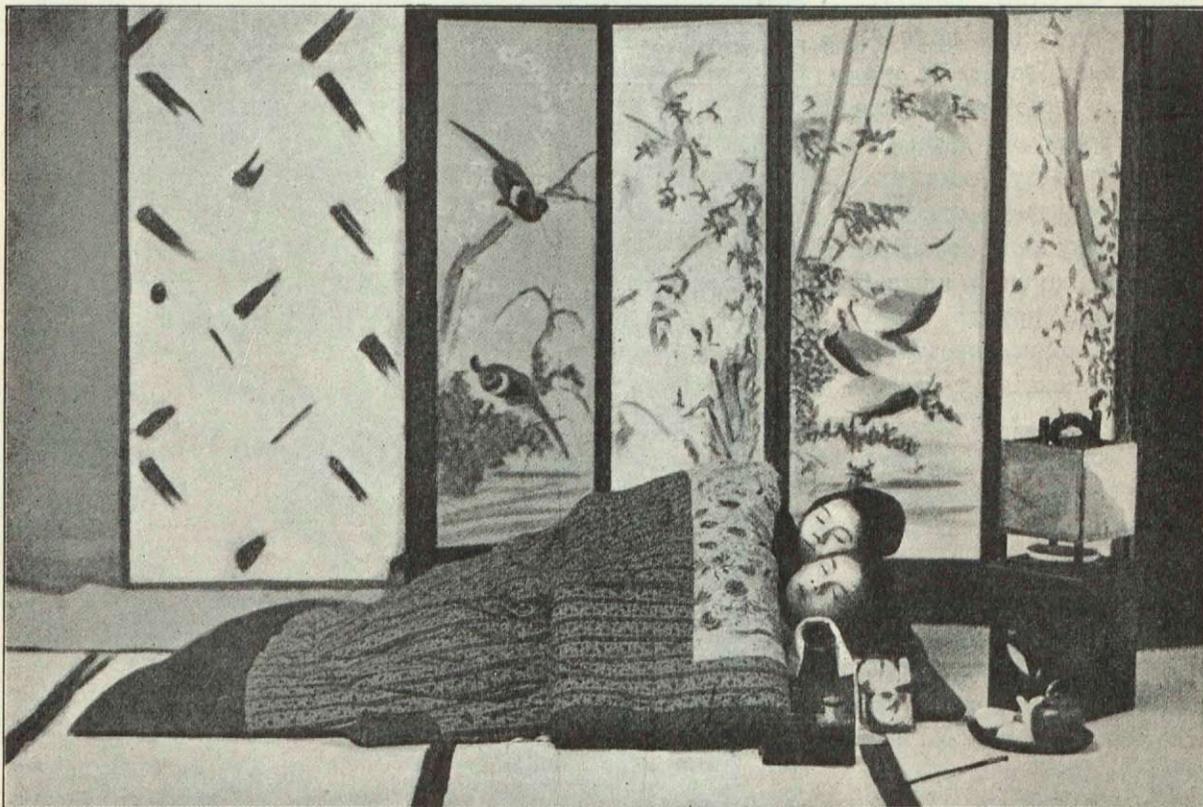

Туалетъ знатной японки.

Тулалетъ знатной японки.

она не думаетъ смущаться взглядами прохожихъ: въ Японіи это не считается предосудительнымъ. Вотъ въ другомъ жилищѣ вся семья предается послѣобѣденному отдыху на упругихъ циновкахъ, подъ развѣшанными отъ москитовъ сѣтками. А въ сосѣднемъ домѣ группа веселыхъ собесѣдниковъ собралась около бутылки „саке“ и наслаждается въ то же время пѣніемъ и танцами приглашенной „гейши“.

Если японецъ владѣетъ хотя нѣсколькими квадратными метрами земли, онъ непременно устроитъ себѣ маленькій садикъ съ искусственными гротами, крошечнымъ прудомъ, въ которомъ плещутся и играютъ золотыя рыбки, и посадитъ нѣсколько карликовыхъ деревьевъ. Все это миниатюрно до смѣшного, однако доставляетъ удовольствіе не только дѣтямъ, но и взрослымъ.

Японская постель.

Въ каждомъ японскомъ домѣ отводится особое помѣщеніе для ванны, а самые бѣдные ходятъ въ публичныя бани. Въ дно деревянной ванны вставлена вертикальная мѣдная трубка. Нѣсколько углей, положенныхъ въ нее, нагрѣваютъ воду до такой степени, что купающійся дѣлается краснымъ, какъ ракъ. Японецъ купается въ водѣ, достигающей 36°—40° Реомюра. Это такая температура, которая европейцу живо напоминаетъ времена пытки. Согрѣвшись горячей ванной, японецъ дѣлается довольно нечувствительнымъ къ холоду. У японца зябнуть главнымъ образомъ руки, и ихъ онъ старается прежде всего согрѣть. Даже зимой съ голыми полузастывшими ногами японецъ чувствуетъ себя отлично, если передъ нимъ стоитъ ящикъ съ тлѣющими углями, „хибачъ“, надъ которымъ онъ можетъ согрѣть свои руки. Покрой его платья позволяетъ ему, вытащивъ руки изъ рукавовъ, сложить ихъ на груди. Въ холодную зиму на сѣверѣ Японіи, когда снѣгъ лежитъ толстымъ

слоемъ, улица японскаго города принимаетъ странный видъ съ пѣшеходами, у которыхъ вмѣсто рукъ висятъ пустые рукава. На сѣверѣ ящикъ съ углями замѣняется отверстиемъ въ полу. Это отверстие наполняется углями, надъ нимъ ставятъ деревянное сооруженіе „котатсу“, и все это покрывается ватнымъ одѣяломъ. Вся семья размѣщается вокругъ, прячывая подъ одѣяла свои конечности. Несмотря на „котатсу“ японецъ на сѣверѣ никогда не былъ бы въ состояніи согрѣться, если бы горячія ванны не замѣняли для него нашихъ печей, дѣлая на нѣкоторое время тѣло нечувствительнымъ къ холоду.

Въ общественныхъ баняхъ мылись еще не особенно давно и мужчины и женщины вмѣстѣ, но теперь это строго запрещено закономъ. Баня является такимъ же сборнымъ пунктомъ, какъ биржа для нашихъ купцовъ или пивная для нѣмецкихъ бюргеровъ. Говорь

Гейши.

не умолкаетъ, и, обыкновенно, простой народъ стекается сюда, чтобы услышать самыя послѣднія новости и такимъ образомъ соединить пріятное съ полезнымъ. Въ домѣ, гдѣ есть ванна, въ нее погружаются другъ за другомъ всѣ члены семьи. При этомъ, женщины купаются въ присутствіи мужчинъ, нисколько ихъ не стѣсняясь. Проходя по улицѣ, нерѣдко можно увидѣть такую картину: японка, которой тѣсно въ комнатѣ, вытаскиваетъ бадью съ водою на улицу и, нисколько не стѣсняясь спящими прохожими, спокойно моется на глазахъ у всѣхъ. Никого это не удивляетъ: здѣсь къ этому привыкли. Впрочемъ такую простоту нравовъ можно встрѣтить лишь въ туземной части города. Пойдите въ европейскую часть города, и вы увидите роскошныя двухэтажныя каменные зданія, великолѣпныя магазины, освѣщенные по вечерамъ электричествомъ, богатая гостинница, въ которыхъ изысканная сервировка столовъ и лакеи во фракахъ и перчаткахъ заставятъ васъ забыть,

что вы находитесь на дальнемъ востокѣ. Такой рѣзкій контрастъ между туземной и европейской частью замѣчается во многихъ городахъ Японіи.

Но несмотря на то, что многія городскія улицы и зданія приняли вполне европейскій обликъ, въ нѣдрахъ японскаго народа все еще живутъ устарѣлые взгляды и обычаи. Возьмемъ, на примѣръ, положеніе японской женщины. Будучи еще дѣвочкой, она находится въ полной власти своихъ родителей. Отецъ можетъ отдать ее въ заведеніе, которое сдѣлаетъ изъ нея „гейшу“. Прежде всего обращаютъ вниманіе на ея физическую красоту: маленькое тѣлице ежедневно погружаютъ въ молоко, въ организмъ вводится лишь извѣстная пища, которая способствуетъ быстрому развитію формъ и появленію ослѣпительнаго цвѣта лица. Маленькая дѣвочка обучается изящнымъ манерамъ и умѣнью скрывать свои чувства подъ привѣтливой милой улыбкой. Ее учатъ дѣлать сложныя прически и накладывать на нѣжное личико бѣлила и румяна. Но кромѣ того будущая „гейша“ учится мимикѣ и сложнымъ танцамъ, пѣнію и драматическому искусству. Она должна научиться хорошо играть на струнныхъ инструментахъ „самизенѣ“ (гитара) и „кото“ (цитра) а также на роялѣ. Къ четырнадцати годамъ воспитаніе „гейши“ закончено, и она выступаетъ въ „чайныхъ домахъ“, привлекая посѣтителей очаровательными манерами, пѣніемъ и остроумной болтовней. Гейша знаетъ японскихъ классиковъ, она можетъ поддерживать интересный и живой разговоръ. По своему образованію и умственному уровню гейша не уступитъ многимъ представительницамъ японской аристократіи. Нерѣдки случаи, что гейша по окончаніи службы въ „чайныхъ домахъ“, лѣтъ въ 27, дѣлаетъ отличную партію, выходя замужъ за человѣка съ положеніемъ, и тогда она становится примѣрной женой и матерью. Но возмутительно то, что корыстные родители отдаютъ въ заведеніе, готовящее гейшъ, маленькаго ребенка восьми-девяти лѣтъ и такимъ образомъ заранѣе рѣшаютъ всю его дальнѣйшую судьбу. Прежде нерѣдко бывали случаи даже продажи дѣвочекъ антрепренерамъ „чайныхъ домовъ“. Теперь же реформированное законодательство строго преслѣдуетъ это злоупотребленіе родительской властью.

Но пройдетъ еще много времени прежде, чѣмъ японская женщина въ своихъ правахъ достигнетъ положенія европейской. Теперь основной задачей всей ея жизни является подчиненіе: подчиненіе отцу, мужу и сыну, если она вдова. Всѣ семейныя обязанности лежатъ на ней. Она всѣхъ раньше встаетъ, всѣхъ позже ложится. Она самоотверженно заботится о спокойствіи и благоденствіи своего мужа. А между тѣмъ, если женщина хоть въ чемъ нибудь прегрѣшитъ передъ мужемъ, проявитъ чрезмѣрную болтливость, неживчивость, легкомысліе, этого уже достаточно, чтобы мужъ имѣлъ право бросить ее, слагая съ себя всѣ обязательства по отношенію къ дѣтямъ.

Въ Японіи до сихъ поръ не требуется согласія невѣсты при вступленіи въ бракъ. Рѣшающій голосъ принадлежитъ родителямъ. Бракъ у японцевъ совершается безъ сложныхъ церемоній: брачующіеся являютъ въ полицію и тамъ заносятъ свои имена. Затѣмъ въ домъ родителей жениха торжественно приносятъ въ паланкинѣ невѣсту. Она одѣта вся въ бѣломъ, а голова ея украшена громаднымъ тюрбаномъ. Бѣлый цвѣтъ означаетъ трауръ, но невѣсту одѣваютъ въ бѣлое платье въ знакъ того, что она уже умерла для своей семьи и отнынѣ до конца дней своихъ останется въ домѣ мужа. Собираются родные и знакомые и одариваютъ молодыхъ вещами, отчасти имѣющими практическое примѣненіе, отчасти лишь символическое значеніе. Такъ между вещами часто попадаются изображенія аистовъ и цаплей, которые символизируютъ принципъ долговѣчности. Затѣмъ подаютъ „саке“ въ особыхъ сосудахъ и пьютъ ее, сопровождая многозначительными жестиками и церемонными поклонами.

Если большая часть дѣтей вообще ведетъ счастливое существованіе, то японскія дѣти могутъ въ особенности этимъ похвалиться. Прежде всего они пользуются молокомъ матери гораздо дольше, чѣмъ дѣти европейскихъ матерей. Путешественникамъ нерѣдко приходи-

лось наблюдать, какъ четырехлѣтній ребенокъ, оставивъ игру, бѣжитъ къ матери, чтобы воспользоваться молокомъ, предоставленнымъ въ распоряженіе его младшаго брата или сестры. Мать привязываетъ мальчика къ спинѣ его брата или сестры, и малютка, выглядывая изъ за спины своей няньки, можетъ спокойно созерцать игры старшихъ дѣтей или предаваться безмятежному сну. Наказаній не существуетъ ни въ школѣ, ни дома. Взрослые часто принимаютъ участіе въ играхъ дѣтей и обращаются съ ними, какъ съ равными. Единственнымъ наказаніемъ, употребляемымъ родителями, является „люкса“, прижиганіе, но родители въ то же время смотрятъ на него, какъ на цѣлебное средство. Операция эта состоитъ въ томъ, что растертые листья одного растенія, артемизин, кладутся на кожу и зажигаются. По вѣрованію японцевъ это должно помогать и отъ судорогъ, и отъ солитеровъ, и родители пользуются поводомъ къ наказанію, чтобы примѣнить это нѣсколько суровое средство.

За любовь родителей дѣти платятъ безграничною преданностью и послушаніемъ. Эта почтительность дѣтей по отношенію къ родителямъ отчасти проистекаетъ изъ основныхъ положеній конфуціанства и буддизма. Ребенокъ, безразлично мальчикъ или дѣвочка, является какъ бы запаснымъ капиталомъ на случай болѣзни и старости. Вслѣдствіе этого японцы, не имѣющіе дѣтей, непременно усыновляютъ кого-нибудь. Если есть ребенокъ, то часто усыновляютъ еще одного такого же возраста, но другого пола, съ твердымъ намѣреніемъ поженить впоследствии обоихъ и возложить на нихъ заботу о содержаніи своихъ родителей. Отсюда—происхожденіе мнѣнія, что въ Японіи допускается бракъ между братьями и сестрами.

Японцы страстно любятъ театръ и всевозможныя зрѣлища. Въ театрѣ японецъ от-

Японка въ національномъ костюмѣ съ ребенкомъ.

правляется со всей своей семьей, забираясь туда съ шести часовъ утра и оставаясь до поздняго вечера. Еще съ вечера дамы сооружаютъ свои сложныя прически. Затѣмъ съ раняго утра мужчины бреютъ лица и брови, женщины подкрашиваютъ щеки, губы и шею, наряжаютъ дѣтей и затѣмъ всю семью, не оставляя даже грудныхъ, отправляются въ театръ. Вдоль стѣнъ помѣщаются ложи, большая же часть публики располагается на цыновкахъ, разложенныхъ на полу, причемъ каждое мѣсто отгорожено отъ сосѣдняго и имѣетъ форму квадрата. Иногда такой квадратъ занятъ двумя и тремя семьями. Изъ сосѣдняго „чайнаго домика“, которыхъ много около театра, приносятъ по заказу лакированный ящикъ съ углями, чай, пирожное и освѣжительные напитки. Публика потягиваетъ чай изъ маленькихъ чашекъ, курить трубки, не исключая и женщинъ, и напряженно слѣдитъ за всѣмъ, происходящимъ на сценѣ.

„Харакири“ на сценѣ японскаго театра.

Передъ сценой находится нѣчто вродѣ деревянной клѣтки, въ которой помѣщается оркестръ, состоящій обыкновенно изъ нѣсколькихъ человѣкъ, мужчинъ и женщинъ. Въ драматическихъ пьесахъ музыка для пущей торжественности играетъ все время. Въ комедіяхъ ее слышно лишь тамъ, гдѣ нужно подчеркнуть особенно важныя мѣста. Суфлеръ, одѣтый во все черное и съ черной маской на лицѣ (что для зрителей должно обозначать его небытіе на сценѣ), бѣгаетъ позади актеровъ, подсказывая по книжкѣ роль то одному, то другому. Актеры не всегда уходятъ за кулисы, а для большей реальности удаляются по мосткамъ, положеннымъ для нихъ вдоль зрительной залы. Эти мостки должны обозначать дорогу, улицу, вообще дѣйствительно существующій путь. Здѣсь разыгрываются также важнѣйшіе моменты пьесы, и публика сосредоточиваетъ свое вниманіе именно на этихъ мосткахъ, меньше обращая вниманія на то, что происходитъ на сценѣ. Очень остроумнымъ

приспособленіемъ является вращеніе театральной сцены на оси, скрытой подъ поломъ. Достаточно режиссеру надавить кнопку, и передъ зрителями въ мгновение ока встаетъ совершенно другая картина съ новыми декораціями и обстановкой.

Японцы—страстные любители кровавыхъ зрѣлищъ. Всѣмъ остальнымъ пьесамъ предпочитаютъ они изображеніе кровавой битвы, поединка или „хара-кири“. Последнее заключается въ самоубійствѣ посредствомъ распарыванія живота. Японцу нужно, чтобы на сценѣ текла кровь, вываливались внутренности; чѣмъ ужаснѣе, чѣмъ ближе къ дѣйствительности, тѣмъ лучше. Сюжеты любимыхъ пьесъ, обыкновенно, взяты изъ прошлаго Японіи, когда встрѣчались образцы самоотверженной преданности и любви. Такова самая популярная пьеса, изображающая подвиги „сорока семи рониновъ“, вассаловъ, лишившихся своего господина. Въ ней замѣчательно ярко изображена любовь и преданность сорока семи вассаловъ, съ неподражаемой выдержанностью и хитростью отомстившихъ за своего убитого господина.

Продавецъ зелени и овощей.

Но эти кровавыя пьесы перестаютъ удовлетворять культурные слои общества. Въ одномъ извѣстномъ театрѣ въ Токио даются драмы, въ которыхъ чувствуется сильное подражаніе классическимъ произведеніямъ европейскихъ драматурговъ. Въмѣсто самоотверженныхъ вассаловъ и отважныхъ патріотовъ въ пьесахъ, навѣянныхъ европейскимъ западомъ, фигурируютъ Мольеровскіе ханжи, мнимые больные, скупые и т. д.

Обыкновенно въ японскихъ городахъ театръ помѣщается въ такъ называемомъ „увеселительномъ кварталѣ.“ Тутъ же рядомъ съ театромъ выстроились „чайные дома“, изъ которыхъ доносится мелодичное пѣніе гейшъ—подъ аккомпаниментъ „самизенъ“ и „кото“. По сосѣдству на открытой сценѣ жонглеры, фокусники и гимнасты потѣшаютъ публику. Тутъ же раскинули свой деревянный шалашъ борцы („сумо“). Если японцы любятъ театръ, то еще съ большимъ наслажденіемъ созерцаютъ они борцовъ. Къ борцамъ предъявляются слѣдующія требованія: они обязательно должны быть весьма толсты, такъ какъ при по-

мощи одной мускульной силы ничего не сдѣлаешь. Красивые и граціозные борцы съ порціально сложенными фигурами и развитой мускулатурой не пользуются особенной любовью публики. Любимцами являются толстяки, которые, обыкновенно, и одерживаютъ верхъ во всѣхъ состязаніяхъ. По знаку, данному судьей, избираемымъ во время состязанія, выходятъ на арену два борца, сбрасываютъ съ себя одежду и являются передъ публикой совершенно голыми, если не считать кожаного пояса съ бахромой. Каждый изъ нихъ беретъ щепотку соли и бросаетъ ее. Соль имѣетъ значеніе очистительной жертвы. Затѣмъ борцы подкрѣпляютъ свои силы глоткомъ воды, натираютъ ладони рукъ пескомъ, расправляютъ члены и выступаютъ на середину арены. Судья выкрикиваетъ имена борцовъ и затѣмъ даетъ сигналъ начать борьбу. Въ одну минуту оба борца обхватываютъ одинъ другого и, напрягая всѣ силы, стараются или выбросить противника за арену, или повалить. Зрители слѣдятъ съ напряженнымъ вниманіемъ и выражаютъ свое удовольствіе восклицаніями: „маи, маи.“ Если одержана трудная побѣда, то воздухъ оглашается шумными восторженными криками, и нѣкоторые изъ публики снимаютъ съ себя одежду, чтобы бросить ее побѣдителю, какъ залогъ, который долженъ быть впоследствии выкупленъ богатымъ подаркомъ.

У японцевъ масса всевозможныхъ празднествъ и чисто свѣтскаго, и религіознаго характера. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда цвѣтетъ вишневое дерево, всѣ, и младъ, и старъ, собираются подъ благоухающими вишневыми деревьями, усыпанными блѣдно-розовыми цвѣтами. Веселая смѣющаяся молодежь обмѣнивается четверостишіями, сочиненными тутъ же экспромтомъ въ честь цвѣтущей, благоухающей весны, въ честь яркаго солнца, синяго неба и безпечной молодости. Эти четырехстишія записываются на бумагѣ, и вскорѣ вся вишневая роща увѣшана блѣнными записочками. А вечеромъ городъ ярко иллюминированъ, и отовсюду несется пѣніе подъ звуки „кото“ и „самизена.“

Религіозныя празднества содержатъ въ себѣ очень мало религіознаго. Во время праздниковъ, справляемыхъ послѣдователями шинтоистской религіи и носящихъ названіе „Даши“, по улицамъ передвигаются при помощи быковъ торжественныя колесницы, на которыхъ танцовщицы и пѣвцы изображаютъ сцены изъ исторіи и міеологіи. Часто изображаемая сцена не имѣетъ никакого отношенія къ справляемому празднику. На колесницѣ возвышается громадная фигура, изображающая бога, въ честь котораго устраивается праздникъ. Въ такомъ случаѣ колесницу тянутъ не только одни быки, но и цѣлая вереница людей, держащихъ въ рукахъ длинную веревку, привязанной къ торжественной колесницѣ.

Изъ многочисленныхъ религіозныхъ празднествъ „Матсури“ лишь немногія носятъ названіе „Даши“, т. е. сопровождаются различными представленіями на подвижныхъ сценахъ. Во время большинства „Матсури“, которые повторяются весьма часто, участники праздника ограничиваются тѣмъ, что надѣваютъ отвратительныя маски и танцуютъ передъ публикой съ ужасными кривляніями и жестикуляціей. Маски эти, обыкновенно, хранятся въ храмахъ, и священники предоставляютъ ихъ желающимъ лишь на время праздниковъ. Почти въ каждомъ шинтоистскомъ храмѣ при восходѣ солнца женщины и дѣвушки, очистившія себя предварительно отъ всякихъ грѣховъ, совершаютъ религіозные танцы. Танецъ состоитъ въ медленныхъ ритмическихъ движеніяхъ подъ аккомпаниментъ инструмента, на которомъ играетъ самъ танцующій.

Въ Японіи три господствующихъ религіи: шинтоизмъ, буддизмъ и конфуціанство. Въ XVI вѣкѣ іезуитами было введено христіанство. Въ свое время японцы-христіане подвергались преслѣдованіямъ, и нѣкоторые изъ нихъ даже претерпѣли мученическую смерть. Но теперь христіанъ среди японцевъ очень мало, и они тонутъ въ общей массѣ представителей другихъ вѣроисповѣданій. Шинтоизмъ — это самая древняя національная религія японцевъ, она господствуетъ въ Японіи съ незапамятныхъ временъ. Въ 1875 году шинтоисты насчитывали до 120000 храмовъ. Въ основу этой религіи легло обоготвореніе силъ

природы, поклоненіе душамъ умершихъ людей, особенно героевъ и правителей. Шинтоисты насчитываютъ до восьми милліоновъ боговъ или духовъ, „ками“. Они поклоняются духамъ горъ, рѣкъ, морей, душамъ многочисленныхъ древнихъ героевъ, правителей, духовныхъ лицъ и т. д. По вѣрованію японцевъ, ихъ императоры произошли отъ боговъ. Богиня солнца Аматерасъ считается прабабкой перваго японскаго императора Цимму. Ему передала она, гласить преданіе, священный мечъ, шаръ (символь совершенства) и зеркало, сказавъ, что на зеркало онъ долженъ смотрѣть, какъ на ея изображеніе. Предметы эти до сихъ поръ служатъ символами императорской власти. Въ шинтоистскомъ храмѣ кромѣ этого зеркала, „символа чистоты и чудеснаго предвѣднія“, ничего больше нѣтъ. Внутренность его поражаетъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было украшеній и необыкновенной простотой.

Не менѣ проста и религія Шинто: она открываетъ, какъ говорятъ японцы, пути „истины“, которые помогаютъ пріобрѣсти чистоту сердца. Религія Шинто не даетъ ни заповѣдей, ни правилъ; она лишь рекомендуетъ добиваться „чистоты сердца“. Шинтоисты вѣрятъ въ загробную жизнь: на могилахъ дайміо убивали ихъ женъ и любимыхъ слугъ въ полной увѣренности, что они понадобятся усопшему. Еще въ 1844 году былъ изданъ законъ, запрещающій слугамъ дайміо убивать себя на могилѣ господина; слѣдовательно, этотъ обычай уцѣлѣлъ до послѣдняго времени. Въ концѣ концовъ въ могилы усопшихъ стали класть глиняныхъ куколъ, которыя должны были замѣнить приношеніе въ жертву живыхъ людей.

Конфуціанство проникло въ Японію изъ Китая въ VI вѣкѣ. Оно оказало большое вліяніе на политику, администрацію, общественныя учрежденія. Но это не религія въ собственномъ смыслѣ слова. Конфуціанство состоитъ изъ положеній житейской мудрости, и среди нихъ первое мѣсто занимаетъ пятая заповѣдь—повиновеніе родителямъ, отсюда повиновеніе начальникамъ, властямъ и наконецъ микадо, какъ верховному правителю. У послѣдователей Конфуція нѣтъ храмовъ. Мѣста ихъ собраній, „сеидо“, носятъ характеръ свѣтскихъ учрежденій. Тутъ устраиваются собранія ученыхъ конфуціанцевъ, тутъ собраны ихъ книги на китайскомъ и японскомъ языкѣ. Чистыхъ конфуціанъ мало. Большею частью они примыкаютъ или къ шинтоизму, или къ буддизму. Весьма часто японецъ-шинтоистъ является въ то же время и буддистомъ.

Насколько проста религія Шинто, настолько пышна и сложна обрядовая сторона буддизма. Шинтоистскіе храмы имѣютъ видъ простыхъ деревянныхъ строеній и скромно прячутся въ густой листвѣ кримптомерій и бамбуковъ. Буддійскіе храмы бросаются въ глаза позолотой своихъ вычурныхъ крышъ, ярко раскрашенными воротами и высокими колокольнями. Передъ входомъ стоятъ громадныя идолы зеленаго и краснаго цвѣта, это сторожевые боги, назначеніе ихъ отгонять отъ храма злыхъ духовъ. Интересный образецъ такого бога („Ні-о“) можно увидѣть около буддійскаго монастыря Кофукуйи, въ Нара. Видъ его дѣйствительно ужасенъ и свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ скульптуры XIII вѣка.

Войдя въ храмъ, вы увидите или статую Будды въ сидячемъ положеніи, или тысячерукую богиню милосердія, Куанонъ, съ тысячею подающими помощь руками. Тутъ же находятся многочисленные второстепенные боги. На алтарѣ передъ идолами стоятъ букеты бумажныхъ цвѣтовъ, бронзовыя вазы и украшенія, лежатъ рисовыя лепешки, плоды,—все это жертвы, принесенныя вѣрующими. Бонзы, буддійскіе священники, въ бѣлыхъ и желтыхъ одеждахъ, съ бритыми головами и со сложенными руками, заувнво читаютъ свои молитвы. Въ такую сложную, полную обрядностей форму выродился буддизмъ, и почти ничего не осталось отъ ученія, которое проповѣдывалъ Будда.

Глава IV.

Прежде и теперь. — Обрабатывающая и добывающая промышленность. — Сельское хозяйство. — Экономическое положеніе японскаго крестьянина. Желѣзныя дороги. — Народное образованіе. — Положеніе самураевъ и дайміо въ пореформенное время. — Мѣстное самоуправленіе. — Японская конституція. — Государственный бюджетъ. — Отношеніе Японіи къ Корей. — Сильный ростъ японскихъ городовъ. — Токио. — Киото. — Осака — центръ японской промышленности. — Кобе и Хиого. — Иокогама. — Города о. Сикокъ и Кіу-Сіу. — Нагасаки. — Сѣверъ Японіи. — Характеристика японцевъ.

Японія изстари славилась фарфоровыми, гончарными, керамическими и лакированными издѣліями. Но производство въ это далекое время носило характеръ домашней промышленности. Машины были незнакомы японцамъ. Ремесленники, объединенные въ замкнутые союзы, дѣлали все при помощи самыхъ простыхъ инструментовъ. Раздѣленія труда не было. Одинъ и тотъ же мастеръ въ производствѣ керамическихъ издѣлій, напримѣръ, трудился надъ каждою отдѣльною вещью: онъ самъ плавилъ ее, самъ высѣкалъ рѣзцомъ, раскрашивалъ окислами, украшалъ инкрустаціями изъ драгоценныхъ металловъ, перламутра и коралловъ. Лишь пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ японская промышленность получила сильный толчокъ. Въ 1854 году былъ заключенъ торговый договоръ съ американцами, а черезъ четыре года съ англичанами, французами, русскими и голландцами. На первыхъ порахъ иностранные корабли допускались лишь въ четыре порта: Нагасаки, Иокогаму, Хакодате и Ниигату. Но черезъ нѣсколько лѣтъ открылось еще два порта: Осака и Кобе, а въ послѣдующіе года до двадцати второстепенныхъ портовъ сдѣлались доступны иностранной торговлѣ. Съ этого времени въ странѣ замѣчается необыкновенное оживленіе. Бумажныя, шерстяныя, шелковыя матеріи, сукна, обувь и другія произведенія европейцевъ и американцевъ наводнили японскій рынокъ. Японцы начали щеголять въ англійскихъ сукнахъ, цилиндрахъ и въ англійской обуви. Въ богатыхъ домахъ стала употребляться европейская мебель, европейскіе ковры, гардины. Но японцы явились не только покупателями. Они жадно присматривались ко всему новому, что внесли съ собою иностранцы. Они явились ихъ самыми усердными учениками, поступали тысячами на иностранныя суда, приглашали къ себѣ иностранныхъ профессоровъ, инженеровъ, техниковъ, механиковъ, и все это для того, чтобы самими управлять фабриками, строить желѣзныя дороги, преподавать въ учебныхъ заведеніяхъ.

Японцы начали усиленно выписывать изъ заграницы машины, безъ которыхъ имъ немисливо было конкурировать съ иностранцами. Со введеніемъ машинъ, производительность труда японскихъ рабочихъ возросла во много разъ. Японцы выписывали машины для того, чтобы научиться самими дѣлать ихъ. Теперь у нихъ настроены свои машиностроительныя, рельсопрокатныя и чугунолитейныя заводы. Японцы стремятся производить сами по возможности всѣ предметы, привозимые европейцами.

Японскія фарфоровыя издѣлія приобрѣли всемірную извѣстность. Японскія шелковыя ткани по блеску и качеству конкурируютъ съ ліонскими. Керамическія и лакированныя издѣлія обратили на себя всеобщее вниманіе на послѣдней Парижской выставкѣ. Дешевые вѣера, зонтики, часы, спички, шляпы и хлопчатобумажныя издѣлія заволокли азіатскіе рынки. Но не нужно слишкомъ увлекаться этими внѣшними фактами. Они указываютъ лишь на то, что ростъ японской промышленности значителенъ, но это не значитъ, чтобы Японія могла назваться промышленнымъ государствомъ по преимуществу. До сихъ поръ изъ предметовъ, вывозимыхъ ею, первое мѣсто занимаютъ такіе продукты, какъ шелкъ, чай, уголь, рисъ, мѣдъ. Вывозятся также въ большомъ количествѣ лакированныя, керамическія и фарфоровыя издѣлія, но производство ихъ всетаки въ большинствѣ случаевъ носитъ пока характеръ домашней промышленности.

Японія славится богатыми залежами угля. Каменноугольное дѣло стало особенно успѣшно развиваться съ того времени, какъ японцы начали примѣнять паровые двигатели къ извлеченію угля изъ нѣдръ земли. Японскій каменный уголь проникаетъ и въ С. Штаты, и въ Австралію, и во Владивостокъ. У одной частной компаніи Митсу (Японскіе Ротшильды) до 10000 человекъ рабочихъ; она добываетъ уголь при помощи машинъ, а отъ мѣста добычи къ главнымъ станціямъ проведены подъѣздные пути. Разработка японцами минеральныхъ богатствъ быстро подвигается впередъ. Еще не такъ давно югъ Японіи былъ покрытъ рыбацкими лачужками. Теперь тамъ раскинулись богатые промышленные города. Разработка мѣди также съ каждымъ годомъ развивается все болѣе и болѣе, и по добычѣ мѣди Японія уступаетъ лишь Германіи. Встрѣчаются залежи желѣза и за послѣднее время уси-

Японки за обѣдомъ.

ленно разрабатываются. Что же касается золота, вывозимаго когда-то португальскими купцами XVI вѣка, то въ настоящее время Японіи самой его не хватаетъ, и она принуждена вывозить его изъ Кореи.

Японія по преимуществу страна земледѣльческая, и притомъ земледѣліе средней и южной Японіи носитъ характеръ мелкаго крестьянскаго хозяйства. Большинство участковъ не превышаютъ 0,02 десятины (48 кв. сажень), а участки въ одинъ хо (0,9 десятины) встрѣчаются довольно рѣдко. Участокъ такъ малъ, что на немъ съ трудомъ повернется возъ, запряженный парой воловъ. Понятно поэтому, что ни о какихъ сельско-хозяйственныхъ машинахъ не можетъ быть и рѣчи. Не только какія-нибудь усовершенствованныя орудія производства, но даже домашній скотъ не находитъ себѣ употребленія въ хозяйствѣ японскаго крестьянина. Все дѣлается руками, при помощи лопаты

и кирки. Большую часть земли японцы засѣваютъ рисомъ. Тотъ сортъ риса, который наиболѣе употребителенъ въ Японіи, требуетъ усиленной поливки. Поэтому участки должны быть обязательно горизонтальны, иначе вода не могла бы задерживаться. Японецъ, приступая къ обработкѣ своего участка, прежде всего затопляетъ его водой. Все поле изборождено канавами, водоемами, рвами и желобами. Чтобы затопить свой участокъ земли, японецъ становится на колесо, окружность котораго снабжена лопатообразными черпаками; тяжестью собственнаго тѣла земледѣлецъ приводитъ колесо въ движеніе, и черпаки, зачерпывая воду изъ близъ находящагося водоема, выливаютъ ее въ желоба, расходящіеся по полю. Такое обильное орошеніе возможно лишь благодаря многочисленнымъ горнымъ рѣчкамъ и продолжительнымъ лѣтнимъ ливнямъ. Японецъ работаетъ совершенно голый, лишь въ соломенной шляпѣ на головѣ, и подъ зонтомъ, укрѣпленнымъ сзади. Когда вода впитывается и образуетъ полужидкое тѣсто, японецъ принимается лопатой разрыхлять землю, стоя на колѣняхъ въ этой жидкой грязи. Затѣмъ разрыхленную землю удобряютъ, употребляя навозъ, разные отбросы, остающіеся отъ приготовленія сои и рисовой водки, и собираемая съ моря водоросли и гнилую рыбу. Тамъ, гдѣ много вулкановъ по близости, японцы употребляютъ въ качествѣ удобренія пепель вулканическихъ горъ. Наконецъ, рисъ густо засѣвается въ приготовленную жидкую массу. Когда рисъ взойдетъ, его надо разсадить въ другой, приготовленный такимъ же образомъ участокъ, чтобы онъ не росъ слишкомъ густо. Японецъ ухаживаетъ за нимъ, какъ за собственнымъ ребенкомъ. Да и какъ ему не ухаживать, когда рисъ составляетъ его основную пищу. Всѣ другія растенія: бобы разныхъ сортовъ, соленую рѣдьку, бататы (родъ сладкаго картофеля), японецъ употребляетъ, какъ приправу; говядина же, молоко, масло совсѣмъ отсутствуютъ въ столѣ японскаго крестьянина. Рисъ достигаетъ футовъ 4-хъ высоты. По внѣшнему виду рисъ представляетъ изъ себя нѣчто среднее между овсомъ и просомъ. Урожай риса нерѣдко достигаетъ самъ сто. Собрать рисъ осенью, японецъ нерѣдко засѣваетъ участокъ на зимніе мѣсяца пшеницей, ячменемъ и гречихой. Нерѣдко въ бороздахъ между хлѣбными растеніями садятъ различныхъ сортовъ бобы. Не смотря на быстрое развитіе промышленности, земледѣліе все таки служитъ главнымъ источникомъ обогащенія японскаго государства. Это—какъ бы основной нервъ всей японской жизни. Первое мѣсто изъ вывозныхъ продуктовъ занимаетъ рисъ. Но если рисъ вывозится изъ Японіи, то это не значитъ, чтобы онъ не ввозился. Вывозится извѣстный, худшій сортъ риса, а ввозится лучшій. Ввозится рисъ главнымъ образомъ изъ Кореи, и это еще разъ объясняетъ, почему Японія такъ дорожитъ Кореей. Она вывозитъ туда продукты обрабатывающей промышленности, а оттуда получаетъ рисъ. Переворотъ 1867 года отразился на всѣхъ явленіяхъ общественной жизни и не могъ конечно не отразиться на японскомъ крестьянинѣ. Этотъ переворотъ снялъ съ хлѣбпашца тѣ оковы, которыя привязывали его къ владѣтельнымъ князьямъ даймію. Прежде японскій крестьянинъ отдавалъ большую часть собираемыхъ продуктовъ даймію, теперь натуральная повинность отмѣнена, и онъ платитъ денежный налогъ государству. Онъ такой же свободный гражданинъ, какъ всякій другой житель Японіи. Онъ можетъ раздѣлить, сдать въ аренду или продать свой участокъ земли. Но японскій крестьянинъ пользованіе этой свободы довелъ до крайности. Отчуждая свои участки, спѣша извлечь изъ всего денежную выгоду, онъ самъ впалъ въ страшную задолженность. Въ иныхъ провинціяхъ $\frac{9}{10}$ земельныхъ участковъ заложено. Многіе крестьяне обезземелены и изъ собственниковъ обратились въ арендаторовъ. Да и то сказать, при настоящемъ положеніи вещей, арендаторомъ, пожалуй, выгоднѣе быть, чѣмъ собственникомъ. Японскій крестьянинъ бѣднѣетъ. Но посѣтите японскую деревню, и она произведетъ на васъ чарующее впечатлѣніе; вамъ и на умъ не придетъ мысль о томъ, какъ бѣдствуетъ и борется съ нуждой японскій крестьянинъ. Японская деревня совсѣмъ не похожа на русскую. Прежде всего поражаетъ въ ней необыкновенная чистота. Происходитъ это отчасти оттого,

что въ рѣдкой деревнѣ вы найдете коровъ или лошадей, а также и оттого, что японцы необыкновенно чистоплотны и, входя въ комнату, обязательно снимаютъ деревянные сандалии. Миниатюрные дворики, благодаря отсутствію стойлъ и навоза, тоже поражаютъ своей чистотой. На дворѣ бродятъ домашнія птицы: куры, гуси, утки. Въ уходѣ за ними, въ культивированіи различныхъ породъ, японецъ прилагаетъ много старанія. Тутъ же находится живописно разбитый маленькій палисадникъ съ неизбежнымъ бамбукомъ, камеліей и пальмой. Хризантемы всевозможныхъ цвѣтовъ, бѣлаго, кроваво-краснаго, тѣлеснаго, пріятно веселятъ глазъ.

Въ японской деревнѣ царитъ необыкновенная тишина: ни стука колесъ, ни бляенія овецъ.... она лишь нарушается криками домашнихъ птицъ, да звуками цѣповъ, вымолачивающихъ рисъ. Но если переворотъ мало повліялъ на улучшеніе экономическаго положенія японскаго крестьянина, то онъ несомнѣнно способствовалъ улучшенію его общественнаго положенія. Каждый японскій крестьянинъ, платящій не менѣе 10 іенъ прямыхъ налоговъ, имѣетъ право голоса. Еще не такъ давно требовалось пятнадцать іенъ, но теперь эта сумма понижена. Слѣдовательно, японскій крестьянинъ можетъ свободно подавать голосъ за кого захочетъ. Представители крестьянства будутъ въ парламентѣ защищать интересы послѣдняго, и такимъ образомъ можно надѣяться, что со временемъ реформы улучшатъ его экономическое положеніе.

Переворотъ 1867 года внесъ много новаго въ жизнь Японіи, но особенно это замѣтно на усиленіи передвиженія. Японія съ поразительной быстротой покрывается желѣзнодорожной сѣтью. Оставивъ пароходъ, вы можете сѣсть въ вагонъ на юго-западной оконечности острова Кіу-Сіу, въ Нагасаки, и ѣхать безпрепятственно до пролива Шимонесеки, служащаго воротами для внутренняго моря Японіи. Отсюда самый короткій переѣздъ по морю въ Корею, эту Эльдорадо Японіи. Переѣхавъ Шимонесекскій проливъ въ джонкѣ, вы снова садитесь въ вагонъ, и поѣздъ мчитъ васъ вдоль острова Нипона, черезъ промышленные центры Кобе, Осаку, Нагойю, въ столицу Японіи Токию. Оттуда вы безпрепятственно ѣдете до сѣвернаго пункта острова Нипона, Аомори. Такимъ образомъ въ какіе-нибудь два дня вы можете проѣхать по западной части Кіу-Сіу и пересѣчь самый большой изъ японскихъ острововъ Нипонъ. Передъ вашими глазами открывается панорама роскошныхъ разнообразныхъ видовъ. Изящно изогнутыя крыши прячутся въ густой зелени величественныхъ криптомерій, рисовыя поля, какъ гигантская шахматная доска, поражаютъ разнообразіемъ своихъ разноцвѣтныхъ квадратовъ. Въ центральной части о. Нипона изъ оконъ вагона видна конусообразная граціозная, „безподобная“ Фузи-яма. Дальше поѣздъ подходит совсѣмъ близко къ берегу, и на востокъ разстилается безбрежная поверхность могучаго Тихаго Океана. Сѣвернѣе небольшая вѣтка ведетъ въ горную область священнаго Никко. Тамъ въ густыхъ вѣтвяхъ кипарисовъ, туи и криптомерій прячутся буддійскіе храмы. А дальше вы ѣдете по лѣсистой мѣстности. Вѣчно зеленые деревья уступаютъ мѣсто каштанамъ, букамъ, березамъ, и наконецъ совсѣмъ на сѣверной оконечности Нипона хвойныя деревья краснорѣчиво говорятъ о близости Іессо, малонаселеннаго и негостепріимнаго острова. Такимъ образомъ, благодаря проведенію желѣзной дороги, вы можете за дешевую плату и въ сравнительно короткое время проѣхать по всей Японіи.

Принято думать, что лишь въ по-реформенное время Японія покрылась сѣтью начальныхъ школъ. Но это невѣрно. И до реформъ въ Японіи было множество начальныхъ школъ, и онѣ были очень дешевы. Каждому, кто только хотѣлъ, предоставлялось право учить, чему и какъ онъ хотѣлъ. При этомъ классовъ не было, а каждый ребенокъ въ школѣ училъ свое. Главное вниманіе обращалось на чтеніе и письмо, и это стоило большихъ трудностей. Научиться писать японскому ребенку далеко не такъ легко, какъ русскому. Урокъ чистописанія требуетъ большого напряженія и вниманія, такъ какъ выводить тушью

мудреные китайскіе ієроглифы въ видѣ крючковъ, треугольниковъ и клещей весьма затруднительно.

Послѣ переворота молодой микадо Мутсу-Гито и бывший министр народнаго просвѣщенія Мори Аринори задались самыми твердыми намѣреніями поднять начальную школу и сдѣлать ее доступной каждому жителю Японіи. Въ одномъ изъ первыхъ манифестовъ, изданныхъ въ 1872 году, молодой императоръ говоритъ: „Мы желали бы, чтобы отнынѣ образованіе и просвѣщеніе такъ широко распространилось въ странѣ, чтобы во всей монархіи не нашлось ни одной деревни съ безграмотной семьей, и ни одной семьи съ безграмотными членами“. Но выполнить эти благія желанія было не такъ легко, какъ казалось. Учителя до-реформенныхъ школъ не обладали образовательнымъ цензомъ и вели дѣло безтолково. Ихъ услугами правительство не воспользовалось, и поэтому первое время послѣ переворота число начальныхъ школъ сократилось. Но вотъ открылись учительскія семинаріи, нормальныя и высшія школы, которыя съ каждымъ годомъ стали выпускать все большее и большее количество знающихъ и подготовленныхъ преподавателей. Тогда и число по-реформенныхъ начальныхъ школъ стало замѣтно увеличиваться.

Послѣ переворота въ Японіи было введено всеобщее и обязательное обученіе, но безплатнымъ оно сдѣлано лишь съ 1900 года. Каждый японскій ребенокъ, достигшій шестилѣтняго возраста, обязательно долженъ посѣщать школу. Если родители противятся этому, то они подвергаются штрафу. Содержаніе низшей начальной школы лежитъ на обязанности деревенской общины. Ребенокъ остается въ школѣ четыре года и проходитъ чтеніе, письмо, ариметику, поэзію и правила нравственности. По окончаніи имъ начальной школы, родители, если имѣютъ средства, могутъ отдать его въ среднюю школу. Низшая, средняя и высшая школа соединены въ одну систему и составляютъ одно цѣлое. Второй, третій и четвертый классъ низшей школы соотвѣтствуютъ первому и второму средней. Содержаніе среднихъ школъ лежитъ на обязанности округовъ. Въ средней школѣ преподаются нѣмецкій и англійскій языки, математика, исторія, географія, естественная исторія, нравственная философія, химія и рисованіе, изучаются китайскіе и японскіе классики. Послѣдніе два класса раздѣляются на два отдѣленія: общее и техническое. Курсъ продолжается пять лѣтъ, но вмѣстѣ съ пребываніемъ въ низшей школѣ это и будетъ соотвѣтствовать продолжительности курса нашихъ гимназій. Окончившій среднюю школу можетъ безъ экзамена поступить въ одинъ изъ двухъ университетовъ или въ одну изъ шести высшихъ школъ. Кромѣ мужскихъ высшихъ школъ, существуютъ 34 женскихъ высшихъ школы съ 8589 учащимися. Кромѣ того по даннымъ 1899 г. существуютъ 47 учительскихъ семинарій. Недостатка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Японіи не чувствуется. Кромѣ всѣхъ переименованныхъ школъ существуютъ еще спеціальныя техническія, которыхъ, по тѣмъ же даннымъ, насчитывается 293 съ 39676 учащимися. Военное министерство, морское, министерство финансовъ и земледѣлія имѣютъ свои спеціальныя высшія школы. Японское правительство всячески поощряетъ посѣщеніе этихъ высшихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Оно назначаетъ стипендіи бѣднымъ студентамъ и не стѣсняетъ никакими ограниченіями желающихъ учиться. Но увы, японская молодежь далеко не проникнута такою безкорыстною жаждою знанія, какъ наша. Въ японскомъ обществѣ не существуетъ тѣхъ традиціонныхъ требованій, которыя въ Англии, на примѣръ, заставляютъ даже самыхъ богатыхъ и знатныхъ проходить высшую школу наукъ. Въ Японіи посѣтителеми университетовъ, высшихъ и спеціальныхъ заведеній, являются главнымъ образомъ люди, нуждающіеся въ заработкѣ. Конечно тутъ, какъ и вездѣ, встрѣчаются исключенія.

Университетъ въ Токио представляетъ изъ себя цѣлый городокъ. Онъ состоитъ изъ группы отдѣльныхъ зданій, въ которыхъ помѣщаются: земледѣльческая академія, политехнический институтъ и факультеты: медицинскій, юридическій, историко-филологическій, естественный. Въ зоологическомъ кабинетѣ вы увидите 2500 японскихъ птицъ, чудную коллекцію

моллюсковъ, раковъ и червей. Въ геологическомъ кабинетѣ можно видѣть геологическую и почвенную карту Японіи. Физическій кабинетъ поражаетъ обиліемъ приборовъ японскаго происхожденія, прекрасныхъ электрическихъ приборовъ, химическихъ вѣсовъ, которые при поразительной чувствительности и точности отличаются дешевизной. Но гордость университета составляетъ его ботаническій садъ, откуда ежедневно приносятъ растенія для практическихъ занятій студентамъ. Здѣсь растутъ идеальныя по своей красотѣ хвойныя деревья, исполинскіе вѣчнозеленыя дубы, камеліи съ бѣлыми и пунцовыми цвѣтами, нѣжныя азалии. Въ сельскохозяйственныхъ учрежденіяхъ за городомъ находятся прекрасныя опытныя поля, питомники деревьевъ, шелководни и лѣчебницы для животныхъ. Кромѣ Токиоскаго университета есть еще университетъ въ Фукуи. Первое время послѣ переворота Японія очень нуждалась въ иностранныхъ профессорахъ и учителяхъ. Теперь же высшія школы, семинаріи и университеты выпускаютъ своихъ профессоровъ и учителей. Въ данное время въ Японіи насчитывается всего 270 иностранныхъ учителей и профессоровъ изъ всего числа 10466 (не считая учителей низшихъ школъ), и это главнымъ образомъ преподаватели иностранныхъ языковъ.

Переворотъ 1867 года повлекъ за собою цѣлый рядъ реформъ, и нельзя сказать, чтобы онѣ прошли безпрепятственно. Большинство самураевъ и даймію, поднявшихъ оружіе за императора, были противниками какихъ бы то ни было нововведеній. Они были недовольны правительствомъ شوгуна, потому что были обездолены. Но они мечтали не о новыхъ временахъ, а о возвратѣ старыхъ, когда имъ жилось привольно, когда за ихъ военные подвиги имъ давали щедрыя подачки. Даймію на первыхъ порахъ были даже довольны происшедшими перемѣнами. Указъ императора, повелѣвавшій имъ сдѣлаться частными людьми, пришелся имъ по душѣ. Этому указу предшествовало заявленіе четырехъ владѣтельныхъ князей о томъ, что они желаютъ передать свои владѣнія въ собственность микадо, потому что считаютъ его единственнымъ господиномъ территоріи. Передавая свои владѣнія въ руки правительства, даймію даже отчасти выиграли, потому что избавились отъ многихъ обязательствъ, лежавшихъ на нихъ: необходимость держать войско, содержать дороги и т. д. То время, когда ихъ доходовъ хватало съ излишкомъ на поддержаніе обстановки, подобающей ихъ положенію, миновало безвозвратно, и большинство даймію обратилось въ полураззорившихся жалкихъ потомковъ когда-то славныхъ князей. Правительство взамѣнъ утраченныхъ ими владѣній обязывалось выплачивать имъ извѣстный процентъ съ ихъ прежнихъ доходовъ, и такимъ образомъ даймію рассчитывали выиграть отъ этой перемѣны. Но правительственная пенсія была отмѣнена въ 1876 году. Тогда на югѣ Японіи вспыхнуло возстаніе. Во главѣ возстанія стоялъ одинъ изъ южныхъ князей, Сатсумскій князь Сабуро, а около него группировались самураи, недовольные тѣмъ, что ихъ лишили права носить два меча и сравнивали по положенію съ простыми подданными. Императорской арміи удалось однако усмирить мятежъ. Но и послѣ усмиренія среди самураевъ осталось много недовольныхъ, которые никакъ не могли примириться съ пореформенными порядками. Эти недовольные образовали оппозиціонную партію подъ названіемъ *сими* и готовы были по первому поводу выразить свое недовольство, не пренебрегая даже и убійствомъ, какъ однимъ изъ орудій борьбы. Когда все успокоилось, правительство приступило къ реформамъ.

Для большаго удобства правленія Японія была подѣлена на 75 провинцій, которыя въ свою очередь дѣлятся на округи, а округи на общины. Во главѣ провинцій и округовъ стоятъ назначенные правительствомъ начальники. Затѣмъ правительство приступило къ устройству мѣстнаго самоуправленія, надѣясь, что это до нѣкоторой степени послужитъ подготовкой къ участію въ національномъ собраніи, парламентѣ.

Съ 1880 года мѣстные жители провинцій и общинъ получили право составлять изъ своей среды общинныя организаціи. Эти организаціи имѣютъ право самостоятельно раскладывать подати и опредѣлять расходы. Въ каждомъ округѣ избирается до пяти членовъ (въ каждой

провинці отъ 5 до 34 округовъ). Избирательнымъ правомъ обладаютъ мѣстные жители не моложе 20 лѣтъ и платящіе не менѣе 5 іенъ государственнаго земельного налога. Правомъ на избраніе обладаетъ каждый мужчина, проведеній въ провинціи не менѣе 3-хъ лѣтъ, не моложе 20 лѣтъ и платящій 10 іенъ земельного налога. Ежегодныя собранія для обсуждения мѣстныхъ нуждъ длятся 30 дней. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право по своему усмотрѣнію распускать собраніе. Для обсуждения текущихъ вопросовъ собраніе выбираетъ бюро, члены котораго получаютъ жалованье. Эти общинныя собранія напоминаютъ наши земскія собранія съ той лишь разницей, что они не носятъ сословнаго характера, и правомъ избирать и быть избраннымъ обладаетъ всякій, платящій извѣстную небольшую сумму земельного налога. Но вопросы, подлежащіе обсужденію, почти тѣ же, что вопросы, занимающіе наши земства. На первомъ планѣ стоитъ, конечно, вопросъ о народномъ образованіи. Общины и округа тратятъ на народное образованіе въ пять и семь разъ больше, чѣмъ государство. Тогда какъ государство содержитъ только университеты, высшія и спеціальныя школы, содержаніе низшихъ и среднихъ лежитъ всецѣло на общинахъ и округахъ.

Въ 1881 году бывшій министръ финансовъ Окума выступилъ съ предложеніемъ учредить парламентъ. Совѣтъ министровъ рѣшилъ отложить осуществленіе этого предложенія до 1890 года. Окума вышелъ въ отставку, всталъ во главѣ политической партіи и принялся работать въ пользу проведенія своего предложенія. Наконецъ въ 1889 году было объявлено о введеніи конституціи, и въ 1890 году открытъ парламентъ. Японская конституція отличается отъ англійской тѣмъ, что министерство отвѣтственно передъ короной, а не передъ парламентомъ. Японскій парламентъ состоитъ изъ верхней палаты и нижней или палаты представителей. Парламентъ закрывается и открывается, созывается и распускается императоромъ. Отъ единоличнаго рѣшенія императора зависитъ вопросъ войны и мира, гражданскаго управленія и назначеніе чиновничьихъ окладовъ. Сессія парламента длится три мѣсяца. Въ верхней палатѣ засѣдаютъ: наслѣдственные члены (принцы крови, члены императорской фамиліи, маркизы, графы); члены по личному назначенію императора, такъ какъ императоръ имѣетъ право назначать въ члены верхней палаты наиболѣе способныхъ людей, возводя ихъ предварительно въ дворянскій санъ; лица, избранныя жителями имперскихъ городовъ (Токио, Киото и Осака). Кромѣ того изъ каждой провинціи пятнадцать человекъ, платящихъ наибольшій налогъ, имѣютъ право посылать своего представителя. Въ палатѣ представителей триста членовъ. Они должны быть не моложе 30 лѣтъ и платить 15 іенъ прямыхъ налоговъ. Отъ избирателей первоначально требовалось, чтобы они платили прямой налогъ въ размѣрѣ 15 іенъ, но теперь этотъ цензъ пониженъ до 10 іенъ. Такимъ образомъ число избирателей съ 400.000 сразу поднялось до 800.000. Въ парламентѣ обсуждаются государственные доходы и расходы. Ни одинъ законъ не издается безъ утвержденія парламента. Обѣ палаты могутъ представлять законодательные проекты, дѣлать представленія правительству по поводу законовъ или другихъ вопросовъ и обращаться непосредственно къ императору.

Не безынтересно рассмотреть бюджетъ за 1901 годъ. Въ рубрикѣ доходовъ на первомъ мѣстѣ стоитъ налогъ на саке, рисовую водку (55.465.767 іенъ), на второмъ земельный налогъ, приносящій 47.338.520 іенъ, на третьемъ доходъ съ почты и телеграфа въ размѣрѣ 22.153.304 іенъ. Это самыя крупныя цифры государственныхъ доходовъ, остальныхъ мы не будемъ разсматривать. Почтовое и телеграфное дѣло значительно развилось за послѣднія четыре-пять лѣтъ. Нѣтъ такого уголка въ центральной и южной Японіи, куда бы ни проникли почтовые чиновники. Около самой плохой деревуши вы увидите почтовый ящикъ, въ который жители опускаютъ свои письма. Число почтовыхъ конторъ достигаетъ теперь 4464, а почтовыхъ чиновниковъ 21.319. Въ Японіи на населеніе въ 47 мил. жителей существуетъ 829 газетъ и журналовъ, а въ Россіи, насчитывающей 130 мил., всего 800 періодическихъ изданій. Съ 1897 года прогрессивнымъ партіямъ Японіи удалось отвоевать полную свободу печати.

Общественная, торговая и умственная жизнь Японіи выливается въ западно-европейскія формы, и это подражаніе Западу чувствуется на каждомъ шагѣ. Но, если японская интеллигенція въ одеждѣ, манерахъ и разговорѣ подражаетъ европейцамъ, то это не значитъ, чтобы и народъ шелъ слѣпо за нимъ. Поэтому въ Японіи поражаетъ смѣшеніе стараго и новаго. Изъ за вылощенной, блестящей внѣшности выглядываетъ дикарь съ его наивно-грубыми взглядами. Достаточно проникнуть на разстояніе нѣсколькихъ миль отъ большихъ густо-населенныхъ городовъ, и вы натолкнетесь на устарѣлые обычаи, суевѣрія, предразсудки. Но зачѣмъ ходить такъ далеко? Каждый городъ соединяетъ въ себѣ и новизну европейской цивилизаціи, и архаичность бумажнодеревянныхъ строеній съ ихъ наивно-грубыми обитателями, съ устарѣлыми взглядами и обычаями, со всѣмъ несложнымъ образомъ жизни, полнымъ иногда самыхъ кричащихъ противорѣчій.

Прогрессъ или точнѣе европеизація японской жизни особенно замѣтна въ большихъ городахъ. Возьмемъ столицу Японіи, Токио, которая въ старину называлась Еддо. Еще не такъ давно въ Токио не было ни мостовыхъ, ни троттуаровъ. Пѣшеходы, переходя улицу, подвергались толчкамъ носильщиковъ или должны были моментально очистить дорогу для какого-нибудь важнаго сановника. Вечерами единственнымъ источникомъ свѣта оказывались бумажные фонари, которыми пѣшеходы освѣщали дорогу. Лишь тотъ рѣшался выходить вечеромъ, у кого было неотложное дѣло. Бумажнодеревянные зданія часто вспыхивали отъ огня, какъ сѣрныя спички, и японцы хранили свои сокровища въ особыхъ кладовыхъ, выстроенныхъ изъ дерева и желѣза. Теперь въ Токио насчитывается 1.440.120 жителей. Торговая часть города заново отстроена. Тутъ возвышаются многоэтажные, каменные дома, выстроенные по образцу европейскихъ. Вечеромъ набережная, по которой протянулись роскошные магазины и великолѣпные отели, не отличающіеся отъ европейскихъ, ярко освѣщена электричествомъ. Въ южной и сѣверной части города, возвышаются вокзалы, которые кишатъ народомъ, прибывающимъ въ Токио изъ окрестныхъ городовъ, а электрическія конки перевозятъ пассажировъ изъ одной части города на противоположный конецъ. Торговая часть напоминаетъ Лондонъ. Тутъ идетъ непрерывное движеніе омнибусовъ, трамваевъ, пѣшеходовъ, а между ними быстро и ловко лавируютъ вездѣсущіе джинирикши, изобличая своимъ присутствіемъ варварскія привычки японцевъ. Токио раздѣлено на 15 кварталовъ, и всѣ они соединены между собой телефонами. Это очень важно въ цѣляхъ предупрежденія пожаровъ. Столица Японіи нѣсколько разъ терпѣла отъ огня, урагановъ, землетрясеній и наводненій. Землетрясеніе 1855 года, разрушивъ болѣе половины города, унесло 110.000 жертвъ.

На холмѣ возвышается замокъ бывшихъ шогуновъ Токугава. Отъ стариннаго зданія не осталось ничего послѣ переворота 1867 года: оно вновь перестроено для императора. Но императорскій дворецъ по прежнему окруженъ стѣной и ровомъ, надъ которымъ громадныя сосны простираютъ свои широкія вѣтви. Лѣтомъ роскошные, нѣжно окрашенные цвѣты лотоса покрываютъ воду рововъ, а надъ соснами летаютъ бѣлые аисты. И это все, что осталось отъ прежняго патріархальнаго времени. Въ тѣхъ зданіяхъ, въ которыхъ когда-то жили дайміо, являвшіеся по первому требованію шогуновъ Токугава, теперь помѣщаются министерства и посольства. Черные фраки и военные мундиры государственныхъ чиновниковъ заставляютъ забыть идиллію прошедшихъ временъ. Впрочемъ, пройдите въ паркъ „Шива“, и тамъ опять на васъ пахнетъ далекимъ прошлымъ. „Шива“—любимое мѣсто прогулокъ японцевъ. Онъ находится въ самомъ центрѣ Токио. Въ тѣни вѣковыхъ бамбуковъ и кедровъ прячутся „чайные дома“, обвѣшанные по вечерамъ пестрыми фонариками и привѣтливо приглашающіе выпить ароматичнаго чая и послушать протяжное пѣніе гейши. Въ этомъ же паркѣ высятся мрачныя буддійскія капища и храмы съ массивными колоннами, узкими входами и золочеными крышами. Многіе изъ нихъ полуразрушились и служатъ пріютомъ летучихъ мышей и совъ. Когда-то искусныя, скульптурныя изображенія Будды въ сидячемъ положеніи обломались и осыпались. Но самой интересной

частью парка „Шива“ является тайкунская усыпальница, гробница шогунъ изъ рода Токугава, 250 лѣтъ державшихъ въ своихъ рукахъ власть надъ всей Японіей. Тайкунская усыпальница занимаетъ большое пространство и состоитъ изъ гробницъ, окруженныхъ храмами, мавзолеями и внутренними двориками. Эти мавзолеи украшены золотомъ и инкрустаціями, они пестрятъ рѣзьбой и лакированными украшениями. Надъ гробницей каждаго шогунъ виситъ гранитная доска съ золотой надписью, сдѣланной тѣмъ императоромъ, въ царствованіе котораго умеръ шогунъ. Но если Токио сохранило такъ много памятниковъ старины, то въ Киото ихъ еще больше. Дворецъ императоровъ, удаленный отъ остальной части города, живо напоминаетъ то время, когда микадо жилъ, замкнутый отъ всего живого міра. Недалеко возвышается замокъ правителя, приставленнаго когда-то шогуну, для наблюденія за императоромъ. Хотя послѣдній считался сыномъ неба, но онъ долженъ былъ подчиняться всѣмъ законамъ и правиламъ, слагавшимся вѣками и подтвержденнымъ шогунами. Киото заключаетъ 300.000 жителей и тысячу храмовъ буддійскихъ и шинтоистскихъ. Это священный городъ и, несмотря на развивающуюся промышленность, онъ сохранилъ обаяніе старины. Киото изстари служилъ центромъ гончарнаго и фарфороваго производства, и теперь, несмотря на значительный прогрессъ во всемъ, эти отрасли производства все еще сохраняютъ характеръ домашней промышленности. Другое дѣло Осака. Это японская Венеція. Весь городъ, по крайней мѣрѣ въ низменной части, перерѣзанъ каналами. Въ Осакѣ находится государственный монетный дворъ. Осака славится, какъ центръ фабричной промышленности. Тутъ насчитывается 78 фабрикъ съ 9428 рабочими. Главнѣйшими отраслями промышленности въ Осакѣ служатъ: выдѣлка хлопчатобумажной пряжи и тканей, спичекъ, мѣдной утвари, стеарина, бумаги, стекла, ковровъ, мебели, кожанаго и ножеваго товара, зонтиковъ, а также саке и другихъ напитковъ. Особенное развитіе получила въ Осакѣ хлопчатобумажная промышленность. Пульсъ промышленной жизни Японіи особенно сильно бьется въ Осакѣ. Какая неутомимая дѣятельность, какая непрерывная сутолока! Во всѣхъ углахъ лихорадочное безпокойство большого промышленнаго города. Уличные трамваи предостерегаютъ пѣшеходовъ непрерывными звонками, машины многочисленныхъ фабрикъ шумятъ и грохочутъ, парходныя сирены оглашаютъ воздухъ пронзительными свистками. И надъ всей этой непрерывной сутолокой разстилается облака копоти и дыма¹⁾.

Но такъ какъ гавань Осаки мелководна, то большіе корабли должны нагружаться и выгружаться въ сосѣднихъ портахъ, напр. Кобе. Два торговыхъ порта Кобе и Хіого раздѣлены между собой глубокимъ рвомъ. И тотъ и другой обладаютъ хорошими гаванями и служатъ отличными портами для внѣшней торговли.

Мысль, господствующій надъ Хіого, защищаетъ портъ Кобе, обладающій значительной глубиной. Ежегодно эти сосѣдніе города спускаютъ въ море нѣсколько вновь отстроенныхъ громадныхъ пароходовъ. Своя промышленность мало развита въ этихъ городахъ. Зато сюда свозятся многочисленные товары со всего промышленнаго района Японіи. И не только изъ сосѣднихъ городовъ, но и изъ отдаленныхъ, какъ Тзуруга и Обома, расположенныхъ на противоположномъ сѣверо-западномъ берегу Японіи. Бурное Японское море не позволяетъ этимъ городамъ пользоваться прямымъ воднымъ путемъ, и они принуждены переправлять свои товары въ спокойныя и защищенныя гавани Кобе и Хіого для дальнѣйшей отправки за границу. Поэтому торговые порты Кобе и Хіого кишатъ кораблями всѣхъ національностей, а иностранное поселеніе въ Кобе по численности уступаетъ только Іокогамѣ. Иностранцы выстроили вдоль набережной свои роскошныя магазины, склады и отели. Они издають свои газеты, имѣютъ свои церкви, а въ окрестностяхъ Кобе и Хіого красуются ихъ дачи съ неизбѣжными площадками для лаунтенниса, крикета и для

¹⁾ По числу жителей Осака занимаетъ второе мѣсто послѣ Токио (821.235 ч.).

скачекъ, до которыхъ такъ падки и американцы, и англичане. Въ 376 миляхъ находится Йокогама, прелестный городъ, всѣ преимущества котораго давно уже оцѣнили иностранцы.

Когда въ 1854 году коммодоръ Пери привезъ японскому правительству письмо отъ американскаго президента съ просьбой открыть японскіе порты для иностранной торговли, Йокогама представляла изъ себя собраніе рыбачьихъ лачужекъ. Но вотъ въ 1859 году былъ открытъ для иностранцевъ первый японскій портъ—Йокогама, и сюда начали стекаться европейцы — американцы и китайцы. Теперь населеніе Йокогамы уже достигаетъ 193.762 человекъ, изъ нихъ 5000 иностранцевъ. На холмѣ, расположенномъ въ центрѣ города, находятся зданіе общественнаго собранія, театръ и банки. Отсюда открывается роскошный видъ на бухту и на неподобную Фузи-Яму, которая ежечасно мѣняетъ свою фizioномію и представляется восхищенному взору туриста то залитой румянцемъ солнечнаго восхода, то закутанной въ облака. По набережной удобной и глубокой бухты выстроились отели въ европейскомъ стилѣ, подале, вглубь города, возвышаются величественныя зданія думы, биржи, мѣстныхъ административныхъ учреждений и вокзаловъ.

Иностранцы вывозятъ чрезъ Йокогаму рисъ, чай, шелкъ, камфару, лакъ, а взаменъ этого ихъ корабли выгружаютъ въ удобной и глубокой бухтѣ мануфактурныя издѣлія, оружіе, машины. Этотъ живой обменъ съ иностранцами вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ торговыхъ городовъ и на островѣ Сикокъ. Расположены они главнымъ образомъ по сѣверо-восточному берегу обращенному къ центрамъ японской торговли и промышленности, — къ Осакѣ, Токио и Кобе. То же можно сказать про города населеннаго острова Кіу-Сіу. Они возникли благодаря торговлѣ съ Китаемъ и Кореей. Поэтому мы видимъ скопленіе городовъ на югѣ

Визитъ туземнаго врача.

и западѣ Кіу-Сіу и лишь одинъ значительный городъ на восточномъ берегу. Изъ всѣхъ городовъ о. Кіу-Сіу несомнѣнно самый интересный это—Нагасаки. Онъ весь окруженъ живописными, густо-заросшими холмами, защищающими со всѣхъ сторонъ глубокою и удобною гавань. Громадные пароходы скрываются на зиму въ докахъ Нагасаки. Своимъ процвѣтаніемъ г. Нагасаки обязанъ близости къ азіатскому материку, удобной бухтѣ, а также открытію залежей каменнаго угля въ мѣстечкѣ Тагошима, въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ бухты. Тутъ ежегодно добывается около 500.000 тоннъ каменнаго угля, и лишь компанія Митсу въ центрѣ Японіи конкурируетъ съ копиями Тагошима. Въ Нагасаки процвѣтаетъ производство лакированныхъ издѣлій, перламутровыхъ, гончарныхъ и керамическихъ. Иностранцы любятъ Нагасаки за мягкій климатъ и близость къ азіатскому материку. Для туриста немалый интересъ представляетъ узенькій искусственный островокъ Де-сима, на которомъ голландскіе купцы были заперты, какъ зачумленные, въ теченіе многихъ лѣтъ, стѣсненные всевозможными ограниченіями шогунальнаго правительства. Теперь этотъ островокъ соединенъ перешейкомъ съ главнымъ о. Кіу-Сіу. Еще показываютъ гору Попенбергъ, съ высотъ которой въ 1622 году сбрасывали въ море католическихъ миссіонеровъ и новообращенныхъ японцевъ.

Надъ городомъ возвышается холмъ, на вершинѣ котораго въ 1597 году было распято 26 католическихъ священниковъ. Нагасаки обрызгано кровью японскихъ и европейскихъ христіанъ, и эти трагическія воспоминанія невольно приходятъ на умъ туриста, бродящаго подъ тѣнью криптомерій и туй, по мягкимъ склонамъ холмовъ, съ которыхъ открываются такіе разнообразные виды на прелестный торговый городъ, полный пестрой суею современныхъ интересовъ, страстей и волненій.

Проѣзжая по южной и центральной Японіи, покрытой сѣтью цвѣтущихъ, богатыхъ городовъ, путешественникъ прямо не можетъ оторваться отъ окна вагона. Предъ его взорами разстилается гористая мѣстность съ мягкими очертаніями, задрапированными роскошной растительностью. Склоны пестрятъ зелеными, желтыми и, затопленными водою, площадками рисовой культуры во всѣхъ стадіяхъ развитія.

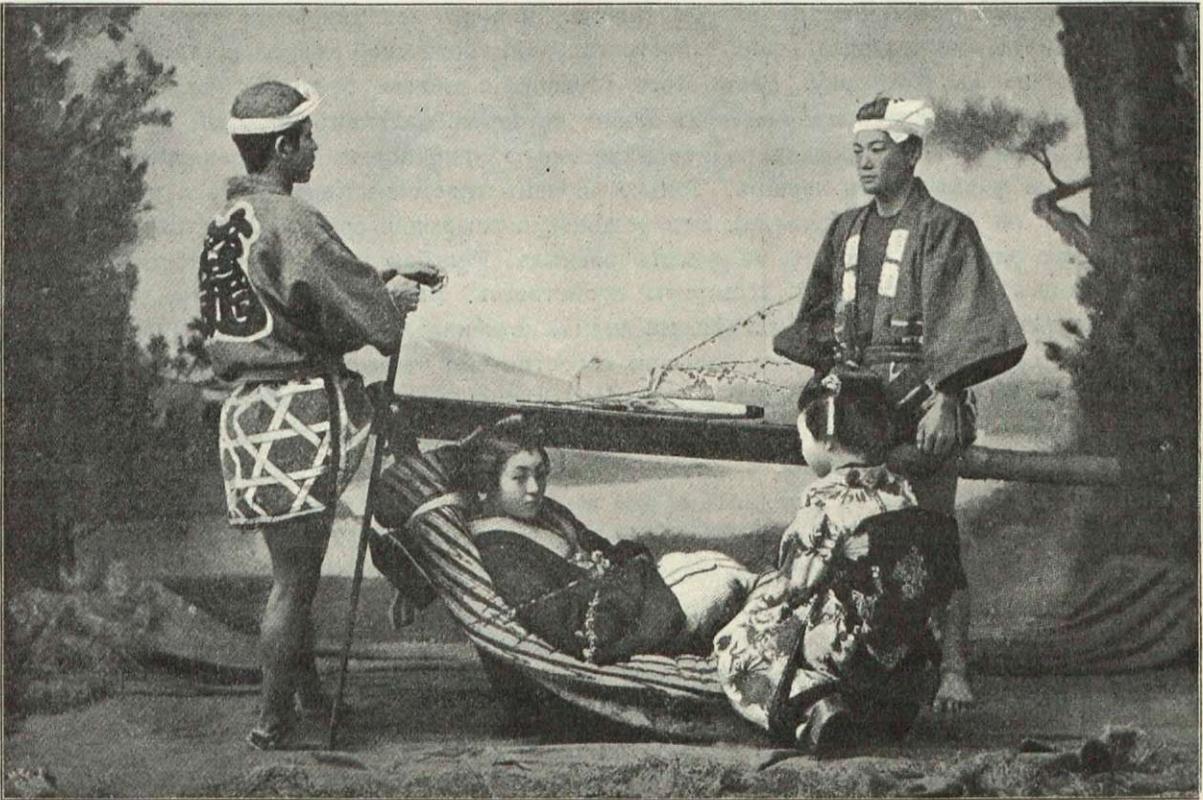
Время отъ времени промелькнетъ буддійскій храмъ съ вычурной золотой крышей, осѣненной темными кронами криптомерій. Изъ-за свѣтло-зеленой заросли бамбуковъ выглянетъ чистенькая и блестящая японская деревенька съ красиво-изогнутыми крышами бумажно-деревянныхъ строеній. Всюду жизнь, всюду напряженная дѣятельность, проявляющаяся въ стремленіи японца использовать каждый клочекъ земли, изъ всего извлечь выгоду. Но, по мѣрѣ того, какъ поѣздъ подвигается къ сѣверу, населеніе становится рѣже, а пашни и изумрудныя лужайки рисовыхъ площадокъ замѣняются густыми лѣсами изъ дубовъ, липъ, вязовъ, ясеней и пр.

На сѣверномъ островѣ Иессо къ этимъ листовнымъ деревьямъ присоединяются хвойныя и, чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ преобладаніе хвойныхъ лѣсовъ дѣлается замѣтнѣй. Поѣздъ мчитъ васъ изъ Токио въ Аомори (сѣверная оконечность Нипона) черезъ Сендай. Когда-то Сендай былъ резиденціей одного могущественнаго сѣвернаго даймю, теперь это крупный промышленный центръ и главное мѣстопробываніе военнаго гарнизона. Европейцы избѣгаютъ селиться на сѣверѣ Японіи, и это отсутствіе европейцевъ чувствуется въ Сендаѣ на каждомъ шагу. Тутъ нѣтъ удобныхъ европейскихъ гостинницъ, и туристъ подвергается всѣмъ неудобствамъ примитивной японской жизни. Сендай славится своими суконными фабриками, но еще больше старымъ полуразвалившимся замкомъ, въ которомъ жили могущественные когда-то даймю. Переѣздъ изъ Аомори въ Хакодате можно совершить на одномъ изъ японскихъ пароходовъ, которые много превосходятъ англійскіе пароходы старой конструкціи. Хакодате открывается взору путешественника въ видѣ груды деревянно-бумажныхъ строеній, расположенныхъ амфитеатромъ. Хакодате является центромъ, куда свозится рыба со всего острова. Здѣсь ее сушатъ, вялятъ, солятъ, и потому воздухъ насыщенъ отвратительнымъ запахомъ гнилой рыбы и рыбьяго жира. Тутъ крупные японскіе китоловы и рыболовы назначаютъ себѣ дѣловыя свиданія. По набережной Хакодате выстроились ихъ магазины, склады, конторы, и на всемъ лежитъ отпечатокъ рыбнаго промысла. Въ бухтѣ Хакодате находятся русскія, японскія, китайскія торговыя суда и лишь немного нѣмецкихъ и англійскихъ. Хакодате поставляетъ рыбу и морскую водоросль во всѣ сосѣднія мѣста, а оттуда получаетъ рись и продукты обрабатывающей промышленности.

Чѣмъ дальше на сѣверъ подвигается поѣздъ, тѣмъ мѣстность становится все безотраднѣе и пустыннѣе.

Внутренняя часть о. Иессо нисколько не напоминаетъ остальной Японіи. Отсутствуетъ прелестный японскій ландшафтъ, веселящій глазъ пріятнымъ разнообразіемъ горъ и долинъ, отсутствуютъ хорошо обработанныя поля и копошащіяся на нихъ трудолюбивыя японскіе крестьяне, нѣтъ цвѣтущихъ, тѣнистыхъ садовъ, нѣтъ красивыхъ буддійскихъ храмовъ съ живописными колоннами и выразительными идолами. Желѣзнодорожный поѣздъ перерѣзываетъ обширные, мрачные лѣса или безконечные невоздѣланные пустыри. Лишь изрѣдка попадаются жалкія жилища айновъ, такія же грязныя и бѣдныя, какъ ихъ обитатели. Люди попадаютъ рѣдко. Японцы не любятъ селиться на о. Иессо. Ихъ пугаетъ то, что

о. Иессо цѣлые полгода лежитъ подъ снѣгомъ и льдомъ, ихъ пугаетъ и то, что здѣсь пропитаніе нужно добывать тяжелымъ трудомъ, выкорчевывая густой, почти дѣвственный лѣсъ. Поэтому японское правительство старается искусственно заселять этотъ безотрадный островъ. Тутъ устроены военныя поселенія. Каждый солдатъ получаетъ въ собственность 150 кв. километровъ земли, домъ, корову, лошадь. Первые три года ему дается и денежная поддержка. Вслѣдъ за солдатами-колонистами на островъ явились ремесленники и купцы, и мѣстность нѣсколько оживилась. Особенно это замѣтно на столицѣ о. Иессо, Саппоро. Этотъ городъ возникъ всего лѣтъ 35 тому назадъ. Построенъ онъ по образцу американскихъ, съ широкими, прямыми улицами, пересѣкающимися одна другую подъ прямымъ угломъ. Хорошенькіе домики, похожіе на виллы, окружены садами и группируются

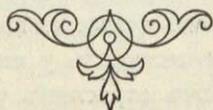
Носилки, въ какихъ странствуютъ въ гористой части Японіи.

около центральной, старой части города. Въ окрестностяхъ Саппоро находятся опытные поля и образцовыя фермы, устроенныя американцами. Тутъ подъ громадными, развѣсистыми дубами пасутся откормленныя стада овецъ, коровъ и свиней. Поля засѣяны краснымъ и бѣлымъ клеверомъ и бельгійскимъ овсомъ. О. Иессо чрезвычайно богатъ залежами каменнаго угля, но разработка его пока идетъ медленно вслѣдствіе малонаселенности острова. Пока только приморскій городъ Морморанъ служитъ складочнымъ мѣстомъ каменнаго угля. Но этотъ городъ имѣетъ блестящее будущее. Съ развитіемъ японскаго военнаго флота нужда въ каменномъ углѣ будетъ ощущаться все острѣе, и тогда Морморанъ выростетъ въ большой портъ. Японцы, пользуясь культурными завоеваніями Европы, стараются и этотъ суровый, сѣверный островъ приспособить къ своимъ возрастающимъ потребностямъ. Со своей обычной сообразительностью и энергіей они заимствуютъ у европейцевъ все самое лучшее и примѣняютъ приобрѣтенныя знанія ко всѣмъ отраслямъ отечественной промышленности.

Японецъ отличается живостью, энергіей и сообразительностью. Съ замѣчательной сметливостью японцы заимствуютъ все полезное отъ тѣхъ націй, съ которыми ихъ сталкиваетъ судьба.

Въ раннія стадіи исторіи лучшее наслѣдіе въ области духовной и матеріальной культуры японцы получили отъ китайцевъ и корейцевъ. Въ новѣйшее время, когда страна переросла тѣ рамки, которыя создались подъ вліяніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, японцы, какъ растеніе къ свѣту, потянулись къ богатымъ плодамъ европейской культуры. Послѣ плодотворныхъ уроковъ, взятыхъ у своихъ учителей-европейцевъ, японцы сами выставили видныхъ государственныхъ, военныхъ и ученыхъ дѣятелей. Между ними есть извѣстные доктора, естествоиспытатели, экономисты и художники. Но среди японцевъ нѣтъ и не было глубокихъ мыслителей и философовъ. Можетъ быть, это нужно объяснить поверхностностью и односторонней практичностью натуры японца. Японецъ необыкновенно трудолюбивъ, но пока онъ ничѣмъ не проявилъ своей самостоятельной, творческой дѣятельности. Трудолюбіе японца вошло въ поговорку. Безъ этого трудолюбія нельзя было бы извлечь столько пользы изъ тѣхъ крошечныхъ участковъ земли, которыми надѣленъ японскій крестьянинъ. Японскій ремесленникъ проявляетъ необыкновенную усидчивость при производствѣ лакированныхъ и фарфоровыхъ вещицъ. Только японецъ способенъ такъ искусно располагать инкрустаціи по фарфору (клуазонѣ). Эти вещицы, поражающія оригинальностью и художественностью рисунка и красокъ, не имѣютъ равныхъ. Рѣзьбою по дереву и кости японскій ремесленникъ приобрѣлъ себѣ всемірную извѣстность. Японскій крестьянинъ и японскій ремесленникъ способны трудиться цѣлыми днями, не покладая рукъ. Но если японецъ такъ любитъ трудиться, то онъ съ тѣмъ большею страстностью отдается веселію. Стоитъ взглянуть, съ какою беззавѣтной радостью веселится японецъ во время праздниковъ, которые иногда продолжаются нѣсколько дней! Благодаря мягкому климату Японіи весь народъ,—и старые, и молодые, и мужчины, и женщины, все время праздниковъ проводятъ на улицѣ. Пьяныхъ на улицѣ даже въ праздничные дни вы не встрѣтите. Японецъ считаетъ позоромъ появиться въ пьяномъ видѣ на улицѣ или въ публичномъ мѣстѣ. Способность японца отдаваться всей душой веселію проистекаетъ изъ гибкости его натуры. Даже бѣдные японцы, откинувъ заботу о завтрашнемъ днѣ, пользуются моментомъ и съ безграничной беззаботностью отдаются веселію. Японецъ деликатенъ, мягокъ, нѣженъ въ обращеніи. Брань и драка японцамъ почти незнакомы. Конечно, европейцу можетъ показаться смѣшной та изысканная вѣжливость, съ которой японецъ встрѣчаетъ знакомыхъ и незнакомыхъ ему людей. Глубокіе поклоны и привѣтствія, произносимыя почтительнымъ шопотомъ при встрѣчахъ, поражаютъ вычурностью выраженій и церемоній. Но зато во взаимныхъ отношеніяхъ японцевъ совершенно отсутствуетъ грубость. Кромѣ этой природной мягкости японца отъ европейца отличается его нетребовательность и воздержанность. Онъ довольствуется самой скудной пищей. Жилище его поражаетъ необыкновенной простотой. Вся одежда японца состоитъ изъ бумажнаго халата, чулокъ и сандалій. Быть можетъ, именно въ силу ограниченности своихъ требованій японецъ такъ философски относится къ различнымъ матеріальнымъ лишеніямъ. Кромѣ того онъ придерживается мнѣнія, что судьба его вѣрена богамъ, и чрезмерно печалится по поводу матеріальныхъ лишеній значить—оскорблять боговъ за ихъ недостаточное попеченіе. Такова характеристика японца. На основаніи всего сказаннаго можно предположить, что живые и воспріимчивые японцы далеко пойдутъ въ своемъ дальнѣйшемъ прогрессивномъ развитіи.

Е. Булгакова.

ИНДІЯ.

Глава I.

Разнообразіе климата и природы Индіи. — Естественныя богатства Индіи. — Растительный и животный міръ. — Населеніе Индіи; его разнородность. — Арійцы и дравиды. — Коларійскія племена. — Касты и ихъ значеніе.

Къ югу отъ высокихъ и обширныхъ нагорьевъ Азіи лежитъ Индія, въ которой путешественникъ можетъ любоваться самыми разнообразными и грандіозными видами природы. Надъ равнинами Ганга и Инда, покрытыми тропическою растительностью, возвышаются могучія снѣжныя гряды Гималайскихъ горъ, среди которыхъ находятся высочайшія въ мірѣ вершины; за бесплодными пустынями и зелеными степями на западѣ слѣдуютъ, внутри страны, плодородныя равнины. У береговъ морей рѣки образуютъ дельты съ очень густою растительностью. Въ Индіи, гораздо рѣже, чѣмъ въ какой либо другой мѣстности земного шара, выражены переходы отъ очень сухого и знойнаго климата къ очень влажному и сырому, такъ что тамъ лучше, чѣмъ гдѣ либо, въ другой странѣ, можно наблюдать дѣйствіе воды и климата на поверхность земли.

Индія лежитъ въ тропикахъ, вплоть до 23^о сѣв. широты, и поэтому климатъ ея преимущественно жаркій, и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ марта по іюль, въ большей части страны дуютъ горячіе вѣтры, почва трескается и рѣки пересыхаютъ. Индусы дѣлятъ годъ на три времени года: дождливое время (съ іюля по октябрь), жаркое (съ марта по іюнь) и холодное (съ ноября по февраль), но продолжительность этихъ временъ года въ разныхъ мѣстностяхъ бываетъ различна. Всего пріятнѣе въ Индіи—это январь, февраль и половина марта; тогда жара бываетъ не такъ ощутительна, небо всегда безоблачное, ночи же довольно прохладныя, а внутри Индіи температура иногда падаетъ даже ниже нуля, а озера сверху подергиваются тонкимъ налетомъ льда. Съ апрѣля дни постепенно становятся жарче, но ночью температура повышается быстрѣе. Вскорѣ наступаютъ невыносимыя жары, которыя болѣе ощутительны въ береговыхъ областяхъ, гдѣ воздухъ насыщенъ влажностью, нежели внутри страны, и даже по ночамъ не чувствуется облегченія, такъ какъ температура падаетъ не болѣе, какъ на какіе нибудь два градуса. Трава погибаетъ, и земля, опаленная солнцемъ,

имѣть мертвый, засохшій видъ. Даже животныя страдаютъ отъ жары и прячутся въ это время года, спасаясь отъ зноя въ своихъ логовищахъ, такъ что жизнь какъ будто замираетъ на время. Но вотъ небо начинаетъ покрываться тучами, которымъ вѣрующей индусъ придаетъ божественное происхожденіе, начинаетъ дуть юго-западный муссонъ, и вмѣстѣ съ нимъ на землю обрушиваются водяные потоки. Все оживляется тогда въ Индіи, и, какъ европеецъ, такъ и индусъ, съ радостью привѣтствуютъ перемѣну времени года.

Мало существуетъ на свѣтѣ такихъ странъ, которыя были бы такъ богаты, какъ Индія, естественными продуктами. Почти всѣ извѣстные представители растительнаго царства встрѣчаются въ Индіи, хотя въ общемъ ея растительность всего болѣе походить на растительность тропической Африки. На склонахъ Гималаевъ встрѣчаются разнообразныя растенія, начиная отъ такихъ, которыя растутъ только въ жаркомъ поясѣ, вплоть до представителей холоднаго климата. Въ провинціи Синдъ, прилегающей къ Белуджистану, растительность напоминаетъ египетскую; въ Малабарѣ и на юго-западномъ берегу полуострова она можетъ поспорить съ роскошью малайской растительности. Какъ въ древнія времена, такъ еще и теперь благосостояніе туземнаго населенія находится въ зависимости главнымъ образомъ отъ урожая риса, хлопка и пшеницы. Многочисленныя пальмы, финиковыя, арековыя, кокосовыя и др. перечныя, кардамоновыя, коричныя деревья, прекрасный строевой лѣсъ, кофейныя и чайныя деревья и множество другихъ составляютъ растительное богатство Индіи. Нельзя не упомянуть также о знаменитой индійской смоковницѣ, очень оригинальной и красивой, съ воздушными корнями, выходящими изъ вѣтвей, и безконечно разрастающейся. Почти около каждой индійской деревни разстилаются густыя заросли—джунгли, любимое убѣжище тигровъ, а горы покрыты высокимъ лѣсомъ.

Животный міръ въ Индіи такъ же разнообразенъ, какъ и растительный. Фауна преимущественно тропическая, и высокой Гималайской хребетъ образуетъ границу между болѣе богатымъ южнымъ и болѣе бѣднымъ формами сѣвернымъ животнымъ міромъ. Самыя большія животныя водятся преимущественно на богатомъ лѣсами Малабарскомъ берегу и въ юго-западной области полуострова. Царемъ звѣрей въ Индіи, безгранично властвующимъ въ лѣсной чащѣ, является тигръ. Онъ встрѣчается вездѣ, въ особенности въ джунгляхъ. Левъ, этотъ царь пустыни, встрѣчался раньше въ пустыняхъ и степяхъ провинціи Раджпутаны въ Пенджабѣ, но теперь онъ оттуда исчезъ. Кромѣ этихъ крупныхъ представителей кошачьяго семейства въ Индіи водятся леопарды, пантеры и мн. другія болѣе мелкія породы. Въ болѣе низкихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, около болотъ водятся носороги, а лѣса и горы служатъ мѣстопробываніемъ дикихъ слоновъ, которые бродятъ или въ одиночку, или стадами, подъ предводительствомъ сильнаго и стараго животнаго. Медвѣди, дикіе буйволы, дикіе кабаны, волки, шакалы, гіены и дикія кошки водятся вездѣ въ Индіи. Дичи также очень много, козули и различные виды оленей пасутся въ равнинахъ, покрытыхъ травой, и представляютъ богатую добычу для охотниковъ. Лѣса Индіи изобилуютъ птицами и обезьянами разныхъ породъ, которыя считаются священными животными и даже содержатся при храмахъ. Всевозможныя насѣкомыя, термиты и въ особенности москиты часто отравляютъ существованіе европейцевъ въ Индіи, но туземцы терпѣливо переносятъ этотъ бичъ. Въ рѣкахъ Индіи водится много рыбы, а также крокодилы, опасные для человѣка. Однако самымъ страшнымъ врагомъ являются змѣи. Нѣтъ страны, гдѣ бы ядовитыя змѣи были опаснѣе для человѣка, чѣмъ въ Индіи. Согласно приблизительному вычисленію, въ Индіи, въ годъ, погибаетъ около 20,000 человѣкъ отъ укушенія змѣй. Во многихъ мѣстахъ змѣямъ приносятся жертвы, и на древность этого обычая указываютъ многочисленныя каменныя изваянія змѣй, разбросанныя по всей странѣ. Народъ считаетъ изображеніе змѣи талисманомъ, предохраняющимъ и исцѣляющимъ отъ всевозможныхъ болѣзней. Въ южной Индіи, въ декабрѣ, устраивается праздникъ змѣй. Толпы паломниковъ отправляются тогда къ извѣстнымъ храмамъ, гдѣ брамины-жрецы содержатъ священныя змѣи.

Изъ домашнихъ животныхъ въ Индіи рогатый скотъ занимаетъ первое мѣсто. Быки и коровы, въ особенности послѣднія, также принадлежатъ къ священнымъ животнымъ. При многихъ храмахъ содержатся священные быки. Ни одинъ браминъ не станетъ ѣсть утромъ, прежде чѣмъ не покормитъ корову. Коровій навозъ считается индусомъ главнымъ средствомъ, очищающимъ отъ всякаго оскверненія (чего такъ опасается каждый правовѣрный туземецъ), и каждая индусская женщина непремѣнно вытираетъ пороги и стѣны своей хижины коровьимъ навозомъ, чтобы предохранить жилище отъ оскверненія. Земля, на которой стадо коровъ провело ночь, считается очищенной отъ всякихъ нечистотъ, а умирающій индусъ освобождается отъ всѣхъ своихъ грѣховъ, если передъ смертью подержится рукою за коровій хвостъ!

Населеніе Индіи состоитъ изъ очень большого числа народовъ и племенъ, которые гораздо болѣе отличаются другъ отъ друга своего внѣшностью, языкомъ, характеромъ, религіей, нравами и обычаями, нежели всѣ европейскіе народы. Врядъ ли на земномъ шарѣ найдется какая нибудь страна съ болѣе разнороднымъ населеніемъ, нежели Индія. Тутъ встрѣчаются народы, стоящіе на самыхъ различныхъ ступеняхъ культуры, начиная отъ цивилизованныхъ европейцевъ и кончая самыми грубыми, невѣжественными и суевѣрными дикарями, приносящими человѣческія жертвы. Быть можетъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій въ Индію стекались народы изъ разныхъ странъ, смѣшивались между собой или измѣнялись подъ вліяніемъ новыхъ условій. Все это разнохарактерное населеніе Индіи раздѣляется на двѣ расы: на арійскихъ индусовъ и дравидскіе народы, представляющіе потомковъ первоначальнаго населенія Индіи, оттѣсненныхъ къ югу завоевателями арійцами, переселившимися сюда за 2,000 лѣтъ до Р. Х.

На сѣверѣ Индіи, въ области Гималаевъ, живутъ племена, не принадлежащія ни къ арійской, ни къ дравидской расѣ; они происходятъ изъ Тибета, но уже смѣшались съ индусами. Между ними встрѣчаются дикія горныя племена, которыя не подверглись смѣшенію.

Горныя племена населяютъ также всѣ горныя области, отъ Дели, на сѣверовостокѣ, до устья Годавери, на югозападѣ и южной оконечности полуострова. Эти племена насчитываются сотнями, и многія изъ нихъ находятся еще на самой низкой ступени цивилизаціи. Они часто враждуютъ между собой и говорятъ на разныхъ нарѣчіяхъ, такъ что не понимаютъ другъ друга. Какъ много различныхъ языковъ въ Индіи указываетъ, между прочимъ, перепись 1891 года, раздѣлившая все населеніе Индіи, по числу языковъ, на которыхъ говорятъ различные племена и народы, на 117 группъ.

Дравидскіе народы удержались главнымъ образомъ въ Деканѣ и въ горахъ сѣверной Индіи; къ дравидской же расѣ принадлежитъ и населеніе Цейлона. Дравиды отличаются болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи, нежели арійскіе индусы.

Въ Центральной Индіи обитаютъ народы, извѣстные подъ общимъ именемъ Коларійскихъ племенъ, отличающихся отъ арійскихъ индусовъ болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи и чертами лица, плоскими, широкими носами и т. д. Языкъ, на которомъ говорятъ коларійскія племена, также не имѣетъ ничего общаго съ новоиндійскими языками, происходящими изъ древняго санскритскаго языка.

Очень важное значеніе имѣютъ въ Индіи касты, начало которыхъ теряется въ глубокій древности. Вѣроятно арійцы, поселившіеся въ Индіи, воспользовались этимъ учрежденіемъ, для того чтобы предупредить опасность безпрепятственныхъ сношеній съ кореннымъ населеніемъ и смѣшенія съ нимъ. Кастовое дѣленіе помогло арійцамъ сдѣлаться господами надъ тѣми племенами, которыя они ставили ниже себя. Каста явилась самымъ могущественнымъ и самымъ непоколебимымъ закономъ, управлявшимъ всѣми жизненными отношеніями индусовъ. Она представляла строго замкнутое общество, члены котораго не могли вступить въ близкія сношенія съ членами другой касты, болѣе низкой, не осквернивъ себя этимъ. Арійскіе переселенцы раздѣлялись на три касты: браминовъ, къ которой при-

числялись жрецы и ученые; кшатріевъ (воиновъ) и земледѣльцевъ (ванесѣвъ); четвертую касту составляли судры (слуги и ремесленники), къ которой принадлежали всѣ покоренныя, неарійскія племена.

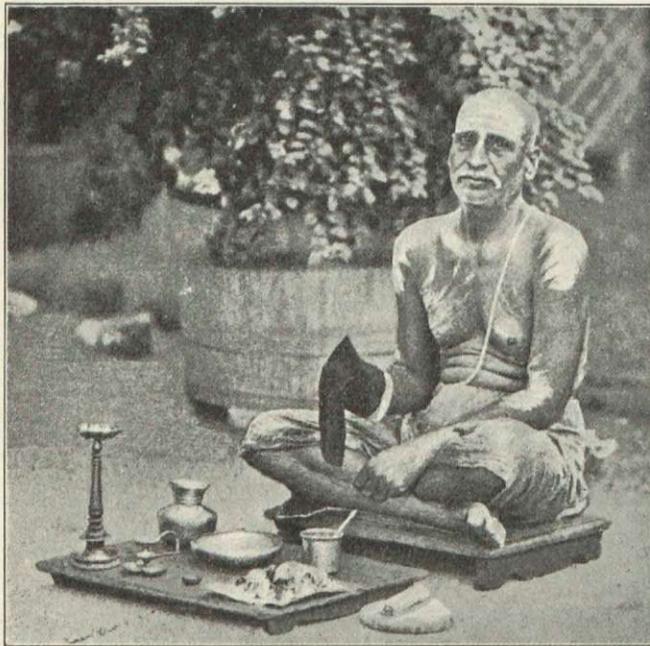
Теперь эти касты не имѣютъ такого значенія, какъ въ прежнія времена, и только брамины до нѣкоторой степени сохранили прежнее господство и положеніе въ индійскомъ обществѣ. Они занимаютъ почетныя и доходныя должности въ Индіи. Въ настоящее время потомки браминовъ кончаютъ среднія и высшія учебныя заведенія, открытыя англичанами въ Индіи, и поступаютъ на государственную службу или занимаются торговлей, земледѣліемъ и даже служатъ въ войскахъ и полиціи.

Въ современной Индіи названія двухъ послѣднихъ кастъ уже не встрѣчаются въ народномъ языкѣ, но зато число кастъ постоянно возрастаетъ, только онѣ носятъ другой характеръ. Съ кастой соединяется понятіе о какомъ нибудь ремеслѣ или профессіи, и люди, занимающіеся одинаковымъ ремесломъ, образуютъ отдѣльную касту, которая такимъ обра-

зомъ получаетъ сходство съ цехомъ.

Благодаря этому въ Индіи теперь гораздо больше кастъ, чѣмъ было прежде. Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ насчитывается не менѣе 307 различныхъ кастъ, имѣющихъ каждая свое собственное названіе. Въ одной Бенгаліи, пожалуй, можно было бы насчитать нѣсколько тысячъ кастъ со всѣми ихъ подраздѣленіями. Перемѣны въ промышленности и торговлѣ ведутъ за собою и перемены въ положеніи кастъ, т. е. увеличиваютъ или уменьшаютъ ихъ значеніе и степень уваженія къ нимъ. Если продажа какого нибудь продукта возрастаетъ, то вмѣстѣ съ этимъ возрастаетъ и значеніе касты людей, занимающихся производствомъ этого продукта и, наоборотъ. Домашняя челядь богатыхъ людей также распадается на касты.

Каждый служитель хочетъ дѣлать

Браминъ во время молитвы.

только одно какое нибудь опредѣленное дѣло и притомъ дѣлаетъ его не иначе, какъ по унаслѣдованному отъ отцовъ и дѣдовъ способу.

Помимо этихъ общественныхъ группъ, въ Индіи живутъ миллионы людей, не имѣющихъ никакихъ правъ и считающихся низшими созданіями. Европейцы называли этихъ отверженныхъ паріями, но въ священныхъ книгахъ индусовъ они зовутся „чандалами“. Чандалы считаются существами нечистыми; ихъ дѣло очищать помойныя ямы и стоки нечистотъ, убирать падаль и т. п. Отверженные отъ общества другихъ людей, они должны искать себѣ убѣжища въ джунгляхъ, въ обществѣ дикихъ звѣрей и даже не смѣютъ пользоваться общественными дорогами. Съ приближеніемъ челоуѣка высшей касты они должны прятаться въ лѣсную чащу, чтобы взоръ его не былъ оскверненъ ихъ видомъ. Къ брамину они не смѣютъ приближаться ближе, чѣмъ на сто шаговъ. Посѣщеніе рынковъ имъ воспрещается, и если они хотятъ что нибудь купить, то кладутъ деньги въ извѣстномъ отдаленіи и громко говорятъ, что имъ нужно. Понятіе о кастовыхъ различіяхъ такъ твердо установилось въ умѣ

индуса, что даже животныхъ онъ причисляетъ къ кастамъ, и вороны, напр. считаются имъ презрѣнными паріями.

Брамины приписали кастамъ божественное происхожденіе—сами боги, по ихъ словамъ, раздѣлили людей на классы. Индусъ не имѣетъ другого племени, кромѣ своей касты, и не можетъ вступить въ бракъ внѣ предѣловъ этого замкнутаго круга. Такимъ образомъ каждая деревня дѣлится на столько группъ, сколько въ ней есть кастъ. Каждый поселянинъ считаетъ своими братьями только членовъ своей касты, хотя бы они были изъ другой деревни, а не своихъ односельчанъ, если тѣ принадлежатъ къ другой кастѣ. Но мало по малу кастовыя правила стали менѣ суровыми. Мусульманскіе завоеватели и проповѣдь буддизма сильно пошатнули эти подраздѣленія людей на касты, такъ что границы между кастами не такъ строго соблюдаются, какъ прежде. Еще болѣе подрываютъ значеніе кастъ новыя идеи, которыя распространились въ Индіи, благодаря народному образованію, открытію школъ, распространенію книгъ и журналовъ и уничтоженію рабства и крѣпостного состоянія.

Нынѣшніе повелители Индіи—англичане—представляютъ незначительное меньшинство среди огромнаго индусскаго населенія. Одни изъ нихъ образуютъ классъ военныхъ и чиновниковъ, другіе — плантаторы, владѣльцы рудниковъ, торговцы. Англичане были и остаются завоевателями Индіи и сами себя считаютъ высшей кастой, которая не можетъ смѣшиваться съ туземнымъ населеніемъ.

Г л а в а II.

Управление англичанъ. — Господствующіе языки. — Древняя литература. — Древняя религія индусовъ. — Ея измѣненія. — Другія религіи и секты. — Взаимныя отношенія послѣдователей этихъ религіи.

Различныя европейскія націи въ теченіе многихъ вѣковъ боролись за преобладаніе въ Индіи. Природныя богатства этой страны привлекали ихъ и вызывали у нихъ желаніе завладѣть ею. Вначалѣ англичане устраивали въ Индіи только торговыя конторы. Въ 1858 г. всѣ владѣнія Остъ-Индской компаніи были признаны состоящими подъ верховною властью англійской короны, и въ 1877 г. англійская королева Викторія торжественно приняла титулъ „Императрицы Индіи“. Представителемъ англійскаго престола въ Индіи является вице-король, который назначается на пять лѣтъ и управляетъ подъ руководствомъ статсъ-секретаря по индійскимъ дѣламъ т. е. министра, завѣдующаго управленіемъ этого обширнаго государства и находящагося въ Лондонѣ, и при посредствѣ двухъ совѣтовъ, исполнительнаго и законодательнаго. Индія дѣлится на британскія и туземныя земли, которыя управляются туземными государями—раджами, платящими дань Англии. Эти туземныя государства обязаны, въ случаѣ войны, поставлять войско для англичанъ, но сами не могутъ содержать болѣе положеннаго количества войскъ. Въ каждомъ изъ этихъ государствъ живетъ англійскій резидентъ, который собственно и является верховнымъ правителемъ государства, такъ какъ безъ его согласія раджа не смѣетъ принять никакого важнаго рѣшенія. Бывали случаи, когда англичане, недовольные туземнымъ государемъ, безъ церемоніи смѣняли его и замѣняли другимъ. Вице-король ежегодно назначаетъ приѣмъ—„дурбаръ“ для туземныхъ государей, которые обязаны являться къ нему на поклонъ.

Съ 1862 года въ Индіи существуетъ 153 такихъ вассальныхъ государствъ, управляемыхъ своими собственными князьями, и только одно независимое—Непаль. Въ Непалѣ есть также англійскій резидентъ, но онъ просто англійскій посланникъ, а не правитель страны и не можетъ вмѣшиваться въ ея дѣла. Однако въ туземныхъ государствахъ, хотя они и находятся въ зависимости отъ Англии, туземцы могутъ занимать высшія должности,

тогда какъ въ непосредственныхъ владѣніяхъ Англіи это для нихъ недоступно, такъ какъ для занятія какой нибудь должности они должны выдержать трудный конкуррентный экзамень въ Лондонѣ, и притомъ поѣздка въ Англію стоитъ дорого, да къ тому же туземцевъ часто останавливаютъ отъ этой поѣздки кастовые предрасудки или боязнь климата, который для нихъ очень вреденъ.

Самый распространенный языкъ—индустани, на которомъ говорятъ почти 86% населения Индіи, поэтому и всѣ англійскіе чиновники, служащіе въ Индіи, обязаны знать этотъ языкъ, а также мѣстное нарѣчіе своего округа. Древній санскритскій языкъ сдѣлался уже мертвымъ языкомъ, и вся богатая и прекрасная литература на этомъ языкѣ стала теперь достояніемъ только классически образованныхъ людей. Остатки этой литературы, сказанія, религіозныя и гражданскія правила и богатый языкъ указываютъ, какъ высоко одаренъ былъ древній индусскій народъ. Число древнихъ санскритскихъ рукописей очень велико, и въ нихъ находятся произведенія, отличающіяся богатствомъ мысли и глубиною поэтического чувства. Самыми древними являются пѣсни Ведъ и эпическія поэмы Магабхарата и Рамааяна, въ которыхъ соединяются всѣ древнія сказанія. Магабхарата называется „великимъ учебникомъ полезнаго, справедливаго и пріятнаго“; она древнѣе Рамааяны, которая уже сложилась подъ вліяніемъ браманизма, и поэтому герой ея является олицетвореніемъ всѣхъ добродѣтелей, выработанныхъ браманизмомъ, какъ то: послушанія, покорности судьбѣ, вѣрности долгу, самоотреченія и т. п. Кромѣ этихъ крупныхъ произведеній древней индійской литературы, она изобилуетъ еще и разными мелкими лирическими произведеніями, стихотвореніями, баснями, сказками и драматическими произведеніями, а законы Ману представляютъ древнѣйшій сборникъ постановленій, которымъ подчиняются индусы и до сихъ поръ. Въ этихъ законахъ заключаются чрезвычайно сложныя предписанія относительно пищи и очистительныхъ церемоній, а также кастоваго устройства. Наказанія за проступки, за нарушеніе законовъ Ману, налагались очень жестокія, и чѣмъ ниже было общественное положеніе провинившагося, тѣмъ строже относились къ нему и тѣмъ безчеловѣчнѣе были наказанія. Но эти взгляды и отношеніе къ кастамъ такъ прочны, что даже современные индусы строго ихъ придерживаются, за исключеніемъ меньшинства, получившаго европейское образованіе.

Древняя религія индусовъ, изложенная въ священныхъ книгахъ Ведъ, представляла наиболѣе чистый образецъ поклоненія природѣ и ея величественнымъ явленіямъ, дѣйствовавшимъ на воображеніе человѣка. Эти явленія природы олицетворялись, по понятіямъ древнихъ индусовъ, въ живыхъ существахъ, одаренныхъ сверхъестественною силой, передъ которыми человѣкъ былъ безсиленъ. Всѣ эти божества были независимы другъ отъ друга и раздѣлялись на три большія группы: божествъ неба, воздуха и земли. Индусъ вообще склоненъ всему вѣрить, никогда не удивляется никакому чуду, и во всемъ видитъ бога. Старинная религія индусовъ признавала тридцать три божества, по одиннадцати въ каждой области природы, но во главѣ такой группы находилось одно главное божество, которое было повелителемъ данной стихіи и соотвѣтствующихъ боговъ неба, земли и воздуха; эти божества были: Индра (небо), Агни (огонь), Сурія (солнце). Мало по малу у древнихъ индусовъ вырабатывалось понятіе о всеобщемъ духовномъ началѣ, творцѣ всего вещественнаго міра, и это понятіе воплотилось въ Брамѣ, который долженъ былъ олицетворять душу вселенной и къ которому жрецы присоединили впослѣдствіи еще два божества, Вишну и Сива, и такимъ образомъ возникло тройное олицетвореніе божества, означавшее созданіе, сохраненіе и разрушеніе вселенной. Соотвѣтственно этимъ тремъ главнымъ богамъ были признаны и три богини: Сарасвати—богиня рѣчи, супруга Брамы, Лакшми—богиня красоты и счастья, и Парвати или Кали—богиня ума, супруга Сивы. Культъ послѣдней богини особенно распространенъ, и ежегодно въ честь ея до сихъ поръ устраиваются большія празднества въ провинціяхъ сѣверной и западной Индіи.

Поклоняясь своимъ богамъ, индусъ однако не отрицаетъ и тѣхъ боговъ, которымъ

поклоняются другіе и даже охотно включаетъ ихъ въ свой пантеонъ. Деревья или камни причудливой формы, странные предметы, природа которыхъ непонятна, полезныя или вредныя растенія, животныя, души умершихъ — все это служитъ предметомъ поклоненія. Рѣки, распространяющія повсюду жизнь и разносящія воду, падающую съ неба, также почитаются священными. Есть священныя деревья, подъ тѣнью которыхъ никто не долженъ лгать, иначе это будетъ тяжкимъ преступленіемъ и т. д. Рассказываютъ, что купцы въ одномъ мѣстечкѣ Индіи противились посадкѣ этихъ деревьевъ, такъ какъ тогда они лишились бы возможности торговать, потому что, какъ гласитъ пословица, „не обманешь, не продашь!“ Почитаніе животныхъ также очень сильно распространено въ Индіи. Все чего боятся, неизмѣнно становится божествомъ. Воздухъ, вода, лѣса—все это кишитъ милліардами духовъ, которые мстятъ людямъ за ихъ забывчивость и требуютъ умиловленія приношеніями, это „ракшасы“, которые любятъ мракъ и въ темнотѣ ночи летаютъ въ поискахъ за добычей. Отъ этого-то индусъ такъ избѣгаетъ путешествовать по ночамъ, а если необходимость побуждаетъ его къ этому, то онъ творитъ всевозможныя заклинанія. Люди, возбудившіе въ населеніи любовь или ненависть своею добротою или жестокою, послѣ своей смерти становятся предметомъ поклоненія, будь они индусы или англичане, такъ что статуи англійскихъ генераловъ иногда почитаются индусами не меньше изображеній Сивы или Вишну.

Въ современной Индіи древняя браминская религія подверглась измѣненіямъ и называется индуизмомъ. Индуизмъ, который представляетъ господствующую религію Индіи, такъ какъ ее исповѣдуютъ около 200 милліоновъ, распадается на множество сектъ. Каждая изъ этихъ сектъ имѣетъ своихъ боговъ и храмы, и врядъ ли на земной поверхности найдется другая страна, столь богатая храмами, какъ Индія. Въ большихъ городахъ Индіи храмы насчитываются сотнями, даже тысячами. Около храмовъ живутъ жрецы, посвятившіе себя культу даннаго божества. Если жрецы соблюдаютъ безбрачіе, то колонія ихъ называется „Мать“ (монастырь).

Если провести воображаемую линію черезъ два города, лежащихъ на противоположныхъ берегахъ полуострова, Бомбей и Мадрасъ, то Индія будетъ раздѣлена такимъ образомъ на два религіозныхъ лагеря. Въ южной, меньшей части, главное божество—это Сива, въ сѣверной Вишну. Нѣкогда между этими двумя лагерями существовала глубокая рознь, выражавшаяся страшною ненавистью и не разъ бывавшая причиной кровавыхъ столкновеній и даже національныхъ войнъ. Теперь эта религіозная ненависть уступила мѣсто широкой вѣротерпимости. Въ той области, гдѣ нѣкогда безраздѣльно властвовалъ Вишну, теперь существуютъ храмы, посвященные Сивѣ, а въ Пури, на поклоненіе тамошнему храму, посвященному одному изъ воплощеній Вишну, стекаются паломники со всѣхъ концовъ Индіи. Однако Сива или „Мага-Дева“ (Великій богъ) имѣетъ все-таки наибольшее число поклонниковъ; въ ихъ глазахъ онъ верховный богъ, дающій жизнь и смерть. Онъ служитъ равно олицетвореніемъ величайшей кротости и самой неумолимой жестокости. Всѣ высокія горы въ Индіи, напр., Гауризанкаръ—вершина Гималаевъ, посвящены этому богу, такъ какъ съ нихъ спускаются потоки воды, оживляющіе землю. Но въ душѣ несчастнаго и угнетеннаго народа преобладающимъ чувствомъ все-таки было чувство страха, и поэтому Сива чаще является грознымъ божествомъ, которому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи еще въ половинѣ 19 столѣтія приносились человѣческія жертвы. Вообще индусская религія предназначала слѣдующихъ пять животныхъ для жертвоприношенія богамъ: человѣка, лошадь, быка, овцу и козу. Секта туговъ, поклоняющихся богинѣ Кали, душила своихъ единоплеменниковъ въ угоду страшному божеству, которое, по ихъ повѣрью, съ наслажденіемъ вдыхало послѣдній вздохъ несчастной жертвы. Европейцевъ обыкновенно щадили, потому что они считались нечистыми. Теперь, когда уничтожены страшныя человѣческія жертвоприношенія, туги замѣнили ихъ цвѣтами и медомъ, которые они приносятъ въ даръ богинѣ. Поклонники

Вишну видять въ этомъ богѣ великаго утѣшителя, передъ которымъ всѣ равны безъ различія кастъ. Благодаря своимъ постояннымъ воплощеніямъ „аватарамъ“, позволяющимъ ему появляться подъ видомъ животного и человѣка низшей касты, Вишну болѣе близокъ народу, чѣмъ всякій другой богъ.

Въ настоящее время брамины, жрецы индуcской религіи, руководящіе всѣми религиозными обрядами и церемоніями въ странѣ, уже не занимаютъ того первенствующаго положенія, какое они занимали раньше, и только въ глухихъ уголкахъ Индіи, гдѣ народъ еще остается суевѣрнымъ по прежнему, брамины сохраняютъ пока свое значеніе и окружены ореоломъ святости и величія. Въ теченіе многихъ вѣковъ брамины возвышались надъ общимъ уровнемъ умственного развитія остальныхъ индуcовъ и кромѣ того они собственно и создали индуcскую литературу, но теперь, отчасти по собственной винѣ, они свергнуты съ прежняго пьедестала, такъ какъ не захотѣли принять участія въ движеніи впередъ и ничего не сдѣлали для дальнѣйшаго просвѣщенія и цивилизаціи Индіи.

Буддійская религія, распространившаяся изъ Индіи во всѣ другія страны, почти совершенно исчезла въ области своей родины. Какъ самостоятельная религія буддизмъ сохранился только въ долинахъ Гималайскихъ горъ, да на островѣ Цейлонѣ, однако секта джайновъ, въ Гуджератѣ и Марвирѣ, имѣетъ, повидимому, близкую связь съ буддизмомъ. Нѣкогда джайны господствовали въ южной Индіи, и ихъ священныя книги представляютъ замѣчательные памятники литературы дравидскихъ народовъ Индіи.

Изъ иностранныхъ религій, распространившихся въ Индіи, наибольшее значеніе имѣетъ магометанская. Исламъ исповѣдуютъ 57 милліоновъ населенія, но магометане составляютъ большинство населенія только въ сѣверо-западной Индіи, по обѣ стороны рѣки Инда, такъ какъ именно въ эту область часто вторгались мусульманскіе завоеватели. Кромѣ того многихъ индуcовъ привлекало въ ученіи Магомета отсутствіе кастъ и они переходили въ магометанство, чтобы избавиться отъ тяжелаго ига законовъ, навязанныхъ имъ браминами. Притомъ же между мусульманами и индуcами, послѣдователями индуcской религіи, не существуетъ непереходимой преграды. И тѣ и другіе принимаютъ участіе въ однѣхъ и тѣхъ же религиозныхъ церемоніяхъ. Религиозныя процессіи, какъ мусульманъ, такъ и индуcовъ и даже христіанъ отличаются одинаковою пышностью и торжественностью, и члены всѣхъ трехъ вѣроисповѣданій считаютъ своимъ долгомъ сообща присутствовать на всѣхъ этихъ празднествахъ, такъ что зачастую тѣ же самыя знамена и хоругви попеременно красуются на праздникахъ индуcовъ, христіанъ, мусульманъ. Однако эти религіи не всегда такъ мирно уживаются другъ съ другомъ, и случается, что между мусульманами и индуcами возникаютъ ссоры, доходящія до кровопролитія. Индуcы возмущаются противъ „убійць коровъ“, такъ они называютъ мусульманъ, и на улицахъ происходитъ рѣзня во имя Аллаха или Вишну. Надо замѣтить, впрочемъ, что мусульманская религія дѣлаетъ успѣхи въ Индіи, и хотя не бывало примѣра, чтобы магометанинъ перешелъ въ христіанство, но обратныхъ примѣровъ насчитывается не мало.

По переписи 1891 г. населеніе Индіи распредѣляется по религіямъ (включая всѣ секты) слѣдующимъ образомъ: индуcы—207.731,727; буддисты—7.131,361; парсы—89,904; магометане—57.321,164; христіане—2.284,380; Сикки (представляющіе сильную, воинственную секту), преимущественно сосредоточенную въ Пенджабѣ—1.907,833; язычники и др.—9.280,467.

Парсы, послѣдователи древней религіи Зороастра, огнепоклонники, по преимуществу сосредоточиваются въ Бомбеѣ и его окрестностяхъ. Большею частью они очень богаты, образованы и всего легче сближаются съ англичанами, такъ какъ ихъ религія не препятствуетъ имъ въ этомъ. Въ ихъ рукахъ сосредоточивается большая часть оптовой торговли и почти вся торговля опіумомъ въ Китаѣ. Очень многіе парсы отправляются въ Англію для полученія высшаго образованія и по возвращеніи въ Индію поступаютъ на службу

или занимаются адвокатурой, литературой и науками. Вообще взрослые парсы свободно говорят по английски и у многих даже въ семейномъ кругу принятъ этотъ языкъ. Цвѣтъ лица у нихъ свѣтлый (иногда оливковый), черты правильныя, энергичныя. Женщины красивы и лица не закрываютъ. Парсы отличаются гостепріимствомъ, общительностью и содержатъ множество благотворительныхъ и общественныхъ учреждений, а также прекрасныя школы для мальчиковъ и дѣвочекъ.

Г л а в а III.

Долина Кашмира. — Гималаи. — Пенджабъ и его населеніе. — Непаль. — Храмы и факиры. — Раджпутана. — Ея населеніе. — Обычай убійства дочерей. — Сати. — Племя боліевъ.

Обширная низменность, которая разстилается у подошвы Гималайскихъ горъ, орошается двумя могучими потоками, Индомъ—на западъ и Гангомъ или Гангесомъ на востокъ. Притокъ Инда, Джиламъ, протекаетъ по чудной, лежащей въ горахъ долиинѣ Кашмира, воспѣтой индійскими и персидскими поэтами. Въ эту долину можно проникнуть только лѣтомъ, черезъ горныя проходы, зимою же она почти недоступна. Когда послѣ долгаго странствованія по дикимъ ущельямъ и горахъ, гдѣ до сихъ поръ еще нѣтъ хорошихъ дорогъ, путешественникъ вдругъ попадаетъ въ область рѣки Джилама, то передъ нимъ развертывается во всей своей красѣ прелестная Кашмирская долина. Плыва по теченію этой рѣки въ главный городъ Кашмира Сринагаръ, путешественникъ не можетъ вдоволь налюбоваться красивыми картинами, которыя проходятъ передъ его глазами. Берега покрыты богатою растительностью, великолѣпныя, огромныя деревья, развѣсистыя платаны, чинары, каштаны, стройныя тополи, величественныя гималайскіе кедры и т. д. образуютъ густыя рощи, прерываемыя воздѣланными полями и громадными лужайками душистыхъ и яркихъ цвѣтовъ, въ особенности розъ, которыя растутъ тутъ въ изобиліи и наполняютъ собою цѣлыя долины, распространяя далеко въ воздухѣ свой ароматъ. Мѣстами рѣка расширяется и превращается въ озеро, появляются островки, на которыхъ, среди роскошной зелени, виднѣются развалины древнихъ храмовъ или дворцовъ, а на горизонтѣ вырисовываются громады горъ, сверкающія своими снѣжными вершинами и опоясанныя темными лѣсами. Мелкія индійскія княжества въ горахъ сохранили свою самостоятельность подъ протекторатомъ Англій, и самымъ независимымъ является повелитель Кашмира. Кашмирскій раджа находится въ меньшей зависимости отъ англичанъ, нежели другіе. Жителей собственно въ Кашмирѣ насчитывается 491,846 ч.; всѣ они мусульмане и славятся своими кустарными издѣліями, особенно хороши шали, выдѣлываемыя изъ шерсти домашнихъ и дикихъ козъ.

Новѣйшія изслѣдованія подтвердили, что Гималайскія горы, представляющія естественную границу Индіи и защищающія ее отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ, дующихъ надъ возвышенностями Средней Азіи, самыя высокія на земномъ шарѣ, а ледники Гималаевъ могутъ сравниться только съ ледниками горъ Гренландіи и другихъ полярныхъ странъ. По санскритски „Himalaja“ означаетъ „жилище снѣга“. Хребетъ Гималаевъ состоитъ изъ трехъ болѣе или менѣе параллельно идущихъ цѣпей, сѣверной, центральной и южной, и заключаетъ въ себѣ величайшія вершины земного шара. Гауризанкаръ—Лучезарная гора, вышиною въ 8,840 метровъ, Канчинджинга—въ 8,581 метровъ и Давалагири—въ 8,177 метровъ. Всѣ эти вершины находятся въ восточной части Гималаевъ. Проходы или „гаты“ лежатъ также на большой высотѣ, и самый высокій изъ нихъ, ведущій въ Тибетъ, находится на высотѣ 6,240 метровъ. Лучше всего изучена южная цѣпь Гималаевъ.

Пожалуй ни однѣ горы на свѣтѣ не изобилуютъ въ такой степени величественными красотами природы, какъ Гималаи; даже Анды не могутъ сравниться съ ними. За Гималаями начинается суровая и угрюмая страна — Тибетъ, а на южныхъ склонахъ и въ плодородныхъ долинахъ пріютились разныя государства Индіи, находящіяся въ большей или меньшей зависимости отъ англійскаго правительства. Эти горы составляютъ не только границу владѣній Англии; онѣ отдѣляютъ арійцевъ — индусовъ, живущихъ къ югу отъ Гималайскаго хребта, и народы монгольскаго племени, живущіе въ Тибетѣ. Но въ долинахъ Гималайскихъ горъ обитаютъ смѣшанныя расы.

Растительность въ горахъ очень разнообразна и богата, и конечно находится въ зависимости отъ высоты склоновъ и долинъ. Къ югу отъ восточной половины Гималаевъ простирается нездоровая болотистая мѣстность Тераи, поросшая непроходимыми джунглями. На отрогахъ Гималаевъ, въ здоровой, плодородной мѣстности, устроены англичанами климатическія станціи, прекрасно организованныя и снабженныя европейскимъ комфортомъ. Во всѣ эти селенія и города на южныхъ склонахъ Гималаевъ можно теперь добраться по желѣзной дорогѣ, со всѣми удобствами. Вездѣ проложены хорошія дороги и, проѣзжая по нимъ въ экипажѣ, можно любоваться чудными горными видами.

Рѣка Индъ, вытекая изъ Гималаевъ, орошаетъ вмѣстѣ со своими притоками равнину Пенджабъ или Пятирѣчье, сѣверо-западную провинцію Индіи, лежащую на границѣ Афганистана. Населеніе Пенджаба очень смѣшанное; большинство составляютъ джаты, сильное племя кавказскаго типа, преимущественно занимающееся земледѣліемъ. Джаты принадлежатъ частью къ разнымъ индусскимъ сектамъ, частью же приняли исламъ. Они всѣ могутъ быть причислены къ арійской расѣ, очень храбры и воинственны, и изъ ихъ среды вышли сикки, съ которыми такъ трудно было справиться англичанамъ. Джаты никогда не вводили у себя кастоваго устройства, и поэтому брамины смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ, причисляя ихъ всѣхъ къ судрамъ. Численность ихъ въ Пенджабѣ и прилегающихъ областяхъ считается около трехъ милліоновъ. Непрїятную черту джатовъ составляетъ ихъ нечистоплотность, но за то они отличаются трудолюбіемъ и лучше чѣмъ другіе умѣютъ воздѣлывать землю. Не признавая кастъ, джаты женятся свободно на женщинахъ какой угодно касты. Объясненіемъ въ любви служитъ посылка кокосоваго орѣха и серебряной монеты, и если дѣвушка приметъ этотъ даръ, то значить она согласна. Родители назначаютъ день свадьбы. Женихъ въ красной одеждѣ врывается съ обнаженнымъ мечомъ, ударяетъ по забору и входитъ въ домъ въ сопровожденіи свадебныхъ гостей. Въ этомъ обрядѣ заключается воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда бракъ совершался посредствомъ похищенія невѣсты; обычай все таки требуетъ, чтобы отецъ невѣсты получилъ подарокъ; расходы же на свадьбу несутъ одинаково, какъ родители невѣсты, такъ и родители жениха. Домашняя жизнь и религіозные обычаи джатовъ мусульманъ очень просты и опредѣляются Кораномъ, у индусовъ же жизнь обставлена гораздо болѣе сложными церемоніями и всецѣло устанавливается браминами, которые подчиняютъ ее своимъ правиламъ.

Сикки или сикки, воинственное племя, вышедшее изъ среды джатовъ, составляютъ довольно сплоченное населеніе въ Пенджабѣ, хотя встрѣчаются во всей Индіи отдѣльными группами. Религія ихъ представляетъ смѣсь индуизма съ Исламомъ. Долго пришлось бороться съ ними англичанамъ, но, наконецъ, власть ихъ была окончательно сломлена въ 1848 году. У сикковъ, однако, до сихъ поръ сохраняется влеченіе къ войнѣ, но такъ какъ ихъ прежній религіозный фанатизмъ уже исчезъ, то они и поступаютъ на службу въ англо-индійское войско, гдѣ являются отборными солдатами. Священнымъ городомъ сикковъ служитъ Амритсаръ. Кромѣ этого центра, куда стекаются паломники, у нихъ мало святилищъ, такъ какъ храмы ихъ—это обыкновенные дома, гдѣ читаются молитвы и поются священные гимны. Сикки не обращаются къ браминамъ, которые ихъ ненавидятъ, и не чтутъ священныхъ книгъ индусовъ. У нихъ есть своя священная книга „Грантъ“, въ которой за-

ключаются наставленія и молитвы; своихъ покойниковъ они сжигаютъ, также какъ и индусы. Среди нихъ много факировъ.

Кромѣ Амритсара, старинной святыни сикковъ, въ Пенджабѣ много прекрасныхъ и населенныхъ городовъ; изъ нихъ Лагоръ замѣчательнъ своими великолѣпными дворцами, мечетями, мавзолеями и базарами, а также множествомъ древнихъ развалинъ, свидѣтельствующихъ о быломъ величїи. Этотъ городъ былъ столицею Пенджаба во времена владычества сикковъ и остался ею при теперешнемъ владычествѣ англичанъ.

Дели, нѣкогда величайшей и очень древней городъ Индіи, который путешественники называютъ „азиатскимъ Римомъ“, также находится въ Пенджабѣ, на берегу священной рѣки Джамны. О быломъ величїи Дели свидѣлствуютъ развалины, простирающіяся на двадцать верстъ кругомъ, а о прежней роскоши, окружавшей прежнихъ мусульманскихъ властителей этой области, можно судить по великолѣпію бывшего дворца Великаго Могола, одна входная зала котораго имѣетъ въ длину болѣе 53 сажень. На потолкѣ другой, такой же громадной залы, предназначенной для аудіенцій и окруженной прелестными павильонами, сохранилась до сихъ поръ надпись. „Если есть небо на землѣ, то вотъ оно“. Большинство этихъ грандіозныхъ построекъ находится въ состоянїи развалинъ. Когда-то въ этомъ дворцѣ красовался великолѣпный тронъ изъ массивнаго золота, съ золотыми павлинами по бокамъ, распущенные хвосты которыхъ были усыяны сплошь драгоценными камнями, а на верху находился попугай, вырѣзанный изъ цѣльнаго смарагда. Всѣ эти драгоценности составили добычу завоевателей.

Въ Гималайскихъ горахъ, по обоимъ склонамъ главнаго хребта лежитъ мало извѣстная страна Непаль, представляющая королевство, до сихъ поръ сохранившее свою независимость и тщательно оберегающее свои границы отъ вторженія иностранцевъ. Лишь очень немногимъ путешественникамъ удавалось проникнуть въ эту „запретную страну“ и побывать въ столицѣ Непала Катманду. Природа Непала очень величественна и мѣстами сурова; населеніе его распределено очень неравномѣрно и сосредоточивается преимущественно въ глубокихъ и плодородныхъ долинахъ, подальше отъ границъ страны и отъ лѣсовъ болотистой мѣстности Тераи. Жители Непала принадлежатъ къ смѣшанной расѣ, и вообще въ Непалѣ можно

Ferwerck X.A.

Туземецъ изъ Кашмира.

найти представителей всевозможных народностей Индіи. Индусское племя гуркасовъ или хасы, населяющіе Непалъ, отличаются храбростью и воинственностью и охотно отправляются служить въ англоиндійскую армію. Но въ Непалѣ есть много племенъ, которыя обитаютъ въ нездоровыхъ низменныхъ долинахъ Непала и въ области Тераи, гдѣ невыживаетъ ни одинъ индусъ или тибетецъ, не говоря уже о европейцахъ, становящихся тотчасъ же жертвою лихорадки. Въ каждомъ удобномъ мѣстечкѣ, въ лѣсной прогалинкѣ, они воздѣлываютъ поля, доставляющія имъ пропитаніе и кромѣ того занимаются охотою на звѣрей, которые водятся въ джунгляхъ Тераи, въ особенности на слоновъ.

Коренные непальцы называютъ себя индусами, но большинство изъ нихъ исповѣдуетъ буддійскую религію. Во главѣ непальскаго королевства находится Магараджа, хотя въ сущ-

Роща баніановъ.

ности вся власть находится въ рукахъ военнаго министра и его помощниковъ. Англія имѣетъ своего резидента въ Катманду, находящагося подъ охраною англоиндійскаго отряда.

Въ Непалѣ существуетъ множество священныхъ мѣстъ для обѣихъ главныхъ религій буддійской и браминской и ея подраздѣленій на два главныхъ культа: Вишну и Сива. Въ каждой изъ этихъ мѣстностей устраиваются въ извѣстные дни праздника, на которыя стекаются паломники со всѣхъ концовъ Индіи и даже Тибета. Тибетскіе пастухи пробіраются черезъ высокіе проходы и ледники Гималаевъ, чтобы поклониться буддійской святыни въ Катманду, а браминскіе паломники, изъ дальнихъ областей Индіи, путешествуютъ цѣлыми мѣсяцами, перенося всевозможныя лишенія и зной, чтобы только достигнуть великаго таинственнаго храма, посвященнаго Сивѣ-Магадевѣ, выпить святой воды и оросить ею свой пылающій лобъ. Около этихъ храмовъ всегда можно найти факировъ, которые то лежатъ совершенно неподвижно, бормоча молитвы, то подвергаютъ себя ужас-

Индійскій раджа въ парадной одеждѣ.

нымъ истязаніямъ. Одни проводятъ всю жизнь, скорчившись въ желѣзной клѣткѣ, или стоятъ согнувшись и упершись руками въ землю, сохраняя такое положеніе до тѣхъ поръ, пока мускулы ихъ не заоченѣютъ, и они уже не въ состояніи бываютъ разогнуться. Другіе держатъ кулаки сжатыми, пока когти не проростутъ сквозь мясо и не покажутся съ другой стороны, третьи стоятъ на одной ногѣ, не перемѣняя положенія, и только ночью подвѣшиваютъ себя къ протянутой около нихъ веревкѣ. При каждомъ индусскомъ храмѣ есть подобные фанатики, другіе же не имѣютъ постоянного мѣстопробыванія и странствуютъ по всей странѣ. Англичане запрещаютъ эти добровольныя истязанія, но во многихъ уголкахъ Индіи они все еще практикуются

На сѣверо-западѣ Индіи лежитъ область Раджпутана, имѣющая болѣе 12 милліоновъ жителей. Въ этой области сохранились девятнадцать туземныхъ княжествъ, напоминающихъ феодальныя государства Европы. Во главѣ этихъ княжествъ стоятъ туземные князья—раджи, но верховнымъ властителемъ является все таки британскій агентъ, который живетъ въ Атмирѣ.

Въ Раджпутанѣ обитаетъ воинственное, красивое племя арійскаго происхожденія, раджпуты, причисляющіе себя къ высшей кастѣ воиновъ — „кшатріевъ“. Хотя раджпуты далеко не составляютъ большинства населенія, но они дали ей свое имя. Раджпуты до сихъ поръ еще сохранили многіе изъ старинныхъ обычаевъ и въ большіе праздники устраиваютъ пышныя процессіи, напоминающія тѣ, которыя происходили въ феодальныя времена въ западной Европѣ. Вассалы, окружая своего властелина, несутъ гербы и эмблемы, изображающія разныхъ животныхъ. Непремѣннымъ членомъ такой процессіи является домашній поэтъ, воспѣвающій подвиги предковъ и любовныя похощенія своего господина, а также его богатство и славу. На этого же поэта возлагаются и обязанности астролога, и онъ же служитъ посланнымъ, относящимъ вызовы на бой или дружескія посланія.

Расовая гордость раджпутовъ была причиною обычая умерщвленія дочерей. Раджпуты не могли снести мысли, чтобы ихъ дочери выходили замужъ за людей болѣе низкаго происхожденія, а выйти за раджпутана она не можетъ, такъ какъ браки между единоплеменниками были воспрещены. Чтобы избѣжать этого униженія, они умерщвляли дѣвочекъ или послѣ рожденія, или по достиженіи ими возмужалости. Этотъ обычай былъ сильно распространенъ въ Раджпутанѣ, пока англичане не завладѣли страной и не стали его строго преслѣдовать. Сами раджпуты похищали для себя невѣсты изъ другихъ племенъ, и въ прежнія времена изъ-за этого часто возникали войны.

Похищенная невѣста, становясь женою раджпута, получала титулъ „божественной“, и мужъ ничего не предпринималъ безъ ея согласія. Супруги обязаны сохранять вѣрность другъ другу, но только жены обрекали себя на сожженіе послѣ смерти своихъ мужей. Ни въ одной мѣстности въ Индіи нѣтъ такого множества памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь погибшихъ на кострѣ вдовъ, какъ въ Раджпутанѣ. Церемонія „Сати“, т. е. добровольнаго сожженія вдовы, совершалась въ прежнія времена публично и носила характеръ праздника, на которое стекались люди изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ. Несчастная жертва шла на костеръ, украшенная, точно невѣста, въ сопровожденіи ближайшихъ родственниковъ, браминовъ, разныхъ религіозныхъ фанатиковъ и цѣлой толпы людей, сбѣжавшихся посмотрѣть на это ужасное зрѣлище. Путь отъ жилища жертвы до мѣста сожженія былъ всегда усыпанъ цвѣтами, пальмовыми листьями и т. п. Несчастная женщина, опираясь на ближайшихъ родственниковъ, еле передвигала ноги подъ звуки оглушающей музыки. Обыкновенно ее напавали передъ тѣмъ одуряющимъ напиткомъ, приготовляемымъ изъ индійской конопли, и сознание у нея бывало притуплено. Приблизившись къ костру, музыканты умолкали, и толпа, сохраняя глубокое безмолвіе, окружала костеръ. Наступала торжественная минута. Жертва медленно всходила на костеръ въ сопровожденіи браминовъ и останавливалась у трупа своего мужа на вершинѣ костра. Браминъ привязывалъ жертву

къ столбу по срединѣ костра надъ трупомъ мужа, распростертаго у ея ногъ. Совершивъ это, браминъ спускался внизъ, и это служило сигналомъ толпѣ, окружавшей костеръ, которая поливала масломъ дрова и поджигала ихъ своими факелами. Брамины начинали пѣть священные гимны, остальные же поднимали страшный шумъ, били въ барабаны, въ гонги, чтобы заглушить крики несчастной жертвы. Бывали случаи, что несчастная женщина, внезапно придя въ сознание и охваченная ужасомъ, разрывала связывающія ее веревки и пыталась убѣжать, но брамины подхватывали ее и бросали въ пылающій костеръ, такъ какъ сопротивление жертвы считалось большимъ несчастьемъ для ея близкихъ и признакомъ, что душа ея-мужа не найдетъ успокоенія.

Кромѣ раджпутовъ, въ области Раджпутана обитаетъ еще много другихъ племенъ. Коренными жителями считаются биліи, нѣкогда, вѣроятно, преобладавшіе въ этой мѣстности, на что указываютъ, между прочимъ, и нѣкоторые уцѣлѣвшіе обычаи. Такъ напр. при вступленіи на престолъ какого нибудь раджпутскаго князя биліецъ дѣлаетъ у него на лбу знакъ собственной кровью, которую онъ извлекаетъ изъ большого пальца руки и ноги. Этимъ онъ, какъ туземецъ, помазываетъ его на царство и какъ бы передаетъ ему владѣніе страной.

Биліи, по мнѣнію однихъ ученыхъ, принадлежатъ къ коларійскимъ племенамъ, а, по мнѣнію другихъ, это дравидское племя. Цвѣтъ кожи у нихъ очень темный, и ростомъ они ниже и не такъ красивы, какъ раджпуты. Вытѣсненные изъ своихъ прежнихъ владѣній и слишкомъ любившіе свободу и независимость, чтобы покориться завоевателямъ, билійцы превратились въ разбойниковъ. Они устраивали себѣ притоны въ горахъ на скалахъ и оттуда нападали врасплохъ на караваны. Благодаря своей хитрости и храбрости, они и до сихъ поръ до нѣкоторой степени остались независимымъ племенемъ. Они сами себя величаютъ „ворами великаго бога“, но несмотря на это обладаютъ многими хорошими качествами, и нѣкоторые путешественники считаютъ ихъ лучше ихъ индусскихъ сосѣдей. На слова ихъ можно положиться; съ женщинами они обращаются лучше, и эти послѣднія

Туземный палачъ.

имѣють вліяніе на семейныхъ и племенныхъ совѣтахъ. Билійцы практикують многоженство, а ихъ религіозныя вѣрованія представляютъ смѣсь индусскихъ обрядовъ съ тѣми, которые существовали еще, быть можетъ, до пришествія арійцевъ. Прежде они приносили человѣческія жертвы, а теперь приносятъ въ жертву священнымъ деревьямъ животныхъ и окропляютъ ихъ кровью грубо сложенные изъ камня алтари. Наибольшимъ уваженіемъ пользуется у нихъ богъ-обезьяна, Гануманъ. Одежды они не носятъ никакой, кромѣ передника, и до сихъ поръ еще употребляютъ оружіе дикихъ, копья и стрѣлы. Они обрабатываютъ землю, но любимое ихъ занятіе составляютъ всетаки охота и рыбная ловля. Теперь уже многія племена билійцевъ смѣшались съ другими племенами, но остались еще такіе, которые сохранили свою первоначальную чистоту.

Глава IV.

Бенгальская низменность. — Свойства ея климата и природы. — Священная рѣка. — Важнѣйшіе города. — Бенаресь, Калькута и др. — Черная яма. — Орисса. — Человѣческія жертвоприношенія. — Ассамъ. — Населеніе Ассама и центральныхъ провинцій.

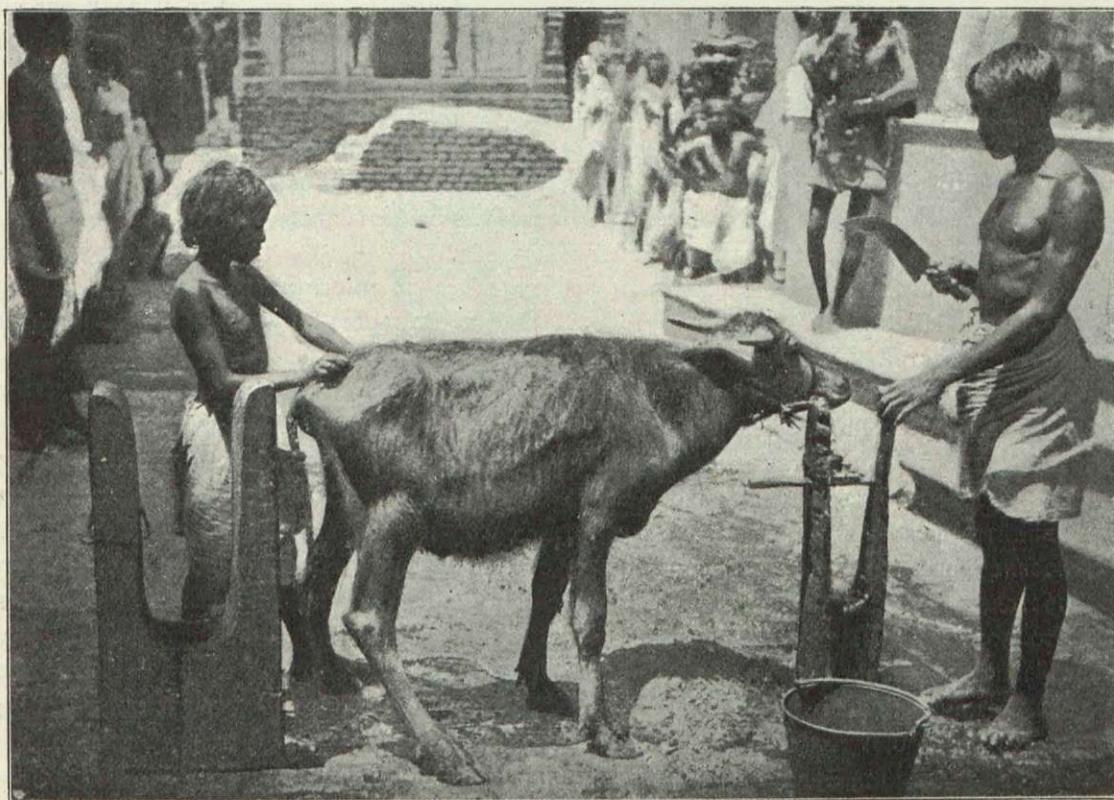
Священная рѣка индусовъ Гангъ прорѣзываетъ необыкновенно плодородную равнину, называемую Бенгальскою низменностью. Тутъ въ изобиліи произрастають почти всѣ тропическія растенія, а въ густыхъ дѣвственныхъ лѣсахъ, въ непроницаемой чащѣ, живетъ страшный королевскій тигръ и водятся пантеры, носороги и другіе звѣри. Климатъ этой равнины очень знойный и нездоровый. Здѣсь находится очагъ всевозможныхъ болѣзней, въ особенности холеры, но, несмотря на это, населеніе тутъ самое густое, такъ какъ почва необычайно плодородна, и поэтому достаточно маленькаго клочка земли, чтобы прокормить цѣлое семейство. Лѣса тутъ великолѣпны, а озера и рѣки, притоки Ганга, изобилуютъ рыбой.

Во время наводненій рѣка выходитъ изъ береговъ и разливается далеко по равнинѣ, а затѣмъ, вернувшись въ свои берега, оставляетъ огромныя количества плодороднаго ила. Рѣка уноситъ съ собою массу твердыхъ веществъ, каменныхъ обломковъ, землистыхъ частицъ, иль и песокъ, и часть этихъ веществъ отлагается на низменныхъ мѣстахъ, образуя наносы. Въ верхнемъ своемъ теченіи, въ горахъ, Гангъ несетъ бурнымъ потокомъ, но, достигнувъ равнины, онъ становится спокойною, судоходною рѣкой. Количество воды въ немъ такъ велико, что на разстояніи болѣе тысячи километровъ отъ устья, Гангъ, въ самое сухое время года, имѣетъ болѣе 400 метровъ ширины, а въ дождливое разливается на 950 метровъ. Глубина же его въ сухое время 10—12 м., а въ дождливое 18—20 метровъ. Бассейнъ его занимаетъ огромное пространство въ 1,000,000 кв. килом., а изъ множества его притоковъ 12 превосходятъ Рейнъ своею величиною. До недавняго времени Гангъ и его притоки и рукава были единственными торговыми путями внутренней Индіи, теперь же вдоль Ганга проходитъ желѣзная дорога, хотя для внутреннихъ сношеній Гангъ служитъ по прежнему, и по рѣкѣ снуютъ во всѣ стороны суда самой разнообразной величины. Съ приближеніемъ къ устью мутная рѣка становится такой широкой, что береговъ ея различить уже невозможно. У устья Гангъ развѣтвляется на множество рукавовъ, образуя дельту, которая называется Сандербандъ, т. е. „тысяча устьевъ“.

Бенгалія могла бы быть названа странюю изобилія, еслибъ не эпидеміи, уносящія массу жертвъ, опустошительные циклоны, часто свирѣпствующіе въ этой области, и нападенія тигровъ, истребляющихъ иногда все населеніе деревень. Прекрасныя тѣнистыя озера и бухты, въ которыхъ такъ пріятно было бы выкупаться и освѣжиться въ знойный день, часто кишатъ аллигаторами, и горе неосторожному путнику, если онъ соблазнится ихъ прохладными

волнами! А въ кустахъ, въ травѣ, скрываются страшныя кобры и гремучія змѣи, такъ что смерть какъ будто подкарауливаетъ человѣка на каждомъ шагу въ этой странѣ изобилія. Но люди привыкають къ опасностямъ, окружающимъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и перестаютъ обращать на нихъ вниманіе, такъ что всѣ эти пагубныя условія не помѣшали Бенгаліи быть самою заселенною областью Индіи; занимая пространство въ 1.674,279 кв. килом., Бенгалія населена 162.607,990 жит. Вслѣдствіе такой густоты населенія въ Бенгаліи, несмотря на все ея плодородіе, часто бываетъ голодь, отъ котораго гибнутъ сотни тысячъ людей.

Главная часть населенія Бенгаліи состоитъ изъ индусовъ, мусульманъ не больше трети, остальные же буддисты и христіане. Благодаря удобствамъ сообщенія по Гангу и его притокамъ, всѣ жители, населяющіе равнину священной рѣки, находятся въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ и могутъ быть причислены къ цивилизо-

Уличное жертвоприношеніе.

ванному человѣчеству, несмотря на принадлежность къ разнымъ племенамъ. Однако въ сѣверной части, состоящей изъ огромныхъ болотистыхъ пространствъ, среди холмовъ, у нижняго теченія Ганга, встрѣчаются еще полудикія и бродячія племена; таковы наты, бадіары и др. Они строятъ себѣ временныя жилища и питаются разною дрянью, даже падалью. Тамъ, гдѣ мѣстность состоитъ изъ болотъ, эта низшая каста индусовъ строитъ для себя жилища на сухихъ мѣстахъ и занимается рыбною ловлей и охотой, а также засѣваетъ рисъ на пространствахъ, свободныхъ отъ ила. Разумѣется, ни о какихъ жизненныхъ удобствахъ тутъ не можетъ быть и рѣчи, но эти индусы невзыскательны и мирятся со своею обстановкой, съ ядовитыми змѣями, которыя иногда прокрадываются въ ихъ хижины, и тучами москитовъ, вѣчно ихъ окружающими. Большинство такихъ водныхъ жителей и бродячихъ племенъ—мусульмане, но въ дѣйствительности религія въ ихъ жизни

не играет никакой роли, и обманъ, надувательство и т. п. составляют у нихъ самое обыденное явленіе.

Индусы глубоко чтятъ священную рѣку Гангъ и даже имя ея произносятся съ величайшимъ благоговѣніемъ. Нѣтъ мѣста на рѣкѣ, которое не было бы священнымъ, и поэтому на берегахъ ея вѣчно толпятся паломники. Многіе изъ нихъ промышляютъ тѣмъ, что наполняютъ водой изъ священной рѣки маленькія бутылочки и затѣмъ разносятъ ихъ по всей Индіи. Богатые индусы охотно покупаютъ такую воду и платятъ за нее дорогую цѣну. Индусы вѣрятъ, что кто живетъ на берегахъ Ганга или же передъ смертью выпьетъ воды изъ него, того душа избавляется отъ скитаній по землѣ. Каждый индусъ мечтаетъ о томъ, чтобы тѣло его по смерти было предано волнамъ Ганга, а если не тѣло, то его пепель, и въ прежнія времена мутныя волны Ганга уносили сотни тысячъ труповъ и разбрасывали ихъ по берегамъ, что зачастую бывало причиною распространенія заразы и болѣзней. Англичане, сдѣлавшись хозяевами Индіи, вмѣшались въ это дѣло и ради охраненія народнаго здоровья запретили спускать трупы въ рѣку. Но и теперь еще индусы тайкомъ прибѣгаютъ къ такому способу погребенія, и ночью можно иногда замѣтить огоньки, медленно движущіеся вдоль священной рѣки. Это фонари, привязанные къ доскѣ, на которую положенъ трупъ, тайкомъ спущенный въ воду близкими родственниками умершаго. Индусы почитаютъ рѣку какъ мать, которая поитъ и кормитъ ихъ, и вѣрятъ, что она низвергается на землю могучимъ потокомъ прямо съ небесъ, гдѣ въ ея прозрачныхъ и чистыхъ водахъ плещутся блаженные обитатели неба.

По берегамъ Ганга расположены многолюдные и во многихъ отношеніяхъ замѣчательные города Индіи: Каунпуръ, Аллагабадъ, Патна, Бенаресъ, Лукноу, столица бывшаго Аудскаго королевства и др.

Священнѣйшій изъ всѣхъ индусскихъ городовъ, Бенаресъ, откуда, по сказанію индусовъ, ведетъ прямая дорога на небо, также расположенъ на берегу Ганга. Онъ очень живописенъ, но невообразимо грязенъ, такъ какъ состоитъ изъ лабиринта узкихъ и кривыхъ улицъ, постоянно наполненныхъ самою разнообразною толпой людей и животныхъ, среди которыхъ можно видѣть даже священныхъ обезьянъ, въ особенности около храмовъ, а священные быки, посвященные богу Сивѣ, совершенно свободно разгуливаютъ по всѣмъ улицамъ города. Постоянныхъ жителей въ городѣ насчитывалось по переписи 1881 года 207,570, но число это постоянно колеблется, такъ какъ въ городъ ежедневно прибываютъ богомольцы со всѣхъ концовъ Индіи. Въ промышленномъ отношеніи этотъ городъ не играетъ никакой роли; онъ важенъ лишь какъ центръ религіознаго паломничества — жители его питаются на счетъ этихъ паломниковъ. Днемъ и ночью, во всѣ времена года, по дорогамъ и тропинкамъ, ведущимъ въ Бенаресъ, тянутся пилигримы, истомленные лишеніями и трудностями пути, но жаждущіе взглянуть на священный городъ, одинъ видъ котораго можетъ избавить человѣка отъ тяжести грѣховъ и преступленій. Съ замираніемъ сердца и трепетомъ подходятъ они къ Бенаресу. Священная рѣка у Бенареса образуетъ красивый изгибъ, въ видѣ полумѣсяца, такъ что городъ расположенъ полукругомъ и со своими безчисленными дворцами, храмами, куполами и башнями разной формы и величины представляетъ дѣйствительно великолѣпную картину, особенно вечеромъ, когда онъ бываетъ залитъ тысячами огней. Къ рѣкѣ, съ крутого берега, спускаются гаты или лѣстницы, на которыхъ постоянно толпятся пилигримы, факиры и т. д. Сюда же приносятъ и больныхъ, которые желаютъ умереть въ виду священной рѣки; тутъ же устраиваются костры для сожженія труповъ, а внизу, на рѣкѣ, снуютъ лодки, пароходы, барки, — оживленіе большое, особенно въ дни праздниковъ.

Бенаресъ составляетъ центръ поклоненія Сивѣ или Мага-Девѣ, и въ городѣ находится болѣе тысячи храмовъ, посвященныхъ этому божеству. Но въ послѣднее время замѣчается упадокъ религіозности среди индусскаго населенія, а вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и значеніе Бенареса.

Въ Бенгаліи же находится и городъ Пури, куда также ежегодно стекаются сотни тысячъ пилигримовъ на праздникъ Джагернаута, что означаетъ: владыка вселенной. Этимъ именемъ величаютъ бога Кришну, представляющаго одно изъ воплощеній Вишну. Кто не слышалъ о знаменитой колесницѣ Джагернаута, подъ колеса которой бросаются фанатики, чтобы погибнуть во славу чтиваго ими бога? Колесница эта имѣетъ 14 метровъ высоты и 16 колесъ, діаметромъ въ два метра каждое. Эта колесница ежегодно вывозится во время праздника, и тогда тысячи людей тѣснятся и толкаютъ другъ друга, чтобы только участвовать въ движеніи колесницы. Въ прежнія времена грязный, маленький городокъ совершенно преображался съ приближеніемъ праздника, и хотя теперь туда также стекаются паломники со всѣхъ концовъ Индіи, но путешественникамъ уже не приходится видѣть раздавленных колесницею бога Джагернаута труповъ. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ какой нибудь фанатикъ, въ припадкѣ изступленія, бросается на землю, на пути колесницы, но его всегда стараются оттащить въ сторону. Англичане вообще, вездѣ, гдѣ только можно, искореняли эти кровавые обычаи, и въ настоящее время они составляютъ уже въ высшей степени рѣдкое явленіе.

Часть Бенгаліи, на зываемая Ориссой, представляетъ для правовѣрныхъ браминовъ такую же священную землю, какъ Палестина для христіанъ. Индія вообще богата священными мѣстами, куда

стекаются пилигримы, но Орисса почти исключительно состоитъ изъ такихъ мѣстъ, такъ какъ по преданію она была мѣстопребываніемъ боговъ, принявшихъ человѣческой образъ и явившихся, чтобы спасти вѣрующихъ. Поэтому благочестивый индусъ вѣритъ, что, искупавшись въ источникахъ Ориссы, онъ омоется отъ всѣхъ своихъ грѣховъ, хотя бы ихъ накопилось у него великое множество. Область раздѣлена на четыре части, и въ каждой главенствуетъ тотъ богъ, въ честь котораго выстроены главный храмъ. Два такихъ храма посвящены богу Сивѣ, одинъ солнцу и одинъ Вишну.

Жителей въ Ориссѣ 4,047,352, большинство индусы, но въ области горъ живутъ еще

Нищенствующій монахъ.

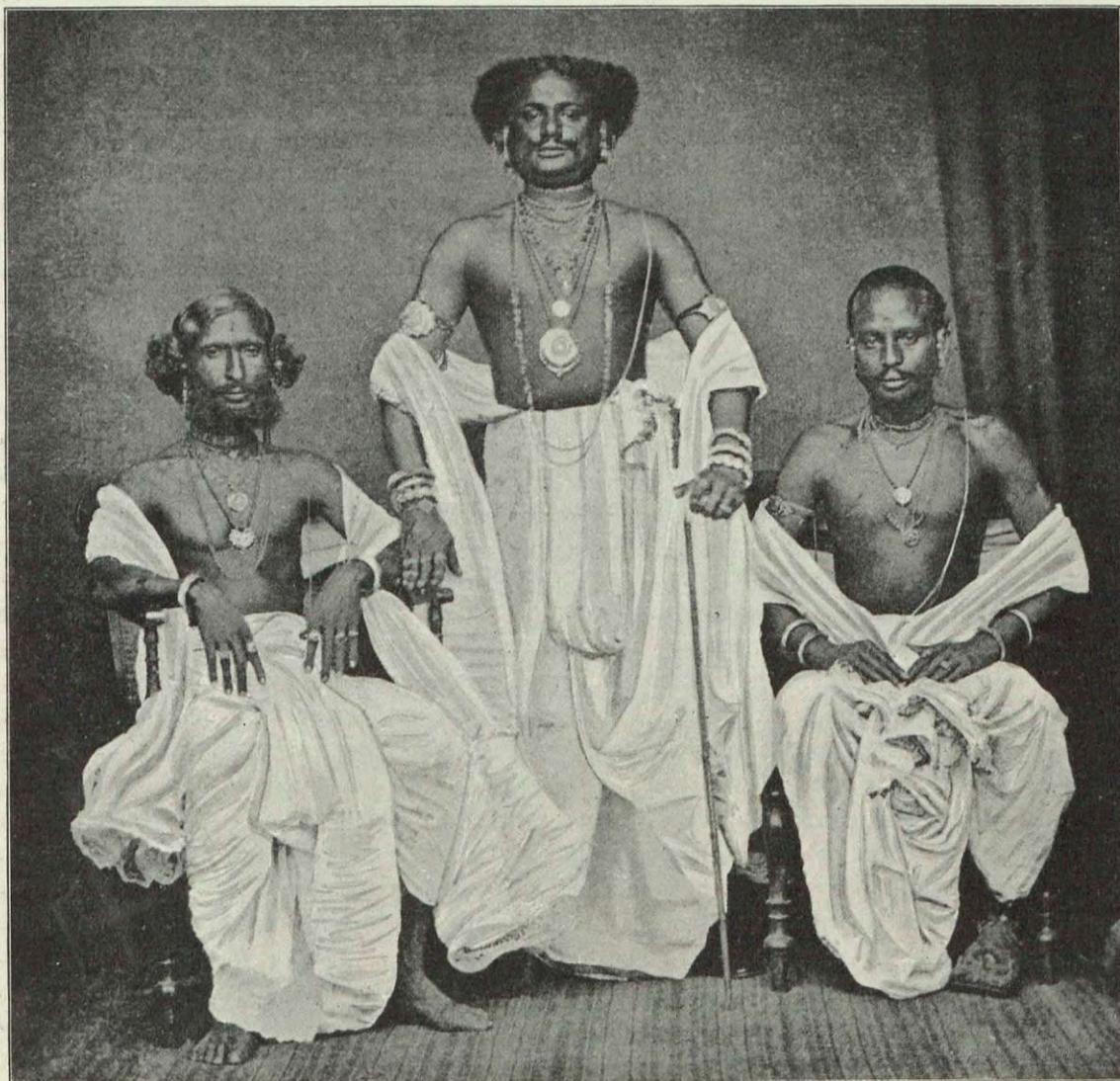
первобытные обитатели Индіи, дравидскія и коларійскія племена. Цвѣтъ кожи у этихъ племенъ, въ общемъ темный, имѣетъ все-таки различные оттѣнки, отъ мѣднокраснаго до чернаго. Живя въ лѣсахъ, покрывающихъ холмы Ориссы, они образуютъ самостоятельныя общины, родъ маленькихъ республикъ, но всегда исправно приносятъ дань въ главный городъ округа, не допуская постороннихъ, даже въ лицѣ сборщика податей, въ свои лѣса. Они очень трудолюбивы и искусны, но такъ какъ преимущественно занимаются хлѣбопашествомъ, то допускаютъ въ свою среду ремесленниковъ изъ арійскихъ индусовъ. Подобно сѣвероамериканскимъ индѣйцамъ, каждая коларійская община имѣетъ свое тавро, т. е. символическій знакъ, изображающій какое-нибудь животное. Племена эти почитаютъ души умершихъ и поклоняются солнцу и всѣмъ силамъ природы. Около каждой коларійской деревни непремѣнно есть роща, деревья которой служатъ, по повѣрью жителей, обителью боговъ, и поэтому рубить эти деревья считается святотатствомъ. Браки совершаются позднѣе, чѣмъ у индусовъ, и сопровождаются притворнымъ похищеніемъ невѣсты, но въ семьѣ жена не занимаетъ униженнаго положенія, и мужъ всегда совѣтуется съ нею во всѣхъ важныхъ дѣлахъ.

Изъ дравидскихъ племенъ самые многочисленныя въ Ориссѣ это — кхонды, которыхъ насчитывается до 75,000 человекъ. Кхонды стяжали себѣ печальную извѣстность, такъ какъ среди нихъ былъ очень распространенъ обычай человѣческихъ жертвоприношеній, только недавно исчезнувшій подъ вліяніемъ англичанъ, энергично принявшихъ искоренять его. Это народъ, очень привязанный къ своей землѣ, которая, какъ они выражаются, принадлежала имъ „съ самаго начала“. Сознавая силу единенія, кхонды, для огражденія своихъ правъ на землю, образовали между собою союзъ и устраиваютъ даже народныя собранія подъ предсѣдательствомъ старшинъ, которыхъ они очень почитаютъ.

Любя землю, какъ кормилицу народа, кхонды поклоняются богинѣ земли или плодородія. Этой богинѣ Тари они и приносили человѣческія жертвы, называемыя Меріа. Жертва, для того, чтобы она была угодна богинѣ, непремѣнно должна была быть куплена, и за нее надо было платить серебромъ. Обыкновенно кхонды покупали дѣтей у сосѣднихъ племенъ, заботливо воспитывали ихъ до того дня, когда долженъ былъ совершиться ужасный обрядъ. Впрочемъ и среди кхондовъ находились родители, готовые продать своихъ дѣтей для жертвоприношенія. Считалось, что меріа добровольно идутъ на закланіе, но обыкновенно имъ давали одуряющее питье для того, чтобы онѣ не оказывали большого сопротивленія, хотя жрецъ всегда старался убѣдить ихъ добровольно принять смерть. Обрядъ сопровождался страшными жестокостями, потому что мученія жертвы считались необходимостью. Кхонды вѣрили, что чѣмъ больше слезъ прольетъ жертва, тѣмъ угоднѣе она будетъ богинѣ, и тѣмъ обильнѣе будутъ дожди. Жертвоприношеніе совершалось въ лѣсу. Жрецъ ударомъ священнаго ножа наносилъ меріи первую рану, но не смертельную, и затѣмъ толпа бросалась на нее и изрѣзывала ее, еще живую на куски. Остатки туловища сжигались, и пепель смѣшивался съ глиной, которою кхонды натирали пороги и столбы своихъ житницъ. Каждый глава семьи получалъ кусокъ священнаго мяса, который онъ зарывалъ въ землю въ своемъ саду. Англичане, обнаружившіе этотъ ужасный обычай, потребовали его уничтоженія и даже нѣсколько разъ совершали вооруженныя экспедиціи для наказанія непослушныхъ. Англичанамъ удалось въ одинъ годъ освободить 550 меріа. Послѣ долгихъ переговоровъ, увѣщаній и угрозъ кхонды, наконецъ, согласились отказаться отъ человѣческихъ жертвоприношеній, но подъ условіемъ, чтобы имъ было дозволено объявить богинѣ Тари, что иностранцы виновны въ прекращеніи человѣческихъ жертвоприношеній, и что они должны воспринять на себя ея гнѣвъ. Англичане охотно согласились на это и даже объявили кхондамъ, что они готовы нести отвѣтственность, если будетъ неурожай, но къ счастью въ годъ, слѣдовавшій за освобожденіемъ меріа, урожай превзошелъ всѣ ожиданія. Кхонды были очень удивлены, что богиня Тари оказалась такой уступчивой и согласилась на замѣну

человѣческихъ жертвоприношеній, сначала животными, а затѣмъ даже растеніями, и теперь эти кровавые религиозные обряды отошли въ область прошедшаго.

Сѣверовосточная часть Индіи, лежащая въ области Брахмапутры, называемая Ассамъ, представляетъ равнину, съ трехъ сторонъ окаймленную горами, и очень богатую водой, такъ какъ въ Ассамѣ протекаетъ 61 притокъ Брахмапутры. Климатъ этой мѣстности влажный, но не такой знойный, какъ въ Бенгаліи, однако его нельзя назвать здоровымъ. Почва очень

Туземные князья изъ Ориссы.

плодородная, и растительность весьма богатая. Большія пространства Ассама заняты лѣсами. Въ Ассамѣ разводятъ сахарный тростникъ, табакъ, рисъ и другія полезныя растенія, въ особенности же чай. Въ лѣсахъ много дикихъ звѣрей, тигровъ, леопардовъ, медвѣдей и другихъ хищныхъ животныхъ, а также дикихъ слоновъ. Населеніе, болѣе 4-хъ милліоновъ, состоитъ преимущественно изъ индусовъ, исповѣдующихъ браминскую религію. Въ горахъ Ассама, однако, обитаютъ племена, находящіяся еще въ дикомъ состояніи, и нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ сохранили свою независимость, сторонясь отъ

индусовъ. Такое же первобытное населеніе ютится и въ лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ Ассама, а въ областяхъ, граничащихъ съ Тибетомъ и Бирманіей, до сихъ поръ еще сохранились малоислѣдованныя мѣстности. Въ Ассамѣ нѣтъ большихъ городовъ, и населеніе его исключительно сельское; произведенія же страны отправляются для сбыта въ Калькутту.

Изъ болѣе или менѣе независимыхъ племенъ Ассама, населяющихъ горныя области, особенно интересно племя гарро, вѣроятно населявшее нѣкогда равнину, но оттѣсненное переселенцами изъ Бенгаліи, къ которымъ они до сихъ поръ питаютъ ненависть. Гарро имѣютъ почти черный цвѣтъ кожи и чертами лица напоминаютъ монголовъ. Лицо у нихъ широкое, носъ плоскій и вздернутый, и глаза слегка скошены. Большинство до сихъ поръ ходятъ почти нагими, нѣкоторые же носятъ родъ передника и покрывала, а иногда нѣчто вродѣ плаща изъ древесной коры. Англичане, несмотря на то, что гарро очень упорно боролись съ ними, отзываются о нихъ очень хорошо и въ особенности восхваляютъ ихъ правдивость и честность, чѣмъ они отличаются отъ крайне лживыхъ и вѣроломныхъ бенгальскихъ индусовъ. Очевидно гарро очень древній народъ, такъ какъ они сохранили у себя древнѣйшее устройство общества—матріархатъ. Въ ихъ семейныхъ общинахъ или кланахъ главою семьи является женщина, и поэтому эти общины называются „магари“—материнство. У гарро дѣвушка сама выбираетъ себѣ жениха, непременно изъ другой материнской общины, и сама дѣлаетъ ему предложеніе. Если же молодой человѣкъ первый рѣшится заговорить о бракѣ съ дѣвушкой, то его собственная община приговариваетъ его къ штрафу. Отцовское имущество переходитъ не къ родному сыну, а къ племяннику, сыну сестры. Прежняя власть женщинъ, однако, теперь ограничена, и онѣ уже не управляютъ болѣе общинами, какъ прежде, а выбирается старшина, мужчина, который пользуется особеннымъ довѣріемъ материнскихъ общинъ. Этотъ старшина живетъ въ большомъ домѣ—„дворцѣ“, который служитъ мѣстожительствомъ всѣхъ холостыхъ мужчинъ деревни. Гарро не ввели у себя кастоваго устройства, хотя и заимствовали у индусовъ много обрядовъ и обычаевъ. Покойниковъ они сжигаютъ, и прежде, въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ очень почитаемыхъ членовъ общины, они снаряжали воиновъ, которые отправлялись на охоту за бенгальцами и, изловивъ нѣсколькихъ человѣкъ, приводили ихъ въ свою деревню. Тамъ, у похороннаго костра, плѣнниковъ убивали и ихъ кровью обмазывали столбы.

Племя нага также сохранило свою независимость, несмотря на то, что англичане часто воевали съ нимъ. Нага населяютъ долины и плоскія возвышенности и не такъ часто мѣняютъ свое мѣстопробываніе, какъ гарро. Селенія ихъ обыкновенно представляютъ родъ крѣпостей, защищенныхъ ивами, колючею изгородью и т. п. Тропинки, ведущія къ ихъ селеніямъ, такъ узки, что по нимъ не могутъ пройти два человѣка рядомъ, а въ военное время ихъ еще кромѣ того загромождаютъ такъ, чтобы нельзя было подойти къ селенію. Нага татуируютъ себѣ лица, и въ прежнее время юноша этого племени для того, чтобы получить право на такое украшеніе, долженъ былъ срубить человѣческую голову. Этотъ кровавый трофей, который онъ подносилъ своей невѣстѣ, онъ могъ достать въ бою или даже посредствомъ хитрости, и поэтому-то нага, точно даяки Борнео, охотились за головами. Несмотря, однако, на такіе кровожадные обычаи, племя нага все таки отличается многими прекрасными душевными качествами: самоотверженіемъ, правдивостью и умѣньемъ держать данное слово. Теперь, впрочемъ, кровожадные обычаи постепенно вездѣ исчезаютъ подъ давленіемъ англичанъ. Нага очень трудолюбивы и цѣнятся какъ хорошіе работники на чайныхъ плантаціяхъ, число которыхъ въ ихъ области все возрастаетъ.

Такими же хорошими нравственными качествами отличается и многочисленное племя бодо, живущее въ Ассамѣ. Своею наружностью и цвѣтомъ лица они напоминаютъ дравидовъ южной Индіи. Путешественники, изучавшіе это племя, единогласно говорятъ, что бодо отли-

Горожанка изъ зажиточной семьи.

чаются кротостью и скромностью, трудолюбием, честностью. Женщины у этого племени пользуются уваженіемъ, и съ ними совѣтуются во всѣхъ важныхъ дѣлахъ.

Глава V.

Бомбей. — Башни молчанія. — Приютъ для животныхъ. — Подземные храмы. — Деканъ. — Горы Нильгири и обитающія въ нихъ племена. — Жители Малабарскаго берега.

Европейцы, отправляющіеся моремъ въ Индію, обыкновенно прежде всего попадаютъ въ Бомбей и тутъ впервые вступаютъ на почву этой древней культурной страны. Между Бомбеемъ и Европой, со времени открытія Суэзскаго канала, существуетъ правильное пароходное сообщеніе. Городъ построенъ на островѣ, имѣющемъ 18 километровъ въ длину и 5 въ ширину, и благодаря своей превосходной гавани занимаетъ очень важное мѣсто въ международной торговлѣ.

Мѣстоположеніе города очень красиво. Особенно живописны индусскія постройки, украшенныя рѣзбою, разноцвѣтными балконами и крышами въ формѣ изящныхъ навѣсовъ, а также безчисленныя пагоды, возвышающіяся среди группъ кокосовыхъ пальмъ. Окрестности Бомбея утопаютъ въ роскошной тропической растительности, а лѣса, растущіе по склонамъ горъ, гдѣ еще лѣтъ 50 тому назадъ бродили дикари, теперь украшены хорошенькими европейскими виллами и дачами бомбейскихъ жителей. По улицамъ Бомбея непрерывно снуютъ всевозможные экипажи и пестрая толпа, состоящая изъ представителей всѣхъ національностей на свѣтѣ. Тутъ можно видѣть величавыхъ индусовъ, негровъ, метисовъ, европейцевъ, монгольцевъ и т. д., можно встрѣтить туземцевъ, почти нагихъ, всю одежду которыхъ составляетъ только передникъ или же такихъ, у которыхъ обнажена лишь одна верхняя часть туловища до пояса, а въ красивыхъ экипажахъ проѣзжаютъ дамы въ изящныхъ европейскихъ костюмахъ — однимъ словомъ, тутъ господствуетъ полное смѣшеніе „племенъ, нарѣчій, состояній“, и въ довершеніе всего, по улицамъ на свободѣ разгуливаютъ священныя коровы, съ особеннымъ удовольствіемъ выбирающія мѣста около рынковъ, гдѣ онѣ подбираютъ овощи, валяющіеся на землѣ. Но народная жизнь въ Бомбей главнымъ образомъ сосредоточивается въ туземномъ кварталѣ, который называется „Чернымъ городомъ“ (Black Town). Этотъ кварталъ напоминаетъ всѣ восточные города: онъ живописенъ, грязенъ и всегда служитъ центромъ всякихъ эпидемій, тогда какъ европейскій Бомбей, благодаря своему превосходному санитарному устройству, можетъ считаться однимъ изъ самыхъ здоровыхъ городовъ Индіи.

Населеніе Бомбея очень смѣшанное, самый любопытный элементъ составляютъ огнепоклонники парсы, которые во всѣхъ отношеніяхъ занимаютъ выдающееся мѣсто въ городѣ по своему вліянію, уму и богатству. На морскомъ берегу Бомбея, при восходѣ и закатѣ солнца, всегда можно видѣть благочестивыхъ парсовъ, славословящихъ дневное свѣтило, стоя на колѣняхъ на разостланномъ маленькомъ коврикѣ, а въ окрестностяхъ Бомбея, на утесахъ Малабарскаго холма, откуда открывается чудный видъ на бомбейскую гавань, возвышаются, среди прелестнаго сада пальмъ и другихъ высокихъ деревьевъ, бѣлыя „башни молчанія“ — кладбища парсовъ. Парсы считаютъ, что зарываніе трупа въ землю или сожженіе его оскверняетъ священную стихію, и поэтому они предоставляютъ свои трупы въ добычу хищнымъ птицамъ, которыя цѣлыми стаями ютятся на деревьяхъ, окружающихъ башни молчанія. Внутри такая башня, открытая сверху, представляетъ родъ амфитеатра, состоящаго изъ трехъ, возвышающихся одинъ надъ другимъ помостовъ, раздѣленныхъ перегородками на гробообразныя углубленія. Въ эти углубленія кладутся трупы. Самый нижній помостъ пред-

назначается для дѣтей, средней для женщинъ, а верхней для мужчинъ. Трупъ вносится особыми носильщиками въ желѣзномъ гробѣ внутрь башни, затѣмъ его кладутъ на предназначенное для него мѣсто, и всѣ удаляются. Впрочемъ ни родные, ни жрецы не входятъ въ башню молчанія, такъ какъ всякое соприкосновеніе съ мертвымъ тѣломъ считается оскверненіемъ. Въ башню входятъ только носильщики и, положивъ трупъ на мѣсто, запираютъ желѣзную дверцу. Послѣ этого наступаетъ уже дѣло коршуновъ, посвященныхъ Ормузду, которые стаяй устремляются въ башню и чрезвычайно быстро расправляются съ трупами. Говорятъ, что уже черезъ нѣсколько минутъ ничего не остается отъ трупа, кромѣ костей, которыя, черезъ двѣ — три недѣли, послѣ того какъ тропическое солнце такъ ихъ высушить, что они становятся хрупкими и рассыпаются въ порошокъ отъ одного прикосновенія, сваливаются въ колодезь, въ центрѣ башни. По рассказамъ коршуны, живущіе въ саду кладбища, были привезены изъ Персіи нарочно для этой цѣли, такъ какъ индійская порода коршуновъ оказалась не въ состояніи такъ быстро уничтожать трупы, какъ это предписываетъ религія парсовъ.

Одною изъ интересныхъ достопримѣчательностей Бомбея является убѣжище для животныхъ, основанное на деньги, пожертвованныя богатыми парсами и индусами, главнымъ образомъ джайнами, послѣдователями одной буддѣйской секты, и поддерживаемое добровольными налогами на разные товары, которые индусы уплачиваютъ всегда очень охотно. Это убѣжище занимаетъ очень большое пространство въ самомъ центрѣ города, и въ самомъ дѣлѣ можетъ быть названо Ковчегомъ Ноя. Оно раздѣлено на множество дворовъ и дворишковъ, лужаекъ и садовъ, съ прудами, загородами и клѣтками для опасныхъ животныхъ. Приютъ устроенъ специально для того, чтобы служить убѣжищемъ для больныхъ или престарѣлыхъ животныхъ, но индусы, которымъ религія воспрещаетъ убивать животныхъ, часто покупаютъ у мясниковъ тѣхъ, которыя предназначены на убой, и отсылаютъ ихъ въ убѣжище, для того, чтобы они могли пользоваться жизнью.

Въ убѣжищѣ находятся до 2,000 штукъ разнаго рогатаго скота, 125 лошадей, 500 овецъ и свиней и безчисленное множество кошекъ, собакъ и птицъ всякаго рода, обезьянъ и даже крысъ. Всѣхъ ихъ кормятъ и за ними ухаживаютъ, и этимъ животнымъ лучше живется, чѣмъ многимъ десяткамъ и сотнямъ тысячъ индусовъ, особенно въ періоды засухъ и голодовокъ, ежегодно посѣщающихъ Индію и вызывающихъ страшную смертность среди ея населенія.

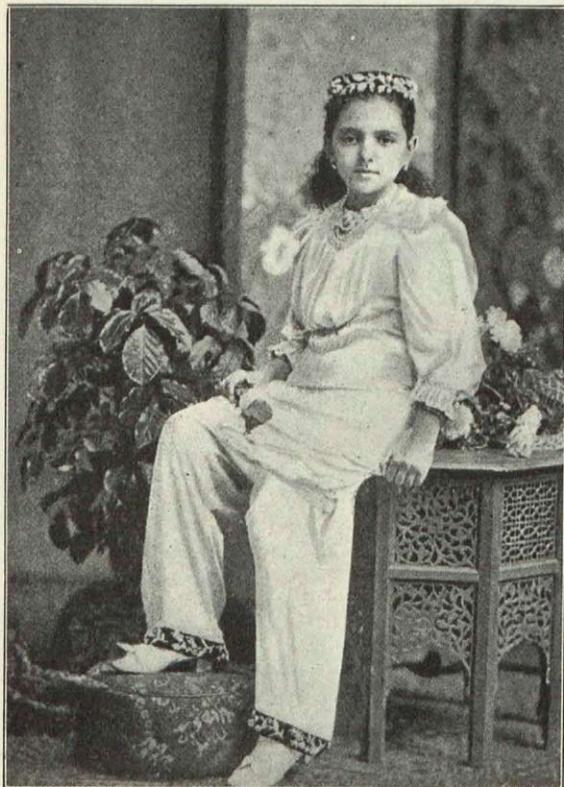
Въ окрестностяхъ Бомбея вниманіе путешественниковъ особенно привлекаютъ священные гроты на островѣ Элефантина, иначе называемомъ „островѣ боговъ“. Внутри холма на этомъ островѣ находятся четыре подземныхъ храма съ чудовищными изваяніями, довольно

Женщина изъ престоноародья (Мадрасъ).

таки отталкивающего и безобразнаго вида. Островокъ покрытъ роскошною тропическою растительностью и вмѣстѣ со своими священными гротами, окруженными причудливою зеленью кустовъ и разныхъ вьющихся растений, производитъ чарующее впечатлѣніе на каждаго посѣтителя. Въ окрестностяхъ Бомбея находится много такихъ подземныхъ храмовъ. Особенною извѣстностью пользуются буддійскіе пещерные храмы Карли, болѣе древніе и большей величины, нежели браминскіе гроты Элефантины.

Къ югу отъ всѣхъ этихъ описанныхъ странъ возвышается, въ видѣ треугольника, плоскогорье Деканъ, лежащее между рѣками Нарбаддой и Кистной и ограниченное горами, восточными и западными Гатами, представляющими два горныхъ хребта, идущихъ вдоль восточнаго и западнаго берега Индостана. Населеніе Декана, около 60 милліоновъ, принадлежитъ большею частью къ дравидскому племени, и такъ какъ на плоскости Деканскаго

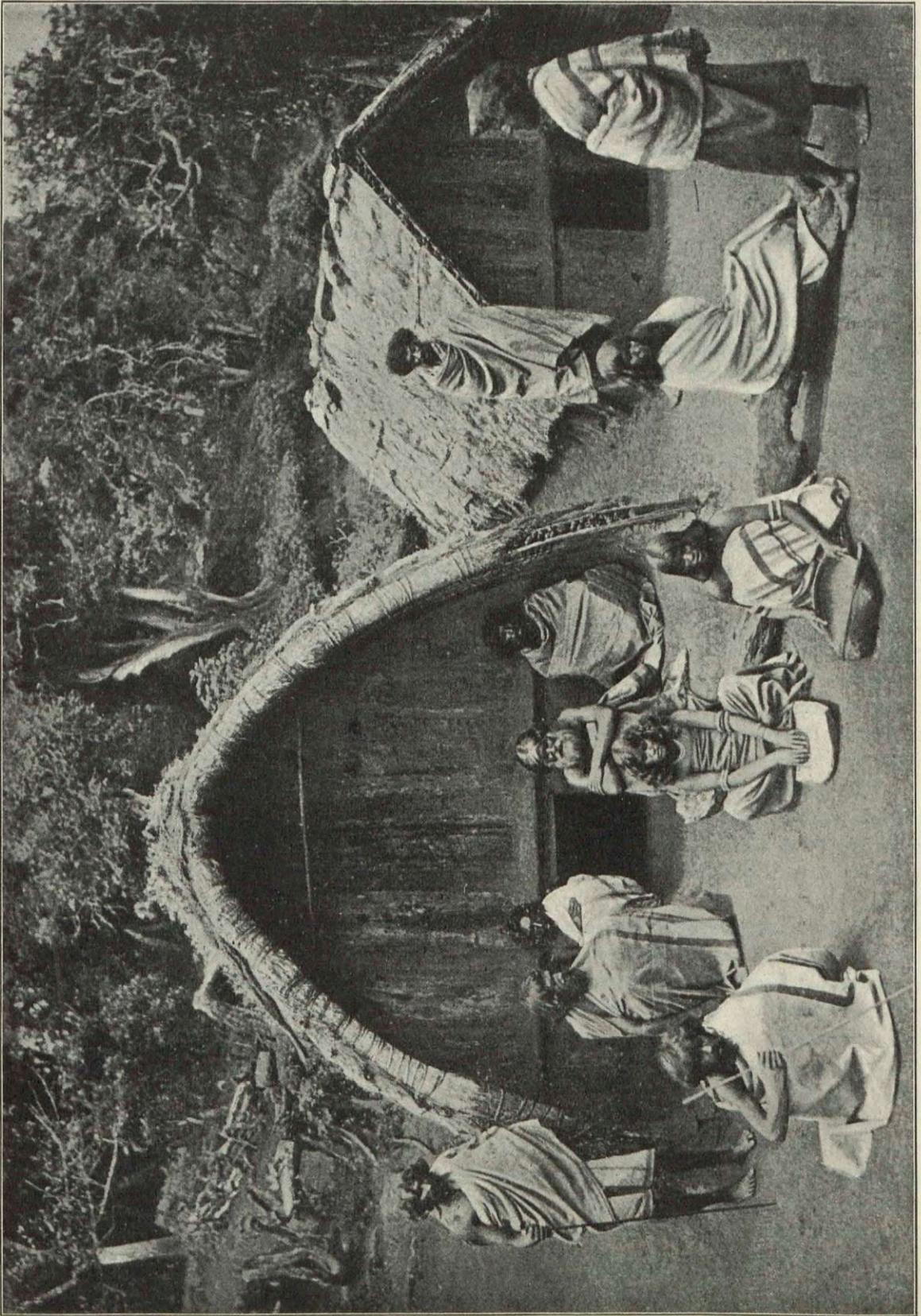
Дѣвушка изъ семьи богатыхъ парсовъ.

плоскогорья нѣтъ обширныхъ лѣсовъ, болотъ и горныхъ массивовъ, то дикимъ племенамъ негдѣ было укрыться; поэтому населеніе Декана нѣсколько культурнѣе, особенно въ прибрежной полосѣ. Притомъ же именно въ этой области Индіи англичане оставили туземнымъ властителямъ наибольшее число владѣній, но позаботились все-таки раздѣлить ихъ и занять всѣ важные пункты, а также совершенно отдѣлать ихъ отъ моря. Окруженныя со всѣхъ сторонъ англійскими владѣніями, туземныя вассальныя государства не могутъ быть опасны англичанамъ. Единственное арійское племя, обитающее на плоскогорьяхъ южной Индіи, это Мараты, отличающіеся очень свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и имѣющіе орлиный носъ и порою даже сѣрые глаза.

Оконечность полуострова, южная Индія, именно и представляетъ ту легендарную страну, съ именемъ которой въ прежнія времена связывалось понятіе обо всемъ, что есть на свѣтѣ самаго прекраснаго и богатаго. Эту чудную страну открыли для торговли съ Европой португальцы, а ранѣе ихъ арабы, и оттуда иностранные купцы вы-

возили цѣнные товары. Въ этой волшебной странѣ встрѣчаются самые живописные и грандіозные виды природы, и тамъ еще сохранились въ неприкосновенности многіе типы, расы и обычаи Индіи древнихъ временъ.

Большинство иностранныхъ колоній впервые были основаны именно въ этой части Индіи, куда заходили мореплаватели, рассказы которыхъ о чудной странѣ и ея изумительныхъ богатствахъ привлекали въ южную Индію искателей счастья и приключеній, основывавшихъ тамъ поселенія. Португальцы, французы и англичане долго оспаривали другъ у друга владѣніе этою страной, но англичане одолѣли и съ конца 18-го вѣка остались безспорными владѣтелями южной Индіи. Первая англійская колонія была основана на Коромандельскомъ берегу, тамъ, гдѣ теперь лежитъ Мадрасъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ торговыхъ городовъ Индіи съ 452, 518 населеніемъ, состоящимъ преимущественно изъ инду-совъ (358, 993). Желѣзныя дороги соединяютъ Мадрасъ съ разными городами Индіи. Въ

Хижины тодговъ.

окрестностях Мадраса находятся замѣчательные священные гроты Магалипуръ. Они расположены на берегу моря въ скалахъ, возвышающихся на подобіе острова среди песчаныхъ равнинъ, а посреди моря, на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, возвышается пагода въ видѣ пирамиды, окруженная подводными камнями. По преданію туземцевъ это развалины потонувшаго города.

Южнѣе Мадраса, на этомъ же берегу, лежитъ многолюдный французскій городъ Пондишери, остатокъ прежнихъ колоссальныхъ владѣній Франціи въ Индостанѣ.

Западный хребетъ Гатовъ заканчивается Голубыми горами—Нильгири, обладающими очень пріятнымъ здоровымъ климатомъ и богатою, разнообразною растительностью; между прочимъ тутъ очень хорошо произрастаютъ растенія умѣренного пояса. Въ горахъ много кофейныхъ и чайныхъ плантацій и климатическихъ станцій, устроенныхъ англичанами.

Населеніе этой области состоитъ изъ дравидскихъ племенъ, изъ которыхъ особенное вниманіе обращаютъ на себя племена тоддовъ и курумбовъ, почти не тронутыхъ культурой. Тодды небольшое, пастушеское племя, не болѣе нѣсколькихъ сотъ душъ, рослое и статное, кроткаго, привѣтливаго и миролюбиваго нрава, но не отличающееся трудолюбіемъ. Осанка у нихъ очень гордая, величественная, и они умѣютъ живописно драпироваться въ свои плащи, точно древніе римляне въ свои тоги. Этотъ первобытный народъ не занимается ни охотой, ни земледѣліемъ. У нихъ нѣтъ другого оружія, кромѣ топора, который они употребляютъ для рубки деревьевъ. Земля и естественныя произведенія принадлежатъ, по ихъ понятіямъ, всѣмъ одинаково, но хижины и скотъ составляютъ отдѣльную собственность. Все занятіе тоддовъ заключается въ уходѣ за скотомъ, и молоко составляетъ главную ихъ пищу. Главное божество, которому они поклоняются, олицетворяется колоколомъ, подвѣшиваемымъ на шею лучшей буйволицѣ въ стадѣ, и называется „Гирья-дево“. Но и эта буйволица также является предметомъ поклоненія тоддовъ. Женщины не имѣютъ права доить буйволицъ—это предоставляется жрецамъ, которые приносятъ обѣтъ цѣломудрія и живутъ отдѣльно отъ всѣхъ и только одни имѣютъ право собирать молоко и дѣлать изъ него масло. Впереди стада всегда идетъ священная буйволица, побрякивая колокольчикомъ, и главный жрецъ выйдя къ ней на встрѣчу, низко кланяется этому чтимому животному и благословляетъ стадо своимъ посохомъ.

Одежду тоддовъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, составляетъ родъ тоги изъ бумажной матеріи, которая прикрываетъ лѣвую руку и туловище, доходя до колѣнъ. У тоддовъ существуетъ полиандрія (многомужество); дѣвушка является женою всѣхъ братьевъ своего мужа, а дѣти приписываются поочереди каждому изъ братьевъ, начиная со старшаго брата. Когда умираетъ тоддъ, то убиваютъ одну или двухъ буйволицъ, которыя должны сопровождать его на тотъ свѣтъ. Прежде умерщвленіе буйволовъ на могилахъ умершихъ тоддовъ производилось въ такихъ размѣрахъ, что англійское правительство должно было вмѣшаться и воспретить истребленіе животныхъ въ такомъ огромномъ количествѣ. Точно также англичане пытаются искоренить у тоддовъ обычай умерщвлять дѣвочекъ, рождающихся свыше положеннаго числа, но по всей вѣроятности обычай этотъ всетаки втайнѣ практикуется, такъ какъ число мужчинъ превышаетъ по крайней мѣрѣ на цѣлую четверть число женщинъ племени.

Одна изъ скалъ въ Голубыхъ горахъ, почти отвѣсно возвышающаяся надъ равниной, считается тоддами мѣстомъ, гдѣ собираются души умершихъ, чтобы переселиться оттуда на облачные острова, плавающие въ небесной лазури. Тамъ, на этомъ утесѣ, живетъ отшельникъ, котораго они называютъ „стражемъ дверей на небо“.

Другіе обитатели Голубыхъ горъ, курумбы, составляютъ полнѣйшую противоположность рослымъ и статнымъ тоддамъ. Маленькаго роста, хилые, съ отвислымъ животомъ и наливыми кровью глазами, они имѣютъ безобразный, отталкивающій видъ. Они считаются колдунами, и имъ приписывается таинственная власть надъ духами; поэтому сосѣднія племена

всегда обращаются къ нимъ, когда хотятъ прибѣгнуть къ заклинаніямъ для предотвращенія какой-нибудь бѣды. Нѣкоторыя изъ племенъ курумбовъ обитаютъ въ самыхъ непроходимыхъ, глухихъ лѣсныхъ чашахъ и ведутъ настоящую жизнь дикарей; другіе же болѣе цивилизованные, занимаются ремесломъ дровосѣковъ или же нанимаются рабочими на различныя плантаціи.

Кромѣ этихъ племенъ горы Нильгири населяютъ еще много дикихъ или полудикихъ народовъ, живущихъ въ шалахахъ изъ древесныхъ вѣтвей и питающихся чѣмъ попало. Но господствующее населеніе на Малабарскомъ берегу составляютъ наиры, тоже дравидское племя, исповѣдующее индуизмъ и свято сохраняющее многіе древніе обычаи. Такъ, напр., у нихъ сохранилась еще древнѣйшая форма материнства (главенства женщинъ). Наслѣдство всегда переходитъ по женской линіи, и дѣти не знаютъ своихъ отцовъ; мужчины же признаютъ своими наслѣдниками дѣтей сестры. Бракъ совершается по браминскому обряду, но только для формы. Мужъ надѣваетъ женѣ на шею символической шнурокъ „тали“, и послѣ этого она получаетъ полную свободу. Мужъ удаляется, а жена остается въ домѣ родителей, а послѣ ихъ смерти въ домѣ своихъ братьевъ.

Въ каждой семьѣ власть сосредоточивается въ рукахъ матери и старшей дочери, а отцовъ, хотя и принимаютъ въ семью, но они не имѣютъ никакихъ правъ. Наиры, въ особенности женщины, прекрасно сложены, красивы и умны, но цвѣтъ кожи у нихъ очень темный.

Глава V.

Цейлонъ. — Его природа. — Первобытныя племена. — Сингалезы, тамилы и ведды. — Положеніе англичанъ въ Индіи и ихъ вліяніе.

Прекрасный большой островъ, величаемый жемчужиной Индійскаго океана, Цейлонъ, имѣетъ грушевидную форму и составляетъ продолженіе полуострова Индостана, отъ котораго онъ отдѣленъ проливомъ. Роскошная тропическая растительность, здоровый климатъ въ горахъ острова, развалины древнихъ городовъ, скрытыя дѣвственными лѣсами, и существованіе первобытныхъ племенъ, сохранившихъ всю свою неприкосновенность, несмотря на сосѣдство культурныхъ народовъ, — все это издавна привлекало на Цейлонъ европейцевъ, путешественниковъ и ученыхъ. Въ настоящее время суда, отправляющіяся на Дальній Востокъ, въ Индію, въ Австралію, заходятъ на Цейлонъ, такъ что онъ служитъ какъ бы центральной станціей для нихъ.

Сѣверная часть острова представляетъ равнины, покрытыя обширными тропическими лѣсами, южная же — это страна горъ и долинъ. Въ горномъ хребтѣ, занимающемъ центральную часть южной области, находится священная гора Адамовъ Пикъ, имѣющая 2,262 метра высоты, на вершинѣ которой находится небольшая впадина, которую индусы считаютъ за отпечатокъ ноги Будды, а христіане и магометане принимаютъ за слѣдъ праотца Адама, который послѣ изгнанія изъ рая будто бы поднялся на эту гору и съ вершины ея смотрѣлъ на рай и оплакивалъ утерянное блаженство. Вершину эту посѣщаетъ много богомольцевъ. Островъ соединяется съ материкомъ Индіи отмелями, и тамъ, гдѣ, по преданію индусовъ, возвышался мостъ, по которому индійскій герой Рама перешелъ на островъ, теперь находится проливъ, теченіе въ которомъ постоянно мѣняется, въ зависимости отъ господствующихъ вѣтровъ.

Цейлонъ представляетъ страну буддизма. Въ то время какъ индусы на полуостровѣ постепенно отрекались отъ буддійской религіи, нѣкогда господствовавшей въ Индіи, жи-

тели Цейлона оставались вѣрны тому культу, который насажденъ былъ великими проповѣдниками 2200 лѣтъ тому назадъ. И теперь еще буддійская религія господствующая на Цейлонѣ. По переписи 1901 года на Цейлонѣ числится 3.576,000 жителей, изъ нихъ буддистовъ 1.877,043 ч. Развалины буддійскихъ городовъ, теперь заросшія дѣвственными лѣсами, являются безмолвными свидѣтелями процвѣтанія буддизма въ отдаленномъ прошломъ. Чудныя архитектурныя постройки, развалины монастырей и храмовъ въ чащѣ лѣсовъ обратили на себя вниманіе европейцевъ, и ученые археологи устремились въ непроходимые джунгли острова. Очевидно, что тутъ было прежде очень густое населеніе, такъ какъ внутри острова то и дѣло встрѣчаютъ каналы и полуразрушенные резервуары для воды, около которыхъ находились прежде плантаціи и поселенія.

Растительное царство на Цейлонѣ очень богато. Многіе цейлонскіе лѣса напоминаютъ лѣса Явы и другихъ малайскихъ острововъ. Европейскія фруктовыя деревья, хотя и принялись хорошо, но растутъ съ чрезмѣрною силой и поэтому не приносятъ ни цвѣтовъ, ни плодовъ. Ураганы на Цейлонѣ случаются очень рѣдко, и вообще климатъ тамъ болѣе ровный, и царствуетъ вѣчная весна. Въ лѣсахъ водятся дикіе слоны и это привлекаетъ на Цейлонъ охотниковъ, но нѣтъ тигровъ и волковъ, а леопарды почти истреблены. Бичомъ цейлонскихъ лѣсовъ является крошечная пѣявка; въ прежнія времена, во время экспедицій во внутренность острова, многіе англійскіе солдаты становились жертвами этихъ ничтожныхъ на видъ враговъ. Лѣса изобилуютъ также летучими мышами, которыя висятъ на вѣтвяхъ тропическихъ деревьевъ, точно какіе-нибудь гигантскіе фрукты. Изъ минеральныхъ богатствъ на Цейлонѣ есть золото, серебро, желѣзо, свинецъ и каменный уголь, а также драгоценныя камни, рубины, сапфиры и особенно много гранатовъ. Въ проливѣ, отдѣляющемъ Цейлонъ отъ материка, добывается жемчугъ. У береговъ водится много рыбы. Особенно любопытна одна порода, такъ какъ эти рыбы, благодаря особому устройству жаберныхъ крышекъ, могутъ выбираться изъ воды, удаляться на нѣкоторое разстояніе отъ берега и даже всползаютъ на деревья. Рыбаки могутъ сохранять ихъ живыми безъ воды въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Остатки первобытныхъ племенъ, населявшихъ нѣкогда островъ до прибытія завоевателей, сохранились еще въ дѣбряхъ цейлонскихъ лѣсовъ. Это—ведды, дикари въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова, которыхъ въ теченіе долгаго времени считали переходною расой отъ человѣка къ обезьянѣ. Ведды съ давнихъ поръ привлекали къ себѣ вниманіе путешественниковъ и ученыхъ, тѣмъ болѣе, что среди мѣстныхъ жителей распространяются о нихъ самые разнообразныя рассказы.

Ведды небольшого роста, но крѣпкаго, мускулистаго сложенія. Цвѣтъ кожи у нихъ темный, волосы длинные, черные, слегка волнистые, свободно падаютъ на плечи, что придаетъ имъ косматый видъ. Но въ ихъ наружности нѣтъ ничего безобразнаго и обезьяньяго—они похожи на сингалезовъ, только цвѣтъ кожи у нихъ темнѣе. Численность веддовъ опредѣляется приблизительно въ 2,000 человѣкъ.

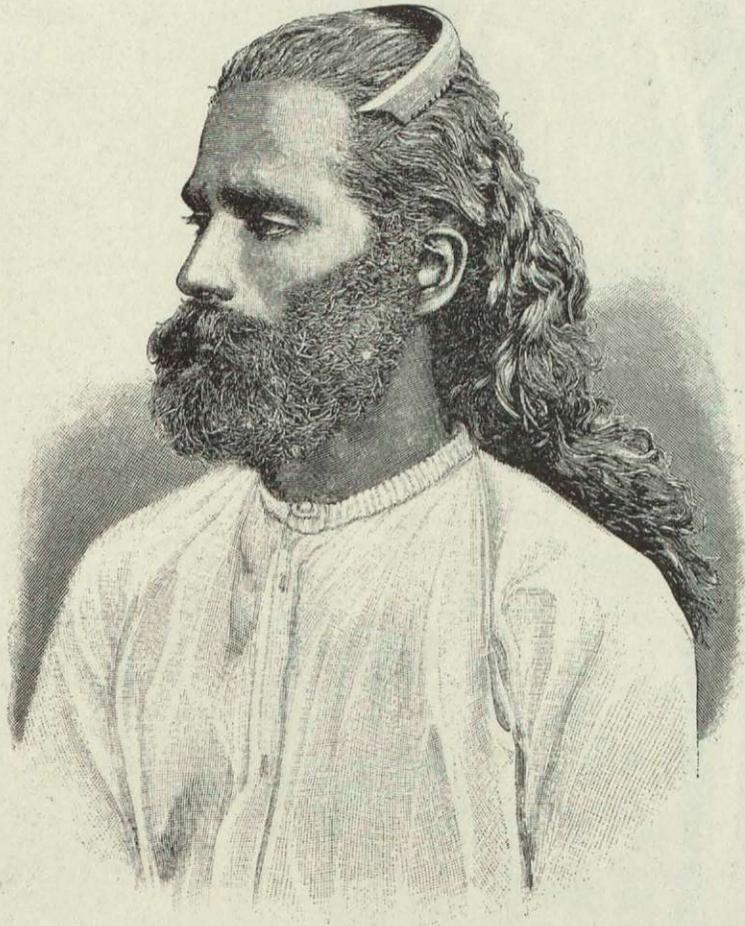
Робость и страхъ, который внушаютъ веддамъ ихъ болѣе цивилизованные сосѣди, очень давняго происхожденія, и эти чувства до нѣкоторой степени взаимны, такъ какъ цивилизованные тамилы и сингалезы, населяющіе Цейлонъ, относятся къ веддамъ съ боязливымъ отвращеніемъ и гордымъ презрѣніемъ, какъ къ существамъ низшей породы. Между тѣмъ ведды, вдали отъ всякаго человѣческаго жилья, въ глуши лѣсовъ и болотъ, ведутъ беззаботное существованіе. Веддъ вполне счастливъ, если у него есть вдоволь дичи и меда, что составляетъ его главную пищу. Ни о какихъ другихъ благахъ сего міра онъ не имѣетъ понятія и не стремится къ нимъ. Онъ утоляетъ свою жажду изъ того же источника, изъ котораго пьютъ слоны, и не изнуряетъ себя никакой работой. У него нѣтъ даже глиняной посуды, и онъ рукою черпаетъ воду, и листья замѣняютъ ему блюдо, на которое онъ кладетъ свою пищу. Ведды не строятъ себѣ жилищъ и, подобно перво-

Ведды-охотники.

бытнымъ людямъ каменнаго вѣка, живутъ въ пещерахъ или подъ густыми деревьями, складывая кругомъ своего убѣжища сухіе листья, для того чтобы по ихъ шуршанію узнать о приближеніи кого нибудь. Иногда впрочемъ они устраиваютъ шалаши изъ вѣтвей, куда и укрываются отъ палящихъ лучей солнца и отъ дождя.

Ведды избѣгаютъ сношеній съ другими племенами; когда имъ нужно бываетъ что нибудь добыть отъ нихъ, они прибѣгаютъ къ нѣмой мѣновой торговлѣ, которая производится слѣдующимъ образомъ: ночью ведды пробираются тайкомъ въ сосѣднюю деревню и, если имъ нужно напр. приобрести топоръ или наконечникъ для стрѣлы изъ желѣза, то

Сингалезъ

они вѣшаютъ на дверь хижины кузнеца кусокъ вяленнаго мяса и медъ и рядомъ модель топора или клинка, сдѣланную изъ глины, указывающую размѣры требуемаго предмета. По этой модели кузнецъ изготовляетъ вещь и также вѣшаетъ ее на дверь своей хижины; ночью ведды приходятъ и берутъ ее. Такой способъ безмолвной мѣновой торговли вѣроятно и послужилъ поводомъ къ легендѣ о томъ, что цейлонскіе жители ведутъ мѣновую торговлю со змѣями и демонами, обитающими въ лѣсу.

Настоящіе ведды, не тронутые цивилизаціей, нигдѣ не живутъ селеніями, и въ теченіе большей части года семьи веддовъ бываютъ совершенно изолированы, занимаясь охотой въ извѣстномъ участкѣ лѣса. Весь лѣсъ, въ которомъ обитаютъ ведды, бываетъ покрытъ сѣтью такихъ охотничьихъ участковъ, и

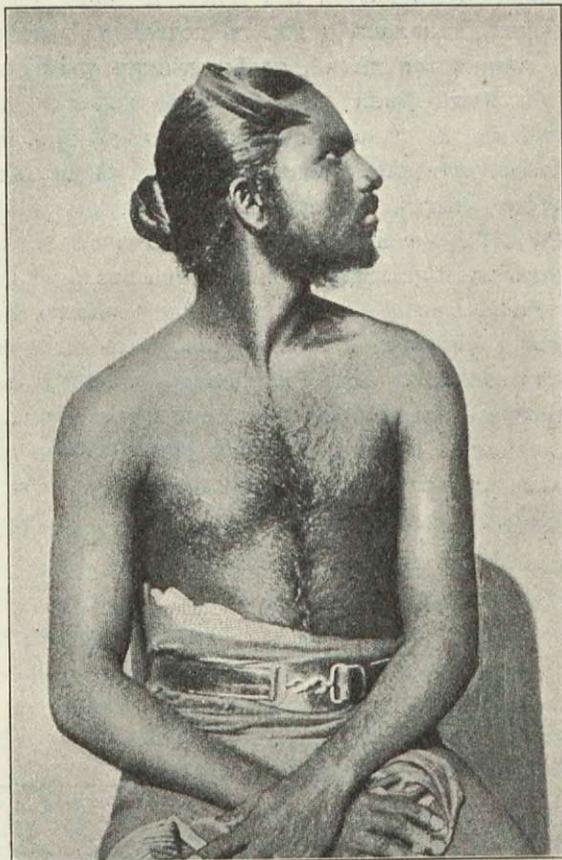
никогда ни одна семья не переступитъ границы своего участка и не начнетъ охотиться въ чужихъ. Только во время зимняго періода дождей, въ теченіе октября, ноября и декабря между отдѣльными семьями веддовъ возникаютъ болѣе тѣсныя сношенія. Низменные охотничьи участки тогда бываютъ залиты водой, и ведды должны искать убѣжища на безчисленныхъ утесистыхъ холмахъ, которыхъ много въ лѣсной чащѣ. Пещеры въ утесахъ служатъ имъ пріютомъ, куда они укрываются отъ бури и дождя. Въ болѣе обширныхъ пещерахъ живутъ даже по нѣсколько семействъ. Въ такихъ случаяхъ каждая семья отдѣляетъ свое помѣщеніе перегородкой изъ вѣтвей. Въ этотъ періодъ совмѣстной жизни ведды заключаютъ браки, причемъ веддъ ограничивается всегда только одною женой.

Повидимому у нихъ нѣтъ опредѣленной религіи, но они боятся злыхъ духовъ, а по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ они поклоняются какимъ-то божествамъ. Религіозныя церемоніи заключаются у нихъ въ пляскахъ; они толкутся на одномъ мѣстѣ, постепенно ускоряя темпъ, кружась и тряся головою и поднимая то одну, то другую ногу. По рассказамъ ведды никогда не моются, боясь, что вода лишитъ ихъ силы. Говорятъ, будто они не различаютъ цвѣтовъ, не умѣютъ считать и не имѣютъ понятія о времени, а также никогда не смѣются. Нѣкоторые ученые смотрятъ, однако, на веддовъ не какъ на первобытное племя, а какъ на одичавшихъ потомковъ нѣкогда цивилизованнаго народа.

Послѣ веддовъ, наиболѣе древнее население острова представляютъ сингалезы, принадлежащіе къ арійскому племени. Ихъ считаютъ выходцами изъ сѣверной Индіи, гдѣ этотъ народъ, отдѣленный отъ единоплеменниковъ, сохранялъ въ неприкосновенности вѣру и свой языкъ. Несмотря на такое славное прошлое теперешніе сингалезы совсѣмъ не имѣютъ мужественнаго вида. Они небольшого роста, мужчины у нихъ отличаются женственною наружностью такъ что молодого сингалеза, если только онъ носитъ національный костюмъ, очень легко, по словамъ одного путешественника, принять за женщину. Свои длинные, черные волосы они зачесываютъ назадъ въ видѣ шиньона и придерживаютъ черепаховою гребенкой. Костюмъ ихъ состоитъ изъ коротенькой бѣлой кофты и завернутаго вокругъ бедеръ платка, вродѣ малороссійской плахты. Нравъ у сингалезовъ очень кроткій; они привѣтливы и гостепримны, но, какъ увѣряютъ, не отличаются храбростью, и сингалезскихъ солдатъ только съ трудомъ удалось приучить къ тому, чтобы они стрѣляли, не отворачиваясь.

Сингалезы живутъ въ деревняхъ. Хижины ихъ—глинобитные сараи, безъ всякаго убранства внутри; иногда же они устраиваютъ свои хижины на деревьяхъ. Сингалезы исповѣдуютъ буддійскую религію, умершихъ они не сжигаютъ, а погребаютъ.

Племя тамилевъ, завоевателей, явившихся на Цейлонъ съ материка Индіи, сосредоточено преимущественно въ восточной части острова. Сингалезы обыкновенно отдаляются отъ нихъ, смотря на нихъ какъ на пришельцевъ, отнявшихъ у нихъ землю, поэтому браки между сингалезами и тамилами составляютъ крайне рѣдкое явленіе. Тамилы—дравидское племя и наружностью сильно отличаются отъ сингалезовъ; цвѣтъ кожи ихъ темно-коричневый, иногда почти черный, какъ у негровъ, они очень хорошо сложены и красивы, но менѣе способны, нежели сингалезы. Часть тамилевъ исповѣдуетъ исламъ, другая буддизмъ, но большинство ихъ все таки браманисты.

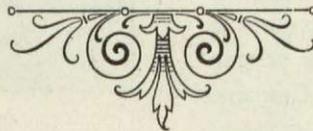

Тамиль съ острова Цейлона.

Англія, подчинивъ Индію и Цейлонъ своему господству, произвела всюду большія перемѣны къ лучшему. Уничтоживъ варварскіе и кровавые обычаи, покрывъ страну сѣтью желѣзныхъ дорогъ и распространяя цивилизацію и культуру среди ея населенія, англичане много сдѣлали для Индіи и ея многочисленнаго и разнообразнаго населенія. Но подъ ихъ вліяніемъ исчезаетъ древняя цивилизація, и многія изъ прежнихъ промысловъ и искусствъ, приводившихъ въ изумленіе и восторгъ европейцевъ, совершенно исчезли или значительно сократились. Фабричное производство смѣнило постепенно ручной трудъ ремесленниковъ, поражавшихъ тонкостью и изяществомъ своей работы. Въ Кашмирѣ, напр., продолжаютъ выдѣлывать шали, но число искусныхъ мастеровъ постепенно уменьшается, и исчезаетъ оригинальность работы, такъ какъ начинается подражаніе европейскимъ образцамъ. Съ другой стороны торговля внутренняя и внѣшняя быстро возрастаетъ, голодъ и эпидеміи случаются все рѣже, и народонаселеніе Индіи увеличивается. Число желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и дорогъ постоянно растетъ. Англичане заботятся о просвѣщеніи страны, и количество дѣтей, посѣщающихъ учебныя заведенія, также возрастаетъ.

Индія мало по малу превращается въ цивилизованную страну. Главнымъ препятствіемъ къ образованію единой индусской націи служитъ разнообразіе племенъ и нарѣчій на полуостровѣ. Люди, говорящіе на разныхъ языкахъ, исповѣдующіе разныя религіи, не легко могутъ сговориться. Численность англійскихъ войскъ въ странѣ не превышаетъ 250,000, а между тѣмъ они держатъ въ повиновеніи населеніе, численностью превышающее четверть миллиарда. Однако, все разнородное населеніе Индіи остается имъ такъ же чуждо теперь, какъ было сто лѣтъ тому назадъ. Разобщенность племенъ, ужасающее невѣжество массъ, соединенное съ господствомъ тысячи вредныхъ суевѣрій и кастовое устройство, мѣшающее взаимнымъ сношеніямъ между туземцами, составляетъ слабость Индіи, и, пока не рухнутъ эти перегородки, самосознаніе индійскихъ народностей не проснется. Владычеству англичанъ можетъ угрожать развѣ только наступленіе какого-нибудь внѣшняго врага, желающаго оспаривать у нихъ владѣніе этою страной, не приносящей Англій никакихъ особенныхъ выгодъ, но нужной ей для сохраненія ея политическаго положенія.

Э. Пименова.

НАРОДЫ ИРАНА.

Глава I.

Прошлое Ирана, его природа и населяющие его народы.

Когда двѣ тысячи съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ Александръ Великій во главѣ небольшого войска выступилъ въ походъ, чтобы овладѣть царствомъ Ахеменидовъ, онъ не зналъ, что дружина его достигнетъ Инда и перешагнетъ эту рѣку; онъ не зналъ, что въ рядѣ походовъ онъ исколеситъ почти все пространство, которое долгое время носило названіе Передней Азіи, въ противоположность далекой и сказочной Азіи, которая тонула въ лазурно-розовыхъ лучахъ восточной фантазіи, населенная чудовищами, погруженная въ несмѣтныя сокровища. Малая Азія до Кавказа, Сирія, Палестина, Аравія, Месопотамія, наконецъ, Иранъ — вотъ страны, которыя входили въ составъ пространства, которое въ древности называли Азіей *). Это былъ тотъ Востокъ, яркая природа и разнообразное, пестрое населеніе котораго окружали колыбель общечеловѣческой культуры и цивилизациі. Съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Пустыня распростерлась надъ равнинами, которыя когда-то по всѣмъ направленіямъ пересѣкали оросительные каналы, замыкавшіе въ своей рѣшетчатой сѣти плантаціи и поля. Холмы, увѣнчанные городами, башни, дворцы и колоссальныя стѣны превратились въ засыпанные мусоромъ бугры, мерзость запустѣнія грязнаго, недовольнаго, но гордаго собою полуварварства, какъ долгая ночь, накрыла нѣкогда цвѣтуція страны. Нѣсколько разъ пробуждалась земля — дуновеніе вспыхивавшей жизни озаряло на короткое время омертвѣлыя пространства, играло пестрыми арабесками на стѣнахъ мечетей, ворошило уснувшую мысль и создавало фантомъ пробужденія подъ кривымъ мечемъ арабскаго завоевателя и зеленой мантией фанатизма, но, какъ бы уставъ отъ пароксизмовъ энергіи, безъ вѣры въ себя и въ будущее, лѣниво опускалось на ложе дремоты у полустертой временемъ гвоздеобразной надписи на вершинѣ красной скалы,

*) Отъ ассирійскаго „Асу“ — восходъ солнца.

подъ стражей молчаливо улыбающагося крылатаго быка, которому время и неподвижность обломили крылья. Войны, мятежи, смѣны династій со скучнымъ однообразіемъ повторялись въ рамкахъ того же неподвижнаго, крѣпко скованнаго суевѣріемъ общественнаго строя, и задыхавшееся подъ гнетомъ произвола и собственнаго убожества населеніе не находило въ себѣ силъ, чтобы выйти на новый путь. Бичи человечества—чума, холера, проказа и азіатская политика высасыванія послѣднихъ соковъ изъ подданныхъ позволяли населенію увеличиваться лишь очень медленно, потребности его не выходили изъ узкихъ рамокъ необходимаго, а служащая практическимъ требованіямъ жизни мысль никогда не текла здѣсь непрерывно расширяющимся потокомъ науки и искусства. Несмотря на то, что почти вся Передняя Азія населена высоко-одареннымъ арійскимъ и семитскимъ племенемъ, культура ея легко ломалась подъ напоромъ тюркскихъ завоевателей-кочевниковъ, трудъ не завоевывалъ запущенныя земли, торговля не получала широкаго размаха, а умственное оцѣпенѣніе не знало кипящаго увлеченія новыми идеалами, и если слабая работа мысли просачивалась временами на поверхность, то въ большинствѣ случаевъ импульсы приходили извнѣ—съ запада. Беспредѣльные степныя пространства Средней Азіи, раскинутыя въ сосѣдствѣ Ирана, плодили кочевниковъ, которые не могли перейти къ земледѣлю, которымъ становилось тамъ тѣсно, и орды ихъ, какъ молодые рои пчелъ, уходили на западъ. Широкой перешеекъ между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ открывалъ имъ дорогу въ страны съ осѣдлымъ населеніемъ, съ прочной культурой, и страны эти—Персія, Месопотамія, Сирія и Малая-Азія привлекали ихъ жадность, восхищали наивное воображеніе дикарей въ такой же мѣрѣ, какъ Италія и Римъ притягивали вандаловъ и готовъ. Появленіе апатичныхъ и недальновидныхъ степняковъ Турана въ роли господъ надъ массами трудящагося и сравнительно культурнаго населенія Ирана обезпечивало пришельцамъ столѣтія спокойнаго наслажденія, вялаго паразитизма, осложняемаго лишь взаимными раздорами. Но теперь вѣковой тяжелой дремотѣ наступаетъ конецъ. Какъ нѣкогда македонскія фаланги вторглись и привили застывшей имперіи наслѣдниковъ Кира жизненную дѣятельность греческой культуры, такъ теперь фаланги рабочихъ, предводимыхъ инженерами, пересѣкаютъ Переднюю Азію желѣзными путями, торговыя конторы и склады поднимаютъ свои европейскаго стilia зданія среди плоскихъ построекъ Востока, и европейскій товаръ, дешевый и прочный, удобный и необходимый, приноситъ съ собою новыя понятія, разсѣиваетъ постепенно варварство населенія и обуздываетъ произволь властителей. Локомотивъ во главѣ длиннаго ряда товарныхъ вагоновъ, свистя и выпуская паръ, несется черезъ Малую Азію къ Багдаду по древнему торговому пути мимо славныхъ развалинъ. Дикій курдь, меланхолическій бедуинъ и грустный персіанинъ, провожая его глазами, всѣ одинаково чувствуютъ вѣяніе новой жизни и только не знаютъ, что принесетъ она имъ.

Обширное плоскогорье, называемое Ираномъ, населено разнообразными племенами. Обыкновенно подъ Ираномъ подразумѣваютъ Персію, однако, кромѣ нея, на плоскогорьи умѣщаются еще двѣ страны, населеніе которыхъ объединилось въ отдѣльныя государства. Это Авганистанъ и Белуджистанъ. Слабо вогнутая котловина плоскогорія Ирана раскинулась между Индійскимъ океаномъ на югѣ и Каспіемъ на сѣверѣ. Въ отдаленныя времена, когда воды Каспія заливали низменныя пространства Турана, Иранское плоскогорье представляло какъ бы широкой мостъ, связывавшій Европу съ Азіей. Эта связь была и осталась прочная, потому что окаймляющія Иранъ на сѣверѣ и югѣ горы составляютъ прямое продолженіе Европейскихъ цѣпей. Горныя цѣпи, параллельныя и длинныя, съ высокими вершинами и вулканами протягиваются отъ высотъ Малой Азіи и Кавказа, однѣ на юго-востокъ—ихъ называютъ древнимъ именемъ Загросъ—другія на востокъ, именно хребетъ

Дѣвушка изъ племени тамилонъ.

Альборсь, громадный потухшій вулканъ котораго Демавендъ виденъ изъ Тегерана. Альборсь протягивается крутой стѣной вдоль южнаго берега Каспійскаго моря и примыкаетъ на востокъ къ горамъ Копеть-Дагъ, Ала-Дагъ, продолженіемъ которыхъ является Хазарь-Мачидъ. Всѣ эти цѣпи представляютъ довольно высокій валъ, издавна раздѣлявшій враждебные народы и культуры Турана и Ирана. Здѣсь, къ востоку отъ священнаго города Мешедъ, въ туркменскую пустыню выбѣгаетъ знаменитая рѣка Гери-рудъ, а за нею хребтами Кухъ-и-Баба и Фирузъ-Кухъ начинается гигантская стѣна Гинду Куша, прислоняющаяся на сѣверѣ къ Памиру, на востокъ къ Гималаямъ. Отъ нея на югъ, вдоль Инда, по правую сторону его, простираются въ общемъ параллельныя цѣпи горъ, и наиболѣе извѣстная часть ихъ въ сѣверномъ Белуджистанѣ называется Тахтъ-и-Сулейманъ — „Тронъ Соломона“.

Грандіозный валъ Гинду-Куша, снѣговья цѣпи котораго представляютъ тягостную преграду для торговцевъ тропической Индіи, откуда и названіе его „Гинду-Кушъ—убійца индусовъ“, занимаетъ своими расползающимися во всѣ стороны цѣпями почти весь Авганистанъ. Характеръ горъ здѣсь вполне альпійскій—снѣговья, вѣчно бѣлыя вершины поднимаются грядами надъ глубокими долинами и темными ущельями, высокіе склоны, какъ ковромъ, затянута изумрудными лугами, ниже ихъ подножія горъ одѣваются мѣстами лѣса. Но южныя цѣпи Ирана лишены этого характера. Хотя вершины ихъ поднимаются мѣстами до 4000 метровъ высоты и болѣе, однако, снѣгъ не всегда держится на нихъ въ жаркіе мѣсяцы года. Красновато-желтые голые утесы вѣнчаютъ склоны и хребты, поражая путешественника унылымъ и пустыннымъ однообразіемъ. Отъ береговъ Персидскаго залива по дорогѣ въ Ширазъ или Исфаганъ караванъ, какъ ныряющій по волнамъ челнъ, переваливаетъ одинъ за другимъ горные хребты и спускается въ узкія длинныя долины; долины становятся понемногу шире, и за послѣдней высокой грядой Кухистана передъ глазами путешественника развертывается плоская, еле вдавленная вглубь равнина. Это пустыня. Вдали, насколько видитъ глазъ, раскаленный колеблющійся воздухъ заволакиваетъ небо, и столбами ходятъ пыльные смерчи. Эта пустыня, не менѣе ужасная, чѣмъ пустыни Африки и Аравіи, начинается почти у воротъ Тегерана. Но вмѣсто сыпучихъ холмовъ песка, она прикрыта хрустящей подъ ногами коркой солей, откуда и названіе ея—„Дештъ-и-Кевиръ“, Соляная пустыня. Въ жаркій и тихій день она представляется взору путешественника, спускающагося съ горъ южной Персіи, какъ гигантскій бѣлый саванъ, который накрылъ землю неподвижной пеленой. За нею, къ юго-востоку, лежитъ другая безлюдная пустыня, „Дештъ-и-Лутъ“, т. е. „Обнаженная“, а на востокъ отъ нея, уже въ предѣлахъ Авганистана, раскинулась третья пустыня, черезъ которую проложилъ себѣ путь сбѣгающій съ высотъ Гинду-Куша потокъ Хельмандъ. Воды его, поглощаемыя почвой, скопляются во впадинахъ и, испаряясь въ неподвижности подъ солнечнымъ зноемъ, образуютъ нѣсколько большихъ, но мелкихъ озеръ съ неопредѣленными берегами. Это „хамуны“. Пустыни Ирана скрываютъ подъ своими нанесенными вѣтромъ и потоками соленосными пластами долины и гряды низкихъ горъ, которыя пересѣкали нѣкогда сплошной полосой весь Иранъ. Время понизило ихъ, засыпало обломками низины и впадины, и теперь скатывающіеся съ окрестныхъ горъ потоки, теряясь въ глинистыхъ пескахъ, насыщаютъ почву солью. Въ знойные вѣтряные дни вуаль мелкой пыли заволакиваетъ атмосферу, мелкія крупинки песка, глины и соли носятся въ воздухѣ и медленно осѣдаютъ на листву деревьевъ, на людей, землю, готовые подняться при первомъ порывѣ вѣтра.

Южный край Загроса протянулся вдоль долины Месопотаміи и берега Персидскаго залива. Здѣсь между моремъ и стѣной горъ остается полоса низменности, знойная, какъ самъ адъ, и влажная, какъ теплица. Это „Гермезиръ“—жаркая страна, какъ называютъ ее персы. Ее прорѣзаетъ рядъ ручейковъ и потоковъ, струящихся съ горъ, среди которыхъ самый значительный, Карунъ, впадаетъ въ Шатъ-эль-Арабъ и даже судоходенъ. Темно-синее

море съ одной стороны, красныя обожженныя солнцемъ горы, на вершинахъ которыхъ истомленный зноемъ человекъ съ жадностью замѣчаетъ бѣлыя пятна снѣга, съ другой,— скудно заселенный берегъ—вотъ Гермезиръ. Между Гермезиромъ и полосой пустынь протянулись горныя цѣпи Загроса, цвѣтущія долины котораго съ сухимъ, умѣренно-знойнымъ климатомъ орошаютъ журчащія горныя ручьи. Эта благословенная страна „Фарсистанъ“— истинная Персія, родина Кира, „страна розы и соловья“, изъ нѣдръ котораго выступило нѣкогда на міровую арену крѣпкое, бодрое племя, завоевавшее полміра. Благодатный, сухой и ровный климатъ, обиліе орошенія и забота человека облагородили здѣсь всѣ виды плодовыхъ растений; суховатые стволы и вѣтви ихъ, накапливая лучшіе соки, даютъ превосходные сахаристые плоды; напоенные тонкимъ ароматомъ яркіе цвѣты, особенно гордя своей несравненной красотой розы, отдають воздуху излишекъ благоуханія, и жизнь, въ жаркій ли полдень, въ пышномъ саду, гдѣ изъ кругаго, выложеннаго мраморомъ, бассейна, тонкой, сверкающей на солнцѣ, какъ бы стальной иглой, едва слышно играетъ фонтанъ, черной ли южной ночью, когда въ небѣ нестерпимо ослѣпительно искрятся звѣзды, и соловьиный рокоть сливается съ одуряющимъ запахомъ цвѣтовъ, кажется сладкой и томительной сказкой.

Въ сѣверо-западномъ углу Персіи лежитъ горная страна, примыкающая къ Армянскому нагорью и горамъ Закавказья. Въ нее вторгаются съ юго-востока параллельныя цѣпи горъ южной Персіи, которыя протягиваются дальше къ сѣверо-западу, къ истокамъ Ефрата. Здѣсь въ котловинѣ лежитъ громадное озеро Урумія, на восточномъ берегу котораго поднимается гигантскій конусъ вулкана Сахендъ (3550 м.), за которымъ, ближе къ Каспію стоитъ соперникъ Арарата, огнедышщій Саваланъ (4813 м.).

Побережье Каспійскаго моря, занятое горами Талыша и Альборсомъ, представляетъ особую область, рѣзко отличающуюся отъ остальныхъ частей Персіи. Въ то время, какъ большая часть Ирана лежитъ въ полосѣ бездождя и только благодаря горамъ получаетъ скудные осадки зимою, берегъ Каспійскаго моря и склоны здѣшнихъ горъ принадлежатъ къ самымъ влажнымъ областямъ этой широты. Обильные дожди, особенно весной и осенью, положительно заливаютъ страну, превращая почву въ глубокую грязь*), вызывая необыкновенное плодородіе и почти тропическую растительность и заставляя населеніе страдать отъ жестокихъ лихорадокъ. Тигръ, олени, многочисленные кабаны, а въ прежнія времена и львы, населяютъ топкія низины и южные лѣса; множество птичьей дичи и кишачіе рыбой полноводныя ручьи довершаютъ богатства края, къ злымъ лихорадкамъ котораго надо еще присоединить обиліе гадовъ и насѣкомыхъ—маленькая, но очень ядовитая змѣйка „гюрза“, черные, величиной чуть не съ рака скорпіоны, тарантулы и комары.

Все только что описанное обширное пространство персидской имперіи, раскинувшейся на пространствѣ 1.645.000 кв. к., населено очень рѣдко—въ среднемъ 5 ч. на 1 кв. к., а общее число жителей достигаетъ едва 9 мил. ч. Трудно сказать, жило ли когда-нибудь въ „Странѣ льва и солнца, розы и соловья“ больше людей. Какъ ни бесплодны безпредѣльныя пустыни внутренняго Ирана, каменистые склоны его горъ, но теплый, благодатный климатъ и питаемые горными снѣгами рѣчки и ручьи могли бы прокормить гораздо большее число людей. Почти треть населенія Персіи (12 провинцій ея)**) имѣютъ довольно пестрое населеніе, главную массу котораго (4½ мил. ч.) составляютъ все-таки персіяне, которые составляютъ земледѣльческой и господствующей народъ. Къ нимъ присоединяются въ западныхъ провинціяхъ кочевники курды,—оттого вся эта страна вмѣстѣ съ сосѣдними частями азіатской Турціи называется Курдистаномъ; низменности близъ устья слившихся Тигра и Ефрата занимаютъ арабы (Арабистанъ); кочевыя племена, явившіяся въ Персію изъ Сред-

*) Откуда названіе провинціи Гилянъ, что значитъ „страна грязи“.

**) На западѣ Азербейджанъ, Ардиланъ, Луристанъ; на югѣ Хузистанъ, Фарсистанъ, Ларистанъ, Кирманъ; на сѣверѣ Гилянъ съ Мазандераномъ, Астрабадъ, Хорасанъ; въ серединѣ Иракъ-Аджемъ и Кухистанъ.

ней Азіи, встрѣчаются въ горахъ сѣверныхъ провинцій, и между ними недавніе разбойники, туркмены, пасуть свои стада въ низинѣ р. Атрека и въ сѣверномъ Хорасанѣ, въ сосѣдствѣ родственныхъ имъ русскихъ туркменъ Закаспійской области. Смуглые и дикіе белуджи или балучи встрѣчаются въ захолустномъ юго-восточномъ углу Персіи.

Нѣсколько десятковъ тысячъ армянъ въ Азербейджанѣ, халдеи и евреи въ западныхъ провинціяхъ и немногочисленные европейцы въ главныхъ городахъ дополняютъ пестрое населеніе имперіи шаха.

Остальную восточную часть Иранскаго плоскогорія занимаютъ Авганистанъ и къ югу отъ него Белуджистанъ; жители того и другого родственны персіянамъ, такъ какъ вмѣстѣ съ ними принадлежатъ къ арійцамъ.

Глава II.

Происхожденіе, внѣшній видъ и характеръ персіянъ. — Одежда, жилища, семейная обстановка и домашній бытъ. — Тегеранъ.

Персіяне.

Персіяне, смуглые, стройныя фигуры которыхъ въ неизмѣнной барашковой шапкѣ конусомъ, изъ-подъ которой на васъ смотрятъ спокойно-грустные миндалевидные глаза, часто попадаются на улицахъ Астрахани, Баку и другихъ городовъ Прикаспійскаго края. Всѣ они потомки древнихъ персовъ или парсовъ, хотя сами себя они чаще всего называютъ иранѣ. Родина ихъ—горы южной Персіи, откуда они распространились, подчинивъ себѣ Иранъ и сосѣднія страны. Громадное когда-то царство Ахеменидовъ разсыпалось, но имя и сила народа не угасла: нѣсколько разъ персидское царство возрождалось и достигало почти прежней величины—это было при династіи Арсакидовъ и Сассанидовъ, когда Персія, также какъ въ древности, являлась оплотомъ для кочевыхъ племенъ Средней Азіи. Могучіе и даровитые цари водили войска къ побѣдамъ, водворяли миръ и порядокъ въ странѣ, покровительствовали знаніямъ и искусствамъ, укрѣпляли и украшали города. Но съ упадкомъ выдающейся династіи обыкновенно погружался въ спячку и народъ. Тогда персіяне становились жертвой своихъ сосѣдей. Сперва нахлынули арабы, которые принесли съ собой Исламъ, за ними появились турки, татары, и послѣ того персіяне просыпались отъ спячки лишь на короткое время при Шахъ-Аббасѣ (1587—1623) и Шахъ-Надирѣ (1735—1747). Въ концѣ 16-го вѣка (1779 г.) на тронъ Персіи усѣлся турокъ изъ племени Каджаровъ, и съ тѣхъ поръ положеніе народа оставалось почти безъ перемѣны.

Разные пришельцы—арабы, турки, татары—въ теченіи вѣковъ смѣшивались съ персіянами, измѣняя народный типъ и характеръ, но вліяніе это не осилило первоначальныхъ чертъ, и въ большинствѣ мѣстъ персіяне сохранили свой прежній обликъ. Персіяне очень смуглый, темный народъ; цвѣтъ кожи у нихъ никогда не бываетъ такимъ свѣтлымъ, какъ у европейцевъ. Высокій и часто необыкновенно стройный ростъ, граціозная мягкая походка, медленныя, спокойныя движенія въ сочетаніи съ прекрасной формой головы, овальное правильное лицо съ тонкими губами, обрамленное роскошной бородой, съ густыми сходящимися на переноси бровями, подъ правильной дугой которыхъ серьезно сіяютъ большіе миндалевидной формы каріе глаза съ желтоватымъ бѣлкомъ, длинный, но правильный носъ и прекрасные, часто волнистые волосы, наконецъ, небольшія и красивыя руки и ноги, все указываетъ, что персіяне принадлежатъ къ благородному и красивому типу арійцевъ. Когда

молодой, стройный, какъ кипарисъ, персь медленно движется по восточному базару, на которомъ кишать представители разныхъ народностей, то съ перваго же разу бросается въ глаза все отличіе чистаго представителя кавказской породы отъ киргизовъ, татарь, китайцевъ и другихъ монгольскихъ народовъ. Особенно красивы бываютъ юноши и дѣвушки. Въ глухихъ деревушкахъ на склонахъ Альборса и въ горахъ южной Персіи, среди населенія,

уцѣлѣвшаго отъ набѣговъ и завоеваній, древній типъ сохранился въ полной чистотѣ. Здѣсь встрѣчаются красавицы, фигура, грація и изящество которыхъ привели бы въ восторгъ художника - скульптора; чудные, черные миндалевидные глаза съ необыкновенно длинными рѣсницами, соболиныя пушистыя брови, маленькій ротъ и совершенно правильные тонкія черты лица снискали этимъ красавицамъ въ Персіи названіе „джеранъ-ханумъ“ — женщина-газель.

Менѣе лестно, чѣмъ о наружности, отзываются всѣ о характерѣ этого народа; персіанъ считаютъ жадными и скупыми, алчными до наживы, въ погонѣ за которой они

не брезгаютъ никакими средствами; лживость, низкопоклонство передъ высшими и высокомерное презрѣніе къ стоящимъ ниже развиты въ персіаняхъ, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ у другихъ народовъ угнетаемаго деспотизмомъ и произволомъ Востока. Подвижность характера проявляется у персіанина въ настойчивости и цѣпкости желаній, въ изобрѣтательности на средства, въ склонности къ интригамъ, въ тщеславіи, съ какимъ онъ добивается

„Джеранъ-ханумъ“.

пустыхъ въ сущности, но очень пышныхъ титуловъ. Но необходимо отдать справедливость и хорошимъ чертамъ персіянъ. Къ какому бы сословію ни принадлежалъ персіанинъ, онъ поражаетъ собесѣдника своею утонченною вѣжливостію, сдержанностію и умѣніемъ равнодушно относиться къ ударамъ судьбы. Персіанинъ любитъ семью, особенно дѣтей, крѣпко держится узъ родства и въ обыденной жизни отличается большой умѣренностію. Онъ впечатлителенъ, обладаетъ живою фантазіей, находчивъ и остроуменъ, даровитъ, очень склоненъ къ отвлеченному мышленію, легко схватываетъ тонкіе оттѣнки мысли и чувства, любитъ веселье, представленія, музыку, поэзію и удовольствія жизни. Многіе недостатки въ его характерѣ объясняются ужасною испорченностію и развращенностію среды, въ которой онъ вырастаетъ: нищета и безпросвѣтный произволь богатаго и сильного породили въ

Дѣвочки изъ горнаго племени Персіи.

персіанинѣ эгоизмъ, сухость, черствость характера и равнодушіе къ страданіямъ ближняго, замкнутая жизнь и суевѣрный фанатизмъ отрѣзали ему пути къ знакомству съ другими народами, съ ихъ культурой и цивилизаціей. Пренная воинственность угасла совершенно, и теперешній персіанинъ стремится больше всего или стать знатнымъ чиновникомъ или разжиться торговлей.

Персидскій народъ не знаетъ вѣковыхъ сословій. Тамъ каждый счастливой случайностію, пронырствомъ, подкупомъ, иногда дарованіями или красотой дочери можетъ попасть въ приближенные къ шаху лица, добиться титула мирзы, хана, „столба царства“, „очей шаха“

и т. п. и, занявъ постъ губернатора провинціи, нажиться грабежомъ и притѣсненіемъ населенія. Удачная торговля, ростовщичество и другіе беззастѣнчивые пути къ наживѣ могутъ обогатить купца, и онъ становится замѣтной и вліятельной особой. Но богатые персіане чаще стремятся скрыть свое состояніе, чтобы не сдѣлаться предметомъ вымогательства со стороны чиновныхъ лицъ.

Обычная одежда персіанина состоитъ изъ длиннаго суконнаго, но чаще коленкороваго кафтана темнаго цвѣта, а у щеголей яркаго — розоваго или голубого, изъ широкихъ восточнаго покроя шальваръ и бѣлыхъ „гиве“ — родъ обуви. Вокругъ пояса обмотанъ широкой узорный поясъ, складки котораго служатъ всѣмъ, чѣмъ угодно — это кошелекъ, саквояжъ, канцелярія и арсеналь, смотря по роду занятій. Голову покрываетъ чаще всего характерная

барашковая шапка, черная, высокая, суживающаяся кверху и часто съ проваломъ, точно вершина двуглаваго вулкана; иногда и пестрая чалма. Персіяне большіе щеголи и любятъ яркіе и разнообразные цвѣта и затѣйливые покрои. Мужчины обращаютъ большое вниманіе на туалетъ, но это отнюдь не указываетъ на любовь къ чистоплотности — грязь тѣлесная и домашняя въ Персіи едва ли не отвратительнѣй еще, чѣмъ на остальномъ Востокѣ. Предписанныя религіей омовенія — формальность, которую персіянинъ исполняетъ, подчиняясь больше суевѣрію, чѣмъ сознанию необходимости ихъ. Подъ туалетомъ персіянинъ понимаетъ уходъ за головой и лицомъ, о чемъ заботятся цирюльники. Персіянинъ брѣетъ голову наголо, не менѣе раза въ недѣлю. Молодые люди оставляютъ на затылкѣ прядь — „какель“, котораго не касается бритва цирюльника, такъ что эти локоны достигаютъ у иныхъ порядочной длины; ихъ тогда свертываютъ узломъ и прячутъ подъ вышитой ермолкой. Послѣ волосъ на головѣ персіянинъ заботится о своей роскошной бородѣ, которую цирюльникъ подстригаетъ и краситъ въ черный или красный цвѣтъ, такъ что это украшеніе лица лоснится и играетъ на южномъ солнцѣ, снискивая важному обладателю ея почетъ и уваженіе. Нѣтъ болѣе тяжкаго оскорбленія, какъ схватить перса за бороду.

Одежда женщинъ различна, смотря по тому, дома персіянка или на улицѣ. Домашній костюмъ персидской дамы довольно удивительный: короткая, какъ у балетныхъ танцовщицъ, затканная золотомъ юбка повыше колѣнъ, нижнюю половину тѣла облекаетъ тѣсное трико голубого или розоваго цвѣта, на ногахъ легкія туфли безъ задковъ, съ загнутыми вверхъ носками. Туловище одѣто въ тѣсную, короткую до пояса рубашку „пирханъ“, поверхъ которой надѣвается вторая того же покроя рубашка, шелковая или шерстяная, „нимитанэ“, и, наконецъ, бархатная или шелковая кофточка „рахтъ“, вышитая или затканная серебрянымъ или золотымъ узоромъ. Крестьянки и женщины изъ простонародья носятъ тотъ же костюмъ, но упрощенный — юбочку и двѣ рубашки.

Персіянка изъ простонародья въ домашнемъ костюмѣ.

Въ такомъ нарядѣ персіянки щеголяютъ у себя дома, въ закрытомъ недоступномъ постороннему глазу „эндерунѣ“, т. е. гаремѣ. Говорятъ, этотъ костюмъ вошелъ въ моду недавно, послѣ того какъ шахъ путешествовалъ по Европѣ, гдѣ ему понравился костюмъ балетныхъ танцовщицъ. Возвратясь домой, онъ распорядился ввести его у себя въ эндерунѣ, а, глядя на шахскихъ женъ, эту одежду переняли знать, за ними и простонародье. Прежній женскій костюмъ, сохранившійся у той кучки персид-

скаго народа, которая не отказалась отъ древней религіи и обрядовъ Заратустры, у „огнепклонниковъ“, „гебровъ“ или „парсовъ“, мало чѣмъ отличается отъ обычнаго восточнаго костюма женщины. Появиться въ своемъ оригинальномъ нарядѣ на улицѣ персіянка, конечно, не можетъ; поэтому, выходя изъ дому, она надѣваетъ безобразное черное покрывало, „чадурь“, шелковое у богатыхъ, коленкоровое у бѣдныхъ, и широчайшіе шаль-

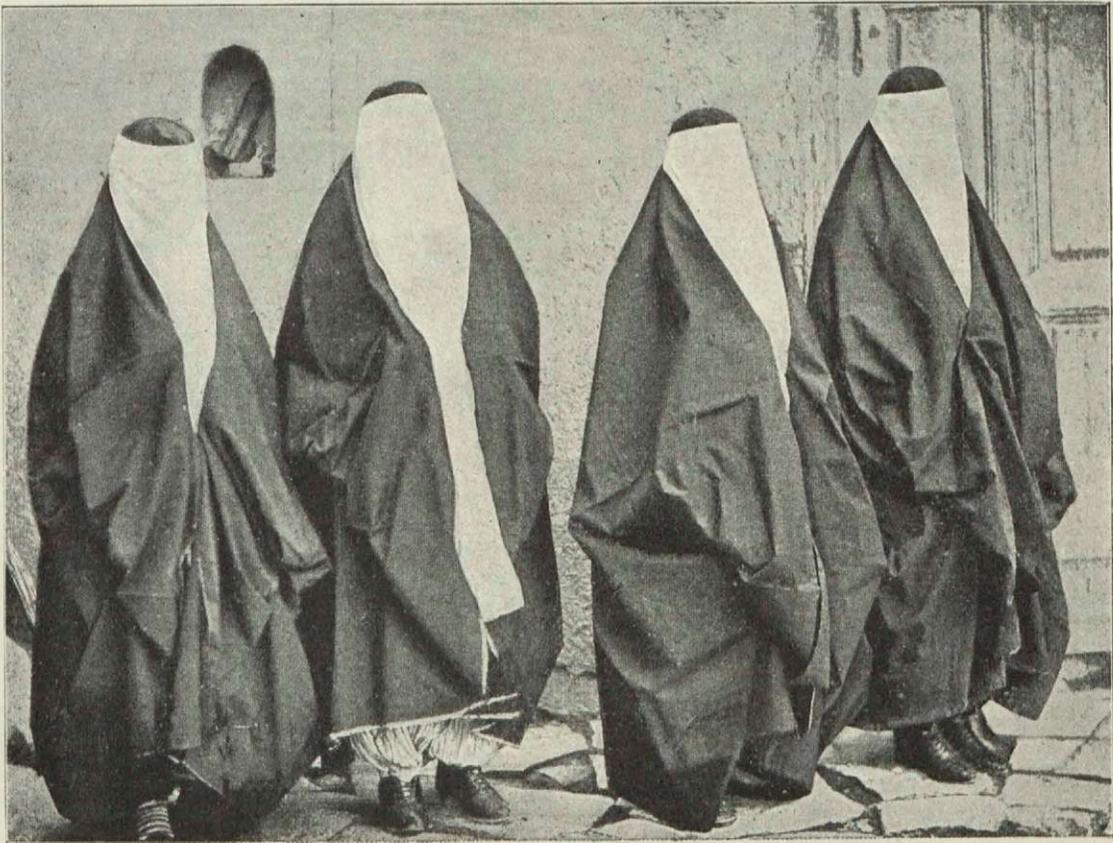
Знатная персіянка въ домашнемъ костюмѣ.

вары съ пришитыми къ нимъ короткими чулками; обутыя въ безобразныя туфли ноги и бѣлая батистовая или коленкоровая завѣса на лицо довершаютъ безобразіе этой неуклюжей фигуры, подъ широкими складками одежды которой даже мужъ не узнаетъ жены, братъ—сестры. Обычай завѣшивать лицо появился вмѣстѣ съ мусульманствомъ, потому что гебры или парсы не придерживаются его — ихъ женщины не завѣшиваютъ лицъ.

Домъ зажиточнаго горожанина обращенъ къ улицѣ глухой стѣной съ узкимъ входомъ. Такъ какъ лѣсу мало, и онъ дорогъ, то постройки дѣлаются глинобитныя, легкія, идетъ также кирпичъ,

обоженный и сырцовый. Потолокъ нерѣдко представляетъ камышевое плетенье, покоящееся на тонкихъ тополевыхъ балкахъ, которыя быстро сгниваютъ, такъ что проваль потолка довольно обычное дѣло. Сквозь его неплотный покровъ легко сыпется пыль, песокъ, просачивается во время дождя вода и грязь, нерѣдко съ звучнымъ шлепкомъ падаетъ черный скорпіонъ или другой гадъ. Задняя стѣна дома выходитъ во внутренній

дворъ, вѣрнѣе садъ. Эта стѣна, можно сказать, ажурная, потому что состоитъ почти изъ однихъ оконъ и дверей. Кромѣ громаднхъ оконъ съ затѣйливымъ переплетомъ, подъ потолкомъ дѣлается еще рядъ мелкихъ окошекъ. Къ дому съ боковъ примыкаютъ другія постройки, которыя всѣ вмѣстѣ охватываютъ садъ покоемъ. Всѣ помѣщенія этой части предназначены исключительно для главы и мужчинъ дома и называются „бирунъ“. Въ глубинѣ двора или сада находится второе зданіе, населенное исключительно женщинами и дѣтьми, если не считать въ богатыхъ домахъ евнуховъ. Женская половина, называемая „эндерунъ“, куда получаютъ доступъ, и то рѣдко, только самые близкіе родственники мужского пола, настоящее женское царство, преданное бездѣлю, лѣни, болтовнѣ, нарядамъ, сплетнямъ и интригамъ, особенно въ богатыхъ домахъ, гдѣ глава имѣетъ нѣсколько женъ.

Персіянки на улицѣ.

Посреди сада почти всегда имѣется „мерхенъ“ — круглый или четырехугольный бассейнъ воды, изъ середины котораго бьетъ тонкой нитью мелодичный фонтанъ. Подобно тому, какъ персіане любятъ яркія краски въ одеждѣ, въ убранствѣ домовъ, въ украшеніяхъ мечетей и дворцовъ, они необыкновенные любители цвѣтовъ, и потому разнообразныя, благоухающія растенія съ яркими цвѣтами, посаженныя въ горшки, окружаютъ мерхенъ, какъ пестрый и душистый вѣнокъ. Въ жаркое время года пестрыя занавѣси застилаютъ окна, а надъ всѣмъ дворомъ протягивается защищающій отъ солнца полотняный навѣсъ. Внутреннее убранство домовъ поражаетъ европейца отсутствіемъ мебели: кирпичный полъ застланъ пушистыми узорчатыми коврами, въ изготовленіи которыхъ персидскіе ремесленники великіе мастера. Всюду валяются подушки-валики, стоитъ неизбѣжный кальянъ, янтарный

мундштукъ котораго не выпускають изо-рта даже женщины. Стѣны росписаны подчасъ съ большимъ вкусомъ яркимъ и хитрымъ орнаментомъ изъ цвѣтовъ, хотя теперь этотъ обычай вытѣсняють привозимые изъ Европы дешевые обои. Точно такъ же и европейская мебель начинаетъ вытѣснять въ домахъ богатыхъ персіянъ туземное убранство—низкіе инкрустированные столики, подушки-диваны и все то, что на первый взглядъ придаетъ восточному дому своеобразный уютъ. Пестрые изразцы, рѣшетчатые окна, занавѣсы, оригинальная восточная посуда, ковры производятъ на первый взглядъ въ маленькихъ тѣсныхъ комнатахъ пріятное впечатлѣніе, но, поживъ въ нихъ, европеецъ вскорѣ убѣждается, что понятія персіянина объ удобствахъ, комфортахъ и чистотѣ далеко расходятся съ европейскими.

Въ эндерунѣ.

Бирунъ это кабинетъ и гостиная хозяина: здѣсь онъ принимаетъ гостей и посѣтителей, занимается дѣлами, но не живетъ. Поэтому здѣсь все на показъ. Настоящимъ жильемъ персіянина является эндерунъ, раздѣленный по числу женъ на отдѣльныя помещенія. Здѣсь чадолубивый родитель — персіяне очень привязаны къ дѣтямъ — проводитъ досуги, которыхъ у него, какъ у всякаго восточнаго человѣка, больше, чѣмъ хлопотъ и дѣла. Здѣсь онъ ѣстъ, куритъ несчетные кальяны, разбираетъ домашнія дрязги, — словомъ, здѣсь протекаетъ его настоящая жизнь. Спать персіяне на полу, на коврахъ и тонкихъ тюфякахъ, и такъ какъ лѣтомъ въ тѣсныхъ комнаткахъ душно, то обыкновенно обитатели дома устраиваются либо въ саду, либо, чаще всего, на плоскихъ крышахъ, защищенныхъ зана-

Персидскій дервишъ.

вѣсьями наподобіе палатки отъ зноя и дождя. Грязь, зловоніе и духота въ городахъ таковы, что большую половину года шахскій дворъ, знать и богатые проводятъ „на дачѣ“, гдѣ-нибудь въ прохладной долинѣ въ ближнихъ горахъ.

Большая часть народа—крестьяне, которые живутъ по деревнямъ въ крайней бѣдности, въ ужасной грязи, подавленные заботой о насущномъ хлѣбѣ. Ремесленники, рабочіе, мелкіе торговцы, чиновники шаха и многочисленная челядь составляютъ населеніе городовъ, которые большею частью представляютъ скопище довольно жалкихъ построекъ, скрытыхъ въ зелени садовъ и обнесенныхъ ветхой, разрушающейся глинобитной стѣной. Эти глиняные города и деревушки напоминаютъ сооруженія термитовъ; кучки глиняныхъ построекъ, безъ раздѣленія на кварталы, часто безъ улицъ, прилѣплены такъ близко другъ къ другу, что между жилищами часто не остается никакого промежутка. Плоская крыша одного дома служитъ дворомъ для другого, расположеннаго ниже, улочки-расщелины заполнены приводящими и отводящими воду канавками, забросаны мусоромъ и издающими отвратительное зловоніе отбросами.

Лишь немногіе города, замѣчательные своими могилами вѣми чтимыхъ святыхъ, привлекаютъ вниманіе красивой архитектурой своихъ древнихъ мечетей съ синими изразцовыми куполами и стройными минаретами. Стѣны ихъ, такъ же какъ городскія ворота, напр., въ Тегеранѣ, облицованы прелестными цвѣтными изразцами, изображающими затѣйливые орнаменты цвѣтовъ, чудесныхъ, невиданныхъ звѣрей или цѣлые сцены изъ сказаній и поэмъ о подвигахъ національныхъ героев. Но эти остатки былого искусства и зодчества находятся въ упадкѣ и медленно разрушаются.

Познакомимся ближе со столицей Персіи Тегераномъ.

Еще 50 лѣтъ тому назадъ Тегеранъ представлялъ типичный персидскій городъ: за высокой глинобитной стѣной съ глубокимъ рвомъ и круглыми башнями подымались живописно куполы мечетей, и городскіе постройки прятались въ зелени садовъ до такой степени, что о вѣздѣ въ столицу можно было догадаться только по живописнымъ изразцовымъ воротамъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ властители Персіи стали навѣщать Европу, благоустройство которой производило на нихъ сильное впечатлѣніе, многое въ Тегеранѣ измѣнилось. Шахъ приказалъ сломать стѣну, благодаря чему городъ сталъ разрастаться, появились на улицахъ газовые фонари, въ подражаніе шаху знатные персы стали строить дома европейской архитектуры; тѣнистыя аллеи платановъ, фонтаны, облицованныя пестрыми изразцами канавки, мостовыя, даже дощечки съ названіями улицъ. Но этотъ налетъ европеизма не въ состояніи закрыть всю мерзость и неряшество восточной жизни, которая даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу, потому что несмотря на спички, сахаръ и керосинъ персіяне остались персіянами со вѣми своими привычками, привитыми нелѣпой религіей и вѣковымъ укладомъ жизни. Посмотрите, пожалуйста, на группу людей у изразцовой канавки, по которой журчитъ вода, которую такъ обожаютъ персы: одинъ прилегъ на животъ и жадно тянетъ мутную жидкость губами, рядомъ съ нимъ уличный продавецъ моетъ въ той же водѣ грязную посуду, закутанная въ чадуръ персіянка стираетъ бѣлье, какой-то курильщикъ прочищаетъ и промываетъ свой загрязнившійся кальянь, уличный оборванецъ моетъ нѣги, какой-то любитель кровопусканія „отворилъ“ себѣ жилу и погрузилъ руку въ воду, предоставляя крови багрить воду, и въ заключеніе группа облѣзлыхъ уличныхъ собакъ тутъ же беретъ свою утреннюю ванну. Такія же сцены вы увидите въ баняхъ, гдѣ оскверненная грязью и заразой вода распространяетъ болѣзни среди нечистоплотныхъ жителей Востока.

На лучшей площади Тегерана „Артиллерійскомъ плацу“, Топъ-ханэ, можно встрѣтить самые разнообразныя типы. Молодые щеголи въ яркихъ одеждахъ желтаго, розоваго, зеленаго и пунцоваго цвѣта, обшитые галунами, обвѣшанные блестящими украшениями и оружіемъ, прельщаютъ прохожихъ гибкостью стана и граціей походки. Важнымъ, размѣреннымъ шагомъ движется духовная особа въ одеждѣ арабскаго покроя съ вѣнкомъ изъ розъ въ рукѣ; зеленая

Типы персіянокъ изъ простонародья.

чалма его явственно указывает прохожимъ, что этотъ важный и жирный челоуѣкъ происходитъ изъ семьи самого Магомета, что это „алмазъ изъ копей вѣры, жемчужина изъ моря благочестія“. Курды, афганцы, туркмены и прочіе обитатели имперіи Льва и Солнца проходятъ тутъ каждый въ своей національной одеждѣ, мелькая въ толпѣ, среди которой тамъ и сямъ движется обернутая безобразнымъ чадуромъ персіянка, въ зеленыхъ туфляхъ и широкихъ шальварахъ. Вотъ толпа колыхнулась и раздалась по сторонамъ. Что такое? Это ѣдетъ шахъ и его эндерунъ. Впереди шествуютъ вооруженные длинными палками съ серебряными набалдашниками, одѣтые въ красное „сороходы“, за ними отрядъ тѣлохранителей изъ приверженнаго шаху горскаго племени, свита, придворные слуги, палачъ, за которымъ плетется нагруженный орудіями пытки мулъ, все въ облакахъ пыли, сквозь которую мерцаетъ карета шаха изъ золота и стекла. Серьезно и холодно сидитъ повелитель, какъ бы не замѣчая преклоненія притихшей толпы, и только искрится и сверкаетъ алмазное перо на его высокой шапкѣ. За нимъ, окруженные густой свитой, въ запряженныхъ лошадьми и мулами, плотно укрытыхъ носилкахъ одна за другою движутся невидимыя толпѣ шахскія жены. Впрочемъ, предосторожности эти почти излишни, потому что при появленіи этой процессіи толпа раздается въ стороны и таеетъ: каждый знаетъ, что малѣйшая нескромность обрушится на него градомъ палочныхъ ударовъ, которыми наградить его въ изобиліи вооруженная этими орудіями свита слугъ.

Оборванные дервиши со спутанными длинными волосами и дикимъ блуждающимъ взоромъ пристають къ прохожимъ, вымогая милостыню: одинъ рассказываетъ сказки, поетъ и сыплетъ пословицами, другой протягиваетъ прохожимъ подъ самый носъ благоухающую розу и требуетъ мзду за ея запахъ, третій лечитъ отъ укусовъ змѣи, отъ чаръ красавиць. Особенную назойливость проявляютъ эти люди въ день Новаго года, когда они располагаются въ изодранныхъ палаткахъ противъ домовъ избранныхъ жертвъ и кричатъ и кричатся, пока имъ не кинуть отступного, а если хозяинъ отличается тугимъ слухомъ, дервишъ вооружается трубой, день и ночь ея ревъ удручаетъ „жестокосерднаго“ богача. Съ дервишами въ вымогательствѣ прохожихъ соперничаютъ разные проходимцы, „луги“, — иной таскаетъ за собой на цѣпи исхудалаго паршиваго льва или медвѣдя и безцеремонно залѣзаетъ со своимъ кормильцемъ въ дома къ еящему испугу женщинъ и дѣтей, пока подачка не выживетъ его вонъ вмѣстѣ съ опаснымъ спутникомъ. Шахскіе солдаты, сарбазы, которые не всегда могутъ припомнить, сколько времени тому назадъ они получили жалованье, торгуютъ съ лотковъ плодами и мелочью; персидскій воинъ предается этому занятію даже и тогда, когда стоитъ на часахъ; поломанное ружье его прислонено гдѣ-нибудь въ углу, въ то время какъ грозный обладатель его отвѣшиваетъ, отмѣриваетъ или ведетъ дѣятельные переговоры о выдачѣ денежной ссуды подъ самые безбожные проценты—многіе сарбазы занимаются ростовщичествомъ, которое вообще широко процвѣтаетъ на Востокѣ.

Вотъ возлѣ дома зажиточнаго персіянина стоитъ у воротъ какой-то гражданинъ имперіи Льва и Солнца. Онъ кричитъ благимъ матомъ на всю улицу, бьетъ себя, не жалѣя силъ, кулаками въ грудь, царапаетъ въ кровь лицо, рветъ на себѣ одежду, словомъ всѣми средствами старается нанести себѣ побольше вреда. На другой, на третій день вы увидите его у тѣхъ же воротъ за этимъ же занятіемъ. Прохожіе собираются кучкой, смотрятъ, и въ толпѣ ихъ слышны пересуды—это кредиторъ взыскиваетъ такимъ способомъ долгъ съ неисправнаго плательщика. Онъ слѣдуетъ за нимъ по пятамъ всюду, оглашая воздухъ воплями, и не отстанетъ, пока не доведетъ должника до такого состоянія, что тотъ начнетъ рыскать по городу за деньгами, которыми можно было бы заткнуть глотку крикуну и избавиться отъ его преслѣдованій.

Но всего ярче развертывается народная жизнь на базарѣ, который совмѣщаетъ для персіянина все: биржу, клубъ, газету, мастерскую, лавку, закусочную и игорный домъ. Базаръ представляетъ лабиринтъ узкихъ крытыхъ улицъ любопытной восточной архитектуры.

Сводчатая кирпичная крыша, защищающая от зноя, дождя и пыли, висит надъ головами на высотѣ 50—60 футовъ, распространяя полумракъ и прохладу. Лавки, склады караван-сараевъ и мастерскія открываютъ свои широкіе стрѣльчатые пролеты прямо на тѣсную улицу, по которой движутся люди и нагруженные ослики, верблюды, мулы. Весь базаръ раздѣляется на спеціальности, ибо на Востокѣ принято, чтобы каждое ремесло и родъ торговли занимали особое отдѣленіе базара: сапожники помѣстились подъ однимъ сводомъ, подъ другимъ стучать и греметь молотки кузнецовъ, дальше шьютъ портные. „Дукканы“ или лавки—это темныя пещеры, открывающіяся на улицу сводчатымъ входомъ, въ которомъ на кирпичномъ высокомъ помостѣ расположился самъ купецъ, важно сидящій, поджавъ ноги, на коврѣ, съ кальяномъ въ зубахъ, съ раскрытымъ кораномъ въ рукахъ. Покупатели и покупательницы толпятся, разсматривая товаръ, который персидскій купецъ любовно выставилъ на показъ, и торговля, сопровождающаяся безбожнымъ запрашиваніемъ и долгими разговорами, кончается не раньше, чѣмъ купецъ не вычислитъ всѣхъ похвалъ своему товару. Если лавку навѣщаетъ „френги“, европеецъ, съ него запрашиваютъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, и деньги отъ него правовѣрный торговецъ принимаетъ не иначе, какъ въ стаканъ съ водой, дабы не оскверниться прикосновеніемъ къ невѣрному и его золоту. Ревъ животныхъ, крики продавцовъ, шарканье ногъ, изступленные вопли факировъ и дервишей и грызня собакъ гулко отдаются подъ сводами, теряясь въ чадѣ, который выпускаютъ кухни, возлѣ которыхъ засаленные „ашпесъ“, повара, вооруженные длинными ножами и ложками, разливаютъ похлебку и жарятъ кебабы, пловы и шашлыки. Горы дынь, гранатъ, разныхъ овощей и цвѣтовъ переливаютъ всѣми цвѣтами и наполняютъ воздухъ пріятнымъ ароматомъ, который смѣшивается съ острымъ запахомъ разныхъ москательныхъ и аптекарскихъ товаровъ и нѣсколько скрашиваютъ горячій, спертый воздухъ, густой отъ пыли, отдающій всѣми нечистотами восточной грязи. Цѣлыя кипы ковровъ и тюки шелка образуютъ горы соблазнительнаго товара; оружіе, посуда, выложенные цвѣтными камнями кальяны и всякая рухлядь привлекаютъ взоры, заставляя разбѣгаться глаза и возбуждая желаніе купить эти любопытныя издѣлія Востока. Цѣлый день на базарѣ толчея, крики, споры, рядъ сценъ, которыя раскрываютъ передъ вами самыя разнообразныя стороны восточной жизни. Толпы черномазаго населенія въ халатахъ, съ выкрашенными въ ярко-мѣдный цвѣтъ бородами, кричатъ и шумятъ безъ толку, поютъ и разговариваютъ во всю глотку. Въ густую толпу постоянно врѣзываются всадники, мужчины и женщины верхомъ на лошадахъ, ослахъ и мулахъ, съ криками „хабарда“, берегись. Здѣсь же снуютъ „жемчужины Востока“ въ видѣ безобразныхъ овальныхъ фигуръ, которыя пугливо ступаютъ и сторонятся къ стѣнамъ. Здѣсь сердце и душа Востока, отсюда распространяются слухи, вѣсти, новыя идеи; базаръ чутко отражаетъ все, что происходитъ въ городѣ, въ странѣ, въ сосѣднихъ областяхъ. „На базарѣ говорили“, „съ базара сообщаютъ“, „узнать на базарѣ“, вотъ фразы, которыя слышишь на каждомъ шагу, и этотъ пульсъ народной жизни замираетъ только на ночь, во время безпорядковъ или въ моменты, когда пѣвучій голосъ муэззина приглашаетъ правовѣрныхъ въ мечеть. Короткія сумерки и темныя ночи рано прекращаютъ уличную и базарную жизнь. Когда съ „Топъ-ханэ“ раздадутся звуки трубъ и барабановъ, улицы пустѣютъ, гаснутъ фонари, и городскія ворота запираются. Городъ погружается въ сонное безмолвіе, во мракъ, и обитатели его безъ крайней необходимости уже не высовываютъ носъ на улицу, а если появляются тамъ, то не иначе, какъ съ большимъ фонаремъ и въ сопровожденіи охраны, потому что ночью улицами города завладѣваютъ двуногіе шакалы, разные мошенники и грабители, „лути“, да сторожа, усердіе которыхъ обходится ночному прохожему подчасъ дороже встрѣчи съ разбойникомъ.

Глава III.

Семья. — Религія и духовенство. — Погребеніе. — Религіозныя мистеріи. — Шахъ и его правительство.

Бракъ у персіянъ заключается очень рано и, за исключеніемъ немногихъ членовъ духовныхъ орденовъ, неженатыхъ мужчинъ и незамужнихъ женщинъ почти нѣтъ. Обыкновенно невѣсту берутъ изъ своего рода, причемъ вслѣдствіе замкнутой жизни рѣдко случается, чтобы женихъ не только узналъ, но даже видѣлъ свою суженую. Поэтому главную роль въ этомъ дѣлѣ играютъ свахи. Дѣвушки выходятъ замужъ уже на десятомъ, двѣнадцатомъ году, какъ вообще на югѣ, гдѣ возмужаніе настаеъ раньше. Согласно обычаю и религіи, персіанинъ, кромѣ главной жены или женъ на всю жизнь, называющихся „акди“, можетъ заключать несчетное число временныхъ браковъ „сигэ“. Ѣдетъ ли персіанинъ на богомолье, съ товарами, въ какую-нибудь экспедицію, даже на охоту, онъ можетъ во время своихъ временныхъ остановокъ заключать сигэ. Для этого достаточно пригласить первое попавшееся духовное лицо, муллу или муштегиди, который за скромное вознагражденіе произнесетъ установленные обрядами молитвы и утвердитъ договоръ между женихомъ и невѣстой или ея родителями; въ договорѣ обозначено, на какой срокъ заключается „сигэ“, и какую сумму долженъ заплатить мужъ женѣ, когда они разстанутся. Какъ легко заключается бракъ, такъ же легко и просто онъ расторгается съ помощью того же муллы: согласно Корану, мужъ во всякое время и безъ всякаго повода, хотя бы по прихоти, можетъ развестись съ женой и отпустить ее на всѣ четыре стороны. Мужъ дома среди своихъ женъ высшій властелинъ надъ ними и надъ дѣтьми. На дѣлѣ это однако не всегда такъ. Какъ ни унижительно и безправно положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ, оно смягчается въ нѣкоторыхъ случаяхъ разными обстоятельствами, напр., если у жены знатные родственники, черезъ которыхъ мужъ надѣется получить должность или подрядъ и т. п. Многоженство, какъ оно ни любезно сердцу персіанина, составляетъ однако исключеніе и чаще наблюдается только среди зажиточныхъ классовъ. И понятно—содержаніе нѣсколькихъ женъ, изъ которыхъ каждой съ ея дѣтьми требуется особое помѣщеніе и прислуга, обходится дорого; нѣсколько женъ при слабомъ характерѣ мужа способны отравить ему существованіе, потому что каждая заботится только о себѣ и всѣми правдами и неправдами старается занять первое мѣсто въ домѣ и устроить такъ, чтобы состояніе, или по крайней мѣрѣ, большая часть его досталась въ наслѣдство ея дѣтямъ.

Преисполненные суевѣрій, неразвитыя персіянки изъ богатаго дома проводятъ время въ эндерунѣ въ совершенной праздности, такъ какъ всѣ работы исполняются въ Персіи мужчинами, даже бѣлье моютъ прачки-персы. Взаимныя посѣщенія, болтовня, сплетни, ссоры и брань, наряжанье, куреніе и жеванье сластей, сонъ—вотъ главное времяпрепровожденія въ эндерунѣ. Дѣти съ малаго возраста присутствуютъ въ такомъ обществѣ и со всею впечатлительностью своего возраста впитываютъ эту ядовитую атмосферу, въ которой невѣжество сплетается съ темнымъ суевѣріемъ, зависть, злоба и коварство обвиваютъ самыя лучшія чувства. Дѣти одной жены часто ненавидятъ своихъ братьевъ отъ другой, въ крайнемъ случаѣ совершенно равнодушны къ нимъ. Особенно печальныя послѣдствія имѣло это при шахскомъ дворѣ: прежде наслѣдникъ шаха нерѣдко вступалъ на тронъ, обогранный кровью своей ближайшей родни. Такъ какъ подобныя происшествія вызывали волненія въ странѣ, свалки и мятежи, то русское правительство еще въ началѣ XIX столѣтія потребовало, чтобы шахъ при жизни назначалъ себѣ наслѣдника, которому всѣ заинтересованныя въ дѣлахъ Персіи державы обеспечивали спокойное восшествіе на тронъ.

У крестьянъ и бѣдняковъ обыкновенно не бываетъ больше одной жены. Въ этихъ классахъ общества положеніе женщины тѣмъ лучше, что она живетъ не взаперти, не носить или рѣдко носить покрывало, и не имѣетъ соперницъ въ домѣ. Зато на нее смотрятъ, какъ на низшее существо и цѣнятъ больше, какъ рабочую силу. Сплошь и рядомъ отъ дѣвушекъ освобождаются здѣсь продажей ихъ проѣзжимъ купцамъ и чиновникамъ въ качествѣ сигѣ. Есть въ Персіи мѣсто, куда въ базарные дни окрестные крестьяне приводятъ своихъ дочерей якобы для выдачи ихъ замужъ, на самомъ же дѣлѣ на продажу, и женщину, какъ корову, можно купить за 40—50 рублей на наши деньги.

Тяжелое, угнетенное и унижительное положеніе женщины и безобразные семейные порядки, какіе господствуютъ на Востокѣ вездѣ, одна изъ главныхъ причинъ развращенности населенія, которое мѣшаетъ европейскимъ нравамъ утверждаться на Востокѣ.

Персіяне исповѣдуютъ магометанство, которое послѣ нашествія арабовъ почти вытѣснило древнюю религію Заратустры. Магометъ ввелъ мало новаго въ свою религію, онъ только узаконилъ и привелъ въ порядокъ, „заключилъ въ правила“, всѣ понятія и обычаи Востока. Поэтому его религія распространилась такъ легко всюду, гдѣ господствовали сходные нравы, больше однако среди семитическихъ и турецкихъ народовъ. Персіяне въ качествѣ арійцевъ всегда чувствовали себя особымъ народомъ и относились, поэтому, къ сосѣдямъ враждебно. Хотя они приняли религію Магомета, но въ концѣ концовъ случилось такъ, что и въ религіи они обособились отъ другихъ народовъ Востока — они шиты, т. е. не признаютъ позднѣйшихъ толкованій, „суннѣ“, присоединившихся къ Корану послѣ Магомета, и не почитаютъ первыхъ халифовъ, кромѣ Али и его преемниковъ. На почвѣ національной вражды къ арабамъ и туркамъ развилась и обособленность въ религіи, и шиты ненавидятъ и презираютъ сунитовъ нисколько не меньше, чѣмъ невѣрныхъ. Сила мысли и блестящія способности персидскаго народа проявлялись въ томъ, что среди него всегда были живы разнообразныя ученія всѣхъ философскихъ оттѣнковъ, которыя ставили своей задачей разрѣшеніе вѣчно интересующихъ человѣка вопросовъ жизни какъ-то: существо Бога, загробный міръ, душа человѣка, устройство общества на землѣ и другіе тому подобные вопросы, которые обсуждаются ученіями этихъ сектъ съ такою же страстностью и умственными ухищреніями, какъ это было въ Европѣ въ эпоху схоластики. Нѣкоторыя изъ такихъ сектъ, какъ напр., послѣдователи Баба, „бабиды“, неразъ пытались пробудить персидскій народъ и привить ему лучшія понятія о личности и ея правахъ, поднять положеніе женщины, подавить произволь власти и духовенства и замѣнить господствующее положеніе болѣе справедливымъ строемъ жизни. Но всѣ ихъ попытки не имѣли пока успѣха, потому что бѣдный и невѣжественный персидскій народъ не въ силахъ стряхнуть съ себя иго чиновниковъ, духовныхъ и купцовъ, небольшая кучка которыхъ благоденствуетъ, въ то время, какъ большинство персіянъ буквально стонетъ отъ тяжелой работы, отъ насилія и грабежей, погрязаетъ въ нечистотѣ и гибнетъ отъ самыхъ отвратительныхъ болѣзней.

Трудно себѣ представить, до какой степени обыденная жизнь персіянина даже въ самыхъ ничтожнѣйшихъ мелочахъ опутана предписаніями Корана, толкованіемъ духовенства и укоренившимися обычаями. Духовенство, блюститель чистоты вѣры, постоянно дополняетъ коранъ своими толкованіями и предписаніями; сами окаменѣвъ въ нелѣпой неподвижности, духовные изъ страха новизны, которая можетъ вмѣстѣ съ вѣрой уронить ихъ выгодное положеніе, неизмѣнно объявляютъ нечистымъ, „нѣджисъ“, всякое новшество, всякую новую вещь, появившуюся изъ-за границы. Еще недавно въ Хорасанѣ вспыхнулъ мятежъ, поднятый однимъ муллой по тому простому поводу, что по приказанію шаха въ городѣ устроили электрическое освѣщеніе. Мулла не только пастырь души, онъ адвокатъ, судья, законодатель и цензоръ нравовъ. То обстоятельство, что онъ является хранителемъ чистоты вѣры, дѣлаетъ его независимымъ отъ всякой власти. Такъ какъ духовенство пользуется полной свободой, ни передъ кѣмъ и ни за что не отвѣчаетъ, а только изрекаетъ приговоры, отпираетъ и запираетъ ворота рая,

то въ этомъ и кроется причина его неограниченнаго умственнаго господства и притомъ не только въ дѣлахъ вѣры, но во всѣхъ случаяхъ обыденной и общественной жизни. Самъ шахъ со всей арміей своихъ чиновниковъ и солдатъ безсиленъ привести въ исполненіе какую-нибудь перемѣну, если духовные воспротивятся почему-либо его намѣренію. Они дѣлаютъ ему и приближеннымъ его нѣкоторыя уступки, чтобы не возстановить противъ себя тотъ классъ общества, который обираетъ и угнетаетъ въ союзѣ съ ними народъ, но всегда очень неохотно и осторожно. Шіитское духовенство представляетъ такимъ образомъ главный оплотъ существующаго въ Персіи безобразнаго строя. Въ глазахъ духовенства все является „неджистъ“—керосинъ, спички, желѣзныя дороги, и только жадность и продажность муллъ избавляетъ европейскихъ купцовъ, предпринимателей и администраторовъ отъ хлопотъ и неприятностей. Каждое важное мѣропріятіе обсуждается при участіи главнаго муштагида, живущаго въ Кербелахъ, и другихъ выдающихся духовныхъ. Банки и всякія предпріятія, во главѣ которыхъ стоятъ европейцы, нерѣдко щедро оплачиваютъ скромное молчаніе этихъ благочестивыхъ мужей во избѣжаніе неприятностей. Волненія и мятежи, если они не вызваны звѣрскимъ грабежомъ чиновниковъ, всегда поднимались духовенствомъ, если имъ не нравилось нововведеніе, или если представителей его не успѣли умаслить. Ряды духовныхъ пополняются множествомъ добровольцевъ, которые, совершивъ странствіе въ Мекку, вырубиваютъ по дорогѣ коранъ и возвращаются домой хаджами. Приверженность къ суевѣріямъ, привычка подчинять свою душу обрядности, заглушать свободное мышленіе и критическое отношеніе къ дѣйствительности поддерживается въ народѣ ватагами изступленныхъ дервишей, множествомъ богомолій къ могиламъ святыхъ, изъ которыхъ наиболѣе чтимыя находятся въ Кербелахъ, въ святомъ городѣ Мешедѣ, чудесами и чудесными явленіями. Тяжелая жизнь поддерживаетъ въ душѣ простолюдина перса по крайней мѣрѣ горячую вѣру въ справедливое воздаяніе за гробомъ, но среди высшаго сословія религія никогда не пользовалась нравственнымъ вліяніемъ, представляя изъ себя только ширмы, за которыми спокойно живетъ самой черной совѣсти. Исполняя одни обряды, иногда больше для вида, чтобы не навлечь на себя неприятностей, или по привычкѣ, персіянинъ пребываетъ въ пріятной увѣренности выполненнаго долга и не задается вопросомъ, не противорѣчатъ ли волѣ Бога и требованіямъ совѣсти его дѣянія въ качествѣ кровопійцы-ростовщика, грабителя-чиновника, плута-купца. Школы, которыми завѣдуетъ духовенство, посѣщаютъ далеко не всѣ; знакомство съ грамотой является главнымъ образомъ средствомъ къ тому, чтобы читать коранъ и пріобрѣсти самыя необходимыя познанія въ религіи. Однако персіяне любятъ живую бесѣду, рассказы, сказки, анекдоты, чувствуютъ и понимаютъ поэзію; поэтому грамота открываетъ имъ дорогу къ пользованію довольно богатой персидской литературой, и нерѣдко среди образованнаго класса можно встрѣтить людей, бесѣда съ которыми доставляетъ истинное наслажденіе. Богатый и развитой персидскій языкъ заключаетъ много литературныхъ произведеній и потому вмѣстѣ съ арабскимъ играетъ вездѣ на Востокѣ такую же роль, какая въ недалекомъ прошломъ принадлежала въ Европѣ французскому. Недостатки образованія пополняются у персіянь странствіями по богомольямъ, къ которымъ персіяне очень склонны, тѣмъ болѣе что такое благочестивое путешествіе соединяетъ душеспасительныя цѣли съ наживой: богомалець по дорогѣ торгуетъ, такъ что нерѣдко привозитъ домой, кромѣ спасенной души, туго набитый карманъ. Заботы о спасеніи души персіянинъ простираетъ такъ далеко, что, если только позволяютъ средства, оставляетъ сумму на то, чтобы тѣло его отвезли и похоронили въ Кербелахъ или Мешедѣ возлѣ „святыхъ“, которые при концѣ міра первые возстанутъ отъ звуковъ ангельскихъ трубъ и помогутъ покоящимся возлѣ нихъ прошмыгнуть въ рай. Извѣстно, что Персія является постояннымъ очагомъ холеры, чумы и самыхъ отвратительныхъ кожныхъ болѣзней. Одной изъ причинъ, способствующихъ развитію заразы и занесенію ея къ сосѣдямъ, являются толпы грязныхъ богомольцевъ и караваны мертвецовъ. Вотъ какъ опи-

сываеть одинъ путешественникъ такой караванъ: „въ полночь мы услышали вдали однозвучный звонъ колоколець, и, какъ я узналъ, это былъ шедшій на часъ пути впереди большой караванъ. Мы удвоили шаги, чтобы нагнать его, но едва приблизились мы къ нему на нѣсколько сотъ шаговъ, какъ въ воздухѣ запахло невыносимымъ запахомъ разлагающихся труповъ. Персіяне сейчасъ же угадали причину этой вони. По мѣрѣ приближенія запахъ становился сильнѣе и ужаснѣе, и когда я, мучимый любопытствомъ, спросилъ, то узналъ, что это караванъ мертвецовъ. „Караванъ мертвецовъ?“ спросилъ я себя, — „это любопытно“. Я приступилъ съ разспросами къ спутнику, но онъ крикнулъ только „скорѣй, скорѣй!“ и, пришпоривъ своего безъ того измученнаго ослика, я успѣлъ въ обществѣ остальныхъ всадниковъ нагнать страшный караванъ, состоявшій примѣрно изъ 40 нагруженныхъ

Группа дервишей.

гробами лошадей и муловъ, которыхъ сопровождали три конныхъ араба. Мы постарались возможно скорѣе миновать его. Тотъ изъ сопровождавшихъ караванъ всадниковъ, которому я успѣлъ заглянуть въ лицо, представлялъ ужасный видъ: блѣдный, съ завязаннымъ ртомъ и носомъ ликъ его казался мертвеннымъ при тускломъ сіяніи луны. Несмотря на ужасный запахъ я не могъ удержаться отъ разспросовъ. Арабъ рассказалъ мнѣ, что онъ странствуетъ съ мертвецами уже десятый день и будетъ въ пути еще 20 дней, прежде чѣмъ достигнетъ Кербеллы, мѣста, гдѣ скончавшіеся благочестивцы изъ любви къ святому мученику, имаму Гуссейну, завѣщали похоронить себя. Обычай этотъ распространенъ во всей Персіи... Часто мертвеца везутъ туда лишь спустя два мѣсяца послѣ смерти, потому что доставка цѣлой партіи покойниковъ стоитъ дешевле. Такъ какъ ради экономіи на мула нагружаютъ три и даже четыре гроба,

то этихъ скончавшихся въ благочестіи стискиваютъ елико возможно въ узкомъ пространствѣ между четырехъ досокъ, не обращая вниманія на то, тонокъ или толстъ усопшій. Иной толстякъ, сплюснутый въ лепешку, прибываетъ въ Кербелу и сходитъ въ могилу стройнымъ и тонкимъ. Зимой такихъ спутниковъ еще можно вынести, но вообразите только себѣ, какое зловоніе испускаютъ благочестивые останки, быстро разлагающіеся въ жаркихъ лучахъ іюльскаго солнца! При этомъ правовѣрнымъ строго запрещены жалобы — какъ де воняетъ покойникъ, потому что трупный запахъ этихъ благочестивыхъ паломниковъ слѣдуетъ считать за ароматъ розы, за благовоніе амбры. Но это обстоятельство не помѣшало моимъ спутникамъ сообщить мнѣ, что арабы, занимающіеся извозомъ мертвецовъ, не выносятъ его долѣе нѣсколькихъ лѣтъ, и даже животныя не могутъ привыкнуть въ отвратительной вони, такъ что дѣлаютъ только одинъ конецъ. Когда мы миновали зловонный поѣздъ мертвыхъ, я оглянулся еще разъ назадъ. Животныя, обременныя длинными гробами, шли, втянувъ головы глубоко въ плечи, и погонщики погоняли печальный поѣздъ глухими криками, сторонясь отъ него возможно дальше. Какое ночное видѣніе въ этой лишенной всякой жизни пустынѣ! Мертвецы достигаютъ мѣста назначенія обезображенными до неузнаваемости, но это обстоятельство не мѣшаетъ персіанамъ держаться благочестиваго, по ихъ мнѣнію, обычая, ибо ихъ питаетъ сладкая надежда очутиться въ день общаго воскресенія возлѣ мученика и перейти оттуда подъ его предводительствомъ въ сіяющія яркой зеленью райскія поля“.

Всего пламеннѣе разгорается національный фанатизмъ персіанъ во время „мохаррема“. Мохарремъ это постъ, учрежденный въ воспоминаніе страданій святого Али и его семьи; онъ длится цѣлый мѣсяць—съ половины апрѣля до середины мая,—и почти вездѣ оканчивается представленіемъ „страстей“ Али. Это опоэтизированная преданіями исторіи о гибели Али, зятя Магомета и 4-го калифа, и его рода въ раздорахъ за халифатъ, послѣдствіемъ чего было раздѣленіе мусульманства на шиизмъ и сунизмъ. Это настоящая театральная пьеса, представленіе которой растягивается на много дней, такъ что вполне соотвѣтствуетъ мистеріямъ, которыми наслаждались народы Европы въ Средніе Вѣка и какія въ исправленномъ и облагороженномъ видѣ сохранились еще теперь кое-гдѣ, напр. въ Обераммергау въ Баваріи. Мистеріи являются вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ драмы, и то обстоятельство, что на ближнемъ Востокѣ онѣ существуютъ лишь у персіанъ, опять таки подчеркиваетъ болѣе широкую и сильную духовную природу этого народа.

Пощеніе, частыя проповѣди и усиленное посѣщеніе мечетей характеризуютъ мохарремъ. Для проповѣдей служатъ, кромѣ мечетей, громадныя шатры, обтянутые краснымъ кумачемъ, внутри которыхъ, такъ же какъ и снаружи, множество хоругвей, знаменъ, зеркалъ, павлиньихъ перьевъ и всякихъ украшеній. Мулла въ бѣломъ плащѣ и чалмѣ, смугло-матовый отъ лишеній поста, съ нафанатизированнымъ лицомъ и блестящими глазами, мягкимъ плавнымъ голосомъ рассказываетъ о страданіяхъ Али и гибели его семьи. Мертвая тишина среди слушателей оттѣняетъ металлическій звукъ его звонкаго голоса, и по мѣрѣ теченія трагическаго разсказа въ толпѣ начинаютъ раздаваться вздохи, всхлипыванія и рыданія.

На второй недѣлѣ поста по городу подъ жалобные звуки восточной музыки начинаютъ ходить процессіи со знаменами, съ помостами, изображающими крѣпость, городъ или мечеть, съ разными эмблемами, какъ напр. отрубленная рука Аббаса, траурныя носилки, которыя имѣютъ цѣлью напомнить участникамъ и зрителямъ воображаемая сцена изъ предсмертной борьбы погибающей семьи халифа. Нерѣдко впереди процессіи движутся ряды фанатиковъ, которые „рѣжутъ себя“ во славу мученій Гуссейна и Хассана. Одни идутъ, завѣшанные до пятъ длинными покрывалами, которыя впереди забрызганы и запятнаны кровью, такъ какъ фанатики при каждомъ шагѣ расцѣкаютъ себѣ лобъ или темя обнаженными шашками или кинжалами. Другіе, обнаженные до пояса, проткнули себѣ на груди, на плечахъ и спинѣ мягкія части кинжалами и увѣшались разными замками, цѣпями и другими

незамысловатыми орудіями пытки, которыя болтаются, какъ вцѣпившіеся или впившіеся въ кожу раки и скорпіоны. При каждомъ взмахѣ сабель они вопятъ: „я Хуссейнъ! я Хассанъ!“ 26-го апрѣля, въ день смерти Хуссейна и Хассана на улицахъ Тегерана выступаетъ громад-ная процессія, въ которой торжественно несутъ носилки съ актерами, изображающими густо утыканные стрѣлами и обогранные кровью трупы и стонущихъ раненыхъ. Общее вниманіе привлекаетъ чучело льва, который при содѣйствіи спрятаннаго въ немъ актера жалобно мяукаетъ и посыпаетъ себѣ голову рубленой соломой. Сцена эта должна изображать, что злодѣянія убійць Али и Хуссейна были таковы, что даже кровожадные звѣри выражали скорбь о гибели несчастныхъ.

Религіозныя представленія, изображающія послѣдовательныя сцены этой мистеріи, происходятъ въ Тегеранѣ на громадномъ внутреннемъ дворѣ зданія, расположеннаго въ центральной части города. Стѣны и ниши обтягиваютъ внутри краснымъ кумачемъ, сверху затягиваютъ его въ защиту отъ палящихъ лучей солнца тентомъ и посыпаютъ весь дворъ мокрымъ пескомъ; кругомъ устраиваютъ галлерей и ложи для зрителей, а сценой служитъ большой четырехугольный помостъ. Хоръ военной музыки и трубачи съ длинными чуть не въ сажень трубами услаждаютъ толпу простого народа и богатыхъ, расположившихся въ увѣшанныхъ дорогими коврами ложахъ, истинно восточной, раздирающей уши музыкой. Обширный дворъ представляетъ изъ себя море человѣческихъ головъ; больше всего шума и стрекотни раздается съ той стороны, гдѣ плотной массой расположились въ своихъ безобразныхъ одеждахъ женщины съ дѣтьми. Полицейскіе „ферраши“ работаютъ здѣсь своими длинными прутьями весьма усердно.

Начало представленія возвѣщается заунывными звуками трубъ, затѣмъ сцена за сценой съ полнымъ реализмомъ разыгрывается въ теченіи многихъ дней трогательная и полная разныхъ драматическихъ эпизодовъ исторія, въ которой тысячи зрителей принимаютъ искреннее участіе воплями, вздохами, рыданіями и біеніемъ въ грудь, проливая потоки слезъ и вдохновляя этимъ доморощенныхъ актеровъ, которые добросовѣстно, съ увлеченіемъ, порою даже талантливо изображаютъ кровожадныя фигуры тирановъ и покорныхъ волѣ судьбы страдающихъ мучениковъ. Кони, верблюды, палатки, толпы воиновъ и слугъ въ яркихъ платьяхъ, единоборства и битвы, прощанья съ родными, жаркія молитвы, приготовленія къ смерти и сцены кроваваго мученичества, сопровождаемыя декламаціей съ воздѣваніемъ рукъ и другими жестами, овладѣваютъ зрителями до такой степени, что толпа какъ одинъ чело-вѣкъ слѣдитъ за развитіемъ трагедіи; врядъ ли среди нея есть одинъ правовѣрный шитъ, которому изображаемое на сценѣ не представляется истинною дѣйствительностью. Наибольшаго напряженія чувства зрителей достигаютъ въ день „катля“, т. е. убійства самого Хуссейна. Въ этотъ день не видно ни одного сухого глаза, вопли, вздохи, проклятія и угрозы невѣрнымъ сунитамъ и громкій плачь оглашаютъ пространство, а груди зрителей покрыты синяками отъ частыхъ и сильныхъ ударовъ. Даже зрители европейцы, попавшіе на это представленіе впервые, съ интересомъ наблюдаютъ наивную игру актеровъ, увлекаемыхъ общимъ настроеніемъ толпы.

Верховная власть въ Персіи сосредоточена цѣликомъ въ рукахъ самодержавнаго, правильнѣе деспотичнаго шаха или „шахъ-инъ-шаха“—царя царей; чѣмъ невѣжественнѣе народъ, тѣмъ, какъ извѣстно, пышнѣе титулы его владыкъ. Въ общественномъ устройствѣ, какъ и въ семейномъ быту персіянъ еще господствуетъ обычай; точныхъ законовъ, которые опредѣляли бы права и обязанности подданныхъ, не существуетъ, и потому власть шаха носитъ какъ бы патріархальный характеръ, а правленіе отличается безграничнымъ произволомъ—персидскій народъ является какъ бы громаднымъ стадомъ, которое, ссорясь между собою и интригуя, стригутъ родственники шаха, любимцы двора и всѣ, кто имъ платитъ за чиновничьи мѣста. Для завѣдыванія отдѣльными отраслями управленія шахъ назначаетъ „министровъ“. Главная обязанность cadaго завѣдывать сборами, поступающими отъ под-

властныхъ ему чиновъ. Часть этихъ сборовъ, вѣрнѣе поборовъ, передается въ казну шаха, а часть, случается что и львиная, остается у министра въ качествѣ жалованья ему, подчиненнымъ чиновникамъ и писцамъ. Тамъ нѣтъ ни департаментовъ, ни архивовъ и канцелярій въ нашемъ смыслѣ. Все дѣлопроизводство сосредоточено въ рукахъ секретаря министра, въ его портфель или мѣшкѣ, съ которымъ онъ совмѣстно съ дюжиной писцовъ слѣдуетъ за министромъ, который въ свою очередь держится всегда въ близкомъ сосѣдствѣ двора. За министрами слѣдуютъ губернаторы областей. На эти должности чаще всего попадаютъ принцы крови и родственники шахскихъ женъ или лица, пріобрѣвшія эти теплыя мѣста взяткой при дворѣ. Главная, чтобъ не сказать единственная, обязанность и забота губернатора это успѣшный сборъ податей. Установленные налоги и подати въ рукахъ оборотистаго и безжалостнаго губернатора возростають въ своемъ размѣрѣ въ нѣсколько разъ. Этотъ излишекъ всецѣло оставался бы ему, превративъ его въ какой-нибудь годъ изъ нищаго въ богача, если бы, особа, занявшая губернаторскій постъ при содѣйствіи значительныхъ при дворѣ шаха лицъ, не являлась для этихъ послѣднихъ дойной коровой. До какой беззащитности доходятъ дѣйствія управителей, можно судить изъ того, что извѣстны случаи, когда губернаторы и другія начальственные лица стояли въ близкихъ отношеніяхъ къ шайкамъ разбойниковъ. Прежде при туркменскихъ набѣгахъ, иные туркмены грабили пограничныя поселенія не иначе, какъ по предварительному уговору съ мѣстнымъ начальствомъ, которое само указывало грабителямъ богатые дома и удобное время, конечно, за условленную долю добычи. Подобно губернатору кормится отъ населенія и его штатъ. Всего спокойнѣе живетъ губернаторамъ исконно персидскихъ областей съ густымъ и смиреннымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Въ областяхъ съ полудикимъ кочевымъ населеніемъ вождѣнія правителя встрѣчаютъ нерѣдко суровый отпоръ. Хотя и рѣдко, но случается, что населеніе города, при слухѣ о назначеніи къ нимъ особенно загребистаго начальника, просто-на-просто не пускаетъ его въ городъ, и шахъ принужденъ бываетъ уступить воплю народа. Жалобы на поборы, на несправедливыя дѣйствія при такихъ порядкахъ и невозможны, и излишни, потому что недовольный отлично знаетъ, что „рука руку моетъ“.

Такимъ образомъ управленіе государственнымъ хозяйствомъ и то, что называется судомъ, въ Персіи имѣетъ самый жалкій видъ; при судопроизводствѣ разныхъ неуголовныхъ дѣлъ все сводится къ взяткѣ, — кто больше дастъ и раньше забѣжитъ, тотъ и правъ, а въ уголовныхъ—при убійствѣ, грабежѣ, кражѣ, виновный можетъ или тоже откупиться или, если смягчить судъ нечѣмъ, то несетъ на себѣ весь ужасъ томленія въ восточной тюрьмѣ, пытокъ и варварскихъ наказаній, среди которыхъ битье палками по пятамъ одно изъ наиболѣе распространенныхъ. Передъ персидскимъ произволомъ всѣ равны; нерѣдко сегодняшній любимецъ завтра лежитъ связанный среди пыльной площади на спинѣ съ задранными вверхъ ногами, чтобы испытать на собственныхъ пяткахъ „чубукъ-фелекэ“ — наказаніе палками, вѣрнѣе гибкими прутьями и бичами. Состоятельные люди откупаются, и тогда положенное число ударовъ отсчитывается такъ, какъ будто палачъ нетвердъ въ счетѣ десятковъ: 21, 31, 41 считаетъ онъ, направляя всю силу гибкихъ прутьевъ на перекладину, не касаясь пятокъ казнамаго, который однако оретъ благимъ матомъ, чтобы не причинить неприятностей палачу и распорядителямъ казни. Преступникъ, угодившій въ тюрьму, помимо собственныхъ страданій, причиняетъ большое горе и ущербъ семьѣ и родственникамъ, которые являются для тюремщиковъ и судей предметомъ самыхъ безсовѣстныхъ вымогательствъ. Безобразные судебные порядки смягчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранившимся отъ древности правомъ „бѣста“, т. е. убѣжища, изъ котораго преступника, согласно обычаю, нельзя извлечь силою.

„При деспотизмѣ и взяточничествѣ чиновниковъ,—пишетъ одинъ путешественникъ,— при отсутствіи правильно устроенныхъ судовъ, „бѣста“ въ Персіи является благотѣльнымъ учрежденіемъ. Главнымъ, такъ сказать, основнымъ бѣстомъ считается всегда какой

либо особо чтимый храмъ. Затѣмъ въ послѣдствіи это понятіе распространилось и на нѣкоторыя другія мѣста; такъ напр. бѣстомъ считается помѣщеніе русскаго посольства, ограда возлѣ одной старинной пушки на площади Тегерана и т. п. Если принять во вниманіе скоропалительность персидскаго судопроизводства, а еще болѣе то, что бѣдняку-персу нечѣмъ откупиться, то отсюда становится понятнымъ, что бѣгство въ такое мѣсто, откуда никакія силы, даже самъ шахъ, не посмѣютъ извлечь убѣжавшаго, является предохранительнымъ клапаномъ противъ взрыва дикаго произвола. Пока подсудимый сидитъ въ бѣстѣ, его друзья и родственники начинаютъ хлопотать у предержавшихъ властей. Очень часто случается, что вся деревня или околотокъ собираютъ свои крохи и несутъ ихъ для умиловленія начальства. Проходя по улицамъ Тегерана, можно иногда наблюдать за желѣзною рѣшеткою старинной пушки какого-нибудь злосчастнаго халатника, который, провинившись, успѣлъ прыгнуть за рѣшетку. Проходящая публика обыкновенно довольно со-

Преступники и тюремщики.

чувственно относится къ такимъ несчастнымъ и подаетъ имъ сквозь рѣшетку хлѣбъ, воду и мелкую монету. При этомъ ни полиція, ни стоящій у рѣшетки оборванный часовой никогда никому не препятствуютъ заниматься такою благотворительностью; каждый изъ нихъ знаетъ, что завтра самъ можетъ очутиться въ бѣстѣ“.

На европейцевъ, посѣщающихъ Персію, положеніе страны и народа производитъ самое удручающее впечатлѣніе. На каждомъ шагу бросается въ глаза нищета низшихъ классовъ; произволь и явный грабежъ господствующихъ слоевъ заложили въ душѣ народа прочное основаніе исполненнаго эгоизма равнодушія ко всему на свѣтѣ, что не касается желудка или кармана. Ни науки, ни искусства, ни техники — ничего нѣтъ, кромѣ обрывковъ, которые заносятся болѣе или менѣе случайно изъ Европы. Крайнее невѣжество, фанатизмъ и фарисейство, нажива подъ всѣми видами кровопійства, полная необеспеченность жизни и имущества дѣлаютъ положеніе Персіи еще болѣе жалкимъ, чѣмъ положеніе Турціи, которою Европа интересуется несравненно болѣе, чѣмъ страной Льва и Солнца.

Однако проникновеніе европейцевъ въ видѣ агентовъ разнаго рода предприятий, пускающихъ корни въ Персію, постепенно привлекаетъ къ ней вниманіе.

Изъ европейцевъ главную роль играютъ англичане, которые сумѣли распространить свое вліяніе и товары до сѣверныхъ пограничныхъ съ Россіей областей. Западная культура незамѣтно втирается въ страну вмѣстѣ съ товарами, пріобрѣтающими широкое распространеніе и общее признаніе. Эта культура уже пытается, конечно ради выгоды ея представителей, внести нѣкоторыя ограниченія въ произволъ властей и нетерпимость духовнаго сословія, которымъ слабая власть шаха не можетъ противустоять. Персія лежитъ между владѣніями сильныхъ сосѣдей, которые уже давно оспариваютъ въ ней другъ у друга свое торговое господство, и когда турецкія владѣнія въ Малой Азіи и Месопотаміи примутъ, благодаря вмѣшательству европейцевъ, болѣе культурный видъ, очередь подчиниться ей наступитъ и для Персіи, которая не можетъ собственными силами, какъ напр., это сдѣлала Японія, выйти на болѣе свѣтлый путь.

А в г а н ы .

Восточную часть Ирана, тамъ, гдѣ между пустынями южной Персіи и песками Туранской впадины вздымаются громадный, разбитый на рядъ параллельныхъ кряжей горбъ Гинду-Куша, населяютъ народы и племена, принадлежащіе также въ великому арійскому племени. Кто путешествуетъ черезъ эти страны изъ Персіи въ Индію, встрѣчаетъ на своемъ пути разнообразныя типы, въ чертахъ которыхъ замѣтно однако много общаго. Постепенныя измѣненія въ типѣ, одеждѣ и нравахъ, въ языкѣ указываютъ, что страна, называемая Авганистанъ, представляетъ какъ бы порогъ, черезъ который много разъ переходили туда и сюда народы въ своихъ передвиженіяхъ съ юга на сѣверъ, съ запада на востокъ. Иранцы, монголы, разныя тюркскія народности и индусы оставили здѣсь слѣды своего пребыванія во время завоеваній и торговыхъ сношеній. Первобытное населеніе этой гористой страны, обличающее въ однихъ мѣстахъ черты семитическаго типа, въ другихъ арійскаго, заселило горныя долины Авганистана въ незапамятныя времена и несомнѣнно придвинулось сюда съ запада и юго-запада. Эти пастушескія племена во время послѣдующихъ нашествій должны были отодвинуться въ глухія горныя долины, куда иноземное вліяніе проникало медленно и урывками, а покинутыя ими лучшія мѣста заняли пришельцы. Плодородныя подножія горъ и разстилавшіяся передъ ними равнины, несмотря на постоянную опасность набѣговъ и нашествій степняковъ, заселились гуще и уже въ отдаленныя времена были усѣяны городами; почти въ каждомъ можно встрѣтить древній „кремль“, крѣпость, висящую на скалѣ въ серединѣ города, постепенно увеличивавшуюся позднѣйшими пристройками, въ которой удѣльные ханы и эмиры искали защиты отъ враговъ и изъ-за стѣнъ которой они угнетали собственныхъ подданныхъ.

Когда въ Азіи послѣ завоеваній монголовъ образовались крупныя владѣнія, Авганистанъ вошелъ въ составъ одного изъ нихъ. Отсюда именно потомки завоевателей, на которыхъ пребываніе въ культурныхъ странахъ Туркестана и Персіи наложило печать высшей азіатской образованности, спустились съ горныхъ высотъ Гинду-Куша въ равнины Индіи и основали въ Дели великое царство мусульманскихъ моголовъ. Но горная природа Авганистана не благоприятствовала земледѣлію и затрудняла торговлю; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и въ Альпахъ, она неволью способствовала разобщенію населявшихъ ея долины племенъ, которымъ скалы, утесы и ущелья ихъ родины обеспечивали больше безопасности, чѣмъ ихъ родичамъ въ сосѣднемъ Иранѣ и Туркестанѣ. Этимъ объясняется, почему Авганистанъ успѣлъ превратиться въ независимое государство, которое сохранило свою самостоятельность до недавняго времени, когда къ его границамъ придвинулись два новыхъ и

мощных сосѣда—Россія и Англія. Взаимное соперничество Россіи и Англіи, въ которомъ Авганистанъ играетъ роль подушки, испытывающей давленіе съ обѣихъ сторонъ, приводитъ къ тому, что владѣнія его постепенно уменьшаются. Россія стремится занять „ключъ Индіи“ — Герать, Англія успѣшно захватываетъ восточныя части Авганистана, устраивая тамъ укрѣпленную линію обороны.

Жители страны, авганы, смѣшанный народъ. Къ иранцамъ, древнимъ обитателямъ плодородныхъ долинъ, которыхъ здѣсь, такъ же какъ въ Туркестанѣ, называютъ таджиками, присоединились ирано-турецкія смѣшанныя народности, каковы кизиль-баши, и чистые турки, какими являются узбеки и хазара. Первобытное населеніе, свѣтло-кожіе, голубоглазые гальчи, зіахпоши, дарды и другіе запрятались въ высокія труднодоступныя долины самой непроходимой сѣверо-восточной части Авганистана. Число всѣхъ жителей Авганистана на пространствѣ 550.000 кв. к. *) колеблется въ предѣлахъ 4—5 миллионъ; двѣ трети этого числа авганы, городскіе и сельскіе таджики составляютъ около 1 мил., а численность прочихъ племенъ въ общемъ незначительна. Авганы, господа страны, сами раздѣляются на племена, изъ которыхъ каждое занимаетъ свою область. По численности и значенію главныя изъ нихъ дурани, хильзаи и юравци, за ними слѣдуютъ болѣе мелкія племена, какъ африды, вазири и, наконецъ, такія, которыя насчитываютъ не болѣе 5000—6000 головъ. Таджики составляютъ наиболѣе культурную часть народа. Они населяютъ города, составляя тамъ классъ купцовъ, ремесленниковъ и промышленниковъ; изъ ихъ рядовъ преимущественно выдвигаются чиновники и министры. Остальная часть ихъ живетъ въ качествѣ осѣдлыхъ земледѣльцевъ въ деревняхъ, разсѣянныхъ кругомъ городовъ въ низинахъ у подножія горъ. Въ образѣ жизни, въ религіи и языкѣ городское населеніе и осѣдлые жители не отличаются отъ своихъ сосѣдей, т. е. на границѣ Персіи они похожи на персіанъ, по сосѣдству съ Бухарой — на бухарцевъ. Между тѣмъ авганы, занимая области горъ, ведутъ больше пастушескій образъ жизни и обращаютъ гораздо меньше вниманія на земледѣліе.

Авганы въ общемъ высокаго роста. Жизнь въ горахъ выработала изъ нихъ худощавыхъ, стройныхъ, но мускулистыхъ людей, которые легко переносятъ лишенія и физическую усталость. Ихъ смуглыя лица продолговаты, впалыя щеки, гдубоко лежащія подъ надбровными дугами, горящіе мрачнымъ огнемъ глаза и большіе носы все вмѣстѣ придаетъ ихъ фізіономіямъ энергичное, рѣшительное выраженіе. Темный цвѣтъ глазъ, волосъ и роскошной бороды еще болѣе усиливаетъ это выраженіе. Горцы западной половины Авганистана отличаются болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, также чаще встрѣчаются между ними шатѣны и рыжіе, и причину тому надо искать въ томъ, что болѣе темные жители восточной части Авганистана испытали болѣе смѣшенія съ темнокожими индусами. Эти смуглыя племена, вѣроятно вслѣдствіе горнаго характера мѣстности, отличаются также болѣе высокимъ ростомъ, стройнѣе и граціознѣе въ движеніяхъ, чѣмъ ихъ западные сосѣди. Ни тамъ, ни здѣсь жители не создали, какъ другіе жители горъ — шотландцы, тирольцы, албанцы, своей особой, національной одежды. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, авганы мало отличаются отъ своихъ сосѣдей, у которыхъ они заимствовали почти все, начиная съ одежды и кончая религіей. Въ городахъ, въ особенности такихъ, какъ Герать, Кабуль, Кандахаръ, Балхъ, стоящихъ на оживленныхъ торговыхъ дорогахъ, можно наблюдать пеструю картину быта, въ которомъ легко замѣтить скрещивающіяся вліянія Индіи, Персіи, Бухары и даже Европы. Къ какой границѣ ближе расположенъ городъ и его область, то вліяніе и перевѣшиваетъ въ немъ остальные, и потому на персидской сторонѣ чаще встрѣчаются персидская одежда, персидское убранство домовъ, персидскіе нравы, между тѣмъ какъ на сторонѣ, обращенной къ Индіи, рѣшительный перевѣсъ во всемъ, кромѣ

*) Считаю и Ваханъ—680.000 кв. к.

религии, беретъ эта страна. Оттого базары многихъ изъ этихъ городовъ могутъ служить путешественнику какъ бы для предварительнаго знакомства съ Персіей, Индіей и Бухарой. Что касается представителей тѣхъ племенъ, которыя раскинули свои жилища по захолустнымъ горнымъ долинамъ, то тамъ ограничиваются самой необходимой и простой одеждой—длинной рубахой, широкими, чаще всего черными штанами и плащемъ или накидкой изъ овечьяго мѣха, лохматой и грязной, которая болтается за спиной. Только головной уборъ представляетъ больше разнообразія, являясь предпочтительнымъ предметомъ вниманія своего обладателя. Обыкновенно это или высокая баранья шапка, или чалма изъ какой-нибудь цвѣтной тряпки. Горная природа не позволяетъ ходить босикомъ, поэтому одни племена носятъ сапоги, между тѣмъ какъ другія носятъ туфли или сандалии изъ толстой кожи, оборки которыхъ туго оплетаютъ ногу до колѣна. Какъ вездѣ, женскій нарядъ отличается большей сложностью и щегольствомъ, для чего служатъ главнымъ образомъ разныя металлическія подвѣски: серьги въ ушахъ и ноздряхъ, серебряныя и золотыя цѣпочки, которыми обвиваютъ прическу, золотыя и серебряныя монеты, нанизанныя въ видѣ бусъ и нашивокъ. Большую роль въ одеждѣ авгана играетъ оружіе, такъ какъ всѣ племена, хотя и входятъ въ составъ государства и повинуются одному главѣ, очень воинственны вслѣдствіе частыхъ раздоровъ, которые возникаютъ у нихъ по многимъ, часто кажущимся европейскому наблюдателю маловажнымъ, причинамъ: споры за пастбища, кровная месть, соперничество и застарѣлая вражда между представителями старинныхъ родовъ. Оружіе въ видѣ длинныхъ и тяжелыхъ фитильныхъ ружей или кремневокъ, такихъ же изукрашенныхъ узорчатой позолотой и чернью монументальныхъ пистолетовъ и оправленныхъ въ пожелтѣвшую отъ времени и употребленія слоновую кость кривыхъ ножей индійской формы „кухри“ обвѣшиваетъ авганскаго воина съ ногъ до головы. Въ прежнія времена бѣдные, но воинственные и храбрые авганскіе горцы нанимались въ войска сосѣднихъ хановъ и эмировъ Туркестана, образуя въ ихъ арміяхъ отборные отряды гвардіи и тѣлохранителей.

Внѣшній видъ городовъ Авганистана обличаетъ въ архитектурѣ строеній и убранствѣ домовъ ту же смѣсь разнородныхъ вліяній, какую мы замѣчаемъ въ одеждѣ и бытѣ. Но такъ какъ города вродѣ Герата, Газни, Кабула представляли важныя стратегическія пункты, за обладаніе которыми велись кровопролитныя войны, то почти всѣ они укрѣплены. Сохранившіяся стѣны и башни свидѣтельствуютъ объ упорныхъ осадахъ и бояхъ, но теперь, конечно, укрѣпленныя твердыни ихъ не представляютъ никакой серьезной защиты противъ современной артиллеріи. Несмотря на то, что города эти, особенно Газни въ прошломъ, а Кабуль теперь, являлись столицами блестящихъ завоевателей, въ ряду которыхъ можно насчитать немало властителей, понимавшихъ и цѣнившихъ искусства, города Авганистана далеко не отличаются такими памятниками восточнаго зодчества, какія ученый путешественникъ встрѣчаетъ въ Персіи, Туркестанѣ и Индіи. Торговля также не обогатила и не украсила ихъ, потому-что авганы не отличаются склонностью къ ремесламъ, сами производятъ и покупаютъ мало, такъ что товары скорѣе проходятъ черезъ Авганистанъ изъ Индіи въ Туркестанъ и Персію или обратно.

Домъ горожанина представляетъ нерѣдко нѣсколько этажей съ большими комнатами, разделенными деревянными перегородками. Какъ вездѣ на Востокѣ, домъ окружаетъ дворъ, лучше сказать, садъ съ плодовыми деревьями и неизбѣжнымъ фонтаномъ или бассейномъ. Внутреннее убранство менѣе богато, чѣмъ это можно наблюдать въ Персіи, но все же ковры, мягкія подушки и кальяны располагаютъ къ безмятежной лѣни и изнѣженному комфорту. Сельскіе жители и горцы ведутъ суровый образъ жизни въ своихъ деревняхъ, гдѣ дома, грубо сложенные изъ камня со щелями, заткнутыми мохомъ, лѣплятся по скалистымъ склонамъ, точно гнѣзда ласточекъ.

По характеру своему авганы общительный, гостепріимный и любящій веселье народъ; пляски, музыка, азартная игра и бои верблюдовъ, барановъ, пѣтуховъ и перепеловъ люби-

мыя развлеченія. Также часты и любимы стрѣльба въ цѣль, джигитовка и конныя игры, особенно у племень конныхъ кочевниковъ. Веселость и общительность не мѣшаютъ авгану быть скрытнымъ и мстительнымъ; послѣднее качество привито имъ родовымъ бытомъ, въ которомъ обязательная месть за убитаго родича играетъ не малую роль. Авганамъ приписываютъ также коварство и вѣроломство, качества, которыя они могли заимствовать, какъ отъ индусовъ, такъ и отъ персіянъ и узбековъ Туркестана.

По религіи авганы рѣзко отличаются отъ персіянъ,—хотя они магометане, и Коранъ лежитъ въ основѣ ихъ обычаевъ и права, но они сунниты, а не шиты, въ отдаленныхъ же углахъ страны, куда не проникла проповѣдь мусульманства, первобытное населеніе сохранило древнія вѣрованія. По этой причинѣ дикіе горцы сѣверо-восточнаго Авганистана являются въ глазахъ остальнаго населенія „кафирами“, т. е. невѣрными. Поэтому сѣверо-восточная горная часть Авганистана называется „Кафиристанъ“, страна невѣрныхъ. Хотя Коранъ служить руководствомъ, въ которомъ указаны правила на всѣ случаи жизни, однако у разныхъ авганскихъ племень, вслѣдствіе племенной обособленности и рѣдкихъ сношеній съ сосѣдями, сохранились свои обычаи, какъ напр. „джирга“, нѣчто вродѣ суда присяжныхъ.

Духовенство у авганъ пользуется далеко меньшимъ вліяніемъ, чѣмъ въ сосѣднихъ странахъ. Также мало развитъ чисто религіозный фанатизмъ. Въ каждомъ племени есть роды и семьи, играющіе видную роль. Ихъ соперничество является причиной раздоровъ и мелкихъ войнъ, къ которымъ часто присоединяются волненія и мятежи, направленные противъ эмира, государя Авганистана, живущаго въ своемъ роскошномъ дворцѣ въ Кабулѣ. Родовой бытъ, существованіе родовитыхъ семей, обособленность племень и гористая природа страны, затрудняющая военныя дѣйствія, все это обезпечиваетъ авганскимъ племенамъ гораздо большую долю независимости и умаляетъ самодержавную власть эмира. Эмиру на каждомъ шагу приходится считаться съ желаніями и требованіями подданныхъ, и есть въ его имперіи углы, гдѣ приказанія его не болѣе, какъ пустой звукъ. Эмиръ принужденъ раздѣлять съ главарями племень свою на первый взглядъ самодержавную власть, но сила и вліяніе старшихъ и главарей въ свою очередь ограничена господствующими обычаями и духомъ независимости, таящимся въ каждомъ авганѣ. Такъ напр. судъ, который творитъ утвержденный эмиромъ племенной ханъ или намѣстникъ изъ Кабула или старшины гарантируетъ обвиняемому почти полную справедливость. Нерѣдко онъ происходитъ на полянѣ, на площадкѣ среди селенія или возлѣ дома старшины въ присутствіи множества слушателей, которые вмѣшиваются въ дѣлопроизводство со своими замѣчаніями и совѣтами, направляя правосудіе по должному руслу. Насилія старшинъ и эмира встрѣчаютъ глухой или явный отпоръ, а если сила беретъ верхъ, то накопляющееся, какъ лавина, недовольство разражается долгою грозой въ моменты смерти эмира и раздоровъ его наслѣдниковъ за престолъ, въ которыхъ каждое значительное племя принимаетъ то или другое участіе и успѣваетъ возстановить свои попранныя права.

Всѣ эти обстоятельства внутренней жизни объясняютъ намъ національныя черты авганъ: храбрость, рѣшительность, духъ независимости, гордость, сознаніе племенной и національной обособленности, презрительное отношеніе къ сосѣдямъ, которые превосходятъ ихъ культурой, но рабски подавлены и потеряли столь цѣнное вольными кочевниками горъ сознаніе человѣческихъ правъ. На базарахъ Туркестана вы всегда отличите въ пестрой толпѣ, составленной изъ таджиковъ, узбековъ, киргизовъ, туркменъ, индусовъ и китайцевъ, авгана по его воинственному виду, гордой, рѣшительной походкѣ и выраженію лица, на которомъ написано, что всякій обидчикъ дорого поплатится за малѣйшую обиду. Еще болѣе дики они у себя въ горахъ, и ихъ національный, а не религіозный фанатизмъ, какъ въ другихъ странахъ мусульманскаго Востока, придаетъ путешествіямъ изслѣдователей страны опасный характеръ.

Авганскіе эмиры, принужденные лавировать между притязаніями Россіи и Англій,

преслѣдуютъ, конечно, свои цѣли, но рядъ войнъ, вначалѣ удачныхъ, но кончавшихся все-таки побѣдой англичанъ, показалъ имъ, что интересы Авганистана связаны тѣснѣе съ Индійской имперіей, и что со стороны русскихъ, которые послѣдовательно покорили Хиву, Коканъ, смирили Бохару и мервскихъ туркменъ, и придвинули свою границу къ самому Авганистану, имъ грозитъ большая опасность. Поэтому авганскіе эмиры обнаруживаютъ въ своей политикѣ гораздо больше склонности опираться на могущество и помощь англичанъ и проявляютъ недовѣрчивую осторожность по отношенію къ русскимъ.

Волненія среди пограничныхъ съ Индіей племенъ не разъ давали англичанамъ поводъ

Балуджи изъ британскаго Балуджистана.

вмѣшиваться въ авганскія дѣла. Въ концѣ концовъ они успѣли присоединить къ Индійской Имперіи Читраль, Сватъ, область племенъ африди и вазири и сѣверо-восточную часть Белуджистана. Изъ этихъ областей образовалась длинная полоса вдоль восточной границы Авганистана, которую англичане прочно укрѣпили на случай вторженія русскихъ въ Индію черезъ Авганистанъ.

Балуджи.

Крайній юго-восточный уголъ Ирана занимаетъ страна, населенная родственными персіянамъ и авганамъ народомъ — балуджами или балуджами. Балуджи раздѣляются на племена, общая численность которыхъ едва-ли превосходитъ 400.000. Одни изъ нихъ населяютъ пустынно-степную середину страны и ту часть, которая примыкаетъ къ Персіи, а также жаркій и пустынный берегъ

моря. Другія, болѣе многочисленныя племена занимаютъ гористый сѣверо-востокъ, часть котораго занята англичанами. Жители пустыни сосредоточиваются въ бѣдныхъ оазисахъ, гдѣ, подобно тому какъ въ Аравіи, не мало подспорья доставляетъ имъ финиковая пальма. Конные воинственные кочевники, не столько одѣтые, сколько обвѣшанные оружіемъ, играютъ по отношенію сосѣдней персидской провинціи Кирманъ такую же роль, какую недавно играли для Хорасана туркмены. Шайки балуджей вторгаются въ персидскія селенія, грабятъ и уводятъ плѣнныхъ, и это едвали не единственныя сношенія, которыя они поддерживаютъ со своими болѣе культурными сосѣдями. При взглядѣ на рослыхъ и стройныхъ балуджей, на ихъ бородатыя и лохматыя головы съ рѣзкими чертами лица,

Балуджи старшины племень.

невольно припоминаются тѣ рельефныя фигуры мускулистыхъ воиновъ съ волнистыми кудрями и курчавыми бородами, какія смотрятъ на насъ съ памятниковъ древней Ассиріи и Персіи. Дѣйствительно, балуджи, несомнѣнно, пришли въ свою страну съ запада и, вѣроятно, между древними пришельцами арійской крови было немало семитовъ. Недаромъ авганы и балуджи рассказываютъ преданіе, будто предками ихъ являются плѣнные вавилонянами евреи. Въ своей странѣ они, повидимому, застали первобытное, темнокожее и уродливое племя, остатки котораго, по увѣренію ученыхъ, сохранились въ странѣ до сихъ поръ, какъ они сохранились среди арійскаго населенія Индостана.

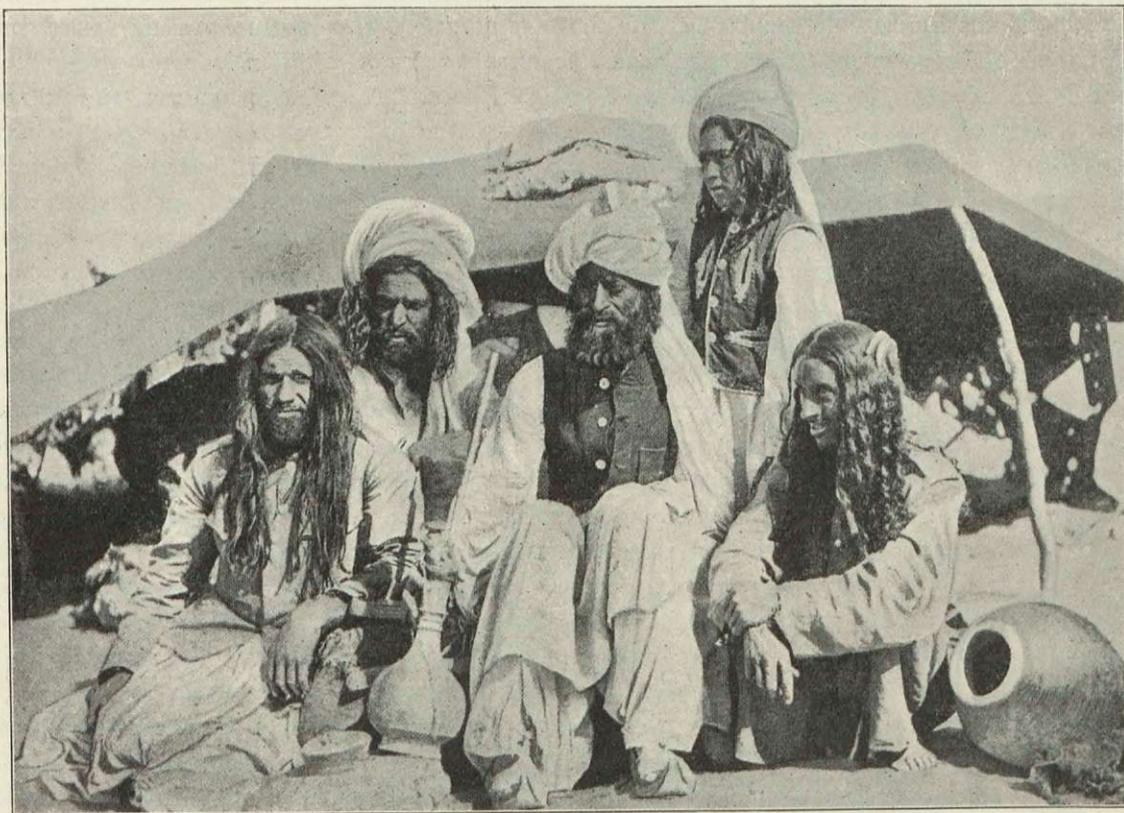
По своему происхожденію, по культурѣ, по языку балуджи принадлежатъ къ группѣ народовъ Ирана, но скудость природныхъ богатствъ ихъ жарко-знойной родины и уединенное положеніе ея въ сторонѣ отъ сухопутныхъ и морскихъ торговыхъ путей придали характеру балуджей и ихъ быту отсталый, полуварварскій характеръ. Малолюдные и рѣдкіе города представляютъ захолустья, куда рѣдко заглядываютъ купцы. Даже Келатъ, „столица“ Белуджистана, несмотря на грозныя стѣны своего кремля, за которыми прячется эмиръ, имѣетъ всего нѣсколько десятковъ тысячъ жителей. Здѣсь же прозябаетъ англійскій резидентъ, который не мѣшаетъ эмиру разыгрывать владыку, но на дѣлѣ оставляетъ ему лишь призрачную власть, тѣмъ болѣе ничтожную, что племена балуджей обнаруживаютъ еще менѣе склонности повиноваться властителю Келата, чѣмъ племена авгановъ своему эмиру. Если исключить обрывки магометанской религіи, кое-какія европейскія издѣлія и присутствіе въ странѣ немногихъ англичанъ, то въ остальномъ полудикіе балуджи продолжаютъ жить такъ же, какъ жили ихъ отдаленные предки, когда Белуджистанъ входилъ въ составъ древне-персидскихъ сатрапій. Между тѣмъ балуджи живутъ въ странѣ, которая, подобно Авганистану, лежитъ между болѣе культурными странами, хотя и нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ. Когда международныя отношенія перестанутъ грозить войною, и на мѣстѣ крѣпостей станутъ пристани и станціи желѣзныхъ дорогъ, балуджи, вѣроятно, приобщатся къ нашей культурѣ благодаря тому, что желѣзнодорожный путь въ Индію изъ Персіи и изъ русскаго Туркестана долженъ пройти черезъ ихъ страну.

А р а б ы.

Громадный Аравійскій полуостровъ *), пространство котораго равняется половинѣ поверхности Европейской Россіи, протягивается изъ тропическаго пояса въ подтропическій. Онъ лежитъ въ широкой полосѣ бездождія, перекидывающейся изъ сѣверной Африки въ Азію, въ полосѣ, гдѣ пустыня является главной госпожей земной поверхности. Два залива Индійскаго океана—Красное море и Персидскій заливъ вдвигаются въ сушу по обѣ стороны полуострова, но узкія водныя скатерти ихъ, при всей силѣ испаренія, не въ состояніи ослабить знойную сухость воздуха, обвѣвающаго землю. На сѣверѣ Аравія безъ всякой природной границы сливается съ Палестиной, Сиріей и Месопотаміей, съ которыми у нея такъ много общаго въ природѣ, населеніи и его культурѣ. Внутренняя часть ея представляетъ высокую плоскость, окруженную кольцомъ пустыни, песчаной съ юга, запада и востока и каменистой съ сѣвера. Этотъ внѣшній кругъ опоясанъ въ свою очередь полосой низкихъ и бесплодныхъ горъ, достигающихъ значительной высоты, ширины и плодородія лишь на югѣ, въ Іеменѣ и Оманѣ. За ними лежитъ узкая кайма берега. Поверхность внутренняго плато, Неджедъ, что значитъ „высокая земля“, составляетъ нѣсколько менѣе половины пространства всего полуострова. Если къ этой центральной плоскости присоединить всѣ плодородныя мѣста внѣшняго пояса, то окажется, что Аравія заключаетъ въ

*) 2.730,000 кв. к.

себѣ двѣ трети обработанной или по крайней мѣрѣ годной къ обработкѣ земли. Остальная треть ея — безнадежная пустыня, особенно на югѣ, гдѣ разстилается безлюдная пустыня Дана или Роба-эль-Хали. Изъ нея, подобно длиннымъ языкамъ, полосы песковъ протягиваются въ сѣверо-восточномъ направленіи внутрь Аравіи, гдѣ эти песчаные участки называются „нефудъ“. Одинъ путешественникъ рисуетъ пустыню Аравіи слѣдующими чертами: „Мы шли по громадному океану сыпучаго красноватаго песку, казавшагося безграничнымъ и покрытаго громадными песчаными кряжами, которые шли отъ сѣвера къ югу параллельно одинъ другому, волна за волной. Каждый холмъ имѣлъ двѣсти или триста футовъ средней высоты, отлогіе бока и круглую вершину, изборожденную во всѣхъ направленіяхъ причудливыми вѣтрами пустыни. Въ глубинѣ ущелья, среди этихъ

Брагуи — племя балуджей.

холмовъ, путешественникъ чувствуетъ себя какъ-бы заключеннымъ въ душную песчаную яму, обставленную горячими стѣнами со всѣхъ сторонъ. Взбираясь на склонъ ихъ, онъ видитъ внизу обширное огненное море, вздымающееся подъ напоромъ вѣтра и раздробляемое поперечнымъ дуновеніемъ на мелкія краснознойныя волны. Нѣтъ ни убѣжища, ни отдыха для глазъ или членовъ среди этихъ потоковъ свѣта и зноя, льющихся съ высоты и отражаемыхъ внизу съ такимъ же нестерпимымъ блескомъ. Прибавьте къ этому утомительность пути въ длинные лѣтніе дни. Мы подвигались съ трудомъ или, лучше, перебирались въ бродъ по жидкой и жгучей почвѣ на спотыкавшихся и полудурѣлыхъ верблюдахъ, засыпая ночью только на нѣсколько прерываемыхъ часовъ и не имѣя днемъ никакого отдыха по совершенному отсутствію пристанища. У насъ было мало запасовъ пищи, а еще менѣе питья, и при томъ теплая и утратившая свой цвѣтъ вода въ бурдю-

какъ быстро убавлялась не столько отъ употребленія, сколько отъ испаренія. Вертикально падавшее солнце жгло до того, что одежда, багажъ, попоны—все принимало горѣлый запахъ и едва допускало прикосновеніе“.

Внутренность страны представляетъ плато, высота котораго колеблется отъ 300 до 700 метровъ надъ окружающей равниной, достигая, слѣдовательно, до 1000 метровъ высоты надъ уровнемъ моря. Посреди него протягиваются мѣловыя горы, между которыми, „какъ мечи, отточенные для битвы“, подымаются отдѣльные гранитные пики. Горы повышаются террасами, отвѣсныя ступени которыхъ въ 200—300 м. высоты несутъ на себѣ широкія и плоскія равнины, покрытыя прекраснымъ и достаточнымъ пастбищемъ, сохраняющимся круглый годъ, и стоящими то отдѣльно, то группами деревьями. Но чѣмъ значительнѣе возвышенность, тѣмъ слабѣе плодородіе и суше почва. Все плоскогорье изборозжено лабиринтомъ долинъ „вади“ или „уади“, широкихъ, узкихъ, длинныхъ и извилистыхъ, или короткихъ, но почти всегда окаймленныхъ обрывистыми краями, точно они вырублены въ известковой горѣ. Въ этихъ безчисленныхъ ложбинахъ сосредоточено плодородіе и населеніе Неджеда—сады и дома, обработанныя поля и деревни, скрытыя въ глубинѣ отъ глазъ путешественника, ѣдущаго по сухимъ плоскостямъ, до тѣхъ поръ пока онъ, спустившись, не очутится внезапно передъ массою изумрудной зелени. Можно подумать, что здѣсь, не сливаясь въ одно, расположились двѣ разныхъ страны и два разныхъ климата. Сухость воздуха такова, что всякое гніеніе предупреждается изсушающимъ дѣйствіемъ воздуха. Трупъ можетъ лежать три и четыре дня, не издавая дурного запаха, и возлѣ недавно издохшаго и валяющагося возлѣ дороги верблюда можно проходить спокойно, какъ возлѣ приготовленной для музея муміи. Почва этихъ долинъ легкая и состоитъ изъ смѣси мергеля, песку и мелкихъ гольшей, смытыхъ водою съ возвышенностей, такъ какъ повсюду обрывистые края ихъ изборозжены слѣдами потоковъ, которые, скопляясь вверху, низвергаются оттуда зимою и часто превращаютъ находящуюся внизу рытвину въ бурную рѣку на два и на три дня, до тѣхъ поръ, пока временный запасъ воды не истощится. Однако ни одинъ изъ этихъ зимнихъ потоковъ не достигаетъ моря; нѣкоторые немедленно исчезаютъ еще въ предѣлахъ горнаго лабиринта, а другіе направляются въ пустыни и тамъ быстро пропадаютъ въ глубокихъ пескахъ. Широкія ложбины между свѣсовъ горъ усыпаны городами и деревнями, сторожевыми башнями и рощами, свидѣтельствующими о жизни, богатствѣ и дѣятельности, но чтобы добраться до нихъ, путнику сперва приходится преодолѣть всѣ тягости странствія по пустынѣ, которая окружила широкимъ кольцомъ внутреннюю Аравію, отдѣливъ ее отъ населенной, уставленной городами каймы, протянувшейся вдоль омывающихъ полуостровъ морей. „Какъ въ рай вѣчности, никто не можетъ войти сюда, не перейдя прежде адскій мостъ“, говоритъ объ этомъ арабскій поэтъ.

Такова страна, которую населяютъ съ незапамятныхъ временъ арабы, многолюдная вѣтвь семитическаго племени. Расселившись отсюда по всей сѣверной Африкѣ, по Сиріи, Палестинѣ и Месопотаміи, они проникали далеко за предѣлы этихъ странъ и естественно смѣшивались съ покоренными ихъ мечемъ и религіей новаго пророка народами. По этой причинѣ арабскій типъ въ этихъ странахъ сильно измѣнился, разбился на множество разновидностей, и, соотвѣтственно тому, измѣнился ихъ бытъ и языкъ. Чистокровныхъ представителей этого племени, сохранившихъ въ чистотѣ свой типъ, языкъ и порожденный пустыней бытъ можно встрѣтить только во внутренней Аравіи. Конечно и здѣсь каждая мѣстность имѣетъ свое населеніе, различающееся физическими и духовными чертами, одеждой, манерами, даже вѣрованіями, но все это чистые арабы, такіе, какими они были во времена Магомета, во времена царицы Савской. Чистокровный арабъ-горожанинъ—высокій, пропорціонально сложенный человѣкъ съ довольно свѣтлымъ для тѣхъ жгучихъ мѣстъ цвѣтомъ лица, оттѣненнаго длинными вьющимися кудрями черныхъ, какъ смоль, волосъ; правильныя и умныя черты лица, величавая осанка,

учтивая серьезность, сильно развитыя формы и открытая физиономія составляютъ рѣзкій контрастъ съ захудалымъ, низкорослымъ, бросающимъ подозрительные взоры исподлобья бедуиномъ пустыни. Кроме того арабы, какъ живущіе осѣдло въ городахъ, такъ и жители пустыни, очень здоровый народъ, они сохраняютъ силу къ дѣятельности до глубокой старости, потому что сухой климатъ Аравіи здоровъ, и привычка быть постоянно на воздухѣ способствуетъ поддержа-

нію здоровья и силы. Жители пустыни, бедуины, „бедави“, по сравненію съ богатыми образованными горожанами грубые варвары, которыхъ тѣлесно и умственно принижаетъ уединенная жизнь въ пустынѣ, соединенная со скудной пищей и разными лишеніями. Длинная, обыкновенно очень грязная рубашка, достигающая почти до лодыжекъ, черный бумажный платокъ на головѣ, прикрѣпленный шнуркомъ изъ верблюжьяго волоса, изорванный плащъ съ бѣлыми и коричневыми полосами, ободранный кожаный поясъ, на которомъ виситъ заржавѣлый ножъ, длинное, тяжелое фитильное ружье, длинное копье съ острымъ лезвіемъ, изорванная и грубо зашитая бѣлыми нитками сумка для пороха и пуль — таковъ обычный нарядъ бедуина, въ то время какъ богатые и знатные носятъ болѣе тонкую рубаху изъ бѣлой арабской ткани, длинный халатъ изъ кашемировой шали или вмѣсто него алаго или другого цвѣта

Арабъ изъ сирійской пустыни.

кафтанъ съ длинными рукавами; поверхъ этого набрасывается еще накидка изъ оманской ткани, тонко выдѣланной изъ верблюжьяго волоса, составляющей большую рѣдкость и очень цѣнной во внутренней Аравіи. Головное покрывало составляетъ платокъ, *кеффийе*, съ красными и желтыми или иного цвѣта полосами, прошитый шелковыми и золотыми нитями, который повязанъ шнуромъ изъ верблюжьей шерсти, перевитый краснымъ шелкомъ и называемый *мешидъ*. Кривая сабля съ серебряной рукояткой болтается при бедрѣ—

золотыя рукоятки носятъ только царственныя особы. На ногахъ носятъ удобныя, широкіе башмаки съ загнутыми вверхъ носками красной или иного цвѣта кожи. Весь нарядъ не стѣсняетъ движеній, красиво драпируетъ стройный станъ и въ то же время хорошо защищаетъ какъ отъ дневного зноя, такъ и отъ ночного холода.

По своему характеру арабы вообще добродушны, общительны и легко переходятъ въ оживленно веселое настроеніе, которое у полированныхъ горожанъ имѣетъ характеръ свѣтской непринужденности. Вѣжливость обращенія выражается у бедуина пустыни довольно грубыми формами, въ то время какъ горожане изливаютъ свое гостепріимство въ тонкихъ исполненныхъ такта фразахъ привѣтствія и угощенія. Арабы мало склонны къ шумнымъ спорамъ и дракамъ, грубыя ругательства почти совсѣмъ отсутствуютъ въ ихъ столкновеніяхъ, которыя всего легче разрѣшаются удачной шуткой. Привѣтствія заключаются въ пожатіи и ласканіи рукъ и въ поцѣлуяхъ въ бороду, пользующуюся всѣми правами неприкосновенности; женщины цѣлуются въ щеки, лобъ и подбородокъ.

Щедрость и скупость переплетаются въ душѣ ихъ такимъ же страннымъ образомъ, какъ жестокость и милосердіе. Такъ они крайне упорны и неподатливы въ торгѣ и щедры на обыкновенные дары; о какой-нибудь копеекѣ арабъ можетъ торговаться полдня и тутъ же бросаетъ рубли первому попавшемуся просителю. Но подъ сдержанной и спокойной внѣшностью, подъ мягкой рѣчью и вѣжливой, хотя важной манерой араба изъ Ріада *) нерѣдко скрывается такое обиліе ненависти, зависти, хищности и безсовѣстности, какое могутъ развить въ человѣческой душѣ только столѣтія жизни въ голой пустынѣ, въ постоянной враждѣ съ сосѣдями, въ вѣчныхъ набѣгахъ на богато-живущихъ осѣдлыхъ жителей культурныхъ странъ. Если къ этому прибавить большую храбрость, выносливость, гордость и суетность, настойчивость въ стремленіи къ цѣли, непреклонную волю въ соединеніи съ самой изворотливой хитростью, страсти, умѣющія выжидать своего времени, и отвагу, долго откладываемую до благопріятнаго для нанесенія одного и только одного рѣшительнаго удара, то душа истаго араба вырисовывается въ такихъ чертахъ, которыя дѣлаютъ короткія отношенія съ нимъ опаснымъ, вражду его смертельной, а дружбу подозрительной. Гостепріимство, эта наслѣдственная древняя добродѣтель арабовъ, строго подтвержденная въ Коранѣ, есть обязанность, вошедшая въ привычку. Безъ него жизнь въ пустынной странѣ была бы совершенно невыносимой. У бедуиновъ она носитъ грубыя формы—странникъ смѣло можетъ рассчитывать на кровъ и угощеніе, обыкновенно очень скудное, въ истребленіи котораго голодные хозяева и ихъ сосѣди если не перегоняютъ, то и не отстаютъ отъ гостя. У жителей городовъ, даже внутри Аравіи, гдѣ господствуютъ фанатичныя вагабиты, гостепріимство носитъ болѣе утонченный характеръ. Пріѣзжій, если онъ сколько-нибудь замѣтная особа, обыкновенно получаетъ помѣщеніе если не во "дворцѣ" владычествующаго шейха, то возлѣ него, и пользуется содержаніемъ на его же счетъ. Послѣ первыхъ знакомствъ онъ получаетъ приглашенія въ другіе дома. Хотя бы гость принадлежалъ къ націи, которую арабы ненавидятъ и презираютъ, они сейчасъ же начинаютъ расхваливать его отечество и его жителей, какъ будто эта страна вмѣстѣ съ ея обитателями составляла для нихъ во всю ихъ жизнь предметъ восторженнаго удивленія. Они превозносятъ ученость, благочестіе и добрую славу тѣхъ, противъ которыхъ они каждую минуту готовы обнажить мечъ Ислама, и дѣлаютъ это съ такимъ спокойствіемъ, такъ непринужденно и натурально, что, казалось бы, трудно не вѣрить искренности ихъ словъ. Гость, если только онъ обладаетъ обыкновеннымъ благоразуміемъ, не имѣетъ повода бояться въ самомъ гнѣздѣ воинствующаго вагабизма ни малѣйшаго неодобрительнаго намека на свои личные привычки и поступки. „Эддифъ ма аккамъ меликъ“ (пока гость въ домѣ—онъ царь его) обыкновенная фраза у неджедцевъ, выражающая всегдашнее уваженіе, съ которымъ они относятся ко вся-

*) Главный городъ внутренней Аравіи.

кому, кого они когда либо принимали подъ своею кровлею. Когда чужеземец проходить по улицамъ, никто не таращитъ на него глаза, а тѣмъ болѣе не останавливается, чтобы поглазѣть на него; даже мальчишки не собираются, чтобы посмѣяться надъ нимъ, и онъ не слышитъ на своемъ пути никакого шепота или замѣчанія. Можетъ быть нигдѣ въ другомъ мѣстѣ иностранцы не пользуются такимъ спокойствіемъ, какъ въ странѣ этихъ фанатичныхъ и хищныхъ жителей. При всемъ томъ едва беззащитный гость покидаетъ кровь своего хозяина, всѣ любезныя отношенія ихъ кончаются, если только они не основаны на родствѣ и болѣе продолжительномъ знакомствѣ. Тотъ же бедуинъ, который отдавалъ весь свой шатеръ въ распоряженіе гостя, не сочтетъ за преступленіе самымъ предательскимъ образомъ ограбить его въ пустынѣ, если поклажа гостя показалась ему достойной вниманія, а готовность защищаться сомнительной. У бедуиновъ пустыни грабежъ и разбой обычное занятіе, которое тщательно преслѣдуютъ властители густо-населенныхъ долинъ, жителямъ которыхъ безпокойный характеръ сосѣдей мѣшаетъ вести торговыя сношенія.

По образу жизни арабы раздѣляются на осѣдлыхъ и кочевыхъ. У кочевыхъ, раздѣляющихся, какъ всѣ арабы, на племена и роды, все имущество заключается въ черныхъ, стелящихся къ землѣ шатровъ изъ верблюжьяго сукна и въ скотѣ, который даетъ имъ скудное пропитаніе въ видѣ молочныхъ продуктовъ, изрѣдка мяса, и средства заработать кое-какія деньги для покупки зерна, одежды и оружія. Они ведутъ между собою постоянныя распри, но убитыхъ при этомъ бываетъ мало; главная цѣль набѣга—добыча, а не убійство, и хотя бедуинъ страшный хвастунъ, но въ душѣ онъ мало расположенъ къ тому, чтобы убивать или быть убитымъ. Эти наивныя и грубыя дѣти пустыни готовы по цѣлымъ часамъ рассказывать ужасныя кровавыя исторіи о своихъ войнахъ и сраженіяхъ съ тѣмъ или другимъ племенемъ, но если хладнокровно вникнуть въ число жертвъ, считаемыхъ тысячами, то на повѣрку оно быстро уменьшается до скромной цифры двухъ или трехъ человѣкъ, но и этихъ не слѣдуетъ считать убитыми, потому что въ концѣ концовъ они оказываются только „слегка ранеными“. Въ противоположность трусливымъ бедуинамъ жители городовъ обнаруживаютъ гораздо больше кровожадности въ своихъ распряхъ за господство того или иного племени или рода.

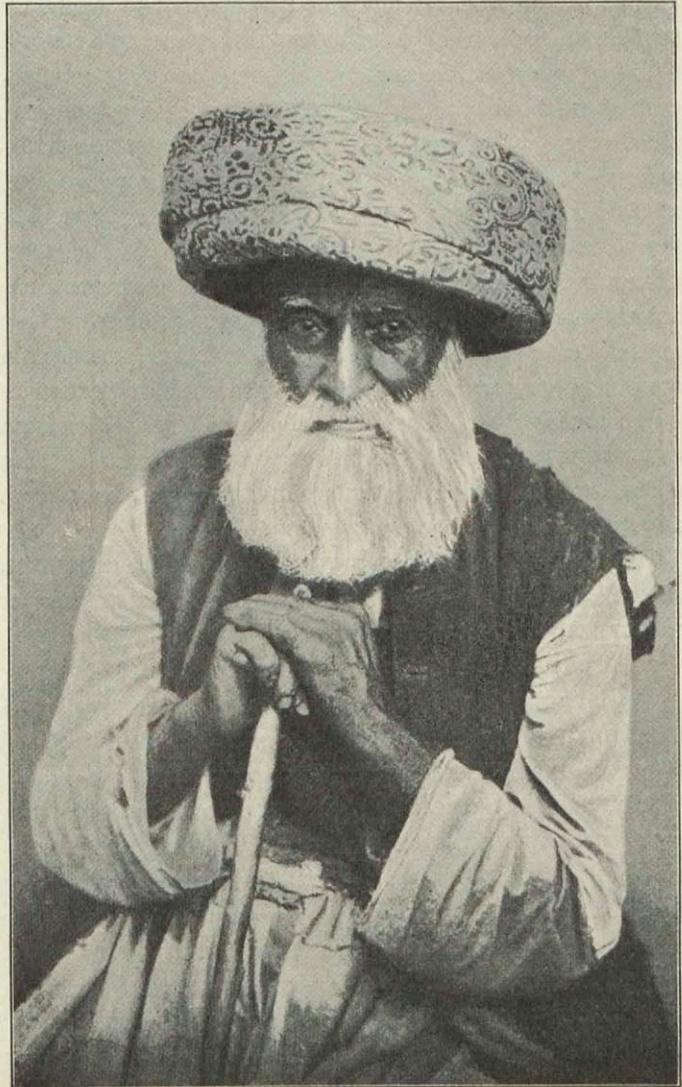
Жилища осѣдлыхъ арабовъ въ селеніяхъ и городахъ представляютъ каменные и глинобитныя сооруженія, внѣшній видъ которыхъ, устройство и внутреннее убранство становятся все болѣе простыми и скромными по мѣрѣ углубленія внутрь страны отъ большихъ городовъ побережья, богатые жители которыхъ украшаютъ свои жилища всѣми средствами комфорта и роскоши, какія придумалъ лѣнивый и праздный Востокъ. Знаменитый мавританскій стиль, о которомъ мы судимъ по дворцамъ Альгамбры, мечетямъ Дамаска, Каира и Багдада, возникъ не въ Аравіи, а въ странахъ, которыя арабы завоевали, и гдѣ они изъ полудикаго состоянія дошли до высшаго расцвѣта своей культуры. Внутри же Аравіи постройки остались грубы и просты. Часть дома, въ которой помѣщается гаремъ, недоступна для постороннихъ, несмотря на то, что у арабовъ женщины нѣсколько менѣе стѣснены въ своей жизни, чѣмъ у персіянъ, и нерѣдко играютъ извѣстную роль, такъ какъ родство путемъ брака завязываетъ между арабами наиболѣе прочныя узы. Городскія постройки съ ихъ садами обыкновенно окружены массивной стѣной съ неуклюжими башнями, и въ центрѣ города помѣщается обыкновенно замокъ, онъ же „дворецъ“ властителя данной области или же его намѣстника. Лавки и помѣщенія для пріѣзжающихъ купцовъ, базаръ и мѣста, гдѣ происходитъ судъ и расправа, лежатъ обыкновенно въ ближайшемъ сосѣдствѣ замковыхъ стѣнъ.

Въ домѣ главною комнатою является *кхав*, т. е. кофейная комната. Она составляетъ необходимую принадлежность каждаго порядочнаго дома на всемъ полуостровѣ и служитъ обычнымъ мѣстомъ сборища мужчинъ и гостей; женщины совсѣмъ не появляются въ ней.

Обыкновенно это обширная и высокая комната со стѣнами, аляповато расписанными узорами коричневой и бѣлой краски, съ трехугольными нишами для книгъ, лампъ и другихъ предметовъ домашняго обихода. Полъ усыпанъ мелкимъ пескомъ и покрытъ вокругъ стѣнъ длинными узкими коврами или войлоками, на которыхъ въ приличныхъ промежуткахъ разложены подушки въ шелковыхъ наволочкахъ. Въ углу противъ двери печь изъ четырехгранной глыбы гранита, въ которой выдолблена открытая сверху впадина, которая сообщается съ горизонтальной трубой, куда посредствомъ мѣховъ вдувають воздухъ, чтобы раздуть уголья. Такая печь служитъ почти исключительно для варки кофе, національнаго и любимѣйшаго напитка арабовъ. Уголь съ печью самый почетный пунктъ, откуда вмѣстѣ съ почетомъ кофе расходится по кругу гостей въ порядкѣ ихъ важности. На широкомъ краю печи стоитъ обыкновенно пышный рядъ блестящихъ мѣдныхъ кофейниковъ, очень высокихъ и тонкихъ, украшенныхъ выпуклыми узорами, съ носикомъ въ видѣ клюва птицы, съ высокой крышкой въ формѣ башни. Число кофейниковъ очень велико и свидѣтельствуєтъ о богатствѣ и гостепрѣимствѣ хозяина, но во всякомъ случаѣ ихъ не меньше пяти. За печью сидитъ, по крайней мѣрѣ въ богатыхъ домахъ, черный невольникъ; дѣло его варить и подавать кофе; у бѣдныхъ эту скучную обязанность исполняетъ самъ хозяинъ или одинъ изъ его сыновей. При входѣ въ домъ, въ кхаву, слѣдуетъ непременно сказать: „бис-миллахъ!“ (во имя Бога). Дойдя до середины комнаты, гость останавливается и говоритъ всѣмъ присутствующимъ, но глядя исключительно на хозяина: „эсъ-селямю-алеюкумъ“ (миръ да будетъ съ вами). Хозяинъ и присутствующіе отвѣчаютъ чѣмъ-нибудь въ этомъ же родѣ и встають для привѣтствія и подачи руки, ладонь на ладонь, и гость садится, скинувъ тутъ же на песокъ, передъ тѣмъ какъ ступить на коверъ, свои башмаки или туфли. Во время привѣтствій слуга приступаетъ къ священнодѣйствию—къ приготовленію кофе: играющаго такую важную роль въ жизни араба, что обрядъ этотъ вполнѣ достоинъ описанія. Нашъ способъ приготовленія этого напитка показался бы арабу нелѣпымъ. Слѣдуетъ, кромѣ того, замѣтить, что арабскій кофе неизмѣримо лучше всякихъ сортовъ, употребляемыхъ въ Европѣ, такъ какъ черезъ Адень изъ Аравіи выходитъ лишь плохой сортъ, который брезгаютъ сами обитатели полуострова.

Дѣйствіе открывается тѣмъ, что слуга минутъ пять раздуваетъ мѣхомъ и мѣшаетъ угли, пока они не разгорятся. Затѣмъ онъ ставитъ надъ отверстиемъ печи самый большой, наполненный водой кофейникъ и, пока вода нагрѣвается, производитъ дальнѣйшія операціи. Вынувъ изъ ниши въ стѣнѣ завязанную узломъ тряпку, онъ высыпаетъ изъ нея четыре горсти сырого кофе на плетенку изъ травъ и тщательно выбираетъ всѣ сколько-нибудь негодныя зерна. Очищенные зерна онъ помѣщаетъ въ большую желѣзную ложку надъ отверстиемъ печи, потихоньку дуетъ въ мѣха и мѣшаетъ зерна, пока они затрещатъ, слегка покраснѣютъ и станутъ чуть-чуть дымиться. Давъ имъ охладиться, слуга сжимаетъ голыми ногами большую каменную ступу съ узкимъ отверстиемъ посрединѣ, какъ разъ такой ширины, чтобы пропустить черный каменный пестикъ длиною въ одинъ футъ. Этимъ пестомъ онъ толчетъ на половину изжаренныя зерна мелко, но отнюдь не въ порошокъ, и высыпаетъ готовую массу, похожую на крупный красноватый песокъ, въ небольшой наполовину наполненный горячей водой кофейникъ, который осторожно кипятитъ, все время помѣшивая. Въ заключеніе прибавляются еще для ароматичности какія-нибудь толченныя пряности, цѣдятъ готовый кофе черезъ волокна пальмовой коры и наливають въ яйцевидныя небольшія чашечки только до половины, чтобы гости не обожгли рукъ, такъ какъ блюдцевъ не полагается. Кофе въ такомъ употребленіи въ Аравіи, что, можно сказать, главное имущество бѣдняка кофейникъ, ступка и нѣсколько „финджановъ“ (чашки). Въ богатыхъ домахъ кофейникъ не сходитъ съ огня, и стукъ пестика, толкущаго зерна, почти не умолкаетъ въ теченіи всего дня. Надо ли добавлять, что кофе арабы пьютъ безъ сахара, безъ всякихъ прибавленій, кромѣ душистаго шафрана, гвоздики и другихъ пряностей.

Пища большинства чрезвычайно скромная и простая. Вряд ли есть другая страна на той же ступени культуры, кроме Аравии, где бы жители были так мало знакомы с кулинарным искусством. Въ походѣ мѣшокъ грубой муки, смѣшанной съ солью, и мѣшокъ съ сухими финиками составляютъ единственный запасъ провiанта. На привалѣ, когда, съ помощью сухого верблюжьяго помета или сухой травы, разведенъ слабый огонь, бедуинъ беретъ нѣсколько горстей муки, поливаетъ ее небольшимъ количествомъ мутной воды изъ бурдюка и превращаетъ сѣрое тѣсто въ большую твердую лепешку, толщиной въ дюймъ. Онъ зарываетъ ее въ слой горячей золы, оставшейся отъ костра, и подержавъ ее тамъ нѣсколько минутъ, вынимаетъ это полувымѣшанное, полусырое, полуиспеченное и подгорѣвшее по краямъ блюдо и ѣстъ его донельзя горячимъ, прежде чѣмъ лепешка остыла, превратившись въ какое-то кожеподобное вещество, съ трудомъ поѣдаемое при самомъ алчномъ аппетитѣ. Затѣмъ слѣдуетъ горсть финиковъ, нѣсколько глотковъ мутной тепловатой воды, и обѣдъ или ужинъ конченъ. Къ этой скромной пищѣ присоединяется у сѣверныхъ бедуиновъ нѣсколько другихъ не менѣ скромныхъ блюдъ, какъ „мезая“, приготовляемая изъ ягодъ невысокаго кустарника съ густыми, ярко-зелеными остроконечными листьями, или „самхъ“, грубое красноватое тѣсто изъ мучнистыхъ сѣмянъ другого кустарника. Верблюжье молоко, изрѣдка полусваренное въ грязномъ котлѣ мясо барана, зарѣзаннаго въ честь гостя,—все, чѣмъ можетъ похвастать кухня бедуина, жалкая нищета котораго не позволяетъ ему даже пить кофе. Конечно, главная пища все таки финики. Почти невѣроятно, до какой степени эти плоды важны для существованія араба: это хлѣбъ его страны, поддержка ея, нервъ ея торговли. Говорятъ, что Магометъ обратился къ своимъ соплеменникамъ относительно этого плода со слѣдующимъ наставленіемъ: „Чтите финиковое дерево, потому что оно есть ваша мать!“ Тѣмъ не менѣ, что бы ни говорили иные путешественники, знакомые съ далекими странами скорѣе по рассказамъ, чѣмъ по личному опыту, финики не являются нигдѣ исключительной пищей, ни въ свѣжемъ,

Арабскій шейхъ.

ни въ сушеномъ видѣ. Эта пища слишкомъ сладкая, въ большомъ количествѣ она горячить и потому вредна и скоро надоѣдаетъ.

Горожане, которые почти такъ же воздержны въ пищѣ и питьѣ, какъ бедуины, вслѣдствіе чего въ Аравіи совсѣмъ не встрѣчаются толстыя или жирныя фигуры, питаются, конечно, болѣе разнообразной и сытной пищей. Главная пища ихъ на обѣдъ и ужинъ во внутренней Аравіи это „джерита“, грубо смелотая и сваренная въ кипяткѣ пшеница; къ этому прибавляется масло, крутыя яйца и мясо, иногда овощи — тыквы, огурцы, дыни, нарубленныя крупными кусками, блюдо риса, вареное мясо съ тонкими лепешками и маленькими луковицами. Но сколько бы ни было разныхъ продуктовъ, всѣ они сваливаются въ кучу на большое мѣдное блюдо круглой формы, имѣющее полтора и даже два фута въ діаметрѣ. Пища подается горячая, какъ кипятокъ, но ее приходится брать голой рукой, потому что никакихъ приборовъ, кромѣ собственныхъ пальцевъ, не существуетъ. Хлѣбъ въ видѣ разнообразныхъ прѣсныхъ лепешекъ, финики и холодная ключевая вода завершаютъ завтракъ или ужинъ. Кромѣ воды и кофе, никакого другого питья не существуетъ, хотя изъ финиковой пальмы легко можно было бы добыть вино. Старые поэты и писатели часто упоминаютъ о немъ, но теперь оно вышло изъ употребленія и даже изгладилось изъ воспоминаній. Послѣ ужина всѣ встаютъ, умываютъ руки и выходятъ на открытый воздухъ, на плоскую крышу, посидѣть и покурить трубку подъ прозрачнымъ небомъ лѣтняго вечера. Серебристый мѣсяцъ спускается до самыхъ верхушекъ пальмъ, послѣдніе лучи дневного свѣта почти столь же ярки и чисты, какъ и разсвѣтъ, тишина и прохлада гаснущаго дня располагаютъ къ мечтамъ и воспоминаніямъ. Это время, когда умѣлый сказочникъ всецѣло овладѣваетъ вниманіемъ слушателей, время, когда строфы любимыхъ поэтовъ льются звучной волной, время, когда бесѣда на философскія и религіозныя темы доставляетъ пріятное и поучительное развлеченіе въ однообразной жизни.

Земледѣліе, т. е. культура финиковъ, пшеницы, самыхъ обыкновенныхъ фруктовъ и овощей, которое почти нигдѣ не обходится безъ искусственнаго орошенія, составляетъ занятіе сельскихъ и городскихъ жителей. Къ этому присоединяется скотоводство, въ которомъ главную роль играютъ овцы, верблюды, лошади и ослы.

Извѣстно, что Неджедъ истинная родина арабскаго коня. Конь въ жизни арабскаго кочевника занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ, его воспѣваютъ народные поэты, о коняхъ ходитъ немало замысловатыхъ разсказовъ, тѣмъ не менѣе арабъ далеко не ухаживаетъ за своею лошадыю, какъ о томъ повѣствуютъ разные ходячіе анекдоты, напр., о томъ, какъ жеребенокъ при своемъ рожденіи подхватывается присутствующими, какъ играетъ съ дѣтьми, ѣсть и пьетъ съ хозяиномъ, который ухаживаетъ за нимъ при болѣзни, а жеребенокъ, конечно, при случаѣ спасаетъ ему жизнь. Конечно арабы обходятся съ конями лучше, хорошо выѣзживаютъ ихъ, холятъ, но, когда надо, не щадятъ ихъ силъ. Большая часть коней у арабовъ при всѣхъ хорошихъ качествахъ далеко не чистой крови, но лошадей настоящей неджедской породы можно найти только у нихъ, да и въ Неджедѣ они составляютъ нѣкоторую рѣдкость, и можно ручаться, что ни одинъ конь этой породы никогда не выходилъ за предѣлы Аравіи, потому что пріобрѣсти ихъ, говорятъ арабы, можно только „посредствомъ войны, завѣщанія или дара“. Неджедская лошадь цѣнится за быстроту бѣга и неутомимость. Идти безъ питья 24 часа, не уставая, конечно, значитъ что-нибудь, но выносить такое воздержаніе и работу подъ знойнымъ арабскимъ небомъ свойственно только лошадямъ этой породы. Онѣ повинуются малѣйшему прикосновенію, самому легкому движенію недоуздка и голосу всадника, такъ что на нихъ ѣздокъ чувствуетъ себя словно онъ центавръ, а не отдѣльное существо. Лошадей искусно объѣзжаютъ для скачекъ, для войны, для бѣгства, для игры съ *джеридомъ* (тупой дротикъ), которая имѣетъ у арабовъ такое же значеніе, какъ у средневѣковыхъ рыцарей турниръ. Неджедскіе кони нѣсколько малорослы, но сформированы необыкновенно изящно: замѣчательно крутыя бедра, плечи, понижающіяся

такимъ изящнымъ изгибомъ, что, по выраженію арабскаго поэта, „отъ него можно сойти съ ума“; чуть-чуть сѣдловатая спина, голова широкая сверху и сильно суживающаяся къ носу; въ высшей степени умный и необыкновенно кроткій взглядъ; большіе глаза, острыя, какъ иглы, уши, точно изъ желѣза выкованныя, чисто переплетенныя жилками ноги; безукоризненно круглыя копыта, хвостъ, откинутый въ видѣ совершенной дуги, мягкая, тонкая, блестящая шерсть, длинная, но не тяжелая грива, видъ и поступь, которые говорятъ: „посмотрите на меня, развѣ я не красавецъ?“ Словомъ, наружность этихъ лошадей вполнѣ оправдываетъ ихъ репутацію, цѣнность и всѣ восторги поэтовъ. Преобладающая масть ихъ гнѣдая или сѣрая. Въ Неджедѣ этими лошадьми владѣютъ только вожди и лица, обладающія высокимъ званіемъ или значительнымъ богатствомъ, такъ какъ общее число такихъ коней не превышаетъ 1500 головъ.

Кочевые бедуины занимаются скотоводствомъ исключительно, но путешественникъ при видѣ ихъ стада жестоко ошибся бы, если бы предположилъ, что всѣ эти животныя принадлежать имъ; въ большинствѣ случаевъ колѣна кочевыхъ бедуиновъ находятся въ зависимости отъ горожанъ, которые смирили ихъ силой оружія и многочисленностью своего ополченія, принудивъ за самое скромное вознагражденіе пасти свои стада. Затѣмъ обычное занятіе многихъ арабовъ — торговля, къ которой жители приморскихъ городовъ чувствуютъ давнишнее пристрастіе и въ которой они проявляютъ много сметки и способностей; недаромъ торговля сѣверной Африки вплоть до самыхъ дебрей чернаго материка находится въ ихъ рукахъ. Точно также въ городахъ Сиріи, Палестины и Месопотаміи много купцовъ арабовъ, несмотря на то, что здѣсь они наталкиваются на соперничество не менѣ ловкихъ и предприимчивыхъ персіянъ, индусовъ и армянъ.

Арабская женщина съ ребенкомъ.

Простотѣ жизни у арабовъ соотвѣтствуетъ простота нравовъ и обычаевъ, о чемъ можетъ свидѣтельствовать Коранъ, книга религіи, права и домостроительства, арабскій „Домострой“, въ который вошло все, что Магометъ счелъ полезнымъ сохранить у своихъ соплеменниковъ. Домашняя жизнь, въ которой свадьба, похороны, обрѣзаніе, совершеннолѣтіе сыновей составляютъ главные моменты, въ общихъ чертахъ сходны у всѣхъ поколѣній и испытываютъ разныя измѣненія, которыя навѣяны жизнью въ большихъ городахъ, гдѣ арабы издавна обитали бокъ о бокъ съ другими культурными народами Востока. Свадьбы празднуются у арабовъ по пятницамъ. У арабовъ, какъ у всѣхъ кочевниковъ съ родовымъ бытомъ, за жену выплачивается родителямъ ея та или иная сумма. Какъ скоро условились въ цѣнѣ, договоръ заключается у кади, т. е. судьи. Обыкновенно родители считаются съ желаніемъ дочери, но бываетъ и такъ, что дѣвушка узнаетъ о предстоящей перемѣнѣ въ ея судьбѣ тогда, когда будущій мужъ подстерегаетъ ее и похищаетъ силой изъ становища отца. Если даже ей нравится женихъ, она всетаки играетъ при этомъ обрядъ похищаемую, борется, кусается, царапается. Если бракъ совершается безъ похищенія, то въ день свадьбы невѣсту одѣваютъ въ гаремъ отца въ лучшее платье и дорогіе уборы, потомъ съ разными соотвѣтственными обрядами сажаютъ на изукрашеннаго верблюда и въ сопровожденіи родственницъ везутъ въ станъ будущаго мужа. Обычай требуетъ, чтобы она при этомъ громко плакала и кричала, что она и дѣлаетъ притворно, и слезъ ея никто не видитъ изъ-за плотнаго покрывала. По правиламъ Корана разводъ совершается легко и не составляетъ позора для жены и ея рода. Если мужъ разстается съ ней безъ уважительной причины, то долженъ вернуть ей часть уплоченной за нее суммы, если не всю сполна. Самый разводъ крайне простъ: мужу стоитъ только сказать въ присутствіи свидѣтелей „ты разведена“—и дѣло кончено. Это не мѣшаетъ обѣимъ сторонамъ помириться и заключить бракъ вторично. Жена, въ случаѣ дурного обращенія, можетъ бѣжать къ своимъ родственникамъ, у которыхъ находятъ защиту, и мужъ не можетъ требовать ее обратно противъ ея воли.

Обряды при рожденіи и похоронахъ такъ же просты и не представляютъ особаго интереса для обыкновеннаго читателя, почему мы ихъ и опустимъ.

Аравія родина Ислама. Здѣсь родился, жилъ и мыслилъ Магометъ, правильнѣе Мохамедъ, создатель Корана, книги, которая совмѣстила въ себѣ вмѣстѣ съ религіозными вѣрованіями всю житейскую мудрость Востока. Извѣстно, что проповѣдь новаго ученія Магометъ началъ на сороковомъ году жизни. Въ теченіе цѣлыхъ одиннадцати лѣтъ ученіе его подвергалось горькимъ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, а на двѣнадцатомъ году враги его настолько усилились, что пророкъ сталъ чувствовать себя въ родномъ городѣ, въ Меккѣ, не въ безопасности и предпочелъ скрыться оттуда „при свѣтѣ звѣздъ и полумѣсяца“ въ пещеру, расположенную въ сосѣдней пустынѣ, а потомъ бѣжалъ въ Медину. Прежде Магометъ распространялъ свое ученіе лишь проповѣдью и убѣжденіемъ, но теперь, озлобленный преслѣдованіями, онъ заявилъ, что получилъ отъ Бога разрѣшеніе защищаться противъ невѣрныхъ и распространять новое ученіе силою оружія. Во главѣ сильной арміи фанатическихъ послѣдователей, побужденіемъ для которыхъ служили скорѣе какіе-то политическіе счеты, а появленіе и дѣятельность новаго пророка лишь поводомъ, Магометъ двинулся на Мекку, взялъ ее приступомъ, и затѣмъ распространеніе Ислама пошло такими быстрыми шагами, что шесть лѣтъ спустя, въ годъ смерти Магомета, вся Аравія отъ Персидскаго залива до Средиземнаго моря и отъ Египта до Персіи исповѣдывала новую религію. Въ концѣ XIV в. по Р. Хр. Исламъ подчинилъ своей власти Индію и Сѣверную Африку, завоевалъ Константинополь и, перешагнувъ Босфоръ, остановился лишь подъ стѣнами Вѣны. Еще раньше эта религія перекинулась черезъ Гибралтаръ, охватила плодотворнѣйшія области Пиренейскаго полуострова и грозила переселиться черезъ Пиренеи въ среднюю Европу. Всюду, гдѣ Исламъ распространялся среди народовъ, характерныя

особенности культуры которых стояли ближе къ кочевому, чѣмъ къ земледѣльческому быту, съ родовымъ устройствомъ и подчиненнымъ положеніемъ женщины, религія эта брала рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми остальными соперницами своими: въ Персіи она задавила древнюю религію Заратустры, въ сѣверо-западномъ Индостанѣ брахманизмъ, изъ всей сѣверной Африки, изъ Сири, Малой Азіи, Месопотаміи и Кавказа вытѣснила христіанство съ его сектами. Основа Ислама, Коранъ, считается у мусульманъ несравненно болѣе священной книгою, чѣмъ у христіанъ Библія. Онъ весь состоитъ изъ ряда откровеній, которыя доставлялись пророку черезъ архангела Гавріила. Коранъ не только содержитъ въ себѣ все, что касается до догматовъ и религіозныхъ обрядовъ, но представляетъ также полный сводъ гражданскаго законодательства. Важнѣйшимъ догматомъ Корана является утверженіе Божьяго единства: „Ла иллаху иль алахъ“ — нѣтъ Бога, кромѣ Бога. Далѣе признаются ангелы и пророки, въ ряду которыхъ среди Адама, Ноя, Авраама, Моисея и Христа Маго-

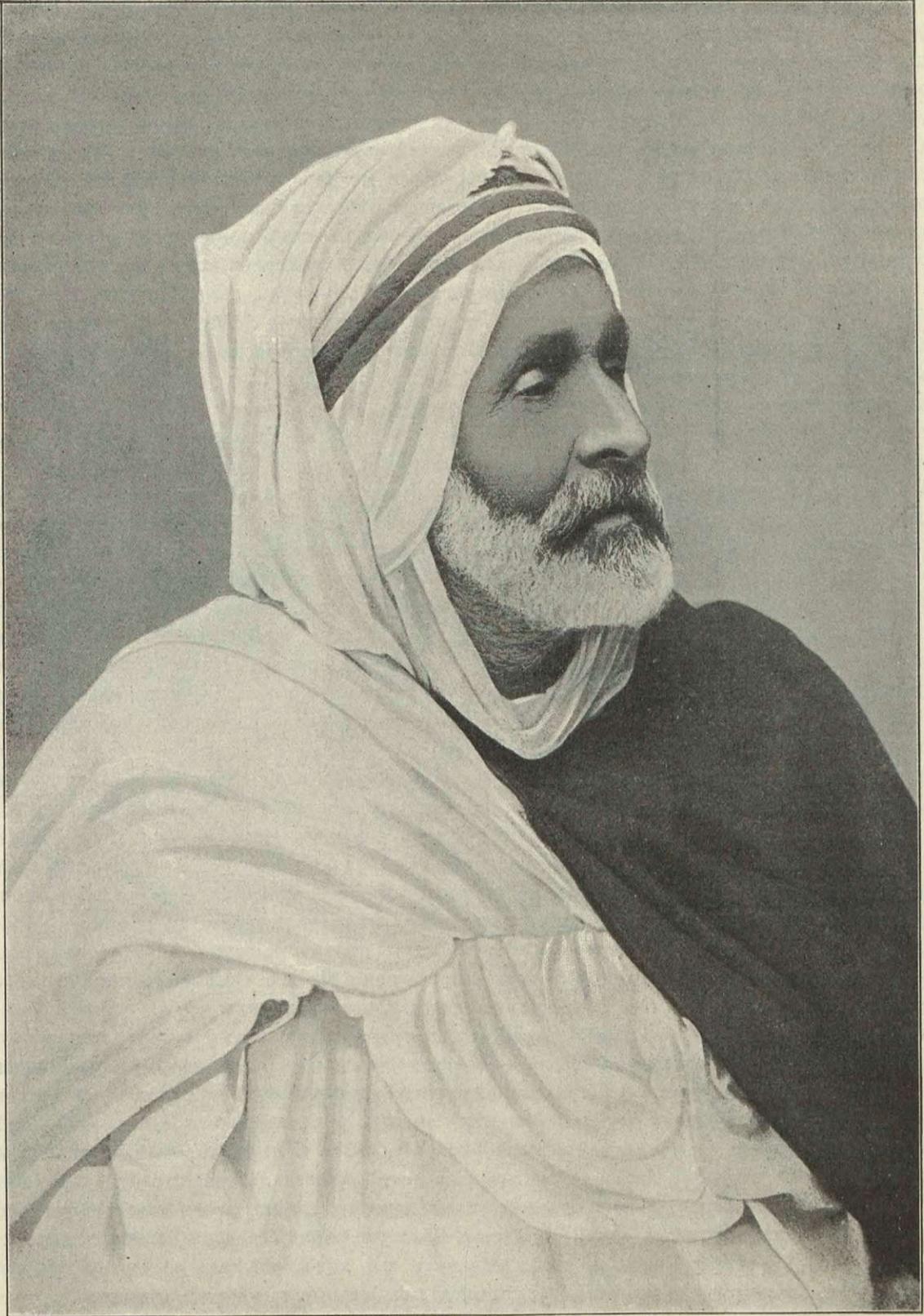
Арабскія дѣти.

метъ самый главный и послѣдній. Поклоненіе статуямъ, иконамъ и вообще всякимъ изображеніямъ строго воспрещается, какъ идолопоклонство. Магометъ признавалъ воскресеніе изъ мертвыхъ, страшный судъ, мученія ада и райское блаженство, которое описывается въ Коранѣ самымъ подробнымъ образомъ въ яркихъ краскахъ истинно восточной фантазіи. Законъ божественнаго предопредѣленія, по которому все, что должно быть, предопредѣлено прежде всѣхъ вѣковъ неизмѣнною волею Божіею, составляетъ вторую особенность Корана и долженъ способствовать тому, чтобы правовѣрные сражались съ врагами безъ страха и безъ боязни смерти, ибо павшій въ бою за вѣру идетъ прямо въ рай. Этотъ фатализмъ, воспринятый Кораномъ, потому что онъ и безъ того глубоко заложенъ въ душѣ восточнаго человѣка, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ препятствій для распространенія цивилизаціи среди исповѣдующихъ Исламъ народовъ. Хотя Коранъ узаконилъ многоженство, но въ сущности Магометъ сильно сократилъ эту распространенную на Востокѣ форму семьи, такъ какъ ограничилъ число законныхъ женъ четырьмя. Употребленіе вина и всѣ

азартныя ігры строга воспрэцены Кораномъ. Покорность волѣ Божіей, щедрость, правдивость, гостепрѣимство, постъ и молитва проповѣдуются во многихъ мѣстахъ Корана. Молитва, по словамъ Магомета, „столпъ вѣры и ключъ отъ рая“. Истинный мусульманинъ долженъ молиться пять разъ въ день: утромъ передъ восходомъ солнца, въ полдень, послѣ обѣда, передъ закатомъ солнца и отходя ко сну. Во время молитвы лицо должно быть обращено къ священной Каабѣ, находящейся въ Меккѣ.

На время молитвы правовѣрный долженъ снять съ себя пышныя одежды и драгоценныя украшенія, а передъ молитвой омыть себѣ лицо, руки и ноги, причемъ въ случаѣ недостатка воды можетъ воспользоваться чистымъ пескомъ. Женщины слѣдуютъ тѣмъ же предписаніямъ, только они не должны молиться въ мечети въ одно время съ мужчинами, имъ не полагается дѣлать такихъ глубокихъ поклоновъ и протягивать руки, которыя должны оставаться скрещенными на груди. Всѣ правовѣрные должны поститься разъ въ году въ мѣсяцъ Рамазанъ, когда въ теченіи всего дня, „пока можно различить черную нитку отъ бѣлой“, они не могутъ вкушать никакой пищи, не курить и вообще должны избѣгать всякихъ удовольствій. Послѣдняя религіозная обязанность, которую исполняетъ „могій, да вмѣститъ“, это богомолье къ святымъ мѣстамъ, въ числѣ которыхъ главной является Кааба въ Меккѣ и Медина, усыпальница праха пророка.

Дороги сходятся къ Меккѣ, какъ къ Риму или Іерусалиму, со всѣхъ сторонъ, и толпы оборванныхъ, состоятельныхъ и роскошествующихъ богомольцевъ никогда не рѣдѣютъ на нихъ. Для племенъ, народовъ и государствъ, черезъ владѣнія которыхъ пролегаетъ счастливая тропа къ мусульманской святынѣ, богомольцы представляютъ неистощимый источникъ обогащенія, такъ какъ они платятъ за пропускъ, за охрану, за пищу и кровь и за множество прочихъ сомнительныхъ благъ. Но львиная доля принадлежитъ все-таки тому турецкому пашѣ съ шайкой чиновниковъ и солдатъ, въ пашалыкѣ котораго имѣетъ счастье находиться Мекка. Священный городъ лежитъ въ 67 к. отъ гавани Джидды, куда стекается наибольшее число паломниковъ, „хаджи“, какъ ихъ зовутъ. На полпути лежитъ мѣстечко Хадда, далѣе которой не смѣетъ шагнуть невѣрный; здѣсь паломники надѣваютъ „ирамъ“, два куска ткани, которая замѣняетъ всякую одежду, и приготавливаются ко входу въ святыню. Мекка лежитъ въ сухой лощинѣ, „вади“, окаймленной грядами низкихъ холмовъ, безъ слѣда всякой древесной растительности, и первый взглядъ на городъ не производитъ на невѣрнаго никакого впечатлѣнія, въ то время какъ паломники отъ чистаго восторга сердца испускаютъ глубокіе вздохи и проливаютъ ручьи умиленныхъ слезъ. Вступивъ въ городъ черезъ „Ворота Мира“ (бабъ эль Саламъ), хаджи, прежде чѣмъ позаботиться о помѣщеніи для себя, животныхъ и поклажи, направляются къ главной мечети „Меджидъ эль Харамъ“, которая лежитъ какъ бы въ громадной ямѣ среди города, и которую каждый правовѣрный считаетъ необходимымъ обойти 7 разъ, вѣроятно, воображая себя при этомъ идущимъ по винтовой лѣстницѣ черезъ всѣ семь небесъ рая. Здѣсь всегда страшная давка: крики, вопли и напоръ разгоряченной, нафанатизированной толпы паломниковъ сливаются въ оглушительную суетню, и чтобы не потеряться и не быть оттиснутымъ, состоятельные богомольцы нанимаютъ себѣ проводника „метуафъ“ изъ коренныхъ жителей Мекки, которые держатъ въ своихъ рукахъ эксплуатацію сокровища. Эль Харамъ представляетъ довольно неуклюжее сооруженіе: тройные даже четверные ряды крытыхъ куполами колоннадъ окружаютъ въ видѣ четырехугольника пространство саженъ въ 100 съ лишнимъ въ длину, 80 въ ширину, среди котораго стоитъ Кааба. Портикъ и колонны свидѣтельствуютъ своимъ нелѣпымъ смѣшаннымъ стилемъ, что все сооруженіе возникло въ разныя времена по прихоти высокихъ, но невѣжественныхъ жертвователей. Восемнадцать воротъ, столь же аляповатыхъ какъ все сооруженіе, перекинуты черезъ дороги или улицы, ведущія къ Хараму съ разныхъ концовъ Мекки. Отвѣсивъ положенные поклоны, паломникъ подъ руководствомъ метуафи съ благочестивымъ трепетомъ приближается къ Каабѣ. Кааба, неуклюжее четырехугольное сооруженіе въ формѣ кубической

• Арабъ.

башни, подымаетъ свои черныя стѣны, высотой въ 6—7 сажень, и плоскую крышу надъ всѣми окрестными строеніями, благодаря чему она представляется скромному богомольцу, усѣвшемуся утолять свой голодъ подъ тѣнью колоннады, величайшимъ зданіемъ. Множество полуодѣтыхъ паломниковъ окружаетъ ее: одни, простершись въ пыли, лежатъ или бьютъ челомъ, другіе цѣлуютъ священный камень, третьи въ припрыжку скачутъ кругомъ святилища. Метуафъ ведетъ паломника приложиться устами къ знаменитому черному камню, который вмазанъ въ стѣну въ восточномъ углу Каабы на высотѣ двухъ аршинъ отъ земли. Здѣсь толпа такъ плотна, что въ ожиданіи очереди любопытный можетъ хорошенько разсмотрѣть эту древнюю святыню, которую даже ловкій пророкъ не рѣшился развѣнчать, какъ достойный почитанія предметъ. По преданію камень былъ нѣкогда ангеломъ и пребывалъ тогда въ раю, но покинулъ его вмѣстѣ съ Адамомъ. Послѣ потопа онъ вознесся на небо и былъ принесенъ оттуда обратно на землю въ формѣ камня архангеломъ Гавріиломъ, когда Авраамъ съ Измаиломъ принялись возстановлять разрушенную этой катастрофой Каабу. Тогда камень былъ ослѣпительно бѣлаго цвѣта, но отъ созерцанія грѣховъ человѣчества и отъ прикосновенія грѣшныхъ устъ паломниковъ онъ почернѣлъ, какъ уголь. Этотъ превращенный въ камень ангель рая снова приметъ въ послѣдній день міра видъ херувима и, стоя у престола Божія, будетъ свидѣтельствовать въ пользу благочестивыхъ хаджей, не утравившихся мученій дальняго странствія, чтобы прикоснуться къ нему. Полагали, что этотъ камень аэролитъ, однако, по словамъ видѣвшихъ его европейцевъ, которые пробрались въ Мекку подъ видомъ паломниковъ, это едва-ли такъ: камень покрытъ черной смазкой, которая мѣстами отлупилась и обнажила его поверхность; онъ округло-продолговатый, имѣетъ въ длину около девяти, въ ширину до шести дюймовъ и въ сущности состоитъ изъ нѣсколькихъ кусковъ, такъ какъ расколотъ и скрѣпленъ цементомъ и серебрянымъ обручемъ. Мраморовидная поверхность его отполирована и блеститъ жирнымъ блескомъ вслѣдствіе прикосновенія безчисленныхъ губъ и рукъ паломниковъ, которые касаются его лбомъ, щеками, губами, глядятъ руками, произнося соотвѣтствующія молитвы. Отдавъ должное почтеніе камню, паломники приступаютъ къ семикратному обѣганію Каабы, останавливаясь предварительно у другого камня, по имени Маджанъ, на которомъ будто бы стоялъ Авраамъ, когда готовилъ цементъ для священнаго зданія Каабы; слѣдующая остановка у дверей Каабы, замкнутыя створы которыхъ виднѣются на высотѣ сажени отъ поверхности земли, такъ что войти въ Каабу можно только по приставленной лѣстницѣ. Богомольцевъ впрочемъ туда не пускаютъ — двери Каабы открываются только три раза въ годъ исключительно для посвященныхъ. Слѣдующее мѣсто молитвенной остановки — „слѣдъ“ Авраама. Это громадное плоское углубленіе въ землѣ, съ крышкой, на которую накинута красно-шелковая покровь; часовня съ шестью колоннами возвышается надъ этимъ мѣстомъ, надъ слѣдомъ, который Авраамъ выдавилъ въ землѣ ногой, когда возвращался съ жертвоприношенія Исаака. Судя по размѣрамъ слѣда, Авраамъ не уступалъ ростомъ Родосскому колоссу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда возлѣ самой Каабы возвышается въ видѣ полукруга мраморная стѣна, „эль Хатимъ“, дворикъ которой вмѣщаетъ новыя святыни, именно — „Мизаль“, желобъ съ золоченымъ наконечникомъ, по которому дождевая вода стекаетъ съ священной крыши Каабы и капаетъ на камень, представляющій по преданію могильную плиту Измаила, родоначальника всѣхъ арабовъ. У южнаго угла Каабы лежитъ новая святыня — сѣраго цвѣта камень, который однако называютъ „бѣлымъ“; къ нему Авраамъ привязалъ своего верблюда, когда готовился принести въ жертву Исаака, гласитъ одно преданіе, а по другому, камень этотъ заговорилъ человѣчьимъ голосомъ, когда изможденный пророкъ приступилъ подъ градомъ насмѣшекъ своихъ противниковъ къ обходу Каабы и, чтобы обличить ихъ ложь, обѣжалъ ее первые три раза бѣгомъ. Изъ-за этого и богомольцы стараются сдѣлать первые три обхода бѣглымъ шагомъ. Послѣднимъ священнымъ мѣстомъ Каабы является источникъ „Земземъ“. Отверстіе его накрыто бесѣдкой и окружено толстой стѣной въ 2 аршина высоты, на которой у предохра-

нительной желѣзной рѣшетки стоятъ черпающіе воду служители. Это доходное занятіе принадлежит по наслѣдству нѣсколькимъ происходящимъ отъ самого пророка семьямъ города Мекки. Земземъ забилъ въ пустынь по слову Божію, когда изгнанная Авраамомъ и Саррою Агарь обратилась къ Богу съ жаркою молитвою дать хоть каплю воды умиравшему отъ жажды Измаилу. Прислужники подымаютъ горьковато-соленую и потому противную на вкусъ воду кожаными ведрами и утоляютъ ею жажду паломниковъ, которымъ послѣ утомительнаго бѣга кругомъ Каабы и произнесенія безчисленныхъ молитвъ вода кажется вдвойнѣ небеснымъ напиткомъ. За особую плату они имѣютъ возможность облить свое горящее и пыльное тѣло десятию ведрами святой воды, которая исцѣляетъ всѣ болѣзни, возвращаетъ молодость и красоту, никогда не изсякаетъ, которую можно пить безъ конца, хоть тысячу стакановъ заразъ, и всетаки будетъ хотѣться пить ее еще и еще. Но

Кочевье арабовъ.

горе нечестивцу, который вздумалъ бы варить въ ней пищу или стирать бѣлье: онъ вызвалъ бы ужасную мечь духовъ, скрывающихся въ святой водѣ источника Земземъ.

Изъ этого описанія главнаго святилища мусульманъ видно, что главными предметами почитанія ея являются камни, а, какъ извѣстно, почитаніе камней и деревьевъ составляло главный культъ древнихъ семитовъ. Магометъ не осмѣлился нарушить этотъ культъ въ мѣстѣ тысячелѣтняго служенія ему и съ своей стороны личнымъ примѣромъ и ученіемъ придавъ священнымъ камнямъ новую силу. Кромѣ Мекки наиболѣе усердные паломники посѣщаютъ еще Медину и другія мѣста, такъ или иначе связанныя съ разными событіями изъ жизни пророка.

Исламъ, какъ и другія религіи, не сохранилъ ни своего единства ни чистоты даже на своей родинѣ: онъ разбился на крупныя и мелкія секты, въ числѣ которыхъ фанатичнѣ всего та, которую основалъ эль-Вахаби, почему послѣдователи его называются

вагабитами. Къ этой сектѣ тяготѣють, скорѣе по политическимъ, чѣмъ по инымъ причинамъ, арабы внутренней Аравіи, столицей которыхъ является Ріадъ. Вагабиты считаютъ свое ученіе болѣе чистымъ, но особенность ихъ вѣроученія, помимо строжайшаго исполненія установленныхъ Кораномъ молитвъ и обрядовъ, проявляется сильнѣе всего въ гоненіи на всякую роскошь, причѣмъ главными предметами преслѣдованія являются куреніе табаку и ношеніе роскошной одежды изъ шелка. Это своего рода старовѣріе стоитъ на стражѣ арабской національности и независимости. Оно объединило ихъ и помогло побѣдосной борьбѣ родовъ внутренней Аравіи съ турками и пашами Египта, тщетно пытавшимися подчинить своей власти весь полуостровъ. Вагабизмъ, какъ источникъ слѣпого фанатизма, затрудняетъ доступъ торговцамъ и путешественникамъ внутрь Аравіи и обрекаетъ населеніе ея неподвижному застою, борьбѣ соперничающихъ родовъ и возстаніямъ угнетенныхъ жителей пустыни и ея оазисовъ.

Палестина и Сирія.

Палестина и Сирія, двѣ страны, которыя образуютъ узкую полосу вдоль восточнаго края Средиземнаго моря, представляютъ естественную дорогу изъ Азіи въ Африку. Съ древнихъ временъ черезъ нихъ въ обѣ стороны двигались переселявшіеся народы, караваны купцовъ, арміи завоевателей, и этотъ постоянный потокъ людей, товаровъ и идей, разсѣивавшихся по Малой Азіи, Месопотаміи, Аравіи и сѣверной Африкѣ, а на судахъ финикіянь, арабовъ и венеціанцевъ также далеко на западъ, почти по всему Средиземному морю, явился одной изъ причинъ печальной судьбы населявшаго Палестину священнаго народа древности. Все идейное, что могли дать человѣчеству Халдея, эллинизированная Малая Азія и Египетъ, все это слилось здѣсь и претворилось въ вопляхъ погибавшаго народа въ высшее нравственное ученіе, какимъ только можетъ гордиться человѣчество. Отзвукъ далекихъ событій покрываетъ священнымъ налетомъ опустѣвшія долины, развалины святыхъ мѣстъ, и только уцѣлѣвшая память о нихъ привлекаетъ сюда теперь толпы христіанскихъ богомольцевъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Это и выдѣляетъ Палестину изъ ряда сосѣднихъ странъ, болѣе многолюдныхъ, болѣе плодородныхъ и съ болѣе свѣтлымъ будущимъ.

Казалось, тѣ удары судьбы, подъ которыми поникло и разсѣялось прежнее населеніе, имѣли себѣ предшественниками мощныя естественныя явленія, въ процессѣ которыхъ сложилась физическая природа мѣстности. Здѣсь, посреди древней столовой страны, круто обрывающейся къ морю голыми известковыми уступами, при подножіи которыхъ колыхались когда-то въ равнинѣ Сефела ярко-пунцовыя розы Шарона, разверзается въ ликъ земли глубочайшая щель, впадина „Горь“, по которой съ сѣвера на югъ струится извилистый Іорданъ, впадая на горизонтѣ 394 м. ниже уровня океана въ Мертвое море или „Бахрѣ-Луть“, какъ называютъ его арабы въ память катастрофы, свидѣтелемъ которой былъ родственникъ Авраама Лоть. Глубокая синь Мертваго моря, заполнившего часть этой впадины, издалека ласкаетъ взоры богомольцевъ, стремящихся къ берегамъ Іордана изъ Іерусалима, но кто изъ нихъ приближается къ пустынному озеру, уноситъ съ собой тягостное впечатлѣніе голыхъ скалъ, раскаленныхъ солнцемъ, свѣсовъ плоскогорія, наготы, надъ которой колышется жарко нагрѣтый, пропитанный отвратительнымъ запахомъ воздухъ. Тяжелая, почти насыщенная солью вода, заполняющая пучину Мертваго моря до глубины 399 м., издаетъ этотъ запахъ. Не одинъ человѣкъ, — звѣри и птицы тоже избѣгаютъ мертвящаго сосѣдства его, устремляясь на сѣверъ, гдѣ въ тѣсной долинѣ серебрится Іорданъ, и гдѣ лежала именно та страна, которая, по словамъ „соглядатаевъ“, текла молокомъ и медомъ. Медленныя опусканія почвы вдоль трещинъ, провалы, сопро-

вождавшіеся землетрясеніями и изліяніями остывающей лавы, избородили страну, превративъ нѣкогда столовую поверхность ея въ двѣ длинныя и параллельныя плоскости, между которыми разверзается опустившаяся въ глубину впадина Іордана и рядъ расположившихся въ ней озеръ. Дальше на сѣверѣ, въ Сиріи, за высокой вершиной Гермона, продолженіемъ этихъ столовыхъ грядъ являются еще болѣе высокіе валы Ливана и Антиливана, между которыми рѣки Леонтъ и Оронтъ проложили себѣ дорогу къ морю; они огибають горныя цѣпи съ юга и сѣвера по глубокой впадинѣ Эль-Бекаа, представляющей такую же, какъ Іорданская, плодородную долину. Къ востоку отъ нея въ плоской низинѣ, куда въ мелкія озера стекаетъ нѣсколько питаемыхъ снѣгами Гермона и Антиливана рѣкъ, среди зеленѣющихъ пастбищъ лежитъ Дамаскъ, центральный узелъ караванныхъ дорогъ, которыя пересѣкають Сирійскую пустыню. Накаленная лѣтомъ и холодная зимой, эта пустыня примыкаетъ къ Сиріи и Палестинѣ на всемъ восточномъ протяженіи, представляя какъ бы преддверіе Аравіи.

Вся страна отъ вершинъ Синая и до залива Искандерунъ лежитъ въ великой области бездождія Старога Свѣта, и если бы не голубая скатерть Средиземнаго моря, съ которой солнце испаряетъ воду, еслибы не высокіе гребни и вершины горъ, вздымающіеся на 3000 м. высоты, отбѣняющая глубокою лазурь неба ярко бѣлѣющими пятнами своихъ зимнихъ снѣговъ, то Палестина и Сирія были бы такъ же пустыни и бесплодны, какъ равнины и горы Аравіи. Прежде человѣкъ собиралъ и копилъ эту воду, пуская ея живительную струю въ виноградники и на поля, но съ тѣхъ поръ, какъ историческія бури, пронесившіяся столько разъ надъ странюю, частью разогнали, частью истребили древнее трудолюбивое населеніе, замѣнивъ его новыми пришельцами, покорно склонившими выю подъ турецкое иго, страна запустѣла, покрылась развалинами, а оросительные каналы вѣтеръ засыпалъ пескомъ, а дожди затянули иломъ. Бѣдные деревушки и города сохранили свои искаженныя арабскимъ діалектомъ всемірно извѣстныя названія, но жители ихъ перемѣнились, и путешественникъ тщетно будетъ искать въ обликѣ и нравахъ этихъ бѣдняковъ знакомыя ему по Библии черты жизни. Въмѣсто филистимлянъ, амалекитянъ и потомковъ разсѣявшихся по свѣту двѣнадцати колѣнъ онъ встрѣчаетъ въ городахъ разнообразное населеніе, раздѣленное вѣроисповѣданіями и національностями на отдѣльныя, несливающіяся и нерѣдко враждебныя другъ другу группы. Всего на пространствѣ 282.000 кв. к. Сиріи и Палестины живетъ около 2 миллионъ жителей, между тѣмъ какъ въ древности въ одной Палестинѣ ихъ насчитывали въ цвѣтуція времена до 4 миллионъ. Въ Сиріи всего сильнѣе населено побережье, особенно въ сосѣдствѣ Бейрута, меньше жителей въ долинѣ Оронта, близь верховья котораго среди безмолвнаго величія пустыни возвышаются царственные развалины Баальбека. За Антиливаномъ, гдѣ растекающіяся по низинѣ рѣки оплодотворяють почву, разстилается полоса густонаселенныхъ, оживленныхъ оазисовъ, среди которыхъ лежатъ обрамленные зеленой каймой своихъ пышныхъ садовъ Алеппо, Хома и Дамаскъ, все города, которые торгуютъ съ Месопотаміей и Аравіей въ одну сторону, съ берегомъ моря въ другую, и черезъ которые проходятъ на Мекку караваны паломниковъ-торгашей. Арабы, евреи и сирійцы, греки, армяне, турки и европейцы встрѣчаются повсюду. За исключеніемъ

Армянскій архіепіскопъ въ полномъ облаченіи.

европейцевъ всѣ эти народности, какъ бы ни велика была ихъ рознь изъ-за различій въ вѣрѣ, языкѣ и происхожденіи, живутъ въ условіяхъ восточнаго быта: одежда, жилища, пища, домашній бытъ, житейскія и религіозныя суевѣрія, приемы земледѣлія, ремесла и торговли сходны повсюду, такъ какъ они сложились въ мѣняющемся калейдоскопѣ смѣшивавшихся народностей, для которыхъ Дамаскъ былъ и остался громаднѣмъ базаромъ, а Іерусалимъ—святымъ мѣстомъ поклоненія. вмѣстѣ съ семитическими чертами въ фізіономіи жителей преобладаютъ семитическіе, именно арабскіе обычаи и нравы, такъ какъ арабская культура всего долѣе и сильнѣе вліяла на страну.

Нѣсколько своеобразнѣе городского и сельскаго населенія Сиріи горные жители Ливана—марониты, а также друзы, которые населяютъ теперь склоны Хаурана. Марониты, численность которыхъ принимаютъ въ 200.000 ч., исповѣдуютъ особое христіанство, которое сложилось здѣсь въ свою форму еще въ V ст. по Р. Хр. благодаря дѣятельности Іоанна Маро. Вѣроятно, не вѣра, а племенная обособленность вызвала, какъ у маронитовъ, такъ и у друзовъ крѣпкую привязанность къ своему вѣроисповѣданію. Марониты земледѣльцы и живутъ среди своихъ полей по уединеннымъ склонамъ Ливана въ селеніяхъ, лѣпящихся къ скаламъ, какъ гнѣзда ласточекъ. Скотъ и шелковичное дерево доставляютъ имъ достатокъ, а вызываемое единствомъ вѣры сплоченное сопротивление туркамъ обезпечиваетъ ихъ до извѣстной степени отъ поборовъ пашей. Ихъ патріархъ, который утверждается въ Римѣ, живетъ въ монастырѣ Канобинъ и поставляетъ епископовъ для маронитскихъ общинъ Алеппо, Дамаска и другихъ городовъ.

Сосѣдями маронитовъ были долгое время друзы, земледѣльцы и скотоводы, легко бросавшіе это занятіе для набѣговъ и грабежа сосѣдей. Они, подобно маронитамъ, которыхъ глубоко ненавидятъ, объединены особой вѣрой. Ихъ вѣроисповѣданіе представляетъ вѣрнѣе всего исламъ, въ который вплелись не вытѣсненные имъ христіанскіе и древнеперсидскіе обряды и суевѣрія. Число друзовъ, вѣроятно, не превосходитъ 100,000, при этомъ они распадаются еще на племена, взаимная вражда которыхъ позволяетъ туркамъ держать строптивыхъ друзовъ въ покорности. Въ 1860 г. вражда между друзами и маронитами перешла въ открытую борьбу, въ которой марониты сильно пострадали отъ своихъ болѣе воинственныхъ сосѣдей. При усмиреніи волненія друзы бѣжали передъ турецкими войсками въ Хауранъ, гдѣ и живутъ теперь, недружелюбно встрѣчая всякаго чужеземнаго посѣтителя.

Обитатели Палестины представляютъ такую же смѣсь, какъ жители Сиріи, только ихъ гораздо меньше. Побережье Палестины заселено слабѣе сирійскаго, и большинство городковъ и деревень располагается не у моря, а на горбѣ, протянувшемся между моремъ и впадиной Іордана. Долина Іордана, которая была такъ густо населена въ древности, теперь малолюдна, такъ какъ поселенія располагаются дальше отъ рѣки. Населеніе Палестины составляютъ теперь арабы частью осѣдлые, частью кочевые, меньшая часть которыхъ христіане, а большая магометане. Кромѣ нихъ тамъ живутъ евреи, турки, греки, армяне и европейцы. Всего разнообразнѣе населеніе Іерусалима, святыни котораго представители разныхъ культовъ подѣлили между собою не безъ дѣятельнаго участія турецкаго правительства, вмѣшательство котораго было вызвано неоднократными безпорядками у храма Гроба Господня. Въ настоящее время восточную часть священнаго города занимаютъ разные мусульмане, христіане избрали своимъ кварталомъ сѣверо-восточную часть, евреи живутъ въ западномъ кварталѣ, а юговосточный занимаютъ армяне. Желѣзная дорога, соединившая Іерусалимъ съ гаванью Яффою, облегчила теперь для богомольцевъ путь въ Іерусалимъ, гдѣ представители каждой религіи находятъ себѣ пріютъ въ многочисленныхъ учрежденіяхъ, многія изъ которыхъ устроены по европейски. Наибольшее скопленіе богомольцевъ изъ разныхъ странъ свѣта, а также мѣстныхъ христіанъ-арабовъ наблюдается въ недѣлю Страстей, когда храмъ Гроба Господня и вся часть города кругомъ его залита толпой паломниковъ. Особенно большое стеченіе народа вызываетъ чудо возженія свя-

ценнаго огня, при которомъ религиозное настроеніе достигаетъ своего высшаго напряженія. Лепта богомольцевъ кормитъ осѣдлое населеніе Іерусалима, достигающее 45.000 душъ,

Дѣвушки изъ Виелеема.

и поддерживаетъ многочисленные храмы, монастыри и другія учрежденія. Многіе совершаютъ странствіе къ Іордану, посѣщая по пути Виелеемъ, Назаретъ и другія мѣстечки, представляющія въ настоящее время грязныя и бѣдныя арабскія деревушки.

Малая Азія.

Малая Азія, большой полуостровъ, выступающій, подобно рукѣ, протянутой для пожатія, изъ туловища Азіи по направленію къ Европѣ, заключаетъ въ настоящее время довольно значительное населеніе, именно свыше 14 милліоновъ. Два пролива, Босфоръ и Дарданеллы, такіе узкіе, что голосъ человѣка, стоящаго на азіатскомъ берегу, слышенъ въ Европѣ, не раздѣляютъ, а скорѣе соединяютъ здѣсь Азію съ Европой. Весь полуостровъ пересѣченъ горными хребтами, выражающими расположеніемъ своихъ грядъ борьбу двухъ направленной складчатости—юго-западнаго, которому рѣзче всего слѣдуютъ Тавръ и Антитавръ, и сѣверо-западнаго, которому слѣдуютъ складки Понтійскихъ горъ. Результатомъ борьбы подземныхъ силъ, послѣдовательно коробившихъ поверхность земли на пространствѣ Малой Азіи въ этихъ направленіяхъ, является современная фізіономія всего полуострова. Середина его представляетъ слабо вдавленную плоскость, плоскогоріе, которое лежитъ на высотѣ 700—1000 м. надъ уровнемъ моря и ограничено со всѣхъ сторонъ горными хребтами, послѣдовательно понижающимися къ морямъ Черному на сѣверѣ и Средиземному на югѣ. Это плоскогоріе вполнѣ замкнуто, такъ что внутреннія рѣки текутъ къ серединѣ его, кончаясь во многихъ, лишенныхъ стока и потому сильно соленыхъ, озерахъ. Пустынно-степная мѣстность эта съ суровымъ материковымъ климатомъ принимаетъ въ сѣверо-западной части характеръ солончаковой и даже соляной пустыни. За валами окружающихъ плоскогоріе высотъ лежатъ на западѣ прелестныя долины съ мягкимъ климатомъ и плодородной почвой, раздѣленные, какъ кулисами, тѣми хребтами, которые направляются на западъ, слагая извилистые берега полуострова, противолежащіе архипелагу Эгейскаго моря. По долинамъ струятся многочисленныя рѣки и рѣчки, оживляющія пейзажъ мѣстности, которую еще древніе переселенцы изъ Греціи усѣяли своими колоніями. На сѣверѣ ядро полуострова окаймляютъ дуги Понтійскихъ горъ, сквозь ущелья которыхъ прокладываютъ себѣ извилистую дорогу къ Черному морю многочисленныя рѣки этой суровой и обильно орошенной области полуострова. Сѣверо-восточную часть его заполняютъ безчисленные хребты армянскаго нагорья, бывшаго долгое время ареной чудовищныхъ изліяній расплавленныхъ массъ. Атмосферныя воды избородили остывшую глыбу гигантскаго и давно остывшаго натека, выдолбивъ ущелья и долины для рѣкъ, но вулканическія силы до сихъ поръ еще ведутъ съ ними борьбу въ лицѣ своихъ многочисленныхъ вулкановъ, среди которыхъ выше всѣхъ подымается увѣнчанный вѣчнымъ снѣгомъ Араратъ. Здѣсь пролегаетъ водораздѣлъ четырехъ морей—Чернаго, Средиземнаго, Персидскаго залива и Каспійскаго моря, и все же скученность горныхъ хребтовъ такова, что остается еще мѣсто для котловинъ озеръ Вана и Урумїи, которыя собираютъ въ себя воды сосѣднихъ склоновъ, не удѣляя изъ нихъ ничего сосѣднимъ морямъ. Черные утесы застывшихъ вулканическихъ потоковъ, красноватая скалы, яркая лазурь соленыхъ озеръ и безоблачнаго неба, наконецъ сверкающіе снѣга высокыхъ горъ и зелень склоновъ образуютъ такое сочетаніе холодныхъ и теплыхъ тоновъ, которое придаетъ природѣ высокой Арменіи необыкновенно своеобразный характеръ. Палящій зной лѣтомъ, рѣзкій холодъ и глубокіе снѣга зимой представляютъ поразительные контрасты, напоминающіе путешественнику, что онъ стоитъ здѣсь на рубежѣ знойно-сухой Азіятской области бездождя.

Положеніе между Европой и Азіей, извилистые берега съ разверзающимися къ нимъ долинами, моря, охватывающія полуостровъ кругомъ, мягкій климатъ побережій—все способствовало тому, чтобы полуостровъ заселился и принялъ культурный видъ, начиная съ глубокой древности. Но судьба населявшихъ его народовъ была различна. Тѣ, которые заняли лучшія мѣста, испытали рядъ завоеваній и нашествій, въ ряду которыхъ послѣднимъ и самымъ гибельнымъ было нашествіе турокъ-османовъ, подъ властью которыхъ полуостровъ

пришелъ въ такой упадокъ, какого не испытывалъ никогда прежде. Какая часть древняго населенія, племена и народы котораго, явившіеся на защиту Иліона, перечисляетъ Гомеръ, уцѣлѣла до сего дня, вливъ долю своей крови въ жилы современныхъ жителей,—трудно сказать, потому что все теперь приняло турецкую внѣшность. Однако самая эта внѣшность — архитектура домовъ, ихъ внутреннее убранство, одежда, пища и нравы отнюдь не чисто турецкіе. Все это смѣсь разнообразныхъ вліяній, которыя слились окончательно въ новый укладъ жизни подъ господствомъ послѣднихъ завоевателей полуострова — турокъ. Вслѣдствіе смѣшенія съ коренными обитателями страны — каппадокійцами, фригійцами, лидійцами, греками и другими народностями, селившимися въ Малой Азіи раньше турокъ, типъ и внѣшній обликъ этихъ послѣднихъ сильно измѣнился. Ихъ стройныя фигуры, съ правильными и благородными чертами лица, на которомъ сияютъ большіе, спокойно и смѣло глядящіе глаза, напоминаютъ скорѣе грековъ и черкесовъ, чѣмъ кочевниковъ, явившихся сюда отъ подножій Алтая и Саяна. Духовныя способности мѣстнаго населенія сложились изъ смѣшенія турецкихъ чертъ характера съ тѣми, какими отличались древніе жители: къ выносливости, неприхотливости и мужеству пастушескаго населенія и къ культурности городского присоединились турецкая неуклюжесть, честность и флегматическій, но тѣмъ не менѣе острый юморъ. Старинная восточная поговорка говоритъ: арабъ благороденъ, персъ — нѣженъ, а турокъ неуклюжъ. Но эта неуклюжесть не мѣшаетъ малоазійскимъ туркамъ неумоимо и добросовѣстно, хотя и неумѣло обрабатывать поля, разводить маслину, шелковицу и макъ, изъ котораго добывается неизбѣжный для восточнаго человѣка опиумъ. Это отуреченное населеніе занимаетъ окаймляющее полуостровъ побережье и всю западную и южную половину его. Мѣстами среди него расселились черкесы — выходцы съ нашего Кавказа, — крымскіе татары; въ одномъ мѣстѣ уцѣлѣли даже потомки запорожцевъ, которые „поддались“ турецкому султану послѣ того, какъ была упразднена Сѣчь и ея вольности.

Въ тѣхъ частяхъ Малой Азіи, гдѣ поднимаются труднодоступныя и неплодородныя горныя страны, древнее населеніе уцѣлѣло и сохранилось въ большей чистотѣ. Къ такимъ народностямъ принадлежатъ курды и армяне.

Женщина изъ племени друзовъ.

Курды.

Курды,—гордый пастушескій народъ, многіе роды котораго расселились на большомъ пространствѣ и живутъ въ Персіи, далеко отъ предѣловъ Малой Азіи, причисляются къ арійцамъ. Названіе ихъ „курдь“ по турецки значить волкъ и произошло, вѣроятно, благодаря склонности ихъ къ хищническимъ набѣгамъ, можетъ быть, не безъ участія названія „кардухи“, какъ называетъ Ксенофонтъ народъ, черезъ горную страну котораго остатки десяти-тысячнаго корпуса грековъ пробивали себѣ дорогу къ Черному морю. Курды кочуютъ въ предѣлахъ Азіатской Турціи, Персіи и русскаго Закавказья, не стѣсняясь политическими

Курдскій ханъ.

границами и плохо подчиняясь властямъ земли, которую топчутъ ихъ стада. Они не занимаютъ опредѣленной сплошной территоріи, а раскидываются среди другихъ обитателей, — армянъ, турокъ и персіянъ, угрожая имъ всѣмъ своимъ неприятнымъ сосѣдствомъ. Однако большая часть ихъ кочуетъ по турецкимъ владѣніямъ въ верховьяхъ Тигра и Ефрата, въ мѣстности, которая называется поэтому Курдистанъ. Народъ этотъ во всякомъ случаѣ смѣшанный. Тѣлесные признаки выдѣляютъ ихъ изъ среды сосѣдей, такъ какъ при высокомъ ростѣ и стройномъ тѣлосложеніи они поражаютъ свѣтлымъ цвѣтомъ своихъ волосъ и глазъ, напоминая скорѣе какой-нибудь сѣверный народъ, а не южный. Среди нихъ наблюдаются двѣ группы: одни, „асирета“, чистые кочевники, сохранившіе свою воинственность и хищническія наклонности, представляютъ физически могучее, хотя нѣсколько неуклюже скроенное племя, съ грубыми чертами лица и свирѣпо-неподвижнымъ взоромъ глубоко лежащихъ глазъ. Другіе, „гураны“, занимаются земледѣліемъ, насе-

ляютъ южный Курдистанъ и отличаются отъ своихъ соплеменниковъ какъ нарѣчіемъ, такъ и болѣе облагороженнымъ типомъ. Что касается характера ихъ, то „курдь,—говорятъ турки,—похожъ на дикую козу: кто хочетъ его доить, принужденъ скакать за нимъ съ камня на камень, а такъ какъ подданные падишаха не способны на это, то курды всегда уходятъ отъ нихъ недоенными и нестриженными“. Еще недавно старшины ихъ, подобно средневѣковымъ баронамъ Европы, сидѣли по своимъ замкамъ, висѣвшимъ, точно гнѣзда ласточекъ, на недоступныхъ кручахъ, и вылетали оттуда на дороги грабить проходящіе караваны. Подвиги этихъ „рыцарей“ описывались въ занимательныхъ романахъ, среди которыхъ сказаніе о знаменитомъ рыцарѣ разбойникѣ Керъ-оглу играло такую же роль, какъ похождения Амадиса Гальскаго въ Европѣ.

Одежда курда необыкновенно живописна и разнообразна, смотря по мѣстности. Одни носятъ высокіе войлочные колпаки желтаго или другого яркаго цвѣта, съ живописно свѣшивающейся длинной бахромой, скрывающей тюрбанъ или чалму; другіе ограничиваются одной чалмой. Длинный кафтанъ „антари“ полосатаго или яркаго цвѣта, чаще однако коричневыи или бурый, препоясанъ кожанымъ широкимъ поясомъ съ сіяющими бляхами и другими металлическими украшеніями; подъ исподъ кафтана надѣвають тѣсную рубаху, а поверхъ его короткую, расшитую куртку безрукавку и плащъ. Турецкаго, вѣрнѣе малоазійскаго покроя штаны всунуты въ узорчатые поножи, а ноги обуты въ кожаные туфли съ ремнями или въ высокіе кожаные сапоги. Костюмъ этотъ разнообразится смотря по тому,

гдѣ живутъ курды: въ Персіи онъ смахиваетъ на персидскій, въ сосѣдствѣ Месопотаміи сказывается арабское вліяніе. Но не живописный покроемъ, не яркія краски и затѣйливые узоры привлекаютъ первое вниманіе наблюдателя при встрѣчѣ съ курдомъ; взоръ его прежде всего притягиваетъ къ себѣ ужасный арсеналъ смертоубійственнаго оружія, — кинжалы, пистолеты и разные ножи затѣйливой формы, со множествомъ украшеній и насѣчекъ, кривая сабля, длинная кремневка, замѣняемая теперь самымъ усовершенствованнымъ скорострѣльнымъ ружьемъ, и, наконецъ, длинная пика, подъ остриемъ которой живописно развѣвается пучекъ конскихъ волосъ.

Сохранивъ вмѣстѣ съ кочевымъ бытомъ родовое устройство, курды цѣпко держатся за прежніе обычаи и до сихъ поръ не обнаруживаютъ охоты перейти къ осѣдлому образу жизни. Родовые князья пользуются у нихъ

большимъ почтеніемъ, которое поддерживается разорительнымъ обычаемъ гостепримства. Въ подвижномъ шатрѣ такого „князя“ — хана или бека, всегда можно застать толпу гостей, проводящихъ время за кофе и кальяномъ въ ожиданіи болѣе существеннаго угощенія. Почтенные старцы занимаютъ лучшія мѣста, молодежь прислуживаетъ имъ, не осмѣливаясь присѣсть въ ихъ присутствіи. Входящій, если онъ молодежь, кланяясь, цѣлуетъ старшимъ руки. Поборы, добыча и подарки, которые попадаютъ въ руки бека, не остаются въ домѣ, такъ какъ угощеніе посѣтителей, подчасъ довольно безцеремонныхъ, принуждаетъ его держать открытый столъ, иными словами, рѣзать по нѣскольку барановъ въ день и расходо-

Курды разбойники.

ваться на рисъ къ плову, на табакъ и кофе. Родовитость имѣеть у курдовъ меньшее значеніе, чѣмъ личныя качества и богатство. Въ силу этого племя разбивается какъ бы на словія, послѣднимъ звеномъ котораго является бѣднякъ-блюдолизъ или батракъ и пастухъ чужихъ стадъ.

Обычной пищей въ шатрѣ богатаго курда является „куфда“, рубленое и скатанное съ лукомъ мясо, которое ѣдятъ съ рисомъ и съ приправой молока и перца; баранина, овечій сыръ и кислое молоко дополняютъ списокъ блюдъ. Неприхотливые курды потребляютъ эту снѣдь изъ большихъ мѣдныхъ чашъ, которыя пирующая компанія ставитъ посреди прикурнувшаго на землѣ кружка сотрапезниковъ, каждый изъ которыхъ запускаетъ туда руку, выискивая лакомые куски. Остатки поступаютъ въ распоряженіе менѣе знатныхъ гостей, а что осталось послѣ нихъ съѣдаетъ челядь. Гость, кто бы онъ ни былъ, встрѣчаетъ обычный радушный приѣмъ и надѣляется при отъѣздѣ подаркомъ, являющимся не столько знакомъ великодушія хозяина, сколько рассчитаннымъ средствомъ получить болѣе цѣнный обратный даръ, который окупилъ бы угощеніе и другія траты.

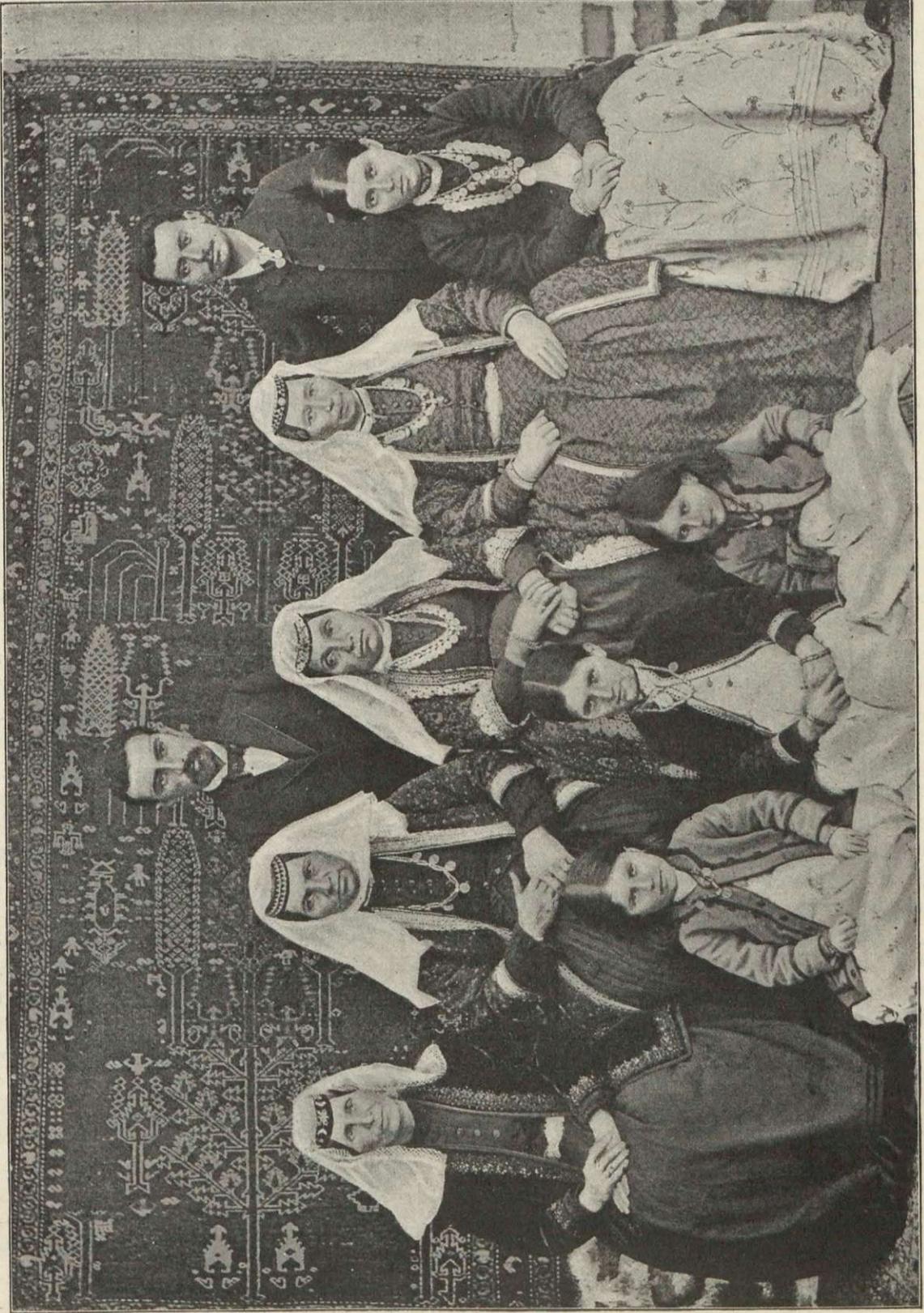
Женщины у курдовъ вѣчныя работницы, на которыхъ навалены всѣ работы и труды по дому. Онѣ стряпаютъ, пасутъ, доятъ, стригутъ скотъ, ткуть сукно, кроятъ и шьютъ одежду, пользуясь за всю эту полезную дѣятельность снисходительнымъ пренебреженіемъ владыки дома. Только богачи имѣютъ по нѣскольку женъ, и только у нихъ женщины завѣшиваютъ лицо, у простыхъ и у бѣдняковъ женщины ходятъ открыто, и такъ какъ жена въ домѣ одна, за нее заплачены деньги, и у нея есть родичи, то и положеніе ея здѣсь болѣе сносное.

Ссоры изъ-за пастбищъ и разные старинные счеты между племенами и родами вызываютъ частыя распри и волненія среди курдовъ. При подвижности своего образа жизни, при жадности и хищности своей природы, курды раньше всѣхъ ввязываются во всякія движенія, которыми такъ богата жизнь разныхъ народностей, имѣющихъ несчастіе прозябать подъ скипетромъ турецкаго султана. Особенно печальную извѣстность снискали они себѣ участіемъ въ рѣзнѣ и избіеніи армянъ.

Армяне.

Другой значительный и древній народъ, издавна обитавшій въ Малой Азіи, это армяне. Общую численность ихъ, считая и тѣхъ, которые, подобно евреямъ, разсѣяны по всѣмъ странамъ свѣта, опредѣляютъ въ 2,7—3 милліона. Главная масса ихъ живетъ въ предѣлахъ трехъ государствъ—Россіи, Турціи и Персіи, именно въ срединѣ (въ окрестностяхъ г. Кейсари, древней Кесаріи) и въ сѣверо-восточной части Малой Азіи, кругомъ Арарата и озера Ванъ. Въ Турціи ихъ насчитываютъ до 1,2—1,4 милліона, въ Россіи около милліона. Этотъ народъ испыталъ судьбу Польши. Нѣкогда большое и сильное армянское царство пало, но сознаніе народнаго единства сохранилось, такъ что въ настоящее время мы присутствуемъ при попыткахъ армянскихъ патріотовъ объединить народъ и возстановить прежнюю Арменію.

Кто такіе армяне, и какъ они попали въ свою страну—достоверно неизвѣстно. По языку и по типу ихъ считаютъ арійцами и полагаютъ, какъ на то указываетъ и Геродотъ, что они выселились съ Балканскаго полуострова, именно изъ Фракіи, притомъ очень давно, такъ что успѣли смѣшаться со многими сосѣдними народами. Армяне народъ средняго роста и ниже сосѣднихъ имъ обитателей нашего Закавказья. Пропорціональное туловище, широкое въ плечахъ и тазу, несетъ умѣренной величины короткую и широкую голову. Въ чертахъ лица бросается въ глаза прямой, широкій лобъ и большой, длинный носъ съ выпуклой и широкой спинкой, иногда горбатый или

Армяне.

орлиный; ротъ небольшой, но губы часто толстыя, вывороченныя. Широко прорѣзанные глаза, окаймленные длинными рѣсницами и густыми бровями, чаще всего темно-каріе, рѣже чернаго, а еще рѣже голубого цвѣта. Волосы тоже темные, черные или темно-русые, прямые или слегка волнистые и, кромѣ головы, густо покрываютъ все тѣло. Борода и усы вырастаютъ у армянъ очень рано и бываютъ густые. Кожа у армянъ свѣтлая, но въ зрѣломъ возрастѣ, особенно на лицѣ, она какъ-то бурѣетъ и принимаетъ красноватый оттѣнокъ. Довольно стройные въ юности, армяне обнаруживаютъ замѣтную склонность къ полнотѣ.

На своей родинѣ армяне представляютъ мирный и трудолюбивый, богато одаренный умственно, но погрязающій въ невѣжествѣ народъ, главнымъ занятіемъ котораго является земледѣліе. Они населяютъ многочисленные деревни и селенія, въ которыхъ глинобитныя хижины съ плоскими кровлями, подобно саклямъ горскихъ ауловъ, лѣпятся по склонамъ горъ, окруженныя полями и пастбищами. Домашній бытъ армянскихъ крестьянъ поражаетъ бѣдностью и не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что выдѣляло бы ихъ среди остального земледѣльческаго населенія Малой Азіи. Ихъ простая одежда не блещетъ украшеніями, не поражаетъ причудливымъ покроемъ; домашняя утварь, орудія и внутреннее убранство домовъ указываетъ на бѣдность, въ которую погружена масса этого даровитаго и нѣкогда славнаго народа.

Въ одеждѣ мужчинъ единственною оригинальною особенностью являются высокія мѣховыя шапки или чернаго цвѣта чалмы и темные кафтаны. Женщины армянки въ одеждѣ и украшеніяхъ не отличаются отъ турецкихъ и, подобно имъ, нерѣдко завѣшиваютъ лицо покрываломъ, по турецки „яшмакъ“, розоваго или голубого цвѣта. По характеру армяне умѣренный, трезвый и скромный народъ, съ мягкими манерами и сдержаннымъ вѣжливымъ обращеніемъ. Племенная солидарность сильно развита въ средѣ армянъ, такъ же какъ и родственныя чувства, крѣпкія узы которыхъ чувствуются въ каждой семьѣ. Оттого армянскія семьи очень многочисленны и состоятъ изъ многихъ поколѣній. Нерѣдко одна семья, живущая вмѣстѣ въ одномъ домѣ, насчитываетъ до 40—50 членовъ: сѣдовласый патриархъ глава, четыре-пять женатыхъ сыновей въ возрастѣ 50—60 лѣтъ, тридцатилѣтніе внуки и цѣлая гурьба правнуковъ живутъ, обладая и пользуясь общимъ имуществомъ. Женщины у бѣдныхъ армянъ не носятъ покрывала и пользуются уваженіемъ въ семьѣ, несмотря на то, что въ средѣ простого народа, также какъ у балканскихъ славянъ, жена, согласно древнему обычаю, долгое время играетъ въ домѣ по внѣшности подчиненную роль, не осмѣливаясь обратиться съ рѣчью къ мужу даже въ присутствіи близкихъ родныхъ, и стараясь возможно рѣже показываться на улицѣ.

Значительная часть армянъ, вслѣдствіе жестокихъ притѣсненій, уже въ давнія времена покинула родину, устроившись въ разныхъ странахъ Азіи и Европы. Не смѣя богатѣть на родинѣ, эти армяне тѣмъ съ большимъ рвеніемъ предаются тамъ коммерческимъ операціямъ въ качествѣ купцовъ, банкировъ, ростовщиковъ и предпринимателей, снискавъ себѣ единодушную антипатію другихъ народностей. Но тотъ, кто составилъ себѣ представленіе объ армянскомъ народѣ по немногимъ представителямъ его подобнаго типа, нерѣдко утратившимъ всякое чувство народности, жестоко ошибся бы, еслибы рѣшился перенести свое сужденіе на весь армянскій народъ. Въ громадной своей массѣ армяне даровитый и симпатичный, но глубоко несчастный народъ. Положеніе ихъ подъ властью падишаха, въ средѣ, можетъ быть, и не злого, но дикаго и распущеннаго населенія, состоящаго изъ курдовъ и турокъ, стало въ послѣднее время совершенно невыносимымъ и почти безвыходнымъ, такъ какъ ни одна нація Европы не достаиваетъ протянуть имъ руку помощи и защитить невинно избиваемое племя. Армянамъ всегда жилось плохо, но особенно ужаснымъ стало положеніе этого народа послѣ русско-турецкой войны 1878—79 г. Правительство Абдуль-Гамида, вообразивъ, будто армяне питаютъ тайныя симпатіи къ христіанской Россіи, — чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, — и опасаясь, что, въ случаѣ новаго столкновенія,

армянское население Малой Азии окажетъ дѣятельную поддержку гяурамъ, поставило своею цѣлью или отуречить или истребить армянъ. Оно приступило къ осуществленію своей задачи съ беспощадной неразборчивостью средствъ, какое характеризуетъ всякую, основанную на голомъ произволѣ власть. Прежде всего оно изъ опасенія вооруженнаго возстанія отобрало у армянъ оружіе и запретило имъ имѣть его подъ угрозой жестокихъ наказаній. Безпрерывные наѣзды и обыски турецкой полиціи, сопровождавшіеся жестокимъ грабежемъ и самыми безсовѣстными наѣтами съ цѣлью выжать деньги, скоро доказали напуганнымъ армянамъ, что запрещеніе это не пустая игра. Обезоруживъ и запугавъ армянъ, Высокая Порта озаботилась созданіемъ на мѣстѣ такой силы, наличность которой являлась бы постоянной угрозой малѣйшей строптивости; она создала изъ курдовъ и турокъ полицейско-жандармскую кавалерію, называющуюся „хамидіе“. Послѣ этого уже ничего не стоило объявить армянъ фактически внѣ закона, крѣпко закрыть глаза на дѣйствія судей, куда поступали жалобы несчастныхъ жертвъ, и принимать всевозможныя лицемѣрныя мѣры, чтобы вопли обираемаго и избиваемаго народа возможно рѣже и слабѣе доносились до цивилизованнаго уха Европы. Картины, которыя набросали корреспонденты англійскихъ и американскихъ газетъ, проникшихъ съ опасностью для жизни въ глубь Арменіи, подтвержденныя рядомъ самыхъ доказательныхъ документовъ и свидѣтельствами другихъ, проживающихъ на мѣстѣ европейцевъ, именно миссіонеровъ, дали такое обиліе неподдающихся воображенію ужасовъ, передъ которыми блѣднѣютъ подвиги средневѣковой инквизиціи.

Въ этой жестокой и беспощадной травлѣ курды играютъ наименѣе подлую роль. Они не питаютъ ненависти къ армянамъ, но презираютъ ихъ, и, разъ законъ и мечъ его намѣренно бездѣйствуютъ, то почему бы сильному не воспользоваться имуществомъ и работой слабого. И вотъ курды отнимаютъ у армянъ скотъ и хлѣбъ, заставляютъ ихъ пасти и кормить свои стада, выгоняютъ ихъ изъ жилищъ, когда они требуютъ имъ, безвозмездно харчатся и веселятся въ домахъ зажиточныхъ армянъ, прибѣгая къ пистолету и кинжалу лишь въ случаяхъ сопротивленія. „Армяне не могутъ сопротивляться намъ“, рассказываетъ одинъ курдь, „у нихъ нѣтъ оружія, и имъ хорошо извѣстно, что убей они нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ, другіе курды явятся и отомстятъ. Когда же мы убиваемъ ихъ, никто не возмущается этимъ. Турки ненавидятъ ихъ, мы же не питаемъ къ нимъ ненависти. Намъ нужны только деньги и добыча, а нѣкоторые курды хотятъ также захватить ихъ земли, турки же жаждутъ крови ихъ“. На вопросъ, много ли онъ убилъ на своемъ вѣку армянъ, тотъ же курдь отвѣтилъ: „однажды волку сказали: расскажи намъ что-нибудь объ овцѣ, которую ты растерзалъ? А онъ отвѣтилъ: я съѣлъ тысячи овецъ, о какой изъ нихъ вы говорите? То же самое можно сказать о моихъ дѣлахъ“.

Армянинъ, потерпѣвшій отъ магометанъ, не имѣетъ никакихъ средствъ добиться правосудія и не потому, чтобы судьи были безпечны и бездѣятельны, а потому что они сознательно стремятся къ этому. Армянамъ отказываютъ въ какихъ бы то ни было формахъ правосудія, и обыкновенно уже одно то, что армянинъ осмѣливается обращаться къ суду въ качествѣ жалобщика противъ курда или турка служитъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы жалобщикъ превратился въ отвѣтчика и преступника, въ качествѣ какового попадаетъ въ самую гнусную тюрьму, а такою является именно турецкая тюрьма, гдѣ онъ терпитъ униженія, мученія и пытки, пока смерть или выкупъ не являются его освободителемъ. Не довольствуясь всѣми этими мѣрами, милосердное правительство падишаха устраиваетъ время отъ времени грандіозные погромы и избіенія, при которыхъ дѣти, женщины, мужчины и старики гибнутъ сотнями въ ужасныхъ мученіяхъ, клубы дымящихся пожарищъ обозначаютъ мѣста деревень, и толпы обезумѣвшихъ бѣглецовъ погибаютъ отъ холода и голода въ горныхъ ущельяхъ.

Въ прошеніи, поданномъ „гуманному и благородному королю Англій“ триста шестью наиболѣе видными представителями Кнусскаго округа, армяне писали: „Мы торжественно

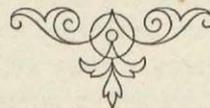
увѣряемъ Васъ, что рѣзня, бывшая въ Сасунѣ, составляетъ только каплю въ томъ океанѣ армянской крови, которая постепенно и безмолвно проливается во всей имперіи послѣ русско-турецкой войны. Годъ за годомъ, мѣсяць за мѣсяцемъ, день за днемъ невинныхъ людей, не исключая женщинъ и дѣтей, застрѣливаютъ, закалываютъ и убиваютъ въ ихъ домахъ и на поляхъ, пытаются варварскими способами въ грязныхъ тюрьмахъ или обрекаютъ на гибель въ изгнаніи подъ палящимъ солнцемъ Аравіи. Въ то время, какъ разыгрывалась эта длинная и страшная трагедія, не раздалось ни одного голоса во имя милосердія, и не протянулась ни одна рука, чтобы помочь намъ. Эта трагедія продолжается до сихъ поръ, но теперь она вступила уже въ свою заключительную фазу, и армянскій народъ находится при послѣднемъ издыханіи. Неужели европейское сочувствіе должно выразиться только въ формѣ креста на нашихъ могилахъ?»

Подъ гнетомъ турецкихъ насилій армяне, какъ народъ, никнуть долу. Часть принимаетъ исламъ и отуречивается, другіе гибнутъ на мѣстѣ, третьимъ удается бѣжать. Затерянные въ глухой гористой странѣ, вдали отъ „сильныхъ міра“, безъ средствъ, безъ оружія, лишенные даже сочувствія ближайшихъ сосѣдей, армяне пытаются наконецъ сопротивляться. Горсть народа, цвѣтъ его, поднялъ оружіе на притѣснителя.

Н. Березинъ.

Конецъ перваго тома.

ТОВАРИЩЕСТВО
„ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЪЗА“

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Болш. Подъяч. 39 006 А.

Ю. К.
21.9
5.12

ИЗДАНІЯ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“.

С.-Петербургъ, Большая Подъячская, 39, с. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА БОЛЬШОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

„НАРОДЫ ЗЕМЛИ“

Въ 3 томахъ (40 выпусковъ).

Подъ редакцію **А. Острогорскаго**,

ДИРЕКТОРА ТЕНИШЕВСКАГО УЧИЛИЩА.

Въ изданіи будетъ помѣщено до 1000 рисунковъ

Цѣна 15 р., въ перепл. 20 р. — Ц. отдѣльнаго выпуска 50 к.

Условія подписки: при заказѣ вносится 2 р., на слѣдующіе (со 2-го по 14) выпуски наложенный платежъ по 1 р. и стоимость пересылки выпусковъ. Остальные выпуски бесплатно, при чемъ 20, 30 и 40 выпуски съ наложеннымъ платежомъ, равнымъ стоимости пересылки.

15 АПР 1944

2011147047